

ФАНТАСТИКА

**ОСОБЫЙ
КОНТРОЛЬ**

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ

Сборник фантастики

РОМАН, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Москва
«Молодая гвардия»
1992

ББК84Р7-4
О-75

Составитель
О. О. Ткаченко

О-75   **Особый контроль: Роман, повести, рассказы. Сб. фантастики/ Сост. О. О. Ткаченко:— М.; Мол. гвардия, 1992.— 504с.**

ISBN 5-235-02003-0

В книгу вошли фантастические произведения участников ялтинского семинара 1991 года Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов.

О 4702010201
078/02/ - 92   Без объявл.

ББК84Р7-4

На первой и четвертой страницах обложки работы художника Памелы Ли (США) "На другой планете", "Поиск".

Литературно-художественное издание

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ

Сборник фантастики

Роман, повести, рассказы

Составитель

Ткаченко Ольга Олеговна

Редакторы: О.А.Островская, Ю.В.Пшеничный. Художник Л.А.Колосов. Технический редактор В.С.Зрелая. Корректор А.И.Давиденко.

ИБ № 7632

Сдано в набор 26.08.91. Подписано в печать 20.12.91. Формат 84х108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,46. Усл. кр.-отт. 26,46. Уч.-изд. л. 31,12. Тираж 50 000 экз. Заказ № 239. Цена договорная.

Издательство "Молодая гвардия", 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21
ВТО МПФ при ИПО ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия" г.Тирасполь
Областная книжная типография, 320091, Днепропетровск, ул.Горького, 20.

ISBN 5-235-02003-0

© Ткаченко О. О., составитель, 1992
© Колосов Л. А., оформление, 1992

Ялтинский семинар 1991 года
Всесоюзного творческого объединения
молодых писателей-фантастов:

АНДРЕЕВ СЕРГЕЙ

(г.Днепропетровск)

БУЛЫГА СЕРГЕЙ

(г.Минск)

ГОЛОВАЧЕВ ВАСИЛИЙ

(г.Днепропетровск)

ИВАНИЧЕНКО ЮРИЙ

(г.Симферополь)

КУЗМЕНКО СЕРГЕЙ

(г.Ленинград)

СЛАВИНСКИЙ НИКОЛАЙ

(г.Київ)

ТЕСЛЕНКО АЛЕКСАНДР

(г.Київ)

Сергей
АНДРЕЕВ

КОСМОС ДУШ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

В космосе душ человеческих —
Ни адреса, ни телефона.
Космос душ человеческих
Солнечною короной
Увенчан, как высший разум
Трепетной ноосферы.
И скорченная гримаса
Луны, и отблеск Венеры
Без космоса душ человеческих
Лишь слепая изнанка,
Только вызов младенческий
Созвездиям зодиака...
А в духовной галактике —
Загадочные орбиты,
Где тупятся в буднях фантастики
Лезвия метеоритов,
Где скрыты в безднах пространства
Сгустки цивилизаций,
Где время в вечной прострации,
Где начинает казаться
Прошлое наше — удушьем.
В нем легко и с восторгом
Лезли кому-то в душу.
В нем “всерьез и надолго”
Брали власть над душою.
Что там церкви и храмы,
Коль под внешнее шоу
Души гнили в спецхранах!
В космос душ человеческих
Прорывались пиратски,
И вели их до млечности

Федоров и Вернадский,
Хоть во мгле бездорожья
Часто был обречен
Дерзкий путь... Ведь не может
Черный цвет стать лучом.
Но жила ожиданьем
Ноосфера всегда:
Для всего мироздания,
Как живая вода.
Как священная вежа,
За которой, увы,
Только снег из-под снега
Виден вместо травы.
И случайной кометой
В вечность не заглянуть...
Люди, ставшие светом,
Озарите мне путь!

Сергей
БУЛЫГА

ДИКЕНЦ

Было это прошлым царствованием. Я по грамотной части служил, а если точнее, так вел доступную газету “Биржин Глас” — на курительной бумаге, в два полуразворота, три деньги за номер, а всего тиражу пятьсот штук. Читали нас извозчики, маркеры, белошвейки, отставные солдаты, вдовы, бывшие купцы... ну и цензор, конечно. Был надо мною поставлен Ив Ступыч Рвачев, человек несусветного мужества, бывший морской интендант.

Но к делу! Работа была скучная, печатали по большей части дрянь — про пожары, про кражи, поминки. И, опять же со скуки, на читательские письма отвечали: кому сон разгадаем, кого научим борщ варить, кого печатным словом с именинами поздравим. Я и рад бы чего-нибудь такое заковыристое выдать, да где взять? Денег в редакции мало, бескормица, репортеров нанять не могу. А посему что где на улице услышу — то и в номер. Устал, избегался.

И вот сижу я как-то в кабинете и смотрю в окно. Помню, черная кошка на крышу соседнего дома залезла. Эх, думаю, возьму чернильницу да брошу — авось попаду! И только я, значит...

Стучат!

— Войдите, — говорю.

Входит рыжий блондин. Цилиндр, баки, пелерина, тросточка. И виской от него разит. Представляется:

— Дикенц.

— Чего изволите? — интересуюсь.

А он:

— Я Дикенц!

Как потом оказалось, Карп Дикенц. Но я тогда его еще не знал и говорю:

— Простите, не имею чести, — и хмурюсь надменно. Немало их тут всяких ходит!

А он подает мне бумаги и важно гласит:

— Сие рекомендательные письма. Извольте ознакомиться.

Я взял, просмотрел. Бумаги иноземного наречия. Наречий я не знаю. Как быть? Пока что осторожно говорю:

— Весьма изрядно. Ну, а к нам вас чего привело?

— Желание сотрудничать.

И тут же сел без спросу, закурил вонючую сигару, в чернильницу пепел стряхнул. Я терплю. Думаю: квартального всегда позвать не поздно. Говорю:

— Быть может, матерьял имеете?

— Имею, — отвечает. И подает бумаги. Нашего наречия. Читаю...

Мать честная! Нынче утром бранд-поручика Истошкина в ресторации “Шафе” арестовали. Он третий день подряд всех вчистую обыгрывал, вот местный шулер и не выдержал, донес. Пришли, обыскали — и точно! В рукаве нашли подменный шар. А как взялись этот шар пилить, так он, слоновья кость, начал кричать, стал пощады просить! Вызвали лейб-медика, тот сделал трепанацию... и вытащил из шара человеческий мозг! На допросе поручик признался — это он свою любовницу Марфену в шар запрятал, дабы она ему подыгрывать могла. Он на ней потом жениться обещал, и дура-баба согласилась...

Я прочитал, головой покачал. Говорю:

— Сомневаюсь. Рвачев не одобрит. Мы люди подневольные, под цензором. И, опять же, печатное слово. Нельзя!

Дикенц встал и отвечает:

— Ваше право. Но вот на всякий случай вам моя визитка.

Оставил на столе лощеную бумажку и ушел. Я глянул. На бумажке: “Карп Дикенц, репортер. Обжорный переулок, дом повитухи Девиной, шестой этаж, под крышей”.

Ну ладно, думаю, под крышей так под крышей. Взял новое перо и написал статью по то, как рыжики солить. Сдал в типографию, сходил в трактир, лег спать.

Не спалось! И не зря — на завтра все газеты про Истошкина писали и имели на этом завидный успех, а у меня полтиража разносчики обратно принесли. Истошкина сослали на галеры, а я... визитку взял и к Дикенцу подался.

Он и действительно под самой крышей жил. Вхожу, а он лежит на кушетке в подштанниках, а на полу валяются бутылки с виской и без виски. На подоконнике мухи, в углу табуретка с закуской, а он сигару курит и пасьянс раскладывает. Увидел меня, ухмыльнулся.

— Садитесь, — приглашает.

Я сел. В другой бы раз я сатисфакции потребовал — страсть не люблю, когда меня в исподнем принимают, — а нынче молчу.

А Дикенц:

— Виски не желаете?

— Нет-нет, я на службе.

— Прискорбно.

— Согласен. Ну а вы согласны у меня работать?

Молчит. Глаза у него желтые, холодные. Ну, думаю, сейчас отбреет! Нет, говорит:

— Согласен. Двадцать пять процентов с оборота! Идет?

Я руками развел:

— Да где взять оборот?

А он:

— Это уже мои заботы. Вот новый матерьял! — и подает листок.

Я читаю. Так, так... Из-за моря вороны летят, невозможная стая. Будут в городе все яркое, блестящее хватать, так что не худо бы и приготовиться к нашествию.

Прочитал я, молчу. Дикенц курит, желтым глазом не моргая смотрит. Эх, думаю, рискну!

И по рукам ударили.

Назавтра мои верные читатели все яркое, блестящее припрятали. Вороны в полдень налетели. И было их так много, что небо потемнело. Налетели, все, что плохо лежало, схватили — и дальше полетели. Стонут, негодуют горожане... Но не все! Я, к примеру, довольный сижу. Ибо следующий номер на две тыщи экземпляров распечатал и знаю — остатка не будет: Дикенц новые новости дал.

И с тех пор мы зажили как в сказке! Дикенц матерьялы носит, я их в типографию сдаю, станки печатные стучат, разносчики на улице кричат — ибо им прохожие проходу не дают, “Биржин Глас” так и рвут. Богатеем! Снял я себе новую просторную квартиру, в ресторациях обедаю, на тройке в редакцию езжу, а вечерами раздаю визиты. И куда ни приеду, везде меня ждут, везде шампанское подносят, везде с дочерьми знакомят:

— Ах, ах! Да вы садитесь, отдыхайте. На вас же лица не осталось. Дася, душечка, где ты? Открой клавикорды, сыграй нам что-нибудь занятное.

И вот сижу я, чай шампанским запиваю, на Дасины голые плечи смотрю и вздыхаю. Нечисто! Откуда Дикенц новости берет? Ведь целыми днями лежит на кушетке в подштаниках, сигары курит, виску хлещет. Курьеры и те удивляются: “Ловок ваш Дикенц!” — смеются. Им-то что, они знай себе скалятся, их дело сторона. А что, если нужные люди за дело возьмутся? Что, если выяснят, что Дикенц с иноземными шпионами схлестнулся? Будут мне тогда новости, будут! Будут мне и тиражи — тысяч на пять шпицрутенгов. Ох, лучше не думать. Спаси нас, св.Кипятон!

Вот так вот, бывало, сижу на визите, молчу. Ко мне и с вопросами, ко мне и за советами, а то и альбом подадут — мол, черкните на память. Черкну, откланяюсь, отбуду.

И дома не сладко. Запрусь в кабинете, сижу за столом без свечей и молчу. Кухарка под дверь подойдет, поскребется и шепчет:

— Кузнечик, я жду!

— Молчи, дура! — кричу.

Уйдет и ляжет одинокая, ревет всю ночь. Вот мне б ее заботы! Тут не до нежностей, а думаешь, как голову сносить. Подведет меня Дикенц под петлю, как пить дать подведет!

Однажды не выдержал и решил объясниться. Одедся поплотше, чтобы быть неприметным, и пошел в Обжорный переулок в дом повитухи Девинной, шестой этаж под крышей. И это меня тоже удивило. За наши нынешние деньги мог бы Дикенц на достойную квартиру переехать. Или неужели иноземные шпионы у него все деньги подчистую отнимают?

Захожу. Он лежит на кушетке в подштанниках, курит. Увидел меня, ухмыльнулся.

— Желаете виски? — спросил.

— Нет, — говорю, — она вредная. И вообще, я вами недоволен. Зачем вы столько виски потребляете?

Он даже растерялся. Молчит, моргает, после говорит:

— П-по малодушию.

— Истинно так! — восклицаю. — Но этого мало! Вы почему по городу не ходите и новостей не собираете? Это что, тоже малодушие?

Вот тут-то он обиделся. Прищурил желтый глаз, сопит и цедит сквозь зубы:

— Вам что, мои статьи не нравятся? Так я могу...

И тут я, каюсь, оробел. Отвечаю:

— Нет, что вы! Просто глупые слухи пошли. Вы, мол, никуда не кажетесь, а новости имеете. Словно шпион.

Дикенц вскочил, засмеялся. Ходит по комнате, курит. Потом говорит:

— Понимаю ваши опасения. Но и вы меня поймите. Открыться, где я добываю новости, я не могу. Секрет. Но чтобы вы не беспокоились, скажу: ни с какими иноземными шпионами я даже не знаком. И более того: клянусь...

— Нет-нет! — перебиваю. — Мне вашего слова довольно.

— Тогда прошу вас, больше без вопросов. Желаете виски?

Жалко мне его стало, решил поддержать. Говорю:

— Плесните на три пальца, не более.

Выпили. Он загрустил, говорит:

— Я и другое понимаю. Вы ж непременно подумали: чего это Дикенц при таких его доходах по-прежнему под крышей проживает. Не так ли?

— Положим.

— Ну вот, — Дикенц себе еще налил. — Я же человек пропа-

щий. Мне ничего уже не нужно, ну разве что сигара да виска. А деньги я в банке держу. Мне еще пять тыщ собрать осталось, и я тогда большой сиротский дом открою, хороших воспитателей найму. Пускай детишек грамоте научат, геометрии и политесам. Вдруг из них кто-нибудь в Дикенцы выйдет, но только в непьющие.

Сказал и едва не заплакал. Ну, думаю, хватит. Встаю. Он вежливо мне:

— Заходите почаще.

А я:

— Непременно! — и в двери.

Тут он всполошился:

— А матерьял? Вот сейчас, вот сейчас, — и стал искать по подоконнику, среди пасьянса. Перебирал бумажки, выбирал, чуть нашел.

Я взял статейку и, не читая, поскорей раскланялся и в двери. Из переулка выбрался, сел на извозчика и заспешил в редакцию.

Ну а там — все вверх дном. Метранпажи, корректоры бегают, кричат:

— Где новости?

— Сейчас, — говорю, — не горим.

... Я и поныне не пойму, отчего это я им сразу статью не отдал. Видно, печенью чуял. Зашел в кабинет, прочитал... отложил. Снова взял... отложил. Нужная статья, полезная, однако... Нет!

Взял, написал передовицу, как веснушки изводить, и отправил в набор. Застучали машины. А я...

Третий раз статью перечитал... и вдруг понял — крамола! От Дикенц, от прохвост! Хотя он и впрямь не сошпионами, так хуже того! Дикенц — внутренний враг, заговорщик! Хожу по кабинету, думаю... Да что тут думать, тут нужно спешить! Вызвал тройку и погнал напрямиком в министерство тайных дел. Доложил-ся. Впустили.

Вхожу в суровый кабинет, подаю злосчастную статью. Мне кивнули, я сел. Весь дрожу. Заступился б, св.Кипятон!

Офицер тайных дел статью четыре раза прочитал, на просвет посмотрел, на нюх, на зуб проверил... и плечами пожал.

А я ему:

— Вы между строк читайте!

Он прочел между строк. Брови свел. Шпорами звякнул. Я вздрогнул. А он:

— Изложите!

Я стал излагать. В статье что написано? Мол, государь, несвежего за ужином откушав, всю ночь не спал, расстройством мучался и только под утро забылся, а посему желательно весь день по главному проспекту не петать и не плясать, дабы сон монарха не нарушить. Так?

— Так, — офицер отвечает. — И очень похвально. Ваш Дикенц весьма верноподданный малый. Мы ему табакерку пожалуем.

— Воля ваша, — говорю, — только он сигары курит. Но не в этом суть, а в том, что Дикенц отдал мне эту статью шесть часов тому назад. Откуда он мог знать, что государю к ужину несвежее дадут?!

Офицер подскочил, а я дальше:

— Тут заговор! Надо пресечь! А не то поднесут винегрет с мышьяком...

Офицер побелел, разговорную трубку хватает, кричит:

— Эй, Амфисыч, дворец!

Соединили со дворцом. Офицер доложил тайным смыслом. Ответили. Сел. Хрипло говорит:

— Опоздали. Уже началось, — и ворот кителя дрожащую рукою расстегнул.

Молчим. В тишине я совсем испугался и стал объяснять:

— Наша ведомость утром выходит, а матерьял готовим с вечера. Утром бы люди прочли — все в порядке...

Офицер отмахнулся, спросил:

— Где живет злоумышленник? Адрес?!

Я назвал. Он в разговорную трубку его передал, улыбнулся.

— Сейчас привезут, — говорит. — Ну а тебе, пока мы будем разговаривать, придется подождать.

И... увели меня в подвал, на четвертый подземный этаж.

Три недели меня там селедкой кормили, воды не давали и еще многое творили, но о том рассказывать нельзя — давал подписку о молчании. А еще двенадцать раз бывал на очной ставке. Нас с Дикенцом посадят в разные углы, привяжут к лавкам и сыпят перекрестные вопросы. И до того запутают, что забываешь, кто ты есть на самом деле, и потому что ни спросят, кричишь как дурак:

— Так точно! Воля ваша! Винюсь! Пощадите!

А Дикенц желтым глазом щурится и говорит:

— Я с ним согласен. Все было так, как он сказал.

А что я говорил? Ничего, только путал со страху. На четвертую неделю офицер не выдержал и говорит:

— Уведите этого ...! — и на меня указал.

Я и рад. Увели. И еще три недели прошло. Не тревожили. Вдруг вызывают. Вхожу. У офицера в петлице новый алый банный лист красуется; должно быть, наградили. Улыбается и говорит:

— Раскололи злодея. Оказался шулером высокого полета. Он в карты играл?

— Нет, — говорю, — он все больше пасьянсы раскладывал.

— Ну так слушай!

Офицер достал допросный лист и стал читать:

— Я, Карп Дикенц, урожденный от отца и матери, ранее законом не судимый и в боях за государя не ранимый, с малых лет имел пристрастие к сигарам, виске, а особливо к картам и вкупе с ними к высшей математике, статистический раздел. Презревая полезную службу на благо Отечества, я денно и нощно предавался вышеназванным порокам, в результате чего, после многолетних изысканий, ухитрился измыслить превредный пасьянс, который, сочетаясь с высшей математикой, дал мне возможность угадывать судьбы людей на три дня вперед...”

Тут я не выдержал, воскликнул:

— Так вот откуда он, шельма, мне новости брал!

А офицер нахмурился и говорит:

— Он не шельма, а весьма полезный человек. Вот только...

— Что?!

Он снова читает:

“Секрет зловредного пасьянса мною нигде не записан, а всецело содержался в голове. Однако после... — тут офицер закашлялся, три строчки пропустил, читает: — я его начисто забыл”.

Я говорю:

— А если Дикенц врет?

— Нет, — говорит офицер, — проверяли. Лейб-медиком пытались, убедились. — Встал и вдруг закричал: — Поди прочь, щелкопер! Кабы ты лучше старался, я б сейчас в генералах ходил!

Я и выскочил прочь.

Пришел в редакцию — а там уже цирюльня. Там зубы рвут и кровь пускают.

— Нет, — говорят, — таких газет не знаем. Мы вообще печатных слов не чтим. Иди прочь!

Пришел к себе домой... а у кухарки на кухне квартальный сидит!

— А, — говорит, — поднадзорный! Иди-ка сюда!

Не пошел, а убежал. Так и мыкался с места на место. Нигде долго не держали. Говорили:

— Политический! — и тут же расчет.

И таким вот обидным манером дошел я до самой крайней жизни. Господам, что на извозчиках катаются, желал приятных appetitов и пред ними двери в ресторанах открывал. Двенадцать лет! А на тринадцатый...

— Э, старый знакомый! — кричат. И за щеку треплют.

Я глянул... и обмер! Карп Дикенц! Цилиндр, баки, пелерина, тросточка. Сам рыжий, а баки седые.

— Откуда? — говорю.

— Оттуда, — отвечает. — Два месяца, как отвалился, — и хмыкнул. — Зайдем?

— Что вы, что вы, не смею!

Но он меня за шиворот — и заволок.

Сели за центральный стол. Он поесть заказал. Половой:

— А что будете пить? Может, виску?

— Нет, — отвечает Дикенц, — только чай.

Сидим, едим, пьем чай. И Дикенц говорит:

— Я двенадцать лет хмельного в рот не брал. Там с этим строго. И, знаешь, отвык! И тебе благодарен. Ведь кабы не твой донос, кабы не каторга, давно я б спился!

Сидим, пьем чай, молчим. Но не выдержал я, говорю:

— Ну а эти... — и шепчу: — Пасьянсы?

Дикенц нахмурился. Долго молчал, а потом говорит:

— Тут тоже как отрезало. Я, во-первых, их не помню, а во-вторых, боюсь, что вспомню. Я, брат, за колючим забором такое видал!.. — и замолчал, закрыл лицо руками.

Сидим и молчим. Я двенадцать лет как следует не ел, а вот теперь, хоть стол от разносолов ломится, в тарелки не смотрю и жду, что он еще скажет.

А он улыбнулся, сверкнул желтым глазом и дальше:

— Ничего, приспособился. Я теперь детские сказки пишу — оно безопасно и прибыльно. Вот еще семь тысяч накоплю и опять сиротский дом построю, хороших воспитателей найму. Пусть детишек грамоте научат, геометрии и философии. Вдруг из них кто-нибудь в Дикенцы выйдет, но только в смелые! Я ж человек пропащий, трус благонадежный.

И замолчал, задумался. А после встрепенулся, весь засиял и говорит:

— Но не всегда я такой! Вот, сочинил намерении сказочку, послушай...

— Нет, — говорю, — премного благодарен. Не гневайтесь, но мне пора, — вскочил и выбежал за дверь.

Иду по улице и думаю: чур, чур меня! Опять во грех ввести желаете?!

МАНЕФА

У одного почтенного хозяина коза была, Манефа. Коза как коза, я даже про нее рассказывать не буду, ибо всем козы нравы известны. Содержали ее в нужной строгости, и ничего преступного коза себе не позволяла. Но естество, оно, как его ни страшай, на волю вырвется. Так что ничего в том удивительного нет, что однажды возвращается манефин хозяин домой... и вдруг видит: зашла коза в огород и объедает капусту, которую он собирался вырастить, а после заквасить и скушать. Возгневился хозяин на

вредную животину и учал ее драть смертным боем с оттяжкой. Манефа орала, орала, визжала, визжала... а после вдруг вскричала человеческим голосом:

— М-мужик! Твоя баня сгорит!

Тут бы надо ее промеж рог, с пущей строгостью, а мужик оробел. В голову взял, причитает: сгорит да сгорит. И точно, накликал — полыхнула баня к вечеру. Молния с неба слетела — и вся недолга.

Сами понимаете, что после такого страшного знамения хозяин на козу руки не поднимал, а даже напротив — спешил ублажить ясновидицу. Рано утром будил, в огород загонял и все ждал, когда же коза опять заговорит и в благодарность за привольное житье чего хорошего предскажет.

Однако тщетны были сладкие надежды. Имея к капусте великую жадность, коза из огорода почитай не выходила и говорить ни о чем не желала. Разве что ближе к морозам, последний капустный листок доедая, сказала:

— Б-быть тебе битому, быть! — и вздохнула.

Плюнул хозяин с досады, сел в сани, уехал в корчму.

А назавтра привезли его соседи, подобравши битого, без шапки и без денег. Попутала хозяина нелегкая; лишнюю чарку хватил и с коновалами в драку ввязался. Ну а те, сами знаете, строгий народец.

Посмурнел возвращенец, осунулся, хмельного не пьет и к обедне не ходит. Домочадцев дурными словами клянет, а чуть что — с кулаками кидается. Но с козою — душевен. Нет капусты, так он ей рубашку скормил. Изжевала Манефа рубашку, скривилась, сказала:

— Д-держись, ногу сломишь!

Испугался хозяин, забился на печь и не слазит. Ибо знает: как слезет, так сломит. Вот и сидит как чурбан, по хозяйству работы забросил. Но худое хозяйство — ему голодать; так ведь мало того, он и на барщину не ходит!

А барин у него был строгий, боевой, секунд-майор осадной артиллерии в отставке, кавалер четырех орденов. Осерчал кавалер и прислал гайдуков. Те в дом зашли и, шапок не снимая, стали саблями лавки крушить. Взмолился хозяин, заплакал, признался в беде. Соседи подтвердили. Майор долго думал, потом приказал:

— А подать мне Манефу!

И повел рогатую на барский двор, а доброму хозяину долги его простили и даже — бывает же! — вольную дали. Ибо барин решил: что-де мне глупый мужик да долги его нищие, лучше я чудо-козу обрету!

И пошло и поехало: у барина на зиму несчетное число капусты напасено; кормится коза, круглеет, матереет. И молчит. Дол-

жно быть, от плохого воспитания. Манефа ж в мужицкой семье возросла; ни грамоты, ни политесов не умеет. Ну и ладно, думает секунд-майор, научим и заставим!

И стали над козую мудрые читать, стали ее благородным манерам учить: чтоб не чавкала, чтоб рано не вставала, без перины не ложилась. Даже к вилке и то приспособили. И, конечно, почет. Как спалось? Как жевалось? Чего пожелаете? Вот только коза есть коза — ходит мрачная, хмурая, того и гляди чего нехорошегобрякнет. Но, правда, пока что молчит.

Тогда решил майор Манефе окончательно потрафить: велел себе на лбу ветвистые рога пристроить. Расстарались любезные слуги, рога получились на славу... Только Манефе они хоть бы что, а супруга майорская — строгая женщина! — усмотрела в них грубый намек и сбежала с проезжим корнетом.

Осерчал кавалер, озверел, высек Манефу, как Сидор не сек, и согнал со двора. Отбежала Манефа подальше, разверзла уста:

— Разоришься! — кричит. — Разоришься! — и ускакала широкоим гвардейским аллюром в осеннюю тьму.

Через неделю приходит к майору лесник, говорит:

— По лесу мор пошел; всюду волки дохлые валяются, и виной тому диковинно-знакомый след.

Майор отмахнулся:

— Что мне твои волки? Теперь не до них!

Ибо не успел он от козы избавиться, как налетели на больного со всех сторон! Тут тебе и векселя, и закладные, и картежные долги. Откуда что взялось, ума не приложить. Ну, расплатился майор, остался в чем мать родила, но при гоноре... А тут вдруг новая беда: из губернии прибыли, требуют:

— Подтверждай, твоя милость, дворянство!

Майор туда, майор сюда, нашел заветную шкатулку, секретным ключиком открыл... а там вместо дедовских грамот валяется козья картечь! Майор в кресло упал и не дышит, а рядом супруга, вернувшись, рыдает, а детки малые, курносые отважного корнета вспоминают. Выпил рюмку перцовки недавний майор и подался в работники. К кому? Да к тому самому несчастному хозяину, который его говорящей козой одарил. Хозяин о ту пору трудиться не мог — вышел как-то до ветру, споткнулся и, ясное дело, нога пополам.

А коза продолжала в лесу лютовать. Первым делом волков извела, а потом за медведей взялась, а потом... на прохожих, на конных и пеших, кидаться пошла! И всех до смерти ест, и костей не найти...

И пошел про ту губернию недобрый леденящий слух. Стали ту губернию подальше объезжать, перестали в той губернии товары покупать, особенно капусту. Загоревал, заплакал тамошний народ; землепашество бросил, ремесла забыл, разбежался.

А державе такое невыгодно! Как услышал царь про беспорядки, так повелел немедля разобраться. Разобрались, доложили: так, мол, и так, всему виной злоязыкая Манефа, говорящая коза. Царь подивился, подумал, потом говорит:

— Нигде в цивилизованных пределах подобного чуда не знают. Это ж может стать гордостью нашей, такой же, как сало и квас. Так подать мне Манефу!

Ему отвечают:

— Куда там! Сия опасная скотина девятнадцать самых лучших егерей не пощадила, забодала и на роги намотала; теперь какие деньги ни сули, никто двадцатым стать не пожелает.

Царь на счетах прикинул, потом говорит:

— А послать на Манефу кавырнадцать полков гусарских, мавырнадцать полков уланских и давырнадцать же полков драгунских! И пушек побольше! И взять непременно живой!

Боевые генералы с домочадцами простились, всем солдатам выдали по рюмке красной царской водки — и выступило войско на смертельный лютый бой.

... Через три месяца немногие вернулись, но — с победою. Притащили Манефу в чугунных цепях. Как по городу шли, так народ под манефиным взором ложился — да так, что их немалое число и по сей день не поднялось. А как вышли на площадь — царицу едва удержали: рвалась в монастырь. Да и сам государь босоноегое детство припомнил...

А вот зато ученые мужи, что всегда при державном дворе подвизаются, те тотчас же конь... коньсильюм назначили. Порывались козу досмотреть и ее чудесные умения научно объяснить потомству в наизидание.

Но не явилась коза на коньсильюм; рванула — и лопнули цепи, как нитки. Рыкнула — обмер от страха народ. А она:

— Проведите к царю! Пр-р-проведите!

Провели, убоявшись разора.

Коза в царский терем вступила, залезла с ногами на трон и глаголет:

— Дотоле буду добрая и тихая, доколе буду счастлива. Но если хоть что не по-моему выйдет, я такие несчастья накличу, что триста лет потом не расхлебаете! — и замолчала, сомкнула уста.

Царь — это вам не майор, у него власть бескрайняя. Стали Манефу цветною капустой кормить, стали в манефину честь ассамблеи давать и из пушек палить... Недовольна коза! Тогда учили ясновидицу в хвалебных одах возвеличивать, стали козий профиль на монетах и в печатях выбивать. Всюду только и слышно: Манефа, Манефа...

А соседский король под шумок то один, то другой городишко отхватит! А после, глядишь, и свои мужички рассупонились;

оброки не платят и шапки перед царскими указами не думают ломать.

— Нам Манефа того не велит, — говорят и смеются.

На них, бунтовщиков, гусаров бы, уланов напустить, да нельзя! Что, если войско разбредется по губерниям и там, порядок наводя, задержится, а вредная коза немедленный парад затребует? Нет, тут хочешь не хочешь — терпи. Опечалился царь, облысел. Да только снявши голову, по волосам не плачут...

А он и не плакал, а в тронную залу пришел, бухнулся в ноги и чуть не запел:

— Матушка-свет, ясновидица! Радость ты наша! Кончилось твое прозябание в нашем нищем государствишке! Нынче тебя царь морской к себе в гости зовет, руку и сердце тебе предлагает! Будешь ты на острове Буяне проживать, будешь морскою капустою ластиться!

Задумалась коза, три дня не отвечала. Потом соизволила:

— Ладно!

Тотчас Манефе кораблик подали, коврами его, лентами убрали, бойких матросов в команду набрали. Правда, уши всем матросам наиглавнейшею державною печатью запечатали — это, мол, чтобы их манефины пророческие речи аж до самого Буяна не смутили.

И вот отчалила Манефа, в сине море удалилась. Просветлели людишки, держава свободно вздохнула. Все ждут, когда матросики вернутся и расскажут, где и как они Манефу утопили — был такой тайный указ.

Да вот не вернулся кораблик! И стало всем боязно: что, если Манефа коварство раскрыла, корабль утопила, а сама как ни в чем не бывало и впрямь у морского царя прижилась?..

И пошло с тех пор мореходство на убыль, и мы от прочих грамотных народов в этом ремесле и поотстали. После догнали, конечно, ибо стали про Манефу помаленьку забывать.

Вот только боязно — а ну как совсем забудем?

КОННЫЙ ПЕШЕМУ ТОВАРИЩ

Был такой беглый солдат — Балазей. Нигде он гнезда не вил, а ходил по державе, народ веселил и сам над народом смеялся. Он на дуде играл — где на свадьбе, а где на поминках — и тем кормился. Он вообще на мир смотрел просто и ни во что не верил. Потому что, говорил, всякая вера хоть чего, хоть самую малость от человека, но требует. А раз Балазей ничего не имел, то и веровать ему было нельзя — отдавать-то нечего! Было у него, правда, ружьецо, но ружьецо дареное, от самого царя.

А дело вот как было. Будто вроде он, Балазей, словно как бы раньше с самим царем дружбу водил, а потом они рассорились — заморскую принцессу не поделили. Принцесса, она, как и всякая баба, никак выбор сделать не могла: и царь богат, и Балазей орел, и царь простак, и Балазей умен — кого тут предпочесть? Тогда они, как настоящие товарищи, принцессу на кон поставили, в картишки схлестнулись. Царь хоть и выиграл, да передернул — бубнового короля из колоды вытащил. Короли, они всегда царям приятели, так что все вроде бы и справедливо. Но Балазей обиделся, кричит:

— Стой! Положь!

Схватились, разодрали короля напополам. И это чистая правда: Балазей любому, кто желал, свою половину той карты показывал.

— Вот, — говорил, — это моя. А другую половинку у царя спросите.

Верили на слово.

Но и это не все. Царь больше играть не желает, хватает принцессу в охапку. А Балазей, осерчав, за ружье! Оно там на стене висело. Царь, увидев такое дело, сразу в крик:

— Ладно, бери, меняемся!

Балазей посмотрел, посмотрел... А и действительно, красивое ружье! Дуло черненное, курок золоченый, приклад из деревянной душистой породы и весь в рисуночках. А легкое, а емкое! И, как потом оказалось, центрального боя с алмазными кремнями. Принцесса же — сухая, конопатая, гундосит не по-нашему. Царь ее, кстати, и сам на третий год восвосяси отправил. То ли дело ружье! С таким ружьем... Оно — не знаю, поверит ли кто, — на тридцать верст стреляло и без промаха.

Так что закинул Балазей дареное ружье за левое плечо и ушел со службы, от царя, от бывшего товарища. И двадцать... ну, десять лет это ружьецо каждый вечер его без единой осечки кормило. Сядет, расскажет, поверят — накормят. А не поверят — так вскочит, оскалится, клацнет курком.

— Геть! Геть! — кричит.

Хлипкие разбегутся, смелые останутся. И — пошла потеха! Чего он только не выделял! Палил куда попало, и все с великой пользой: сундукам замки сшибал, мухам крылья обрубал, всем желающим больные зубы выстреливал без лишнего кровопролития. И за это умельца до отвала кормили и ло упаду поили. Вот какой он был веселый человек!

Но как-то однажды забрел он в такую деревеньку, где не то что царское ружьишко — дуда горластая и та никого не возрадовала. Уж очень дрянное попало селение: никто там не родился, никто не помирал, никто свадьбу не гулял. Пусто на улице, скука. Идет Балазей, брови хмурит, вздыхает. Вот, думает, осень

настал, и руки дрожат, и курки заедает, дуда не поет. Поежился бывший солдат, шапку снял, на небо посмотрел, по сторонам. И видит...

Какой-то валацуга, непотребный оборванец, у забора стоит, на поросенка смотрит. И то сказать: забавный поросенок — молодой, а сала как у старого. Способный, значит. Тут надо бы его хватать и убегать, а оборванец смотрит. Должно быть, очумел от голода. Эх, думает бывший солдат, пропадет человек! Подошел он к нему, по сторонам покосился и шепчет:

— Ну, чего смотришь? Дерзай!

— Как дерзать?

— А хотя бы вот так! — Балазей поросенка за нежное ухо берет и от земли отрывает.

Поросенок от подобной лихости речи лишился, молчит. Валацуга говорит:

— Зачем ты его так?

— Как зачем? Откушаем. Айда за мной! — и побежал солдат рысцой к околице.

Валацуга его догоняет, срамит:

— Брось поросенка! Нечестно, несправедно это! — и за рубаху хватается, вот-вот разорвет...

Остановился Балазей, презрительно на валацугу глянул и только отвечать...

Как поросенок осмелел и поднял дикий ор. На ор враз по всему селению калитки закричали, людишки показались — кто с топором, кто с вилами. Ведь до чего безобразный народ! Когда Балазей на дуде убивался, так ни один с печки не слез, зато презренный поросенок визг всех на ноги поднял!

Но это мы сейчас пространно рассуждаем, а тогда Балазею не до разговоров было: жизнь или смерть решались. Так что схватил он трофей — и бежать. Валацуга за ним.

Ушли без потерь. Забежали в ближний лес, развели костер, поросенка порезали, сели ужинать...

Нет, на самом деле все куда труднее было. Забежали они, отдышались, Балазей из-за голенища штык достал... А валацуга его за руку хватается, кричит:

— Не позволю! Он краденый!

Тут хотел Балазей... Нет, не стал. Вместе ж крали! Штык опустил и говорит:

— Какой же он краденый? Он купленный!

— Как это купленный? Когда?

— А по дороге. Я им дуду, они мне поросенка. Справедливо?

Посмотрел валацуга, и точно: нет дуды. Балазей ее, видать, дорогой обронил. Ну вот, а я сказал, что без потерь ушли. Хорошая была дуда — в ней парабор на восемь дыр и пищик индюшинный...

А валацуга:

— Что дуда! Может, им поросенок нужнее.

— Э! — говорит Балазей. — Плохо ты о людях думаешь. Народ всегда к веселью тянется. А это что? Свинья она и есть свинья! — и жажнул штыком в поросячье сердце.

И вот сидят они, едят... Нет, валацуга не ест, только слюни глотает. Он терпит. Блаженный! Бывший солдат на него посмотрел, подмигнул, облизнулся, потом говорит:

— Думаешь, я от рождения такой кровожадный? Отнюдь. Я в юные годы столь ласковый был, что меня в сарафан обряжали. Потом... настали взрослые года, забрили мой высокий лоб; служить отправили. Там каждый день, бывало, еще солнце не взошло, уже кричат: "Подымись! Становись! Глаза направо! Не дышать!" Ну и не дышим. До обеда. Потом болтухи перехватим и начинаем ружейный артикул...

И замолчал Балазей, опечалился. Грустно, досадно, обидно ему! Все годы его горькие, все шомполами битые, голодные, холодные, злые, бродячие — тьфу!

А еще валацуга прибавил:

— Да, житие наше прискорбно; живем как трава. Чуть повыше поднялся, так сразу скосили.

— А что делать? — вздохнул Балазей.

— Улететь, — валацуга ответил. — В чистом небе просторно, привольно, там солнышко греет, тепло.

— М-да, — еще горше вздохнул Балазей, — там тепло. И кабы я умел летать, так ... — и задумался: а и действительно, что он тогда бы делал и куда бы полетел?

А валацуга как бы между прочим говорит:

— Человек всю жизнь летает, только многие того не замечают.

Усмехнулся бывалый солдат:

— Это, что ли, во сне?

— Нет, зачем же во сне! — валацуга смеется. — Мы и сейчас с тобой не просто так сидим, а по небу летим.

— Как летим?

— Очень просто. Ведь мы не сами по себе, а на земле сидим, а земля, как известно, вокруг солнца летает. Понятно?

— Так точно! — отвечает Балазей и ухмыляется.

И в самом деле, что тут понимать? У валацуги ум за разум заскочил. Вот это находка, вот это удача! Похлеще царского ружья! Приосанился бывший солдат, говорит:

— Пора бы нам и познакомиться. Как тебя, юноша, звать-величать?

— Миколойкой.

— Во-во, Миколой. А меня — Балазей. Так куда мы собрались?

— В Архаровск.

— Пошли!

И пошли. И на каждом ночлеге — успех. За миколайкины байки кормили гостей и поили в три горла. Вот, скажем, придут, Миколайку блинами накормят — он мяса не ел, — а потом Балазей, собравшимся тайно моргнув, степенно спросит:

— А скажи нам, великий мудрец, откуда люди пошли?

Миколайка:

— С деревьев. Люди раньше были дикие, мохнатые, с хвостами.

Все молчат, головами кивают. Ведь сказано им: Миколайка обидчив; чуть что — замолчит. Но уж если над ним не смеялись, он, бывало, такое верзал, что представить нельзя. Только что нам Миколайкины слова, когда дела и того хлеще оказались!

А было это так. Шли они, шли и дошли до Архаровска. День был солнечный, поле вокруг, в трех верстах — городская застава. Сели друзья отдохнуть. Балазей разулся, портянки на кустах развесил. Миколайка... свою торбу развязал и стал доставать из нее деревяшки, прутики, дощечки, крючки, закорючки, обрезки холста...

— Что это? — удивился Балазей.

Молчит валацуга, сопит. Щепку к закорючке, закорючку к дощечке цепляет, тут же рядом деревяшку приспособил, холстом обернул, потянул — удержалось.

Встал Балазей, подошел, посмотрел — ничего не понятно! А Миколайка — опять же молчком — свое строение расправил, хомутами за плечи приладил, руки кверху поднял, улыбнулся и спросил:

— Узнаешь?

— Крылья, что ли?

— Они.

Стоят они, молчат, и у каждого мысли свои. А потом Балазей, головою тряхнув, говорит:

— Ну, д-давай!

Посмотрел Миколайка в небо, признался:

— Я, видишь ли, солнца боюсь. Как бы оно крылья не спалило.

— А ты пониже над землей стелись.

— Нет, я в небо хочу!

Балазей головою покачал — не жилец Миколайка, как пить дать не жилец!

А тот походил по поляне, попрыгал, испробовал крылья на крепость, а после снял их, разобрал и в торбу спрятал. Сел, на солнце посмотрел и говорит:

— Есть в Архаровске лекарь, всех лечит. И есть, говорят, у него холодильная мазь. Вот бы той мази добыть!

— А зачем?

— Крылья смажу, тогда не сгорят. Вот только мазь дорогая, а деньги где взять? — и смотрит синими глазами. Безумными, блаженными. Глянул в них Балазей... и решился. Сказал:

— Государь нам поможет! — и ружье подхватил, повертел для красоты.

А что? Ружье богатое: дуло черненное, курок золоченый, приклад деревянный душистой породы в рисунках. Миколайка руками всплеснул:

— Как же можно! Ведь это подарок!

— Молчи!

И... отвернулся валацуга, зашмыгал, захлюпал, заплакал от счастья.

К обеду в Архаровск пришли. И, минуя храмы, лавки, балаганы, — прямо к лекарю.

Лекарь душевный попался, сказал:

— Наилучшая мазь! От горячки спасает, от жару, от пару, от свары. Пятьдесят ассигнаций стакан.

Миколайка:

— А если в обмен? Например, на ружье. Сколько дашь?

И Балазей ружье с плеча снимает. Лекарь прищурился.

— Дай-ка сюда, — говорит, — посмотри.

Балазей:

— А что смотреть? Сейчас проверим! — и клацнул алмазным курком.

Лекарь в крик:

— Ты чего? Очумел?!

Балазей ему дуло к брюху приставил, спросил:

— Сколько стоит? Не слышу!

Лекарь зажмурился.

— Даром берите, не жалко.

Взяли ровно полведра и ушли, раскланявшись.

Миколайка, крылья мазью натирая, вздыхал:

— Не к добру наш разбой, не к добру!

Так и вышло. Назавтра пошли на базарную площадь, там для разбегу просторно. Но как только купцы-продавцы увидели диковину, так обступили и проходу не дают и пристают:

— Почему товар? Зачем товар? Чего так много просите?

— Не продается! — кричит Балазей. — Не хватайте! Не рвите! А кто чуда желает, валите за мной; по пятаку беру, по-божески!

Их народ обступает, шумит, но Миколайка никого не видит и не слышит. Идет себе, среди любопытных молча продирается, вот Балазей один и отбивается.

— Не лапай, — кричит. — Не замай! Это, может, заморское чудо; не трожь!

И тут как назло кто-то цап его за руку! Цепко! Обернулся Балазей, хотел нахалу по сусалам съездить... и обмяк!

И то сказать — пред ним штабс-капитан! Усы вощенные, глаза кровавые. И шепчет:

— А, беглый солдат! Балазей! Вот ты где!

Балазей побелел, отвечает:

— Обознались, вашбродь, ну ей-бо обознались!

— Ну уж нет! Все как есть! — говорит офицер. — И повесят тебя, Балазей, за измену отечеству!

А что? И запросто повесят. Он ведь мало того, что со службы сбежал, так еще и украл секретное трофейное ружье. М-да, тут верная смерть. Разве что...

Подскочил Балазей, заорал:

— Полетел! Полетел! — и пальцем в небо тычет.

Офицер поверил, глянул... А Балазей рванулся, вырвался, в толпу — и сник. Штабс-капитан, осерчав, по-военному свистнул. Солдаты — на свист, а народ — кто куда. Невозможная давка! И тут...

Как только люди в переулки схлынули, так Миколайка на просторе разбежался, крыльями — мах! мах! — и полетел.

Остолбенел народ, шапки снял. Знамение! Один говорит:

— К недороду.

Другой:

— К урожаю.

Привычное брожение умов.

А Миколайка все выше и выше летит, ничего не боится. А что? Полведра холодильного средства извел, так теперь хоть на солнце садись!

Балазей среди народа стоит, на товарища смотрит... И стыдно ему! Эх, сколько он над ним смеялся, сколько потешался! А сам кто? Дурак дураком. Вдруг он слышит:

— Стоять! Не дышать! Глаза направо!

И... словно и не было тех долгих вольных лет и словно никогда он не бродил по свету! Стоит Балазей и не дышит, направо косит. Там, справа, солдаты по небу стреляют, а штабс-капитан народу объясняет:

— Нельзя, чтобы в небо летали, запрет. Вам же только позволь, никого на земле не останется. А кто тогда будет налоги платить, государю служить? Р-разойдись!

Не уходят. Стоят и молчат.

А солдатам никак Миколайку не сбить, и он все выше, выше в небо забирается. Вот штабс-капитан и сказал:

— Сейчас мы этого злодея запросто подстрелим. Есть у нас для этого дела специально натасканный brave солдат, он за меткую пулю в фельдфебели выйдет. Эй, Балазей!

И — сам не свой Балазей! Ружьишко с плеча срывает и преданно ждет. Штабс-капитан командует:

— Ступи! Фитиль с курка! Фитиль на место! Пулю вбей! Порох на полку!

И Балазей как неживой команды справно, дельно, ловко выполняет и душистый приклад к плечу приставляет. Руки белые, пальцы дрожат, оторваться желают.

— Пали!

Закрыв глаза, повел стволом куда подальше и стрельнул!

Открыл...

Ан завертелся уже Миколайка, в летнем небе осенним листом закружился...

Тяжко охнул народ, зароптал. Балазей ружье в песок отбросил, в небо смотрит и слез не стыдится. Офицер:

— А подать ему водки! Фельдфебелю!

Все молчат. Только вдруг слышно в толпе:

— Улетит!.. Вот хотя б улетел!

А глянули — точно! Миколайка вновь крыльями машет, и хоть все ниже летит, но видно, что за город вытянет. А там за огороды, за поле, за речку...

Офицер:

— Взять! За мной! — и первым побегал.

И солдаты за ним — так, с полсотни. А Балазей... и он туда же... Выбежали в поле — там бабы жито жали — закричали:

— К-куда?!

— А туда, — говорят, — в осоку залетел.

Там возле речки болото. Камыш, осока — во такие и выше. Гиблое место, тут разве найти? Но они по-военному, цепью пошли.

Балазей — тот по краю, по берегу речки идет. Думает: вот бы неловко ступить и не выступить. Вдруг...

Миколайка! Лежит. Щеки белые, губы красные — потому как в крови, — грудь навывлет пробита. И крылья в мелкий щеп изломаны, изодраны. Тонет в болоте, моргает, молчит.

Стоит Балазей, подойти не решается. Миколайка к нему повернулся, едва улыбнулся и шепчет:

— А крылья хорошие... были. И мазь... холодит. Лепота наверху, красота — потом прислушался, спросил:

— Кто это ходит?

— Солдаты, — отвечает Балазей, а сам уже не видит ничего, все плывет у него пред глазами.

Миколайка:

— Ох, сердце горит! Не могу! Остуди меня в речке.

Балазей, глаза утерши, подошел.

— Прости, — говорит.

— За что? Я ж сам прошу, — и зажмурил глаза Миколайка.

Взял Балазей товарища за плечи, толкнул — и тот пузырями надно. Вместе с крыльями. Тихо. Стоит Балазей, в речку смотрит и думает... Нет. Вдруг он слышит — солдаты! Все ближе и ближе. У Балазея сразу слезы высохли, ум прояснился. Вскричал:

— Держи его! Держи! — и паш-шел бежать, камышом трещать!

Бежал, бежал, споткнулся и упал, чуть сам не утонул, а все кричит!..

Набежали солдаты, при них офицер, говорят:

— Что за шум?

— Улетел! Вот так вот, низенько, по-над самую речкою и улетел!

Офицер его р-раз! — по зубам.

— Врешь! — кричит. — Не было!

— Было!

Стали его сапогами топтать и прикладами бить, ну а он все равно:

— Улетел! Улетел!

Били его, не жалели, а после устали, связали и повели на скорый суд. Полеми шли — он молчал, а как вышли на площадь, опять заорал:

— Не убили его! Улетел! Он такую машину придумал! Он солнце потрогать хотел!

Хотели Балазею двадцать пять одинокого дать, но он и на суде от своего не отступился.

— Миколайка, — кричал, — не колдун! Он машину придумал, чтобы людям летать научиться! Всем, без разбору! А все оттого, что голову он не для шапки имел!

Заткнули рот. Сказали:

— И ты, Балазей, голову не для шапки, а для плахи, для топора имеешь.

И так оно и вышло, голуби мои. Тем Балазея и помянем.

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ

Роман

ГЛАВА I

Игра

В мягкой фиолетовой полутьме ее лицо словно светилось изнутри розовым светом, и необычным казался его овал в черной волне ощутимо тяжелых волос. Станным было лицо, безжизненным, одно выражение застыло на нем — безнадежность. Может быть, темнота глаз скрывала и боль ее, и слезы, но слова были резкими, твердыми и беспощадно чужими. Жестокие слова, от которых замерло движение и холодом повеяло в воздухе... И Филипп сказал почти равнодушно, чтобы прервать этот разговор, чтобы ей было легче, — он еще не понимал до конца, не хотел понимать, что она уходит, — чтобы тяжесть вины — да и была ли она виновата? — легла на двоих, сказал он:

— Хорошо, не будем больше об этом.

Аларика вздохнула облегченно, вскинула голову и снова опустила, теперь уже виноватым движением. И было в это жесте то, чего больше всего не понимал Филипп — неуверенность. Непонятный получался разговор: говорила она прямо и энергично, но неуверенными выглядели жесты, неуверенностью веяло от всей ее короткой речи.

Молчание заполнило комнату: она не знала, что делать дальше, он пытался понять, почему оказался в таком положении. Почему? Десять лет детской дружбы, десятки ссор и примирений с помощью друзей — оба упрямые и гордые, — и любовь... Любовь ли? Может, не было любви?

— Прости, — сказал он, с трудом шевеля губами. — Я, наверное, от природы инфантилен и не могу понять, что происходит. Объясни мне наконец, это что — так серьезно?

Аларика судорожно кивнула. На слова не хватало сил, а еще она боялась, что решимость ее угаснет совсем, и эта их агония любви, которую он не хочет замечать, продлится еще долго, долго...

— Я тебя всегда понимал с трудом, — продолжал Филипп, все еще на что-то надеясь. — Наверное, я слишком медленно взрослею. И все же... вот ведь парадокс — я тебе не верю!

Он подождал несколько секунд, встмариваясь в ее лицо, ставшее вдруг чужим и далеким, и рывком высвободил свое сильное тело из кресла.

— Что ж, прощай. Что еще говорят в таких случаях? Желаю удачи и счастья.

Прошагал до двери, оглянулся, ничего не увидев, и вышел. И только за сомкнувшейся дверью ощутил в груди странную сосущую пустоту, холодную, как ледяной грот, и понял, что это действительно серьезно, серьезней не бывает, и ему до боли в груди захотелось броситься назад, стать на колени и — пусть даже не видеть ее, только чувствовать рядом, ощущать ее тепло, дыхание... Но вернуться было уже невозможно, стена там выросла, толстая стена из двух слов: "Люблю другого... Люблю другого! Люблю другого!!" Когда она успела? И кто он, покоровший доселе независимый ее характер? Или это всего-навсего слова, проверка чувства?.. Нет, не может быть! Так жестоко шутить она не способна. Значит, на самом деле существует этот третий, замкнувший тривиальный треугольник! И не поможет никто. Никто! Потому что это, наверное, единственный случай, не подвластный даже аварийно-спасательной службе, когда — человек, помоги себе сам!

Кто-то прошел по коридору. Филипп открыл глаза...

Филипп открыл глаза и виновато улыбнулся, все еще пребывая во власти воспоминаний. Рядом с пультом вычислителя стоял Травицкий и смотрел на развернутый объем мыслепроектора, перебирая на груди пухленькие пальчики. Метровый куб проектора был заткан цветами и в его глубине в раствор стационарной ТФ-антенны было вписано лицо Аларики.

— Извините, — пробормотал Филипп, стирая изображение. — Задумался...

Травицкий грустно покивал.

— Я не удивляюсь. Привык. У тебя, кажется, завтра ответственный матч?

— Финал Кубка континентов, — сказал Филипп, не поднимая глаз.

Зачем я только пришел сюда сегодня, подумал он, все равно от меня толку, что от козла молока. У Травицкого и без меня забот хватает. Надо же, размечтался с эмканом на голове! Аларику нарисовал... Почему я вспомнил о ней? Согласно всем нормам психомоделистов я должен сейчас думать только об игре. Или перегорел? Нет, просто запретил себе думать об игре. А на Аларику, выходит, запрета не хватает. Слаб ты еще, Филипп Ромашин, конструктор, спортсмен и так далее...

— Иди отдыхай, — посоветовал Травицкий. — Эту конструкцию, — он кивнул на пустой объем мыслепроектора, — списываю только за счет твоего волнения. На твоём месте я слетал бы куда-нибудь один, например, в музей истории. Кстати, у меня к тебе один не совсем обычный вопрос: не замечал ли ты каких-нибудь поразивших тебя явлений?

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросил Филипп.

— Ну... что-нибудь странное, экстраординарное, выходящее за рамки обыденности, ранее не встречавшееся...

— По-моему, нет, не встречал. А может, не обращал внимания?

— Так обрати. — Травицкий кивнул, погрузившись еще больше, пожелал удачи и вышел. Маленький, круглый, грустный. Начальник конструкторского бюро, лучший специалист Института ТФ-связи.

Филипп снял с головы корону мыслеуправления, называемую в быту эмканом, постоял у пульта, размышляя о своих отношениях с людьми, которые понимали его больше, чем он сам. Начальник бюро Кирилл Травицкий... человек, вырастивший из него конструктора-функционала, никогда не высказывающий недовольства его постоянными увлечениями, капризами... волейболом, наконец. Хотя волейбол не увлечение и не каприз, это жизненно важная потребность, без которой нет смысла в слове "спорт". Как их совместить — работу в Институте, требующую постоянных занятий, и большой спорт, требующий полной самоотдачи? Как совместить несовместимое?

Проблема! — пробормотал Филипп, пряча эмкан в нишу под пультом. Что хотел сказать Кирилл? Что он подразумевал под словами "необычные явления"? Что-то конкретное или это просто очередной тест на внимательность? Странно... А я сегодня и в самом деле заторможен, не сказалось бы это на игре. Надо встряхнуться... как тогда, пять лет назад...

... Шаги смолкли. Филипп открыл глаза, сделал шаг, другой и все быстрее и быстрее пошел прочь от проклятой двери. Идти было мучительно больно, как босому по битому стеклу, но он прошел пустым коридором до таймфага медцентра Дальнего Востока, где Аларика работала врачом-универсалистом скорой помощи, мельком увидел свое отражение в зеркальной плоскости входа, подождал, пока отпустит, и — телом в дверь!

На станции задерживаться не стал. Прямая линия сообщения с Москвой была занята, и он таймфагировался на Марс, так велико оказалось желание сбежать из этого вдруг опостылевшего места! Но на второй ТФ-станции Марса Филипп задержался почти на сутки: решение было импульсивным и потому бесповоротным. Прямо со станции он ушел в горы, в один из наименее исследованных уголков Страны Огига. Боль сердца требовала

выхода, каких-нибудь отчаянных действий, и он в бешеной удали пошел вверх, на гребень уступа Огига, через дикие скалы и каменные стены, над пропастями и обрывами, ухитряясь проходить там, где спасовали бы и более опытные скалолазы, привыкшие опираться на здравый смысл. Невесомый, как тень, он переносился по едва заметным полкам и карнизам над километровыми каньонами и ущельями горной страны... И грудью о камни! пальцы в кровь! — неслышимый крик всего тела, всю мощь и ловкость, и реакцию в едином порыве — на борьбу с камнем, на борьбу с самим собой...

А на совершенно лысой макушке одной из гор Огига он вдруг упал на колени и закричал:

— Аларика-а!..

Воздух Марса, воздух, созданный предками столетие назад, отозвался гулким вздохом и долго шумел, как океанский прибой, пока не смолкло эхо... Солнце ушло за изломанную черту горизонта, и пришел смарагдовый закат... Назад Филипп спускался шесть часов...

Он очнулся, прошелся по комнате, легонько притрагиваясь пальцами к шершавым голубым стенам, гладким поверхностям аппаратуры соседних конструкторских комбайнов — сотрудники лаборатории давно закончили работу, и комбайны на время осиротели.

Память... память — единственный мостик, связывающий прошлое с настоящим и будущим. Хрупкий, нематериальный мостик, по которому можно идти только в одну сторону — от прошедшего времени. Может быть, это и необходимо? Недаром кто-то в древности говорил: "Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе". И все же иногда до смертной тоски хочется вернуться назад, со всем приобретенным опытом и умением, сделать все по-другому, иначе, лучше и правильной...

Филипп вздохнул, выключил автоматику конструкторского комплекса и обесточил аппаратуру лаборатории. Но не успел выйти из комнаты, как между ним и дверью сформировалась из воздуха полупрозрачная плоскость, похожая на жидкое стекло. Постояла секунду, подернутая рябью, и скачком превратилась в зеркало. На Филиппа смотрел он сам, оторопевший от неожиданности. Нога затекла, Филипп, опомнившись, отступил на шаг. Его отражение в зеркале послушно повторило жест.

Шутки Угловского, подумал Филипп, внезапно успокаиваясь. Леня любит розыгрыши. Это или видеопризрак КОТа*, или наведенная галлюцинация, и в том и в другом случае я ничем не рискую. Ну погоди, шутник!

---

* КОТ — копия-отвлекаватель, аппаратура динамической голографии.

Конструктор смело двинулся прямо на прямоугольник “зеркала”, пробил телом неощутимую поверхность (точно, КОТ!), но вышел не к двери, а... в противоположную сторону, к пульту! “Зеркало” странным образом повернуло его обратно! Что за чертовщина!

Филипп еще раз шагнул в зеркальную плоскость... и снова вышел в глубь комнаты! Интересный КОТ получается, с пространственными вывертами. Не на это ли намекал Травицкий?.. Но как он мог предвидеть? Или это его рук дело?.. Чепуха! Кирилл не способен шутить так по-детски...

Упрямство не являлось семейной чертой характера Филиппа, но его разобрало любопытство, и он еще раз шесть настойчиво проверял возможности “зеркала” по “выворачиванию наизнанку”. Неощутимая, гладкая на вид поверхность, не имевшая толщины — если посмотреть сбоку, невозмутимо разворачивала входящего в него на сто восемьдесят градусов. Пробовал Филипп зайти и с другой стороны — с тем же результатом, “перевертыш” действовал одинаково, как с фронта, так и с тыла. А когда Филипп собрался искать “шутника” — “зеркало” внезапно свернулось в нить, нить собралась в точку, и та исчезла.

Конструктор разочарованно потоптался на месте, потерял интерес к явлению, привел себя в порядок, собрался выходить из комнаты и вдруг что-то заставило его остановиться. Он посмотрел на окно-стену, за которым сгущались сумерки. Вечер. Часов девять, десятый... Вечер?! Филипп не верил глазам. Его наручный видео показывал, десять минут пятого, в окно только что лился послеполуденный солнечный свет! Не мог же он так увлечься игрой с “зеркалом”, что не заметил, как пролетело пять часов! В таком случае был бы неисправен видео, а он работает нормально. Что произошло?

Филипп торопливо запросил службу времени, и женский голос сообщил ему точное время: двадцать один час двенадцать минут сорок секунд.

— Чушь какая-то! — вслух сказал Филипп и подумал: если только “зеркало” не обладает свойствами замедлять течение времени. Неужели научились создавать такие КОТы?..

С этой мыслью Филипп наконец-таки выбрался из рабочей комнаты, пообещав себе разобраться с этим делом позже.

Вечером следующего дня Филипп, начисто забыв свою встречу с “зеркалом”, посадил пинасс в парке у центрального спортивного комплекса “Россия”, почти в центре Москвы. Многие мировые чемпионаты Земли и встречи команд сборных Солнечной системы игровых видов спорта проходили в залах и на площадках этого комплекса.

Филипп бегом направился по аллее к служебному входу величественного здания, узнал у автоинформатора шифр помещения, где тренировалась сборная Русских Равнин по волейболу, и через три минуты появился в просторной комнате психомассажа.

Потолок комнаты отсутствовал — такой сильной была иллюзия голубого неба, пол напоминал скользкую поверхность ледяного поля. Низкие бесформенные внешне кресла походили на кипы облаков.

Его встретили хором шуточных замечаний и упреков. Филипп быстро разделся, забрался в свободное кресло и вдруг почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы тела и участилось дыхание. Впрочем — обычная “предстартовая лихорадка”, или, как испокон веков говорили спортсмены всех рангов, “мандраж”.

— Точен, как бог времени, — похвалил его Ивар Гладышев, показывая большой палец. — Я поспорил, что ты придешь последним, и выиграл.

— Что наша жизнь — игра! — с притворной смиренностью вздохнул проигравший пари Павлов. — Опаздывает тот, кто не боится вылететь из команды. Поэтому я всегда прихожу раньше на три часа...

Они смеялись, перебрасывались шутками, Филипп тоже смеялся со всеми, что-то рассказывал, но он-то знал, видел, что за всеми этими разговорами и пикировкой у ребят одна мысль — впереди игра! И каждый исподволь готовил себя к главному, к выходу на игровую площадку, и неважно, где ты был до этого, что делал, чем недоволен или наоборот — из-за чего счастлив. Все мысли и движения уже подчинялись властному ритму игры, уже отчетливо в ушах становился слышен тугой удар по мячу, уже сердце готовилось работать в великом темпе силовой отдачи... а до начала игры оставалось почти полтора часа.

Солинд появился незаметно. Он стоял и хмуро смотрел на резвящихся спортсменов, покусывая травинку, ждал, пока все уюмонятся. Потом сказал негромко:

— Сейчас там встречаются японцы и сборная Европы. Счет по партиям два один.

— Японцы? — осведомился Павлов.

— Что японцы? — поинтересовался Солинд.

Все засмеялись.

— Ну, выигрывают?

— Нет.

Наступила тишина. Павлов присвистнул:

— Это как же понимать?

— А вот так. — Солинд вырастил бутон кресла и сел к ним лицом. — Европейцы в ударе. Зденек Рослонец простреливает блок чуть ли не под любым углом. Японцы ничего не могут с ним

поделать. И хотя вы у Европы выиграли, сегодня вам пришлось бы туго, друзья мои.

— Почему? — удивился круглолицый, наивный, как пятилетний карапуз — в перерывах между играми, и хитрый и мудрый, как змей Кецалькоатль — во время игры, Павлов. — Разве мы играли плохо?

Солинд в задумчивости подергал себя за мочку уха.

— Вы играли хорошо, но слишком уверенно. Сегодня так играть вам не дадут. Поняли меня? Ну, хорошо. Готовы? Сейчас массаж, потом разминка в полнормы. В стартовой шестерке пойдут Ивар, Виталий, Сергей, Филипп...

Зал был полон, несмотря на то, что встречи розыгрыша Кубка континентов по волейболу транслировало центральное интервью-дение Земли по всей Системе. У Филиппа вдруг вспотели ладони, и он машинально вытер их о майку. Оглядывая передние ряды болельщиков, он неожиданно встретил взгляд девушки, с интересом разглядывающей площадку и игроков. Девушка многим напоминала Аларику... впрочем, это же она сама! Здесь?! В зале?!

Сердце прыгнуло вниз, волна жаркой крови ударила в лицо... Какими судьбами Аларика, всегда относившаяся к волейболу, к спорту вообще, с предубеждением, оказалась в зале на соревнованиях? Аларика... тот же нежный овал смуглого тонкого лица, изгиб бровей, четкий рисунок губ...

Филипп смотрел на нее всего несколько мгновений, но этого было достаточно, чтобы воскресить в памяти прошлые встречи. Оказывается, он и в самом деле не властен над резцом сердца, вырубившем на каменной скале памяти образ Аларики...

— Идите сюда, — позвал Солинд, подходя к краю площадки. — Что оглядываешься, Ромашин? Учтите, прошлая жизнь осталась вот за этой чертой. И не спасут вас от поражения ни рост, ни реакция, ни прочие совершенства, если вы не способны отключаться, уразумели?

Филипп покосился на Аларику, разминая кисти рук, словно это было главным делом жизни, подумал: кто же это с ней? Муж? И где, слева или справа? Белобрысого я никогда не видел, а второй как будто знаком... Впрочем, какое мне дело до нее и ее внезапного интереса к волейболу?

— Играете первый вариант, — продолжал тренер, вглядываясь в спокойные и уверенные лица. Он знал своих игроков, наверное, больше, чем они сами; знал их бойцовские качества, физические, психологические и человеческие, знал давно и верил, что они сделают все для победы. Но для этого их надо было чуть-чуть разозлить, вернее, расшевелить: самолюбие у классных игроков тоже многое значит.

— Помните, что будущие неудачи... — Солинд помолчал и будто нехотя добавил: — не уравновешиваются прошлыми успехами.

Филипп с любопытством посмотрел на тренера. Тот будто нарочно делал вид, что сомневается в успехе, и в то же время можно было понять, что он вызывает их на спор, поддразнивает. А может быть... может, он и в самом деле сомневается?

Запела сирена, команды построились у лицевых линий площадок.

— Финальная встреча по волейболу на Кубок континентов! — прозвучал в зале голос судьи-информатора. — Встречаются сборные команды Северной Америки и Русских Равнин.

— Ну, орлы! — пробормотал Гладышев, когда команды обменялись приветствиями и была разыграна подача. — Наша площадка. Остаемся?

— Остаемся, — быстро сказал Филипп. Аларика сидела напротив их площадки.

— В четвертом номере у них Кристо, — заметил Павлов. — Ему нужен, как минимум, двойной блок и аут-контроль.

— В третьей зоне я возьму его в аут-контроле, — сказал Филипп. — А Паша пусть следит за Иваром в блоке. Первая же передача со второго темпа — на “антенну”, полупрострел.

— Не спеши срывать аплодисменты, — сказал мрачноватый Панченко. — Кристо — не Паша, его одним блоком не возьмешь. Во втором номере у них согласующий Рамиро Менендес, вдвоем с Кристо они тебя съедят вместе с майкой.

— Я, конечно, не Кристо, — обиделся Павлов, — но подстрахую в блоке не хуже Рамиро.

Филипп ободряюще хлопнул его по спине и несколько раз высоко подпрыгнул на месте, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Автомат уже включил игровое поле: все игры команд высших классов проходили при силе тяжести, равной ноль девяносто двум сотых земной. Северо Пальме дель Кристо, уроженец Кубы, а также капитан ее сборной команды, играющей в высшей лиге Северной Америки, тоже сделал несколько прыжков и приседаний на своей половине площадки и приветственно помахал рукой. Он выглядел спокойным и улыбчивым, но Филипп отлично знал: в игре Кристо становится неистовым и страстным, как черный ураган. Справиться с ним в блоке было действительно нелегко.

Раздался свисток. Разминка — три минуты. Затем первый сет.

И с первых же секунд у игроков сборной Русских Равнин “не пошла” игра. Сначала Павлов, то ли расстроившийся от неосторожной шутки Панченко, то ли по другой причине, неудачно принял мяч, потом Сергей Никитин недовел его до Филиппа, и тот, тоже с трудом, перебросил мяч через сетку. Американцы —

Рамиро, Кристо и Джон Констебл тут же разыграли комбинацию “рапира”, и Кристо со взлета на первом темпе пробил мяч под руки не успевшего с блоком Гладышева.

Один ноль.

Второй мяч они снова проиграли. И третий, И хотя Филипп в этом виноват не был, он почувствовал смутное недовольство собой, хорошее настроение ушло. С точки зрения организации матча все было проделано безукоризненно: мягкое, рассеянное освещение площадок — поляризованный солнечный свет, почти не дающий теней, не раздражал глаз; рельефная сетка ни на миллиметр не была выше стандартных двух метров семидесяти восьми сантиметрами, растянутая между невидимыми силовыми столбиками; тугой белый мяч олицетворял мечту любого волейболиста; упругий кситановый пол мгновенно впитывал любую пролитую жидкость...

Но все же что-то было не так, какая-то мелочь, регистрируемая пока только подсознанием. Может быть, мешают фасеточные “глаза” кибер-судей? Но он никогда не замечал их раньше... Так что же тогда?

— За спину со второго! — бросил Филипп согласующему и... пробил в блок.

Солинд, с виду рассеянный и равнодушный, покусывая вечную травинку, подумывал — не взять ли минутный перерыв. Игра у ребят явно не заладилась. А у американцев получалась почти любая комбинация, любой удар. Что ж, бывает, но “минуту” брать рано, прежде надо понять, чего им не хватает. Главное, понять самому, ребятам в игре сделать это трудней.

Первый сет они проиграли со счетом пятнадцать одиннадцать.

Зал шумел. Филипп искоса посмотрел на трибуну. Аларика, смеясь, говорила что-то соседу справа, плотному, молчаливому, с лицом длинным и узким, с жестким в общем-то лицом, сильным. Лет сорок пять—пятьдесят, прикинул Филипп и вдруг понял, что он все еще думает об Аларике, отвлекается, а ее присутствие и есть та заноза, которая мешает играть так, как он может.

Начало второго сета почти ничем не отличалось от первого.

Здесь Солинд, боясь, что игроки потеряют уверенность окончательно, взял первый перерыв.

— Вы что?! — негромко, но резко спросил он обступивших игроков, потных, разгоряченных и злых. — Сетка высоковата? Или судьи необъективны? Встряхнитесь! Паша, не делай вид, что играешь в защите, играй по-настоящему. Ивар, поменяйте темп, возьмите свою игру, стандарт, не выдумывайте. Филипп, ты сядь, отдохни, вместо тебя поиграет Игорь. Ивар, только первый вариант, как договаривались, понял? Предложите свою игру, самую простую; ничего больше.

— Замена в команде Русских Равнин, — гулко объявил судья-информатор. — Вместо номера четыре, Филиппа Ромашина, в игру вступает номер девять, Игорь Сосновский.

Филипп сел рядом с Солиндом, прополоскал рот и сделал глоток сока. Тренер, присмотревшись к нему, добродушно улыбнулся.

— Что нос повесил? Потенциально ты на голову выше всех в игре, но не играешь в полную силу. Почему?

Филипп иронически покачал головой.

— Ну и способ вы нашли для подбадривания! Выше всех... Кристо, кстати, игрок сборной Земли. И Рамиро, и Сережа Никитин...

— Ну и что? Слушай, что говорят, и отвечай на вопросы. Где твой прыжок? Это первое. Где точность, чутье паса? Это второе. И третье: о чем ты, собственно, думаешь?

Филипп порозовел, исподлобья оглядел ряды зрителей. Аларика смотрела на него, как ему показалось, с веселым презрением, он вспыхнул до корней волос и разозлился. Черт возьми! Неужели я и в самом деле так "сел"?

— Валентин, сделай обратную замену.

— Рано, посиди немного.

— Ну, я прошу!

Солинд прищуренными глазами ощупал лицо Филиппа и хмыкнул:

— Ты мне это брось! Выйдешь в третьем сете. Все!

Солинд выпустил его, как и обещал, только в начале третьей партии, злого и жаждущего борьбы.

Филипп поднял руку и перебежал на площадку, подбадриваемый хлопками игроков по ладони. На трибуны зала он уже не смотрел. Сердце забилося сильно и ровно, исчезла скованность, пришло ощущение сказочной удачи, тело стало невесомым и легко управляемым. Он сразу стал видеть игру, мгновения полета мяча растягивались для него в секунды, в течение которых он успевал подготовиться к приему, найти партнера, принять мяч и дать пас кому следует. Сначала он, играя в защите на второй линии, достал "мертвый мяч", посланный Кристо обманным ударом в угол площадки. Зал ответил аплодисментами, но Филипп их не слышал.

— Второй вариант, — сказал он в спину Гладышеву. — Второй, Ивар!

Тот отмахнулся было, потом оглянулся на товарища, словно не узнавая, и передал остальным игрокам:

— Попробуем второй, ребята.

Павлов сразу же выдал Филиппу пас на сетку, рассчитанный по второму варианту. Это был невероятно трудный по исполнению нападающий удар, получивший название "удар Солинда"

— по имени первого его исполнителя: Филипп взвился в воздух из-за спины согласующего игрока, перевернулся на лету на девяносто градусов, показав противнику левую руку в замахе и тем обманув блок, и с сухим звоном вбил мяч в трехметровую зону у сетки.

Зал зашумел и смолк. И молчал до конца игры, словно болельщики боялись нарушить волшебство игры...

Филипп нападал с любого номера, с задней линии, с центра — согласно смене темпов. Он перепрыгивал блок чуть ли не на локоть, забивая мячи почти вертикально в первую линию площадки американцев, доставал в защите такие мячи, которые лишь теоретически считались доставаемыми. Он блокировал нападающих в труднейшем исполнении аут-контроля — ловящим блоком, угадывая направление удара в четырех случаях из пяти.

Это была игра на вдохновении, она зажгла остальных игроков команды, и те творили чудеса под стать Филиппу, разыгрывая комбинации хладнокровно и уверенно, словно на тренировке. Если играют команды, равные по классу, то именно такая игра, четкая, слаженная, когда партнеры понимают друг друга по жесту, по взгляду, когда все их движения подчиняются неслышному ритму и кажется, что на площадке находится всего один игрок, чье многорукое тело перекрыло ее, и мяч каждый раз с завидным постоянством натывается на руки, отскакивая с удивительной точностью в одну и ту же точку над сеткой — согласующему игроку, такая игра только и может дать положительный результат. И они, проиграв первые две партии, выиграли остальные три.

Зал еще несколько мгновений немой дивился на освещенные квадраты игрового поля, на обнимавшихся игроков сборной Русских Равнин, и потом словно шторм обрушился на Дворец спорта.

Филипп пожал горячую ладонь Гладышева, отвечал на объятия друзей, потом его дружно оторвали от пола и несколько раз подбросили в воздух. А он, оглушенный поздравлениями, чувствуя в теле приятную тяжесть, посмотрел на второй ряд трибуны, поискал глазами Аларику, не нашел, и радость и удовлетворение его вдруг померкли, уступив место тоскливому ожесточению.

Расклеился от одного взгляда совершенно посторонней женщины! Чего ради я так разнервничался? Неужели остался какой-то след? И под слоем пепла дремлют угли догоревшего костра, как говорил поэт? Старая сказка... Я отрезал Аларику раз и навсегда, у нас две разных жизни... Что я знаю о ней? Она не одна, вот и все. И все! Хватит об этом... А играл я, кажется, неплохо. До стрессовой отдачи, до сих пор ноги ватные...

В коридоре Филиппа догнал Солинд, несколько шагов прошел рядом молча, потом сказал с неожиданной грустью:

— Ты играл сильно, Филипп! Я не знаю второго такого игрока ни в одной сборной Системы. А ведь ты способен на большее, я-то вижу.

Филипп сжал зубы.

— Но?... Я отчетливо слышу “но”.

Солинд остановился.

— Никакого “но” нет, просто... не забывай, что победы делают нас счастливее, а поражения — человечней. Древний тезис, но он и сейчас не устарел. — Тренер легонько подтолкнул Филиппа в спину. — Ты поймешь это позже. Ну иди, потом поговорим.

Филипп не разобрался до конца в смысле намеков тренера, лишь гораздо позже он вспомнил это странное напутствие и понял его настоящий смысл. Теперь же он только кивнул и свернул в раздевалку. А у дочерей все еще улыбающийся Гладышев подвел к нему троих:

— Это к тебе.

Рослый длиннолицый мужчина в куртке “ночь” и черных брюках блеснул цепкими глазами, бросил коротко: — Простите, — и протянул сильную руку. — Май Ребров.

Филипп только теперь узнал его — это был тренер сборной Земли по волейболу. И рядом — Аларика! Неужели он — ее муж? Или мужем является второй ее спутник?

Ошеломление не сразу покинуло Филиппа, и он еще раз пережил мгновенное чувство утраты и зависти к незнакомым людям, знавшим Аларика, вероятно, давно, и ему снова показалось, что не было между ними пяти лет времени и пространства, а был только странный сон, и стоит лишь тряхнуть головой, и Аларика засмеется и протянет руки...

Он уловил насмешливые искры в глазах женщины, очнулся и назвал себя.

— Аларика, — подала руку девушка, тонко уловив его колебания.

Молодой спутник Реброва, на голову ниже его, только коротко наклонил соломенную голову:

— Леон.

Ребров взял Филиппа под локоть и отвел в сторону.

— Много говорить не буду, вы, наверное, уже догадываетесь, по какому поводу я пришел. Я знаю вас уже два года... да-да, не удивляйтесь, два года. Солинд мой друг, и потому я знаю все об игроках сборной Русских Равнин. Начинали вы...

— В “Буревестнике”.

— Да, в “Буревестнике”, потом вторая молодежная сборная континента, потом первая... Вы спортсмен настроения. Это плохо, это большой недостаток для спортсмена экстра-класса, каким вы несомненно являетесь. И несмотря на этот недостаток, я

приглашаю вас в сборную Земли. Во-первых, потому что когда пик формы совпадает у вас с пиком настроения — вы способны на великолепную отдачу. Во-вторых, верю — вдвоем мы сможем устранить ваш недостаток. Конечно, мое мнение еще не есть решение Земного спорткомитета, но и оно достаточно весомо. У вас будет неделя отдыха, во вторник следующей недели прошу на тренировку.

— Но Валентин... — начал Филипп.

Ребров усмехнулся.

— Солинда я беру на себя. Он вырастил не одного выдающегося спортсмена, и это были люди во всех отношениях с большой буквы. Я верю в вас, иначе не было бы этого разговора. От вас зависит превратить мою веру в уверенность. Ну, до связи.

Ребров дружески стиснул плечо Филиппа, подмигнул и широким шагом вынес свое крепкое тело из теснины коридора. Филипп, опустив голову, постоял с минуту в задумчивости и не заметил, что Аларика оглянулась на повороте и окинула его не менее задумчивым взглядом.

Сзади слышались голоса, шаги — возвращались игроки, и он поспешил к своим.

— Я рад, что ты “прошел” Реброва, — сказал Гладышев, искоса поглядывая на рассеянное лицо Филиппа.

Они стояли на верхней смотровой площадке спортивного комплекса, шпиль которого возносился на шестьсот метров над уровнем зеленого океана — над панорамой Москвы двадцать третьего века. Зеленые волны роц, парков и заповедников не могли скрыть белых шатров, плоскостей и полированного пластика зданий, но с высоты первое, что бросалось в глаза — сочная рассыпчатая зелень лесного массива. И лишь потом в этой зелени начинали сверкать жемчужины зданий.

“С решением проблемы транспорта исчезла и проблема городов”, — вспомнил Филипп чью-то фразу, не слушая товарища. Посмотрел на недалекий тонкий силуэт Останкинской башни — музея телевидения двадцать первого века, и повернулся к Ивару.

— Мне почему-то жаль Солинда. Конечно, мы не уходим от него навсегда, но все же словно теряется что-то в душе...

— Ребров очень похож на Валентина.

— Разве? По-моему, они совсем разные. Солинд сухой, жесткий и шершавый, как ветер пустыни, а Ребров холоден и тверд, как северный камень.

— О, заговорил, как поэт. Они разнятся только внешне. У обоих одна общая черта, которая сближает их больше, чем сблизили бы родственные узы. Это их твердая уверенность в том, что доминанта человека — доброта. Именно поэтому они так требовательны к себе и другим.

У Гладышева пискнул зуммер личного видео. Он повернул руку браслетом вверх, из прозрачно-фиолетового глаза на черном квадратике приемника изображений возник тонкий лучик света, развернулся в плоскость и приобрел цвет и глубину. На друзей смотрело лицо жены Ивар.

— Я уже давно освободилась, Ив, — сказала она сердито. — Игру твою не видела, можешь хвастаться, как тебе вздумается, но дома!

Гладышев виновато покосился на товарища.

— Я с Филиппом, Кира, буду через полчаса... Ты к нам, Филипп?

— Нет, — покачал головой Филипп, — я к себе, надо кое-что обдумать до завтра.

— Надумаешь — будем рады, — сказала Кира, шутливо погрозила мужу пальцем, изображение растаяло.

— Я пошел? — сказал Гладышев. — Счастливо. Прилетай, если захочешь, будут гости, а ты был у нас всего два раза, этого мало.

Он улынулся своей обычной доброй улыбкой и стал спускаться к лифту. Филипп остался стоять, рассеянно вертя в руках браслет своего видео. Потом вдруг сорвался с места и крикнул:

— Ивар, подожди.

Они снова сошлись.

— Забыл спросить... Ты знаком с... Ну, в общем, с Аларикой?

— Я знаком с двумя Алариками.

— С той, что была с Ребровым.

— А-а-а. — Гладышев лукаво прищурился. — Аларика Консолата. Это жена брата Реброва. Кстати, я удивлен ее присутствием на матче, насколько я знаю, она терпеть не может волейбола.

“Я тоже знаю”, — подумал Филипп, но промолчал.

— Ее телекса я не знаю, — продолжал Гладышев, — но его знает, должно быть, Ребров. Дать тебе его телекс?

— Какой ты догадливый, — пробормотал Филипп. — А почему у нее фамилия другая, не Реброва?

— Сергей Ребров погиб два года назад при ликвидации аварии на подводной ферме. Консолата — девичья фамилия, она ее не меняла.

Филипп непонимающе уставился на Гладышева.

— Погиб?! Ребров погиб? Муж Аларики... Значит, сейчас она одна?

— Ну, этого я не знаю. Что, задело? Позвони ей. — Ивар засмеялся и помахал рукой. — Могу при случае познакомить. Ладно, до связи. Да, телекс Реброва: три единицы сорок семь тринадцать эс-бэ. Он живет где-то на Курилах, точного адреса, увы, не скажу.

Филипп постоял с минуту, щурясь на солнце, вздохнул. Глубоко, записал телекс на видео и тоже поспешил к лифту.

Поздним вечером он выключил в комнате освещение, походил из угла в угол в полной темноте, потом убрал стену и стал смотреть на бархатное одеяло неба, вспоминал однажды прочитанные строки:

В ночи небесную стреху
Термиты тьмы проели.
И видно звездную труху,
Что сыплется сквозь щели*

Вспомнился вдруг разговор с тренером, тогда он был еще во второй сборной Русских Равнин.

“Ты прекрасный конструктор, я слышал это от Травицкого, — сказал Солинд. — Но ты еще более способный волейболист. Я далек от того, чтобы считать волейбол венцом спорта, как и Кирилл Травицкий в том, чтобы считать работу конструктора ТФ-аппаратуры вершиной творческой работы, но когда-нибудь тебе придется выбирать...”

— Выбирать, — вслух повторил Филипп. Он не хотел выбирать. Хотел быть и конструктором, и игроком, спортсменом высшего класса, и не видел причин бросать и то и другое занятие. Да, современный волейбол требовал таких нагрузок и отбирал столько времени, что многие из игроков могли заниматься только спортом и ничем иным; творческим, ищущим, но спортом. А Филиппа брала тоска, если он три дня кряду не надевал на голову элкан и не “бросался” мыслью очертя голову в глубину очередной проблемы, испытывая при этом необъяснимое удовлетворение, снимающее любую физическую усталость и боль.

Выбирать... нет, это время еще не пришло, и дай бог, чтобы оно не пришло совсем. С другой стороны, Филипп понимал, что будь Травицкий или Солинд понастойчивей, то выбор мог бы уже совершиться, причем не в пользу предлагающего.

Филипп некоторое время любовался небом, вспоминал “самостоятельный” визит “зеркала” (чья же это все-таки шутка? Кажется, в глубоком детстве он уже встречал такую штуку, но тогда она не казалась таинственной — зеркало и есть зеркало, что в нем необычного для ребенка?), потом сел перед панелью домашнего координатора. Над фиолетовым глазом виома встала световая нить, развернулась в плоскость и приобрела глубину. Напротив возникла другая комната, почти такая же, как и у Филиппа: одна стена в ячеях кристаллобиблиотеки, у второй стол, два кресла, из третьей выросла кровать, четвертая — сплошное окно в начинающееся утро.

---

* Мурари (перевод с санскрит.)

Прямо перед Филиппом сидел Май Ребров и выжидательно смотрел на него, причем ничем не выражая своего удивления или нетерпения. Филипп почувствовал, что краснеет.

— Доброе утро.

— Добрый вечер.

— Извините, что беспокою... я, собственно...

— Хотите поделиться мыслями о прошедшем первенстве?

— Да... н-нет! Дайте мне, пожалуйста, телекс Аларики, — бухнул Филипп напрямик.

Ребров продиктовал номер и снова посмотрел на молодого человека, все такой же ровный и спокойный, с плавными и точными движениями игрока в скейтбординг.

— Все?

Филипп кивнул, и тотчас же вином стал белым, как молоко, — Ребров выключил канал связи со своей стороны.

— Ф-фу! — выдохнул Филипп и с облегчением засмеялся. — Кремень, а не человек! Ничем его не удивишь. Но и я нахал! Для чего мне ее телекс? Что я ей скажу? Рика, привет, как дела? Не забыла, как мы с тобой?.. Тыфу! Что она ответила бы на мой вопрос? Пять лет — и ни голоса ее, ни изображения, только все реже и реже, и злее — вскрики воспоминаний в сумбурных снах под утро, когда явь путается с бредом и тянет душу незаживший в подсознании шрам на памяти... Как отрезал! И уже два года она без мужа!.. Черт! Мне-то что за дело? Все было выяснено пять лет назад, срок достаточный, чтобы излечить любого. Но отчего барометр настроения повернул стрелку на деление “Ожидание”? Отчего так нестерпимо хочется увидеть ее, поговорить?..

Филипп поскреб щеку и набрал телекс Станислава Томаха. Это был единственный человек, с которым он мог позволить себе быть таким, какой он есть в собственных глазах, с которым можно было поделиться горем, радостью, сомнениями или тревогой.

ГЛАВА 2

Сезон «зеркальных перевертышей»

В три часа ночи Богданов встал из-за пульта вычислителя, снял с головы эмкан и кивнул Станиславу Томаху, сидевшему рядом в одних шортах.

— Порядок. Причина ошибки во втором ряду комплексного переменного. Регимантас надеялся на свой гений математика и... даже автомат не успел бы пройти все этапы решения задачи за то время, что оставалось у него до взрыва.

— Я рад и не рад, — хрипло отвечал Станислав, вставая и потягиваясь мускулистым атлетическим торсом. — Жаль, что

так случилось, и хорошо, что бремя вины не ложится на работников Управления. Скверно, если аварии случаются вопреки всем принятым мерам, но уж совсем плохо, когда они случаются по вине спасателя. Может быть, поспим здесь? Все равно до утра кот наплакал...

— Нет. — Богданов накинул рубашку. — Жена станет волноваться. Я обещал, что буду сегодня... то есть, вчера вечером уже.

— Тогда и я пойду.

Станислав запросил диспетчера вычислительного центра, сообщил, что машина освободилась, и не успел выключить виом, как изображение в нем сменилось: перед инспекторами открылась темная комната, внутри которой угадывалась раскрытая постель, а в светлом конусе передачи стоял хорошо сложенный молодой человек. Лицо у него было открытое, глаза дерзкие, карие, губы большие, твердые. Портила это лицо только нерешительная полуулыбка.

— Простите, что так поздно, — быстро сказал молодой человек. Это был Филипп. — Не помешал? Я искал Станислава и мне дали этот телекс.

— Знакомьтесь, — повернулся Томах к Богданову. — Это Филипп Ромашин, конструктор ТФ-аппаратуры. Я говорил тебе о нем.

— Никита. — назвалсЯ Богданов, разглядывая Филиппа, подумал: красивый юноша, однако чего-то ему недостает... Уверенности, что ли?

— Собственно, я удаляюсь, — продолжал он, надевая куртку и собираясь уходить, — а вы поговорите. В восемь ко мне, Слава.

— Если проснусь, — отозвался Томах. — Ну, что нового, Филипп? Что-то в последнее время я тебя редко вижу. Где пропадаешь? Ты, кажется, должен был играть на Континентальный кубок? Прости, не смог тебе позвонить...

Дальнейшего разговора Богданов не слышал. Выйдя из вычислительного центра, он вызвал пинасс и, чувствуя усталость во всем теле, сделал несколько упражнений дыхательного йога-тренинга. Усталость отступила.

Свет в парке был выключен, громада центра едва угадывалась на фоне ночного неба, но Богданов знал, как обманчива эта наружная спокойная неподвижность огромного здания, постоянно включенного в непрестанное бдение аварийно-спасательной службы, связанного незримой сетью с десятками станций, баз и патрулей УАСС, с отделами одной из обширнейших — увы, но это так — служб человечества. Тем не менее миллиарды людей спокойны в своих поисках, стремлениях, экспериментах, рискованных действиях именно потому, что УАСС — действенная, оперативная и всюду успевающая служба, работа которой видна не всегда и не всем, но результативность не требует доказа-

тельств. Сколько же их, всматривающихся в черноту экранов, глубь виомов, зелень индикаторов на пультах, мчащихся в патрульных машинах над Землей, в пространстве, у всех освоенных планет? Сколько их, близких по мысли и сердцу людей?

Богданов запрокинул голову, окидывая взглядом серебристую вуаль Млечного Пути, пробормотал:

— Легион!..

Подождал пинасс, мигнул зрачком индикатора, открывая колпак.

Богданов сел, и тут же запищал зуммер видео на руке. Над браслетом встало облачко света и превратилось в тяжелую голову Керри Йоса, начальника отдела безопасности Управления аварийно-спасательной службы. Богданов машинально отметил время — без десяти три ночи, перевел его на среднесолнечное время, получалось без десяти пять по ССВ. Не одному Станиславу звонят посреди ночи, мелькнула мысль.

— Не спишь? — осведомился Йос скрипучим голосом. — Что-то я тебя плохо вижу. Где ты?

— Только что закончил со Славой цикл расчетов по аварии на сто третьем спутнике. Ты был прав — Регимантас сделал ошибку, не дав сигнал на СПАС. Ближайший оперативный когг мог успеть, но...

— Я говорил.

— А мы проверили. Я сейчас выбрался из ВЦ, в парке нет света. Что случилось?

— Таймфагируйся в Управление, сколько тебе надо времени?

— Минут двадцать пять, если срочно.

— У нас не бывает не срочно. Даю тебе сорок минут. Кстати, у тебя нет знакомого специалиста по ТФ-связи?

— Нет... впрочем, погоди. — Богданов вспомнил недавнее знакомство с Филиппом Ромашиным. — Есть один специалист, конструктор ТФ-аппаратуры.

— Годится. Хватай его, где бы он ни был, и тащи в Управление. Все.

Виом угаc. Богданов секунду посидел, чувствуя холодок тревоги, заползающий в сердце, потом вызвал сто семнадцатую комнату вычислительного центра, откуда только что вышел. К счастью, Станислав был еще там.

— Слава, тут такое дело: вызывает Керри, а что случилось, не говорит. Вероятно, что-то серьезное, иначе он не стал бы нас тревожить ночью. Еще ему нужен специалист по ТФ-связи. Твой Филипп хороший инженер?

— Он инженер-синектор*.

---

* Синектор — специалист, владеющий "механизмами творчества". От слова синектика — сложение разнородных элементов в творчестве.

Богданов уважительно прищелкнул языком.

— Неплохо! Охарактеризуй мне его вкратце.

— Тридцать один год, мастер спорта по волейболу, холост. Родителей нет, погибли во время первой развед-контактерской экспедиции на Орилоух. Вот все, если коротко. Могу добавить, что я его знаю с детства, жили в одном доме.

— Неплохо, — повторил Богданов. — Вызывай его немедленно, только не пугай. Где он живет?

— Живет-то он недалеко, в Басово, восьмой круг Москвы, минут десять лета до ближайшего таймфага, но неужели Керри не нашел специалистов в техническом секторе?

— Не знаю, значит, не нашел. Дай координаты Управления твоему Филиппу и добирайся туда сам, сроку у тебя сорок минут, а я на минуту заскочу домой, предупрежу жену. Чует мое сердце, что освобожусь нескоро.

Богданов закрыл колпак, вскрыл запломбированную крышку спидометра ключом, имеющимся только у работников аварийно-спасательной службы, и отключил ограничитель скорости. Пинасс задрал нос и со свистом пошел в небо. А в следующее мгновение Богданов уже увидел летящий навстречу, прямо ему в лоб, такой же каплевидный аппарат с алой мигалкой. Он успел врубить экстренное торможение (Какого лешего? Ненормальный он, что ли, киб-водитель?) и растопырился в кресле, упираясь ногами в переднюю стенку, ожидая страшного лобового удара. Но ничего не произошло! Шедшая ему навстречу машина врезалась в пинасс неощутимо, как призрак, и растаяла, как будто ее и не было. Зато богдановский пинасс оказался почему-то развернутым носом к парку.

— Что это было? — спросил Богданов у киб-водителя, вытирая вспотевший лоб. — Почему ты не затормозил?

— Не было приказа.

— А движущийся навстречу аппарат — не приказ?!

— Пространство было свободно на глубину радарной видимости.

— Как это свободно?! А этот... “призрак”?

— Мы пересекли слой воздуха, отражающий все предметы, как зеркало. Шедший на нас аппарат был моим отражением.

Богданов посидел с минуту, растирая ушибленное колено, и скомандовал поворот. Чертовщина какая-то, подумал он уже спокойно. Или я плохо знаю физику атмосферы? Что-то не припомню, чтобы кто-то описывал явления “зеркального воздушно-го слоя”. Придется запросить информаций физиков, некомпетентность для безопасника недопустима...

Богданов еще больше бы удивился, если бы узнал, что его часы с этого момента стали отставать от эталонов точного времени на пятьдесят минут.

Сопровождаемый Томахом, продолжая недоумевать по поводу неожиданного вызова, Филипп шагнул в дверь и остановился. Кабинет начальника отдела безопасности УАСС представлял собой в данную минуту поляну в глубине тропического леса. Сложно и сильно пахло зеленым, тиной, цветами и еще чем-то терпким и незнакомым, но дышалось легко и свободно, совсем не так, как в настоящем тропическом лесу.

Томах смело двинулся через всю "поляну" к группе людей, обступивших какой-то прозрачно-хрустальный шар. Филипп не решился идти за ним, хотя все это тропическое величие было иллюзией, созданной аппаратурой видеопласта.

Один из стоящих у шара обернулся, тотчас же лес вокруг исчез, а за ним и половина людей, из которых осталось трое; появилась настоящая обстановка кабинета: гнутые янтарные стены, с искрами в глубине, висящий над черной бездной пола пульт видеоселектора, кристально прозрачный шар с роем золотых пчел внутри, семь кресел у стола.

— Проходите, — сказал хозяин кабинета, на виске которого иногда словно сам собой шевелился розоватый, едва заметный косой шрам.

Филипп, испытывая неловкость, прошел вслед за Томахом и сел рядом. Пока Керри Йос разговаривал с кем-то по виому, он исподволь осмотрел кабинет, шар, гадая, что это за устройство, и, осваиваясь со своим новым положением, стал изучать руководителя одного из самых легендарных отделов Управления аварийно-спасательной службы.

Керри Йос ничем особым не выделялся среди других — таково было первое впечатление. Был он невысок, с плечами разной высоты; лицо тяжелое, с массивным подбородком, близко посаженными не то серыми, не то карими глазами; нос картошкой, прямые губы. Красавцем его не назовешь, подумал Филипп, и кого-то он мне напоминает...

Станислав, очевидно, понял его состояние, хмыкнул, наклонился к уху соседа, которого Филипп видел впервые. Тот еле заметно улыбнулся и неожиданно подмигнул Филиппу, отчего конструктор снова почувствовал себя не в своей тарелке: как-никак в отдел безопасности его приглашали в первый раз.

Керри Йос закончил разговор и выжидательно посмотрел на присутствующих.

— А где Никита? Слава, разве он был не с тобой?

— Он ушел раньше, потом позвонил из кабины такси. Собирался на минутку заскочить домой...

— Понятно, подождем минуту. А пока давайте знакомиться. Меня зовут Керри, я начальник отдела безопасности.

— Это Филипп Рэмашин, — представил Филиппа Томах. — С ним мы знакомы давно, практически с детства.

— Тектуманидзе, — представился улыбчивый сосед Томаха; судя по загару и чертам лица — грузин.

— Бассард, — коротко представился четвертый незнакомец.

— Филипп — конструктор ТФ-аппаратуры и мастер спорта по волейболу планетарного класса, — добавил Томах.

— Неплохо, — с уважением сказал Керри Йос, — весьма неплохо. У нас будет время познакомиться поближе. Где же все-таки Никита? — он наклонился к столу и вытащил из него бутон микрофона. — Андр, созвонись с Богдановым...

— Не надо, — раздался с порога голос заместителя начальника отдела. — Товарищи, со мной произошла любопытная история. — Никита прошел к столу.

Теперь Филипп мог разглядеть его лучше, чем давеча во время знакомства. Замначальника отдела был худощав, среднего роста, с неторопливыми движениями и с пронзительными глазами ясновидца. И голос у него был глубокий и хорошо поставленный, воспитанный.

Богданов закончил рассказ о “столкновении” с “зеркалом”, и Филипп тут же вспомнил свое недавнее приключение. Но рассказывать об этом постеснялся.

— Все ясно, — сказал Керри Йос, — и не такое бывает с безопасником ночью. Но я не понял, почему ты задержался.

— Как задержался? — удивился Богданов. — Я был в пути всего двадцать минут, причем включая крюк домой.

— Да? — в свою очередь удивился начальник отдела. — А где ты был еще пятьдесят минут?

— Пятьдесят мин?... — Никита поднял руку с браслетом видео, вызвал отсчет времени и показал присутствующим. — Путаєте вы что-то, друзья, вот, пожалуйста, двенадцать минут четвертого.

Керри Йос включил комнатный отсчет, и киб-секретарь сообщил:

— Поясное время четыре часа две минуты сорок секунд.

Богданов побледнел.

— Чепуха какая-то!

— И я так думаю, — сухо сказал Йос. — Если это неизвестное науке явление, то его назовут твоим именем. Найдешь причину задержки — доложишь. Это действительно странно. Но к делу. Вызвал я вас вот по какой причине: три дня назад к системе звезды Садальмелек был осуществлен посыл транспорта с грузом. На финише транспорт не появился.

В комнате стало совсем тихо.

— Второй случай, — тихо обронил взявший себя в руки Богданов.

— Верно, второй, но главное — оба произошли в диаметрально противоположных точках пространства. Вы помните первый

случай — не прошел ТФ-посыл к гамме Суинберна. Средний радиус стационарной ТФ-связи пятьдесят парсеков. До Садаль-мелека — сто десять. Первая и вторая промежуточные станции просигнализировали, что груз прошел нормально, но на финише не появился. То же было и в случае посылы к системе Суинберна: до гаммы Суинберна сто восемьдесят парсеков, все три промежуточные передатчики дали “добро” и... груз к месту назначения не прибыл!

— Может быть, транспортники сорвались с трассы? — спросил Бассард, шевеля косматыми бровями. — Ведь был случай лет пять назад...

— Нет, — покачал головой Филипп. — В результате срыва летят и сами ретрансляторы — взрываются генераторы поля. Здесь же у вас станции сработали нормально... — Он прервал речь и недоверчиво посмотрел на Керри. — Но это же нонсенс! Для приема ТФ-передачи нужен как минимум ТФ-приемник. Иного просто не может быть!

— Да? — холодно бросил Йос. — Тогда где-то существуют ТФ-приемники, установленные... — он помолчал, — установленные не людьми.

Наступила тишина. Ее через минуту нарушил Богданов:

— Накладок нет?

Керри Йос, чуть прищурясь, покосился на него.

— Технический сектор в отличие от нашего ошибается редко. Эксперты перерыли все ТФ-станции в контролируемой нами области космоса, грузы исчезли бесследно. Но если верить словам Ромашина... — начальник отдела слегка запнулся, — простите, Филипп, я оговорился, просто неудачный оборот речи. Я хотел сказать, исходя из вашей информации, следует сделать вывод, что грузы ушли к чужим станциям.

— Теперь понятно. — Богданов переглянулся с Томахом. — Значит, мы вышли на передовые посты чужой цивилизации, так?

— Это вам и предстоит выяснить, — сказал Керри Йос, и было в обыденности его тона нечто такое, отчего Филипп ощутил в душе тревогу и неуверенность. До него только теперь дошел смысл слов “чужая цивилизация”.

— Мы пригласили вас, Филипп, вот почему, — продолжал начальник отдела. — Эксперты сектора сейчас все в разъездах, а вы опытный специалист по ТФ-связи. Не могли бы помочь нам в этом деле? Придется, конечно, на некоторое время покинуть Землю.

Филипп не удивился вопросу, он ждал его, и все же ответить сразу было трудно, мысли разбежались.

— Вы знаете... в общем-то, специалист я... вот если начальник бюро Травицкий...

— К сожалению, времени на переговоры у нас нет, да и не молод Кирилл Травицкий, такие беспокойные путешествия ему не по плечу. У вас есть иные причины для отказа?

— Да... н-нет, причин, собственно... тренировки в сборной, разве что, — забормотал Филипп, ненавидя себя за растерянность. — Я приглашен в сборную Земли, и тренер будет недоволен... если это надолго.

— Тренера я беру на себя, — сказал Томах. — Из формы ты не выйдешь, ручаюсь. Кстати, а на сколько действительно рассчитана наша командировка?

— На неделю, — подумав, сказал жизнерадостный Тектуманидзе. — Может быть, на две, максимум на три.

— Вполне определенно, — усмехнулся Томах. — Плюс-минус год.

— Согласны? — Керри Йос остался серьезным и спокойным, и Филипп вдруг понял, кого он напоминает, вернее, откуда в нем иногда мелькают знакомые черты: сдержанность, спокойствие, готовность к действию, быстрота оценки собеседника, внутренняя убежденность и сила. Эти черты были присущи и Томаху, и Богданову, и, наверное, всем работникам аварийно-спасательной службы, и отражали они не случайное явление, а доминанту характера, состояние души и тела.

— Согласен, — сказал Филипп хрипло.

— Спасибо. Тогда — завтрак, сборы и в дорогу. Слава, побеспокойся обо всем необходимом. Старт “Тиртханкара” через три с половиной часа.

— Пошли, — будничным тоном сказал Томах и встал. Ему было не привыкать.

Они вышли, зажмурились от смены освещения: коридор был залит ярким солнечным светом.

— Слава, — сказал Филипп, — а зачем такая спешка? Подождали бы экспертов из технического сектора и спокойно занялись проверкой этих ваших ТФ-ретрансляторов.

— А чужая цивилизация? — напомнил Томах. — Мы открыли пока всего одну цивилизацию, исследовав двести сорок звезд, цивилизацию Орилоуха, да и та оказалась негуманоидной, отказавшейся от исследования космоса. А здесь, похоже, она по крайней мере не уступает нашей в темпах освоения Галактики! Понял? Нам нельзя не спешить.

— Да-а, работа у тебя — не позавидуешь! Добровольцы — шаг вперед! Так? А кто такой Бассард?

— Что, не понравился?

— Как тебе сказать... угрюмый он какой-то, непропорциональный и недоброжелательный.

— В наблюдательности тебе не откажешь. Генри Бассард — начальник второго сектора УАСС, того самого, который отвечает

за безопасность системы Сададьмелека и всего созвездия Водолея; я имею в виду — безопасность исследователей. Ну, бог с ним, со вторым сектором, тебе еще представится случай познакомиться с Бассардом поближе. Я заметил твою мину, когда ты оценивал нашего Керри. Как он-то тебе показался?

Они вышли под прозрачный купол центральной ТФ-станции Управления, где располагалось более двухсот кабин мгновенного масс-транспорта. Станислав нашел свободную и посторонился:

— Входи. Ну и как? — повторил он вопрос.

— Вполне нормальный... я хотел сказать, обыкновенный. — Филипп вошел в светлую, с белыми “мраморными” стенами кабину. Станислав с некоторым трудом втиснулся следом: оба были широкоплечие, мускулистые, хотя Филипп весь — порыв, движение, а Станислав — невозмутимое “хищное” ожидание.

— Нормальный! — фыркнул Томах. — Обыкновенный! Он просидел на Орилоухе почти три года после той злополучной развед-контактерской экспедиции, во время которой погибли твои родители. Именно после этого случая и организовали в УАСС отдел “слепого контакта”, страхующий работу специалистов Института внеземных Культур. Керри был первым начальником ОСК.

Станислав рассказывал что-то еще, но Филипп его не слышал. Он вспоминал, как домой к ним пришла целая делегация работников Управления и Комиссии по контактам, чтобы сообщить о гибели отца и матери, и как он не поверил, и что было потом, в кошмаре пустых комнат... Грозный Орилоух, планета, физически почти тождественная Венере: океанов нет, плотность атмосферы “на дне” равна половине плотности воды, температура плюс пятьсот градусов по Цельсию. И странная небιологическая “цивилизация жидких кристаллоподобных форм”, разум, отказывающийся от любых контактов с другими разумными существами и без всяких объяснений уничтожающий гостей... Первая открытая вне Земли цивилизация... А Керри Йос провел в этом аду три года!..

— Да-а, — занемевшими губами произнес Филипп. — Три года на Орилоухе — это много!.. Куда теперь?

Томах пожалел, что затеял разговор об Орилоухе.

— В кафе мы теперь, знаю одно приятное местечко. Я, например, голоден. После завтрака будет время попрощаться. Тебе есть с кем?

— Не знаю, — пробормотал Филипп, вспоминая вдруг улыбку Аларики. — Разве что с Травицким?

Станислав набрал код выхода, ткнул пальцем в квадрат пус-ка, и их швырнуло в солнечный свет.

Керри Йос подвел Богданова к хрустальному шару, что-то щелкнуло, и внутренность шара наполнилась светом и жизнью. Это была объемная и почти масштабная модель второй спирали Галактики, так называемый Рукав Стрельца, в который входила и звезда-карлик Солнце.

— Есть еще одна проблема, — сказал Йос. — Более тревожная, чем остальные. Система Золотоволосой, планета Рыцарь...

— Орилоух на радиоязыке аборигенов, — уточнил Бассард.

— Да, Орилоух, мы тоже все чаще употребляем это название. Над планетой вращаются две наши орбитальные станции, одна обитаемая, вторая резервная, законсервированная. Вчера оттуда пришел сигнал: резервная станция вскрыта, кто-то ее посетил.

— Ого! — сказал Тектуманидзе. — Интересно. Неужели орилоухцы?

— Исключено.

— Тогда кто-то из персонала рабочей станции.

— Тоже исключено. Раз в полгода на станцию отправляется смена техников для проведения профилактических работ, эта смена и обнаружила следы чьего-то присутствия. Защита станции не пробита, продолжает работать, но следы тем не менее есть.

— Насколько я помню, у этих станций многослойная изоляция плюс ТФ-экран.

Керри молча нашел звезду, о которой они говорили, тронул в этом месте прозрачный шар кончиком щупа: шар отозвался тихим звоном.

— Но сквозь ТФ-экран не может проникнуть ни одно материальное тело!

— Мы не можем! — мрачно, с нажимом сказал Керри Йос. — Мы. А они, значит, могут.

— Кто они? Не орилоухцы же в самом деле.

— Все эти сообщения нуждаются в проверке, — веско сказал Бассард. — Лично я сомневаюсь в их истинности. Наследить на станции могли и сами техники еще в прошлое посещение.

— Сто сорок три парсека, — пробормотал Керри Йос. — До Садальмелека сто десять, до гаммы Суинберна сто сорок три. И все три звезды в разных секторах, и все три — на границе исследованной нами зоны. О чем это говорит?

— Не знаю, — помолчав, сказал Богданов.

— И я пока не знаю. А если не знает отдел безопасности...

— Значит, надо объявлять "Шторм" по Управлению!

— Ну, "Шторм" не "Шторм", а хотя бы степень АА: готовность службам наблюдения за пространством, усиление патрульного обеспечения, косморазведке перейти на форму "Экстра".

— Не рано ли? — Бассард скептически поджал губы. — Вы представляете последствия тревоги?

Они посмотрели друг на друга, четыре человека, знающие цену неожиданностям.

— Ну, Керри, что ты, право... — позволил себе улыбнуться Тектуманидзе. — Нас же двадцать миллиардов!

— Успокоил, — грустно усмехнулся начальник отдела. — Действительно нас двадцать миллиардов, из них восемнадцать на Земле и в Системе, остальные у других звезд. И я подумал: а не много ли это для других звезд?

Бассард задвигал своими бровями Карабаса-Барабаса из детской сказки.

— Что ты этим хочешь сказать?

Керри посмотрел на браслет видео, в квадратике которого проступили цифры времени, и медленно проговорил:

— *Sapienti sat**...

“Тиртханкар”, дежурный спейсер УАСС — километровый цилиндр, увенчанный чудовищной гребенкой генераторов разгона, вышел из собственного ТФ-коридора в метре от дрейфующей в свободном пространстве ретрансляционной ТФ-станции. До ближайшей звезды было немногим меньше семи парсеков, мизерность плотности космического звездного поля ощущалась здесь с особенной остротой, поэтому казалось, что станция давным-давно заброшена и не функционирует — уж очень неэффектно выглядела она на фоне звездной пыли Батыевой дороги, как звали Млечный Путь древние монголы. Именно с этой станции и ушел в неизвестном направлении транспорт с грузом перед тем, как спохватившиеся диспетчеры на Истории, второй планете Сададьмелека, куда направлялся груз, — растерянно докладывали Земле, что к Сададьмелеку пришло только волновое эхо передачи, а сам груз исчез в неизвестности.

Станция была автоматической, точно такой же, как и все промежуточные ретрансляторы, усиливающие стационарный ТФ-тоннель между станциями Солнечной Системы и планет у других звезд. Обслуживающий персонал появлялся здесь раз в два года — для профилактических осмотров силовых агрегатов и настройки дубль-систем. Но сейчас на ней не было ни одной живой души. Состояла она из двухкилометрового диаметра колец, соединенных тремя спицами изоляторов и создающих друг между другом приемно-передающий объем. Кольца были сделаны из металла и опутаны спиралями эмиттеров, окутанных “шубой” нежного голубоватого сияния.

Прибывших в первую очередь интересовали не силовые конструкции, а отсеки управления, прилепившиеся к кольцам и напоминающие драгоценные камни на перстнях.

* Умный поймет (лат.).

Филиппу, как специалисту, было интересно бродить в лабиринтах энергоголовушек и антенн, запрятанных в телах колец, сравнивать инженерные решения конструкторов Земли почти двадцатилетней давности с современными. Вместе с ним бродил по станции и Богданов, задавая иногда такие дельные вопросы, что Филипп только диву давался и однажды даже спросил, не работал ли инспектор когда-нибудь в Институте ТФ-связи.

— Не пришлось, — с улыбкой, смягчавшей пронзительный огонь в глазах, ответил Богданов. — Но я всегда интересовался ТФ-теорией и ее воплощением в действительность. Потому что от ТФ-транспорта — один шаг до перемещения в пространстве усилием мысли, а это моя мечта.

— Почему? — удивился Филипп.

— Тогда сама собой отомрет спасательная служба, каждый из нас сможет прийти на помощь другому, как бы далеко тот ни находился. Правда, тут возникает еще одна проблема — проблема мысленного общения, парасвязи. Причем проблема не физическая, а морально-этическая. Мысленный контроль над мгновенным перемещением в пространстве установить можно, а воспринимать чужую боль, страх, беду мы пока не научились.

— Для этого надо все время ощущать людей рядом, мысленно ощущать, эмоционально, видеть их пси-сферу, желания и стремления. По-моему, это уже иные качества, другая энергетика тела, физические характеристики. Останется ли тогда от человека что-нибудь человеческое?

— Останется, — развеселился Богданов. — Доброта и стремление к совершенству. Разве не так?

На осмотр станции ушло два условных дня, хотя Филиппу помогала бригада инженеров спейсера под началом Станислава Томаха. К концу этого срока Филипп проникся к Богданову симпатией и уважением, малоразговорчивый и противоречиво-спокойный — по оценке Филиппа — заместитель начальника отдела безопасности оказался не только знающим дело специалистом и остроумным собеседником, но и тактичным и сдержанным человеком, в чем сказалась двойственность его натуры. По виду, мгновенной реакции на любой жест и беспокойному блеску глаз он должен был быть очень подвижным, нервным, суетливым человеком, на самом же деле богдановская выдержка даже вошла в поговорку, такого самообладания не было у железного Томаха, и это изумляло Филиппа и заставляло самого относиться к себе жестче, требовательней.

Отсек управления “левым” кольцом ретранслятора, как называл его Томах, или “входом резонатора”, как он назывался в паспорте, прятался под прозрачным куполом, способным выдерживать ядерный взрыв, — три одинаковых помещения с тремя совершенно одинаковыми компьютерами, координирующими

работу оборудования станции. Два из них были дублирующими, но включенными постоянно в параллель с основным — во избежание срыва канала.

При первом осмотре аппаратуры Филипп вдруг обратил внимание на панель терминала обратной связи, установленную специально для профилактического контроля работы компьютера: в рабочем режиме терминал был без надобности. Прямо над сенсором включения пульсировала необычайно красивая звезда, изменяющая со временем спектр излучения: три вспышки рубинового света, три оранжевого, три желтого, потом зеленого, голубого, фиолетового, и снова вся серия сначала... Озадаченный Филипп полюбовался чистыми переливами света и включил информэксплуатации, однако в описании аппаратуры отсека не нашлось упоминания об индикаторе со сменой спектра. Судя по ответу информ, такая индикация не применялась на ретрансляторах вообще. Но “звезда” продолжала отсчитывать вспышки, как ни в чем не бывало, а главное, что источником света, как выяснилось, был просто участок панели, не имеющий подвода питания!

Филипп облазил весь терминал, сделал анализ материала панели и вынужден был сдаться: все параметры компьютера были в пределах нормы, а материал светящегося участка ничем не отличался от соседних. “Звезда” словно смеялась над ним, совершенно безобидная на вид, преобразившая панель в деталь от декораций сказки.

Может быть, это новейшая доработка оборудования? — пришла мысль. Но доработчики обязаны были оставить запись о реконструкции. Забыли? Маловероятно, хотя и не исключено. Что же это такое?

Ничего не придумав, Филипп поделился открытием с Богдановым, который отреагировал совершенно спокойно.

— Ну и что? — сказал он. — Вернемся и спросим у obsługi ретрансляторов, не копались ли здесь доработчики. Нам важно другое: узнать причину срыва груза.

На самом деле Богданов был очень и очень встревожен, но поделился своей тревогой только с Тектуманидзе.

Вечером второго дня, возвращаясь из очередной вылазки с Богдановым на станцию, Филипп, повинаясь больше инстинкту, чем сознательному решению, завернул вдруг в небольшой зал отдыха спейсера, откуда по коридору просачивались звуки музыки. Кто-то, вероятно, забыл закрыть дверь, и Филипп, прежде чем войти, с минуту размышлял, что потянуло его сюда.

В зале царил красноватый полумрак и был он пуст, лишь в дальнем углу, где мерцал созданный видеопластом костер, кто-то сидел за столиком, уронив голову на скрещенные пальцы рук.

Музыка стихла. Сидевший поднял руку, пошевелил пальцами — зазвучала новая мелодия, Филипп вздрогнул. Это была старинная атонация “Знак беды”, мелодия полузабытых лет, напоминавшая о горечи утрат. Она всегда вызывала у Филиппа лирически-грустное настроение, а что такое настроение, как не клещи сердца? И климат сердца у Филиппа после разрыва с Аларикой долго носил дождливый характер. Откуда же здесь эта мелодия?..

Душу защемило так, что Филипп прикусил губу, бездумно глядя на трепет оранжевых языков пламени. Музыка продолжала свое нежное, тающее журчание.

Человек за столом встал и растворился в полумраке. Но Филипп вдруг с суеверным страхом понял: женщина! Он не верил ни в совпадения, ни в мистику, но в этот раз ощутил в себе такой властный зов сердца, что, не раздумывая, шагнул в зал.

Женщина стояла у громадного черного провала в стене — один из внешних виомов был включен в направлении на южный галактический полюс — стояла, будто падая в абсолютную черноту пространства; взгляд невольно начинал искать искры света в этой темноте и не находил.

Филипп подошел, мучимый сомнениями, остановился, глядя на абрис женской фигуры. Женщина повернула голову... Он не ошибся, это была Аларика.

— Это ты, — сказала она низким спокойным голосом, будто они расстались час назад, будто не разделял их океан времени глубиной в пять лет и неизвестности, и почти угасшей боли потери. Почти?..

— Не думала, что встречу тебя среди безопасников.

— Я всего лишь эксперт по ТФ-аппаратуре и то временно. — Голос у него оказался таким же спокойным, и он усмехнулся про себя: в глубинах памяти шевельнулась надежда, но это была такая эфемерная ее тень, что здравый смысл легко расправился с нею. И все же... не умерла в душе память рук, память губ, память тела... Память голоса, движения, мысли... и память сердца... “О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной...” — всплыли вдруг строки. Чьи? Впрочем, какая разница? Случайные встречи только подчеркивают закономерность разлуки...

— Я тоже не ожидал встретить тебя на спейсере.

— Я по-прежнему врач-универсалист скорой помощи УАСС, хотя работаю в этом амплуа мало, практически один раз в месяц, дежурным врачом. Так получилось, что это мое дежурство совпало с экспедицией “Тиртханкара”.

— Почему же я не видел тебя со времени старта?

— Была занята и... хотя вру. Просто не хотела, чтобы ты меня видел.

— Что же изменилось сегодня? На спейсере этого типа можно прожить год и не встретиться.

Аларика отвернулась к виому. Танцующее, неумирающее пламя искусственного костра делало ее профиль загадочным, как изваяние древней богини.

— Мне рассказал о тебе друг моего мужа Никита Богданов. А я... захотела проверить.

— Богданов? Друг мужа? — Вопрос прозвучал недостаточно естественно и спокойно. Он приказал себе быть посдержанней, но в грудь снова плеснуло волной грусти, и Филипп вдруг представил Аларику в объятиях мужа — абстрактной фигуры, смахивающей на Мая Реброва. Это отрезвило.

— Да, некоторое время они работали вместе. — Аларика осталась спокойной и ровной. — Он ведь тоже был спасателем, хотя и не безопасником. А ты все там же?

Темнота скрыла запылавшие щеки Филиппа. Вопрос прозвучал, как незаслуженная пощечина. Грусть окончательно прошла, появилась злость.

— Все там же, — подтвердил он почти весело. — И по-прежнему играю в волейбол, как ты сама могла убедиться. Я спортсмен настроения, как говорил Ребров, я обидчив и самолюбив и не осуждаю себя за это. Каждый из нас пять лет назад решал по-своему: в силу эмоций — я, в силу неведомого мне расчета — ты...

— Я... — повторила она задумчиво. — Тебе не кажется, что ты довольно часто употребляешь местоимение “я”?

— Может быть, но мы не об этом. Ты мне тогда ясно сказала, что спорт — это несерьезно, это на год, на два, пока ты молод и неопытен и на вершине успеха... Неверно! Моя вершина еще впереди, и с высоты пяти лет, пока мы не виделись, я могу только повторить свои слова: волейбол, спорт — это на всю жизнь! Потому что большой спорт всегда приносил радость людям — и тем, кто им занимался, и тем, кто просто “болел”. Потому что в каждом из нас живет дух соревнования, а для меня волейбол — не просто игра для себя и для зрителей, это в первую очередь школа жизни, где есть все: радость победы и горечь поражения, ярость атаки и гнев ошибки, и напряжение мысли, и действие, в котором ты выкладываешься весь до конца! — Филипп выдохся и остановился. — Впрочем, прости, я, как всегда, увлекаюсь, в этом я не изменился.

Она молчала, вспоминая, как впервые встретила Сергея Реброва.

В тот вечер Филипп на свою беду пригласил ее на встречу с друзьями — был праздник Отмены Границ, он обещал познакомиться с легендарными безопасниками, асами аварийно-спасательной службы. Торжество было в разгаре, после фейерверка

они заполнили веселым шумом один из старинных банкетных залов Москвы. Филипп на минуту оставил ее одну — заметил кого-то из знакомых, и в это время в зал вошел Ребров.

Он не был ни особенно широкоплечим среди этих широкоплечих сильных парней, ни особенно красивым, ни особенно значительным, и все же она мгновенно выделила его из толпы, так и не поняв в тот момент, чем же он заставил обратить на себя внимание. Лишь потом, через несколько дней, после двух встреч с ним — он тогда тоже заметил ее сразу — она поняла: Сергей Ребров был целеустремлен и уравновешен во всех отношениях. Такого самообладания, как у него, твердых убеждений, принципов и уверенности в себе, Аларика не встречала ни у кого из своих прежних знакомых, и это решило ее судьбу, а заодно и судьбу Филиппа...

— Прощай, — сказал Филипп, делая шаг к двери. — Спокойной ночи.

— Постой. — Она подошла к столику, костер погас, вспыхнул белый свет. Щурясь от смены освещения, они разглядывали друг друга. Конечно же, пять лет наложили на них отпечаток: он стал мужественнее, сильнее, хотя губы все еще хранили отпечаток нерешительности или безволия; она — чуть полнее, женственнее... красивее ли? Как это выразить словами? Мы четко знаем, что такое уродство, а что такое красота?... В памяти всплыли строки Заболоцкого, прочитанные когда-то Станиславом на дне рождения Аларики:

... что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Слава умеет выбирать четверостишие, выражающее душу поэта, подумал Филипп. Стихи старые, как мир, а воспринимаются, как откровение...

— До свидания, — уже свободней произнес он. — Ты мне очень помогла сегодня, спасибо. Ты еще что-то хочешь сказать?

— Хорошо, если я ошибаюсь. — В глазах Аларики мелькнули упрямые огоньки. — Но и ты в одном ошибся. Пять лет назад я решила не в силу расчета, как ты думаешь, а в силу любви. Я любила Сергея.

Филипп несколько мгновений смотрел ей в глаза, поклонился и вышел, унося в душе все то, что она высказала взглядом, породившее смятение и бурю эмоций. Ему очень хотелось остаться, но прежде надо было разобраться в себе, в своих желаниях, иначе можно было наломать дров... В том, что Аларика любила своего мужа, сомневаться не приходилось. И эта ее сожалеющая усмешка — “ты все там же?” Филипп снова почувство-

вал прилив обидной горечи, и ему, как ни странно, стало легче. Аларика изменилась, но изменился и он...

На третий день Филипп наконец систематизировал свои сообщения и решил выложить их руководству экспедиции.

Экспедиционный зал спейсера был небольшой, но благодаря видеопласту создавалась иллюзия громадного ледяного грота, со стен которого брызгали снопы разноцветных лучей.

— Не люблю экзотики, — проворчал Томах, по молчаливому согласию Богданова выключая видеопласт. Грот исчез, одна за другой видеостены открывались в пространство, пока освещенный квадрат пола с креслами, столом, пультом селектора не оказался висящим в пустоте.

Серебристый шлейф Млечного Пути искрился мириадами алмазных игл, глубина космоса раскрылась так, что казалось — ты падаешь, падаешь, падаешь в засасывающую бездну, где ожидает тебя приглушенное бормотание Дороги Душ, неторопливое, но вечное течение Серебряной Реки* и ее бесконечность...

Филипп с усилием оторвал взгляд от пристального ока какой-то далекой зеленой звезды и повернулся к спасателям, рассевающимся по креслам.

— Автоматика станции в полном порядке, — начал он, ощущая необычную робость и волнение: в качестве эксперта ему еще не приходилось выступать, да и обстрел пяти пар глаз, принадлежавших суровым и требовательным людям, был непривычен. — Это, наверное, и не подлежало сомнению, надежность ретрансляторов подобного типа практически равна единице. Чтобы изменить параметры хотя бы одной цепи, необходимо взорвать всю станцию, а это далеко не просто. Станция работает нормально, во всяком случае, наши депеши Земля получает, как и мы ответы оттуда. Необходим эксперимент с передачей груза на Садальмелек, только тогда можно будет с уверенностью сказать об эффективности линии. Вот, пожалуй, и все у меня.

— Вывод ясен, — сказал начальник экспедиции Шалва Тектуманидзе. Одетый в просторную белую рубаху со шнуровкой, — компенсационный костюм спасателя он почему-то не любил, хотя тот был удобен и рассчитан на все случаи жизни, — сухой, жилистый, прокаленный солнцем, черноусый и чернобровый, он выглядел гостем, странником, гусяром, случайно забредшим в хижину, но оказавшимся в технически совершенном дворце. Филипп мысленно повесил ему через плечо холщовую суму и гусли, дал в руки посох и усмехнулся про себя — так великолепно начальник экспедиции вписывался в образ гусяра.

---

* Названия, которые давали астрономы древности Млечному Пути.

— Но позвольте вопрос, — продолжал Тектуманидзе. — Можно ли запеленговать приемную станцию, если при передаче груз снова сорвется с трассы Садальмелека?

— Нет, — подумав, ответил Филипп. — Во время возбуждения ТФ-поля при передаче любого сообщения или груза в пространстве образуется волновое эхо, но тут мы сталкиваемся сразу с двумя нерешенными проблемами. Первая — принцип неопределенности: чем длиннее и качественнее передача, тем эхо слабее и больше ошибка в определении координат передатчика. Вторая — аппаратуры для точной пеленгации ТФ-передач не существует, до сих пор она была не нужна. Обычный ТФ-приемник, как и корабельные трассеры, не годятся. Дело в том, что ТФ-поле — это не физическое поле в нашем понимании, а свойство пространства, отражающее топологические качества вакуума...

Филипп замолчал, интуитивно поняв, что объяснения его излишни: хотя его продолжали слушать, по едва уловимым признакам можно было понять — людей занимало другое.

— Еще вопрос, — вмешался Томах. — Не опасен ли эксперимент для работников конечных станций на Земле и на Истории?

— Гарантии дать, конечно, трудно, но конструкторы давно ушли от техники безопасности к созданию безопасной техники. При малейшей угрозе жизни людей сработают автоматы защиты.

— Сказано неплохо, — проворчал кто-то из команды спейсера, — но тем не менее случаются аварии и с безопасной техникой. Совещание закончилось.

Через несколько часов провели экспериментальный запуск груза с Земли на Историю. Груз — генераторы кислорода — прошел спокойно, без всяких эксцессов. Несколько часов подряд Филипп с помощью бортинженеров спейсера “гонял” трассу между Землей и станцией: канал ТФ-передачи в обе стороны работал безукоризненно, как и между станцией и Историей.

— Отсутствие результата — тоже результат, — утешил Томах Богданова, когда они усталые вернулись на корабль.

— Но первый груз исчез, — произнес тот отсутствующим тоном. — Куда? Кто его принял?

— Кто-нибудь принял. Надо просто обследовать все звезды этой области в радиусе пятидесяти парсеков — это предел для прямой ТФ-связи на тех частотах, которые мы используем.

— Гениально! В радиусе пятидесяти парсеков около тысячи звезд!

— Ну что ж, — не сдавался Станислав, — тогда мы пошлем сообщение по всей Галактике — верните, мол, наши грузы!

Богданов невольно улыбнулся.

— Разве что.

— Я пошутил.

— А я нет. Идея неплохая. Кстати, от всего нашего копания на станции у меня осталось нехорошее чувство, будто мы что-то упустили из виду.

— Не из-за тайны ли “звезды Ромашина”? Ведь мы так и не установили, что это такое и по какой причине возникло. Знаем только, что доработчики здесь ни при чем.

— Может быть, есть смысл еще раз замерить параметры среды в этой точке? Но будет ли результат?

Томах пожал плечами.

— Филипп замерял, я, ты тоже. Конечно, придется проверить еще раз, что нам остается. Твое мнение о Филиппе?

— Хороший парень. Правда, выдержки маловато, да и вяловатый он не по возрасту, но это дело поправимое, со временем из него мог бы получиться...

— Ну-ну, договаривай.

— Что договаривать? Я ведь тебя знаю, неспроста ты заостряешь на нем внимание, нет?

— Да. — Томах остался серьезным. — Выдержка — дело наживное, а вялость жизненной позиции — дело поправимое. По моему мнению, он находка для службы, только не знает об этом. Что скажешь?

— Поживем — увидим. Прежде всего надо получить его согласие, а я не вижу, чтобы он хотел бросить свою работу в бюро Травицкого.

Спустя двое суток “Тиртханкар” подходил ко второму ТФ-ретранслятору, с которого не прошел груз к планетам звезды гаммы Суинберна. Но и там людей ждало разочарование: станция работала в пределах нормы, никаких следов вмешательства посторонних сил в ее работу не нашлось. Кроме одного: “звезда Ромашина” сияла и там, не связанная ни с одним источником энергии, никоим образом не действующая на приборы, не проявлявшая никаких других свойств, кроме ритмичной пульсации спектра излучения.

Передав на Землю неутешительную информацию, Тектуманидзе неожиданно получил приказ следовать к Кохабу — бете Малой Медведицы, возле которой на планете Шемали начала недавно работать первая “квартирьерская”, как их называли, экспедиция.

Двести девяносто парсеков — сто восемьдесят до Солнца и сто десять от Солнца к Кохабу — “Тиртханкар” преодолел за трое суток.

Еще через сутки карантина Филипп ступил на почву Шемали, слегка оглушенный избытком впечатлений и астрономическими расстояниями, которые преодолел вопреки своим желаниям. Его уже перестала удивлять “безумная” щедрость Земли в отношении снабжения спейсеров аварийно-спасатель-

ной службы энергией, ибо он понял — делается все это ради той же Земли, ради ее повелителей, покинувших колыбель и углубившихся в безмерное поле тьмы космоса.

Вокруг Шемали вращалась одна базовая орбитальная станция, на которой недавно вступил в строй стационарный таймфлаг. С включением его в рабочий режим вопрос доставки научных материалов на Землю превращался в совсем простую операцию, несмотря на колоссальные расстояния в десятки парсеков.

За время карантина Филипп познакомился с настройщиками, так же как и он, выпускниками Рязанского института ТФ-связи, и помог им в калибровке главной антенны, за что получил благодарность производителя работ.

Спуск на планету происходил стандартно, как и возвращение на Землю с ее орбитальных лабораторий, оранжерей и космодромов — по каналу орбитального лифта, соединяющего станцию с пунктом приема на планете. Единственное, что отличало здесь операцию спуска, — одевание компенсационного костюма.

Филиппа пригласили в цилиндрический бокс, на минуту подключили к блоку медико-биологической изометрии для замера физических и физиологических параметров тела, всунули в рот мундштук, надели на глаза телескопические очки, а на уши аудиофоны и впихнули голого в странную черную массу, заполняющую бак без крышки. Из бака Филипп вылез в черном “трико”, облегавшем тело от макушки до пят. В таком наряде спасателям предстояло пребывать на планете неопределенное время, отведенное для решения новой задачи — какой, об этом знал пока только один Тектуманидзе.

Филипп с любопытством опробовал странную одежду. К его удивлению, она ничуть не стесняла движений, была легкой и вызывала удивительное чувство силы. Томах, выглядевший чертом, как и остальные, отсмеявшись, пояснил:

— Костюм служит одновременно и экзоскелетом, увеличивающим любое мускульное усилие.

По словам инспектора, костюм выдерживал выстрел из “универсала”, температуру до тысячи градусов, служил кондиционером и одновременно удалял все отходы метаболизма тела.

— Здорово! — сказал искренне Филипп. — А из чего он сделан? Что за материал?

Они уже входили на галерею станции, откуда начинался трехсоткилометровый туннель к поверхности планеты, кажущийся прозрачной голубоватой трубой. Труба упиралась в слой змеящихся облаков и пропадала в их зеленовато-серой мути.

— Материал? — переспросил Станислав. — Да самый что ни на есть простой — колония микроорганизмов, запрограммированная определенным образом. Не отставай, пойдем парой, остальные уже внизу.

Ошеломленный Филипп ощупал на себе “колонию микроорганизмов”.

— Вот так костюм! А почему он черного цвета? Не могли покрасить в разные цвета?

— Во-первых, потому что микроорганизмы поглощают солнечный свет и почти все виды радиаций, а во-вторых, любое красящее вещество для них — продукт питания.

— Теперь понятно. Одно только неясно — зачем они нам вообще? Ведь Шемали — планета земного типа, как мне сказали.

— Земного, да не совсем. Что ты привязался ко мне со своим мундиром? Не нравится — попроси легкий скафандр, а в “гражданском” тебя вниз никто не пустит, планета еще не проиндексирована по шкале безопасности.

Они молча продолжали путь по галерее, сопровождаемые стрелкой путеуказателя, плывущей по стене, потом Филипп спросил:

— А как это — в гражданском? Ты говорил, не пустят в гражданском...

Томах не выдержал и засмеялся.

— Ох и дотошный ты мужик, Ромашин! В “гражданском” — это словарный запас почти трехсотлетней давности, тогда почти половина населения Земли ходила в военном обмундировании, а остальные, естественно, в гражданском. Ты часом не издеваешься? Историю-то в школе проходил, как и все.

В конце галереи они надели вакуум-маски, вошли в белый конус кабины лифта с цифрой “десять” на дверце, автомат-лифтер отсчитал десять секунд в обратном порядке, и мягкая, но властная лапа швырнула кабину с начинкой в туннель, сходящийся в точку в невообразимой дали.

Полет продолжался ровно шесть минут. Видимо, чтобы не травмировать путешественников эффектом падения в бездну планеты, стены кабины не становились прозрачными во время полета, и Филипп не увидел Шемали с разных высот.

Прозвучал предупреждающий сигнал автомата, та же мягкая лапа без усилий поймала кабину и почти нежно внесла в приемный зал лифта. Дверца отошла вверх, спасатели вышли из здания лифта в шемалианский день.

Филипп остановился, пораженный открывшимся пейзажем.

На первый взгляд на Шемали царили два цвета: черный и желтый! Черный — почва, пологие склоны гор, полуразрушенные временем скалы, желтый — мутное небо с яркими прожилками, лес и группа каких-то построек явно земного происхождения. Со временем Филипп разобрался в оттенках шемалианского ландшафта, но в первый момент своеобразие контраста — черное с золотым — буквально потрясло его.

Догнав ушедшего вперед Томаха, он подумал: а все же костюмы делают нас чересчур похожими на участников маскарада, разве что хвостов не хватает. Действие первое: черти спускаются в потухший ад! Вопрос — зачем?

— Слава, мне толком никто и не объяснил, почему мы здесь.

— Мне тоже, — отозвался Томах. — Потерпи, эксперт. Кстати, эксперту УАСС необходимо быть выдержанным, уверенным и многозначительно молчаливым. Хотя, с другой стороны, спасатели тоже люди и могут...

— Ошибаться, — подхватил Филипп.

Томах с недоумением оглянулся.

— Нет, эксперт, сомневаться. Только не ошибаться.

Они вошли в самый большой из желтых куполов жилого комплекса экспедиции и, миновав тамбур, очутились в круглом помещении, просторном, уютном, с “настоящим” солнечным светом, льющимся с “небес” — весь потолок служил фоном видеопласта, отчего казалось, будто крыша купола отсутствует и внутрь заглядывает веселое земное солнце.

Купол был, вероятно, кают-компанией и одновременно командным пунктом экспедиции: за полупрозрачной перегородкой, делившей помещение на две почти равные части, виднелись силуэты каких-то аппаратов, низких пультов с виомами и мигающими индикаторами. Оставшаяся половина площади помещения была заставлена изящными столиками и всевозможной формы креслами, а у стены стояли рядом автобар и кухонный универсальный автомат, модель “Комфорт-М” на пятьдесят персон.

Кают-компания была почти пуста: за двумя сдвинутыми столиками расположились гости с “Тиртханкара” и хозяева, хотя кто из них кто — понять было трудно, одеты они были в такие же черные костюмы. Филипп, приглядевшись, опознал только Богданова и Тектуманидзе, по глазам. Остальные “черти” были незнакомы. Один из них, широкий, громоздкий, встал из-за стола и пошел навстречу вновь прибывшим.

— Заходите, гости дорогие, заходите смелее. Давайте знакомиться, Тарас Вернигора.

— Ну, меня ты мог бы и узнать ради приличия, — сказал Томах, подавая руку. — Год назад вместе посещали секцию тайбо.

— Вай, как нехорошо, — огорчился Вернигора. — Прости, дружище. Как же это я не узнал соперника по ковру, мывшему мне бока в течение трех лет?

— Ромашин, — представился Филипп, протянул руку и словно попал в капкан.

— Филипп — наш новый эксперт, — сказал Тектуманидзе, хотя это было не совсем верно.

— А я начальник экспедиции, — сказал Вернигора. — Эксперт, вы случайно не спортсмен? Мне кажется, я вас уже где-то видел. Да и рука у вас крепкая, тренированная.

— Не случайно, — сказал Филипп, чувствуя себя неловко из-за того, что все внимание приковано к нему. “Интересно, откуда видно, что я спортсмен? — подумал он. — По глазам, что ли? Или он меня действительно видел где-нибудь на соревнованиях?”

— Извини, Тарас, давай о деле, — вмешался Тектуманидзе. — Повтори еще раз те данные.

— Да, о деле, — согласился Вернигора, отпуская руку Филиппа и возвращаясь к столу. — Дело состоит вот в чем. Экспедиция у нас квартирьерская, исследовательская группа немногочисленная, в ее составе всего двадцать восемь человек, а строительный отряд почти в девять раз больше. Вы, наверное, видели с воздуха некоторые наши сооружения, имеется в виду законченные, остальные только начинают строиться. План застройки большой, и экспедиция нуждается и в людях, и в технике, особенно в технике. А тут на тебе — груз с Земли не приходит!

— Не понял! — удивился Томах.

— Пока мы исследовали причины исчезновения грузов на Истории, точно такой же случай произошел и здесь, — пояснил Богданов. — Четверо суток назад. Они решили дать пробный пуск линии, на Земле старт-камера освободилась, а финиш-камера здесь, у Шемали, даже не мякнула.

— Вот оно в чем дело. И Шалва знал об этом, но не сказал ни слова?

— Не стриги мне усы на ходу, — проворчал осуждающе Тектуманидзе, хотел по привычке погладить усы, но наткнулся на гладкую черную поверхность костюма.

— Но это еще не все, — продолжал Вернигора. — До исчезновения груза, вернее, до того, как с Земли нам передали, что груз к нам ушел, мы заметили “зеркала”. Не придали им особого значения. Потом оказалось, что “зеркала” не совсем простые, но об этом я рассказывать не буду, пощупайте их сами. Ну, а вслед за открытием произошел срыв транспорта с грузом.

— В таком случае нам надо проверить ретрансляционные станции, а у вас нам делать нечего.

— Кто знает... — загадочно сказал Вернигора. — Именно после появления “зеркальных перевертышей” и случилась эта история с грузом. Так что вполне вероятно, что они каким-то образом связаны.

— Погоди, ты же сначала говорил о “зеркалах”. А “перевертыши” что такое?

— Это одно и то же.

— О “зеркала” мы узнали уже от вас, — сказал Тектуманидзе. — С Земли на спейсер пришла ТФ-депеша об исчезновении груза на Шемали, и вот мы здесь. Кстати, какого характера груз должен был к вам прийти?

— В основном оборудование терраформистов: комбайны для грунтовых и горных проходок, плазменные резаки, аппаратура объемного взрыва и так далее.

— Весьма любопытно.

Вернигора помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Мы разбили лагерь на Шемали два месяца назад. Сейчас, конечно, здесь почти никого нет, исследователи разбрелись по всем материкам планеты, строители и терраформисты успели построить себе стационарный поселок, и база по существу превратилась в пункт обслуживания отрядов, тем более, что лифт от орбитального таймфага тоже опущен сюда. И все было бы хорошо, если бы не инцидент с грузом. Ну и “зеркальные перевертыши” — тоже интересная штучка. — Начальник экспедиции подождал, вопросов не дождался, кхекнул и продолжал: — Представьте, что на скале, возле которой проходили раньше десятки раз, вдруг начинает отражать свет одна из плоских граней! Как самое настоящее зеркало. Это тем более впечатляет, что цвет скал здесь — сами видели — черный или темно-коричневый. Естественно, мы заинтересовались явлением, обнаружили еще несколько “зеркал” в разных местах, стали изучать и... давайте я вас провожу к одному из них. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Самое интересное, что “зеркала” способны перемещаться. То есть видеть их в момент перемещения никто не видел, но стоит группе сменить место базирования или работы, как на новом месте вскоре обязательно возникает “перевертыш”. А на старом исчезает.

— Не очень-то это впечатляет, — проговорил Томах. — Похоже, вы открыли новое физическое явление — и только. С чем и поздравляю. Разве разведчики не предупреждали вас о подобных явлениях?

— В том-то и дело!

— Это не аргумент. Я все равно не вижу причины, из-за которой нас погнали за тридевять земель.

— Слава, ты просто плохо информирован, — вмешался Богданов. — Дело в том, что и на Истории, вращающейся вокруг Садальмелека, обнаружены какие-то “зеркала”. И у меня смутное предчувствие, что я нечто подобное... — Он замолчал.

Томах подождал продолжения.

— Вот как? Зачем же тогда мы не высадили десант на Садальмелеке, а сразу двинули сюда?

— Те “зеркала” на Истории с исчезновением транспорта никто не связывал, — сказал Тектуманидзе. — Когда пришел при-

каз двигаться к Шемали, еще не было известно о здешних “зеркалах”. Но теперь понятно, что “зеркала” и пропажи действительно взаимосвязаны, и нам придется заняться ими вплотную. Физические параметры “зеркал”, я надеюсь, зафиксированы?

Вернигора встрепенулся.

— Конечно. Один из них совсем рядом с базой, на Вепре — это скала такая. — Начальник экспедиции встал, жестом пригласил всех за собой. — Не удивляйтесь, скалы на Шемали — одно из чудес света! Формы их столь разнообразны и удивительны, что ребята уже не раз докладывали мне о находках “развалин городов”. Пойдемте, покажу вам “зеркало”. Захватите антигравы, а то пешком ходить по местным буеракам не слишком приятно.

Спасатели вышли из помещения, окунаясь в мрачное “подземелье” шемалианского ландшафта, такие же черные в своих костюмах, как и окружающие долину скалы, словно они искони принадлежали этому миру и могли в нем растворяться без следа.

И тут Филипп понял причину своего недовольства тем, что костюмы будят мрачные ассоциации. Недаром крупные видеописатели современности обращали внимание на моральную сторону космической экспансии человечества, и в связи с этим Филипп даже вспомнил тему одной из видеоповестей: “Всегда ли человек несет с собой добро?” Факт — должен! Но вот несет ли? Слишком часто в поисках новых сырьевых и энергетических ресурсов он не заботится о побочных явлениях своего вмешательства в природу и в результате приходится восстанавливать экологическое равновесие чуть ли не в масштабах планеты, как это было век назад с Землей. Других примеров Филипп не знал и решил при случае расспросить об этом Томаха, не ведая, что своими расспросами даст толчок к решению завязавшейся глобальной проблемы, первые признаки которой — исчезновение грузов и появление “зеркал” — они только начали изучать.

Он оглянулся назад, по-новому всматриваясь в расположение базового лагеря экспедиции, и вдруг заметил над входом в соседнее здание странную лучистую звезду, “играющую” цветовую гамму: от голубого до багрового, по три вспышки на каждой частоте. Филипп живо припомнил найденную им “звезду” на пульте управления ретранслятором.

— Что остановился? — окликнул его Богданов. — Не зевай, эксперт.

Один за другим люди поднялись в воздух, и Томах, стартовавший последним, весело прокричал строфу из Гейне:

Это в пору полнолуния
В ночь Иванову случилось —
Кавалькада чертовщины
Пронеслась тесниной духов.

Лагерь остался позади, приблизилась цепь скал, и в самом деле напоминавших руки. Вернигора резко спикировал к одной из них и встал на толстый ковер мха коричнево-красного цвета. Остальные опустились рядом, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Скала с “зеркалом” напоминала очертаниями диковинного зверя, сходство с ведром она имела весьма отдаленное, но ощущение мрачной мощи, реальной угрозы от этого не проигрывало.

“Зеркало” представляло собой трехметровую плоскость, отполированную до такой степени, что она отражала свет не хуже настоящего металлического зеркала. Фигуры людей в нем искажались самым причудливым образом, хотя поверхность “зеркала” на глаз казалась абсолютно голой. Филипп поймал себя на мысли, что это “зеркало” весьма напоминает ему недавний розыгрыш с КОТом в рабочем кабинете института, розыгрыш, так и оставшийся неразгаданным.

— Вот такие пироги, — сказал Вернигора, разводя могучими руками; его двойник в “зеркале” тоже развел руками, но вывернутыми в локтях. — Из физических параметров, отличающих это место от других, следует отметить слабую магнитную аномалию да еще, пожалуй, микроволновой фон. Все материалы я вам выдам в лагере. Ну, посмотрели?

— А ведь отсюда открывается отличный вид на весь лагерь! — заявил вдруг Томах со странной интонацией. Он был единственным, кто не подошел сразу к “зеркалу”, а сначала обошел площадку кругом.

— Может быть, — пожал плечами начальник экспедиции. — Никогда об этом не задумывался.

Он подошел к Станиславу, приставил руку козырьком ко лбу.

— Гм, действительно... ну и что?

Томах оглянулся на Богданова.

— Не знаю... ничего определенного, просто показалось странным. Филипп, я помогу тебе с контрольными замерами. Какая нам понадобится аппаратура?

— Вся, какая есть, — резонно заметил Филипп, толком еще не зная, что именно придется замерять.

— Снабдим, — заверил спутник Вернигоры. — Хотя мы сами тут обнюхали все до камешка.

— Кстати, — Вернигора поднял с площадки угловатый черный обломок камня. — Это знаменитая шемалианская горная порода псевдоникс. Смотрите.

Он с размаху ударил камень о выступ скалы, и тот рассыпался фонтаном осколков. Начальник экспедиции поднял несколько кусков и подал спасателям. В местах сколов обломки отливали фиолетовым и красным цветом, и каждый из них напоминал

недоработанную скульптуру — удивительные фигурки людей, зверей, птиц — изделий рук человеческих.

— Что это? — спросил скептически Тектуманидзе, вертя в руках одну из фигур. — Как ты это делаешь? Фокус?

— Отнюдь. Это так называемая спонтанная асимметрия кристаллизации породы. Явление сверхредкое, если не единственное в своем роде. Но псевдоникс не последняя достопримечательность планеты, здесь много работы и для ксенобиологов, и ботаников, и зооморфологов. Нам повезло, что мы тут первые. Планета, как мне кажется, подпадает под статью эстетических ресурсов человечества как зона отдыха. Но я еще не все показал. Ждите.

Вернигора повернулся к “зеркалу” и с ходу вошел в него, как в открытую дверь.

Филипп ожидал стеклянного удара и фейерверка осколков, но поверхность “зеркала” чуть помутнела, а потом восстановила зеркальный блеск, отражая мир перед собой. Вернигора исчез!

Потрясенные гости переглянулись. Филипп открыл рот, собираясь рассказать Томаху о своей встрече с подобным “зеркалом” в своем институте, но передумал.

— И что дальше? — спросил Тектуманидзе спустя минуту.

— Подождем, — сказал один из старожиллов. — Он появится минут через десять-пятнадцать. Максимальная задержка выхода из “перевертыша” тридцать три минуты, минимальная — восемь, мы замеряли. Чем объясняется разброс, неизвестно.

— А что там происходит с входящим?

— Да ничегошеньки. Не успеваешь сообразить, как уже выходишь! То есть для входящего проходит буквально мгновение, а выходит он через полчаса, причем не задом, а так, будто его незаметно повернули на сто восемьдесят градусов.

Спокойная гладь “зеркала” вдруг пошла рябью, затуманилась, из нее вынырнула нога и рука идущего человека, потом весь Вернигора.

— Ну как?

— Потрясающе! — сказал Тектуманидзе. — Дверь в параллельное измерение, не иначе. Я даже не уверен, что оттуда вышел именно ты. Вдруг вы обменялись?

— С кем? — опешил начальник шемалианской экспедиции.

— Со своим двойником из зеркального мира. Представляешь последствия? Придется тебя подвергнуть изучению и обследованию, как и само “зеркало”.

Вернигора рассмеялся.

— Шутишь.

— Ничуть, — жестко сказал Тектуманидзе. — Вероятность существования “зеркальных миров” после работ Баташова-Каэдо-Сайкса доказана наукой, так что смеяться рано. Ты мог бы и

сам скумекать, где можно рисковать, а где нет. Я, конечно, не верю в подобный обмен, но я безопасник и обязан проверить любую возможность.

Вернигора посерьезнел.

— Пожалуй, ты прав, я не учел всех последствий. Но ведь и мы не лыком шиты и прежде, чем уходить в “другие измерения”, проверили все дистанционно. Что ж, будем исследовать феномен со всех сторон, в том числе и со стороны медицины и биологии. Я готов.

Через полчаса, побродив по скалам, спасатели вернулись в лагерь, нагруженные ворохом впечатлений от “зеркальных перевертышей” и диких ландшафтов Шемали, размышляющие о ее поразительных особенностях. Филипп прикидывал, сообщить ли Томаху о встрече с “зеркалом” на Земле, но решил повременить, сначала изучив феномен “перевертыша”, хотя его и поразила полная идентичность явлений. Он не придавал значения серьезности того, о чем предупредил Тектуманидзе, такая мера ответственности была ему пока не по плечу.

Филипп продиктовал дежурному бортинженеру “Тиртханкара” список необходимой аппаратуры, которой не оказалось у гостеприимных хозяев, и в ожидании ее прибытия решил еще немного побродить в окрестностях лагеря. Томах с Богдановым на антигравах отбыли в неизвестном направлении, а Тектуманидзе вернулся на корабль, так что новоиспеченный эксперт остался в одиночестве, предоставленный самому себе.

У лагеря он, к своему удивлению, встретил Аларiku. Разговора не получилось: она явно хотела остаться одна, а Филипп так остро чувствовал ее желания, что вовремя остановил язык, готовый завести куда угодно. Во взгляде Аларики мелькнула благодарность, она поняла его сдержанность. Они разошлись в разные стороны, хотя Филиппу как никогда хотелось многое поведать и многое услышать в ответ. Дразнящая женственная красота Аларики, которую не портил даже черный костюм, превративший ее в лукавую ведьму из старинных сказаний, разбредила душу, и чтобы восстановить утраченное душевное равновесие, Филипп заставил тело работать физически — взобрался на вал древней морены, превращенный выветриванием в стену бастиона с башнями и бойницами. И обнаружил здесь еще одно “зеркало”. Воровато оглянувшись, сунул руку в гладкую плоскость. Рука исчезла. Ни тепло, ни холодно. Филипп попытался выдернуть ее обратно — не тут-то было! Впечатление такое, что рука вмурована в монолит! Вперед — пожалуйста, а назад — легче отрезать. Потоптавшись у “зеркала”, понимая, что выглядит со стороны смешно, он вынужден был пройти “перевертыш”, и вышел обратно без всяких вторичных эффектов — кроме задержки во времени (на двадцать две минуты, как он узнал потом).

Вспомнив замечание Станислава, Филипп посмотрел на лагерь, и странное подозрение зародилось в мозгу — с этой точки лагерь также просматривался великолепно!

Эксперт оперся рукой о камень и невидяще уставился на какое-то тщедушное существо, уползавшее из-под ног под защиту каменного козырька. Черт возьми! Развивая мысль Славы, “зеркала” можно представить как своеобразные следящие устройства! С туннельным пространственным эффектом. Но кому это нужно — следить за лагерем? Аборигенам? Чушь! Планета признана необитаемой... Тогда кому?

Филипп поморщился, а подозрение уже крепло, превращалось в уверенность: не чушь, не чушь! Недаром и Шалва связал события — грузы и “зеркальные перевертыши”, и Земля тоже, случаи-то уже не единичные! Сначала на Истории, теперь на Шемали, да и дома, на Земле, хотя непонятно, за кем там следить. За ним, Филиппом? Невелика шишка... А может быть, совпадения? С чего это у меня вдруг заиграло воображение? Как там говорил Слава: эксперт должен быть выдержанным и многозначительно немногословным... если нечего сказать.

Он усмехнулся, сделал шаг и... шарахнулся в сторону: ползущее лохматое существо, похожее на шапку-ушанку, вдруг подпрыгнуло, плюнулось в его сторону чем-то желтым и издало такой дикий вопль, что с минуту со всех сторон доносилось каркающее эхо.

Существо, как ни в чем не бывало, опустилось на камни и поползло прочь, не сводя с замершего человека нескольких пар глаз-бусинок.

— Однако! — пробормотал оглохший Филипп и вежливо приподнял несуществующую шляпу. — Простите, сэр, я вас, кажется, напугал? Но и вы в долгу не остались, так что дуэли не будет — мы квиты.

Засмеявшись, он повернул назад, прыгая с камня на камень, спустился в подножию “крепостной стены”, еще раз посмотрелся в “зеркало”, невозмутимо отражающее желтый пламень неба, и припустил к таким же чистым и желтым куполам лагеря.

Три дня провел Филипп возле таинственных “зеркальных перевертышей”. Ему помогали инженеры “Тиртханкара”, неразговорчивые парни, понимающие друг друга с полуслова, и Томах.

На исходе вторых суток при погружении в “зеркало” универсального всеволнового измерителя внезапно сработал один из малых ТФ-трассеров, несмотря на “малость”, весивший на Шемали вместе с гравитационной антенной около трех тонн. ТФ-трассеры применялись на космолетах для определения

координат выхода корабля из ТФ-канала, Филипп настоял взять два аппарата скорее из упрямства, чем по необходимости: все-таки таймфаговая аппаратура была его слабостью, и вот один из взятых с собой трассеров выкинул красный сигнал.

Филипп сначала даже не поверил глазам, узрев сигнал, но раздавшийся вслед за этим гудок заставил его подскочить к пирамиде трассера.

— Эхо! — растерянно сказал он, заметив вопросительный взгляд Томаха. — Трассер обнаружил волновое эхо в пространстве! Кто-то где-то рядом только что провел сеанс ТФ-связи!

— Точно, — подтвердил один из инженеров, подходя к трассеру и наклоняясь над плечом Филиппа. — Трассер обнаружил таймфаговый “след”, еще тепленький.

— Ну и что? — сказал Томах. — “Тиртханкар” передал на Землю ТФ-депешу... или Вернигора разговаривал с Землей.

Филипп отрицательно мотнул головой.

— Частоты наших каналов ТФ-связи лежат далеко в стороне от принятого “эха”. Да и мощность невелика... Кстати, почему-то не сработал второй трассер, странно...

— Ничего странного, — сказал инженер. — Диапазон частот второго на порядок меньше, вы же видите класс. Мы используем его только для определения фона и грубой ориентации в евклидовом пространстве.

Филипп вспомнил свои странные предположения, и сердце снова сжала холодная лапа тревоги. Он бегло просмотрел данные, полученные с помощью многочисленных датчиков, измерителей полей и другой аппаратуры, высвеченные на терминале компьютер-координатора исследовательского комплекса, и решил поговорить с Томахом. Но Станислав сам подошел к нему, удивительным образом уловив его смятение: лица людей скрывались под масками, и мимики лица Филиппа он видеть не мог.

— Что-нибудь случилось? Ты какой-то растерянный.

Филипп невольно посмотрел на блистающее “зеркало”.

— Отойдем, — решил Томах и отвел его в сторону. — Рассказывай. Ты что, встречал “зеркальные перевертыши” раньше? Я видел, как ты реагировал на эффектный вход Вернигоры в “зеркало”.

— Мне кажется, точно такое же появилось сначала на Земле. — Филипп рассказал о своей встрече с “зеркалом”, которое он принял за видеопризрак КОТа.

— М-да. — Станислав по-новому взглянул на друга. — Интересный крен получается. Сначала Никите на Земле повстречалось “зеркало”, теперь, оказывается, и тебе тоже...

— Никите?! Когда?

— В тот вечер, когда нас собирал Керри. Его “прыгунок” врезался в нечто, напоминающее “зеркальную стену” и... ока-

зался развернутым на сто восемьдесят градусов без всякого ущерба. Из-за этой встречи Никита и опоздал, помнишь? “Зеркало” держало его около пятидесяти минут.

— Вот так номер! Что же это означает?

— Только одно, мой друг, — за нами кто-то установил наблюдение. Ведь если я тебя правильно понял насчет “эха”, “зеркало” только что передало сообщение, так?

— Примерно так. Никогда не думал, что такое возможно! В таком случае “зеркальные перевертыши” — суть таймфазовые станции с неактивным выходом и временной задержкой, иными словами — накопители-передатчики информации. Они явно не имеют своих энергопитающих систем и тем не менее не связаны со своими хозяевами все время ТФ-каналами, а выдают информацию только при облучении. Направленная ТФ-волна инициирует их и “снимает” запасенную информацию. Только в этом случае энергия им не нужна. Зато теперь мы можем попытаться запеленговать их ТФ-передатчик, надо только разработать и изготовить на основе трассеров пеленгационную аппаратуру в нужных диапазонах и с необходимой чувствительностью. Одно мне непонятно: зачем “зеркалам” такие экзотические свойства? Имею в виду “вывертывание наизнанку”.

Станислав хмыкнул, оглянулся на “зеркало”, равнодушное ко всему, как казалось недавно, вздохнул:

Драгоценное зеркало ждет,
Чтобы в нем отразился цветок,
Но об этом узнает ли тот,
Жду кого я в назначенный срок!*

Филипп озадаченно посмотрел на спасателя.

Томах улыбнулся глазами.

— Учись удивляться спокойно, эксперт... хотя твои предположения несут больше вопросов, чем ответов. Да, “зеркала”, вероятно, следящие устройства. Но чьи? На Шемали нет и не было разума, как и на Истории, кстати. — Томах задумался на мгновение. — Ты не обижайся, в твоей компетентности никто не сомневается, но... не ошибаешься ли ты?

Филипп улыбнулся, собираясь ответить, что обижаться тут не на что и надо будет, конечно, не раз проверить новые свойства “зеркал”, но Томах снова угадал его мысли и благодарно сжал руку.

— А не напрасно мы тебя взяли, ей-богу! Помог ты нам здорово! Но все-таки постарайся проверить свои выводы, а?

— Будем ждать следующего “эха”, — сказал Филипп; ему, конечно, давно осточертели мрачные, подавляющие психику

---

* Вэнь Тинъюнь. Мелодия Пусамань.

пейзажи Шемали, хотелось скорее очутиться на Земле, окунуться в привычную атмосферу забот, тренировок и творческого поиска в “мыслительном” центре ТФ-института, но вслух он этого не сказал.

“Тиртханкар” вернулся на Землю лишь спустя две недели после разгадки тайны “зеркальных перевертышей”, относительно, разумеется: свойства “выворачивания” остались неразгаданными. Повторные, более тонкие измерения полей вокруг них, а также вблизи “звезды Ромашина”, бесстрастно продолжавшей высвечивать “нотную гамму”, не подтвердили и не опровергли гипотезу Филиппа — что “зеркала” есть своеобразные пассивные следящие системы, выдающие ответ при облучении их ТФ-полем. Кем они были установлены и с какой целью, осталось также неизвестным. Вернее, можно было догадаться, что цель этих неведомых любопытных, получивших собирательное название Наблюдатель — слежение за действиями исследовательских групп на Истории и Шемали (“зеркала” на Истории изучали “настоящие” эксперты Управления, об этом Филипп узнал от Томаха уже на Земле), но так ли это на самом деле — никто наверняка знать не мог. К сожалению, запеленговать передачи хозяев “зеркалам” не удалось: во-первых, потому что чувствительность имеющейся в распоряжении людей аппаратуры была на два порядка ниже, чем следовало, во-вторых, она работала в узкой полосе спектра, а в-третьих, “зеркала” вскоре исчезли, сначала на Шемали, потом на Истории. Как они образовывались — то ли вырастали, как живые существа или растения, то ли передавались по ТФ-каналу с планет Наблюдателя, физики установить не могли.

Но отделу безопасности УАСС это обстоятельство не помешало пробить тревогу, и полетели во все концы контролируемого космоса, на периферию исследуемой зоны ТФ-депеш о странных явлениях в пограничных ее слоях, на переднем крае неизвестного, где появлялись пока только земные разведкорабли, и напряглась в настороженном молчании, чутко вслушиваясь и всматриваясь в поле тьмы непознанных пространств, гигантская защитная система человеческой цивилизации...

ГЛАВА 3 Формула

Под утро ему приснился сон, будто сдает он экзамен на сертификат работника аварийно-спасательной службы, и принимают этот экзамен четверо: обстоятельный, деловитый Керри Йос,

сдержанный Никита Богданов, угрюмый Бассард и Аларика... Подробностей сна Филипп не запомнил, осталось ощущение стыда, неудачи и тревоги, но тело было легким, послушным, хотелось дышать, двигаться, есть и работать, одним словом — жить.

После возвращения с окраин известного космоса, куда закинул его неожиданный зигзаг судьбы, Филипп не вспахивал память плугом пережитых событий, но она сама давала о себе знать: то мигающей алой лампой над колпаком патрульного куттера, принадлежащего УАСС, то картиной видеопласта, включающегося по утрам и выдающего иногда пейзажи Шемали.

Филипп повернул голову. Дальняя стена комнаты отсутствовала, вместо нее уходила в даль холмистая, поросшая сосновым бором равнина, а над одним из холмов парила голубовато-белая пирамида, сверкающая тысячью полярных окон, — сегодня домашний координатор, повинувшись неосознанным командам мозга в последние минуты сна, выдал вид с высоты на здание Института ТФ-связи, и Филипп понял, что соскучился по работе, по своему уютному конструкторскому “аквариуму”, по грустной физиономии Кирилла Травицкого. Конечно, было еще и желание выйти на площадку, но оно ушло на второй план — тело и так каждый день получало свою дозу упражнений, потому что без самотренировки любой спортсмен потерял бы форму в три дня. А мозг — мозг можно было тренировать только в привычных условиях, во всяком случае Филипп не знал иного способа получить неограниченную власть над собственной мыслью, машинной памятью и быстротой операций, исследовать сразу несколько десятков вариантов, анализировать, отбирать самые перспективные из них и наконец найти один-единственный, дающий право называться конструктором-профессионалом и синектором.

Сорок минут Филипп уделил отработке суплеса, используя общественный гимнастический зал, занимающий последний этаж дома, постоял под ионизированным душем и долго рассматривал себя в зеркале, пытаясь угадать в себе те черты, которые по его мнению были присущи спасателям и особенно безопасникам. Не найдя таковых, он вернулся в спальню, включил сумматор моды, поставив регулятор в положение “рабочая одежда”, и извлек из приемной камеры прямые светло-серые брюки, такую же рубашку с широкими рукавами и серые сандалии с серебристым узором, напоминающим стремительный росчерк молнии. Хмыкнув — мода общества не претерпела изменений за те три недели, что он отсутствовал, — Филипп натянул костюм, закрыл дверь квартиры и поднялся на крышу дома. Там он вызвал такси-пинасс, хотя шел обычно пешком до ближайшей остановки монора. С крыши открывался вид на вольный простор подмосков-

ных лесов, искристая лента Москвы-реки пересекала березово-хвойную их шкуру и пряталась за холмами, сверкали над вершинами сосен шпили, ажурные башни и ртутно-прозрачные колонны Басово, и весь этот зеленый, теплый, насыщенный дремотным покоем летний пейзаж охватывал со всех сторон чистый голубой купол неба, пронзенный над горизонтом раскаленным взглядом смеющегося, умытого росой солнца.

Уже в воздухе Филипп, спохватившись, вызвал по видео Томаха, но тот не отзывался: то ли спал, то ли, наоборот, работал, а может быть, его вообще не было в данный момент на Земле.

Работает, наверное, подумал Филипп. У них там теперь много проблем: “зеркальные перевертыши”, исчезновение грузов, Наблюдатель, странные мигающие “звезды” на панелях аппаратуры... не забыть бы подробнее рассказать о своей встрече с “зеркалом”... Хотя, возможно, это все-таки чья-то шутка с КО-Том... Да, придется Славе попотеть с этим делом. И вообще у него просто оперативная работа — не позавидуешь! Это какое же надо иметь терпение, чтобы работать даже в моменты отдыха!.. Интересно, а справился бы я с такой работой? Если бы можно было попробовать, а не получится — беззаботно махнуть рукой и спокойно заняться своим прежним делом... Наверное, Слава бы понял, но есть другие... Хотя кроме прочих есть свое собственное “я”, у которого наличествует гордость и прочие психологические кунштюки. За дело надо сразу браться всерьез или не браться совсем... Любопытно, удовлетворила ли моя помощь УАСС? Тектуманидзе как будто был доволен, ну, а Керри Йос?.. И еще не забыть бы спросить у Славы, похожа ли эмблема квартирьеров на след человека или я снова видел “странное”...

В третьей расчетной лаборатории отдела работали двое, мужчина и женщина, но его комбайн никто не занял.

Прекрасно! Значит, Травицкий меня ждет. Где он, кстати? Надо бы узнать, не решил ли кто-нибудь вместо меня мою прежнюю проблему.

Автомат нашел ведущего конструктора в чьей-то пустой лаборатории возле работающего комбайна. Кирилл поднял голову от пульта вычислителя, и взгляд его потеплел.

— Вернулся? Все в порядке?

— У меня — да, у них — не знаю.

— У них — это в Упразлении спасателей?

— В отделе безопасности.

Травицкий знакомым нерешительным жестом потерял мочку уха, слабо и грустно улыбнулся.

— Ну, когда у них было все в порядке — не та служба... Я спрашивал про тебя, но ты, оказывается, был очень далеко. Если все хорошо, приступай к работе, темой твоей никто не занимался.

Филипп выдержал его пытливый и добрый взгляд, теплая волна странной стеснительной нежности вошла в него с этим взглядом и вызвала ответную нежность и резь в глазах — реакция на любовь со стороны этого маленького, терпеливого, всегда почему-то грустного человека. И Филипп вдруг с раскаянием подумал: почему он ничего, ну совсем ничего не знает о Травицком? Может, Кирилл пережил какое-то горе, мучившее его до сих пор? Может быть, у него что-то случилось в семье? Ведь и теперь, как и сто, и двести лет назад, человек не застрахован от неурядиц личной жизни. Да и вообще есть ли у него семья?.. Казалось бы — кто ему Филипп? Инженер-конструктор, подчиненный по общественному рангу, а значит, пока и по таланту, посторонний человек, приходящий на работу в зависимости от эмоционального состояния... Но нет! Почему же тогда нежность в глазах? И радость тоже? Почему?..

— Вызывай, если понадобится, я тут занимаюсь мелким ремонтом, — Травицкий погасил улыбку, кивнул и углубился в настройку комбайна.

Филипп включил виом, покосился на соседей — они полулежали в креслах с закрытыми глазами, спрятав головы в сетках эмканов, в то время как экраны мыслепроекторов перед ними то взрывались потоком схем, то потухали, чтобы вспыхнуть снова, и надел свой голубой эмкан.

Сначала пришло ощущение легкости тела — это включился контур стенэмоциатора, стимулирующий положительные эмоции. Потом тело вдруг выросло в объеме, возникло чувство колоссального знания — подключились блоки памяти вычислительной и информационной машин. Вычислитель и кибинформатор в институте был один на всех работающих, из-за чего его называли “Умником”: это был киб-интеллект, способный не только вычислять и выдавать информацию, но и быть умным собеседником, — но работал он в режиме разделения времени, и каждый из включившихся в цепь считал машину безраздельно принадлежавшей ему.

Последним сработал мыслерапид — ускоритель мышления, и для Филиппа минута превратилась в час. Он без труда вызвал в памяти конструкцию таймфага, сосредоточил внимание на антенне, закрепил ее изображение на экране и представил, что он — невидимый, неслышимый и неосязаемый сгусток ТФ-поля, возбужденный в антенне и готовый прыгнуть в пространство...

Решение зрело постепенно, от одного цикла расчетов к другому. Филипп, оторванный на время от привычного ритма и порядка, с жадностью ворвался в проблему и “крушил” физические и субъективные препятствия фантазией и натиском всей запасенной эмоциональной энергии, готовый отменить, если потребуется, любые законы природы. Наконец, решение созрело

окончательно, но оно оказалось неожиданным даже для самого конструктора.

Филипп просидел оглушенным несколько бесконечно длинных секунд, потом с яростью принялся за проверку основных положений расчета. Однако проделать анализ до конца не успел: мир вдруг сжался до размеров комнаты, пропало ощущение небывалой власти над временем, над запасами знаний, отданных ему машиной... Очнувшись, он увидел на пульте красное светящееся табло: "Предел психоагрузки!" — и понял, что сработал таймер, и отключил его от машины.

Сразу навалилась усталость, в ушах зашумело, словно дождь по сухим листьям. Филипп откинулся в кресле, мельком заметив, что в лаборатории он один: соседи — Леонид Угловский и Лия Бексултанова, очевидно, отработали свои задачи и ушли, они всегда уходили вместе.

Сколько же времени я работал?.. Хм, всего-то три часа с четвертью, а устал — как будто ворочал десятипудовые мешки! Или мое решение стоит того?

В экранном объеме дисплея красовалось его творение — антенна таймфаговой связи, преодолевающей практически мгновенно межзвездные расстояния. Только теперь вместо двух параллельных колец она имела вид тонкой иглы с зонтикообразным ушком. Формула, выведенная Филиппом, утверждала, что такая антенна выигрывает в мощности около шестидесяти процентов против прежней и позволяет перебрасывать любые массы на любые расстояния без промежуточных станций! И это было еще не все: в формуле потенциально скрывалось решение, от которого буквально захватывало дух, но проанализировать его у Филиппа уже не хватало сил. Решением этим была возможность обходиться вообще без антенн, а это значит — и без тысяч передатчиков и приемников, то есть без таймфагов! Любой человек мог бы путешествовать через космос с помощью мыслеприказа, усиленного, конечно, соответствующей аппаратурой — без нее обойтись было еще невозможно. Управление ТФ-полем оказывалось энергетически несложным, потому что ТФ-поле — это не силовое физическое поле, а топологическое свойство...

Стоп-стоп! — сказал сам себе Филипп, — где-то я уже говорил нечто подобное, а раз повторяюсь, следовательно, устал. Не будем спешить с выводами, позволим только один: иногда полезно пережить впечатления, на которые не рассчитывал, сменить ритм жизни и характер нагрузки. Банальная, древняя, но мудрая истина...

Он записал формулу в память машины и стер изображение антенны на экране, потом зажег стандартный сигнал: "Вычислитель свободен".

А собственная память все еще сопротивлялась выключению из работы, все еще перебирала этапы конструирования, и перед мысленным взором конструктор проплывали вереницы замысловатых конструкций, многоэтажные формулы различных состояний вакуума, пока наконец не осталось одно видение: летящий сквозь космос, подобно лучу света, человек в огненном комбинезоне с маленьким диском на поясе — это все, что осталось от громад ТФ-станций, вместившееся в несколько кубических сантиметров! ТФ-блок... Индивидуальный ТФ-блочок вместо ТФ-станции...

— Завтра, завтра, — пробормотал Филипп, вставая и выходя из лаборатории, — хорошего понемножку...

Он не заметил, что из соседней комнаты вышел Травицкий и проводил его долгим взглядом, в котором было больше тревоги, чем удивления.

Дома Филипп принял душ, сняв интеллектуальную усталость, и его потянуло в спортзал. Однако время только-только перешагнуло полдень, да и была ли сегодня тренировка, он не знал. Пришлось набирать телекс спорткомитета и узнавать расписание тренировок сборной Земли. Оказалось, что тренировки проходят в спортзалах комплекса "Победа" в Ленинграде через день, начиная с понедельника, а сегодня был четверг, следовательно — "пустышка".

Филипп огорчился, потом решил обзвонить друзей и тем повысить тонус. Но и здесь его ждала неудача: Ивара Гладышева не было дома, как и его жены, а домашний координатор пообещал, как только они вернутся, сообщить Ивару о видеовизите. Солинда тоже найти не удалось, автомат объявил, что тренер улетел куда-то к внешним планетам и не оставил координат. Филипп слегка удивился — Солинд редко покидал пределы Земли да и то лишь в случае межпланетных соревнований и первенств мира, как по традиции назывались первенства Солнечной системы.

Задумавшись, молодой человек выбрал в пенале музфона кристалл с записью и вставил в приемник. Комнату заполнил пульсирующий звенящий ритм, в который вплетался тонкий человеческий голос. Звук был объемным, мягким и отзывался во всем теле волнами удовольствия. Ритм в музыке всегда был основой положительных эмоций, а перуанская группа "Инки" в последние годы считалась непревзойденной исполнительницей ритмованных музыкальных произведений, центральным стержнем которых были старинные национальные мелодии. Филиппу эти мелодии доставляли истинное наслаждение, но слушать их одному не хотелось. И вообще ничего не хотелось, и к людям особенно не тянуло, и проводить время в одиночестве не было желания.

И тут ему пришла в голову идея позвонить Аларике. Почему бы и нет? Что в этом особенного? Бывший эксперт УАСС звонит знакомой сотруднице медсектора УАСС узнать, как ее здоровье и вообще...

Филипп улыбнулся, но мысль уже заработала, а вместе с ней и сердце, и он в конце концов решил не звонить, а повидать Аларику наяву. Он быстро набрал телекс диспетчера информационного сектора УАСС, данный ему Станиславом, и спросил, где можно найти Аларику Консолату, дежурно-экспедиционного врача.

— Ваши координаты? — оживился диспетчер.

— Мои? — растерялся Филипп и понял. — А-а... вызов личный, не беспокойтесь, ничего у меня не случилось.

Диспетчер сделал строгое лицо (парню сравнялось от силы двадцать лет, видимо, стажер) и с минуту что-то искал на пульте селектора. Потом сухо продиктовал адрес Аларики и отключился.

— Институт видеопластики... — пробормотал сбитый с толку Филипп. — При чем тут видеопластика?

Но делать было нечего. Диспетчер не стал объяснять, что делает Аларика на Луне, в Геоградском институте видеопластики, а запрашивать его вторично не хотелось. Он бесцельно побродил по комнатам, прибрал на кухне и, с грустью задержавшись на пороге, подумал: правы мыслители прошлого, мы никогда не бываем у себя дома, мы всегда пребываем где-то вовне. И все же дом для нас — частица нас самих, просто для одного он равен размерам комнаты, а для другого — всей Земле, а есть, наверное, и такие бродяги, для которых дом — Космос... Странно, однако меня почему-то тянет именно сюда, гдѣ я вырос, а не в другую географическую точку, где я имел бы такую же квартиру или по желанию две... Своего рода атавизм? Отомрет ли он когда-нибудь или Земля для нас всех — дом космического масштаба, запрограммированный эволюцией до "конца света"?

В комнате смолкла музыка, и Филипп тихо закрыл за собой дверь, впервые покидая дом, как доброго и ласкового друга, которому предстояло провести время до ночи в одиночестве.

Решив испытать судьбу, Филипп наугад набрал код лунного таймфага и оказался на седьмой ТФ-станции Луны, которая располагалась на западном побережье Моря Ясности. Поскольку Геоград вырос на востоке, в кратере Лемонье, Филиппу, пережившему мимолетное разочарование — он рассчитывал "по зову души" попасть в Геоград сразу — пришлось брать на стоянке вакуумплотный, способный летать в безвоздушном пространстве куттер и в течение пятнадцати минут полета терпеть скучные "удобства" рейса. Но этот транспорт он выбрал сам, чтобы рас-

смотреть с птичьей высоты древний лик естественного спутника Земли.

За последние полстолетия не раз выдвигались проекты заселения Луны и снабжения ее атмосферой, как у Марса, однако идеальные условия наблюдений за космосом для астрономов и лечебной профилактики для медиков каждый раз брали верх над экономическим эффектом расчетов в проектах, и Луна до сих пор оставалась такой, какой она была тысячи и миллионы лет назад: прокаленной солнцем, высушенной холодом пространства, безводной и безатмосферной. Но мертвой назвать ее было уже нельзя. Глаз то и дело выхватывал с высоты гигантские чаши и параболоиды антенн радиотелескопов, стеклополя надземных оранжерей, передвижные башни селенологов, прозрачные купола медцентров, домов отдыха и лабораторий всевозможного назначения, которым слабое лунное притяжение было более выгодно, чем земное.

Вскоре куттер, повинувшись командам общего для данного сектора Луны автоматического управления транспортом, плавно пошел вниз, и среди гигантских борозд Литтров и Шакорнак Филипп увидел пятидесятикилометровый кратер Лемонье, в середине которого блестел серебром широкий десятикилометровый конус Геограда. За кратером вздымались сильно расчлененные и испещренные кратерами горы Тавр, но Филипп не успел разглядеть их как следует. Куттер нырнул к стремительно растущему конусу, звякнул предупреждающий звонок, на пульте мигнул красный огонек — аппарат миновал силовой приемник-окно в оболочке Геограда, мелькнули по сторонам какие-то конструкции, и почти без толчка аппарат остановился. Отскочил на замках колпак кабины, Филипп, оглядываясь по сторонам, вылез на круглую площадку причала и увидел в десятке метров на небольшом постаменте странную машину с восемью ажурных колесах, похожую на бак с откинутой крышкой. Заинтересовавшись, подошел и прочитал на боку машины: “Луноход-2, СССР. 16 января 1973 года”.

Памятник, догадался он, памятник первопроходцам Луны. В Геограде, значит, установили памятник луноходу. В Радуге, насколько помнится, — первой автоматической станции Луна-9, в Орле — “Аполлону-11”, в Сервейере... забыл! Надо же, забыл, кому там памятник поставили...

Филипп отметил время и заторопился к кабине монора.

Притяжение в Геограде с восьми часов “утра” до четырех часов “дня” устанавливалось равным земному — человеческий организм требовал своей привычной порции тяготения, зато с четырех часов и до позднего вечера начиналось время отдыха, а помноженное на восхитительное чувство легкости оно давало полное отдохновение и радость каждому человеку. Филипп не

раз бывал на спутнице Земли, сам испытывал это чувство и давно понял, почему Высший координационный Совет Земли (ВКС) не дает согласия на технизацию и экологическую перестройку планеты: она была нужна в основном как база отдыха, и моральная сторона дела играла здесь главную роль.

Бесшумный монор, совсем пустой — в Геограде, как и везде на Луне и на Земле, любили ходить пешком, транспортом пользовались редко, лишь в тех случаях, когда кто-то куда-то спешил, как сейчас Филипп, — доставил его к Институту видеопластики, невысокому зданию, выстроенному в стиле “мангровый лес”.

Киб-информатор сообщил ему местонахождение комнаты сто двенадцать, где в данный момент находилась Аларика Консолатта, и через несколько минут, пройдя два ломаных, разного сечения коридора и никого в них не встретив, Филипп стоял перед белым прямоугольником двери с зеленым светящимся кругом номера и раздумывал — войти сразу или сначала позвонить. Ему очень хотелось сбежать отсюда, перспектива непрошенного гостя была не слишком блистательной, да и собственная выдумка с посещением перестала казаться счастливой находкой, однако решить самому Филиппу не дали: дверь внезапно и неслышно свернулась валиком влево, конструктору волей-неволей пришлось войти.

Казалось, он вышел на снежный склон одной из земных гор! Ослепительно сверкал язык ледника под солнцем, курились струйками облаков спины уходящих за горизонт гор, белое снежное поле падало в долину, упираясь в темно-зеленый гребень хвойного леса... Но не это остановило Филиппа: прямо перед ним врезалось в ледяную шею хребта глубокое черное окно пещеры, в окне текла звездная вуаль и по этой вуали шагала женщина в сияющем белом платье... Это была Аларика!

Вдруг панорама заснеженных гор исчезла, появилась обстановка модельной видеомастерской, напоминающая убранством конструкторскую лабораторию: вделанные в стены экраны мыслепроекторов, кресла, опутанные ажурными конструкциями, аппаратные стойки, видеопроекторы, подставки для голографических скульптур, музыкальные устройства... Одно не исчезло — черное, как вход в преисподнюю, окно и женщина в белом платье, шагающая по звездам... Она смотрела на пришельца строго и испытывающе, словно спрашивала, зачем он сюда явился.

Послышался тихий низкий смех.

Филипп оглянулся и увидел вторую Аларику, только одетую иначе — в голубую кофточку, такую же юбку с черной каймой. Он невольно посмотрел на “окно”.

Снова прозвучал низкий смех женщины.

— Что, нравится?

Филипп кивнул.

— Видеопласт?

— Конечно. Работа одного из наших дипломантов-дизайнеров на конкурс земного худсовета “Жизнь в космосе”, он почему-то решил избрать меня в качестве прототипа, и вот результат. Правда, он говорит — незавершенный.

Филипп кивнул снова, переживая вдруг приступ ревности, и позавидовал художнику — тот мог любоваться Аларикой каждый день.

— Ангел в поле тьмы, — пробормотал он.

Аларика, прищурясь, смотрела на него.

— Стихи?

Филипп продекламировал:

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел...

В глазах женщины мелькнуло удивление, она улыбнулась и закончила:

И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

— Лермонтов. Ты любишь Лермонтова?

Она подошла к пульта, провела рукой над датчиком программ, и объемная видеокартинка разбилась на огненные осколки.

— Я не знала. Кстати, как ты меня нашел? Впрочем, наверное, через диспетчера, хотя не понимаю, почему он дал мои координаты постороннему человеку.

Это “постороннему” больно кольнуло Филиппа, и он даже сделал движение к двери, но Аларика опередила:

— Проходи, коль зашел, садись. Еще несколько минут, и ты меня не застал бы. Что стряслось?

Филипп сел напротив, стараясь не смотреть на спокойное красивое лицо женщины.

— Ничего не стряслось. Просто захотел тебя увидеть. Если ты торопишься, я могу уйти.

Она качнула головой, открыто рассматривая его.

— Не спешу. Просто на сегодня работа моя закончена.

Помолчали. Филипп перестал награждать себя в душе нелеплыми эпитетами, осмотрелся, потом также начал рассматривать Аларику.

— Ты не женат? — наконец спросила она, удовлетворившись осмотром.

— Нет.

— И не был?

— Нет. — Он слегка улыбнулся. — Не из-за тебя...

— Верю.

Снова помолчали. Потом Филипп обвел глазами комнату.

— Почему ты здесь?

— Потому что я, кроме всего прочего, художник-видеопластик. Год назад окончила Лиз — Ленинградский институт эстетики.

— Я не знал.

— Ты многого не знал. Например...

— Что твой муж, Сергей Ребров, два года назад...

— Не надо об этом, я не то хотела сказать. Его смерть мало что меняет.

Филипп заставил себя промолчать. Аларика хотела казаться независимой и счастливой, но не следовало опускаться до словесных опровержений ее неправоты. Пять лет назад он слишком много говорил... И все-таки до чего она красива! И недоступна!..

— Устал от космических путешествий? Все же незапланированные мероприятия. Как тебе показалась работа спасателей-безопасников?

— По-моему, однообразна и утомительна.

Аларика снова засмеялась знакомым грудным смехом. Дазно он не слышал этого смеха — вечность!

— Специфика работы безопасников весьма далека от молвы. Их работа не так заметна, как работа линейных спасательных отделов. Надеюсь, из формы ты не вышел? Ты ведь всегда так пекся о своей форме...

Знакомые выпады, знакомые интонации... Все возвращается на круги своя... все ли?

— Из формы я, конечно, вышел, все-таки потерял уйму тренировок. Наверстаю.

— Не сомневаюсь. Май говорил, что ты пиккер...

— Кто-кто?

— Пиккер, это его собственное словотворчество, означает — спортсмен, зависящий от совпадения пиков формы: физической, психической, эмоциональной, интеллектуальной.

Филипп с интересом посмотрел на Аларику.

— Май — это Ребров? К сожалению, он мне сказал, что это отрицательное качество для спортсмена и от него надо избавляться.

— Разве ты сам думаешь иначе?

Теперь уже засмеялся он.

— Ого! Ты снисходишь до разговора о спорте! Это явный прогресс! Кстати, твое появление в зале во время игр было для меня настолько неожиданным, что я чуть не сошел с дистанции.

На мгновение лицо Аларики стало холодным, чужим. Только на мгновение. Она отвернулась и сказала своим низким контральто, совсем спокойно, как о пустяке:

— Просто Сергей думал о спорте так же, как и ты, хотя у него была иная цель в жизни.

— Интересно,— Филипп хмыкнул.— Ты знаешь мою цель? Какова же она?

Аларика встала и прошлась по комнате, касаясь рукой расставленной аппаратуры. Филипп невольно залюбовался ее фигурой и не успел отвести глаза — женщина в упор посмотрела на него:

— Твоя цель — просто жить! Не так? Не уверяй меня в обратном, не поверю, хотя я была бы рада...— Она прервала себя и снова села напротив.— Я бы поняла тебя, если бы ты стремился стать великим спортсменом или великим конструктором, честолюбия нет только у дураков и мертвых, но просто жить... Извини, не понимаю.

Молчание погасило разговор, как дождь угли костра.

Филипп думал над словами Аларики, причем без обиды, что удивляло его самого, и умирал интуицию, подсказывающую ему самые сказочные варианты дальнейших встреч с ней. Однако трезвый рассудок видел все в ином свете.

— Ты, наверное, права,— сказал он медленно через некоторое время.— Не во всем, наверное. Честолюбие у меня, к примеру, имеется. Говорят, я неплохой спортсмен и талантливый конструктор... Не знаю, как насчет таланта, но я действительно кое-чего стою. И все же это не то, по-твоему... Так? Дай мне подумать. Может быть, я тебя пойму...

— Подумай.— Аларика кивнула, в глазах ее снова мелькнуло удивление. Но Филипп слишком хорошо знал эти глаза, чтобы обмануться в выводах. И все же пять лет — не могли же они не изменить ее хотя бы в малом?..

— Что бы ты хотел посмотреть у нас?— Она взглянула на браслет видео, показывающий лунное время.

— Если не возражаешь, запиши на мой видео ту картинку, где ты шагаешь по леднику.

— Ну, если ты хочешь...

Филипп снял браслет и отдал Аларике. Та вставила его в нишу копира, коснулась нескольких сенсоров, подкрутила лимб настройки.

— Вот и все, держи. Правда, не знаю, зачем он тебе.

— Отвечать, надеюсь, не обязательно,— пробормотал Филипп, надевая браслет.— Спасибо. Когда-то много лет назад при изобретении фотографии говорили, что умрет искусство живописи. С изобретением голографии говорили, что умрет искусство скульптуры... Я не великий знаток искусства видеопластики, но этот твой портрет, по-моему, подлинный шедевр!

— Если бы твои слова слышал Григорий, творец портрета, он был бы рад.

Разговор иссяк. Время ошутимо утекало сквозь пространство, разъединяющее их. Оно было густым и красным, как лава, текущая по склону вулкана. Филиппу стало жарко и неудобно, хотя ему казалось, что он давно научился не теряться в любых обстоятельствах.

— Над чем ты работаешь?— спросил он, чувствуя, как ускользает куда-то нить понимания, соединявшая их несколько минут назад.— И как тебе удастся совмещать работу дежурного врача и художника?

— А как ты совмещаешь спорт и работу конструктора?

— Не знаю,— улыбнулся Филипп. “Умница!— подумал он.— Как давно мы не разговаривали в таком ключе! К сожалению, пять лет назад я не углядел за ее внешностью серьезности думающей женщины... а сейчас, кажется, поздно!”

— И все-таки? Не думал, что твои школьные да и институтские опыты с объемными картинками позволят тебе стать художником.

— Я тоже не думала, это все Сергей...— Она прикусила губу.— А занимаюсь я практической видеопластикой, а не тем, чем хотелось бы. Как сейчас говорят: эстетическим оформлением замкнутых пространств. Создаю интерьеры для рабочих кабинетов, комнат отдыха, кают-компаний на космолетах дальней разведки и так далее. Нельзя сказать, что рутина, однако...— Аларика махнула рукой и вдруг оживилась: — Зато в свободное время мы занимаемся “свободным творчеством”. В данный момент ребят интересуют две темы: одна — моделирование чувственного восприятия мира, описанного в древних художественных произведениях, вторая — сравнительный поиск хомо сине ира эт студио — человека среднего, жившего в разные эпохи. Я веду вторую тему и уже удалось кое-что раскопать. Мы с Витторио,— это наш инженер-видеомоделист,— провели сравнительный анализ исторических хроник и сохранившихся художественных полотен великих мастеров прошлых веков, вплоть до семнадцатого. Увы, глубже опуститься пока не удалось, сведения о физическом облике наших предков становятся чересчур скудными. К тому же, дело осложняется ярко выраженными национальными особенностями народов, разнообразием типов лиц и методов работы художников.

— В таком случае ваш “человек средний” — фикция,— произнес скептически настроенный Филипп.— Едва ли смешение типов даст нужное решение.

— К счастью, выход нашелся — женщина,— улыбнулась Аларика.— Женщина — мерило красоты и совершенства во все эпохи. Как говорят индийские тантры: “Женщина — пальцы природы и драгоценные камни мира”. Отсюда и исходит наш метод.

— Но физический облик человека изменяется очень медленно, на протяжении сотен тысячелетий, а вы хотите увидеть изменения через сотни лет...

— Ты, безусловно, прав, изменения в строении человеческого тела почти незаметны за век, зато изменения в человеческой морали гораздо разительней, и наш метод определения “человека среднего” — это отношение к нему сообразно нормам морали каждого столетия.

— Теперь понятно. И что же получилось?

Аларика включила ряд темных экранов, похожих на стенные ниши, в них за клубилась мгла, исчезла, оставив “живые” фигуры людей.

— Это восемнадцатый век. Слева — “узаконенный” средний тип женщины европоидной группы, справа — отображение идеала в работах великих художников: Рафаэля, Рубенса, Ван Дейка, Корреджо, Рейсдаля и других.

— М-да, — хмыкнул Филипп, рассмотрев обеих женщин в странных нарядах. — Я не скажу, что идеал в данном случае выглядит лучше “среднего”... Или у меня нет вкуса?

Аларика покачала головой.

— Твой вкус формировался нашим временем. Подожди, посмотрим дальше.

Вьюмы погасли, затем вспыхнули вновь.

— Это ближе к девятнадцатому веку.

Филипп приподнял брови. В правом объеме видеопроектора он увидел знакомые черты “Девочки за столом” Жана Батиста Греза. Этот портрет он видел у Станислава Томаха дома, вернее, копию, выполненную женой Томаха.

Аларика заметила его удивление.

— Тебе знакома эта композиция?

— Жан Батист Грез, “Девочка за столом”.

— Верно! — теперь удивилась Аларика, заинтересованная его познаниями в области искусства. — Хотя и не совсем. Мы совместили два прототипа, один — “Девочка за столом” Греза, второй — “Девушка с веером” Ренуара. Я не знала, что ты знаток живописи девятнадцатого века. И кого же ты еще знаешь из художников, не обязательно девятнадцатого столетия?

— Джона Констебля, — подумав, ответил Филипп. — Я очень люблю пейзаж, хотя с удовольствием смотрю и портрет. Еще Шишкина, Шилова, Маулара Кенье... и много других, у меня нет ярко выраженного любимца. Ну, а как дела обстоят в наш просвещенный коммунистический век?

Аларика вдруг смутилась.

— Понимаешь, с нашим веком все просто и все сложно. Средний тип выбрать легче, тем более, что человечество постепенно приближается к единой расе, а вот идеал...

Снова изменилось изображение в виомах.

Филипп не выдержал и засмеялся. Правый “идеальный” виом отображал Аларику, левый — тоже был чем-то на нее похож.

— Извини, — сказал он, заметив, что женщина нахмурилась, и прервал смех. — Я смеюсь потому, что невольно ожидал увидеть тебя и справа и слева.

— Шутка ребят, — пробормотала она, отворачиваясь, и украдкой посмотрела на часы. Филипп с грустью понял, что пора уходить.

— Ты кого-то ждешь? — он встал.

— Да, — со вздохом призналась она, убирая аппаратуру в стены мастерской, выпрямилась. — Честно говоря, я хотела, чтобы ты позвонил. Теперь уходи, за мной сейчас придут.

“Кто?” — хотел спросить он, но вместо этого спросил:

— Мы еще увидимся?

— Это будет зависеть не только от тебя.

Филипп сдержал вздох и кивнул в ответ, словно не ожидал иного.

— Тогда до связи.

— До связи, конструктор, — сказала Аларика, подавая руку, хотела еще что-то добавить, но передумала.

В коридоре он наткнулся на бегущего человека, прошел несколько шагов и только потом его озарило. Он оглянулся, но мужчина уже завернул за угол, слабо пискнул входной сигнал двери.

Дома он с полчаса слушал новости космоцентра, передаваемые по каналу всемирного информвидения. Попробовал вызвать Томаха, но бесстрастный голос домашнего координатора сообщил, что Станислав не появлялся. Киб-секретарь отдела, куда осмелился позвонить Филипп, ответил лишь, что инспектор Томах на задании, но какое задание, где его выполняет Станислав — секретарь не знал или не имел права сообщать.

Филипп снова загрустил, потом вспомнил совет Травицкого и решил навестить один из любимых своих уголков лесной природы, дабы развеять легкую меланхолию от дум. На этот раз он выбрал Центрально-лесной заповедник, расположенный в северо-западной части Средне-Русской возвышенности, на водоразделе Волги и Западной Двины. С тех пор, как погибли отец и мать, уроженцы здешних мест, Филипп не посещал заповедник и “те места, куда нет-нет по зарастающему следу уводит память прежних лет”, говоря словами древнерусского поэта Глинки.

Центрально-лесной заповедник — царство елей, берез, липы, клена, вяза и ясеня. Леса Подмосковья возле Басово — это в основном березовые и сосновые леса, заповедный же лес удивительно разнообразен.

Выключив пояс антиграва, Филипп с треском вломился в чашу рябинника и жимолости, оцарапался и пошел напрямик через гибкие кусты волчьего лыка и лещины. Напизшись с колен из родника, он долго выбирался на знакомую поляну, чуть было не зашел в болото, расшитое по краям не созревшей еще клюковой, а когда выбрался—таки на поляну в кольцо берез и ольхи — замер от неожиданности. В центре бело-розовой от клевера поляны, подмыв под себя метелки иван-чая и медунгицы, лежала рысь и смотрела на человека прозрачно-желтым взглядом, повод изредка кисточками ушей.

Филипп сделал шаг вперед, рысь встала, глядя на него внимательно и спокойно, без угрозы. Так они и стояли несколько минут, оценивая друг друга, потом Филипп решил отступить — не из боязни, просто не хотелось трезожить красивого зверя, и в этот момент с противоположной стороны поляны, метрах в ста, из-за подлеска, сверкнул бесшумный тоненький голубой язычок. Рысь, мяукнув, подпрыгнула, свалилась в траву и осталась лежать без движения.

Немой от изумления и гнева, Филипп смотрел, как из-за деревьев вышли на поляну двое в зеленых, почти полностью маскирующих их костюмах и направились к нему. Один был молод, белобрыс, но черен от загара, сверкал улыбкой, хотя Филипп не назвал бы ее в этот момент ни доброй, ни веселой. Второму наверняка перевалило за восемьдесят, если не за все сто. Высокий, худой, он слегка сутулился, и лицо у него было не коричневое, а каменно-серое и застывшее, как ритуальная маска. В руках он держал бинокль. Молодой на ходу закидывал за плечо ремень электрокарабина.

— Вообще-то ходить тут одному небезопасно, — заметил молодой охотник вместо приветствия, подходя и осматривая рысь. — Охотничья зона. А хороший экземпляр, Влад, будет чем похвастаться. — Он разогнулся. — Как вы сюда попали?

— Разрешите посмотреть ваш карабин? — также вместо приветствия вежливо попросил Филипп.

Белобрысый удивленно посмотрел на спутника и с некоторым колебанием протянул карабин.

— Не приходилось видеть раньше?

— Приходилось, — сказал Филипп, примерился и одним ударом о землю отломал прозрачную трубу ствола.

— Да вы что! — сделав движение к нему, с угрожающим изумлением воскликнул молодой незнакомец. — С ума сошли?!

Филипп швырнул разбитый карабин на землю, повернулся и молча пошел в лес. Белобрысый догнал его, схватил за плечо, неожиданно больно сдавил сухожилие. Филипп сбросил его руку и приготовился к ответу.

— По какому праву вы это сделали? — прошипел охотник.

— Оставь его, Рон,— глуховатым голосом произнес старший.— Раз он так сделал, значит, считал, что имеет на то право.

Филипп почувствовал в его словах упрек и, повернувшись, угрюмо буркнул:

— Я же разговаривал с ней, неужели не поняли? А ваш выстрел — это предательство в такой момент!.. Кто разрешил вам стрелять в заповедной зоне?

— Стрелять!— фыркнул молодой Рон.— Слышите, Влад? Да кто вы такой, чтобы судить наши действия?

— Кстати, насчет заповедной зоны.— Старший нагнулся, потрогал рысь за нос и выпрямился.— ВКС подписал вердикт от девятнадцатого июня, объявляющий заповедной зоной всю Землю. Так что преимуществ заповедника теперь не имеет ни один район земного шара, вернее, и еют одинаково все. А насчет стрельбы... рысь парализована и только. И у нас есть охотничьи удостоверения. Вас устраивают мои объяснения?

— Это к делу не относится.— Молодой охотник уже успокоился и озабоченно осматривал карабин.— Надо же, отдохнули, поохотились! Нервы надо лечить, молодой человек! Излишняя впечатлительность — далеко не положительное качество.— По его тонким губам скользнула усмешка.— Знакомство с этой кошкой вплотную не прошло бы для вас даром, это только в сказках писали, что хищные звери способны стать ручными, на деле все гораздо проще и естественней. Кстати, все-таки, кто вы такой?

— А вы?— в тон спросил Филипп, чувствуя на себе изучающий взгляд старика.

— Я Рональд Клитгорд, старший инспектор отдела общетранспортной инспекции, а мой друг — Владибор Дикушин, руководитель первого сектора УАСС. Член Совета, кстати...

Филипп невольно взглянул на каменнолицего.

— Меня зовут Филипп Ромашин, конструктор Института ТФ-связи.

— И мастер спорта по волейболу планетарного класса,— добавил Дикушин без улыбки.

На молодого его спутника это не произвело никакого впечатления.

— Что ж,— сказал он,— не слишком приятное знакомство, но тут уж виноват случай.

— Взаимно,— сказал Филипп и холодно добавил: — Спасибо за доброту по отношению к кошке, как вы изволили выразиться, но она уже просыпается и, думаю, вам лучше отойти от нее подальше. Рыси не любят тех, кто причиняет им боль.

Клитгорд озабоченно, а Дикушин прищурясь — посмотрели на шевельнувшегося зверя, но не тронулись с места, и Филипп понял, что эти люди в чем-то превосходят его, хотя он и не чувствовал к ним расположения. Было ли то превосходство ума

или превосходство знания, он не знал, что это глубоко уязвило его и заставило задуматься. Махнув на прощание рукой, он включил антиграв и пологой дугой поднялся в воздух, словно подхваченное ветром семя одуванчика. Через полчаса стремительного полета сквозь тугой, гудящий колоколом воздух к ближайшей станции таймфага он вдруг открыл, в чем было превосходство новых знакомых: в уверенности! Уверенности в том, что они правы, в сдержанности и, может быть, в великодушии.

Ладно, сказал он себе сквозь зубы. Пусть я погорячился, но стрелять в животное, которое не может ответить тем же охотнику — жестоко! Это все равно, что стрелять в красоту и правду! Пусть я не охотник, пусть излишне впечатлителен, главное — чтобы я не остался равнодушным! Охотники, черт бы их драл!.. Не исчезло, выходит, это племя узаконенных убийц, несмотря на исчезновение ГОСТов на охоту и “забой бычков молочных и свиней”. Не исчезло, тешит себя стрельбой по беззащитным тварям, щечочет нервы мнимой опасностью и приятным риском... Словно никогда не было страшных столетий войн и бессмысленного уничтожения тысяч исчезнувших видов зверей, словно память человечества коротка и не тревожит совесть, когда первые охотники выходят в леса вновь открываемых планет...

Филипп так задумался, что едва не пролетел светлый вокзал транспортного узла на окраине Вологды. Очнувшись, дал себе слово разыскать в ВКС ведомство по восстановлению экологических ресурсов и узнать там цену охоте. Кто знает, может быть, я все же перебарщиваю? — подумал он. — Прав это белобрысый Клитгورد, никто не давал мне полномочий судьи, и первый порыв далеко не всегда правилен. И еще он прав в том, что я слишком возбудим. Это не единственный, но самый крупный мой недостаток... после любви к сладкому. Тут его мнение совпадает с мнением Станислава, а ему я верю больше, чем себе. Кто бы мне сейчас помог разобраться во всем, так это Слава Томах. Куда он запропастился?

ГЛАВА 4

Дилеммы

Тренировка прошла хорошо.

Филипп познакомился со всеми членами команды, хотя со многими уже встречался в играх чемпионатов Земли, правда, в качестве противника. Обнял Гладышева, обрадовавшись его улыбке, как теплому весеннему утру.

У Реброва был иная тактика тренировок, чем у Солинда. Он давал задания индивидуально и наблюдал за их выполнением с

каменным бесстрашием и молча. Если у кого-то не выходил какой-то из элементов задания в групповой связке после второго и третьего раза, он просто отсылал игрока в зал электронного моделирования, где можно было мысленно “проиграть” любой вариант игры с любыми партнерами и научиться решать данную задачу до ее реального исполнения на площадке.

Филипп дважды побывал в зале, отрабатывая имитацию нападения с шестого номера и третьего темпа — для обмана блока противника — и перевода мяча в закрытую позицию второго, в то время как “настоящий” нападающий наносит удар без блока, и дважды на площадке у него это не получалось.

Ребров по обыкновению промолчал, но после тренировочной игры отвел хмурого Филиппа в сторону и сказал:

— Вы отвлекаетесь, Филипп, что-то мешает вам работать в полную силу. Вернее, не работать, а думать. У вас какие-то неприятности?

— Нет,— пробормотал Филипп.— По-моему, нет.

Ребров ждал продолжения, но его не последовало.

— Бывает.— Тренер сделал вид, что все идет нормально, а может, и не делал никакого вида специально, просто был уверен в себе.— Постарайтесь в играх переводить аппарат мышления только на игровую основу. Это, конечно, аксиома, но это и целая наука, одному она дается легко, другому труднее, но все же безвыходных положений в этом смысле не бывает.

— Принцип оптимизма...

Ребров внимательно посмотрелся к Филиппу и вдруг улыбнулся совсем по-солиндовски.

— Согласен, но в том аспекте, что принцип оптимизма есть принцип внешнего дополнения, исходящий из разрешимости в конечном счете любых ненадуманных противоречий. Думаю, у вас есть свои противоречия, мешающие вам не только в спорте.

— Не замечал.

— А кто из нас способен заметить их своевременно? Я, например, в ваши годы тоже конфликтовал с самим собой. Что касается вас — желание играть с полной отдачей есть, вижу, но в то же время оно блокируется не менее сильным желанием... каким — вам лучше знать, я могу лишь догадываться. И не огорчайтесь, Филипп, право слово, у нас с вами все впереди.

Филипп с облегчением проводил взглядом Реброва, встретил насмешливый взгляд Леона Хрусталева, но не придал ему значения. Мысли его были заняты другим.

На другой день он позвонил Аларике утром, но дома ее не застал, а домашний координатор не знал ее местонахождения. Не было ее и в Институте видеопластики, видимо, дежурила в патруле спасателей. Поразмыслив, Филипп направил стопы на работу.

В лаборатории его встретил Травицкий. Он сидел в кресле и разглядывал экран мыслепроектора, отражающий рожденную Филиппом конструкцию ТФ-антенны. Лицо у начальника бюро было какое-то странное, будто он хотел засмеяться и заплакать одновременно. Заметив вошедшего конструктора, он кивком приветствовал его и рассматривал так долго, что у Филиппа появилось ощущение невосполнимой потери, вернее, трагедии, происшедшей перед его приходом.

Однако ничего страшного не произошло. Травицкий стер изображение на экране, воспроизвел выведенную Филиппом формулу ТФ-трансгрессии и с минуту разглядывал ее все с тем же недоумением на лице. Потом сказал:

— Мальчик мой, я не люблю громких слов, как ты знаешь... Сядь на минуту и послушай.

Филипп, обеспокоенный тоном вступления, с тревогой посмотрел на изящную вязь цифр и знаков формулы и осторожно присел на краешек "гостевого" дивана.

— Я знал, что ты хороший конструктор, что ты овладел несколькими видами синектических аналогий* в конструировании, но... прости меня, я не заметил, как ты вырос в синектора высшего класса! Ведь то, что ты сделал, возможно только при использовании всех синектических элементов и, главное, аналогий четвертого вида! Кстати, а сам ты понял, к каким последствиям ведет твоё открытие?

Филипп кивнул.

— Понял, наставник.

Травицкий разом погрузился, стал похож на обычного Травицкого, носящего в себе чью-то боль или тоску, или вину.

— Да, признаюсь, это достаточно великое открытие...— Говорил он теперь совсем тихо.— Достаточно великое, чтобы быть единственным. Но дай бог, чтобы я ошибался!

Он внезапно встал и увлек Филиппа за собой.

— Пойдем-ка со мной.

Они вышли в коридор, спустились на нижний, подземный этаж института, где царили холод и синий свет, и подошли к двери с надписью: "Запасник". Дверь свернулась в трубку, и недоумевающий Филипп переступил порог вслед за Травицким.

В помещении вспыхнул неяркий желтый свет, вскрыв чистый серый пол и громады ящиков по сторонам прохода. Травицкий направился куда-то в глубину лабиринта, пролез между штабе-

---

* Синектика — сложение разнородных элементов в творчестве. Синекторы используют четыре вида аналогий: 1 — прямые аналогии типа "паутина — мост"; 2 — функциональные "кабель — лазерный луч"; 3 — фантастические аналогии типа "принцип работы — передача устройств потоком информации"; 4 — личностные аналогии, эмпатии, когда человек представляет себя на месте изобретения.

лями баллонов древних вакуумных экранов и остановился в углу возле странного сооружения. Сооружение состояло из плоской четырехугольной пластмассовой доски, опирающейся на массивную металлическую станину с противовесом, и длинного суставчатого рычага с лимбом и разохшимися линейками, составившими некогда прямой угол.

— Что это за хлам? — любопытствовал Филипп, рассмотрев сооружение.

— Так называемый кульман, — сказал Травицкий с благоговением. — Устройство для вычерчивания на бумаге различных чертежей конструкций. Такими устройствами пользовались наши прадеды около двухсот лет назад.

— Но бумага... это же двумерный лист... плоскость. Как же они видели объем?

— Они чертили конструкции в изометрии, а также в нескольких проекциях: спереди, сверху, сбоку. Делали разрезы для пояснения.

— Так просто?

— Просто и достаточно мудро для своего времени, но... простота метода или конструкции не всегда есть достоинство. Уразумел?

Филипп поразмышлял и признался:

— Не совсем, наставник.

Травицкий повернулся и пошел к выходу. У поворота оглянулся на покинутый временем кульман и сказал:

— Подумай, зачем мы сохранили у себя этот “хлам”. Может быть, поймешь не сразу, не огорчайся. В свое время мне тоже задавали эту задачу, а понял я только годы спустя.

В лаборатории Филипп долго дивился на свое умеренно надоевшее отражение в стеклопанели проектора и думал над словами Травицкого, и снова к нему пришло ощущение вины, будто он чем-то обидел своего последнего учителя, а потом в сознание из хаоса мыслей пробилась одна — все ли он учел в своем открытии, и он ухватился за эту мысль, она позволяла отвлечь совесть и второе “я” противного скептика, и Филипп достал из ниши корону эмкана и включил аппаратуру...

Открытие Филиппа, найденное им на стыке многих наук физики пространства, обсуждалось на очередном заседании Технического Совета Земли и породило лавину восторженных откликов со стороны несведущих и волну замечаний и экспериментальных проверок формулы всеми специалистами по ТФ-связи.

Травицкого вызывал к себе председатель Технического Совета Хейдо Уессон по поводу присвоения Филиппу Ромашину звания магистра технических наук. Против звания Травицкий не возражал, но просил подождать с присвоением месяц-два. Уессон

не стал расспрашивать начальника бюро о мотивах его просьбы, само собой разумеется, что они достаточно серьезны.

— Этот Ромашин — теоретик таймфага? — спросил он.

— Нет, конструктор ТФ-аппаратуры, — ответил Травицкий.

— Странное явление! Для вывода формулы локальной трансгрессии, как это сделал он, нужны глубокие познания в области структуры пространства, вакуума и ТФ-поля.

— Вы правы, случай оригинальный. Ромашин подошел к чисто теоретическому, математическому, умозрительному открытию с противоположной стороны — от конструкции, в то время как нормальным считается обратное — от теории к конструкции. Что ж, еще по учебному институту он был известен и как неплохой математик, автор трех оригинальных работ по повышению информационной емкости ТФ-канала.

— Тогда это скрытый гений.

— Не гений, но рядовой талантливый творец. — Травицкий улыбнулся. — Один мой знакомый сказал бы: не гений, но уже достаточно близок к сумасшествию. К сожалению, Ромашин неуравновешен, разбрасывается, он отличный спортсмен и, возможно, это обстоятельство мешает ему быть... гением.

Уэссон поднял на собеседника спокойные прозрачные глаза.

— А может, наоборот? Я думаю иначе: спорт никоим образом не мешает гению, если это, конечно, гений. Спорт воспитывает человеческое в человеке, пожалуй, больше, чем любая научная дисциплина.

Травицкий, не желая возражать, только пожал плечами, у него было свое мнение.

По возвращении из Рязани, где находился управленческий аппарат Технического Совета, Травицкий собрал всех работников бюро и сообщил:

— Наш институт будет головным разработчиком нового типа ТФ-аппаратуры. Но не торопите время: эта формула пока рай только для теоретиков, для экспериментаторов и практиков же она является адом. Поэтому лучшие наши математические умы — Ильга, Филипп, Денис — займутся “частными” выводами и поиском возможных отрицательных эффектов, а остальные примутся за детализовку и узловую проработку антенны и блока управления. Это сейчас главное. Осознаете, какая на нас теперь ответственность?

Все осознавали.

— Тогда за работу, — вздохнул Травицкий. Он-то знал, с какими трудностями придется столкнуться работникам бюро.

Филиппу досталось продолжение поиска оптимального объема ТФ-передачи, дающего каждому человеку возможность перемещаться по ТФ-каналу из любой точки пространства, не

прибегая к услугам транспорта. Остальные конструкторы начали работать с энергетикой и автоматикой новых микростанций.

К концу августа восторги вокруг открытия поутихли, природа не хотела сдавать свои позиции без боя. Всем было известно, что механика мгновенного перемещения в пространстве наталкивается на издавна известный в физике принцип неопределенности, согласно которому в применении к ТФ-связи невозможно с конечной точностью определить одновременно энергию тела, импульс и координаты. Стационарная ТФ-связь обходила этот закон тем, что перемещаемые тела жестко “привязывались” к таймфазовым линиям и, покидая передатчик, финишировали в приемнике. Для индивидуального же использования векторная связь не годилась, потому что, образно говоря, путешественник, исчезая в одном месте, не знал точно, когда и где он “вынырнет” в другом: в воздухе, на земле или под землей, плюс неизбежная неопределенность в скоростях движения субъекта и выбранной финишной зоны.

Филипп работал чуть ли не до изнеможения, по шесть-семь часов в день, яростно гоня мозг мыслерапидом, и дважды пропустил тренировки, из-за чего имел не совсем приятный разговор с Ребровым, хотя и не мог не признать, что тренер прав. С Аларикой он виделся за это время всего один раз, да и то случайно — в театре миниатюр, где она была вдвоем с Леоном Хрусталевым, игроком сборной. Женщина выглядела веселой, но самодовольная физиономия Хрусталева отбила все желание подойти, и Филипп ушел из театра, даже не досмотрев спектакль. Не думать об Аларике он не мог, но странная апатия и сосущая пустота в груди после встречи надолго омрачила его настроение, заставляя заполнять пробел в сердечной сфере работой и тренировками.

Однажды после работы, перед субботним отдыхом, когда Филипп полулежал в кресле с эмканом на голове, рисуя в объеме экрана тонкий девичий профиль “идеальной подруги”, в лабораторию зашел Травицкий, как всегда, бесшумно и неожиданно и, посмотрев на его “художество”, обронил:

— Мне звонил Май Ребров...

Филипп поспешно стер изображение, выключил машину и снял эмкан. Травицкий мелкими шажками измерил расстояние от двери до пульта комбайна и остановился напротив. Глаза у него были усталые и запавшие, работал начальник бюро много и устал, наверное, не меньше Филиппа.

— Ты пропускаешь тренировки без уважительных причин.

Филипп отвел угрюмые глаза.

— Ты думал, что вывел формулу и все?— Тон у Травицкого неожиданно сдвинулся в область отрицательных температур.— А я ведь не напрасно показывал тебе старинное чертежное приспособление — кульман, помнишь? Не понял ты намека, жаль.

А намек был совсем прозрачный: для того, чтобы сделать что-либо выдающееся с помощью таких неуклюжих сооружений, нашим дедам необходимо было **т е р п е н и е** !! Понимаешь? **Т е р п е н и е** ! Проблема оказалась зубодробительнее и сложнее, чем ты думал, и, не решив ее с первого наскока, ты...

— Разве я не работаю?— не выдержал Филипп.

— Работаешь,— согласился Травицкий.— Но **к а к** ? Ты перестал быть синектором, ты сейчас раб машины, ее знаний и логики, и только! Ты уже не творец, а фанатик идеи — хватаешься за тысячи возникающих новых путей и не доводишь до конца ни одного. Если будешь работать в том же духе, я не разрешу тебе нагружать вычислитель больше двух часов в день... не перебивай! Слушай, что скажу.

Завтра мы слетаем на Меркурий, где строится новая антенна, опробуем аппаратуру пуска — и ты свободен. Даю неделю отдыха, можешь по желанию взять даже две или три; смени обстановку, впечатления, переживания, лети куда хочешь, хоть в другую галактику, но не смей думать о теории таймфага! Никаких попыток надеть на голову эмкан! Когда-то смена впечатлений помогла тебе набрести на формулу, может быть, то же самое произойдет еще раз. Вообще категорически запрещаю думать о работе! Это первое. Второе: если не хочешь, чтобы я думал о тебе плохо, — не пропускай тренировок, ни в ущерб себе, ни в ущерб остальным, тем более Реброву, который в тебя поверил. И третье: вернешься — проведем общий мозговой штурм по нашей проблеме с привлечением всех ведущих теоретиков таймфага, и тут твое психическое здоровье должно быть на высоте. Вопросы есть?

Филипп вздохнул и сгорбился, боясь поднять на руководителя бюро виноватый взгляд.

— Нет.

— Тогда до завтра.

Травицкий постоял немного рядом, погрузневший, добрый, как и всегда, и вышел, оставив после себя ощущение беды.

Филипп помял лицо ладонями и скорчил своему отражению презрительную гримасу.

— Долго еще ты собираешься взрослеть, игрок? Инфантильная личность.

“Инфантильная личность” в зеркальной панели в ответ скорчила рожу и промолчала.

— Понятно.— Филипп вздохнул.— Значит, безнадежен...

Завод был огромен. Зона солнечных конденсаторов, составляющих верхний ярус завода, занимала площадь в двести пятьдесят тысяч квадратных километров. Второй ярус представлял собой зону трансформаторов энергии, а нижний, основной, со-

стоял из преобразователей и реакторов синтеза и упаковки капсул МК — миниколлапсаров, служащих источником энергии для кораблей космического флота человечества.

Филипп стоял на обзорной башне завода, поднимавшейся над поверхностью Меркурия на триста метров, и не отрываясь, смотрел на исполинский раскаленный тоннель Солнца, просверленный в зените: именно тоннель — таким представлялось светило сквозь светофильтры и защитный экран башни.

Завод работал автоматически, под неусыпным надзором кибиинтеллекта, тем не менее он требовал участия людей. В шести обзорных башнях над территорией завода работали восемнадцать человек, следя за состоянием верхней зоны солнечных конденсаторов, еще шесть человек дежурили в централи управления заводом. Кроме того, круглосуточно дежурили смены механиков, инженеров ядерной защиты и бригады по ремонту всех энергоустановок завода, всего сорок семь человек.

Вдали над кажущимся бесконечным сверкающим полем конденсаторов встал вдруг язык лилового, бледного в сиянии солнца огня. Тотчас же внутри обзорного купола рывкнул гудок, дежурные ответили переключениями на своих изломанных волей разработчиков пультах, и язык пламени втянулся в поле.

— Бригаде ремонта на выход! — сказал один из операторов. — Выгорела секция сто сорок шесть. Киб-ремонт не подлежит. Главный пост — перераспределяю энергоотдачу района.

— Принято, — отозвался гулкий бас из невидимых динамиков.

В это время в куполе появился Травицкий в сопровождении главного инженера завода. Оба были в полужестких вакуум-скафандрах, как и Филипп.

— Думаю, часов через десять-двенадцать мы восстановим линию, — обратился главный инженер одновременно к Травицкому и Филиппу. — Редкий случай, вы уж поверьте.

— Верю, — сказал Травицкий. — Не ко времени, конечно, но ничего не поделаешь. За двенадцать часов восстановить разрушенную линию вам, очевидно, не удастся, скажем, если мы привезем аппаратуру послезавтра, вы будете готовы к пуску?

— Наверняка, можете быть уверены.

Травицкий кивнул. Главный инженер, смущенный своей ролью, пожелал им удачи и удалился.

— О чем это он? — спросил Филипп, ничего не понявший из разговора.

— Неувязки, — нехотя сказал Травицкий. — Как раз перед нашим прибытием возбудился вулкан, и лава повредила энерголинию от завода к нашей стройке. Какой-то умник повелел монтировать антенну на плато Шерхова, напичканное вулканами, как подсолнечник семечками. А виноват я, потому что не про-

контролировал. В общем, эксперимент откладывается, поэтому на сегодня и завтра можешь быть свободен. Завод уже осмотрел?

— Да так, местами... Без провожатых ходить по территории запрещено, а здесь — сами видите, не до нас.

— Ну, на Меркурии и кроме МК-заводов много интересного. Если хочешь, могу поговорить с кем-нибудь из старожил, тебе покажет все, даже знаменитую Серую Колонну на Плато Жары.

Филипп подумал и отрицательно покачал головой.

— У меня есть дела на Земле... если вы не возражаете.

Травицкий развел руками.

— Ради бога. Кстати, зайти, пожалуйста, в институт и забери в моем столе голубую кассету, там расчеты пробного канала. Я, наверное, останусь здесь, кое-что выясню. Послезавтра в десять по среднесолнечному встретимся у главного инженера, найдешь? Это почти под нами, на втором горизонте.

— Кто из вас Кирилл Травицкий? — повернулся к ним один из операторов. — Меркурий-исследовательский на связи.

Травицкий просеменил к пульту. Филипп проводил его глазами и, чувствуя неприятный осадок в душе, шагнул к двери. Эксперимент с новой ТФ-антенной, формулу которой он рассчитал, почему-то перестал его интересовать. С одной стороны, результат эксперимента не мог не волновать его как разработчика, все-таки проверялось его детище, а с другой — Филиппа перестал удовлетворять сам процесс подготовки эксперимента, слишком длительный и однообразный, поэтому и настроение складывалось соответственно: Филипп ощущал в себе раздвоенность и неопределенную досаду неизвестно на кого.

На Землю он попал спустя час через второй таймфаз Венеры. В институт зашел поздно, забрал из кабинета Травицкого кристаллы кассет и не стал задерживаться в лаборатории. Вне стен института властвовал вечер. Темная мгла спустила тени в зарослях леса, и он потерял свои великолепные летние краски, взамен выпустив на свободу тысячи запахов и мириады звуков от скрипа коростелей до квакания лягушек в пруду. Над горами холмов умирал последний солнечный свет, рассеянный вязью перламутровых облаков. Кое-где в темно-фиолетовый купол неба уже вонзались лучи далеких звезд. Небо вокруг натертого до блеска лунного диска запотело серебристой влагой.

Филиппа вдруг охватило желание немедленно увидеть Аларика, причем не в рабочей обстановке, а дома, неожиданно для нее, без предупреждения. Желание было наполовину неосознанным, но в том и была его прелесть — оно заставляло работать сердце с полной отдачей.

Филипп вернулся домой и первым делом связался со справочной Дальнего Востока, выясняя адрес Реброва. Он уже знал, что Аларика и после гибели мужа продолжала жить в семье Ребро-

вых, в доме Мая, с его женой и взрослой дочерью. Затем он позвонил в Лунный Институт видеопластики и в Управление спасателей, убедился в том, что Аларики там нет. Следовательно, у него появился шанс застать ее в домашней обстановке.

После этого выбрал костюм, сам, не пользуясь сумматором моды, и в три часа ночи покинул спящий дом. Самому спать совершенно не хотелось.

Пинасс доставил его из Басово к первой московской станции таймфага, откуда он мгновение спустя переместился в Хабаровск.

Добраться на Симушир оказалось не просто: рейсовые куттеры летали редко и медленно, со многими остановками, а ждать Филипп не захотел. Сначала, пользуясь попутным транспортом, он попал в Южно-Сахалинск, в родные пенаты Станислава Томаха; заходить к нему, однако, не стал, надо было бы объяснять свое появление, а этого объяснить он как раз бы и не сумел. Затем пинасс метеослужбы отвез его на Итуруп, самый большой остров Курильской гряды, и лишь потом на нэфе местных линий он добрался до Симушира, который фантазия кого-то из предков Мая Реброва выбрала в качестве домашнего уголка.

Был уже вечер, когда Филипп выбрался к поселку Шаншири, расположенному на берегу бухты Броутона. Небосклон был занавешен тучами, и Луна изредка откидывала их вуаль, чтобы показать свое полное белое лицо.

Та же Луна, что и у нас в Басово, подумал конструктор мимолетно. Интересно все же, почему Ребров выбрал для местожительства остров Курильской гряды? Прямого ТФ-сообщения с материком здесь пока нет, погодные условия не всегда соответствуют нормам для жилых зон... Любовь к океану? Или привязанность к жилью отцов? Это, кстати, мне ближе по духу... не любящий свою родину так же никем не любим... Однако где же их “вигвам”?

— Простите, — остановил Филипп двух женщин,двигающих впереди себя что-то серебристо-стеклянное, звенящее и гудящее от легкого ветерка. — Вы не подскажете, где живут Ребровы? Вам помочь? — спохватился он.

— Спасибо, мы сами, — отозвалась старшая, откидывая прядь волос со лба. — Это оптимизатор среды для новорожденных ихтиозавров, он легкий, а до фермы уже близко. А дом Реброва справа от вас, через парк, увидите сами.

Поблагодарив, Филипп двинулся в указанном направлении, чувствуя на затылке взгляды женщин. Пройдя темный парк, наткнулся на каменную ограду, прошел вдоль нее с полсотни шагов и увидел дом Реброва — смутно видимый силуэт, полускрытый деревьями. На лужайке у дома стояли три пинасса, четвертый медленно снижался поодаль. Из полураскрытой две-

ри, ронявшей сноп белого света на террасу, выглянул незнакомый мужчина, мельком взглянул на подходившего Филиппа и крикнул в темноту:

— Александр, ты скоро? У женщин лопается терпение.

— Скоро, — донесся сверху из темноты густой бас. — Только коня привяжу.

Незнакомец засмеялся, повернул голову к Филиппу.

— Вы к кому?

— К Реброву, — сказал Филипп первое, что пришло в голову.

— Я Ребров.

— Я... мне нужен другой...

— Другой, значит. А какой именно? Сегодня здесь много Ребровых. Проходите в дом, разберемся.

— Кто там, Глеб? — раздался из прихожей знакомый голос, и на террасу вышел Май Ребров, одетый во все черное. — А-а, Ромашин... это ко мне. Проходи, Филипп.

— Спасибо, — пробормотал Филипп, проводив взглядом Глеба. — Извините, Май, могу я видеть Аларику?

— Ага... — сказал Ребров, глаза его похолодели. Он помолчал, внимательно разглядывая лицо конструктора, хмыкнул. — К сожалению, ее нет дома.

— А где ее можно найти?

Ребров снова хмыкнул, хотя лицо его осталось неподвижно-спокойным и твердым.

— Она пошла к морю. Правда... не хотелось бы, чтобы ты ее тревожил. Сегодня день памяти Сергея.

Филипп неловко кивнул, уши его запылали, и он, не зная, что сказать, мучаясь налетевшим вдруг косноязычием, проговорил:

— Понимаю, вы правы... однако же... я, пожалуй, пойду к себе, извините.

— До свидания. — сказал Ребров, повернулся и ушел в дом. Дверь при этом он за собой не закрыл.

Филипп сбежал с террасы, уязвленный до глубины души необычной холодностью тренера, злой — на себя, на Реброва, на весь мир и, лишь оказавшись на причале, опомнился и перевел дух.

Волны с упорством маньяка пытались разбить причал, сдвинуть его с места, но разбивались сами, сея густую водяную соленую пыль на черный гранит мола. Неумолчный гул сопровождал эту схватку, и Филипп представил, каково здесь в шторм.

Подставив пылающее лицо брызгам, он постоял с минуту, все еще переживая свое неудачное randevu с Ребровым, потом вытер лицо ладонью и сказал неизвестно кому:

— Ну мы еще посмотрим!

Он вышел из освещенной зоны причала, совершенно безлюдной в этот час, нашел каую-то тропинку и по ней пустился в обход

поселка по берегу моря. Там, где скалы отступали в глубину острова, было холодно, откуда-то издалека, из седой мглы катились стеклянные хребты волн, накатывались на валуны и скалы, ветер срывал с разбитых волн фосфоресцирующую пену и бросал на берег, словно сеятель — семена жизни.

В стороне пика Прево над морем повисли три рубиновые полосы, и Филипп успел заметить косо падающие за горизонт стремительные стрелы истребителей ураганов. Он подождал несколько минут, прислушиваясь, но все было спокойно, лишь прибой заполнял пространство музыкой канонады. Балансируя на кромке обрыва, Филипп раздумывал, куда направиться дальше, и вдруг на фоне светящихся волн заметил на выступе скалы чей-то силуэт. Человек сидел, повернувшись лицом к морю, и что-то знакомое почудилось Филиппу в его позе. Он осторожно приблизился, хор прибоя заглушал его шаги.

Это была женщина в мерцающем зеленовато-белом платье.

Филипп замер. Сами собой пришли на ум пушкинские строки:

Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури,
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

Женщина оглянулась и встала.

Сердце отозвалось падением и взлетом, он ощутил радость и тревожное изумление одновременно: предупреждение Реброва еще стояло в ушах. Аларика, спокойная, как и всегда, желанная и чужая, заставляющая вздрагивать во сне и в последнее время всплывающая в памяти в самые напряженные моменты работы, смотрела на него и молчала. Интуиция вывела его сюда? Или его величество Случай?

— Как ты нашел меня? — первой нарушила молчание женщина. — И зачем?

Филипп приблизился.

— Мне сказал Май... но я не искал тебя, честное слово... хотя, вру, не искал, но ждал. А зачем?.. Может, потому что хочу разобраться...

— В чем?

— В тебе... в себе тоже.

— Странные слова в твоих устах. Обычно ты более категоричен. И все же ты напрасно пришел сюда.

Филипп стиснул зубы.

— Наверное, ты права. Мне говорил Ребров, я не послушал. Но уж коль так получилось, позволь побыть с тобой немного...

Он взял ее за руки, холодные, как скалы вокруг. Аларика покачала головой, высвободила руки.

— Ты напрасно пришел... во всяком случае сегодня. Слишком легко тебе даются слова, я знаю. И еще ты забыл, что между нами прошел третий, которого я любила.

— Тогда я приду завтра.

— Не знаю. Пусть это будет завтра, а сегодня — уходи.

Филипп молча поклонился и пошел в темноту, унося взгляд Аларики, твердый взгляд взрослой женщины, знавшей, что такое любовь. И все же... Она сказала — любила, — бормотал он про себя. — Любила, а не — люблю! Значит, не все еще потеряно? Кто бы помог разобраться, возможно ли это? Или не надо разбираться, ставить точки над “i”, пусть все идет так, как идет?..

Хор прибора уже не казался ни торжественным, ни грозным — он был скорее насмешливым и угрожающим, веяло из фосфоресцирующего мрака холодом и безнадёжностью...

Если не знает никто, почему улыбаемся мы,
И не знает никто, отчего мы рыдаем,
Если не знает никто, зачем рождаемся мы,
И не знает никто, зачем умираем...

Филипп оступился, больно ударился коленом о камень и погрозил кулаком океану. Оглянувшись, но Аларики уже не было видно. Только клочья светящейся пены пронеслись над мокрыми скалами, словно странные электрические птицы из неведомого мира.

Если мы движемся к бездне, где перестанем быть,
Если ночь перед нами нема и безгласна...
Давайте, давайте, по крайней мере, любить!
Быть может, хоть это не будет напрасно....*

— Когда это произошло? — спросил Богданов, чуть более бледный, чем обычно.

— Вчера утром, между завтраком и обедом, — сказал угрюмый Йос.

Два часа назад из сектора скорой помощи УАСС пришло сообщение о смерти эфналитика отдела безопасности Василия Богданова. Его нашли мертвым после сеанса компьютерного расчета, но тема расчета оказалась стертой в памяти “Умника” — большого киб-интеллекта Управления, и это было необъяснимо: стереть расчет не мог бы и сам оператор.

Томах невольно сравнил это происшествие с недавними событиями: появлением “зеркальных перевертышей”, пропажей грузов и главное — с проникновением в наглухо закапсулированную космостанцию над Орилоухом. Не есть ли это звенья одной цепи?

---

* Амадо Нерво (Мексика, 1870 — 1919 гг.).

— И никаких предположений?— спросил он глухо.

Начальник отдела безопасности покачал головой.

— Никаких. Диагноз — колоссальное нервное переутомление и, как следствие, обширный отек мозга.

— Кто ведет расследование?— спросил Богданов. Он тоже выглядел достаточно спокойным, только у губ легли скорбные складки.

— Пока Шалва, но что он может сделать, не имея предпосылок? Врачи разводят руками, случай беспрецедентный. Непонятно уже то, почему “Умник”, связанный с медсектором напрямую, не вызвал скорую сразу после происшествия. А на вопрос, почему он этого не сделал, ответил: оператор с ним н е р а б о т а л !

— Откуда же тогда переутомление?— спросил Томах.— Свидетели включения “Умника” есть?

— Нет,— коротко ответил Йос.— Тестирование “Умника” показало, что он работал с Василием в режиме “один на один”, но какую проблему они решали — неизвестно.

— Я догадываюсь, над чем работал Василий,— медленно проговорил Богданов.— Я подкинул ему проблему “зеркальных перевертышей” в интерпретации Славы — что они суть средства наблюдения плюс исчезновения грузов, идущих на периферию. Видимо, он пытался сделать глубокий прогноз.

— Над прогнозом даже эфналитики не работают до сверхизнеможения.— Керри Йос встал, подошел к Богданову и положил ему руку на плечо.— Нужен профессионал-вычислитель, который смог бы выдержать гонку с “Умником” в режиме “один на один”. Это вывод кибернетиков, конструкторов “Умника”. Только тогда появится шанс заставить его при перенапряжении восстановить память хотя бы частично по “рассеянному эху” прежних вычислений в блоках эмоций. Ваш друг Филипп Ромашин, по-моему, подошел бы по всем статьям, я слышал об его открытии, но он не сотрудник отдела, а риск в этом деле превышает границы допуска для гражданских лиц. Тебя я тоже не пошлю, на вас со Славой и без того повисло дело Наблюдателя. Кто подойдет?

— Надо подумать,— сказал Станислав.— Но идея взять Филиппа...

— Что, не подходит?

— Почему же, подходит. Просто я думал... не рано ли? Вы же сами вспомнили открытие, связанное с его именем, он талантливый конструктор и к тому же спортсмен высокого класса...

— Вот-вот, одни добродетели.— Керри позволил себе пошутить.— Именно это меня и привлекает, особенно то, что он спортсмен. Кто-нибудь из вас знает его физические данные?

— Я знаю,— сказал Томах,— не раз его массажировал. По нашей классификации Филипп — эктомиидаль*. Чуть-чуть больше, чем надо, вспыльчив, но энергичен, великолепно развит, реакция феноменального типа плюс, кстати, пробуждающийся вкус к риску.

— Ну, последнее, пожалуй, лишнее,— проворчал Керри Йос.— Я бы хотел, чтобы этот вкус не развивался по экспоненте.

— У Василия тоже была реакция феноменального типа и чутье опасности,— напомнил Богданов.— Плюс двенадцатилетний опыт работы в Управлении.

Начальник отдела в задумчивости прошагал вокруг лужицы воды в сверкающем ледяном гроте — так был настроен видеопласт кабинета — и сказал, легонько стукнув кулаком по стене:

— Не о нем сейчас разговор, я имею в виду, не о Ромашине. Подумайте до вечера, потом поговорим. Надеюсь, вы понимаете важность своей работы по “зеркала”. Уж очень похоже, что кто-то недавно начал “пасти” нас, человечество, хотя и очень робко, на дальних подступах в нашем центре.

— Как мы за Орилоухом?— уточнил Богданов.

Керри Йос остро посмотрел на заместителя.

— Аналогия есть, однако различий между нашим и их наблюдением гораздо больше, чем сходства. Тем более, что мы не знаем пока целей Наблюдателя.

— Правильно,— согласился Томах.— При тех возможностях, что демонстрирует наш Наблюдатель,— вспомните вскрытую станцию над Орилоухом, — он мог бы следить за нами, не открываясь, очень долго. У меня создалось впечатление, что открылся он намеренно. Зачем?

— Мне тоже хотелось бы знать,— пробормотал Керри Йос.— Однако отвечать на этот вопрос некому... кроме нас самих.

— А не перестраховываемся мы?— спросил Богданов, глядя на “лужицу”, в которой плавали крохотные радуги.— Не выдаем ли нежелательное за действительное? Слишком уж искусственны наши построения, вам не кажется? Все три случая: “зеркала”, пропажа грузов и вскрытие станции могут оказаться неизвестными проявлениями неразумной природы и вообще не связаны друг с другом.

— Могут,— согласился Йос.— Но если сто лет назад ученые для всех космических явлений искали естественные объяснения, то мы обязаны искать неестественные, ибо за этим стоит контакт с разумными существами, о которых мы не знаем ровным счетом ничего! Для того и существует УАСС, организация, отвечающая за безопасность цивилизации, и в частности наш отдел, чтобы остальные люди не ждали от контакта беды. Не убедил?

* Сухой, жилистый, подвижный спортсмен, поражает вспышками энергии, смел, но не любит силовой борьбы.

— Чего уж там, — буркнул Томах. — Нас убеждать не надо. Кто из СЭКОНа работает сейчас по “зеркальным перевертышам”?

Керри перестал обходить “грот”, выключил видеокартинку и сел за стол.

— Генри Бассард, — сказал он хмуро.

Томах и Богданов переглянулись.

— А вы думаете, зря я вас тут пугаю? Мнение Генри, кстати, полностью совпадает с твоим, Никита, — мол, “неразумная природа”. Это плохой симптом, доказать Бассарду что-либо, когда он упрется рогом, весьма сложно. Короче, с разгадкой смерти Василия я управлюсь без вас. А вам даю два дня на архивы — поищите информацию разведчиков обо всех явлениях, схожих с “зеркалами” и прочими нашими чудесами, потом соберемся и выберем тактику и стратегию поисковых групп. А так как работать им придется в пораничных районах контролируемой нами зоны космоса, то вопросу отбора, психологическим качествам поискеров уделите особое внимание. Лучше всего подобрать кадры среди пограничников, знающих сюрпризы космоса не понаслышке. Все понятно?

— А как же, — с иронией произнес Томах. — Обычное дело: поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

Филиппа Томах нашел дома погруженным в размышления, судя по выражению лица — не очень приятные.

— Где это ты был? — спросил его конструктор вместо приветствия. — Я тебя ищу уже вторую неделю.

— Работа, — пожал плечами Станислав. — Я был там, куда не достает связь через личный видео.

— Снова тайны...

— Завидуешь? — Томах вынул из окна доставки на кухне бокал с дымящимся соком, принес в гостиную и стал, не торопясь, пить мелкими глотками. — Я был у пограничников, на периферии. Если хочешь, переходи к нам на работу, у тебя тоже появятся тайны.

— Кем? — невесело засмеялся Филипп. — Экспертом?

— Можешь и экспертом, но лучше инспектором на оперативную работу отдела.

Филипп перестал улыбаться и недоверчиво посмотрел в карие, спокойные глаза Томаха, в которых время от времени мелькали иронические или насмешливые огоньки.

— Шутишь?

— Абсолютно серьезно.

Филипп подумал, отобрал пустой бокал у друга и остановился напротив, расставив ноги.

— Выкладывай, что у вас там случилось.

Томах испытующе посмотрел на него.

— Разве по мне заметно, что у нас что-то случилось?

— В общем-то... нет, но я... чувствую

Томах слегка нахмурился, все еще рассматривая Филиппа, потом отвернулся и пошел на кухню за следующим бокалом.

— Ты мне не ответил на предложение, — сказал он оттуда.

— Ты тоже — на мой вопрос.

Томах появился в проеме двери, на ходу прихлебывая тоник из запотевшего бокала.

— Умер эфналитик Василий Богданов, брат Никиты.

— Брат Богда... Как умер?

— От умственного и нервного перенапряжения. Работал в паре с “Умником”, вот как ты со своим вычислителем, решал какую-то футур-задачу... Через два часа его нашли мертвым с эмканом на голове. А “Умник” ничего не помнит. Такой вот фокус. Но это наши заботы. — Томах сделал ударение на слове “наши”. — Хотя в скором времени они могут стать и твоими. Я понимаю, мое предложение для тебя неожиданно, поэтому не торопись с ответом. Все взвесь и проанализируй. Позволю заметить, что не каждого приглашают работать в Управление, а тем более в отдел безопасности. И еще: УАСС — это организация, для работы в которой необходимо иметь призвание, а работа требует столько сил, умения, желания, самоотдачи, дисциплины, жизни наконец! — что упаси тебя бог согласиться и не выдержать! Не помню, кто сказал, что работа без нравственного оправдания — бессмыслица или того хуже — жестокая необходимость, но знаю, что сказано это о спасателях и безопасниках. Если хочешь, для меня работа безопасника — призвание. Вот когда ты сможешь так сказать про свою, — неважно, будешь ли ты конструктором или спортивным деятелем, — тогда я возьму свое предложение назад. А пока думай. Согласен?

Филипп качнул головой.

— А что мне остается? Ты прав, в последнее время я не нахожу удовлетворения в своей конструкторской работе, только едва ли когда-нибудь...

Томах протестующе поднял руку.

— Я же сказал, не спеши, время покажет.

Филипп задумался, вертя в руках пустой бокал. Томах принялся разглядывать комнату, отмечая новые штрихи в ее убранстве, появившиеся с тех пор, как он был здесь в последний раз. Он встал с дивана, прошел к панели домашнего координатора и в нише под стенным виомом увидел миниатюрный видеопласт: горы, язык ледника, снежное поле и в черной пасти пещеры женщина в сияющем белом платье. Аларика.

Станислав некоторое время рассматривал лицо женщины и вернулся к дивану.

— Откуда это у тебя?

— Что?.. Она мне сама подарила.

— Вот как? Интересно!

Филипп остановился напротив друга и через силу, не глядя на него, спросил:

— Ты знал Сергея Реброва?

— Кто же его не знал?

— А почему не сказал мне, что он погиб?

— Зачем? Разве это что-нибудь изменило?

Филипп угрюмо посмотрел в глаза Станислава.

— Думаю, изменило.

— Ну, а я так не думаю. И коль уж зашел разговор, ответь мне: ты что же, всерьез решил наверстать упущенное? Не поздно?

Филипп вспыхнул, увидя в словах инспектора скрытый и неприятный подтекст. Но сдержался.

— Не надо так, Слава. Ты же не знаешь...

— Э-э, брат, шалишь! Я все о тебе знаю, даже то, чего ты сам о себе не знаешь. Что касается Аларики... зря ты это все затеял. Слишком хорошо я знаю их жизнь. И любовь. Не зная тебя так, как знаю, я бы подумал, что у тебя выиграло самолюбие, но не могло же оно молчать столько лет? Ты же абсолютно ничего не знал об Аларике, так? И не пытался узнать, хотя меня это всегда поражало. Что же изменилось? Случайная встреча всколыхнула омут былых чувств? А смерть Сергея развязала руки?

Филипп потемнел, сжимая кулаки. Станислав с любопытством смотрел на него снизу вверх, сплетя пальцы на животе.

— Не нравится? Что ж, иначе не могу. Мне было больно за вас обоих пять лет назад, хотя я уже тогда знал Сергея Реброва. Но не причиняя новой боли Аларике, она этого не заслужила.

— Постараюсь, — глухо ответил Филипп. — Ты со мной так никогда раньше не разговаривал.

— Потому, что, по-моему, ты был счастлив. Ну, или будем говорить иначе, был уверен в правильности своей линии жизни.

— А сейчас не уверен?

— Сейчас нет. И это меня и пугает и радует. И если все объясняется только влиянием Аларики — это плохо.

— Разве? — Филипп опустился на диван. — Хотя ты прав, плохо. В последнее время со мной что-то непонятное творится. Понимаешь... и Ребров отмечает... и сам я чувствую, иногда словно срываюсь, будто не срабатывает что-то внутри, какой-то выключатель в нервной системе. И тогда я либо теряюсь в обстановке: затормаживаются реакции, уходит точность движений — в игре это особенно заметно — или, напротив, переоцениваю

свои возможности, бываю грубым и злым... а это уже, сам понимаешь, явный перебор.

— Еще какой,— согласился Томах.— Один мудрец говорил: “Недобор ближе к умеренности, чем перебор. Второй оправдывается гораздо труднее”*. Тебе надо менять режим работы, хотя бы на время, можно также пройти курс гипноиндукционного внушения, хотя гипнопрофилактика и терапия прописываются обычно слабонервным натурам. Кстати, у меня появилась идея: ты бывал когда-нибудь на СПАСах?

— СПАС? А-а... эти — станции аварийных...— пробормотал Филипп, гадая, кого Станислав подразумевает под “слабонервными натурами”.

— СПАС — это станции приема аварийных сигналов.

— Не приходилось.

— Я тебе устрою экскурсию, не пожалеешь.

— Ты думаешь, мне это необходимо?

— Уверен — для смены впечатлений и проверки собственного терпения. Начну знакомить тебя со спецификой работы спасателей. Тем более, что тебе придется поработать у нас.

По лицу Филиппа скользнула тень.

— Это называется вербовкой.

Томах тихо засмеялся.

— А это и есть вербовка. Удивительно, что ты помнишь смысл столь древнего термина. Наш шеф дал тебе очень лестную характеристику и просил меня провести “среди тебя” работу по выяснению отношения к аварийно-спасательной службе вообще и к отделу безопасности в частности. Если серьезно, Керри предлагает тебе прикинуть свои возможности в поединке с “Умником” в режиме “один на один” и участвовать в операции “Наблюдатель”, которую ты уже начал, будучи экспертом. Кстати, у меня ощущение, что операция эта небезопасна.

Филипп стал молча переодеваться в выданный сумматором моды костюм — обтягивающие бедра и прямые внизу брюки, белые у пояса и чернеющие к краям штанин, и обтягивающую тело рубашку, также белую у плеч и чернеющую к поясу.

— Я не понял, при чем тут “Умник”.

— Василий Богданов работал с ним именно в режиме “один на один”.

— Ясно. А если я не соглашусь?

— согласишься,— ответил Томах уверенно. — Иначе я пере-квалифицируюсь в... управдомы не управдомы, но в конструкторы одежды точно.

---

* М.Монтень.

Когт скользнул мимо исполинского “уха” антенны станции и воткнулся в одну из причальных ниш стыковочным узлом рядом с таким же полосатым шлюпом дежурной смены.

— Давно собираются установить на СПАСАх таймфаги, — буркнул Томах, отстегиваясь от кресла, — да все никак не соберутся. Вот и приходится колупаться на когге битых полчаса.

Он первым ступил на эстакаду, и движущаяся дорожка вынесла их в кольцевой коридор станции, опоясывающий ее “мозг” — зал управления и автоматики.

— У них как раз сейчас пересменка, — посмотрел на часы Томах, ступая бесшумно и мягко по матово-белому, словно фарфоровому полу коридора. — Мы не помешаем. А стажироваться тебе все равно надо, не вздыхай.

Зал оказался не круглым и не таким уж большим, как ожидалось, судя по радиусу изгиба коридора, он был треугольным. Все три стены служили панорамными виомами, пульт управления помещался в тупом углу треугольника, и над ним была врезана в стены наклонная черная плита экрана пеленгатора с крестом визира по центру. У пульта стояли три кресла, два из них занимали старший дежурный смены и его помощник, третье было запасным.

При входе в зал слабо звякнул предупреждающий звонок, и мужчины у пульта, одетые в серо-голубые комбинезоны спасателей пространственной службы, оглянулись. Филипп с удивлением узнал в старшем смены... Леона Хрусталева, напарника по сборной! В свою очередь тот тоже удивился не меньше, только реагировал менее доброжелательно.

— Почему здесь посторонние? — с ударением на последнем слове спросил он.

— Ну-ну, я уже посторонний, — добродушно усмехнулся Томах, подходя к пульта. — Ребята, знакомьтесь, это Филипп Ромашин, конструктор, — он подмигнул Филиппу, — и кандидат в спасатели, стажер. У меня к вам просьба: пусть он тут послушает космос вместе с вами. Мешать не будет, парень дисциплинированный, идет?

— Я против, — возразил Хрусталев. — По инструкции во время дежурства в зале управления не должны находиться посторонние лица, даже если они спортсмены экстра-класса и кандидаты в спасатели.

Филипп вспыхнул: от Хрусталева таких слов он не ожидал.

— Вы что, знакомы? — Томах внимательно посмотрел на обоих.

— Мир слухом полнится, — нехотя произнес Леон.

— По сборной, — уточнил Филипп.

— Пусть остается, — вмешался помощник Хрусталева, красивый парень, видимо, уроженец Мексики. — Насколько помнится,

программа стажировки включает в себя и работу на СПАС. Меня зовут Рафаэль.— Он первым протянул руку и улыбнулся.

Хрусталев демонстративно отвернулся.

— Что вы не поделили?— шепнул Томах на ухо Филиппу. Тот пожал плечами, хотя и догадывался о причинах подобного к себе отношения товарища по сборной: Аларика... Филипп не раз встречал ее в обществе Хрусталева, и того не могла не насторожить его настойчивость...

— Ну и ладненько.— Томах посмотрел на часы.— Мне пора, время моего дежурства прошло, а вы заберете его на “материк” после смены.

Филипп, ощущая неловкость и злость и желание как-то помириться с Леоном, словно был виноват перед ним, сел в правое свободное кресло и принялся разглядывать панель перед собой.

— Берите эмкан,— подсказал ему улыбчивый Рафаэль.— На него сводятся каналы прослушивания всех диапазонов электромагнитного излучения и ТФ-спектра. Наша станция рассчитана в основном на ТФ-диапазон. Вообще-то космос слушают больше автоматы, интеллектроника на СПАСАх мощная, но бывают ситуации, когда зов помощи может выделить из шумов и запеленговать только человек. Ну и управляем автоматикой тоже мы.

— Не отвлекайся,— буркнул Хрусталев,— не на лекции.

Филипп молча достал из ниши ажурную корону с тремя выводами светодавателя и подогнал по размеру головы.

— Проверка,— бросил Хрусталев, покосившись в его сторону.

Рафаэль ответил щелчком включения аппаратуры.

...Двести лет плыл он вокруг Солнца по колоссальному кругу диаметром в сто миллиардов километров, безмолвный, холодный, как дыхание смерти, и сам — смерть! Двести лет потратил он на один виток вокруг Солнца, вглядываясь во тьму бессмысленными глазами фотоэлементных пластин, вонзаясь в пространство щупальцами локаторов, ловил в перекрестие визирных меток астероиды, ядра комет в апогелии, и тогда на короткое время пробуждался его кристаллический “мозг”, сравнивая полученные данные с теми, которые заложили в него создатели, и летел мимо, и ждал, и ждал, запрограммированный нести смерть всему, что создано людьми и что не ответило на его радиозапрос.

Уже давно канули в Лету те, чей злой гений создал его, сменились поколения, исчезли из лексикона людей Земли слова “война” и “гонка вооружений”, а он все мчался вокруг Солнца, электронно-механический безумец, обуреваемый холодной жадной убийства, один из тех автоматических аппаратов, которые запустили некогда поклонники “звездных войн”, последние

представители капитализма, исповедующие пресловутый “свободный образ жизни”, озверевшие от страха и яда собственных замыслов.

И вот локаторы выхватили из тьмы сооружение, отвечающее эталонам, сохранившимся в памяти аппарата. Трижды бросал он вперед угрожающий оклик: “Кто идет? Дайте позывной!” Ответа не было. А по вложенным в память инструкциям молчать мог только враг. И тогда ракетный спутник-убийца включил боевые системы, в течение минуты проверил боеготовность отсеков, определил точные координаты цели и произвел залп. Шесть ядерных ракет типа “Спейсмен” вырвались из люков боевых палуб и умчались к ничему не подозревавшему объекту, унося в своем чреве смерть весом в сто двадцать мегатонн.

Объектом нападения чудовищного пришельца, порожденного военным психозом прошлых веков, был космотрон-коллайдер, самый большой из ускорителей элементарных частиц на встречающих пучках. На беду, автоматы его защиты были запрограммированы на отражение метеоритных атак и мелких болидов, поэтому стремительное приближение искусственных тел не пробудило в их памяти тревожных ассоциаций. Еще худшую беду несло то, что на космотроне шел эксперимент.

Катастрофа произошла внезапно: ракеты, начиненные смертоносным грузом, автоматически произвели противоракетный маневр, хотя никто их не собирался сбивать, вышли в расчетные точки поражения цели и взорвались. Защитное поле космотрона лопнуло, как мыльный пузырь, испарились в безжалостном ядерном огне многочисленные пристройки комплекса, потекли силовые секции ускорителя, исчезло управляющее поле и... два сверхплотных потока антипротонов, помноженные на громадную скорость, близкую к скорости света, ударили по касательной в разные стороны, доуничтожая все, что пощадил взрыв ракет, и, миновав мишени, ушли в пространство. Пятисоткилометровое кольцо космотрона испарилось почти мгновенно, породив вспышку жемчужного света. Две лавины яростной энергии, сравнимые разве что с солнечными протуберанцами, но невидимые глазу, устремились под углом к плоскости эклиптики, одна — в направлении на марсианский жилой пояс, вторая к созвездию Треугольника...

Филипп откинулся в кресле, решив не обращать внимания на поведение Хрусталева, и в это время тот включил слежение.

Плотная накидка глухоты внезапно прорвалась, Филиппу показалось, что он рухнул в глубокий колодец, наполненный звенящим гулом, свистами разных тональностей, скрипами шорохами, писками, нечеловеческим бормотанием и вздохами и

шелестами морского прибоя... Это была великая “тишина” космоса!

Потом через час Филипп привык к этой “тишине” и даже научился отличать радиошумы от таймфагового эха, порожденного взрывами далеких сверхновых звезд, но первое впечатление было именно таким — стремительное погружение в бормочущую, шепчущую бездну, от которого слегка кружилась голова и затуманивало мысли.

— СПАС-семь, дежурство принял, — сказал Хрусталеv, причем его слова не проникли в “колодец” космической тишины — этот диапазон связи не прослушивался станциями системы СПАС. — Старший смены Леон Хрусталеv.

— Добро, — отозвался динамик на пульте. — Рапорт принят. В вашем распоряжении патрульная группа Денеши, эстакада семь, пять коггов типа “Коракл”. Спокойного дежурства!

Хрусталеv проверил связь с отсеками станции, снова покосился на замершего в своем кресле Филиппа и попросил помощника погасить свет в зале. В течение четырех часов дежурства им предстояло вслушиваться в “шепот звезд”: такова была специфика работы дежурных смен станций приема аварийных сигналов.

Но пока обменивались шутками дежурные других станций системы СПАС, вели переключку оперативные группы спасательных патрулей, готовые прийти на помощь любому, кто бросит призыв о помощи, страшная радиоактивная лавина уже безмолвно вспарывала пространство, с каждой минутой приближаясь к густо заселенной людьми области Солнечной системы...

В девять часов тридцать две минуты по среднесолнечному времени в диспетчерской Фобосской станции ТФ-связи, подчиненной опознавательной сети УАСС, прозвучал требовательный гудок: станцию запрашивала обсерватория “Полюс”, располагавшаяся в девяти астрономических единицах от Солнца, над полюсом эклиптики. Автоматы обсерватории зафиксировали в направлении на гамму Треугольника вспышку света необычного спектра, и заведующий обсерваторией просил сверить свои наблюдения с наблюдениями обсерваторий системы СПАС солнечного пояса.

Старший диспетчер переглянулся с операторами, отметил время: таймфаг доносит вести практически мгновенно, свет же вспышки должен был достичь орбиты Марса только через пятьдесят минут.

— “Полюс”, повторите информацию и дайте точные координаты вспышки, — попросил диспетчер. — Что вас смущает конк-

ротно? И почему для проверки вам потребовалась система СПАС?

Обсерватория не ответила. Два, три и пять раз повторял вызов оператор, но ответа с обсерватории так и не поступило.

— Странно!— задумался диспетчер, опытный инженер, в прошлом работник аварийного патруля.— С чего бы ему молчать? Похоже, они даже передатчик вырубili — не видно контакта. И с чего бы ему вообще звонить по тревожной сети? Что он там увидел в Треугольнике? М-да, придется потревожить кое-кого из старых знакомых, не нравится мне эта загадка...

Хмыкнув, он соединился с отделом УАСС на Земле.

Томах прилетел домой, когда семья уже спала. Приняв душ, он залез в кухонный комбайн, собираясь поужинать, как вдруг в гостиной тихо прозвенел сигнал вызова.

Окошко универсальных часов, запрятанное в толще стены, показывало девять часов тридцать семь минут по среднесолнечному времени, но для Сахалина, где жили Томахи, шел уже двенадцатый час ночи.

Филипп, наверное, уже привык к своему положению, подумал Станислав. Ничего, это ему полезно — послушать то, что невозможно услышать ухом. Кто же звонит?

Он прошел в гостиную, утопая ступнями в теплом ворсе пола, включил виом.

— Слушаю, Томах.

Томившийся ожиданием молодой диспетчер отдела восторженно:

— Извините, Станислав, только что получено сообщение от специальной-три с Фобоса. Обсерватория “Полюс” зафиксировала яркую вспышку с необычным спектром в квадрате Треугольника с галактическими координатами...— диспетчер продиктовал ряд цифр.— На дальнейшие вызовы обсерватория не отвечает.

— Сигнал SOS?

— Нет, диспетчер Фобосской станции сигнала тревоги не получал, хотя просил повторить сообщение. “Полюс” молчит.

— Тогда почему вы обращаетесь ко мне? Есть отдел контроля пространства, линейные службы...

— Диспетчер просил найти вас лично.

— Вот как?— Томах приподнял бровь.— Кто же этот смельчак?

— Станислав Грехов,— покраснев под пристальным взглядом инспектора, сообщил диспетчер после минутной паузы.

— Грехов? — Томах задумался, взгляд его стал жестким.— Любопытно. Что СПАСы?

— Планетарные на контроле, станции пространства всех поясов “чувствуют вакуум”.

“Чувствовать ваккум” на жаргоне спасателей означало — не слышать ничего.

— Любопытно, — сказал Томах, мысленно прощаясь с отдыхом. — Свяжитесь с Богдановым и оповестите все СПАСы внутренней зоны о вспышке. Я буду через полчаса.

— Богданов уже предупрежден, — виновато сознался диспетчер. — Он сказал, что все это очень напоминает ему признаки цунами... Извините, но пояснять, что имеется в виду, он не стал.

Станислав выключил виом, досадуя на неопытность и разговорчивость молодого дежурного, и повторил про себя: признаки цунами... Что же тут непонятного?

Через минуту, никого из домашних не предупредив, он сел в куттер, дежуривший на стоянке недалеко от дома, сорвал ограничитель скорости и включил форсаж.

Ему надо было пересечь Татарский пролив и достичь Хабаровска, возле которого располагалась одна из немногих пока ТФ-станций Приморского края. Куттер успел покрыть примерно половину этого расстояния, когда на крохотной панели киб-водителя загорелся красный огонек и зажужжал сигнал предупреждения.

Томах нажал рычажок, в кабину аппарата ворвался чей-то недобрый голос:

— Борт-икс, высота двенадцать, скорость три единицы, вы нарушили режим воздушного сообщения! Немедленно покиньте чужой коридор! Борт-икс, высота двенадцать, скорость три единицы, немедленно покиньте чужой коридор! Ответьте по седьмому каналу “контрольному сто три”. Если через минуту не покинете транспортный коридор среднетоннажных линий, буду вынужден применить “красную завесу”.

“Это же мне, — догадался Томах. — Черт, совсем плохой стал, не предупредил никого...”

— “Контрольный сто три”, — быстро проговорил он в микрофон. — Я борт “сорок пять” Сахалинского ведомства УАСС, заместитель начальника отдела безопасности Томах. Освободите горизонт до Хабаровска, в опасности жизнь людей!

После трехсекундного молчания тот же голос, скорее суровый, чем недобрый, отозвался:

— Борт “сорок пять”, горизонт среднетоннажного транспорта на высоте двенадцать освобожден до Хабаровска. До таймфага триста два километра, дайте разворот на полтора градуса влево по курсу. Желаю удачи.

— Благодарю, — отрывисто бросил Станислав, не удивляясь прозорливости неведомого ему инспектора по транспорту.

До таймфага оставалось около шести минут полета...

В зале царила особая дежурная тишина, Филипп украдкой посмотрел на часы: оказывается, он просидел всего сорок минут, до конца дежурства оставалось еще шесть раз по столько. Что ж, придется “продолжать дежурство”, слушать, слушать и слушать мерное дыхание космоса, его вечное дыхание, рожденное возникновением и гибелью звезд, кипением галактик и квазаров, криками коллапсаров и бесплотным дождем реликтового излучения; и ждать в этом хаосе “звуков” иного склада — зова о помощи, и услышать, и понять, и определить — чей это зов и где находится зовущий...

Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?

— пришли на ум пушкинские строки. — Действительно, самое время спросить: что ты значишь, скучный шепот? Все спокойно в этом лучшем из миров, все тихо, техника безопасности соблюдается неукоснительно, автоматически, аварии исключаются тоже автоматически. В таком случае поэт задавал вопрос не зря и придется время дежурства включить в “ропот утраченного дня”. Если сидеть здесь минут пять-десять, то интересно даже, но не четыре же часа?

Внезапно Филипп уловил в общей звуковой каше, омывающей мозг, какой-то инородный звук, даже не звук — тень звука.

Тотчас же более опытные дежурные отреагировали на это каждый по-своему: Хрусталеv занялся автоматом пеленга, а Рафаэль дал сигнал тревоги по отсекам.

Из-под пульта прозвучал резкий гудок, затем голос автомата:

— Сигнал SOS! Квадрат Треугольника, координаты: плюс двадцать три градуса галактической долготы, минус девятнадцать галактической широты.

Станция напрягла все свои чудовищные “уши”, ориентируя их на определенный квадрат пространственной сферы, и усилия автомата не пропали даром: динамики донесли людям торопливый скрип — будто ножом по стеклу — передачи, адресованной только станциям СПАС, оснащенным самой чувствительной из той аппаратуры, что мог породить технический гений человечества в конце двадцать третьего века.

Рафаэль, спохватившись и заработав злой взгляд Хрусталева, подключил дешифратор.

— Говорит “Полюс”, антипротонная атака... говорит “Полюс”, антипротонная атака... говорит “Полюс”, антипротонная...

Передавал кибер, сомнения не было, и-голос его постепенно слабел, пока не смолк совсем.

— Патруль, на старт! — сказал Хрусталеv. — Сигнал SOS, квадрат Треугольника, радиант три секунды дуги. Обсерватория

“Полюс”, антипронная атака. Люди, видимо, погибли, сигнал передает робот. Позаботьтесь о защите.

— Понял, стартую, — лаконично отозвался старший патруля.

— Откуда там антипротоны? — пробормотал Рафаэль.

— Спроси чего-нибудь полегче, — сказал Хрусталев с явным удовлетворением, что было совершенно неуместно в сложившейся ситуации, по мнению Филиппа. — Мы отработали все, что могли, остальное — дело патруля. Попадем в сводку отличившихся по Управлению, как ты думаешь?

Рафаэль уловил косой взгляд Филиппа и молча пожал плечами.

ГЛАВА 5

Цунами

Томах прибыл на базу одновременно с Богдановым, ничуть не удивившись этому. Лифт стремительно вынес их на верхний горизонт гигантского сооружения и выбросил у входа в зал оперативного управления и связи с секторами УАСС.

Полукупол зала был размером с Большой театр, но благодаря видеопластическому эффекту казался бесконечным. Богданов отстал, Станислав прошел к рядам главных пультов, над которыми мерцали виомы оперативной связи с другими центрами УАСС, с патрулями, со станциями СПАС на Земле, на других планетах и в космосе. Несмотря на избирательное звуковое поглощение, в зале стоял легкий гул человеческих голосов, писк и стоны зуммеров, таймеров, гудки и звонки сигнальной и передающей аппаратуры.

Возле пультов видеоселектора уже толпились начальники других отделов, руководители оперативных спасательных групп, начальники секторов, в том числе и Керри Йос. Командовал селектором коричневолицый Владибор Дикушин, начальник первого сектора, к которому относилась служба безопасности космических сообщений Солнечной системы.

— Ну что? — негромко спросил Томах у Керри Йоса.

— Идет информпоиск, — ответил рассеянно Керри. — Антипротонное излучение само по себе не возникает. Запросили службу Солнца, может, проморгали хромосферную вспышку?

— Едва ли, — сказал подошедший с озабоченным видом Богданов. — Обычно о вспышках на Солнце предупреждают заранее, наблюдатели за нашим светилом работают аккуратно. Тут что-то иное. Кстати, как тебе интуиция Грехова? Тебя тоже он разбудил?

— Кто же еще? Да, тезка не потерял формы, только и он не сказал бы, откуда в квадрате Треугольника антипротоны. Что-то многовато сегодня здесь народа, твоих рук дело?

— Я сразу дал “ВВУ-экстра”* по Управлению и позвонил Дикушину. Как видишь, не напрасно.

Вдруг в группе людей, стоявших у панорамного во всю стену виома, произошло общее движение. Кто-то вывел оперативную связь на динамик интеркома, и под потолком зала зазвучал искаженный расстоянием и перегрузками голос:

— Подойти к обсерватории не могу! Защита течет, радиация вне всяких норм!

Главный виом показывал искристую бездну. Звезды зигзагами исчерчивали ее, и Томах представил, какие эволюции выполняет спасательный когг, повинувшись пилоту.

— Что с обсерваторией?— так же гулко, на весь зал спросил Дикушин.

— Обсерватории как таковой не существует, вижу часть отсека обеспечения и блок антенн, остальное — облако радиоактивной пыли!

— Возвращайся, к тебе сейчас подойдет “панцирник” Федотова, копать в радиоактивной пыли — его работа. Возьми еще один шлюп и прочеши трассу по вектору Треугольника, возможно, отыщутся пострадавшие.

Начальник сектора обернулся к обступившим его людям.

— Закончили поиск? Что это такое?

— Это космотрон-коллайдер,— тихо ответил один из операторов.— Три часа назад там начали эксперимент с антипротонной накачкой, все было нормально... на вызовы никто не отвечает... а по данным измерений излучение, уничтожившее обсерваторию, полностью совпадает с характеристиками пучков космотрона.

Дикушин остался бесстрастным, только слегка раскосые глаза его превратились в узкие щелочки, словно он пытался разглядеть что-то за стенами зала.

— Свяжитесь с научным центром, нужны точные данные максимального пучка: скорость, масса, градиент ослабления, радиант расхождения.

— Уже все известно,— вмешался с третьего ряда пультов человек в вязаной безрукавке.— Луч, воткнись он в Марс, способен содрать с него атмосферу и превратить в гладкий бильярдный шар!

Наступила тишина. Все повернулись к Дикушину. Тот молча повернулся к своему командирскому пульта и сел в кресло.

---

* Штатно разработанная форма тревоги по сигналу “Внезапно возникшая угроза”.

— Внимание! Патрулю УАСС зон Юпитера, пояса астероидов, Марса и свободного пространства в секторе Треугольника подготовить средства к перехвату антипротонного пучка!— Дикушин кинул взгляд на оператора слева.— Расчет координат точки перехвата, быстро!— Взгляд через плечо.— Расчет оптимального экрана для перехвата системе ПОД — пять минут!

— Пост сорок девять принял!

— Время подхода?

— Час, час десять.

— Патрулю: время подхода — один час. Через пять минут получите характеристики защитного экрана. Готовьте энерго-трассы.

— Принято.

— Готовность к старту — десять минут, системе ПОД обеспечить прохождение сведений операции всем исполнителям вне очереди. Где начальник марсианской зоны?— обернулся Дикушин.

Из-за спин вышел кражистый медлительный Савин. Он был угрюм и озабочен.

— Какие хозяйства затронет антипротонный луч?

Оператор подsunул Савину траектории антипротонного пучка, рассчитанные по данным патруля.

— Сейчас, — Савин подумал, выпятив губы. — Коридор входа в Систему разведкораблей уже задет. Затем идет СПАС-семь, рабочая зона завода безгравитационного литья, Большой телескоп, детский полигон... Что еще? Сектор пассажиро-туристских сообщений Примарсианья. Это, пожалуй, наиболее серьезное из всего.

— Вполне достаточно, чтобы... — Дикушин не договорил, он знал степень ответственности спасательной службы. — Очередь СПАС-семь наступит минут через двадцать, а потом пойдет такая густая мешанина сооружений, что треск будет слышен по всей Системе!

Савин промолчал, в данный момент он ничем не мог помочь руководителю сектора.

— Сколько времени дают расчетчики на монтаж экрана для остановки луча? — подошел к Дикушину Керри Йос.

— Час, — отрывисто бросил тот. — Вернее, минут пятьдесят, учитывая время выхода в точку монтажа и доставки материалов. Это максимум того, что может дать патруль, и если он не успеет... представляешь силу удара космического протуберанца?!

— Ты, кажется, говорил, что на пути луча СПАС-семь?

— Ну?

Керри Йос почесал горбинку носа.

— На СПАСах, кажется, имеется собственный реактор?

— Средней мощности кварк-кессон. Да не тяни ты душу!

— Что если попробовать взорвать СПАС навстречу лучу? Взрыв создаст контрволну энергии...

Дикушин не дал ему договорить, у него не было времени ни на анализ предложения, ни на благодарность за помощь.

— Аварийную волну, срочную связь с седьмой станцией.

Только Богданов заметил внезапное волнение Станислава Томаха, который слышал весь разговор.

— Ты что?— негромко спросил Никита.

— На СПАС-семь сейчас сидит Филипп,— так же тихо ответил Томах.

Богданов еле слышно присвистнул.

Антенны поймали еще один сигнал SOS, и Хрусталеv накричал на помощника, перепутавшего в волнении каналы запроса-ответа. Филипп предложил было свою помощь, но его попросили убраться из зала и не мешать, и он с грустью признал всю нелепость своего положения.

В который раз в тесноте виома раскрылось знакомое Филиппу только по словам Томаха пространство зала оперативного управления УАСС. На переднем плане располагались ряды пультов, над одним из них навис высокий человек в белой форме официала Управления, с жестким, словно рубленным лицом и прищуренными глазами. Филипп не сразу узнал в нем одного из охотников, с которыми ему посчастливилось познакомиться в лесу на берегу Западной Двины: это был Владибор Дикушин.

Хрусталеv, видимо, ориентировался мгновенно: он тут же заученно отрапортовал о принятых мерах, а также о количестве сигналов SOS, которые выловила станция, чем вызвал невольное оживление в группе спасателей всех рангов, стоявших за спиной Дикушина.

— Прекрасно,— сказал начальник сектора сухо, не выказывая удивления при виде Филиппа.— Слушайте приказ: экипажу немедленно покинуть станцию на резервном когге! Старшему смены обеспечить переориентировку командных цепей станции с тем, чтобы в нужный момент произошел направленный взрыв реактора. Все!

— Что?— удивился Хрусталеv.— Зачем?

— Взрыв реактора создаст контрволну энергии,— пояснил Керри Йос, он стоял ближе всех к виому.— Эта волна по расчетам ослабит плотность антипротонного пучка раз в десять-двенадцать.

— Понятно...— Хрусталеv говорил в заминкой, словно ему что-то мешало.— И сколько времени в нашем распоряжении?

— Около двадцати минут. За этот срок надо составить программу координатору станции и эвакуировать персонал. Поспешите с эвакуацией. Когг у вас один?

— Есть еще “орех”.

“Орехом” на жаргоне спасателей называлась капсула индивидуальной защиты, имеющая собственный двигатель. При необходимости в ней могли уместиться двое не слишком громоздких мужчин.

— Отлично. “Орех” останется для того, кто покинет станцию последним.

У Хрусталева вспотел лоб, хотя внешне он держался неплохо.

— Тогда это для меня.

Керри Йос убрался из виома. Подошел Томах.

— Возьми из бригады обслуживания любого БС-механика, он переориентирует цепи по указке центра. Быстрее, Леон, у нас почти нет времени. Уходи следом на “орехе”.

Хрусталев потянулся к микрофону внутренней связи, но Филипп опередил его:

— Не надо никого искать, я сделаю.

Томах посмотрел на него из виома странным взглядом, Филипп понял его по-своему:

— Не беспокойся, Станислав, я справлюсь.

— Не сомневаюсь, — буркнул тот, отворачиваясь.

— Командуй эвакуацией, — с облегчением сказал Рафаэлю Хрусталев, и помощник, виновато разведя руками, исчез в люке.

Дикушин коснулся нескольких клавиш-сенсоров на панели селектора и негромко произнес:

— Внимание! Экстренное сообщение всем ТФ-станциям опознавательной сети УАСС! Кораблям в квадрат-векторе Треугольника покинуть зону с немедленным ответом в порты назначения! Правительству и техническому Совету Марса принять меры к эвакуации приграничных районов по вектору Треугольника, к орбите приближается радиоактивное облако! Срок эвакуации — полтора часа. Патролю УАСС приступить к монтажу поглощающего экрана. Ответ кодом. Конец.

Дикушин повернулся к молчаливой группе спасателей.

— Всех, кто не участвует в операции, прошу вернуться к исполнению непосредственных обязанностей. Вам, Савин, придется помочь отрядам эвакуации. Главное — не допустить паники, это будет страшнее самого взрыва. Ясно?

Савин кивнул и исчез так быстро, словно растворился в воздухе: исход событий теперь зависел от скорости выполнения операции и умения организовать людей. Спасатели стали постепенно расходиться, остались дежурные операторы, инженеры и диспетчеры командного комплекса.

— А вам что здесь надо? — заметил Дикушин Томаха и Богданова, пристроившихся в углу за первой линией пультов. — Безопасники мне пока не нужны.

— На СПАС-семь наш друг.— Станислав кивнул на виом связи со станцией.— Стажер отдела. Мы подождем.

Дикушин шевельнул каменными желваками.

— Этот, что согласился перемонтировать управление? Я думал, что он из экипажа СПАС. Каким образом он там оказался?

— Стажировка на терпение в обстановке сенсорной депривации.

— Умники... Расхлебав эту кашу — я с вас спрошу, почему вам вздумалось стажировать безопасника на СПАС.— Дикушин отвернулся к оператору.— Дайте мне прямую связь с ВКС.

— Я уже в курсе,— сказал появившийся в зале видеопризрак заместителя председателя ВКС Чеслава Пршибила. Он “вышел” из объема передачи и пожал руку Дикушину.— Причины катастрофы?

— Неизвестны. Расследованием причин уже занимается отдел безопасности, но причина должна быть из рук вон! Космотрон был защищен от всех мыслимых случайностей.

— Значит, не от всех.— Пршибил прижал губу пальцем; у него была странная манера при разговоре быстро и сильно жмуриться, словно от солнца, особенно в минуты волнения.

Дикушин покосился на Томаха, подошедшего поближе.

— “Панцирник” Федотова заметил недалеко от эпицентра взрыва космотрона необычный обломок, похоже — старинный спутник или ракета.

— Предполагаешь столкновение?

— Не знаю.

— Жертвы?

— Восемь человек — космотрон,— угрюмо сказал Дикушин, отводя глаза,— и пять — обсерватория “Полюс”. Плюс сорок два пропавших без вести.

— Какая страшная цена!— невольно прошептал Пршибил.— Какая цена!

— Пойду-ка приготовлю “орех”,— сказал Хрусталеv, маяв-шийся от безделья.— Не возражаешь? Здесь я тебе не помощник.

— Давай,— кивнул Филипп, залезая с головой во внутренности пульта с лазерной насадкой для перепайки БС-переходов. Перед ним светилась схема перестройки цепей управления реактором станции, переданная с базы, и он изредка бросал на нее взгляды, хотя и так уже запомнил, что необходимо сделать.

— Луч вышел точно вам в лоб,— сообщил Томах, сменивший Дикушина у виома связи.— Никакой корректировки положения не потребуется. Диаметр луча около двухсот километров, радиант расхождения полторы секунды дуги.

— Знаю,— глухо отозвался Филипп из утробы пульта.— Сколько времени в нашем распоряжении?

— Минут тринадцать, а то и все четырнадцать.

— Успею, осталось сблокировать узлы и вывести за пределы схемы автомат защиты, запуск внешней программы — ваше дело. Остальное сделают автоматы.

Томах помолчал, нервно пригладил волосы на затылке, чего с ним никогда не было, и сказал:

— Монтажники закончили первое кольцо экрана, осталось еще два. Не успеешь — бросай все к ... бабушке и давай деру. Скорость у “ореха” черепашня.

Филипп оторвался от работы, глянул на черный диск над центральным пультом.

— Я уже вижу луч: красивая хвостатая звезда по оси пеленгатора. Знаешь...— Филипп не договорил.

В зале станции взвыла сирена, на пульте зажегся алый квадрат. Толчок в спину едва не выдернул Филиппа из кресла.

— Что там у вас? Что случилось?— донесся угасающий голос Томаха. Объем передачи пошел цветными радужными кольцами, так что главный зал УАСС утонул в помехах.

Виом прояснился через минуту, хотя голос Томаха оставался таким же слабым, словно он говорил из-под земли.

— Что произошло, Филипп? Что молчишь?

— Не знаю,— растерянно сказал тот, сдерживая на спине пресс тяжести и удивляясь этому.— Крен какой-то...— и вдруг понял: — да это же... станция включила двигатели!

— Ты включал?

— Н-нет, не касался.

— Слева на ручке кресла черная клавиша под колпачком, разбей и включи. Быстрее!

Филипп ребром ладони разбил прозрачный колпачок над черной клавишей, нажал.

Тотчас же его выкинуло вверх, тяжесть исчезла, вернее, исчезла перегрузка, вызванная ускорением, но психологическая отдача действовала не хуже физической. Двигатели станции вырубались, алый квадрат погас, зажглись голубые огни на табло координатора.

— Отбой-ноль!— Доложил координатор.— Прошла команда “отбой-ноль”. Прошу смены режима безопасности. Готов к звуковым командам.

— Что случилось?— спросил Филипп, сглотнув вязкую слюну.

— Действовал согласно программе “спасайся и беги”.

Филипп не знал, что это за программа, но знал Томах: в этом режиме координатор действовал самостоятельно для обеспечения безопасности экипажа, по каким-то причинам не имеющего возможности управлять станцией.

— Где старший смены?!— сдавленным голосом произнес побледневший Томах.— Где Хрусталев?

Филипп оглянулся на люк.

— Пошел готовить “орех”...

Ни слова не говоря, Станислав бросился из зала базы.

Богданов понял Томаха раньше, чем остальные.

— Причал-один,— позвал он в микрофон, вырвав его у оператора.— Стартовый коридор второй приземельской на аварийный пуск! Через минуту прибует пилот Томах, отдел безопасности. Обеспечьте сопровождение по пеленгу СПАС-семь. Шлюп на позицию, без экипажа. Конец.

На Богданова, прищурясь, смотрел Дикущин.

— Ну у вас и реакция! Куда он? Что случилось на станции?

— Старший смены оставил включенными системы безопасности, вернее, не проверил программу координатора. Киб-интеллект действовал в автономном режиме, заметил приближающийся сгусток антипротонов и включил двигатели, чтобы уйти из-под удара.

— Где он сам?

— Вы же видите — в рубке его нет. Сомневаюсь, что он готовит “орех” к полету. Большого не скажу, боюсь быть необъективным.

— Насколько я помню доклады слухачей, он на хорошем счету.

— Не спорю, но Хрусталева никто никогда не проверял в настоящем деле, в экстремальной ситуации. Это первая.

Дикущин опомнился, повернулся к виому, откуда на него смотрел уже взявший себя в руки Филипп.

— Не ищите его. Заканчивайте работу, оденьте скафандр и попытайтесь выбраться из станции через аварийный колодец.

Филипп кивнул, чувствуя, как деревянеет спина, словно от наведенного в затылок оружия, и лихорадочно принялся доделывать начатое. Через три минуты закончил пайку, отбросил лазерную насадку и быстро собрал блоки пульта. Затем по сигналу с базы проверил прохождение команд, скорректировал станцию по последним данным патрульных кораблей и подключил автоматику реактора к перестроенному на дистанционное управление пульту.

— Все!— выдохнул он, вытирая влажный лоб ладонью.— Что дальше?

Начальник сектора поднял руку, задерживая Филиппа, повернулся к встревоженным людям и стал что-то быстро говорить. Дежурные операторы базы тотчас же занялись какими-то переключениями на пультах и переговорами с невидимыми абонентами. Наконец Дикущин снова повернулся к Филиппу.

— Мы тут проанализировали положение, координатор подчиняется сейчас, после отстрела самостоятельности, звуковым командам. Найдите на третьей секции пульта голубую панель, нажмите красную кнопку и поставьте переключатель режимов в положение “А”. Затем скажите координатору включить двигатели. Достаточно трех-четырех импульсов на пределе тяги, чтобы уйти из-под удара луча.

— А заводы?— тихо спросил Филипп, стискивая зубы, чтобы никто не видел, как их разъедает коррозия дрожи: что ж, умение достойно встречать опасность надо вырабатывать.— А Примарсианье?

— Заводы мы потеряем,— кивнул Дикушин, — но до Примарсианья луч не дойдет. Что вы рассуждаете?— вдруг взорвался он.— Выполняйте приказание! Геройство проявить захотелось? Или для вас дисциплина не существует? Это уже не электрокарабин — помощней штука.

Филипп понял намек, медленно покачал головой. С одной стороны страшно хотелось послушаться совета и увести станцию с пути антипротонного сгустка, с другой было ясно — жертва станции не напрасна, а разрушенные заводы, вынесенные с планеты в невесомость, — далеко не безобидное происшествие, да и выдержит ли поглощающий экран, создаваемый в дикой спешке, никто не знал и гарантий дать не мог; с третьей — в глубине души Филипп был доволен своим решением, что тоже имело немаловажное значение, ибо равновесие гордости и страха держалось у него не на самообладании, и он понимал это, а на самолюбии. Ему хотелось сказать что-нибудь “героическое”, значительное, такое, что запомнилось бы всем до конца жизни, но он только шмыгнул носом и пробормотал:

— Я все-таки поищу Хрусталева, потом подожду Славу на выходе аварийного люка. Может быть, он успеет... До свидания.

Было страшно сделать только первый шаг, уведивший его от пульта, но он его сделал. Вслед неслись крики людей, требовательный голос Дикушина, но Филипп ничего не слышал, в ушах стоял струнный звон сирен: автоматы предупреждали экипаж станции о приближении грозной лавины энергии.

А в коридоре он наткнулся на Леона Хрусталева! Это было до того неожиданно, что Филипп отпрянул. Начальник смены стоял на коленях у стены коридора и пытался, очевидно, встать на ноги. Лицо его было разбито в кровь, руки изранены и ничто в нем не напоминало того щеголя, который десять минут назад убежал за скафандрами.

— Что с тобой?— воскликнул Филипп, опускаясь на корточки.

Хрусталеv поднял страшное лицо, судорожно ухватился за протянутую руку и, прошептав разбитыми губами: “Прости, это я виноват. “Орех” готов” — завалился на бок.

Измученный Филипп подхватил Леона на руки и бегом устремился к боксу с “орехом”. Он не знал, за что просил прощения Хрусталеv, но был рад, что не придется искать его по всей станции в цейтноте. К этому чувству теперь примешивалась и тревога за товарища, и сожаление, что он не послушался Дикушина — спасать надо было двоих, а двое — это уже иная арифметика, и поэтому он спешил изо всех сил, зная одно — Томах постарается сделать все, чтобы вытащить их из готовой к взрыву “бомбы”.

Ориентируясь по светящимся красным указателям в коридорах, Филипп нашел бокс с аварийным снаряжением, кое-как втиснул в разверстый люк “ореха” бесчувственного Хрусталева (где он умудрился так разбиться? Не успел сгруппироваться во время включения двигателей станции?) и влез сам.

Здесь и нашел их Станислав Томах, свирепый, как джинн, вырвавшийся из бутылки. Он сам врубил автоматику пуска “ореха”, поймал его ловушкой спасательного шлюпа и рванул машину прочь так, что едва удержался на грани беспамятства от страшного удара ускорения, пробившего даже противоинерционную защиту. Еще через минуту сзади уносящегося в бездну корабля вспыхнула красивая голубоватая звездочка, расплылась зонтиком чистого смарагдового пламени, стала гаснуть — это взорвался реактор СПАС-семь. Но через мгновение на этом месте вспыхнул другой свет — радужный шлейф, похожий на след парусника в светящейся воде: это засветился антипротонный луч, проходя через энергетическую преграду, созданную взрывом станции. Он странно вспенился, выбросив вперед и в стороны струи света, похожие на перья невиданной птицы, оставил после себя тающее изумрудное облачко и умчался, ослабевший, туда, где люди приготовили ему более достойного противника, победить которого он был уже не в силах.

Томах притормозил шлюп, дал в эфир “три тройки” — отбой тревоги, чтобы знали, что все в порядке, и вдруг, погрозив кулаком неведомо кому, ликующе закричал:

— Что, взяли, взяли?!

Но если бы Филипп мог видеть друга в этот момент, он бы сгопнял.

Комплекс зданий Высшего координационного Совета располагался у впадения в Оку ее левого притока Пры, в краю несобьятных лесов, спокойных рек, многочисленных озер, заливных лугов и болот. Край этот носил название Мещера и лежал на рязанской земле — один из самых древних и красивых заповедных краев европейской тайги.

Еще пролетая над ним, Богданов несколько минут любовался убранством сосновых боров, дубрав по долинам рек и обширных лугов, пока с сожалением не констатировал, что слишком долго находился вне природы, не сливался с ней в одно целое, не проникался ее ритмом, чистотой и спокойствием, давно не снимал заряда усталости с помощью ее целительного дыхания и, быть может, именно поэтому перестал в последнее время думать о Земле, как о родине. Конечно, сказывалось еще и то, что семья его жила на Марсе — отец, мать, сын; Делия работала на кондитерской фабрике в Марсопорте, но это не могло служить оправданием ему самому, несмотря на полуторавековую привязанность пятого поколения колонистов Марса к своей планете; к этому поколению принадлежал и Богданов.

Но Земля... Не становится ли симптоматичным отрешение от всего земного у переселенцев? Или просто Земля постепенно расширяется до величины Солнечной системы?

Такие мысли, скорее грустные, нежели серьезные, — привычка к логическому анализу настолько въелась в душу и кровь, что даже в абсолютной безопасности, в земном лесу, мозг искал некую систему отсчета, чтобы выявить несуществующую опасность и дать сигнал к действию, — приходили на ум Богданову; когда он шел за руководителями двух организаций, отвечающих за спокойное бытие человечества. Впереди шагал Керри Йос, чуть поодаль Дикушин, Чеслав Пршибил и Иван Морозов, руководитель СЭКОНа — живое воплощение бога скорби. Богданов имел счастье не однажды встречаться с Морозовым в Управлении, и каждый раз его поражало то ощущение глубочайшего несчастья, которое исходило от всей фигуры председателя комиссии. Он был молод, невысок и незаметен в толпе, и лишь страдающее выражение лица надолго врезалось в память, заставляя впервые сталкивающихся с ним людей в недоумении прикидывать причины несчастья, свалившегося на этого человека.

За деревьями иногда мелькали серебристые плоскости зданий, напоминая о своей причастности к творениям рук человеческих, и Богданов изредка останавливался на них взгляд, удивляясь, что лес вокруг отнюдь не ухоженный, а дикий, самый настоящий, тайга.

Над головой внезапно вскрикнула птица, захлопали невидимые крылья. Первой реакцией Богданова была мысль броситься на землю, потом за доли секунды промчался каскад впечатлений и чувств: мгновенное напряжение мышц тела, поиск аналогий услышанному крику и звукам, недоумение, облегчение и, наконец, грустная усмешка в душе. Заработался с техникой! — подумал он с некоторым удивлением. — Даже на птичий крик реагирую не по-человечески... Кому нужен такой профессиона-

лизм? Если на малейший шорох реагировать, как спасатель в операции — надолго ли тебя хватит, инспектор?

Шедший впереди Пришибил нагнулся, сорвал с кустика несколько ягод брусники и отправил в рот.

— Попробуйте, — предложил он, прищелкивая языком. — Я каждый день хожу по этим зеленомошникам пешком и не могу удержаться, чтобы не зайти в брусничник. Кстати, не удивляйтесь, что едите бруснику в сентябре, она здесь сохраняется до зимних холодов.

Богданов, все еще расстроенный самоанализом, тоже попробовал освежающих, кисло-сладких и одновременно горьковатых, терпких на вкус ягод и показал Керри Йосу большой палец.

— Вкусно, отведай.

Керри выбрал кустик покрасивее, нарвал горсть ягод, высыпал в рот, начал жевать и вдруг выплюнул ягоды.

— Проклятие!.. Смеетесь вы, что ли?

— Ты что? — встревожился Пришибил.

— Да брусника ваша!.. Дробь железная, а не ягоды!

Пришибил подошел, нагнулся к кустикам и засмеялся.

— Да это же толокнянка! — он утешающе похлопал Керри по спине. — Неопытному глазу трудно с первого раза отличить ягоды толокнянки и брусники, так что не казись. У толокнянки листья кажутся свежее, совершенно плоские, посмотри, а у брусники загнуты вниз по краям и усеяны мелкими черными точками.

— Предупреждать надо, — буркнул Йос, ощупывая зубы.

Морозов, выглядывающий из кустарника, засмеялся тихонько. Потом засмеялся Богданов, а через секунду смеялись все.

— Ладно, отдохнули, — сказал наконец Пришибил и уселся на старый пенек на вершине холма, окруженного со всех сторон заросшими мхом соснами.

— Что произошло на СПАС-семе во время катастрофы? — заместитель председателя ВКС вытер руки о траву. — Садитесь, поговорим здесь. Думаю, аппаратура нам не понадобится.

— А что там произошло? — вопросом на вопрос ответил Дикушин и сел на траву.

— Я имею в виду старт шлюпа без экипажа.

— А-а, это... — Дикушин подумал и лег, не собираясь продолжать. Вместо него ответил Богданов:

— Глупая история. Старшему смены зачем-то понадобилось профилактически включить в шлюпе системы автономной безопасности, и киб-координатор шлюпа, естественно, узрел приближавшуюся опасность и стартовал... Вопрос, как мне кажется, непростой, потому что я не вижу в объяснении Хрусталева необходимой доказательности. И уверенности. Странно еще, что он не ушел на "орехе" один.

— Только не забирайтесь в дебри социальной психологии, — сказал Дикушин, лица его не было видно из травы. — Из-за этой обычной, по моему мнению, халатности, или как там ее назвать, могли погибнуть оба, да и сорвалась бы тщательно подготовленная операция по взрыву станции. Кстати, мне так никто толком и не объяснил, почему на СПАС оказался Ромашин.

— Филипп — друг Славы, — нехотя сказал Керри Йос. — Томах готовит его в оперативники, а программу стажировки со мной не согласовал. Выговор за самостоятельные решения он уже получил. Джентльмены, имею честь сообщить вам, что причины катастрофы на космотроне известны, но они несколько нетривиальны, поэтому я и настоял на встрече здесь, обеспечив полную секретность разговора: район блокирован.

— Будто нельзя было обеспечить секретность в отделе, — пробормотал Дикушин. — Играем в таинственность, как дети...

— Хотел бы я просто играть, — вздохнул Керри Йос. — Так вот, космотрон взорвался потому, что его атаковал ракетный катер, вершина военно-космической техники двухвековой давности.

Дикушин молча поднялся из травы и уставился на Керри, Чеслав Пришибил перестал растирать в ладонях листики брусники и, нахмурившись, посмотрел в лицо руководителя отдела безопасности.

— Как ты сказал? Ракетный катер?!

— Автомат с ядерным боезапасом. Его нашли случайно при очистке зараженной радиоактивной пылью зоны от прошедшего антипротонного луча. Вернее, нашли часть устройства: сделав залп, оно, видимо, не успело уйти далеко, и луч уничтожил большую его часть. Несколько дней эксперты вертели в руках этот обломок, ну, а вывод вы слышали.

— Да, страшное наследие! — нарушил молчание Морозов. — На моей памяти это второй случай подобного рода.

— А первый? — заинтересовался Пришибил.

— Взрыв прогулочно-туристского теплохода в Японском море около двадцати лет назад.

— Я помню, — кивнул Керри Йос. — Какие-то мерзавцы почти двести лет назад оставили в пещерах скал Лианкур самонаводящуюся торпедную установку с ядерными боеголовками... Наследие, что и говорить, страшное! До чего жуткие формы может принимать равнодушие, если нам до сих пор приходится расхлебывать последствия его действия!

— Почему равнодушие? — пожал плечами Дикушин. — Помому, здесь уместен другой термин — злоба! Или ненависть.

Йос покачал головой.

— Нет, дорогой Влад, злоба и ненависть — просто термины равнодушия, вернее не скажешь. Достаточно вспомнить потре-

сающее равнодушие предков к загрязнению среды, последствия которого мы ощущаем по сей день! До сих пор ведь работают очистные установки в океанах и на суше.

— На двадцать первое намечено торжественное выключение установок в Тихом океане, — сказал Пршибил. — Вероятно, этот день объявят праздником.

— Праздником Памяти Ошибок! — фыркнул Дикушин. — Неумно это, ибо праздновать мы будем осознание человеком своей глупости и недальновидности.

— Не согласен, — сказал Морозов. — Почему бы человечеству не вспоминать цену ошибкам? В том числе и цену равнодушию? Прав Керри, до сих пор мы наблюдаем рецидивы равнодушия, и наше дело лечить эту болезнь, чтобы она не выросла до космических масштабов. Представить страшно, что может натворить в наше время один человек, вооруженный технической мощью цивилизации! Однако мы действительно уходим от темы нашей встречи, решение социальных и психологических, моральных и этических проблем — удел соответствующих органов ВКС и СЭКОНа, не так ли? — Морозов повернулся к поникшему Пршибилу.

— Я это знаю, — ответил тот. — Но не стал бы делить функции столь категорично, мы — и ВКС, и СЭКОН, и УАСС — в одинаковой степени ответственны за человечество, за человека, как элемент общества, и за человека, как личность.

Морозов кивнул, соглашаясь.

— Теперь еще одно сообщение, — сказал Керри Йос после недолгого молчания. — Пока что мы решали внутреннюю, так сказать, “домашнюю” проблему, “семейную беду”, но есть и проблемы внешние, и здесь не все так ясно и просто. Никита, введи их в курс дела.

Богданов снял с руки браслет видео, положил на срез пня и, пояснив: “Домашняя заготовка”, включил запись.

На поляне зазвучал голос Богданова и повел рассказ о “зеркальных перевертышах” и многом другом...

Томах шагнул вслед за Богдановым в кабинет начальника отдела и остановился. Керри Йос стоял на четвереньках возле стола-пульта и кашлял. Из распахнутых внутренностей стола, как из печки, валил синий горький дым.

Аппаратура инженерно-технического обеспечения, очевидно, вырубилась, и кабинет представлял собой голую, серую комнату с закругленными углами, неуютную до неприличия.

Керри Йос заметил вошедших, встал и вытер слезящиеся глаза.

— Слаботочные системы! — пробормотал он. — Это называется слаботочные системы! Проходите, чего встали. Сесть не предлагаю, не на что пока.

— Вызвать техника? — предложил Богданов.

— Через минуту прибежит сам, должна была сработать линия аварийного оповещения.

— Авария в Управлении аварийно-спасательной службы! — фыркнул Томах. — Нарочно не придумаешь.

— Разве первый раз нас подводит техника? — спросил хладнокровный Никита. — Забыли историю с когтом Хрусталева?

Томах перестал улыбаться и пожал плечами.

— Все равно это нетипично, вот и смешно. А техника, кстати, делается человеческими руками.

— Что ты хочешь сказать?

— Кто-то не слишком добросовестно смонтировал стол, вот и все. В этих словах можно найти объяснение любой аварии: “не слишком добросовестно”. Кстати, в конечном итоге и это следствие равнодушия. Да-да, равнодушия: к работе, к порученному делу, к результату своего труда.

— Пресловутая теория равнодушия... Скоро ты станешь применять ее везде, где можно и где нельзя.

— Разве я не прав?

— Прав, — буркнул Керри Йос, горестно принюхиваясь к запахам сгоревшей изоляции, нагретого пластика и металла. — Но не увлекайся. И вообще соперничать в остроумии разрешаю вне кабинета. Докладывайте о проделанной работе.

Богданов вынул из кармана белых брюк кассету видеозаписи и протянул начальнику отдела.

— Здесь подробный отчет.

— Потом просмотрю. Вкратце основные положения.

— Сесть бы... — сказал Томах себе под нос, озираясь. — Надо было вместе с конформной мебелью предусмотреть обычную.

Керри и Никита посмотрели на него с одинаковым выражением, но в это время в кабинет вошел молодой человек в синем универсальном костюме техника. Он вкатил за собой низкую тележку с какими-то коробками, вежливо поздоровался и прошел к столу. Видимо, ему не надо было объяснять, что делать.

Он вскрыл боковину стола, достал оттуда моток тонкого шнура-световода со штекером, разматал шнур и воткнул штекер в разъем на стене у пульта. Потом подключил к блокам в нескольких местах миниатюрные датчики в коробках, соединил их паутиной проводов, надел на голову эмкан и принялся за устранение неисправностей. Все это он делал так быстро, споро и со вкусом, что у молча наблюдавших за ним инспекторов “слюнки потекли” от его профессиональной, мастерской работы.

Через несколько минут русоволосый техник снял эмкан,

тряхнул чубом, улыбнулся смущенно, заметив, что за ним наблюдают, и с треском отсоединил несколько блоков стола, маслянисто-желтых, узорчатых, словно изъеденных жуком-древоточцем.

— Вот причина дыма. — Он бросил тяжелые кубики в коробку; на блоках не было видно ни одного следа пожара. — Кто-то перепутал сигнальные и силовые разъемы видеопласта, произошло небольшое КЗ, и автомат защиты вырубил всю аппаратуру кабинета. Сейчас все будет работать.

Техник вставил в гнездо на столе странной формы ключ, и тут же одна из стен превратилась в окно, а остальные приобрели нормальную янтарно-золотистую окраску.

— Все. Разрешите идти?

— Идите, — сказал Керри Йос. — Спасибо. Да, постойте, а блоки? Вы же вынули из стола какие-то блоки...

— А, это... — Парень собрал инструмент и покатил тележку к двери. — Я заменил неисправные системы дублирующими. Как-нибудь принесу смену и вставлю. До свидания.

Дверь закрылась.

— Он принесет, — успокоил начальника Томах с изрядной долей иронического сочувствия. — Если только “кто-то” снова не перепутает разъемы... не представляю, каким образом это можно сделать.

Керри Йос почесал в затылке и, обойдя стол, сел в свое “официальное” кресло, выращенное автоматом. Тронув нужные сенсоры, вырастил стулья для посетителей, и они сели, посерьезневшие, словно только сейчас вспомнили о статусе начальника отдела безопасности УАСС.

Керри выбрал видеокomпозицию, кабинет превратился в любимый уголок джунглей Мадагаскара.

— Ромашин признался, что встретил “зеркальный перевертыш” на Земле, — начал Богданов, — причем у себя в кабинете, и принял его за фантом КОТа. И еще он говорит, что часто видел подобные “зеркала” в детстве: они сопровождали все его игры и возникали и исчезали внезапно. Но в те времена он не искал им объяснений — не представляли интереса.

— Это точно?

— Если верить Филиппу — правда, а я склонен ему верить.

— И все же документально подтвердить это невозможно. Возьмем на заметку, хотя я и не верю, что Наблюдатель действовал двадцать лет назад, следя за одним человеком. Мелко это для него... если только... Вы предлагали Ромашину стать спасателем-безопасником? Стажировка стажировкой, а его желания могли измениться.

— С ним все в порядке, характер у него есть.

— Не спешим ли мы? Я слышал, он сделал какое-то открытие в области ТФ-связи.

— Вывел формулу ТФ-трансгрессии, за что и получил степень магистра технических наук.

— Но, насколько мне известно, он не смог довести работу до конца. Терпения не хватило или смелости?

Однако, подумал Станислав, ну и осведомленность у Керри! Вслух же сказал:

— Дело не в терпении или смелости. Просто наша земная математика пока не в силах постичь всю глубину открывшейся проблемы. Не доросла. Филипп не захотел работать над локальными задачами, не осилив всей проблемы сразу.

— Максимализм в высшей степени! Мне это не очень-то нравится. А что за проблема? Говори проще, я не ТФ-физик.

— В формуле Ромашина — под таким названием она и войдет в научную информатуру — заложена потенциальная возможность передвижения на сверхдальние расстояния без громад ТФ-станций.

— Идея интересная! Способный парень. Может быть, ему место не в оперативном секторе, а, скажем, в техническом центре Управления? На крайний случай в бригаде эфналитиков.

— Я предлагал ему альтернативу, но он выбрал оперативную работу.

— По правилам ему бы надо пройти испытательный срок...

— Конечно, что он и делает. Программу испытаний я составил лично, сегодня представляю на ваш суд. Нослучай на СПАС-семь, мне кажется, в какой-то мере помог Филиппу определиться. Работа в Институте ТФ-связи, да и спортивные достижения давались ему слишком легко, что и определяло его кредо скольжения по жизни, а он самолюбив и, познав вкус борьбы, многого добьется. В нашей же работе борьбы хватает: со временем, с пространством, с обстоятельствами, с самим собой, наконец. К тому же у него есть личная цель.

— Звучит интригующе.

— Нет, все просто — любовь. Хотя для него как раз все очень не просто. Но если он выиграет и это сражение, быть ему...

— Кем же?

— Начальником отдела.

Керри Йос, хмыкнув, посмотрел на Богданова.

— Твое мнение?

— Славе виднее, — заметил Никита. — Поживем — увидим. Я, например, ни разу не видел Ромашина в игре, а Слава так увлеченно расписывал его достоинства как волейболиста, что разжег во мне любопытство.

— Скоро чемпионат Системы, я тебя свожу, — пообещал Томах.

— Ладно.— Керри Йос ткнул пальцем в сенсор на пульте под замигавшим индикаторным окошком и, бросив: — Занят, освобожусь через полчаса,— произнес: — Мы уклонились от темы. Что еще?

— Мы провели информационный поиск,— продолжал Богданов свой короткий доклад.— За всю историю таймфага грузы исчезали четырежды: два нам известны, третий — двадцатипятилетней давности история со спасательным шлюпом и четвертый — в самом начале эксплуатации таймфоговых линий, протянутых к звездам.

— Уточнили, какие именно грузы не дошли по назначению?

— Я как раз к этому и подхожу. Во всех случаях, кроме второго, исчезало оборудование терраформистов: туннелепроходчики, лазерные комбайны, автоматы гравитационного взрыва, плазморезы и так далее.

Помолчали.

— Интересный факт,— тихо сказал Керри Йос.

— Вернее, настораживающий,— уточнил Богданов. — Но пока это информация к размышлению, не больше. С выводами подождем. По “зеркалам” сведения собрать было труднее, и хотя многое сделано, наши запросы в главные информрии и банки данных ВКС, Академии наук и архив погранслужбы остаются открытыми. Единственная удача — нечто похожее на “зеркало” наблюдалось на Марсе около ста лет назад в ущелье Грез, область Малого Лаокоонова Узла.

— Я был там,— кивнул Томах в ответ на вопросительный взгляд начальника отдела.— Сейчас там ничего нет, имею в виду “зеркала”, а вообще ущелье Грез — красивейшее место марсианских оазисов. Хорошо, что предки сообразили не трогать ландшафты ущелья. В связи с чем у меня возникла мысль провести один эксперимент.

— Слава богат на сумасшедшие идеи,— серьезно сказал Богданов. — Хотя, не спорю, некоторые из них плодотворны. Сегодня, например, он предложил провести поиск “зеркал” на Земле среди АЯ или НЛО.

— Чего-чего?— переспросил Керри Йос.

— АЯ — аномальные явления, НЛО — неопознанные летающие объекты. Последние потрясли Землю почти три века назад. Первые сведения о них появились в девятнадцатом веке, максимум самой противоречивой информации падает на двадцатый, ну, а в двадцать первом — закономерный спад.

— Почему закономерный?

— Потому что информация об этих объектах в основном бездоказательна, сугубо личностна, спекулятивна и носит характер дутый, а подчас и подстроенной сенсации.

— Тогда в чем ценность идеи?

— В том, что из десятков тысяч “достоверных” появлений НЛО и аномальных явлений можно выбрать около полусотни таких, в которых они действительно необъяснимы даже с научной точки зрения нашего столетия.

— Это ничего не доказывает. Возможно, через сто лет или даже меньше и эти ваши “действительно необъяснимые” явления станут легко объяснимыми наукой того времени. И все же идея небезынтересна. Какие же случаи вы отобрали?

— Самые интересные из них — четырехугольные “зеркала”.

— Даже “зеркала”?

— Вот именно. Появление этих “зеркальных” НЛО отмечено в тысяча девятьсот сорок пятом году над Японией, в тысяча девятьсот восемьдесят втором году над Китаем после испытаний ядерного устройства, в тысяча девятьсот девяносто втором на территории Соединенных Штатов Америки во время испытаний одной из установок пучкового оружия, и в тысяча девятьсот девяносто седьмом — на Луне. Всего известно пять случаев. Естественно, тогда не было такой аппаратуры анализа, как сейчас, и характеристики объектов бедны. Но тут нужно мнение специалиста, возможно, некоторые параметры “зеркал” характерны и для наших. Поиск не окончен, и может быть, в прошлом отыщутся новые следы. Вопрос — чьи?

— Да, негусто. — Йос характерным жестом пригладил шрамик над бровью, сцепил пальцы на груди. — Главное, чего мы не знаем, — что, какие последствия несут появления “зеркальных перевертышей”, странные пропажи грузов... Да и смерть Василия я отношу пока в разряд тех же таинственных событий... пока не убедимся в отсутствии между ними связи. Поэтому никому из нас не придется спать спокойно. Через неделю, двадцать девятого, состоится закрытое совещание Совета безопасности, к этому времени вы должны быть готовы к принятию тревоги по форме “Шторм”.

— Ого! — поразился Богданов. — Отделу безопасности будет дан “Шторм”?

Удивлялся Никита не зря. По форме “Шторм” вся полнота власти над деятельностью УАСС, гигантской защитной системы человечества, ветви которой протянулись в пространство на десятки парсеков, к другим звездам, сосредоточивалась у одного сектора или отдела, а не Совета безопасности, руководившего обычной оперативной работой будней. На памяти Богданова еще ни разу Совет не разрешил применить форму “Шторм”, даже в недавних событиях со взрывом космоторона.

— А ты думал, проблема пустяковая? — прищурился Керри Йос. — Нет, брат, если вдуматься, то мы на пороге кардинальных событий. Земля контролирует область пространства диаметром всего около двухсот парсеков, хотя “контролирует” — слишком

сильно сказано. В этой области обнаружено только две цивилизации: наша — удержитесь от иронии — и Орилоухская. Так? И если “зеркала” — суть аппараты чужого разума, то легкость появления и вездесущность “зеркал” ставит их создателей на ступеньку выше нас, а может быть, и не на одну. Разгадать смысл всех их действий — значит определить стратегию человечества в прямом контакте. Понятно? Отсюда и “Шторм”. Я знаю, уже много лет наш отдел не имеет такой нагрузки, как остальные отделы Управления или погранслужбы, что ж, пришло время. Только не думайте, что я страшно рад этому, наоборот, я был бы рад, если бы и впредь отдел общественной безопасности не имел работы, тем более в глубоком космосе. Слово “тревога” у безопасников звучит по-иному, чем в других отделах: там спасатели ведут борьбу с природными явлениями, мы же вынуждены сталкиваться с разумом, чаще со своим собственным, реже с другим. Тем тяжелее ответственность, тем выше цель, тем больше спросят с нас в случае ошибки.

Керри замолчал, глаза у него стали печальными.

— Все, ребята, идите. Но помните — менторствую я от того, что вижу дальше вас.

— Ты нам не все сказал, — помолчав, произнес Богданов.

Йос задержал на нем изучающий взгляд.

— На сегодня я сказал все.

Богданов кивнул и встал.

— Пошли, Слава.

Начальник отдела проводил их задумчивым взглядом и подумал, что Богданов вполне способен заменить его на посту главного координатора отдела, интуиция у него развита неплохо.

ГЛАВА 6

Старый завод

Диктор был очень молод и заметно волновался, хотя вполне могло быть, что волнение рождено актерским талантом. Во всяком случае, это не мешало ему вести передачу.

— Друзья! В программе центрального информвидения торжественное выключение очистных автоматических установок Тихоокеанского пояса! Наши видеокамеры установлены...

Филипп полюбовался стальным зеркалом океана, снимаемого с высоты двух километров, и выключил информ. Настроение было неважным, и не столько из-за последних событий, сколько из-за мыслей об Аларике. Он вскочил с дивана, кругами походил по комнате и снова сел.

Что делать? Поговорить с ней напрямик? О чем? Сказать: “Аларика, я работаю в Управлении, что тебе еще нужно?” Нет, некорректный прием, по выражению Реброва. К тому же, он пошел в спасатели не для того, чтобы произвести впечатление на близких. Кстати, что ей нужно в действительности? Обрел ли он цель в жизни, перейдя в отряд безопасников?

Филипп пожал плечами, подошел к домашнему видео, нерешительно набрал телекс Аларики и тут же стер цифры.

Я теперь как рыцарь на распутье: направо поедешь — коня потеряешь, прямо — голову, а налево... запаматовал, что там потеряешь, если поедешь налево, тоже, наверное, что-то нужное. А у меня что получается? Направо — это спортивная арена: игрок, потом, возможно, тренер. Налево — конструкторская работа: конструктор, потом начальник отдела, потом директор института, почему бы и нет? А прямо? УАСС? Управление аварийно-спасательной службы?

— УАСС,— повторил Филпп вслух и засмеялся невесело: — Странное слово... плач ребенка и полусвист-полушипение змеи... Безопасник, инспектор...

Он задумчиво покачал головой.

— Не очень надежный прогноз. С чего вдруг Слава решил, что это мое призвание? Не может быть, чтобы со стороны было видней.

Мысли снова вернулись к Аларике. Он начал вспоминать ее походку, жесты, смех, то, как она, слушая собеседника, откидывает со лба прядь волос или смеется... Вспоминал запах ее тела, вкус губ... Вспоминал нежность рук и упругость кожи... и не мог вспомнить! Память на этот раз почему-то не могла найти выхода из тумана пятилетнего забвения. Может быть, потому что перед глазами все время стоит Аларика сегодняшняя? Совершенно чужая, неприступная, иронично-недоверчивая... и чего-то ждущая... Потом стал думать о себе, пытаясь трезво оценить свои возможности и сосчитать достоинства, не обращая внимания на саркастические замечания “я”—скептика..

Посидев еще несколько минут и разочаровавшись в себе до глухой досады, он с усилием выбрался из дебрей самоанализа, потом, будто бросаясь в ледяную воду, набрал телекс Аларики.

— Здравствуй,— сказал он, вглядываясь в милое усталое лицо.

— Привет,— сказала она ровным голосом.

— Я хочу тебя видеть, Рика.

— Разве у тебя не включена обратная связь?

— Не по видео. Может быть, встретимся?

— Ты уверен, что хочешь этого?

Видимо, несмотря на попытку самоконтроля, у него вытянулось лицо, потому что в глазах женщины мелькнула усмешка —

“младшая сестра пощечины”, как однажды выразился Станислав.

— К сожалению, сегодня вечером я занята. У Мая день рождения, и мы идем в “Мещеру”.

— Мне туда нельзя?

— Нельзя.

— Тогда привет Маю.

— До связи, конструктор.

Аларика кивнула, и виом опустел.

Поговорили...

Филипп несколько минут рассматривал пустой объем работающего вхолостую аппарата и ни о чем не думал. Чувство внезапной потери подхватило его на гребень отрицательных эмоций, оглушило, потащило в бездну памяти. Ситуация повторялась. Но если Аларика не запретила звонить, значит, не все еще потеряно? Правда, некогда было разбираться, есть ли что терять... Впрочем, есть, не надо обманывать себя. Отчего все его беды? Он никогда не страдал от избытка решительности, умения настоять на своем. Может быть, в этом все дело? Вперед под девизом: “Проснись, мужчина!”?

Филипп вспомнил разговор с Томахом, происходивший почти четыре года назад, когда он признался другу в том, что потерял любимую. Станислав тогда впервые вспылil.

— Постой, постой,— угрюмо сказал он в ответ на признание.— Ты плачешь, мальчику больно... Но разве ты пытался изменить ход событий? Пытался вернуть ее, убедить в своей любви, в мужестве, в красоте, в силе, наконец?! Нет! Ты просто сделал красивый жест: прощайте, сударыня, коль я вам неугоден, будьте счастливы. Браво, какой благородный жест! А о ком ты думал, когда хлопал дверью? О ней? Нет! Ты думал о себе! Так чего же ты хочешь, отказавшись от борьбы? Чего ждешь от меня? Сочувствия? Да разве мое сочувствие спасет тебя от самого себя?

— От самого себя,— тихо повторил Филипп.— Ты прав, Слава, от самого себя не спасет.

Он очнулся, бросил взгляд на циферблат универсальных часов — шел третий час дня и, потянувшись так, что хрустнули кости, побежал в душ.

Сумматор моды выдал ему вечерний туалет для осеннего сезона европейской географической зоны, и он долго не мог прийти в себя от изумления. Он даже повторил заказ, но получил тот же костюм: сплетенный из темно-серых нитей с искрой пиджак, золотистую рубашку и такие же брюки, но плетенные из широких лент. Дополнили костюм туфли, мерцающие огнями.

Вздохнув, Филипп облачился в костюм, несколько минут рассматривал себя в зеркале и в общем остался доволен. Модельеры,

несомненно, знали свое дело: костюм был строг и гармоничен, Филипп в нем выглядел прекрасно.

Он уже собрался уходить, когда мягкий звон вызова заставил подойти к виому. Это был Ивар Гладышев, с неизменно добродушной ухмылкой, загорелый до черноты.

— О! Красавец-мужчина! Ты куда это собрался?

— По делам, — смутился Филипп. — Что, плохо?

— Нет-нет, — засмеялся Гладышев. — Я же говорю — выглядишь соблазнителем женских сердец, костюм превосходный. А я хотел пригласить тебя к нам. Кира сдала последний экзамен, и теперь она мастер по эстетической организации замкнутых пространств. Звучит? Будет работать в Лунном Институте видеопластики. Кстати, вместе с Аларикой, как говорили раньше — с невесткой Мая Реброва. Помнишь?

— Помню? А-а... да, конечно...

— Ага. — Гладышев понимающе кивнул. — Мне показалось, что у тебя легкая потеря памяти, с волейболистами это бывает. Значит, не придешь? Жаль, будут все наши: Журавлев, Павлов, Сережа, Кристо... Не жалеешь, что ушел в спас-службу?

Филипп покачал головой.

— Некогда жалеть.

— Однако счастливым ты не выглядишь.

— Смотри глубже, о всевидящий! — Филипп усмехнулся. — Проглядишь главное. Просто у меня поменялась полярность счастья. Если честно, я словно рыцарь на распутье. Знаю только, что идти надо в ту сторону, где можно или все найти или все потерять. Что гораздо легче.

— Понятно. Вижу, в советах ты не нуждаешься, но все же прими по старой дружбе один: не бойся выйти в чемпионы мира по ошибкам, а не ошибается только тот, кто ничего не делает. Ну, желаю удачи! Надумаешь — приходи, будем рады.

Ивар улыбнулся, и его изображение растаяло.

— Еще один наставник... — пробормотал Филипп, однако прозвучавшие на этот раз слова не раздраженно, а задумчиво. Советы Гладышева никогда не были менторскими, навязчивыми, как и его доброта. Ивар обладал редким даром понимать другого человека, проникаться его мыслями и чувствами, сострадать, сорадоваться, сопереживать, и души его хватало на всех...

Без пятнадцати минут шесть Филипп покинул стоянку такси и смешался с толпой людей возле третьего таймфага Рязани. Кратчайший путь в знаменитый рязанский банкетный зал "Мещера" шел именно от этого таймфага. Конечно, Ребров и его спутники могли избрать и другой путь, более длинный, но Филипп почему-то был уверен, что рационализм Мая Реброва не позволит тому отклониться от самой короткой и проверенной "траектории". Поскольку перед этим Филипп узнал точное вре-

мя банкета, он заранее рассчитал, когда Ребров может прибыть в Рязань.

Поток людей постепенно рос. Многие возвращались с работы — те, кто имел обыкновение начинать ее поздно или поздно заканчивать, или спешил на дежурство и возвращался с него, но в основном все спешили по личным делам, как и Филипп. На него посматривали искоса, с доброй усмешкой: все-таки до вечера было еще далеко, и его костюм выделялся из общего делового фона.

Он стал возле входа в распределительный зал, чтобы сразу увидеть Аларику, когда она появится из дверей. В зале было сто сорок восемь кабин, люди входили и выходили непрерывным потоком, и Филипп напрягал внимание, надеясь на свою реакцию и память жеста.

Он не ошибся. Ребров появился в четверть седьмого под руку со своей женой, похожей на него строгим лицом. Аларика шла сзади, ее вели под руки двое молодых людей, в одном из которых Филипп с неудовольствием узнал Хрусталева.

Она всегда одевалась со вкусом, вот и сейчас на ней был строгий костюм: дымчато-голубой жакет с черным поясом и палевые брюки, напоминающие кружевную тень клена. Этот костюм делал ее изящной, тонкой, женственной и до боли желанной... Едва ли обнаженное женское тело сказало бы Филиппу больше, чем костюм женщины, и он стоял и смотрел, волнуясь, пока не заметил, что на Аларику засматривается не только он один. Тревожное чувство неустроенности, проистекающей из того факта, что Аларика оставалась далекой и чужой, охватило душу.

Она прошла рядом, в двух шагах, не заметив его, и оставила тонкий и нежный запах маттиолы, запах, многие годы мучавший его, заставлявший в толпе искать любимую.

Филипп пошел сзади, стараясь не отстать и одновременно не показываться на глаза всей компании. В таком порядке проследовали к стоянке такси — от таймфага до “Мешеры” было около десяти минут лета. Компания стала рассаживаться по машинам, Аларику тянули сразу в две стороны, она смеялась, оглядываясь на что-то говорившего ей Реброва, и в этот момент Филипп с риском сшибить кого-нибудь на пути подогнал свой миниатюрный пинасс с открытым верхом вплотную к женщине, чуть не сбив с ног Хрусталева, потянул Аларику за рукав, и та от неожиданности села, почти упала на сиденье. Пинасс тотчас же взмыл в воздух, оставив онемевших от изумления друзей и приятелей Аларики, и спустя несколько секунд куб таймфага скрылся из глаз.

— Интересно, — очень спокойно проговорила Аларика, поправляя волосы. — Я так и думала, что ты что-нибудь выкинешь.

Филипп задал курс киб-пилоту и повернулся к ней, молча, не отводя взгляда. Она так же молча смотрела на него. Потом едва заметно улыбнулась.

— Ты стал неразговорчив.

— Это достоинство или недостаток?

— Пока не знаю. Раньше ты говорил больше. Тебе не кажется, что ты позволяешь себе слишком многое? Впрочем, это неважно.— Она вздохнула.— Поворачивай и вези меня обратно.

Он отвернулся, пробормотал:

— Нет.

— Нет?— удивилась она.— У тебя хватит решимости не послушаться меня?

— Хватит.

— Тогда мы поссоримся.

Теперь улыбнулся Филипп.

— Я считал, что наши ссоры канули в прошлое.

Аларика прикусила губу, с интересом оглядела Филиппа, словно видела его впервые.

— Так. Похищение, значит. Похищение века! И куда же ты меня везешь, похититель? В свой родовой замок? В замок людоеда, который ты отнял у несчастного?

— Нет, на завод.

— На завод?!— Аларика не могла скрыть растерянности и засмеялась.— Ну и фантазия у тебя, пан спортсмен.

— Это не совсем завод, как бы памятник заводу. Ему уже лет двести, и он не работает, законсервирован. Я часто прилетаю туда, помогает думать.

— Ты уверен, что мне нужно думать?

— Нет,— помолчав, сказал Филипп,— не уверен. Но мы пролетели уже полпути.

Аларика откинулась на сиденье, искоса наблюдая за лицом Филиппа. Покачала головой и улыбнулась, представив, что сейчас творится у таймфага Рязани.

— Меня будут искать.

— Хрусталеv?

Молчание.

— И он тоже. Наблюдательность? Или ревность?

— И то и другое.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись. В этот момент пропел трехзвучный сигнал вызова.

— Слушаю,— отозвался Филипп с заминкой, ткнув пальцем в сенсор связи.

— Аларика?— раздался характерный — глуховатый, но твердый голос Реброва.— Аларика с вами, Филипп?

Женщина зажала Филиппу рот ладонью и наклонилась к пульту.

— Я здесь, Май. Не беспокойся, скоро вернусь, похититель жизнь мне гарантирует.

Тишина и дыхание фона в приемнике.

— Хорошо. Ждем.

Звонок конца связи.

Они продолжали сидеть в том же положении, пока пинасс неся над облаками в коридоре скоростных трасс. Потом Филипп поцеловал ее ладонь, и Аларика убрала руку.

— Однако быстро он нашел нашу волну! Не ожидал такой оперативности!

— Он все может, плохо ты его знаешь. Скоро там твой завод, похититель? Как ты на него набрел? Кстати, мне действительно надо быть в “Мещере”, хотя бы через час, иначе Май обидится.

— Я понимаю, не волнуйся, твое возвращение в “Мещеру” я тоже гарантирую. Что касается того, как я набрел на завод, то тут все просто: мне показал его отец, когда мне было всего восемь лет. Его деды работали на этом заводе, а он хранил память...

Несколько минут прошло в молчании. Филипп изредка ловил на себе взгляды Аларики, но в ее сторону не смотрел, боялся спугнуть минутное свое счастье. Пытка ожиданием, думал он, каждой клеточкой тела ощущая присутствие Аларики. Самая мучительная из пыток! Недаром кто-то из предков увековечил ее словами: “Если бы люди строили Дворец Счастья, самым большим залом был бы в нем зал ожидания”*. Я уже просидел в этом зале по своей же вине несколько лет, сколько еще осталось?

Наконец пинасс, ведомый киб-пилотом, достиг Каховского моря и остановился в воздухе, предупредив пассажиров гудком, что дальше пути не знает. Филипп взял управление на себя.

Пинасс спикировал на свободную от леса площадку, мелькнули в стороне странные конструкции и пропали за старой тополиной рощей. Филипп лихо посадил машину на поляну возле заросшей ивняком и лозой просеки. В той стороне, куда уходила просека, виднелись какие-то здания серого цвета, четыре громадных конуса из металлических плит и ферм, высокие закопченные трубы и мачты.

Аларика, с интересом оглядываясь, прошла по поляне, почти лишенной растительности, нагнулась.

— Странно... Почему здесь не растет трава?

— Потому что под нами не земля, а бетонная площадка, этому бетону уже два века, видишь, как потемнел?

Филипп подал Аларике руку и повел за собой к просеке, обходя кусты и молодые тополя. Через несколько минут они выбрались на свободное пространство перед высокой серо-коричневой в ржавых потеках стеной одного из корпусов завода. Все

---

* Антуан Эроз.

видимое пространство у стены и в просветах между деревьями занимали тянувшиеся параллельно земле пучки труб от тонких, толщиной в руку, до громадных — двух - и трехметровых в диаметре.

Аларика споткнулась о какой-то ржавый выступ, тянувшийся довольно далеко и исчезающий в стене подступающего вплотную к зданиям леса. Рядом, параллельно первому, тянулся второй такой же выступ.

— Что это?

Филипп оглянулся.

— Это рельсы, железная дорога.

— Они такие... я не узнала. Как здесь странно пахнет...

Филипп кивнул. У стен корпуса витал неистребимый запах ржавого железа, мазута, асфальта и угля — весь комплект заводских запахов двадцатого века, хотя завод не работал по крайней мере полтора десятилетия, с тех пор, как вступили в строй заводы матричной репликации, вынесенные в космос. Но запахи продолжали жить, напоминая об ушедших в прошлое веках железа, пара, стали и каменного угля. Конечно, металлы использовались человеком и сейчас, и в гораздо большей степени, чем сто и двести лет назад, но, во-первых, современные металлургические заводы-автоматы ничем не напоминали прежние, они представляли собой комплексы с замкнутой технологией по добыче и переработке руд, установленные прямо в местах этой добычи, а во-вторых, металлы ушли из быта людей — в космос, под землю, а основную тяжесть обихода приняли на себя полимеры и активные композитные материалы.

“Экскурсанты” медленно прошлись вдоль стены корпуса, огибая выходящие из бетонных колодцев трубы, антенны, заглядывая в распахнутые двери. Один раз даже зашли в ворота, из которых выходили нитки ржавых рельс. В темноте смутно угадывался громадный объем цеха, решетчатые пролеты кранов, лестницы, фермы под потолком. на высоте добрых полусотни метров, едва освещенные сочившимся сквозь запыленные ряды стекол светом. Цех был длинным, чуть ли не с километр, и по мере того, как глаза привыкали к полутьме, в его чреве постепенно проступали контуры каких-то застывших машин, конструкции, круглые туши ковшей для разливки стали, колонны изложниц — Филипп не первый раз посещал завод и успел изучить названия его оборудования.

— Пойдем, не бойся, — сказал он, обнимая Аларику за плечи.

Голос гулко взлетел под шатер цеха и вернулся басовитым уханьем. Аларика не отодвинулась.

— Прохладно здесь... и страшно.

— Чего же тут страшного? — удивился он. — Никого нет.

Они подошли к одной из конструкций высотой в два десятка метров, сработанной из металлических швеллеров, громадных цилиндров, положенных на бок и утопающих в мешанине труб, лесенок, загородов и настилов.

— Мартен,— сказал Филипп.— Устройство для выплавки стали, последнее из оставшихся, остальные вымерли, как динозавры.

Аларика посмотрела вверх и потянула его за рукав.

— А это, над нами?

Филипп проследил за ее взглядом.

— Это мостовой кран, видишь крюки? На них вешали ковш и перемещали расплавленную сталь к другим установкам цеха.

С крюков свешивалась железная цепь, Филипп толкнул ее от себя, раздался металлический скрип.

Аларика поежилась, оглянулась.

— Мне почему-то кажется, что за нами кто-то наблюдает.

Филипп рассмеялся, хотя ему тоже стало не по себе.

— Будет шутить, никого здесь нет. Завод обычно пуст, экскурсии посещают его редко, тогда здесь бывает шумно. А сейчас...— Он замолчал. Показалось, что вверху под потолком возникла зеркальная плоскость, изогнулась пузырем и лопнула. С минуту прислушивался к грустной тишине цеха, чувствуя вздрагивающий локоть Аларики.

— Тебе показалось. Под крышей гniaзятся птицы, вот и все.

Он привлек Аларику к себе, поцеловал в губы, потом стал целовать плечи, шею, руки, пока она вдруг не оттолкнула его, выдохнув:

— Нет!..— и чуть тише еще раз: — Нет, Филипп... не надо, прошу тебя...

Он стоял, опустив руки, и эхо шуршало из всех углов гигантского помещения обрывками слов: нет, нет, нет...

Потом Аларика взяла его за руку, робко, как никогда раньше.

— Не сердись, пожалуйста, и прости... я сама дала повод... Ты помнишь стихи? “Не прилепить отрезанный ломоть, снег прошлого годный ходит в небе тучей...”

— Помню,— хрипло ответил Филипп.— Я помню. Правда, я помню и другие стихи... Идем?

Через несколько минут они вышли из сумрака пустого здания наружу. Аларика вздохнула полной грудью и улыбнулась.

— На воле все же лучше. Нет-нет,— остановила она попытку Филиппа оправдаться.— Ты ни при чем. Я вижу, ты во многом изменился, но... понимаешь, мне есть с кем тебя сравнивать! И, боюсь, идти тебе далеко, лучше бы ты не брался за это.. А вообще, честное слово, было очень интересно! Я никогда не видела старых заводов, а на экскурсию прийти сюда и не подумала бы. Знаешь, он уж и не такой маленький по сравнению с современными, да?

— Не маленький,— подтвердил Филипп.— Может быть, ты не хотела этого, но ставя точки над “i”...

— О господи! Сколько раз ты ставил точки над “i”! Неужели я ошиблась и ты все такой же?

— Подожди с выводами, я неудачно выразился. Просто ты вдруг дала мне шанс и я подумал, что сделала это нарочно. Не так?

Аларика ковыряла носком туфли сухую землю, потом посмотрела прямо в глаза Филиппу.

— Нарочно. Я хотела, чтобы ты достиг той вершины, которая даст тебе право... на то, что забыто... если только это возможно... Но лучше тебе не ворошить пепел...

Аларика вздрогнула, как от холода, посмотрела на окошко видеобраслета.

— Расскажи что-нибудь еще о заводе... и пойдем отсюда. Мне пора возвращаться.

Филипп с трудом преодолел в себе приступ отчаяния и стал рассказывать все, что знал о заводах прошлых столетий, не вдумываясь в суть сказанного. Под конец увлекся и заговорил о том, что они видели.

— Мы с тобой посмотрели только один из них, а таких цехов на заводе около десятка. Да это, кстати, и не самый крупный завод из всех известных, в Кривом Роге и в Запорожье заводы побольше, я был там. Так что масштабы деятельности предков достаточно велики. Но я прихожу сюда не восхищаться размахом строительства дедов — здесь очень хорошо думается. Впечатление старины заставляет работать память.

— Да, ощущения старины и мне, назерное, не хватало. Так и кажется, будто внутри этого покинутого людьми гиганта пульсируют столетия... Где находится завод?

Они шли через пустырь к лесу.

— В Днепропетровске,— пробормотал Филипп, приглядываясь к неожиданно возникшей преграде на пути. — Часть древнего металлургического комплекса, одного из самых больших на Земле... Знаешь, странно все это...

— Что именно?

— Да вот, перед нами...

Пустырь, по которому они шли, начинался от торца цеха, заросший травой и пустырником, ни деревья, ни кустарник на нем почему-то не росли. Филипп обычно доходил до этого места, любовался лесной полосой за пустырем, горой ярко-синих контейнеров одинакового размера в конце пустыря, на каждом из которых стояла эмблема космических колонистов: скрещенные серп и кирка в венке из звезд (он как-то проверил) — и шел обратно. Теперь же Филиппа осенило: контейнеры лежали здесь, сколько он себя помнил, лет двадцать! И никому до них не было

никакого дела. Странное безразличие к общественному добру со стороны его владельцев. Кто же оставил контейнеры у завода? И зачем? Или они пусты, как скорлупа съеденных орехов?

Филипп обошел гору контейнеров, принялся: запах здесь стоял какой-то незнакомый, вернее, знакомый, но чужой, чужой пустырю, лесу и старому заводу. Постучал по стенке крайнего параллелепипеда — звук глухой, явно не пустая скорлупа. Интересная деталь...

— Наверное, будут что-нибудь строить, — предположила Аларика, не понимая его недоумения. — Вот и сбросили груз.

— Он лежит здесь с тех пор, как отец показал мне завод, — двадцать лет, если не больше. Да и что тут можно строить? Территория завода не подлежит застройке. К тому же и эмблема у строителей другая... не нравится мне это. Почему-то кажется, будто я уже встречал подобные контейнеры... Но где?

Аларика нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

— Потом вспомнишь.

Солнце уже застряло в зубастой пасти леса, готовясь кануть в небытие ночи. С севера росла грозного вида туча, постепенно заволакивающая небосвод.

— Пошли, Филипп, — уже сердито проговорила Аларика. — Потом вернешься или лучше сообщи в информ-центр, они тебе все объяснят и найдут владельца.

— Дело, — согласился Филипп. — Ну бежим, а то попадем под ливень.

Не удержавшись, он погладил шершавую поверхность контейнера и вдруг увидел глубоко в щели между контейнерами мерцающую искру света: красная, желтая, зеленая, голубая вспышки, две секунды темноты и снова та же гамма.

Черт возьми, “звезда Ромашина”, моя звезда! Здесь?! На пустыре, у завода?

Приблизив лицо вплотную к щели, Филипп, застыв от изумления, смотрел на равномерно мигающую “звезду” и вспоминал недавние свои приключения в космосе. Опомнился только после оклика Аларики, не понимавшей, почему он медлит.

Взявшись за руки, они побежали к пинассу, так и не встретив на территории завода ни одной живой души, хотя рядом, в двух километрах, кипела жизнь города на Днепре. Старым заводам не суждено было служить памятниками цивилизации, хотя они могли многое поведать уму и сердцу потомков тех, кто их строил. А в голове Филиппа поднялся кавардак, вызванный появлением странной “звезды”, встреченной им впервые в десятках парсеков от Земли, знака, не похожего ни на одну из эмблем космических служб человечества и относящегося к проблеме появления “зеркал”.

Дождь начался, когда они уже взлетели.

Всю дорогу до Рязани молчали, вслушиваясь в струнное гудение ветра в оперении пинасса; о том, что добраться быстрее можно было бы из Днепропетровска таймфагом, никто из них не подумал. Аларика была спокойна и задумчива, Филипп окаменел в одной позе, накрыв своей ладонью руку женщины. Вернулись они спустя полтора часа после “похищения”.

Прощаясь у голубого кристалла “Мещеры”, Аларика задержалась у двери, то и дело вбирающей новые порции прибывающих гостей.

— До связи, похититель. Передавай привет Кириллу Травицкому, мы с ним знакомы.

— Я не работаю в Институте ТФ-связи,— ровным голосом сообщил Филипп.

— Вот как? А где же ты работаешь?

— В настоящее время стажер отдела безопасности.

Аларика несколько мгновений смотрела на него как-то странно, недоверчиво и радостно-испуганно, потом вдруг поцеловала и исчезла за полупрозрачным занавесом двери. На губах Филиппа остался тающий горьковато-нежный привкус. Ему хотелось плакать и смеяться одновременно, но он только глубоко вздохнул и пошел к стоянке такси, никого и ничего не видя.

Человек, помоги себе сам...

На следующий день Филипп вспомнил о находке на территории завода, соединился с информационной службой Днепропетровска и попытался хоть что-нибудь выяснить об оставленных неизвестно кем и неизвестно когда контейнерах. Однако операторы украинского информ-центра не смогли ему помочь, кроме регионального поиска, который ничего не дал: ни за одной организацией Днепропетровского региона означенные контейнеры не числились.

Тогда Филипп разыскал Станислава Томаха и осторожно поведал ему о своем открытии. Томах отнесся к сообщению серьезно, не преминув, правда, вставить старинную поговорку, знатоком которых он был.

— Какая, говоришь, там была эмблема?— спросил он, хмуря выгоревшие брови.

— Серп, кирка и венок из звезд.

О том, что он заметил еще один знак — “звезду Ромашина”, Филипп решил не говорить, а показать на месте.

— Да, это эмблема колонистов. Странно... Ну хорошо, спасибо за сигнал, я узнаю и позвоню. Или лучше ты позвони после дежурства, часов в семь.

— Позвоню,— кивнул Филипп и погрузился. — Завтра наши будут играть на первенство Системы, первая встреча со сборной Луны-главной...

— Вот те раз!— удивился Томах.— Ты говоришь так, будто сам не играешь.

— Играю, но понимаешь... не хочу. Не хочу, вот что удивительно! Перегорел? Или возраст?

— Возраст здесь ни при чем. Первенство отыграть ты обязан, а там посмотрим, откуда растут ноги твоего настроения. Кстати, тебя искала Аларика.

— Искала Ала...— Филипп замер.— Так что же ты молчал? Когда? Не мог позвонить?

— Сегодня утром.— Томах помолчал, разглядывая Филиппа пронизательными глазами.— В этом деле ты тоже игрок или всерьез? Я к тому, что женщина она редкостная... "Ом мани падме хум"— драгоценный камень в цветке лотоса,— перевел он.

— Шел бы ты, Слава,— пробормотал Филипп.— Вместе с лотосом.

— Ага, благодарю, очень доходчиво. Уже иду.

Виом погас.

Филипп некоторое время мерял шагами комнату, потом набрал индекс информатора культуры и искусства и узнал программу вечера в Большом театре. В программе стоял Шекспир, "Укрощение строптивой". Филипп поспешно заказал два места в тринадцатом ряду партера. Вежливый голос автомата сообщил ему номера мест, и Филипп суеверно сплюнул через левое плечо — по приметам начиналась полоса удач.

На одиннадцать утра в малом зале олимпийского комплекса была назначена тренировка, но Филипп прилетел туда почти на час раньше, надеясь успеть насладиться предгрозовой атмосферой будущих соревнований. К его удивлению, почти вся команда была в сборе, а Ивар Гладышев развлекал ребят своими знаменитыми голографическими слайдами глубокоатмосферного мира Юпитера. Филипп уже смотрел их в свое время и тихонько удалился из комнаты психомассажа в пустой зал, задумавшись над той тайной притягательности, которая кроется в любой игре.

Человек выдумал огромное количество игр, каждая из них находила своих поклонников и каждая была для игроков не только средством развлечения, но и поводом к полету мысли, к интеллектуальному напряжению, которое в конце концов и рождало в человеке жажду самовыражения, стремление к самосовершенствованию и наслаждение борьбой, возвышая его до уровня творца. В конечном итоге игра — это моделирование той ситуации, с которой человек нередко сталкивается в жизни, и разве риск правильного решения игровой ситуации не является творчеством?..

Филипп так задумался, прохаживаясь по прохладному залу, что не заметил появления Хрусталева. Тот вошел и остановился возле стены, засунув руки в карманы. Филипп очнулся лишь тогда, когда Леон заступил ему дорогу.

— Привет.

— А, это ты?.. Привет.

С минуту они рассматривали друг друга: рассеяннo-задумчиво Филипп и усмехаясь чему-то Леон Хрусталев.

— Ну?— сказал наконец Филипп.— Ты что-то хотел сказать?

— Да,— высокопарно кивнул Леон.— Имею честь предупредить вас: не стойте у меня на пути!

Филипп с иронией посмотрел на его пышную шевелюру, покачал головой.

— По-моему, это ты стоишь у меня пути.

Хрусталев хмыкнул.

— Ты что, в самом деле не понимаешь? Я говорю об Аларике.

— А-а...— протянул Филипп, теряя интерес к разговору.— Но это же, по крайней мере, несерьезно. Даже во времена оно соперника не отговаривали свернуть с пути, а грозили, предупреждали, протыкали шпагой.

— Я пошутил.— Хрусталев вздохнул.— Хотя... не вовремя ты появился на сцене. Дар у тебя, что ли, особый? Понимаешь, я ведь знаю Аларику уже больше двух лет... а тут пришел ты и все разрушил!

— Может, не я, а кто-то другой?

Хрусталев улыбнулся безнадежной улыбкой.

— Я же не слепой. Сначала я тебя ненавидел... даже обрадовался тогда на СПАС, что погибнем оба... прости дурака! А потом понял, что дело не во мне...

— В ней самой.

— Да, к сожалению. Только не думай, что мне некому поплакаться в жилетку, кроме тебя. Ей-богу, был бы я посмелее, вздул бы тебя по первое число!.. Ладно, живи!

Филипп засмеялся.

— Ну спасибо.

— Друзьями мы, наверно, не станем,— продолжал Леон,— но во всяком случае будем хотя бы искренними. Я искренне желаю тебе сломать шею на пути к Аларике. Шучу.

Филипп пожал протянутую руку и проводил сгорбившегося Хрусталева взглядом. Как в один миг может перевернуться мнение о человеке, подумал он. Леон, оказывается, неплохой парень, и так же раним, как и я. Только вот в части наших с Аларикой отношений он ошибается. Все чертовски зыбко, расплывчато... Что же это был за человек Сергей Ребров, если она до сих пор считает его эталоном?.. Интересно, зачем она меня

искала? Звонок вежливости? Впрочем, у меня теперь есть предлог увидеть ее. Пусть попробует отказаться пойти на спектакль...

— Сегодня в основном электронная тренировка, — сказал им Май Ребров, когда игроки сборной разделись и построились в зале. — Разминка, стандартные тесты на реакцию и прокручивание игровых положений. Противник у вас завтра не самый сильный, но отыграть встречу надо будет с полной отдачей, ибо на старте турнира обычно случаются неприятные сюрпризы.

Размявшись в зале, спортсмены приняли электродуш и разбрелись по местам в зале электронного моделирования.

Филипп удобно устроился в кресле, надел эмкан и расслабил мышцы, ожидая команды. Программы индивидуальной электронной подготовки составляли психомоделисты с Ребровым во главе, а также инженер-кибернетик центра спортивной подготовки. “Включившись” в тренажер, игрок как бы оказывался на площадке и проигрывал ту ситуацию, которую моделировал компьютер, повинаясь заложенной в него программе. В сборной Земли основной функцией Филиппа была игра в третьем номере, он выполнял работу подыгрывающего нападающего, который отвлекал игроков противоположной команды на блок и тем самым давал возможность нападающим своей команды провести удар без помех. В то же время если пас шел ему, он был обязан завершить атаку в десяти случаях из десяти, то есть сыграть безошибочно, и, несомненно, играть подыгрывающим первого темпа было трудно.

— Включаю, — донесся сквозь наушники тихий голос Реброва, и Филипп оказался на площадке, среди игроков, словно это были не иллюзионные призраки, вызванные хитроумными аппаратами в его мозгу, а реальные люди.

В первом положении Филипп играл с подачи противника “взлет” в третьем номере, у центра сетки, а Ивар Гладышев забегал за него и проводил атаку с метровой высоты над сеткой — обычная комбинация, известная издревле, как “зона”, нападение со второго темпа. Филипп “прокрутил” ее два раза и командовал контролеру вводить программу дальше, “зону” он выполнял хорошо, и неожиданностей эта комбинация принести не могла. Затем шла комбинация “рапира”, в которой Филипп в четвертом номере нападал с так называемого “прострела”, когда мяч от рук согласующего игрока взлетал над сеткой резко и быстро, и надо было успеть провести удар только тому игроку — прыгали сразу двое, перед которым не было блока. И с этой комбинацией Филипп справился неплохо, только удивился, почему Ребров выбрал ему простые положения, не требующие в общем-то электронного тренажа. Но затем одна за другой пошли комбинации, от которых он взмок по-настоящему, как если бы отрабатывал их на площадке. Комбинации были сложными:

“лист” — двойной пас в одно касание и обманный нападающий удар “на плече” блокирующего; “самум” — сложная перебежка при подаче и атакующий удар с острого угла у “антенны”; “зеркало” — удар вдоль сетки с четвертого номера по своему же игроку во втором номере, который обязан был “срезать” мяч в площадку противника. Но дело было не в самих комбинациях, а в коллегах по площадке. Впечатление было такое, будто согласующие игроки выполняют пас не с той степенью точности, какая требуется для проведения скоростных комбинаций профессионалами.

Закончив тренировку, Филипп снял эмкан и вытер вспотевшее лицо.

— Молодец! — сказал подошедший Ребров, внимательно разглядывая его ошеломленное лицо глубоко запавшими глазами. — Темп держал хорошо, но в третьей и пятой позициях слегка растерялся.

— Но ведь это ненормально... я хотел сказать, нереально с точки зрения игровых положений. Ваши согласующие призраки перестали быть мастерами, пасы их неточны, вот и приходилось играть нестандартно. В действительности в нормальной обстановке ни один координатор игры просто не способен играть так... неаккуратно, даже примитивно, поэтому ваша программа, мне кажется, не отражает истинного положения дел.

— Надеюсь, что это именно так. — Ребров кольнул Филиппа испытующим взглядом, помедлил. — У меня к тебе вопрос не по существу.

— Слушаю, — сказал Филипп, внутренне собираясь.

— Почему ты перешел на работу в спас-службу?

У Филиппа несколько отлегло от сердца, он ожидал услышать другой вопрос. “Зачем ему это? — подумал он, разглядывая свои ладони. — Неужели будет читать мораль?”

— Из-за Аларики? Или по зову души?

Так, приехали! Все-таки спросил... Что он спросит еще? И что ему ответить?

— Не отвечай, — сказал Ребров, словно читая мысли. — Плохо, если только из-за Аларики, некорректный прием.

— А по какому праву вы судите? — не выдержал Филипп.

— По праву брата ее мужа, пусть и погибшего. Не обижайся. — Ребров положил руку на плечо спортсмена. — Мы любим ее и не хотим, чтобы ей была причинена боль... любая.

Еще один говорит о боли, будто я специально собираюсь эту боль ей причинить...

— Я думал, вы скажете — честь брата...

— Не честь — память. Но Аларика жива и ей жить дальше, хотя без любви жить трудно. Я хочу, чтобы она любила достойного. Если сможешь, стань им, не сможешь...

— Я понял.

— Тогда иди.— Ребров легонько подтолкнул его к двери.— Судьбу не выбирают, ее творят.

Лишь через час Филипп унял наконец бурю чувств, поднятую в душе коротким разговором с тренером. Ни злости, ни обиды на него он не чувствовал, наоборот, оценил прямоту и благородство Реброва как доказательство расположения к своей особе. Видимо, Май Ребров был чем-то похож на своего брата, иначе трудно было понять его власть над Аларикой по сей день...

Пусть, сказал сам себе Филипп по пути домой, продолжая делать вид, что слушает Гладышева. Посмотрим. Она сказала, что идти мне далеко. Пусть так, но цель видна, и я дойду. Иначе просто не стоит жить. Странно, что я этого не понимал раньше...

Куттер бесшумно опустился рядом с горой контейнеров, ослепительно синих в лучах полуденного солнца. Томах сдвинул прозрачный колпак и первым выпрыгнул на траву.

За контейнерами шел лес, преимущественно — липа и ясень. В противоположную сторону раздвигался вширь пустырь с редкими кустиками бересклета, поросший в низинке лопухами и чертополохом. Неужоженный в общем-то был пустырь, забытый. Дальний его конец утыкался в стену длинного серого здания — одного из корпусов старого завода, чьи трубы подпирали небо и был видны издалека.

Возле контейнеров уже стояли машины: куттер с синим пульсирующим “глазом” оперативной службы УАСС и пинасс — белый, с зеленой полосой, аппарат технического сектора Управления.

От группы суетящихся у контейнеров людей отделился высокий, худой и остроносый, с редкой сединой в волосах старик в форме эксперта первого ранга.

— Материал стенок контейнеров деформационно неустойчив,— сказал он с басовитой хрипотцой.— Впечатление такое, будто контейнеры испытали многовекторный ТФ-резонанс. Ложат они здесь ровно двадцать один год.

— Спасибо, Бруно,— произнес Станислав.— Вы уже проверили содержимое?

— Естественно. Оборудование терраформистов: комплекты для горновзрывных работ, генераторы плазмы, вакуумбомбы и тому подобное.

Томах повернулся к Богданову.

— Несомненно, это исчезнувший груз, предназначавшийся для Садальмелека. Совпадает все до мелочей. Но как он оказался здесь, да еще двадцать один год назад — ума не приложу! Неужели мы плохо знаем ТФ-теорию, и она преподносит нам сюрп-

ризы? Ведь получается, что контейнеры испытали путешествие не только в пространстве, но и во времени!

— Комплекты для горновзрывных работ... — медленно проговорил Богданов. — М-да... Точно такого же характера груз предназначался на Шемали и в систему Суинберна.

— Помню. Станный вывод напрашивается. Надо бы узнать в центре Даль-разведки и у пограничников — не пропадали у них подобные грузы?

— Даль-разведка не использует комплекты для терраформистских работ, как и пограничники, но запросить можно. Но если контейнеры и в самом деле вынырнули здесь двадцать лет назад...

— Ты сомневаешься?

— Слишком уж экзотична гипотеза. Выходит, наш Наблюдатель более могущественная личность, чем мы себе представляем. Чего он только добивается, хотел бы я знать? Кстати, контейнеры обнаружил Филипп, тебе не кажется это символичным? Везет парню на открытия.

— Он приглашал меня на игры чемпионата Системы, завтра первый матч. Не хочешь сходить ради любопытства? Все же игрок он классный, да и игра сама по себе красивая, не пожалей.

Богданов с сомнением приподнял бровь.

— Едва ли удастся выбраться, но на всякий случай напомним завтра. Я пойду только из-за того, что Филипп, возможно, играет на таком уровне в последний раз. Ну, а теперь в Даль-связь или сразу в отдел?

— Надо узнать, что нового у Тектуманидзе, потом уже к себе в отдел. По-моему, Керри недоволен медленным течением дела.

— Вины нашей в том нет, уж очень рассеяна нужная информация, да и состав оперативных групп ограничен. Ты в вопросе с Филиппом прав в одном, его помощь пришлось нам очень кстати.

К ним снова приблизился эксперт техсектора, похожий на журавля.

— Скоро заканчиваем, подробные данные по анализу доставим сегодня вечером.

— Хорошо, Бруно, — кивнул Богданов. — Я вызвал бригаду транспортного обеспечения, они доставят контейнеры по назначению. Благодарим за работу.

— Не за что, — буркнул Бруно, потоптался и добавил: — Ваш стажер обнаружил на контейнерах любопытную деталь, не хотите взглянуть?

Инспекторы переглянулись. Бруно подвел их к одному из контейнеров и мотнул головой:

— Полюбуйтесь.

Богданов потрогал невозмутимо мерцавшую в материале стенки звезду, нагнулся.

— Все правильно,— сказал он, рассматривая искру света.— Наблюдатель честен, он везде оставил свой след, чтобы мы не спутали его с кем-нибудь другим.

— Слишком честен,— повел плечом Станислав.— Одним словом, джентльмен. Непонятно, зачем ему все это? “Зеркала” с палиндром-эффектом, “звезды”, кража грузов... их возвращение... в прошлое! Чужь собачья!

— Нет-нет, далеко не чужь, скорее намек.— Богданов задумался.— Нам необходимо понять главное — что мы затронули там, в космосе, что Наблюдатель решил напомнить нам о себе?— Он с сожалением покачал головой.— Не вижу. А “звезда” красивая, спору нет.

Эксперт с укоризной посмотрел на него.

— Эх вы, безопасники! Дело не в красоте, хотя и она заставляет задуматься: в районе “звезды” нарушаются на микроуровне законы причинно-следственной связи! Это прямое доказательство того, что контейнеры действительно заброшены в прошлое. ТФ-специалисты до сих пор в шоке.

Бруно снова оглядел безмолвствующих инспекторов и махнул рукой.

— Потом поймете, насколько важно открытие вашего работника, мы придем в отдел сводку с результатами анализа и нашими выводами.

Богданов подивился горячности старшего эксперта, еще раз потрогал странную “звезду” и сказал:

— Не волнуйся, Бруно, мы возьмем это на заметку.

Они вернулись к куттеру.

— Садись.— Томах влез в кабину и закрыл колпак.— Ты думаешь, это серьезно?

— Пока не знаю.

Куттер подпрыгнул вверх, пустырь с контейнерами и корпусами завода сразу превратился в маленькую заплатку на желто-зеленом ковре.

— Ну и Филипп!— медленно проговорил Богданов.— В наблюдательности ему не откажешь. Такое впечатление, что Наблюдатель заинтересован именно в нем. Где бы он ни появился — появляется его “звезда”...

Станислав с молчаливым изумлением смотрел на друга.

В отделе их ждало сообщение от Тектуманидзе, полученное по каналам отдела.

— Легок Шалва на помине,— сказал Томах, включая запись.— Что ж, послушаем, что он хочет нам сообщить.

Прямо посреди комнаты возник странной формы пульт и возле него трое в форме погранслужбы, одним из которых был начальник следственной группы отдела безопасности Шалва Тектуманидзе.

— Слава и Никита, — сказал Тектуманидзе, словно заранее знал, что его сообщение первыми будут слушать именно эти двое, — привет. Я кое-что раскопал по вашей части. Керри мне обмолвился, что вы работаете по форме “Поиск-экстра”, это, очевидно, продолжение работы с “зеркалами”. Первое: мои эксперты чуть ли не по винтику разобрали вторую станцию над Орилоухом, ту самую резервную, которая была вскрыта неизвестно кем. Следов — никаких, если не считать таковыми полное отсутствие программ в бортовом компьютере. Такое впечатление, будто записи на ферроиглах стерты. Как это можно осуществить без нарушения структуры феррокристаллов, я не знаю. Эксперты тоже. Кроме того, обнаружена “звезда Ромашина”, что прямо указывает на присутствие на станции Наблюдателя. Второе: груз, предназначавшийся для экспедиции Вернигоры на Шемали, найден... — Тектуманидзе посмотрел прямо в раствор видеокамеры, глаза у него были красные, с припухшими веками, — на Шемали.

Томах невольно посмотрел на Богданова, но тот остался невозмутим.

— Да, на Шемали, — повторил Тектуманидзе, — но по оценкам экспертов груз пролежал на планете, в одной из пещер, около ста лет! Контейнеры не выдержали испытания временем и без подкачки энергии рассыпались в пыль, оборудование сохранилось, хотя и проржавело. Теперь думайте, у меня все. Полный отчет привезу дня через четыре.

Шалва слабо помахал рукой, вином свернулся в нить и угас, запись кончилась.

— Устал Шалва, — после непродолжительного молчания произнес Томах, хотя сказать хотел совсем другое.

— Заметно, — тихо согласился Богданов, тоже думая о другом. — Что будем делать? Временные прыжки грузов — это почти самих “зеркал”! Шалва еще не знает о находке груза на Земле. Может быть, и остальные пропажи скоро обнаружатся? Дадим ТФ-депешу на Историю, пусть поищут получше на планете. И везде один и тот же знак — “звезда”! Не только в дальнем космосе, но и на Земле! Понимаешь, чем это пахнет?

— Наблюдатель нас предупреждает, — пробормотал Томах. — Ты это хотел сказать? На кой ему это потребовалось? Не мог предупредить нас в открытую? Не хочет раскрывать координат своего дома? Чего ему бояться? И что означает его знак? Кто его ставил? Каким способом?

Богданов помолчал, наводя порядок на своем столе.

— Ты задаешь слишком много вопросов. Все наши загадки хорошо коррелируются между собой... кроме одной — смерти Василия. Не верю, что Наблюдателю была выгодна его смерть.

— Не торопись с выводами, — раздалось с порога.

Друзья оглянулись. Керри Йос задумчиво рассматривал их от двери. Подошел, неодобрительно покосился на стол Богданова, сел в ближайшее кресло.

— На одном из блоков “Умника”, с которым работал твой брат, тоже обнаружена “звезда Ромашина”. Правда, медэксперты твердо уверены в его естественной смерти; насколько я понял, у Василия резко возросло артериальное давление — следствие ускоренной работы мозга, с которым не справилась система магистральных артерий, и почему-то не сработала система пиальных артерий. Отек мозга развился за минуту...

У Богданова вспухли желваки и сузились глаза.

Керри посмотрел на него снизу вверх цепким взглядом, однако Богданов молчал.

— Над чем работал Василий, установить пока не удалось. “Умник” пытался “пошарить” в своей памяти, но едва не заработал синдром “общего склероза” — по выражению кибернетиков. А в режиме “один на один” из наших спецов никто с ним не работал и не умеет, да и рискованное это занятие. Вот и все новости. Будут еще, сообщу.

— Спасибо, — сказал Богданов.

— Чего уж... Ваши соображения о действиях Наблюдателя? Зачем ему забрасывать грузы в прошлое? О технической стороне дела я и не говорю, она поставила в тупик даже ученых-теоретиков, важно разобраться в психологии.

— Наблюдателю не нравится, что мы все чаще и уверенней вмешиваемся в жизнь нашего звездного региона, — предположил Томах. — Не могу только понять, почему.

— А я могу, — проговорил тихо Богданов. — Он хочет заставить нас почаще “оглядываться вперед”, пока человечество еще не вышло из возраста капризного ребенка, вопреки воле воспитателей делающего то, что делать не следует, а уже пытающегося диктовать свою волю. Вот Наблюдатель и предупреждает нас, что след капризного ребенка на клумбе с цветами — не лучшее, что он может оставить после себя.

— Просто, но образно. Не продолжай, мораль твоей тирады ясна даже мне, — с иронией обронил Тмах. — И все же я бы на вашем месте не торопился с гипотезами. Мне лично действия Наблюдателя непонятны. И повозиться с его следами нам еще предстоит немало.

— Я и не говорю, что проблема решима однозначно. Видимо, придется просить помощи у пограничников, оперативных групп в отделе не хватает. Я попробую просуммировать новые данные

и дам их машинам типа “Умника” для анализа и поиска аналогий, а Слава займется поиском сведений по планетам Системы. Землю тоже перетряхнуть не мешало бы, надо обратиться в Институт истории Земли, в Академию наук — пусть помогут найти “звезды” и “зеркала” в документах архивов.

— Сделаю, — вздохнул Томах. — Что-то у меня после ваших обобщений фантазия разыгралась. Кажется, будто и за мной лично кто-то установил наблюдение.

— Кому ты нужен... — проворчал Керри Йос.

ГЛАВА 7

Совещание Совета Безопасности

Они стояли на террасе, нависающей над морем. Внизу метрах в десяти грохотал прибой, и брызги порой залетали на террасу, заставляя людей отворачиваться.

— Резерва у меня нет, — сказал Керри Йос, запахивая куртку. — Вы же знаете, почти все линейные отделы до сих пор заняты ликвидацией последствий аварии на космотроне, а пограничники сейчас рыщут в приграничных зонах в поисках следов Наблюдателя. К тому же ВКС наконец определил сроки строительства зоны солнечных конденсаторов на орбите Меркурия. Строительство начнется в середине января, и спасателям хватит возни на долгие годы. Так что придется обходиться силами отдела. Тревогу по Управлению давать преждевременно. Нет причин... пока.

— Плохо, — сказал Богданов. Порыв ветра принес соленую водяную пыль и рассеял по террасе, которая сразу стала скользкой и мокрой, как после дождя.

Из-за плотной стены кустарника, отгородившей террасу от комплекса зданий грузового таймфага, слышалось рычание транспортных платформ, лязг металла, гулы и свисты механизмов, обслуживающих таймфаг. Кусты шевельнулись, и на площадку вышел невысокий, худощавый, загорелый до медного свечения Януш Микульский, безопасник из отделения Томаха.

— Нас ждут, — сказал он коротко, попятившись от очередной порции брызг. Океан разыгрался не на шутку, по нему неслись низкие хмурые облака, сливаясь в одну сплошную черно-серую пелену.

— Смилуйся, государыня рыбка! — взвыл вдруг не своим голосом Томах, протянув руки к океану. — Пуще прежнего старуха вздурилась, не дает старику мне резерва...

— Что это с тобой? — осведомился Керри Йос неприятным голосом.

— Это не с ним,— улыбнулся Богданов.— Это Пушкин, “Сказка о рыбаке и рыбке”.

Начальник отдела несколько мгновений смотрел на Станислава, потом, не оглядываясь, пошел на звуки напряженной человеческой деятельности, исчез за кустами.

— Нашел когда шутить,— укоризненно сказал Богданов.— “Старик”.

— Ничего не сказала рыбка, лишь хвостом по воде плеснула... Виноват я, что ли, что Пушкин не учел его настроения?

Станция таймфага чем-то напоминала крупный аэропорт столетней давности. Собственно, она и сама была портом — в том смысле, что служила людям узлом коммуникаций, промежуточным звеном в колоссальной системе транспортных линий, достигших многих десятков звезд и более двух сотен больших и малых планет.

Здание таймфага представляло собой половину шара, опирающуюся на землю и торцом смотревшую в небо. В нижней части полушария было отверстие для приема транспорта любого типа, широкий пандус позволял доставить к стартовой камере любые грузы, вплоть до десантных модулей и коггов. Отверстие и пандус были забраны решеткой защиты, а все полушарие станции охватывала сложная паутина силовых отражателей, гасящих ударную волну при неудачных пусках. Диаметр торца полушария достигал километра, высота станции превышала четыреста метров.

Рядом с основным зданием располагался куб энергостанции, два купола технических служб и управления, параллелепипеды складов, невысокий косой парус пассажирской линии таймфага и сотканный из световой вуали канал орбитального лифта, по которому грузы с приземельских заводов доставлялись из космоса на Землю к таймфагу. Во избежание столкновений с транспортными трассами атмосферы канал лифта делался видимым даже днем, и он вонзался в небо исполинским копьём, похожий издали на след стартовавшего древнего звездолета, как его рисовали старинные художники.

К комплексу примыкала взлетно-посадочная полоса для крупнотоннажного воздушного транспорта и дирижаблей, и две эстакады наземного транспорта — для магнитных поездов и автопоездов на воздушной подушке. По одной из них медленно уходила в сопки цепочка магнитных платформ, нагруженных веселыми желтыми кубиками продовольственных контейнеров.

Над полушарием таймфага и возле всех его построек висели и перемещались десятки гравикранов с трубами, цистернами, штабелями ящиков, контейнеров и деталями всевозможных конфигураций.

Керри Йос вслед за Микульским направился ко входу в основное здание. Вид у него был озабоченный, лицо невеселое.

В ангаре стартовой камеры, могущем вместить Исаакиевский собор, бесшумные гравикраны хлопотали над очередной "посылкой", устанавливая контейнеры на отполированный до синевы диск передающей антенны.

Богданов впервые наблюдал за работой крупного грузового таймфага, поэтому с любопытством осматривался по сторонам, разглядывая странные многовитковые спирали из белого металла, усеивающие раструб ангара, колоссальную решетку потолка, в ячейках которого прятались выпуклые щиты, похожие на чьи-то внимательные глаза. Он обратил внимание, что людей в ангаре почти нет, только возле черного штыря в центре диска ковырялись с приборами двое парней в форме инженерно-технической службы ТФ-связи да у многоэтажных контейнеров стояла группа людей, явно не принадлежавших к персоналу станции.

Здесь были руководитель СЭКОНа Иван Морозов, начальник технического сектора УАСС Кими Озава, раскосостью глаз похожий на Дикушина, Станислав Томах, двое инженеров и директор таймырской станции таймфага Илона Велиава, высокая, строгая блондинка с водопадом золотых волос.

— Все готово, — сказал один из инженеров. — Аппаратура по всей трассе функционирует нормально, можно приступать.

— Пойдемте в бункер управления, — предложила Велиава. — Груз проверен, техники заканчивают контроль систем.

— А можно откуда-нибудь изнутри камеры понаблюдать за пуском? — спросил Морозов.

Велиава в сомнении подняла тонкую бровь.

— Разве что в перископы, да только ничего вы не увидите. Никаких световых и прочих видимых эффектов при ТФ-запуске в камере не возникает.

— Тогда ведите в свой бункер.

— Кто проверял груз? — спросил Керри Йос.

— Я, — ответил Томах, — и смена техников, конечно. Все в порядке, груз точно такой же, что и не дошедший до Садальме-лека.

Все вышли в хмурый октябрьский день Таймыра, под начавший накрапывать дождь.

— Нельзя было обойтись без дождя? — буркнул Томах.

— Это не мы, — виновато проговорила Велиава, обернувшись на его голос. — Северный гидрометцентр предупреждал еще утром, что Таймыр попадет в зону штормовой отдушины.

— Ты что? — шепнул Богданов на ухо другу. — Форму потерял?

— Меня все раздражает, — буркнул Томах. — Кажется, что мы что-то упустили из виду, какую-то важную деталь. Не аукнулось бы нам другим манером, ведь вслепую играем... неизве-

стно с кем. Но уж то, что этот “кто-то” не слабее нас, это наверняка.

— Ну-ну, не паникуй. Эксперимент нужен, ты сам прекрасно понимаешь. Не пройдет груз на Историю, значит будем думать, пройдет — все твои страхи напрасны.

— Ой ли? Больно категоричен ты в своих суждениях сегодня, на себя не похож. Посмотрим. Есть такая интересная штука — интуиция, так вот она мне шепнула по секрету, что груз пройдет нормально, однако тревогу с души не сняла.

Богданов мельком посмотрел на угрюмо-спокойное лицо Томаха и шагнул в дверь, открывшуюся в малом куполе.

Зал управления таймфагом представлял собой изнутри стандартный куб со встроенным в стену пультом и радужой экранов над ним. Видимо, он давно не подвергался капитальному ремонту, потому что здесь стояли не виомы, а старые плоско-мозаичные световые экраны, создающие слабый стереоэффект.

— Располагайтесь.— Велиава радушно указала гостям на кресла, принесенные скорее всего заранее.

— Все рассчитали?— еще раз спросил Морозов.— Не хотелось бы неприятных сюрпризов.

— Предусмотрели все, что может предусмотреть современная наука прогноза,— неожиданным басом отозвался Кими Озава.

Морозов неопределенно покачал головой.

— Верю, но... лучше десять раз проверить, чем один ошибиться.

— Кредо теоретика,— сказал Богданов задумчиво.

— Что?

— Кредо теоретика: семь раз отмерь, один раз отрежь. Есть еще кредо экспериментатора: семь раз отмерь, семь раз отрежь, и кредо практика: один раз отмерь, семь раз отрежь.

Все присутствующие в зале засмеялись. Морозов тоже улыбнулся, хотя было заметно, что смеяться он не умеет.

— Поехали, что ли?— буркнул Керри Йос, переждав смех.— Корреспонденты на Истории готовы?

— Еще вчера,— подтвердил диспетчер станции.

— Системы контроля?

— Готовы.— Это уже Кими Озава, общавшийся с работниками своего ведомства посредством рации.

— Старт!

Илона Велиава, оглянувшись на “высокое начальство”, сделала три быстрых переключения на пульте, рывкнул гудок, и белый диск над пультом загорелся дрожащим зеленым светом.

По залу прошло движение.

— Груз прошел,— доложил диспетчер.— Потери в норме, поле по глубине струны ниже интервала трансляции...

— Спасибо, Ник,— прервала его Велиава.— Груз прошел нормально, джентльмены.

Морозов встал.

— Я ждал этого. Спасибо и вам, Илона. Надеюсь, своим экспериментом мы не очень выбили вас из графика?

— Какие могут быть претензии?— развела руками Велиава.— Наверстаем. Я понимаю, что безопасность УАСС не экспериментирует зря.

— Вот это уж точно! До свиданья.

Они вышли из зала. Дождь лил вовсю.

— В пятнадцать ноль-ноль совещание,— напомнил Морозов.— У вас есть ко мне вопросы? Соображения относительно сегодняшнего запуска?

— Нет,— сказал Керри Йос, поднимая воротник куртки.— Соображения еще надо обдумать.

Морозов кивнул и удалился к пассажирской камере таймфага в сопровождении Озава и его инженеров.

— Ну и что теперь?— спросил Керри Йос, глядя ему вслед.

— Будем продолжать работу.— Богданов остался спокоен.— Искать. Грузы почти такого же назначения не проходили еще к Шемали и к планетам Суинберна. Проведем экспериментальные запуски, убедимся, что эффект исчезновения не повторяется.

— Действуйте. Я в отдел, понадобится — найдете. Людей дам, но не больше группы.

Керри, пряча лицо в воротник куртки от колючего дождя, пошел к парусу таймфага.

— Я на базу,— сказал Томах.— Мои мальчики заканчивают работу по каналу поиска особой срочности. Система дорогая, зато отдача великолепная. А главное — не надо ждать недели и месяцы на поиск документов в архивах.

— Будут новости — сообщи. Кстати, заметил? У Морозова те же выводы, что и у тебя. Он сказал, что ожидал благополучного исхода с запуском груза на Историю.

Томах отвернулся и глухо ответил:

— Значит, и у него развита интуиция. Ну, потопали, а то промокнем насквозь, мне такой климат не по нутру.

Издали здание центра Управления аварийно-спасательной службы напоминало подсвеченную изнутри кристаллическую глыбу аквамарина. Однако, подлетая ближе, Филипп все меньше находил сходства здания с кристаллом, пока наконец оно не выросло в исполинский горный хребет, сверкающий на гранях холодным голубым огнем.

Километра три в длину, прикинул Филипп, и метров шестьсот в высоту! Что ж, объемы центров организации, ответственной за

безопасность и нормальную работу цивилизации, должны соответствовать и размаху ее деятельности...

А уже в полукилометре от здания Филипп понял, что оно не сплошное, а состоит из тысяч модульных блоков, соединенных хитроумным способом в ажурную конструкцию, напоминающую атомную решетку какого-то минерала. В следующее мгновение из дна чаши, венчающей "отросток минерала", метнулась ввысь гибкая лапа, подхватила пинасс и втянула в глубину здания.

— Приехали, — сказал Томах, первым выпрыгивая из кабины на пол эллинга. Вслед за ним вылез Богданов, потом Филипп.

Следуя указателям, они нашли нужный лифт и через минуту стремительного падения сквозь сплетение лифтовых линий центра стояли перед входом в зал совещаний, откуда в коридор доносился странный рокошующий гул.

Филипп вошел и остановился. Стен и потолка в зале не было. Амфитеатр с рядами кресел нависал над грохочущим двойным водопадом, левая часть которого, шириной около трехсот метров, была гораздо выше правой — километровой подковы, полускрытой под громадным облаком водяной пыли.

Ниагара! — догадался Филипп. Красиво, надо признаться!

— Пошли, пошли, не останавливайся на пороге, — потянул его за рукав Томах. — В первый раз, что ли?

Усевшись, Филипп принялся рассматривать водопад с высоты птичьего полета, созданной иллюзией хорошо настроенного видеопласта. Однако насладиться зрелищем в полной мере не успел: сначала кто-то выключил звуковое сопровождение, предупреждая собравшихся, а затем исчез и водопад. Зал замкнулся золотистыми стенами со множеством ниш, решеток и круглых щитов.

Трибуны в зале не было: по желанию каждый выступавший включал на подлокотнике своего кресла систему спик-визора, а автоматика воспроизводила его объемное изображение в нижнем круге амфитеатра, откуда он был виден всем.

Совещание начал генеральный директор Совета безопасности ВКС и он же директор УАСС Норман Спенсер, громадный, темнотлицый, с гривой седых волос, скрывающих уши и лоб. Он вкратце коснулся проблем, стоящих перед аварийно-спасательной службой, привел статистику аварий и катастроф по Земле и зоне космоса, осваиваемой землянами. Самой крупной из них была катастрофа на космическом ускорителе, в результате которой погибло сорок семь человек, и громадная область Солнечной системы между орбитами Земли и Марса оказалась загрязненной радиоактивным газом.

Затем очень кратко ответственные руководители служб и секторов доложили о результатах своей работы, принимаемых ме-

рах и методах контроля за безопасностью человеческих коллективов.

Предпоследним выступал Дикушин. Руководитель первого сектора был явно озабочен, потому что обычная его бесстрастная насмешливость переросла в язвительность.

— С космотроном все ясно, — сказал он. — Это образец человеческого “авось”, когда зло, содеянное предками, отражается на потомках, но самое обидное — оно создано нами против нас же! Расчистка зараженной зоны продвигается успешно, а также принимаются меры по розыску подобных “сюрпризов” во всех уголках Системы и за ее пределами.

— Однако патрульная служба проморгала-таки ракетносец? — сказал кто-то в зале.

— Самое интересное, что его обнаружили, — отрезал Дикушин. — Но сочли за автомат, какими полно пространство Системы. Так что в дополнение к сказанному необходимо провести еще и чистку пространства от громадного количества отслужившей свой век техники. Но мы отвлеклись.

Не секрет, что с января следующего года Управление строительством планетарных сооружений, Центроземстрой, планирует начать строительство ЗСК — зоны солнечных конденсаторов в орбитальном поясе Меркурия. Дело чрезвычайно нужное, ибо человечество, как никогда, нуждается в энергии: пояса надземных гелиоэлектростанций уже на пределе возможностей, а мы еще далеко не завершили освоение Системы, да и другие миры ждут своих исследователей. Однако требуется специальная система мер по предотвращению несчастных случаев, а не простое указание отдела прогнозирования: “Усильте контроль”. Масштабы новой работы грандиозны, а мы только люди, способные ошибаться, да еще как ошибаться!

И последнее. В связи с открытием формулы Ромашина Академия наук и Земплан предполагают в ближайшее время провести эксперимент так называемого “галактического просвещения”, а точкой эксперимента выбрана Феба, спутник Сатурна. Так вот, я категорически против Фебы! Да и вообще любой другой планеты Системы! Эксперимент сложен, опасен, и проводить его надо в глубоком космосе.

— В чем суть эксперимента? — раздался голос.

Дикушин, собравшийся было сесть, задержался и посмотрел на Спенсера.

— Поясни, — коротко сказал тот.

— Пусть лучше это сделает Хейдо, — буркнул Дикушин. — Это его епархия.

Спенсер повернулся к председателю Технического Совета.

— Как известно, — начал Уессон, включая свой спик-визор, — современной космологией до сих пор не решена проблема “инф-

ляционной эры" в эволюции нашей Вселенной, связанная с проблемой Большого Взрыва, породившего космос. Назрела необходимость проверки некоторых оригинальных гипотез, что даст возможность ученым уточнить космологическую модель Вселенной и приступить к практической реализации новейших теорий. Это первая предпосылка эксперимента. Кроме нее, есть еще несколько: проблема топологии черных дыр, эффекты общей теории поля, поиск реликтовых "кварковых мешков" и монополей, измерение кривизны пространства. Или, скажем, такая практическая вещь: область космоса, контролируемая нами, постепенно расширяется, и для безопасной прокладки ТФ-трасс необходимо знать точное расположение тяготеющих масс в этой области. Кроме этого, эксперимент позволит решить физикам проблему пресловутого "телекинеза", вернее, "психокинеза", то есть возможность управлять ТФ-перемещением с помощью мысленного приказа. Как видите, диапазон вопросов, которые сможет разрешить эксперимент "просвечивания", достаточно серьезен, хотя я не назвал всего. Сам же эксперимент состоит в возбуждении галактического ТФ-поля посредством ТФ-взрыва. Ударная ТФ-волна практически мгновенно obeжит Галактику, отразится от всех тяготеющих масс: звезд, туманностей, черных дыр, "кварковых мешков" — и даст полную картину их гравитационного взаимодействия. Вот и все.

— Спасибо, — сказал Спенсер. — Настолько просто и доходчиво, что не впечатляет. Следовательно, ученые предлагают провести ТФ-взрыв на спутнике Сатурна? Есть уже расчеты взрыва?

— Количественных нет, — сказал Дикущин. — Мы дали задание Институту ТФ-связи рассчитать параметры взрыва, но качественные характеристики известны уже сейчас.

Спенсер помолчал.

— Хорошо, отложим обсуждение этого вопроса до выяснения полного объема данных по эксперименту. Остался последний вопрос, самый непростой. Это операция "Наблюдатель". Говорите, Керри.

Перед амфитеатром появилось увеличенное изображение Керри Йоса.

— Все уже в курсе, поэтому начинать "аб ово" не буду, — начал сосредоточенный руководитель отдела безопасности. — Сообщаю факты, только факты, ничего, кроме фактов.

Несмотря на ироничный подтекст речи, в зале никто не улыбнулся, Филипп отметил это без удивления.

— Трижды с мая месяца этого года и четырежды за всю историю таймфага грузы, посланные с Земли на планеты других звезд, не доходили до адресата. Один из пропавших грузов, направленный в систему Садалмелеска, на Историю, обнаружен

недавно на Земле, второй — в систему Шемали, найден там же, я имею в виду Шемали, но оба груза оказались заброшены во времени на двадцать и сто лет назад.

Керри Йос помолчал, но не для эффекта — в зале и так было тихо, а просто давал время поразмыслить над сообщением.

— Все грузы — оборудование терраформистов, машины для активного воздействия на планетографию, отметьте это. Второе: уже шесть раз косморазведка и большие экспедиции, контролируемые погранслужбой, встречаются с так называемыми “зеркальными перевертышами”. По мнению специалистов, “зеркала” — устройства для сбора информации, вернее, своеобразные видеокамеры, передающие запись деятельности людей... куда — неизвестно. “Зеркала” трижды замечали на Марсе — полвека назад, во время перераспределения горных хребтов, и четырежды на Земле — два и полтора века назад. Данные проверены архивно и не подлежат сомнению.

Третье: над Орилоухом вскрыта резервная станция, законсервированная, работающая в холостом режиме. С точки зрения сегодняшних рубежей науки и техники мы, люди, делать этого еще не умеем. А три дня назад, предположительно во время расчета глубокого прогноза направленности действия и последствий деятельности Наблюдателя, погиб эфналитик отдела безопасности Василий Богданов. Расследование обстоятельств его внезапной смерти, которое только что закончилось, показало, что смерть наступила в результате крайне маловероятного стечения обстоятельств, что уже само по себе предполагает наличие вмешательства разумной и... злой силы. С какой целью — мы начинаем догадываться. Нас таким образом предупредили, чтобы мы задумались над последствиями своей звездной экспансии. Кому-то хочется, чтобы космос остался таким, каков он есть, чтобы он служил не только нам, но и тем, кто придет после нас.

Керри Йос помолчал. Кто-то кашлянул, и снова в зале повисла тишина.

— Четвертое, — продолжал начальник отдела. — Мы провели экспериментальные запуски тех же грузов, что планировались раньше, на те же станции, куда раньше эти грузы не прибыли. Все запуски прошли благополучно, но!.. Двое суток назад с Истории, Шемали и планет гаммы Суинберна пришли сообщения: снова появились “зеркальные перевертыши”! Это прямое подтверждение наших догадок. И последнее: на Землю вернулся дальний галактический разведчик “Хевсур”, исследовавший звезду Ригель, бету Ориона: шестьсот световых лет, предел наших автоматических экспедиций. На его борту случайно обнаружен странный знак, вот такой. — Керри повозился, и перед аудиторией появилось увеличенное изображение “звезды Ромашина”, невозмутимо играющей цветовую гамму спектра.

— Диаметр “звезды” двадцать микрон, материал оболочки корабля — перестроенный бериллий — в месте ее появления не нарушен, но зато изменены характеристики защитного поля в этой точке. Но и это осталось бы достоянием экспертов и ученых, если бы не одно обстоятельство: такие же знаки обнаружены уже на трех разведчиках первого класса, ведущих разведку на дальностях порядка двухсот парсеков, а также на станции над Орилоухом, на промежуточных ТФ-ретрансляторах трасс к Шемали, Истории и Суинберну и... на Земле.

Керри сел и выключил спик-визор.

Некоторое время в зале никто не двигался. Потом раздался голос Спенсера:

— Факты впечатляют. Итак, ваш вывод?

— Вывод достаточно прост и тревожен, — пробормотал Морозов, появляясь перед собранием. — Хотя начальник отдела безопасности занимает в этом вопросе слишком благодушную позицию, как мне кажется. Тот факт, что нами заинтересовалась цивилизация высшего типа, должен заставить нас пересмотреть принципы “звездной экспансии” и серьезно заняться экоэтикой. Правда, некоторые намеки Наблюдателя слишком прозрачны, как, например, “кража” грузов. На предупреждение это похоже мало.

— Только на первый взгляд, — возразил Керри Йос. — Я отнюдь не благодушен и недаром обращаю ваше внимание на характер исчезнувших, вернее, закольцованных во времени грузов. Дело, вероятно, в том, что История, Шемали, планеты Суинберна — прекрасные планеты, словно специально созданные для созерцания, получения эстетического наслаждения. А мы туда взрывную технику, оборудование терраформистов для перемещения горных хребтов и морей! Представьте, в наш земной музей, скажем, в Эрмитаж, придет некто и начнет передвигать стены, сдвигать картины, вешать их вверх ногами, класть скульптуры набок! Только потому, что ему так удобнее смотреть или, скажем, отправлять естественные надобности!

— Вы считаете, что для указанных планет мы уподобляемся этому варвару? — спросил кто-то в зале, не уловив иронии в словах Керри.

— Вы хорошо улавливаете суть дела, — сухо ответил Йос, вызвав сдержанные улыбки.

— Но Шемали, — не унимался оппонент, — выпадает из этого списка. Неужели вы считаете, что черные пейзажи Шемали вызывают чувство эстетического наслаждения? По-моему, черный цвет угнетает, а не радует.

— А почему вы считаете, что мы, люди, единственные ценители прекрасного в Галактике?

Богданов дважды бесшумно хлопнул в ладоши.

— Браво, Керри!

— Да, предположение хорошо коррелируется с приведенными фактами, хотя сравнение рода людского с варваром... — Спенсер покачал головой, — с варваром, не ценящим красоту, мне не нравится. Что касается внутренних проблем нашей цивилизации, то их хватает, и некоторые из них тоже вполне могут тревожить нашего гипотетического Наблюдателя.

— Но кое-кто в ВКС склонен полагать, что мы преувеличиваем, — сказал Морозов.

— Знаю. — Спенсер нахмурился. — Однако считаю, что применять экстренные меры рано, несмотря на приведенные примеры. Прямой угрозы человечеству, к счастью, нет, а то, что нами интересуется другая цивилизация, более зрелая, факт скорее огромного научного значения, чем защитно-прикладного. Просто погранслужба и служба безопасности — простите за тривиальное напоминание — обязаны реагировать на любую, даже прогнозируемую в далеком будущем опасность, и здесь никто не снимет с нас ответственности, если мы не подстрахуем друг друга.

— И все же следует высказать в Совете наше отношение к происходящему. До сих пор человечество осваивало пространство экстенсивно: мы овладели уровнем энергопотребления в масштабе планеты, подбираемся к уровню энергопотребления в масштабе звезды, предполагается, что в дальнейшем овладеем энергией соседних звезд и так далее. Но ведь из опыта прошлого мы знаем, что экстенсивное развитие неизбежно ведет к появлению кризисных ситуаций, ибо потом приходится прибегать к разного рода регулирующим факторам, как, например, восстановление природных ресурсов или уничтожение загрязнения среды.

Космическая экспансия человечества требует все более значительного усиления управляющих и регулирующих воздействий на общественную систему, что мы ощущаем уже сейчас. До сих пор мы справлялись, но в масштабе одной планеты. А когда будут сотни, тысячи планет?! Не пора ли приостановиться? И попытаться найти выход на принципиально ином пути, нежели арифметическое освоение безграничных пространств? Перейти на интенсивное использование космоса?

Морозов умолк.

— Мы несколько отвлеклись от темы, — сухо сказал Спенсер. — Возможно, ВКС наконец отреагирует на предложения отдела дальнего координирующего прогноза СЭКОНа. Нас же сейчас интересуют проблемы не столь глобальные, хотя и не менее важные. Считаю, что вопрос: чем мы заинтересовали Наблюдателя? — отстает открытым. До тех пор, пока не появятся

прямые доказательства обратного. Каковы принимаемые отделом безопасности меры?

Керри Йос посмотрел на Морозова, тот кивнул.

— Меры приняты следующие,— сообщил начальник отдела.— Во-первых, применен сигнал “Экстра” по информационному поиску, что сократило время поиска нужных данных вдесятеро против обычных методов. Во-вторых, группы экспертов и работников отдела заняты исследованиями “зеркальных перевертышей”, “звезд Ромашина” и расчетом вероятного вектора вмешательства Наблюдателя, если, конечно, он намерен вмешаться. В ближайшем будущем начнем на местах анализ причин появления “зеркал” и звездных знаков, исследование посещенных разведчиками планет. В дальнейшем предполагается обработка результатов анализа на “Умниках” — больших универсальных вычислительных комплексах Института внеземных Культур. В качестве крайней меры...— Керри Йос исподлобья оглядел зал.— В качестве крайней меры — тревога по форме “общий шторм”.

Станислав, Филипп и Богданов переглянулись.

Потом Богданов продемонстрировал всем видеофильмы: первый — снятый на Шемали, когда изучались “зеркальные перевертыши”, второй — станция над Орилоухом, посещенная неведомым Наблюдателем, и третий — следы, оставленные Наблюдателем на обшивке разведкораблей, на контейнерах и на станциях ТФ-связи: странные знаки в виде мигающей звезды.

После совещания Филипп возвращался до ближайшего таймфага вместе с Томахом и Богдановым. По тихим коридорам центра УАСС, потом по липовой роще шли молча, погруженные каждый в свои думы; воспользоваться таймфагом центра никто не догадался.

Под ногами шуршали сухие листья, вокруг полыхал пожар золотой осени, деревья постепенно обнажали головы перед приходом Ее Величества Зимы... Филипп по-своему любил осень, то красивую и грустно-величественную, в золотом и багряном убранстве, то дождливую и сырую, как капризный ребенок, — когда у метеопатруля случались непредвиденные накладки в разработке погоды, но в этот раз ему было не до красот природы, он размышлял о той великой, повседневной, будничной работе Управления аварийно-спасательной службы, которая, как щитом, закрыла огромное тело человечества, чтобы оно не оступалось, не ранилось, не получало тяжелых ударов извне и изнутри и не забывало ошибок прошлого и настоящего на своем долгом пути в будущее...

Уже у сине-белого паруса таймфага, над которым горели видимые даже днем буквы “ТФ”, Филипп спросил:

— Разве Спенсер не знает о принимаемых вами мерах? Почему он задал этот вопрос на совещании?

— Знает, конечно,— ответил Томах.— Но не знают другие начальники секторов и отделов.

— А почему ты потащил на совещание меня? Разве я уже состою в руководстве отдела?

— Пока нет, но первый шаг ты уже сделал.

— Когда же?— удивился Филипп.

— Когда взорвал СПАС-семь.

— А если серьезно?

— Я тебе уже говорил: через месяц, может быть, два, мы отправимся в новую экспедицию, туда, где работают пока одни пограничники и разведчики. Это и станет твоей проверкой, полной, от физики тела до психики и интеллекта. Правда, физику ты имеешь неплохую, даже эффектную, что весьма неплохо действует на некоторых женщин.

— В наше время видимость мускулатуры не может служить критерием силы,— сказал задумчиво-рассеянный Богданов.— Некоторые юноши выращивают мускулы с помощью биотрансляции за два дня. Модно.

Филипп усмехнулся, заметив изучающий прищур его глаз. У Станислава мелькнули в глазах веселые искорки.

— Ну, лично я в него верю, драться он умеет. Тебя еще что-то смущает, старик?

Филипп замялся, потом глухо проговорил:

— Как я понял, рано или поздно придется оставить большой волейбол?

— У тебя появятся другие тренировки, ты ведь будешь работать в оперативной группе, а там нужна не только умная голова, но и сильное, хорошо тренированное тело, и мгновенная реакция, и много того, о чем ты еще не догадываешься.

— Значит, терять-таки придется...

Томах покашлял, вместо него ответил Богданов:

— Эта боль в груди почти у каждого из нас. Может быть, ты не знаешь, но Слава, например, был мастером спорта по регби, наш начальник отдела имел в двадцать пять черный пояс по тайбо, руководитель СЭКОНа Морозов — экс-чемпион Земли по стрельбе из пистолета. Продолжать?

— Не надо,— пробормотал Филипп.— Мне-то...— он хотел сказать: "Мне-то от этого не легче",— но передумал.

Они постояли у входа в таймфаг еще несколько минут, словно не решаясь расстаться. Затем Богданов молча пожал им руки, собираясь уходить, и тут Томах сказал:

— Знаете, у меня мелькнула странная мысль...

Богданов остановился на полушаге, обернулся.

— Странная, ей-богу, мысль... Не заинтересовалась ли нами,

человечеством в целом, организация типа нашей спасательной службы? Так сказать, УАСС Галактики? А то и всего Космоса?

— Ого, ну и масштабы!— усмехнулся Никита.— От чего же нас, то бишь человечество, надо спасать?

— Ну, мало ли... хотя бы не спасать, а провести профилактику или, скажем, лечение от равнодушия. Разве не проявляются у нас рецидивы этой болезни? Вплоть до настоящего времени?

— Опять твоя пресловутая теория равнодушия! Когда-нибудь тебя за нее хорошенько вздуют теоретики-социологи.

— Так разве я виноват, что прав?— обиделся Томах.

— Прав?— Богданов улыбнулся с грустью.— К сожалению, прав. Тут я с тобой согласен. Ну, до связи.

Он ушел.

— Истина ничуть не страдает от того, что ее не признают,— пробормотал Томах старинное изречение.— Ты к себе, в Басово?

— Скорее всего к... в общем, не домой.

— Тогда до связи, безопасник. В понедельник в восемь утра ко мне: комната сто три.

Филипп кивнул, вскинул вверх кулак, и они разошлись по кабинам.

ГЛАВА 8

Будни

Филипп снял эмкан, выключил информсопровождение и потянулся в кресле всем телом. Завтра Слава устроит разнос, подумал он, за неурочные занятия. Я бы и рад заняться чем-нибудь другим, если бы знал, чем...

В коридоре было темно и тихо. Лишь иногда по потолку пробегал ручей бледного света — какой-то из роботов обслуживания здания проверял неведомо какие цепи.

Он закрыл кабинет и покинул здание североамериканского филиала Управления, погруженное в темноту: оперативные отделы и диспетчерские пункты работали круглосуточно.

Через полчаса вышел на второй ТФ-станции Москвы.

Здесь был полдень, солнечный и тихий. Людей на улицах и у таймфага было мало, и Филиппу вдруг страшно захотелось в конструкторское бюро, за комбайн. Не раздумывая, он шагнул обратно и вскоре вышел из кабины таймфага Института ТФ-свя-зи.

В свою лабораторию с номером три вошел робко, словно проситель по личному делу, и вздохнул с облегчением: она была пуста. Он не сразу заметил перемены в комнате, потом понял и грустно улыбнулся. В комнате вместо трех комбайнов стояло четыре, а над экраном ближайшего к выходу мыслепроектора, с

которым он работал, висело его стереофото. Филипп на нем о чем-то ожесточенно размышлял: брови сдвинуты, вертикальная морщина прорезала лоб, губы упрямо сжаты. Чья же это фотография? Лии? Кирилла?

Вздохнув, он сел в свое старое кресло и долго сидел, не шевелясь, вспоминая тех, с кем пришлось работать, и какие проблемы решать, и как все было просто, хорошо и спокойно. Да, именно просто! Он был уверен в завтрашнем дне, уверен в себе, в значимости задач, которые стоили долгих вечеров, а иногда и нервных перегрузок. А что теперь? Уверен он в себе, как прежде? Спокоен? И можно ли вернуться, не вспоминая того, что он уже постиг в отделе безопасности УАСС? Не думая о замечательных ребятах, жизнь которых подчинена неслышному другим ритму частых тревог, заканчивающихся схватками со стихией или с последствиями веками творившихся преступлений прежних эпох? Правильно ли он решил? И решил ли?

Сзади раздался шорох, Филипп вздрогнул, оглянулся. В комнату вошел руководитель бюро Кирилл Травицкий.

Несколько секунд они рассматривали друг друга, потом Филипп выбрался из кресла, неловко побормотал:

— Здравствуйте...

— Привет,— кивнул Травицкий, шевеля выгоревшими бровями.— Тянет?

— Тянет,— помедлив, признался Филипп. Ему показалось, что Травицкий сейчас поймет, что у него на душе, и начнет читать наставления: “Я же говорил... надо было крепко подумать...”

— Если хочешь, приходи сюда, когда вздумается.— Травицкий погладил подбородок.— Только у меня к тебе один вопрос... Не обижайся, Филипп, но все ли ты взвесил, прежде чем перейти в УАСС? Понимаешь меня? Отвечает ли работа в аварийно-спасательной службе твоим возможностям?

Все-таки я становлюсь неплохим психологом, подумал Филипп, он спросил о том, чего я боялся...

— Не знаю,— сказал конструктор наконец.— Не знаю, но мне кажется, вопрос надо ставить так: отвечаю ли я требованиям службы. Мой друг, а теперь непосредственный начальник, — я хотел сказать, — я работаю в его отделе, — говорил, что спасателям нужна не только умная голова, но и сильное тело. Понимаете? Не наоборот... ну как бы вам это объяснить... работа в Управлении требует в основном умов, и там их достаточно...:

— Избыток, так сказать,— серьезно вставил Травицкий.

Филипп сбился с мысли и замолчал.

— В общем, мне интересно...

Травицкий в грустном недоумении вздернул бровь.

— Вернее, не то, чтобы интересно,— заторопился Филипп,

начиная злиться, — а... как бы сказать... ритм работы безопасника не оставляет времени на самокопание... и ненужный самоанализ... — Филипп запутался окончательно, уже не представляя, что хотел сказать. Но Травицкий не стал иронизировать.

— Странное дело, — сказал он с удивлением, собрав морщины на лбу. — Умные, безусловно одаренные люди идут работать туда, где их талант почти не используется! Где нужна прежде всего не ясная голова, а крепкие ноги и бицепсы, “талант” мгновенно нажимать нужные кнопки, быстро бегать и высоко прыгать! Физика тела!.. Почему?

— Неправда, — возразил хмурый Филипп. — Может быть, я не умею объяснять, но там ясная голова нужна еще больше, чем физика тела. Просто спасатель, а тем более безопасник, обязан быть сильным физически, потому что в некоторых случаях приходится спасать людей без техники и кнопок, надеясь только на свою силу и ловкость.

Травицкий не расслышал, словно говорил сам с собой.

— И был бы это единичный случай, тогда бы я понял, страсти молодости часто неуправляемы и решения импульсивны. Но кроме тебя я знаю других, ушедших в УАСС: Керри Йоса, Тектуманидзе, Василия и Никиту Богдановых... Не понимаю...

— Керри Йос? — удивился в свою очередь Филипп. — Керри пришел в Управление? Откуда?

— Ты не знал? — очнулся Травицкий и снова погрузился. — Керри Йос в двадцать восемь лет защитил степень магистра планетологии, он был одним из крупнейших вулканологов Системы, а теперь — всего лишь начальник отдела безопасности.

— А Богданов?

— Никита — психосоциолог, а его брат был ксенотехнологом. Эфаналитиком он стал уже в Управлении. Страшное слово — был! Почему он умер? Какую сверхважную задачу решал, перейдя предел выносимости? А ведь он мог стать ученым с мировым именем и обогатить науку крупными исследованиями! Стоило рисковать жизнью ради сомнительных расчетов вариантов будущего? Разве место ученому... — Травицкий увидел лицо Филиппа и замолчал.

— Не знаю, жалел ли Богданов о своем решении стать безопасником-спасателем, — проговорил тот с трудом, — но, к сожалению, формула морали, которая входит в нашу кровь с детства: в мире нет чужой боли! — для спасателя ощутима материально. Вдвойне! Втройне! Потому что, видя чужую беду, он забывает о своей боли, и для него нет и не может быть иного выбора! Поэтому и эфаналитик, рассчитывающий пути безопасного развития общества или отдельных коллективов, как Богданов и многие другие, тоже спасатель, а его идеи — интеллектуальный резерв человечества в целом! И на этом пути нужны блестящие умы,

иначе простая “физика тела” может наломать таких дров!...— Филипп задохнулся и умолк.

Начальник бюро знакомо покивал, склонил голову к плечу и остро посмотрел ему в глаза.

— Вот теперь вижу, что ты решил окончательно, парень, — сказал он безрадостно. — Была у меня искра сомнения, а я все не решался спросить прямо. Правда, ты меня не убедил, из множества профессий, требующих от людей, к сожалению, рисковать жизнью там, где этого уже можно избежать, ты выбрал самую трудную. Могут возразить — такова человеческая натура, мол, без риска нет удачи и великих открытий... Неверно! Гибнет человек — гибнет вселенная, и никакими целями во благо эту гибель оправдать нельзя! Спасательная служба должна базироваться на точных расчетах опасных путей и на выполнении всеми правил обхода этих путей... Впрочем, мы отвлеклись, философия — мой конек. Недавно наш сектор закончил доводку твоей антенны, скоро начнем замену старых на всех таймфагах. А решение свободного полета, без камер и антенн, к сожалению, привело к новой проблеме — проблеме многомерного дублирования, мы ее называли “проблемой ТФ-двойников”. Чего-то мы еще не понимаем в ТФ-теории, она оказалась гораздо глубже, чем думали теоретики... Не хочешь поработать? — внезапно спросил Травицкий. — В свободное время, конечно.

Филипп с недоверием посмотрел на начальника бюро.

— А можно?

— Включай аппаратуру. Академия дала Институту задание рассчитать параметры ТФ-взрыва; ты слышал об эксперименте “галактического ТФ-просвечивания”? Нужно вычислить конечные числа ударной волны, напряженность поля, излучающую сферу, вязкость ТФ-поля во время взрыва, степень рефракции и все остальное. Эквивалентная масса взрыва равна примерно массе Фобоса. Возьмешься?

— Где предполагается разместить установку инициирования?

— На спутнике Сатурна, Фебе, хотя это не окончательное решение. Все необходимые для расчета данные уже записаны в машину, код прежний. Когда приступишь?

— Сейчас, — быстро ответил Филипп.

Травицкий усмехнулся, кинул взгляд на стереофотографию на стене и вышел.

Филипп с минуту смотрел ему вслед, потом тряхнул головой, привычно подогнал кресло под позу размышления, включил вычислитель и жадно схватил корону эмкана, будто не прикасался к такой же по крайней мере месяц.

Через полтора часа, слегка ословелый от мысленной нагрузки, он закончил вычисления, полюбовался выводом в растворе мыслепроектора — кроме характеристик взрыва, он рассчитал и

глубину погружения установки под землю, исключаящую любые помехи, и снял эмкан. По расчетам выходило, что ТФ-взрыв на Фебе опасен только этой небольшой ледяной планетке, используемой как рудник дейтериевого и тритиевого льда. На всякий случай Филипп приписал внизу: расчет проверить и повторить на компьютерных комплексах информцентра Дальразведки. Он не верил, что более мощные машины космоцентра или погранслужбы сделают расчеты намного точнее, но все же будет спокойнее, если кто-то проверит его выводы.

Выключив аппаратуру, Филипп с грустью погладил панель пульта, аккуратно поместил эмкан в нишу, положил на панель карточку с отпечатанным решением: Травицкий несомненно найдет ее сразу — и прошагал к двери. У порога оглянулся, остановил взгляд на своей фотографии ("Знаменитость номер один Института!"), поколебался немного и тихо, на цыпочках, пошел прочь от двери.

Сойдя с лестницы парадного входа Института, он некоторое время решал, какой выбрать транспорт: такси-пинасс, монор или индивидуальный антиграв, затем распрямил плечи, огляделся, словно теперь поняв, где находится, и пошел пешком через парк, окружавший Институт.

Был солнечный морозный день середины декабря. Лес по сторонам дорожки стоял торжественный и тихий, усыпанный алмазными иглами изморози. Под ногами поскрипывал первый снежок, обещанный синоптиками, воздух был чист и свеж. Не хотелось ни о чем думать, только идти по снегу, оставляя четкие следы, и дышать.

Пройдя парк, Филипп порядочно продрог, потому что был одет не по сезону в светло-серый джемпер и брюки со шнуровкой, осенняя модель. Поискав глазами вход на платформу монора, он вдруг очнулся окончательно и с удивлением посмотрел на часы: с момента выхода из Института прошло больше часа. И тут до сознания дошло, что руку давно "кусает" биосигнал личного видео. Он поспешно повернул браслет, и над серебристым квадратиком возник миниатюрный Станислав Томах.

— Где тебя носит, Ромашин? Никак не могу дозвониться.

Филипп невольно смутился.

— Я был в Институте...

— ТФ-связи? Так! Закончил рабочий день в Управлении, а потом пошел еще и в Институт? Хорошо! Медом намазан твой вычислитель, что ли? В Управлении их мало...

— Да не мало, но я привык... Веришь — иногда даже sny снятся, будто я работаю за комбайном!

— Так в чем же дело? Тянет — приходи и работай, если твое место не занято, только предупреждай, куда уходишь и на сколько. Едва ли Травицкий будет возражать.

— Он-то не возражает, — вздохнул Филипп.

Томах начал сердиться.

— Чудак-человек, кто же тебе запрещает? Лишь бы не перегружал организм да хватало бы времени на занятия в школе стажировки.

Филипп отвел виноватый взгляд.

— Извини, Слава, а то я уже начал было создавать в себе культ хандры. Я нужен?

— Вылетай на третью южную базу, знаешь, где это?

— Австралия?

— Западная Австралия, Алис-Спрингс, седьмой таймфаг, выход на эстакаду “Т”. Запомнил?

— Что-то случилось?

— Привыкай повиноваться без вопросов. Ничего не случилось. Я кое-что поменял в твоей программе стажировки. Жду, скажем... — Станислав бросил взгляд на часы, — через сорок минут.

Изображение над квадратиком видео расплзлось в облачко света, Филипп выключил браслет. Австралия... Когда-то очень давно Аларика приглашала его туда отдохнуть, но он не поехал. Тогда он не боялся ссориться...

Филипп выбрал в парке прямую дорожку к таймфагу и пустился бегом. Ровно через сорок минут он стоял на эстакаде “Т” седьмого австралийского таймфага в Алис-Спрингсе. Томах уже ждал его на стоянке куттеров местных линий. Заметив крупную фигуру Ромашина, поднял руку.

Молча уселись в кабину, щелкнул, закрываясь, прозрачный колпак, машина поднялась в воздух.

— Куда это мы? — полюбопытствовал Филипп, наблюдая, как под ними зелень зарослей буша сменяется красновато-бурой поверхностью песков, расцвеченной пятнами серовато-голубых кустарников банксии, зеленоватого молочая и буро-желтого колючего спинифекса.

— На полигон Управления, — коротко ответил Томах.

Через четверть часа полета под ними промелькнула странная куполовидная гора красного цвета, удивительно монолитная, иссеченная параллельными бороздами, с крутыми, почти отвесными склонами.

— Местная достопримечательность, памятник природы, — заметил Томах. — Гора Айерс-Рок. Чуть левее — горы Маунт-Ольга.

Горы Маунт-Ольга представляли собой причудливую цепочку каменных горбов, также крутых и неприступных.

— Я нарочно решил показать тебе их издали, хотя мог бы назначить встречу прямо на полигоне. Выберем время, слетаем

и посмотрим вблизи, с этими горами связано много красивых легенд.

Вскоре куттер пролетел над отлогими песчаными холмами с красными макушками скальных обнажений, над каким-то пересыхающим соленым озером, где в окружении белоснежных солончаков поблескивали досыхающие лужицы воды, за ними показалась металлически отсверкивающая полоса, совершенно не гармонирующая с пустынным миром. Тут же на панели курсографа запульсировал красный огонек.

— Я — “пятый”, — проговорил Станислав в микрофон. — Отдел безопасности, ключ “тысяча сто одиннадцать”.

Огонек погас.

— Что это означает? — полюбопытствовал Филипп.

— Если бы я не знал пароля, нас бы уже посадили. Металлическая полоса, над которой мы пролетели — это радарно-защитная линия полигона.

Куттер пролетел над полосой, уходящей за горизонт в обе стороны, и снова потянулась рыхлая, с пятнами солончаков поверхность пустыни. Вскоре Филипп заметил впереди какие-то колеблющиеся в знойном мареве многокилометровые громады, похожие на плывущие по пустыне старинные дредноуты. Но чем ближе безопасники подлетали к полигону, тем больше он становился похожим на парк геометрических фигур. Здесь были и цилиндры с шипами, и диски с трубами, ряды ослепительно желтых призм, додекаэдров, икосаэдров, пирамид, куполов и башен. Подлетев ближе, Филипп узнал в цилиндрах спейсеры звездного флота, остальные гиганты, разбросанные среди песчаных барханов насколько хватало глаз, были ему неизвестны.

Куттер скользнул над широким рвом, в глубине которого мерцала какая-то жидкость, и опустился на круглую коричневую площадку причала, сделанную, очевидно, из расплавленного песка. Томах со звоном откинул блистер, стали слышны звуки полигона: звонки, гулы, свисты, бормотание громкоговорителей и шумные вздохи воздушной продувки шлюзов. На разных уровнях проносились потоки грузовых платформ, пинассов и магнитных поездов, мелькали незнакомые решетчатые шары с бушующим внутри желтым пламенем, падали с неба и уходили ввысь черные иглы с дымными хвостами, сустились роботы всевозможных форм и назначений, плавали на разных высотах диски гравикранов...

— Что? — усмехнулся Томах, понаблюдав за реакцией товарища. — Ни разу не был на полигоне?

— Не довелось, — пробормотал Филипп. — Что это за бруски?

Станислав проследил за его взглядом: неподалеку робот-погрузчик брал с платформы манипуляторами тяжелые черные параллелепипеды и погружал их в недра одной из призм.

— Это металлооргаменты — пища для химреакторов. На каждом спейсере есть свой завод-репликатор и запас матриц, с помощью которых реакторы воспроизводят важнейшие детали и узлы недублированных систем и механизмов.

— А это что за зверь? — Филипп указал на одну из гороподобных страшилищ: широкий, с километр в основании, купол, соединенный с тремя конусами гигантскими фермами, на которые были нанизаны десятки колец и спиралей.

— Вульгарный ТФ-космолет, — сказал Томах со странной нежностью. — Это первенец ТФ-космоплавания крейсер “Илья Муромец”.

— “Илья Муромец”? — удивился Филипп. — Но ведь ему уже больше полувека!

— А никто и не говорит, что он летает. Ходовые генераторы с него давно сняты и теперь это тренажер для экипажей; памятник из него решили не делать из-за неэстетичной формы. Зато вот тот, справа, — “Россия”, спейсер первого класса, лидер нашего спасательного флота.

Филипп прошелся взглядом по колоссальному диску “России”, загородившему треть небосклона, и подумал, что современные космолеты ничем не напоминают стреловидные ракетные корабли начала звездоплавания. К тому же, надо обладать безудержной фантазией, чтобы верить в то, что эти гиганты способны летать вообще.

Вдруг над пустыней пронесся короткий вой. Потом еще и еще с секундным интервалом взвыла сирена.

— О! — оживился Томах. — Тебе повезло, объявлен старт “Тиртханкара”. Ты, наверное, еще не видел старта спейсера издали, да еще с земли?

Станислав поискал глазами возвышение и быстро направился к решетчатой толстой башне, на вершине которой медленно вращался плоский зеркальный квадрат.

— За мной, не отставай.

По трехмаршевой лестнице они влезли на площадку башни, под квадрат, поверхность полигона легла перед ними на десятки километров желто-оранжевой бархатной скатертью с рельефным узором сооружений и машин.

Километрах в семи от них, на северо-западе, над широким черным конусом спейсера “Тиртханкар” горели вертикальные алые огни — предстартовое предупреждение. Снова раздался вой сирены, оборвался, словно ей заткнули глотку, и одновременно с этим корпус спейсера вдруг посветлел, налился золотым сиянием и медленно поднялся в воздух, оставляя за кормой клочья и струи сияния, будто с него сползала позолота. Громкое ядовитое шипение перекрыло все звуки полигона, от него заломило зубы, как от холодной воды...

Потом тяжкий удар потряс воздух, поднимающийся спейсер вдруг превратился в копьё света, вонзившееся в зенит, а когда люди открыли ослепленные глаза — звездолета уже не было над полигоном. Деловитые летающие гномы — роботы технической службы полигона — кинулись к дымящемуся пятну в месте старта и залили его белой пеномассой.

— Все, — сказал Томах и полез вниз.

— Я ожидал большего, — проворчал разочарованный Филипп.

— Наоборот, слишком много шума и огня. Было бы хорошо, если бы старты проходили бесшумно и незаметно. Грохот и огонь говорят лишь о несовершенстве техники, ясно? Мысль далеко не новая, но абсолютно правильная.

Станислав миновал громадное белое кольцо орбитального лифта, над которым светился толстый столб воздуха — безгравитационный тоннель лифта, и направился в обход глубокой воронки, обрамленной множеством колец, вложенных друг в друга. Оглянувшись на Филиппа, нырнул в темное отверстие люка в наклонной стене какого-то здания.

Филипп последовал за ним, гадая, зачем на полигоне установили эмиттер ТФ-генератора, да еще таких размеров.

В овальных коридорах строения сновали молчаливые люди в рабочих комбинезонах, от двери к двери ползали неуклюжие с виду “черепашки” киберслужбы, на которых никто не обращал внимания; по потолку неслись, обгоняя друг друга, какие-то надписи; волнами накатывался многоголосый шум и спадал до шепота.

Догнав Томаха в слабо освещенном коридоре, Филипп спросил:

— Слава, зачем рядом с лифтом установили ТФР?

— Для наглядности, — с иронией ответил Станислав. — Откуда ты знаешь, что это ТФ-разрядник?

— Какой бы я был конструктор ТФ-аппаратуры, если бы не знал, как выглядит ТФ-эмиттер с плавающим фокусом и меняющейся геометрией разряда. Только размеры его несколько необычны...

— Этот эмиттер, по мысли тех, кто его устанавливал, предназначен для защиты полигона. Монтировался он очень давно, в настоящее время заблокирован, но... демонтировать его никто не решается. Вдруг наш неизвестный Наблюдатель вздумает напасть на Землю?

Филипп споткнулся.

— Ты серьезно? Зачем ему это?

— Может быть, для того, чтобы понаблюдать за нашей реакцией. А вообще ерунда, конечно, я неудачно пошутил.

Они миновали перекресток: коридоры, казалось, уходили в бесконечность, пустые и гулкие, — в этой части подземного строения людей встречалось мало, — и наткнулись на сидящего прямо на полу человека в расстегнутом комбинезоне. Томах замедлил шаг, но почему-то прошел мимо. Филипп остановился. Поза незнакомца показалась ему неестественной, словно человек согнулся от боли. Филипп собрался предложить ему помощь и тут только заметил, что человек спит. Лицо у него было невероятно усталое, измученное и в то же время спокойное, словно он спал дома, в кровати.

Филипп, оглядываясь, догнал Томаха.

— Что это он здесь уснул? — шепотом спросил он.

— Разве не видно? Устал. Очевидно, попалась трудная смена.

Станислав свернул налево и с размаху вошел в дверь со светящимся предупреждающим транспарантом: "Не входить! ПОД-43".

Комната была невелика: куб со стороной метра в три. Из одной стены вырастал странной формы пульт, остальные стены представляли собой нечто вроде туманных драпировок. Возле пульта стояли четыре кресла, в одном из них, откинувшись, сидел коричневолицый мужчина с эмканом на голове. На вошедших он не обратил никакого внимания.

— Садись, — вполголоса сказал Томах, указывая на кресло, и сел рядом. — Ты представляешь, где мы находимся?

Филипп покосился на темнолицего. Тот не двигался и не открывал глаз. Интересно, чем можно заниматься с эмканом техноуправления на голове?..

— Не представляю.

— ПОД — пост оперативного дежурства спасательной службы. СПАС еще не забыл? Так вот посты ПОД мало чем отличаются от станций приема аварийных сигналов, только назначение их разное.

Станислав достал шлем, напоминающий эмкан конструкторского комбайна, а также шлем хоккеиста, протянул Филиппу.

— Надевай и подгоняй.

Конструктор приладил шлем на голове, поправил круглые диски аудиофонов на ушах. Тишина стала абсолютной, не было слышно даже собственного голоса, только ток крови в голове.

Томах что-то сказал, надевая такой же шлем.

— Сядь удобней, — понял Филипп по движению губ. Он последовал совету и тут ему показалось, что он провалился в какой-то глубокий, бесконечно глубокий колодец, наполненный звенящим гулом, тоненькими свистами, шипением и шорохами. От неожиданности ухватился за подлокотники кресла, потом понял — включилось пси-звуковое сопровождение, и разжал кулаки. Подобное ощущение он уже испытал на СПАС-семь.

В комнате стало темно, исчезли куда-то стены, Филиппу стало казаться, что у него выросли десятки голов и рук, протянувшихся в пространство на многие миллионы километров. Он оказался одновременно в десятке мест: в башенке поста над полигоном, у пульта вычислителя, у экранов какой-то видеосистемы, на Луне, под землей, в пространстве... Связи множились, превращались в многосложную систему, он уже не успевал реагировать на рост “новых рук и глаз”, тело стремительно распухло, усложнялось, делилось, пока не заполнило собой весь Космос!..

Потом в ушах отразилась мгновенная очередь точек и тире, повторилась сотни и тысячи раз в сотнях и тысячах голов Филиппа и сама собой распалась на слова: “Внимание! Проверка положения. В Системе все спокойно.”

И снова потекло пространство сквозь пальцы, запульсировали в голове шумы излучений, тихие голоса неведомых дежурных, и Филипп понял: он сейчас “видит” изнутри часть системы мгновенной ТФ-связи УАСС, соединяющей дежурные посты на важнейших промышленных объектах Земли и ее ближайшего планетарного окружения. Благодаря этой системе предупреждались сотни больших и малых катастроф, аварий и стихийных бедствий — на тех планетах, где еще не работала глобальная служба изменения погоды. Благодаря этой системе двадцать миллиардов человек, составляющих земную цивилизацию, могли работать и творить без оглядки на собственные ошибки, потому что УАСС обязана была рассчитать последствия всех рискованных шагов человечества и **в с е г д а у с п е в а т ь!** Для аварийно-спасательной службы не существовало законов инерции — ни физических, ни моральных, ибо она отвечала за жизнь людей, за каждого из них и за все человечество в целом...

Прошло какое-то время, прежде чем Филипп освоился со своим положением. К его удивлению, оказалось, что по желанию он мог почти полностью переключить внимание на какой-то объект и следить за работой персонала УАСС на любой из баз или полигонов и космодромов. Однако как только он попытался “зафиксировать” себя над полигоном Австралии, послышался бестелесный голос:

— Я “сорок третий”, до конца смены два часа. Кто вызывает?

Филипп не успел понять, в чем дело, Станислав стремительно переключил что-то на пульте и снял шлем. Филипп внезапно “оглох” и, недоумевая, стащил свой.

— Мыслесвязь,— пояснил Станислав.— Через ТФ-передатчики и обычный свето- и радиоконтроль. Ты попытался “влезть” на чужой канал, и дежурный тут же заметил постороннего.

— А как же другие дежурные? Не мешают друг другу?

— У каждого свой позывной и своя область ожидания.

— Но зачем они постоянно соединены между собой? Не проще ли каждому иметь выход на свою базу, как на СПАС?

— Дело в масштабах работы. СПАС — периферийная ветвь системы, они как бы “подметают” пространство, подбирают остатки невыловленных аварийных сигналов и призывов о помощи. Есть еще сеть автоматических станций — третий пояс УАСС, а ПОД — ось всей деятельности аварийно-спасательной службы. Допустим, где-то произошла авария, которую надо устранить в течение минут, причем сначала надо решить задачу — как? Одному человеку это иногда не под силу, несмотря на колоссальные возможности интеллектроники и вычислительной автоматики; сам знаешь, головы у всех разные, уровень знаний и реакция тоже. Вот тут-то и приходят на помощь ближайшие дежурные, причем не надо тратить время на переключения, вызовы соседей и объяснение ситуации — решение приходит мгновенно. Понятно?

— А если помощь приходит не от одного дежурного, а от нескольких? Надо же выбрать наиболее оптимальное решение...

— Бывает и так, но тогда уже выручает техника: подключенный кибер-комплекс, проанализировав предложенные решения, передаст дежурному оптимальное.

— Понял.— Филипп с уважением посмотрел на соседа с эмканом.— Он тоже дежурит?

— Тот самый “сорок третий”, который почувствовал твое мысленное присутствие. Я вижу, у тебя на языке вертится вопрос: зачем я тебя сюда приволок? А затем, что до января ты будешь дежурить на полигоне, на этом посту. Керри хочет проверить тебя на дисциплину мысли и на скорость и результативность мышления. Не возражаешь?

— А если бы и возражал?

Станислав рассмеялся и встал.

— Тоже верно, ничего не изменилось бы. Пошли, покажу полигон изнутри и представлю главному диспетчеру, у меня еще час в запасе. Посмотришь “Россию”, мы готовим ее к походу, в котором, кстати, примешь участие и ты.

— В качестве эксперта?— рассеянно пошутил Филипп. Однако Станислава своим спокойствием не обманул.

— Волнуешься? Правильно делаешь. Пойдем мы далеко, к разведчикам и пограничникам, в те области космоса, которые еще не доступны освоителям. Честно говоря, я тоже волнуюсь, потому что надеюсь встретить нашего Наблюдателя, того, кто потихоньку подсовывает нам то “зеркальные перевертыши”, то странные “звезды”, то ворует грузы, чтобы тут же их возвратить... Старт двадцать четвертого февраля, если за это время ничего не случится.

Они вышли в коридор, прорубленный в толще гранитного массива над пустыней Гибсона, и световая завеса прикрыла за ними вход на пост оперативного дежурства.

Зал был светел и гулок. В одном из его секторов упражнялись девушки-волейболистки, и оттуда часто доносился смех и звонкие возгласы. В секторе физического совершенствования тренировались борцы тайбо.

Томах заметил наблюдавшего за ними Керри Йоса, прекратил схватку, показав сопернику ладонь, и вышел на балюстраду, опоясывающую зал по периметру.

— Пришел позаниматься? Показать класс молокососам?

Керри умехнулся.

— Годы не те, да и растренирован я изрядно. Кстати, не вижу Филиппа. Обычно на тренировках вы неразлучны. Где он?

— В Институте ТФ-связи, разрабатывает с Травицким систему мысленного управления таймфагом.

Керри нахмурился.

— Не перегружен ли он? Бывает так, что человек вроде бы успевает делать многое, не чувствуя усталости, а в один ответственный момент срывается. Для спасателя же, а тем паче безопасника этот срыв подчас равнозначен гибели.

— Знаю, — пробормотал Станислав, — но, по-моему, Филипп в прекрасной форме, а работа в лаборатории для него своего рода допинг, без которого он начинает хандрить.

— А волейбол? Не скучает?

— Скучает, конечно, но когда удастся — продолжает тренироваться в залах Управления. Для молодых спасателей и стажеров он кумир в волейболе. Первое время его тренер Ребров нам проходу не давал: мол, он гений волейбола, прирожденный спортсмен-волейболист, не ломаете ли вы ему жизнь и так далее. Я даже засомневался: может, я не прав, перевернув вертикаль его жизни? Однако Филипп уже решил все сам, причем так твердо, как я от него не ожидал. Я присутствовал при его разговоре с Ребровым, по-моему, тот его тоже понял, хотя и не без сожаления.

— Значит, тренироваться — тренируется, а за сборную Земли уже не играет?

— Пока играет, но все реже и реже. Да и времени свободного почти не остается. Школа требует творческого подхода не меньше, чем конструкторская работа и спорт.

— Убедил. Что он уже прошел?

— Первую ступень йога-тренинга: власть над болевыми ощущениями, ускоренная регенерация кожи, психомассаж. Физически он одарен, пожалуй, лучше, чем мы в молодости, и

постоянные тренировки вывели его в оперативники высокого класса. Реакция у него исключительная, координация феноменальная...

Керри Йос снова нахмурился.

— Не слишком ли много хвалебных эпитетов? Как правило, феномены и супермены в службе не удерживаются.

Томах прищурил один глаз.

— Задело? Между прочим, я вовсе не преувеличиваю его способностей. Вот пример: до Школы он никогда не занимался тайбо, а на второй тренировке едва не “связал” меня в трехминутке! А ведь у меня оранжевый пояс!

— Оранжевый — не черный, мало тренируешься. — Начальник отдела стал разглядывать борцов.

Из игровой зоны зала донесся взрыв криков, мяч от рук волейболисток пролетел весь зал и подкатился под смотровую галерею в том месте, где сидели Томах и Йос.

Станислав вдруг подмигнул начальнику отдела и в том положении, в каком сидел, одним прыжком перемахнул балюстраду, упал с высоты трех метров на пол зала — мягко, беззвучно, сгруппировавшись в полете, и безошибочно подкатился к мячу, тут же вскочив и подав его оторопевшей девушке.

Керри Йос сошел вниз, буркнул:

— Любишь дешевые эффекты... Твое мнение: где можно использовать Ромашина?

Томах поморщился.

— Использовать?

— Прости. — Керри дернул щекой. — Застарелый жаргон политической разведки. Нет-нет, да и ляжет на язык. Слишком много читаю исторических хроник. Так что, дадим ему группу?

— Чуть позже. Я хочу, чтобы он поработал сначала в группе Панченко рядовым исполнителем.

— У Панченко, в “Аиде”?

— А что? Для общего развития. С дежурством в системе ПОД он справился хорошо, работа в “Аиде” будет его последней проверкой перед экспедицией.

— Что ж, не возражаю. Но я не хотел бы, чтобы в группе Панченко получилось то же, что и на СПАС-сень во время катастрофы на космотроне. Парни там лихие.

— А я на что? Первые два-три дежурства я побуду с ним в смене, а потом он освоится, тоже не из робких.

Йос кивнул и пошел к выходу.

— Ты только за этим и приходил? — спросил вслед Томах.

Керри остановился и бросил через плечо:

— Никиту пока не ищи. На Шемали снова появились “зеркала”, и он ушел туда с дежурной группой. Ты со своими головорезами в резерве.

— Та-ак! — пробормотал Томах, глядя сквозь подошедшего тренера.

— Зачем Керри пожаловал? — спросил тот.

— Предупредить, что я в резерве, — ответил Станислав.

— По делу Наблюдателя?

Томах очнулся, покрутил головой.

— До чего осведомленные люди кругом — жуть берет! Ты-то откуда знаешь о Наблюдателе?

— Слухом земля полнится... я, что ли, не работаю в Управлении? Кстати, где Никита? Пропускает третью тренировку подряд.

— Он в поиске, вернется не раньше, чем через две недели.

— “Зеркала”?

Станислав засмеялся, тренер тоже.

— Ты не из свиты Наблюдателя, часом? Ну, пока, с меня на сегодня довольно.

Они разошлись.

Стоя под душем, Томах думал о том, что встретит Богданов на Шемали...

ГЛАВА 9

Прыжок «Искателя»

— Твое мнение? — спросил Керри Йос, не поднимая головы от стола. Перед ним лежали две раскрытые папки с какими-то документами и желто-коричневый диск кристаллокартотеки. Папкам было, вероятно, лет сто, если не больше, Богданов заметил блестящие, залитые консервирующим составом листы бумаги и какие-то старые фотографии.

— Начинать надо с экспедиции “Парящего орла”, — сказал он. — Первыми о “зеркала” сообщили они.

Керри кивнул, по-прежнему не отрывая взгляда от бумаг.

— “Парящий орел” ушел к гамме Дракона.

— Звезда Этамин, спектральный класс K5, сто пятьдесят световых лет. Они открыли богатую планетную систему, а на второй планете, близкой по параметрам к Венере, — жизнь.

Керри задумчиво склонил голову набок.

— Согласен, первый бросок сделаете к Дракону. Правда, пришлось надавить на Земплан через Совет, возникли некоторые проблемы.

— Какие же?

— Энергетические в первую голову. Уже сейчас мы висим на балансе: полеты разведчиков к новым звездам так энергетически дороги, что ВКС вынужден маневрировать за счет сокращения

внутрисистемных потребителей. Прибавь к разведчикам наши рейды. А в Системе еще столько нерешенных проблем...

— Ну, эти разговоры я слышал не раз. К чему нам космическая экспансия, когда мы погрязли в заботах о планетах Системы!.. Давайте решим внутренние задачи, а потом подумаем о звездах...

Богданов встретил иронический взгляд начальника отдела.

— Примерно так. Если бы мы не экспортировали в космос эти свои нерешенные внутренние задачи... а то получается: еще на Земле не уничтожены полностью следы эпохи капитализма, а они уже появляются в десятках световых лет от нее! — Керри грустно улыбнулся. — Экспорт равнодушия.

— Что?

— Экспорт равнодушия — по терминологии Станислава. Ты же знаком с его теорией.

Богданов сделал неопределенный жест.

— По-моему, можно уже считать доказанным, что появление Наблюдателя — следствие этого самого экспорта. Станислав, к сожалению, прав.

Они встретились глазами, помолчали. Потом Никита тихо сказал:

— Итак?

— За тобой руководство экспедицией. Если все обстоит так, как предполагаю я, благодушный Керри Йос, то бояться Наблюдателя не следует, просто, руководствуясь советом Морозова, надо всерьез задуматься о космоэтике.

— Когда старт?

— Начало февраля. Давай пройдемся по составу и комплектке, только сначала вызовем Бруно.

Йос тронул сенсор селектора и приказал вызвать к себе эксперта технического сектора Бруно Осинниго.

— Кстати, — вспомнил Богданов, — а каким образом стало известно, что экспедиция “Парящего орла” встретила “зеркала”? Как правило, разведчики не посылают ТФ-сообщения о проделанной работе из-за ограниченных энергетических ресурсов.

— Знаю, но “Орел” все же послал сообщение, спустя три месяца после старта от промежуточной базы “Дракон-2”.

— Значит, у них случилось что-то серьезное.

— Судя по сообщению, — хмуро сказал Керри, — жизнь на открытой ими планете не слишком гостеприимна к пришельцам.

— Существенное дополнение. И “зеркала” они, конечно, заметили не сразу...

Начальник отдела внимательно посмотрел на Богданова.

— Договаривай.

— “Зеркала” появляются лишь в том случае, когда люди в чужих мирах начинают вмешиваться в события в планетарном масштабе. Уже на Шемали можно было убедиться в этом.

— Не знаю.— Керри Йос задумался.— А тебе не становится страшно от таких предположений? Ты понимаешь — над нами кто-то установил к о н т р о л ь!

Богданов неожиданно рассмеялся.

— Страшно? Нет. До контроля еще очень далеко. Контроль предполагает такое развитие событий, причина которых должна быть скрыта от контролируемого объекта, а в нашем случае все наоборот, Наблюдатель открылся нам намеренно. Другое дело — разгадать его намерения, вот что заставляет напрягать ум и силы. Но я верю, что высший разум не менее гуманен, чем наш. Наблюдателя я не боюсь, он просто напоминает нам один старинный спор: в двадцатом веке когда-то прошла волна модных дискуссий — что могут дать человеку звезды, если ему всего хватает на Земле? По-моему, дискутировать надо было совсем по другому поводу, не что могут дать нам звезды, а что мы им принесем!

Керри Йос молча разглядывал заместителя...

Спейсер погранслужбы первого класса “Искатель” стартовал с Австралийской базы второго февраля две тысячи двести восемьдесят первого года. Первый его прыжок длиной в десять парсеков к промежуточной базе разведфлота “Дракон-2” был облегчен стационарным таймфагом — точно так же пересекают космос грузы для поселений человечества в разные концы обитаемой зоны космоса. Дальше в глубину созвездия спейсер направлялся своим ходом.

“Искатель” был полностью специализированным и до предела автоматизированным кораблем пограничной службы. По энерговооруженности он уступал только флагману спас-флота “Россия” и мог справиться с любым планетарным катаклизмом типа извержения вулкана, землетрясения или цунами. Экипаж “Искателя” состоял всего из пяти человек: шкипера, двух инженеров бортовых систем и двух инженеров-пилотов. Группа безопасников и пограничников из двенадцати человек, среди которых находился и Филипп Ромашин, разместились в шести каютах пассажирского отсека, способного при необходимости уместить до ста пятидесяти человек. Но в данном случае спейсер не собирался исполнять функции спасательного парома или пограничного рейдера, задача перед ним стояла посложней, поэтому и экспедиция была экипирована гораздо серьезнее, в расчете на появление всякого рода неожиданностей, вплоть до вооруженного столкновения с Наблюдателем (разрабатывался и такой вариант). То, что вместо “России” в экспедицию ушел “Искатель”, объяснялось сложившимися обстоятельствами, среди которых

была срочная эвакуация персонала двух энергоконсервных заводов на Меркурии: за три дня до старта к звездам "Россия" ушла туда по тревоге.

Руководство экспедицией осуществлял Богданов, получивший карт-бланш официала УАСС, то есть в случае необходимости имевший самые высокие полномочия.

Филипп, несмотря на некоторый опыт работы в Управлении, поначалу чувствовал себя неуютно среди профессионалов-безопасников, но уже на второй день полета вполне освоился со своим положением, хотя и не принимал участия в дискуссиях, которые завязывал обычно Станислав.

Однажды после ужина Томах снова поднял разговор о предназначении разума вообще и человека в частности. Богданов в спорах не участвовал, как и Филипп, и они вдвоем с интересом следили за развитием событий, переглядываясь и вполне понимая друг друга.

"Искатель" уже покинул базу "Дракон-2" и готовился к самостоятельному рейду, поэтому в кают-компании никого из членов экипажа не было, все уютное звездобразное помещение было отдано пассажирам.

— Разум вообще — явление довольно ординарное, — сказал активный участник всех бесед Януш Микульский. Невысокий, сдержанный поляк по образованию был лингвистом, выделяться не любил, но по каждому вопросу имел свое мнение, которое отстаивал умело и аргументированно, невольно вызывая уважение эрудицией. — Давно прошли времена, когда хомо сапиенс считался великим исключением как носитель разума. По-моему, ответ на вопрос — зачем природе разум — кроется в теории гибкого реагирования.

— Не совсем так, — проговорил врач экспедиции Борис Лиховетов, единственный незагорелый среди коричневых от загара ребят; главной его чертой была аккуратность, а еще он был чрезвычайно вежлив, что особенно замечалось в среде иногда грубоватых и резких на слово спасателей.

— Теория гибкого реагирования годится только для термина "жизнь". Ваш вопрос, Слава, уместно было бы задать так: зачем природа создавала разум.

— Не знаю, — сказал Томах. — Жизнь — попросту одно из проявлений заурядного в космосе процесса гомеостатической организации. Кстати, мне кажется, в применении теории гибкого реагирования к заданному мной вопросу есть рациональное зерно.

— Конечно, — кивнул Микульский. — Разум — гомеостатический регулятор второй степени, способный противостоять возмущениям среды посредством действий, опирающихся на исторически приобретенный опыт. Это определение из учебника.

Вот и ответ на ваш вопрос: разум лучше противостоит ударам среды.

Томах подумал и признался:

— Меня этот ответ не удовлетворяет. Борис прав, вероятно, я несколько туманно сформулировал вопрос. Надо было спросить: а зачем природе жизнь вообще? Ну и разум тоже, но только после того, как выясним первую часть вопроса. Ведь природа в широком смысле слова — это не та оболочка существования человека, под которой мы обычно подразумеваем природу: леса, реки, моря, воздух и так далее. Природа — это в основном космос: вакуум, излучение, галактики, звезды, планеты, квазары, черные дыры, газ и пыль, то есть — мертвая материя! Исходя из этого, зачем м е р т в о й материи, хотя и живет она по-своему, во времени, энтропийно, — ж и в а я материя? Жизнь?

— Жизнь — основа разума, — пробормотал флегматично-унылый Бруно Осинниго. — Януш тут уже предлагал определение разума, что еще нужно? Это же естественно, что разум более гибко реагирует на изменения условий существования, причем уже в начальной стадии развития.

— Смотря какие изменения, — возразил Лихолетов. — К примеру, справился бы *homo habilis** с ледниками, пройди они по всем материкам Земли?

— Не справился бы. С ними не справились бы, наверное, и наши предки в двадцатом веке, вплоть до распада системы капиталистических государств.

— Правильно! — поднял палец вверх Томах. — Что ж, выходит, разум не сразу выступает на арену деятельности природы? Значит мы, люди, да и другие разумные существа, нужны природе не сейчас, а позднее? Когда?

— Теперь понятно, к чему ты клонишь, — заметил молчавший до сих пор Романенко, эксперт технического сектора. — Ты хочешь сказать, что разум нужен природе тогда, когда по мощи по крайней мере сравняется с мертвой материей? Когда же это произойдет? Чтобы завоевать Вселенную, нужна вечность.

— Вечность... — поморщился Станислав. — И это речь инженера.

— Ответ пессимиста, — сказал Микульский. — Уже через двадцать лет мы овладеем энергией Солнца, ну, хотя бы близко подойдем к этому пределу. Еще через пару сотен лет — энергией всего Рукава Ориона. Через каких-то полтысячи лет вся Галактика будет у наших ног!

— А дальше?

— А дальше весь Космос! А он-то как раз и не вечен, и не бесконечен.

---

* Человек умелый (лат.).

— Пока мы будем овладевать галактиками, Вселенная начнет сжиматься и в конце концов все наши честолюбивые помыслы упрутся в черную дыру сингулярности!

— Наконец-то! — сказал Томах с удовлетворением. — Вот потому-то природе и понадобился разум, ибо только с его помощью она может предотвратить свой конец в черной дыре Биг Хоул! После цикла красного смещения наступит цикл фиолетового, Вселенная начнет сжиматься, тут и выйдет на арену Разум, чтобы спасти себя, а тем самым и Вселенную! Ту, что станет нашим домом.

В кают-компании наступила тишина. Спорщики сдержанно переваривали гипотезу Томаха, высказанную им в полусуфлиговой форме, популярно. И хотя все понимали, что в гипотезе этой почти нет науки и она скорее любопытный мысленный эксперимент, безопасников она заинтересовала.

— Но есть мнение ученых, что срок существования цивилизаций — всего лишь несколько десятков тысяч лет, — сообщил Микульский. — У нас же до “конца света” после фиолетового смещения — десятки миллиардов! Где же тут цель Разума, как главной защитной силы Вселенной? К тому времени во всем мире останется только “мертвая материя” — электронно-нейтринный газ.

— Миллиарды, — согласился Станислав. — Но кто может с уверенностью сказать (не знать, нет, знать и даже прогнозировать так далеко в будущее невозможно), что для той великой цели мы не должны развиваться непрерывно миллиарды лет? Или с другой стороны, что если мы, люди, — тупиковая ветвь разума, возникшая слишком рано, но возникшая как одна из бесчисленных попыток природы создать именно тот тип Разума, который способен достичь цели — сохранить Вселенную такой, какая она есть?

Снова молчание. Потом голос Романенко:

— Со всем согласен, кроме одного: что я тупиковая ветвь!

В кают-компании вспыхнул смех.

Потом вдруг ожил динамик общих команд под потолком кают-компаний, пискнул, глубокомысленно прокашлялся и продекламировал:

— “Поскольку Ничто не есть Нечто, — все, что не Нечто, есть Ничто; а тот факт, что Нечто не есть Ничто, является чрезвычайно веским доводом в пользу Ничто, особенно для людей, искушенных в житейских делах”*.

Видимо, в рубке прислушивались к разговору в кают-компаниях, и теперь кто-то из экипажа высказывал свое мнение по этому вопросу.

---

* Генри Филдинг. Трактат о пользе Ничто.

Смех вспыхнул с новой силой.

— Интересно, зачем тебе понадобилось затевать дискуссию о миссии разума?— спросил Богданов Томаха, когда они шли по коридору к каютам пассажиров. Филипп шел сзади и у него вертелся на языке тот же вопрос.

— Во-первых, потому что он меня интересует,— лукаво усмехнулся Станислав.— А во-вторых, проблема “миссии разума”, как ты назвал, тесно смыкается с нашей проблемой Наблюдателя.

— Это каким же образом?

— А таким, что единственное, ради чего стоило бы сохранить Вселенную любой ценой, — ее красота и гармоничность! От атома до пейзажей, радующих нас, людей, и до невиданных еще красот, которыми любят другие разумные существа, опередившие нас в развитии.

— Наблюдатель?

— И он тоже. Мы же, к сожалению, часто выносим в космос пагубный опыт земной практики хищников! Вот и приходится Наблюдателю вмешиваться.

— Сильно! Долго думал?

— Иронизируешь, несчастный?— рассердился Станислав.— Думал я долго, да и фактов у нас немало. Кстати, я развил свою гипотезу о “галактической службе УАСС”. Судя по всему, Наблюдатель — то же самое, что и погрансектор, а может быть, и еще уже — выполняет функции нашего отдела безопасности, только в галактическом масштабе. Годится? Уверен, что факт исчезновения грузов — это предупреждение не применять технику, могущую глобально изменить облик и климат тех планет.

Богданов замедлил шаг.

— Меня убеждать не надо, я давно это понял. Но почему “зеркала” появились у разведчиков? Они-то не полномочны применять подобную технику, да и нет ее у них.

— Прилетим на место — разберемся.

Никита вздохнул.

— Твоими б устами да мед пить. Договорим после финиша, спокойного старта.

Он скрылся за дверью каюты, куда уже вошел Бруно.

Томах шагнул в соседнюю дверь, остановился на пороге, Филипп попробовал сдвинуть его с места, и они с минуту молча боролись, пока Филиппу не удалось двумя рывками нарушить равновесие друга.

— Старею,— грустно сказал Станислав, поднимаясь с ковра на полу каюты.— А?

— Много говоришь,— в тон ему ответил Филипп.— Вся энергия уходит на разговоры.

Томах включил автоматику каюты и вырастил из стены кровать, сел, глядя в пол перед собой.

— Ты знаешь, что Никита перед нашим полетом был на Шемали?

— Слышал краем уха, но подробностей не знаю, вы же все засекретили.

— Так вот, “зеркала” появились там сразу же после того, как мы послали туда грузы с Таймыра.

— После проверочных посылов?

— Да. Снова послали технику терраформистов для планетарной реконструкции. Похоже, мы правы, и наш Наблюдатель не хочет, чтобы люди слишком активно перекраивали космос по своим меркам.

Фиилипп сел на свою кровать.

— Но если так, то, следовательно, мы не должны разрабатывать Шемали.

Томах кивнул.

— Никита предложил начальству выйти с этим предложением в ВКС, то есть прекратить терраформистскую работу на Шемали, Истории и на планетах Суинберна.

— Ну и?..

— И Генри Бассард нас не поддержал.

— Чем он мотивировал отказ?

— По словам Никиты, — Томах слегка поморщился, — Бассард говорит о том, будто Шемали и Суинберн — редкие жемчужины среди сотен других планет, имеющие не просто атмосферу и жизнь, а з е м н о п о д о б н ы е атмосферу и жизнь, причем жизнь создана там природой на белково-органической основе. Словно специально для людей. Разве можно упускать такой случай и не присоединить к земным владениям еще несколько? Это основные аргументы Бассарда.

— Но он прав.

— Конечно, прав. Только как подумаешь, что не всегда мы хозяева в космосе, а иногда хозяйчики, заботящиеся лишь о временных благах, не желающие думать о последствиях... — он остановился.

Филипп молча смотрел на него.

— Что, повторяюсь? Потому что не равнодушен к тому, как оценит нас, человечество в целом, тот же Наблюдатель.

— Знаешь, Слава, — тихо сказал Филипп, — может, вовсе и нет никакого Наблюдателя? А все эти “зеркальные перевертыши”, “звезды”, случаи с грузами — просто проявления какой-то глобальной всегалактической совести Природы? Так сказать, обратная связь между будущими исканиями человечества и сегодняшними надеждами?

Томах скептически хмыкнул, оперся спиной о стену.

— Всегалактическая совесть Природы? Но при чем тут тогда мы, люди?

— При том, что Природа — это мы, а мы прежде всего — Природа.

— Фраза.

— Истина!

Станислав засмеялся.

— Сдаюсь, философ! Что ж, может, ты и прав в какой-то мере, но все же Наблюдатель реален и материален, а все перечисленные тобой факты скорее всего не что иное, как призыв к нашей, человеческой совести, следствие, а не причина событий.

— Внимание! — раздался из стены тихий вежливый голос. — Просим пассажиров лечь и заблокироваться по формуле штатного старта. Старт — в десять ноль-ноль по зависимому времени.

— У нас всего двадцать минут на подготовку, — спохватился Томах. — Надевай компенсатор и ложись. Штатный режим довольно приятен, если к нему подготовиться.

Они быстро принялись укладываться согласно строгой формуле нормального ТФ-старта: пассажиры космолета должны были превратить кровати в защитные камеры, лечь в горизонтальное положение и погрузиться в сон.

— Кстати, — сказал Томах, придерживая крышку своей камеры-кровати. — Ты слышал, что готовится межгалактический полет к Магеллановым Облакам? Не хочешь попасть в состав экспедиции? Могу посодействовать.

— Странно...

— Что странно? Боишься, что хочу от тебя избавиться?

— Нет, в конце двадцать третьего века — первый полет за пределы Галактики. Почему так поздно? Разве ТФ-кораблям это было не под силу хотя бы полвека назад?

— Все не так просто, как ты думаешь. К твоему сведению, полеты ТФ-кораблей на дальность свыше тысячи парсеков требуют на порядок больше энергозатрат, чем мы себе можем позволить. А до Большого Магелланова Облака, между прочим, тридцать три тысячи световых лет! Или десять тысяч парсеков! Уразумел разницу?

— Но если полеты на такое расстояние слишком дороги, что же заставило готовить экспедицию в Облако?

— Астрономы открыли там совершенно уникальное явление — мост перетекания между белой и черной дырами. Что ты меня сбиваешь с толку? — внезапно рассердился Станислав. — Не хочешь участвовать в экспедиции, так и скажи.

— Я подумаю, — Филипп засмеялся и захлопнул над собой прозрачную крышку камеры.

До того как заснуть запеленутым в кокон защитного поля, он увидел, как ожил виом на стене, в каюту заглянул один из пило-

тов корабля, что-то весело сказал товарищам рядом, и на его месте вспыхнула исполинская звездная река Млечного Пути...

“Искатель” вышел из ТФ-канала в двух астрономических единицах от Этамина — гаммы Дракона. Определившись в пространстве и запеленговав маяк “Парящего орла”, он начал разгон с помощью планетарных двигателей, направляясь к маленькой оранжевой звездочке, почти не выделявшейся на звездном фоне с расстояния в триста миллионов километров.

Через пять часов он подходил ко второй планете Этамина, еще не имевшей названия в каталогах земного астрономического центра, стараясь уравнивать скорость с неторопливо плывущим по орбите “Парящим орлом”.

— Не так уж и далеко они забрались, — сказал Филипп, глядя на приближавшуюся “каплю” разведкосмолета, отражавшую густой оранжевый свет звезды. — Всего-то около пятидесяти парсеков. До Шемали и то дальше.

— Есть неисследованные звездные системы еще ближе к Солнцу, — произнес Богданов; они, в составе группы десанта, уже одетые по-походному в компенсационные костюмы спасателей, стояли в кают-компании у главного виома. — В пределах ста парсеков вокруг Солнца находится около шести тысяч звезд! А мы добрались лишь до четырех десятков!

— Почему же разведчики так непоследовательны? Еще не исследованы ближайшие звездные окрестности, а мы прокладываем дороги за сотни парсеков!

— Это, брат, решает Даль-разведка, — сказал своим роскошным рокочущим басом Романенко, похожий на былинного богатыря в доспехах.

— Вернее, центр координации Даль-разведки, — уточнил Томах. — Разведчики в первую очередь работают с наиболее интересными с точки зрения астрофизики объектами. Экспедиции до недавнего времени укомплектовывались в основном астрономами и физиками.

— А теперь?

— Ну, сейчас на первом месте ксенобиология, все-таки уникальность жизни во Вселенной, особенно разумной жизни, заставляет нас пристальнее присматриваться к любым ее проявлениям. Теперь экспедиции чуть ли не на две трети — сотрудники Института внеземных Культур и планетографы.

В полусотне километров от внешне безмолвного “Парящего орла” спейсер пограничников затормозился окончательно. С торца инженерно-технического диска, выдвинутого из его недр, протянулся к кораблю разведчиков тонкий и прямой, как копье, полупрозрачный рукав — безынерционный лифт. В корпусе

“Парящего орла” загорелась и мигнула три раза зеленая звездочка.

— Лихая стыковка! — подал голос Микульский.

— Автоматика, — пожал плечами врач. — Чему тут удивляться?

Но он был неправ: в звездном флоте не было ни одного уважающего себя пилота, который не делал бы стыковку лифта, да и вообще все операции поворота и сближения в космосе, вручную. Считалось особым шиком, проявлением мастерства экстра-класса состыковаться с встречным кораблем на дальности не ближе двадцати километров с первого раза, что и продемонстрировали пилоты “Искателя”.

В кают-компании зажегся на стенках и потолке сигнал: “Выход разрешаю”. Богданов поднял руку вверх и первым покинул зал.

Устройство катапульты лифта было уже знакомо Филиппу: точно такая же, только в несколько раз крупнее, запустила его, как камень из пращи, на Шемали. Здесь десантников пропускали в лифт поодиночке.

Он ступил на белый круг, звякнул предупреждающий звонок, ударило в ноги, и ребристый ангар “Искателя” провалился вниз, мгновенно затерявшись в эфемерной черноте пространства.

Через двадцать секунд незаметного полета внутри мерцающей трубы Филиппа приняла упругая посадочная силовая подушка финиш-камеры лифта, и он соскочил с диска на пол ангара “Парящего орла”.

Ангар отличался от подобного помещения на спейсерах погранслужбы довольно разительно, Филипп, поздоровавшись с двумя встречающими, стал с любопытством осматриваться.

Большую часть объема стометрового конуса занимали летательные аппараты разных классов и два танка-лаборатории типа “Мастифф”. Один из танков имел весьма плачевный вид и возле него копошились трое механиков в черном, почти не обращая внимания на гостей. У наклонной стены напротив выхода из лифта стоял на длинном верстаке странный механизм с длинным и черным, словно обугленным дулом, и Филипп с недоумением задержал на нем взгляд.

— Импульсный разрядник, — прогудел над ухом бас Романенко. — Для рыхления скал.

— Не только, — услышав его бас, сказал один из хозяев, бледный, с кругами под глазами невысокий человек. На его рукаве алел шеврон заместителя начальника экспедиции.

— А для чего же еще? — удивился Романенко.

— Увидите, — криво улыбнулся бледнолицый, шагнув навстречу появившемуся из лифта Богданову. Они представились друг другу.

— Дарий, — подал руку встречающий. — Заместитель начальника экспедиции по экоэтике.

— Богданов, — отозвался Никита. — Шеф-официал спецгруппы отдела безопасности УАСС. А где сам начальник?

— В базовом лагере. — Дарий замялся. — Внизу, на планете. Понимаете, я пытался доложить ему о вашем визите, но связь...

— Что связь?

— Вы не беспокойтесь, у нас часто такое бывает, — вмешался второй сопровождающий.

— Нет связи с лагерем? — удивился Богданов.

— Нет, — тихо проговорил Дарий, виновато опуская голову. — Связи с базовым лагерем в данный момент мы не имеем.

— Дела-а... — пробормотал Томах, переглядываясь с Никитой.

— Планета имеет индекс Ад-8 по шкале безопасности, — еще тише продолжал Дарий. — Перерывы в связи не самое плохое из всего.

Филипп встретил взгляд Дария, и ему на мгновение стало зябко. Все, что угодно, но тоска в глазах!..

— Идемте, — сказал Богданов. — Введете нас в курс дела, а потом мы нырнем на планету. Сообщение с лагерем на поверхности — лифтом?

— Нет, модульное. У нас было четыре когга, осталось... три плюс восемь куттеров, но куттеры для здешних условий не годятся.

— Ад-8 — это же биомаксимум! — шепнул на ухо Томаху Филипп. — И посмотри в глаза этому заму — за версту видно, что живется ему несладко.

— Узнаем, — буркнул Станислав.

Планетологической экспедиции “Парящего орла” повезло, хотя по зрелому размышлению Филипп пришел к выводу, что везение — вещь относительная. Во-первых, у Этамина обнаружилась планетная система из пяти планет и трех поясов пыли и газа. Во-вторых, на второй планете разведчики открыли жизнь, активную и даже буйную. Может быть, чересчур буйную, потому что лагерь экспедиции в первую же ночь был атакован фауной планеты со всех сторон. Обошлось без жертв, но пребывание на планете оказалось для разведчиков тяжелым испытанием, планы исследований летели один за другим, сроки срывались, а жизнь Триаса — так называли планету — каждый день преподносила сюрпризы. Людям приходилось силой пробиваться на всех маршрутах, отбивать нападения яростных живых волн, спасать друг друга от страшных животных и вести разведку в основном на мощных “Мастиффах”, что сужало районы поиска и планетографических исследований в несколько раз.

— Таким образом, — продолжал Дарий, — мы находимся, выражаясь древними понятиями, в состоянии войны с фауной планеты. И конца этому не видно.

— А вы не пробовали разобраться в причинах агрессивности животного мира к вам? — спросил Томах.

Дарий криво усмехнулся, слегка порозовев.

— Предлагали, но начальник экспедиции сказал, что в плане работ нет такого пункта.

— А вы?

— Что я?

— Вы же его заместитель!

— Заместитель. — Дарий исподлобья взглянул на Станислава. — Да, я его заместитель по экоэтике, но это все равно, что в составе экспедиции “лишний рот”.

— Ну напрасно вы так, — мягко сказал Богданов. — Полномочий у вас не меньше, тем более в таких условиях.

Дарий пожал плечами, красноречие его иссякло.

— Хорошо, об этом поговорим отдельно. Когда вы впервые заметили “зеркала”?

Дарий задумался.

— По-моему, с месяц назад, но сначала не придали им никакого значения, думали — случайные природные образования.

— А когда поняли, что они вовсе не случайные образования?

— Не иронизируйте, пожалуйста, — сказал сосед Дария, худощавый молодой человек с выдающимися скулами и раскосыми глазами. — Из-за этих “зеркал” пришлось устроить поисковый аврал: думали, что проморгали на планете цивилизацию.

— Мы не иронизируем, — покачал головой Богданов. — С “зеркалами” столкнулись и мы, причем в других секторах космоса, у нас интерес к ним особый. Что ж, пора знакомиться с обстановкой на Триасе, — обратился он к Томаху.

— Может быть, все-таки сначала предупредим Момму? — нерешительно сказал Дарий. — Перерывы связи не бывают длительными.

— Нет, в неожиданностях есть свои преимущества. Если связь восстановится, сообщите начальнику о нашем прибытии, а специально ждать сеанса не будем.

— Тогда изучите особенности Триаса; его животного и растительного мира, иначе...

— Иначе мы будем выглядеть авантюристами, — заключил Богданов. — Конечно, начнем с изучения планетарных характеристик. Материала у вас, очевидно, достаточно.

К “вечеру” десантники знали о животном мире планеты примерно то же, что и Дарий, после чего Богданов собрал группу.

— Отчаливаем, ребята, вопросы к хозяевам есть? Нет? Прекрасно.

— Пойдете на нашем шлюпе?— спросил Дарий.
— Он еще не отремонтирован как следует,— вмешался скуластый.

— А что с ним?— полюбопытствовал Микульский.

— Нападение маунта,— неохотно ответил Дарий.— Один из них прополз через когг, у которого была выключена защита.

Десантники покинули зал связи “Парящего орла”, провожаемые взглядами дежурных инженеров.

Богданов задержался, подождал Дария и тихо спросил:

— Сообщение о “зеркалах” передали вы?

— Я,— усмехнулся своей специфичной кривоватой улыбкой заместитель начальника экспедиции.— Из-за этого и сижу сейчас здесь, в корабле. Момма отстранил от планетарных работ, предъявив обвинение в использовании служебного положения в личных целях, преступном перерасходе энергии и несоответствии занимаемой должности.

ГЛАВА 10

Триас

Через полчаса когг с десантной группой из пяти человек, в которую вошел и Филипп, оторвался от цилиндра “Искателя” и вонзился в серо-голубое месиво атмосферы Триаса.

Посадка оказалась не из легких: когг попал сначала в мощные широтные ветры, отбросившие его от намеченного коридора входа на космодром наземной базы “Парящего орла” на двести с лишним километров, а затем, возвращаясь, наткнулся на крыло урагана, к счастью, уползающего на север.

В космодроме — если так можно было назвать площадку размером полкилометра на километр — он все же промахнулся и сел в двух километрах от базы.

— Что будем делать?— спросил Богданов, глядя на угрюмый пейзаж в виоме.— Ждать, пока прояснится?

Когг сел в неглубокой низине, заросшей кустарником, напоминающим мотки спутанной проволоки. В бледно-сером свете, сочащемся сквозь лохматую, мчащуюся с дикой скоростью облачную пелену, все вокруг было черно-зеленым: почва, кустарник, гигантские многоходульные деревья, окружающие низину, но в прожекторном свете все изменилось. Почва, похожая на рыхлый шлак, оказалась кроваво-красного цвета, кустарник — коричневого, с фиолетовым отливом, и только молчаливый лес, состоящий из древесных исполинов высотой около полусотни метров, так и остался темно-зеленым, от пупырчато-чешуйчатых стволов до коленчатых ветвей и пучков метровых листьев-игл.

— Тут уже недалеко, — пожал плечами Филипп. — Наденем антигравы и через три минуты будем на месте.

— Нельзя на антигравах, — возразил пилот; по настоянию Дария они взяли с собой пилотом одного из старожилов. — Мы давно ими не пользуемся, как и пинассами. Во-первых — диноптеры. Представьте летающую махину с размахом крыльев в двадцать метров! Атмосфера здесь плотнее земной раз в пять, вот и летают. Во-вторых, “лесные стрелки”. Летишь эдак на бревном над лесом, а снизу в тебя вонзается стрела весом до двадцати килограммов, по прочности почти не уступающая бериллиду.

— Мы знаем, — сказал Богданов. — Наш товарищ пошутил. Связи до сих пор нет?

Пилот виновато шевельнулся в кресле, поправил дугу эмкане.

— С базой нет, с вашим спейсером и “Орлом” есть.

Он пошевелил пальцами, и над пультом ожил виом связи.

— Пожалуйста, осторожнее, — сказал им Дарий. — Все же это Триас.

— А с ними не могло произойти чего-нибудь... непредвиденного? — спросил Томах.

— База хорошо защищена. — Дарий помялся. — Если только не случилось что-нибудь с одной из рабочих групп. Тогда резерв с базы мог уйти на выручку.

— Все равно в лагере остаются дежурные, — буркнул пилот.

Дарий ничего не ответил.

Богданов помолчал и встал.

— Выступаем. Скафандры ПС, антигравы — на всякий случай, пистолеты, аптечки, НЗ. Все?

— Я возьму переносной автомед, — сказал врач.

— Еще генераторы поля, — подсказал Бруно. — Будет спокойнее.

Богданов кивнул.

— А может, все-таки легче подскочить на когге? — тихо спросил Филипп, надевая скафандр и пристегивая к энергопоясу необходимое снаряжение. — Надо было взять пилотом Януша.

— Мы только что пробовали, — с обидой произнес пилот, обладавший прекрасным слухом. — При низком ветре подскочить на когге с нужной точностью не удастся. Отнесет еще дальше или побьет машину, несмотря на автоматику. Вы что же, думаете, ваши пилоты — боги?

Богданов мельком посмотрел на Филиппа, и тот, покраснев, пробормотал:

— Простите, я не хотел вас обидеть.

— Иди уж, — подтолкнул его в спину Томах. — Что-то ты сегодня не в форме. Эти ребята не раз и не два высаживались на планету в таких условиях.

— Да я не обижаюсь,— смягчился пилот.— Только в ураган не спасает иногда и мыслеуправление. К тому же диноптеры летают в любую погоду, и встретить их даже на ДК я бы не хотел.

Первым на почву Триаса сошел Богданов, тут же споткнулся и упал на пружинящую “проволоку” кустарника. Поднявшись, вклячил генератор поля, горбом выделявшийся на спине, утвердился на голой почве, утопая в ней чуть ли не по колено, и махнул рукой остальным.

Филипп вышел последним, вовремя включил поле и стабилизировал себя в вертикальном положении.

Атмосфера планеты действительно была намного плотнее земной, она затрудняла движения почти так же, как и вода, несмотря на некоторую потерю веса из-за выталкивающей силы.

— Маяки не включайте,— посоветовал из люка оставшийся пилот.— Маунты реагируют на свет и на радио моментально, а вы еще не видели их в натуре. Направление запомнили?

— Да, спасибо,— сказал Богданов.— Постараемся не ввязываться в конфликты, в крайнем случае отступим. Я буду держать вас в курсе.

— Эх, на вашем месте я бы все же подождал,— с сожалением признался пилот.— Момма снова спросит за это с Дария.— Он развел руками и скрылся в отверстии люка. Короткая плита пандуса скользнула на место и наглухо закрыла двухметровое отверстие.

— Не отставать.— Богданов оглянулся и шагнул вперед, выбирая дорогу. За ним гуськом потянулись остальные: Томах, Бруно, Лихолетов и Филипп.

Поднявшись из низины, они миновали петлистый, цепляющийся за ноги кустарник и вступили в лес, чуть ли не целиком скрывший небо над головой. Ветер здесь притих, путаясь в миллионах ветвей, идти стало легче, хотя ноги вязли в почве до колен. Видимость из-за нехватки освещения ухудшилась, и Богданов приказал перейти на инфразрение и снять с поясов “универсалы”.

Филипп лишь в Школе стажеров познакомился с этим оружием, оказавшимся родственником антиграву. Пистолет “универсал” мог излучать гравитационное поле в виде импульсов различной пространственной формы, и привыкнуть к оружию, могущему пробить как пулей или шпагой любое материальное тело, или опрокинуть и раздробить скалу, было непросто.

Богданов останавливался два раза, сверяясь со светящейся нитью путеуказателя на руке. Трижды из чащи леса слышался какой-то гроыхающий клекот, перекрывающий звуки бури. А когда они спускались по косогору к небольшому ручью с черной водой, над ними со свистом и уханьем пролетела громадная бес-

форменная масса, исчезнув из глаз прежде, чем люди схватились за оружие.

Пройдя около двух километров, группа без приключений выбралась на опушку леса, за которой начинался плоский прямоугольник космодрома базы, освещенный инфракрасными прожекторами из четырех бронеколлапов по углам поля. В центре прямоугольника высился одинокий когг, безмолвный и черный. За полем шла освещенная вертикальными фонарями дорожка, обегаящая строения лагеря, видимая, как сквозь бликующую прозрачную пленку, и Филипп понял, что видит дорожку и строения сквозь защитную энергетическую завесу.

— Дошли, — угрюмо пробормотал Бруно. — А войти как? Сквозь энергостену не пройти даже в наших ПС.

— Никки, — позвал Богданов. — Связи все еще нет?

— Нет, — отозвался пилот мгновенно. — Пока не снята защита, ее и не будет.

— По-моему, у них все нормально, на вид все цело, все на месте, тихо и спокойно.

Филипп осторожно приблизился к полю космодрома, нагнувшись — это был спрессованный до плотности бетона грунт, и вдруг краем глаза уловил какое-то движение на опушке леса. Он мгновенно развернулся и, еще толком не рассмотрев, что это, дал предупреждающий сигнал.

То, что они приняли за холм в ста метрах от них, слева от космодрома, оказалось живым существом! Оно одним движением покрыло расстояние до людей и замерло, возвышаясь над ними черной массой. В полутьме трудно было что-нибудь разглядеть, Филипп видел только два каких-то светлых косых треугольника в застывшей громаде и что-то непрерывно шевелящееся невысоко над почвой, как сжимающиеся и расширяющиеся пальцы...

— Не стрелять! — тихо и жестко проговорил Богданов. — Поле на максимум, поменьше движений!

Люди сдвинулись тесней, разглядывая чудовище, в свою очередь разглядывающее их. Так прошла минута, вторая, пятая...

Гигант не шевелился, словно решая, что ему делать с незваными гостями. Медленно текли минуты, людьми постепенно овладело беспокойство, стремление двигаться, что-то делать, прыгать, кричать — лишь бы не стоять на месте и молчать... Потом ощущения резко изменились: нахлынуло безразличие, равнодушие ко всему на свете, захотелось лечь и спать, ни о чем не думать и не вспоминать...

Об этом Дарий не рассказывал, подумал Филипп. Похоже, что маунты излучают пси-поле... Только этот экземпляр почему-то не нападает. Стоит ему шевельнуться, и он втопчет нас в

землю, несмотря на “универсалы”! Чего он ждет? Пытается загипнотизировать, а потом сожрать?

— Пси-индукция, — пробормотал Лихолетов, — близко к волне “омега семьсот тридцать”: ощущение сонливости, усталости.

— Ну хватит, что ли, — прошептал Томах. — Поглядели друг на друга и хватит. Долго еще мы будем терпеть это равновесие? Надо что-то делать, или бежать, или...

— Стрелять?

— Не стрелять, но действовать. Отпугнуть, например.

Словно в ответ на слова Станислава черная громада вытянулась вдруг в высоту, чуть ли не дотянувшись до низких стремительных облачных струй, попятилась так, что дрогнула почва, и с низким урчанием, от которого завибрировали скафандры, уползла в темень близкой горной гряды. Еще несколько раз дрогнула почва, и все стихло, только ветер продолжал бесноваться в вышине, иногда словно срываясь с цепи и раздавая весомые оплеухи тем, кто внизу под ним цеплялся за неровности почвы.

— Подойдем ближе, — решил наконец Богданов, поглядев на часы. — К защитной завесе.

— Странно все же, — задумчиво сказал Лихолетов. — Почему он не напал? Дарий говорил, стоит им выйти из-под защиты, как маунты бросаются на людей и на технику.

— Вот-вот, — кивнул Томах. — Тут что-то не так... Никита, у тебя есть соображения по этому поводу?

— Первое соображение, наверное, — не стрелять, — не удержался Филипп. — Ведь маунт тоже кинулся к нам, будто хотел напасть... а мы не стреляли. Озадаченный, он не решился на нападение. Может, у работников экспедиции выработался стереотип: мчится на них во всю прыть — значит, хочет напасть.

— Правильно, — сказал Богданов. — И соображение резонное: постараемся и впредь не применять оружия. Дарий мне сообщил... — он замолчал.

Десантники помолчали, ожидая продолжения, но его не последовало.

— Посмотрим, — вздохнул Томах. — Ну что, братцы, устроим иллюминацию? Должен же у них кто-то быть в лагере. Допустим, аэросторож сбит диноптером или стрелком, но автоматика-то защиты наверняка заметит...

Лихолетов вдруг присвистнул.

— Посмотрите-ка на космодром.

— Что там еще?

— Шлюп!

Десантники оглянулись на прямоугольник ВПП. Когда на нем уже не было. Вернее, он был втоптан в почву кормой вперед до самого носа, отчего издали казалось, что в центре поля образовалась звездообразная яма, похожая на черную кляксу.

— Можно прикинуть массу маунта,— флегматично заметил Бруно.— Чтобы вмять шлюп в эту землю, надо создать давление примерно сто килограммов на квадратный сантиметр. Отсюда масса маунта должна быть порядка десяти тысяч тонн. Странно одно, почему он не опрокинул шлюп, а вдавил в почву.

Филипп вспомнил когг на “Парящем орле”, через который прополз, по словам Дария, маунт. Десять тысяч тонн! Что было бы, проползи он через них?

Богданов хмыкнул и зашагал к границе освещенной зоны лагеря.

Заметно посветлело. Облака все еще продолжали нестись во весь опор, но слой их стал тоньше. Пепельный свет дня возвращался на помрачневшую под ударами стихии равнину.

— Не догадались взять прожектор,— сказал Томах.— Помогали бы, и дело с концом. Попробуем синхронно помогать на-шлемными фонарями?

— У меня случайно оказался “блейзер”,— пробормотал Бруно, протягивая Богданову ребристый цилиндрок толщиной в палец.

— Случайно!— хмыкнул Томах.— Запасливый ты мужик, Бруно! У тебя случайно нет с собой ТФ-разрядника?

— Разрядника нет,— подумав, сказал Бруно.— А что такое мужик? Твое новое ругательство?

Станислав развеселился.

— Успокойся, это словечко из лексикона двадцатого века, означает оно...— он поразмыслил,— в общем, уменьшительно-ласкательное от слова “мужчина”.

Бруно с сомнением посмотрел на инспектора, но проверить правильность “перевода” было не у кого.

В это время Богданов вставил цилиндрок “блейзера” в короткий ствол “универсала”, тщательно прицелился и выстрелил. Из дула вылетела огненная стрела, упала на купол защитного поля над базой и вспыхнула чудовищно яркой звездой. По земле за-плясали черные тени, люди вынуждены были отвернуться, чтобы не ослепнуть: световой поток сгорающего “блейзера” достигал такой величины, что не спасали фильтры шлемов.

Через три минуты “блейзер” погас, и всем показалось, что резко стемнело.

Богданов терпеливо ждал. Наконец из жилого коттеджа в освещенном круге лагеря выглянул человек в легком скафандре, вгляделся в их сторону, воздел руки к небу и скрылся за дверью. Филипп первым догадался, что означает его жест, поднял голову и увидел пикирующую на них фиолетовую тень.

— Ложись!— рывкнул он, падая и отстегивая с пояса “универсал”.

Все попадали на почву, но “тень” не думала нападать: пахнуло ветром, что-то проскрежетало в воздухе, затем с треском и хрустом многометровая машина захлопала крыльями и взмыла к тучам. Снова прозвучал скрежет “металла о металл” и все стихло.

По ту сторону защитной завесы к ним бежали двое, завеса исчезла, и в наушниках раздался свирепый голос:

— Быстрее, какого дьявола копаетесь, диноптер сейчас вернется и не один.

Богданов без слов поспешил на освещенное пространство. Едва они перебрались в защищаемую зону, как энергозавеса замерцала сзади вновь, отрезая доступ к домикам лагеря любому живому существу.

Филипп сбоку посмотрел на провожатых, увидел в руках одного из них знакомый кожаный плазморазрядника и покачал головой: видимо, шутить разведчики не любили.

Пройдя тамбур и сняв скафандры, десантники оказались в коридоре. Провожатый — косолапый, слегка горбившийся парень с копной выгоревших до желтого блеска волос — оживился, разглядывая их форму с эмблемой отдела безопасности.

— Безопасники? Ну и дела-а... У нас вроде соблюдаются все пункты инструкции, и происшествий особых нет.

— Почему у вас нет связи с кораблем? — спросил холодно-спокойный Богданов.

— А-а, — парень помрачнел. — Большую антенну повредили маунты, аэросторожа уничтожили диноптеры, а малые ТФ-передатчики не пробивают защитную завесу.

— Так выключите защиту и будет связь, — проворчал Бруно. — Там же люди беспокоятся.

Парень усмехнулся.

— Выключить защиту!.. В том-то и дело, что мы не можем ее выключить. Это вот только перед вашим приходом немного успокоилось, а то продохнуть нельзя было из-за маунтов. Вы еще не знаете, что это за звери и на что они способны.

— Уже встречались, — пожал плечами Томах. — Нас он не тронул, а вот шлюп ваш втоптал в почву.

Молодой человек озадаченно посмотрел на Станислава.

— Не тронул? Не может быть!

Десантники переглянулись, парень смутился.

— За шлюп не беспокойтесь, — заторопился он. — Это просто болванка из пластика, копия — для отвода глаз. Маунты обычно после расправы с когтом уходят, втопчут в поле и уходят, словно у них это какая-то игра, вот мы и придумали им забаву. Пойдемте со мной. У нас тут в лагере почти никого нет, — продолжал он уже на ходу. — Весь отряд ушел на плато Нежданного Спокойствия. Там обнаружена невероятно разветвленная система пещер

со следами каких-то двуногих существ. Группа Шемисса ушла туда третьего дня и — ни слуху ни духу! Ну, Момма и отправил всех на поиски... Мы пришли.

Провожатый отступил в сторону, прямоугольник двери перед гостями просветлел, и десантники оказались в небольшом помещении, похожем на кают-компанию спейсера: гнутые янтарные стены с бегущими искрами, стандартные кресла, стол с черной матовой поверхностью, громадное “окно” виома, отражающее низкое, совсем светлое небо с редкими, убегающими космами туч, пульт видеоселектора у стены.

В комнате находилось всего двое: один — краснолицый здоровяк с руками-лопатами, второй — седой, сухой, длинноногий, руки на груди, с морщинистым лицом и жестким запавшим ртом. Глаза этого второго смотрели холодно и изучающе. Он только повернул к вошедшим голову и остался стоять в прежней позе.

— Безопасники, — упавшим голосом произнес их провожатый и отошел к столу.

— Вот уж кого не ждали, — гулко сказал здоровяк. — Какими судьбами пожаловали к нам пограничники? Да еще и асы безопасности к тому же, а?

— Не надо, Крут, — почти не разжимая губ, голосом, похожим на шелканье бича, проговорил сухопарый. — Очевидно, это по поводу ТФ-депешки моего заместителя. Так?

— Совершенно верно, — кивнул Богданов. — Именно по поводу ТФ-депешки вашего заместителя по экоэтике Дария.

У седого прыгнули вверх брови, и в глазах на миг промелькнули озадаченность и любопытство.

— Что ж, гостям мы рады, проходите. Я Исиро Момма, начальник экспедиции “Парящего орла”. Это мой заместитель по техническому оснащению групп Крут Зотов. — Говорил Момма без обычного “японского” акцента, четко выговаривая букву “л”. — Инженер защиты Владриг. — Небрежный кивок в сторону недавнего провожатого.

— Богданов, шеф-официал спецгруппы отдела безопасности УАСС. Это мой заместитель Станислав Томах, Осинниго — эксперт технического сектора, врач Лихолетов и Ромашин.

— Прекрасно. — Момма указал на кресла и сел сам. — Итак, чем вас заинтересовало сообщение Дария? За которое, кстати, он получил нагоняй... Насколько я понимаю, за здорово живешь Управление не станет гонять спейсер в эдакую даль? На чем вы прибыли?

— К Этамину на спейсере погранслужбы “Искатель”, сюда на шлюпе.

— Шлюп ушел?

— Нет, — помедлив, сказал Богданов. — Ждет связи.

По лицу Моммы прошла тень.

— Влад,— обратился он к инженеру защиты.— Сними на минуту энерголист и дай команду пилоту: пусть немедленно уходит на корабль.

Владриг кивнул и встал.

— Минуту,— сказал Богданов.— Не надо давать такой команды.

Момма нахмурился.

— Вы не понимаете, что говорите, с маунтами не шутят. Иди.

— И все-таки,— невозмутимо произнес Богданов.— Пилот подчиняется только мне, это раз; нашему коггу не страшны маунты, это два; и три — лучше свяжитесь с кораблем, люди ждут сообщения, беспокоятся за вас.

Момма откинулся в кресле, глаза его сузились. Он побарабанил пальцами по столу, усмехнулся.

— Интересное положение. Вы, не зная особенностей Триаса, берете на себя ответственность за жизнь человека. А что такое маунты, знаете?

— Именно потому и берем ответственность, что знаем особенности Триаса.

— Видно, Дарий им успел выложить собственную теорию,— сказал Зотов с пренебрежением.

— Они говорят, что встретили одного маунта вблизи базы, и он не напал,— пробормотал Владриг, стоя у двери.

Момма прищурился.

— Это что-то новенькое! Простите, но позвольте усомниться. Маунт увидел вас и не напал? Нонсенс! Сколько себя помню на Триасе, столько маунты не упускают ни одной возможности, чтобы напасть на людей. Может, вы спутали маунта с дурнеем? Внешне они немного похожи, хотя дурней в десять-пятнадцать раз меньше. Или с диноптером?

— Диноптера мы повстречали тоже,— сказал Томах.— Но и он не причинил нам особого беспокойства.

— Тогда сдаюсь!-- Момма развел руками.— Мир перевернулся.

— Я не уверяю, что мы твердо убеждены в реальности встреч,— произнес Богданов.— Может быть, это был сумасшедший маунт, может, вовсе и не он. Проверим. Мы, собственно, прибыли на Триас по другому поводу: ваши исследователи встретили “зеркала”...

Момма пренебрежительно поморщился:

— Ах, это... из-за такого пустячного дела?.. Простите, не понимаю.

— И не надо. Вы решаете свои задачи, мы свои. Кстати, я уполномочен разобраться в обстановке и принять соответствующие меры.

— Какие же?

— По обеспечению экспедиции необходимым оборудованием,— с иронией закончил Томах.

Момма тонко улыбнулся, он понял.

— Теперь следующее.— Богданов помолчал и очень мягко сказал:

— Вы все же сообщите на корабль о положении дел. Там ждут связи.

В глазах начальника экспедиции мигнули колющие огоньки, он с минуту смотрел на небо Триаса, потом нехотя проговорил:

— Дай им минутную сводку, Влад.

Владриг, томившийся у двери, вышел.

— Так что же вы собираетесь предпринять? Учтите, машин лишних у меня нет, людей тоже. План исследований горит, и я не вправе остановить поисковые работы, даже если бы захотел.

— Постараемся не отвлекать вас от дела, единственная просьба — показать “зеркала”. Без провожатоного, конечно, не обойтись.

— Одного я вам дам — того молодого человека, что вас встретил, Владрига. Достаточно?

— Пока достаточно.— Богданов поднялся.— Вопрос: наша помощь в поиске пропавшей группы Шемисса не нужна?

Момма, нахмутив брови, тоже встал. Голос у него был сух и подчеркнуто бесстрастен.

— Уже проинформированы? Справимся сами, благодарю.

— Но мы ускорили бы поиск,— сказал Филипп с недоумением.— Высвободили бы ваших товарищей для плановых работ. Опыт у нас в подобных делах, смею вас уверить, имеется немалый.

— Ничего, полдня-день не играют большой роли,— с оттенком нетерпения произнес начальник экспедиции. По всему было видно, что он не привык менять своих решений, даже если они были и не лучшими.

Богданов задержался у двери.

— Нам еще нужна связь со своей базой.

— Сколько?

Никита понял и посмотрел на Бруно. Тот поднял пятерню:

— Минуты четыре-пять.

— Четыре — куда ни шло. Крут, проводи.

Грузный заместитель начальника экспедиции, равнодушно прислушивающийся к разговору, молча направился к двери. Он наверняка не имел здесь права голоса и знал это. Как и Дарий, подумал Филипп. Привык, что все решает Момма. Ну и характерец у начальника экспедиции! С первого взгляда видно — властен и крут! Но, может быть, для начальника такого масштаба это хорошо?

В рубке связи было тихо. Кроме Владрига, тут сидели двое инженеров-связистов, молодые, загорелые, чуть смущенные визитом ребята.

Владриг снял защиту над базой, и Бруно, быстро разобравшись в управлении, соединился с “Искателем” и продиктовал дежурным бортинженерам список необходимого снаряжения.

— Кроме того, нужен киб-лингвастат,— добавил Богданов.— Поищем интеллект у некоторых симпатичных тварей планеты.

— Что взять из машинного парка?

— Погрузите один “Мастифф”, пинассы и другие летательные аппараты не понадобятся.

— Выполняем, ждите.

— Все,— обратился Богданов к хозяевам.— Включайте свою защиту.

— А когг?— напомнил Томах.

— Да,— спохватился Никита.— Бруно, колдуй связь со шлюпом.

Через полминуты откликнулся пилот. Лицо его, когда он увидел десантников, посветлело.

— Я уже начал беспокоиться. Что мне делать?

— Возвращайся.— Богданов показал рукой вверх.— На спейсере загрузишься и обратно сюда, аллюр три креста!

— Есть аллюр три креста!

Пилот отключился.

— Подождем,— сказал Томах с улыбкой.— Посмотрим лагерь, если хозяева не возражают, поиграем в шахматы.

Хозяева не возражали. Эмблема отдела безопасности создавала вокруг безопасников такой ореол, который молодые парни еще не могли переносить без душевного трепета.

ГЛАВА 11

Прелесть неожиданности

После завтрака, напутствуемые полуироничным замечанием Моммы “соблюдать режим безопасности не ниже пункта “срам”, десантники выгрузили из прибывшего с орбиты когга танк-лабораторию “Мастифф” и быстро загрузили кормовой отсек оборудованием для исследования “зеркальных перевертышей”.

К этому моменту маунты полностью сняли осаду лагеря, и защитную завесу, требующую громадных расходов энергии, выключили.

— Вы уж не обижайтесь,— извиняющимся тоном сказал провозжавший их Зотов.— У начальника слишком много забот, да и ладится не все, сами видите. Так что войдите в положение. По

пути вы наверняка столкнетесь с кем-нибудь из представителей местной фауны, и хотя танкам маунты не страшны, относительно, конечно, лучше не подпускать их близко.

— Учтем,— сказал Богданов.— Спасибо. Вперед!— бросил он Томаху, надевшему эмкан управления.

Танк легко, без толчка, снялся с места.

Они проехали мимо поля космодрома, на котором трое сотрудников базы с помощью универсального корабельного погрузчика вытаскивали из ямы вдавленный в почву муляж когга; неподалеку торчал трехлапый, похожий на коленчатого металлического жирафа сторожевой автомат.

Лагерь базы располагался на ровном месте, занимая площадь чуть больше гектара. Со всех сторон он был окружен лесом, хотя Филипп обратил внимание, что в полосе двухсот метров от его границ не росло ни одно дерево.

— Вы что же, лес возле базы уничтожили?— спросил он.

— Сожгли,— отозвался Владриг, подумал и добавил:

— Иначе нельзя: мимикрозавры.

Танк в это время, поднимая голубоватую пыль, проезжал под деревом. Станислав несколько замешкался, и Владриг предложил:

— Давайте поведу я, быстрее дойдем, дорога мне известна лучше.

Томах посмотрел на Никиту и передал управление провожатому.

— О мимикрозаврах мы наслышаны,— сказал он.— Хочется убедиться воочию.

Владриг уверенно нацепил эмкан.

— Увидите, не сомневайтесь, но не уверен, что это зрелище доставит вам удовольствие.

Филипп сидел слева от Богданова и справа от кресла водителя, созерцание чужой природы заставляло сжиматься сердце в ожидании каких-то необычных встреч, поэтому он не особенно прислушивался к разговорам в кабине.

Сначала они ехали вдоль цепи невысоких увалов, поросших все тем же лесом, создающим впечатление непроходимой чащи. Деревья напоминали земные мангры: короткий толстый ствол опирался на множество “ног” — ходульных корней и пускал ввысь пучок точно таких же по форме “рук” — ветвей, так что если бы дерево можно было перевернуть, оно нисколько не изменило бы свой вид. Потом танк вывернул в речную долину, и, пустив многохвостую радугу за кормой, всплыл над гладью реки на поддерживающем поле. Кабину сразу перестало раскачивать и бросать с боку на бок.

Берега реки заросли густым лишайниковидным ковром, напоминающим цветом запекшуюся кровь, и среди этих толстых

“подушек” и “колючих покрывал” Филипп заметил редкие оранжевые языки пламени. Лишь взглядевшись, понял, что это скорее всего тоже растения.

— Цветы?— спросил он, показывая на “огни”.

— Спороносы,— повернув голову, ответил Владриг.— Мы назвали их пламениками. Красивы только издали. То, что светится — язычок пламени — на самом деле плесень со спорами, колонии микроорганизмов. Стоит “цветок” сорвать, как плесень бурно распадается с выделением непередаваемо гнусного запаха. Однажды наш биолог принес его в кают-компанию...

В этот момент дерево на холме, мимо которого они проезжали, вдруг выдрало свои корни из почвы и обрушило на танк тысячерукие ветви.

Владриг остановил машину, искоса поглядев на пассажиров. Те молчали. “Дерево” обхватило танк со всех сторон и стало трясти и раскачивать. Ствол его изменил цвет на фиолетовый и словно треснул щелью громадной пасти. По броне с визгом прошлись шипы и когти лап, потом полуметровые зубы.

— Красавец!— нарушил молчание Томах.

Владриг включил защитное поле, и странное “дерево” шарахнулось от машины в воду, раздался шипящий скрежет — крик зверя.

— Вот вам и мимикрозавр,— со смешком сказал Владриг.— Вы так рвались его увидеть.

— Только не я,— буркнул Бруно.— Похоже, человек ему — на один зуб. Но вообще он довольно симпатичен.

“Симпатичный” зверь на глазах превратился в корявую фиолетовую торпеду и с плеском нырнул в глубину реки. В ответ на его скрежет издали, словно эхо, донесся пронзительный крик-клекот, от которого у всех заныли зубы.

— О, дьявол!— сказал Владриг, увеличивая скорость.— Если она нас учует!..

— Кто?

— Разве вам не говорили? Ребята называли ее рок-птицей. Невелика, чуть больше орла, но кричит — только энергозавеса и спадает.

— Ультразвук,— проворчал Бруно.

— И ультразвук, и целый набор противных обертонов. Если она заметит танк, работы не получится, придется уходить на базу.

— Отпугнуть — и дело с концом!

— Отпугнуть — значит убить. Никого и ничего птица-рок не боится. Если только ранить — через минуту тут будет светопреобразование! Каким-то образом сотни этих исчадий ада узнают о происшествии, собираются в стаю, и тогда приходится или бежать сломя голову под защиту базы, или...

— Ну-ну?

— Или стрелять!

Владриг подумал, вырвал танк из теснины реки и направил его в расщелину между стенами расколотого надвое непонятным катаклизмом холма. Однако вскоре раздался знакомый крик, и над танком мелькнул силуэт таинственной птицы.

— И-и-р-р-ра-з-з-зла-ш-ш-ш! — Словно визг раздираемого железа, скрип стекла и шипение выпускаемого пара.

Владриг резко затормозил.

— Попробуем ее сбить.

— Не надо, — тихо сказал Богданов. — Пусть кричит. Едем дальше. Далеко еще?

— Километров семь. но...

— Не обращайтесь внимания, потерпим. Станет неважно — попробуем отпугнуть, но это в крайнем случае.

Владриг пожал плечами и повиновался.

Сопровождаемые криками дьявольской птицы, от которых ныли зубы и сверлило в ушах, они направились в заросли леса, состоящего из странных толстых, изъеденных дырами и полых внутри деревьев. Светло-голубые у основания, деревья постепенно темнели с высотой и к вершинам, напоминая сжатые кулаки, становились черными. Пространство под ними было усеяно черными сморщенными плодами с метровыми колючками.

— Каштаны! — хмыкнул Лихолетов.

— Точно, — не оборачиваясь, сказал Владриг. — Мы их так и называли: *Castanea sativa Triasus* — каштаны Триаса.

Над танком снова пролетела птица-рок, заставив людей замолчать. Впереди открылась гладкая черная площадка, машина с ходу вылетела на ее середину, дернулась и... стала тонуть.

Владриг выругался сквозь зубы, подключил поле поддержки, танк с трудом выполз на край вязкой трясины.

— Асфальт, — пояснил провожатый в ответ на взгляды десантников. — Таких асфальтовых трубок в этом районе много. Район термально активен, иногда трубки выбиваются метановым паром под давлением, и получаются асфальтовые озера или “стадионы”.

Через полчаса выехали на обширную лысую поверхность, на которой кое-где торчали гибкие хлысты какого-то растения. Возле громад знакомых “мангров” Владриг остановил танк и недоуменно хмыкнул, оглядываясь.

Богданов шевельнулся в кресле.

— Приехали?

— Приехать-то приехали, только почему-то не видно “зеркал”.

— А разве здесь не работают ваши группы? — осведомился Томах.

— Конечно, нет. Это место старой базы, мы переехали отсюда неделю назад. Одно “зеркало” было врезано в ствол лабиринтопода,— Владриг показал на самое большое полое дерево,— а второе было мерцающим, то есть то появлялось на пустом месте, то исчезало. А сейчас — ничего...

— Завел, Иван Сусанин! И мы хороши: надо было сразу спросить, куда едем, только время потеряли.

— Но они были, честное слово!— Владриг порозовел под взглядами.

— Мы верим,— вздохнул Богданов.— Но дело в том, что “зеркала” появляются только там, где есть люди. Вы ушли отсюда, исчезли и они. Теперь “зеркала” наверняка появились возле базы, на новом месте, просто вы их там не искали. Придется возвращаться. А где работают ваши группы?

— В разных местах. На нашем материке работают три: биологическая и две планетологических. На плато Нежданного Спокойствия потерялись как раз биологи. А на другом материке четыре группы: атмосферники, океанологи, биологи и планетоморфологи. Все группы автономны, базируются на “Мастиффах”, имеют передвижные реакторы и инструментальные бункера. До ближайшей около семидесяти километров.

Богданов кивнул.

Танк развернулся и углубился в лес, пускаясь в обратную дорогу.

Через полтора часа вернулись к базе, объехали ее по периметру и обнаружили два “зеркала”. Одно пряталось на мощном стволе полого лабиринтопода, второе на противоположном конце пустыря расположилось в перистом кустарнике.

Момма только хмыкнул, выслушав сообщение, а его заместитель Зотов равнодушно порадовался случившемуся: вблизи лагеря работать было несравненно удобнее и безопаснее, чем вдали от него.

Десантники выгрузили аппаратуру и приступили к исследованию “зеркальных перевертышей”, разделившись на две группы.

К вечеру первого дня стало известно, что “зеркала” ничем не отличаются от своих предшественников на Шемали, вплоть до палиндром-эффекта. ТФ-трассеры дважды фиксировали эхо волновых передач: “зеркала” исправно передавали накопленную информацию неведомому Наблюдателю. Однако определить направление передач не удалось, не помогли ни разработанные специалистами техсектора методы ТФ-пеленгации, ни сверхчувствительные датчики направления.

Филипп работал в паре с Бруно на трассерах: оба одинаково хорошо разбирались в ТФ-аппаратуре, знали все ее сильные и слабые стороны. Остальные эксперты техсектора под началом

Романенко занимались изучением физических свойств “зеркальных перевертышей”, спектральным распределением излучений и плотностей полей вблизи этих объектов и анализом свойств предметов, пропущенных через “зеркала”. Спокойная сдержанность безопасников, очевидно, понравилась Владригу, и он выбирал время помочь новым товарищам “и словом и делом”.

За все время работы вблизи базы не появился ни один маунт, только однажды выполз мимикрозавр, но тут же уковылял в чащу, словно устыдившись своего грозного вида.

— Странное затишье, — признался Владриг Томаху. — Будто вымерло все кругом. Обычно мы не можем даже спокойно выйти из дома, как появляются маунты или диноптеры, или те и другие разом. А тут целый день возимся почти без защиты и никого!

— Им стало скучно, — пошутил Станислав, охранявший “тылы” групп на “Мастиффе”.

— Нет, действительно что-то странное. Во время нашей поездки тоже было тихо, даже птица-рок не проявила всех своих качеств. Не готовится ли новая волна нападений?

Богданов оторвался от работы и посмотрел на лиловатое небо с кляксами облаков.

— Да, — согласился он. — Странно. Если не сказать иначе.

А спустя несколько минут из леса выпрыгнул маунт, будто подслушав разговор. Взыла сирена сторожевого автомата.

— Все в танк! — закричал Владриг, хватаясь за “универсал”.

До зоны, охраняемой энергозавесой, было всего около двухсот пятидесяти метров, но никто из десантников не тронулся с места, видя, что Богданов не торопится убежать.

— Спокойно, ребята, я вас прикрою, — сказал из танка Томах. — Только подойдите друг к другу поближе.

Работавшие, побросав приборы, сдвинулись тесней. Владриг попятился к ним, выставив короткий ствол пистолета навстречу маунту.

Теперь Филипп мог рассмотреть необычное животное более подробно, чем во время первой встречи. Тело маунта не имело определенной формы, больше всего оно походило на многогорбый, складчатый наплыв лавы высотой около полусотни метров и длиной больше двухсот. Головы у него тоже не было, впереди по ходу движения туловища торчал округлый бугор с двумя пятнами, напоминающими косые треугольники, более светлые, чем все остальное фиолетово-черное тело животного.

Складки на “груди” маунта сократились, и он почти бесшумно, только дрогнула почва, передвинулся вплотную к замершей группе людей. Филипп не ощущал страха, несмотря на нависшую над ними многометровую махину величиной с двадцатипятиэтажное здание, только любопытство и восхищение. Маунт

превосходил по размерам любое виденное им существо, и размах природы, сотворившей это чудо света, потрясал.

С минуту длилось томительное равновесие: обе стороны с интересом разглядывали друг друга, хотя определить, где у маунта глаза, было невозможно, разве что светлые трехметровые треугольники на лобовом вздутии? Потом со стороны базы донесся сигнал, и из дверей ангара выкатилась платформа с хищным силуэтом плазменного разрядника. Управлялась она, очевидно, дистанционно.

— Не стрелять!— яростным шепотом сказал Богданов.— Не смей стрелять!

Но его то ли не услышали, то ли не поняли. Платформа выкатилась на поле космодрома, с решетчатого кожуха разрядника сорвалась неяркая голубая молния и вонзилась в бок маунта. Животное всколыхнулось всеми своими складками и наростами, стремительно развернулось в высоту, как бы “встав на ноги”, так что люди увидели его брюхо со множеством отверстий, и бросилось в лес, по пути задев танк Томаха.

С платформы плюнуло вслед громадным языком прозрачно-синего пламени, в лесу ухнуло, и всех накрыла волна грохота, словно где-то рушились скалы. Грохот удалился и стих.

— Повезло!— с облегчением сказал Владриг, пряча “универсал”.

— А что там загрохотало?— пробормотал Бруно.— Маунт столкнулся со скалой?

— Нет, это его крик.

Десантники переглянулись. С другой стороны поляны к ним бежали Романенко и члены его группы.

— Кто командовал стрельбой?— медленно проговорил Богданов.

Все разговоры смолкли.

— Я, конечно,— раздался в наушниках голос Моммы.— Надо же было его отогнать. Только плазмопушки они и боятся, в следующий раз берите ее с собой сами.

— Вы слышали крик?— сердито спросил Лихолетов.

— Слышал.— В голосе начальника экспедиции прозвучало удивление.— Ну и что?

— Ничего особенного, но нет крика без боли! Понимаете?

Богданов предупреждающе сжал локоть врача, и тот умолк. Момма не отвечал. Филипп представил его жесткое усмехающееся лицо и поморщился: начальника экспедиции мало трогали эмоции окружающих.

— Слава,— сказал тихо Богданов, перейдя на другую волну.— Возьми Януша и Романенко и пройди с ними по маршруту до ближайшей остановки планетологов, поищи “зеркала”, поговори с разведчиками. Связь будем держать на этой же волне

через каждые два часа. В конфликты с животными не вступать, оборона в случае нужды — пассивная.

— Есть, — лаконично отозвался Томах.

— Куда это они? — спросил Владриг, провожая глазами танк. — Опасно же!

Никто ему не ответил.

Вечером к исходу третьих суток пребывания на планете группа безопасников собралась в кают-компания базы, негромко делая впечатлениями прошедшего дня. Томах с Микульским и Романенко вернулись поздно, их каждодневные таинственные отлучки интересовали многих, но по лицам невозможно было судить о результатах рейдов, а спрашивать, куда они ездят, у десантников было не принято. В этот вечер они имели короткий разговор с Богдановым, после чего уселись в уголке рядом с Филиппом, рассеянно прислушиваясь к голосам товарищей.

— Как там дела с пропавшей группой? — спросил Томах Филиппа, вырабатывающего привычку к немногословию.

— Нашлась перед вашим приездом. Их завалило в одной из пещер, с трудом пробившись на поверхность.

— Нашли кого-нибудь?

— Новый вид животных, нечто вроде двулапых кротов.

— Нападений не было?

— Не интересовался.

Станислав расслабленно шевельнул рукой.

— Напрасно. Если бы поинтересовался, набрел бы на интересный парадокс.

В помещение, широко шагая, вошел прямой, холодно-официальный Момма. Остановившись возле Богданова, сдерживаясь, сказал:

— Кто вам дал право снимать энергозавесу вокруг базы ночью?

В кают-компанию установилась тишина.

Богданов с недоумением посмотрел на начальника экспедиции.

— Разве я вас не предупредил? Простите, я, кажется, о своем решении сообщил Зотову. По-моему, нет смысла постоянно включать защиту в ночное время. Над базой завешен аэрострож, он подаст сигнал тревоги, если появится опасность. К тому же, выяснились некоторые любопытные обстоятельства, мне необходимо было их проверить.

— Меня не интересуют обстоятельства, не относящиеся к компетенции начальника экспедиции. За безопасность экспедиции отвечаю я, и ваши аргументы... — Момма поискал слово, не нашел и закончил:

— Впредь попрошу решения, направленные на изменение статуса базы или внутреннего распорядка, согласовывать со мной.

Богданов молча вынул из кармана куртки оранжевый прямоугольник.

— Посмотрите, это мой сертификат официала УАСС, там написано, что я могу, а что нет.

Момма поиграл желваками, метнул холодное пламя взгляда на лица насторожившихся десантников и работников экспедиции, делавших вид, что они заняты обсуждением насущных проблем.

— Ваши полномочия не могут распространяться на организацию работы экспедиций Даль-разведки. Здесь команду я, и только я имею право отменять собственные распоряжения.

— Сбавьте свой тон. Я вас предупреждал, что мы будем экспериментировать, искать новые способы охраны базы, но вы пропустили мои слова мимо ушей. Ваши распоряжения я не отменял, защита включалась по ночам в порядке, предусмотренном первоначальной программой, и ничего за это время не случилось. А единоначалие руководителя экспедиции распространяется до известных пределов. Я не был готов к сегодняшнему разговору, но коль уж вы начали, то слушайте. Право выносить решения, направленные, кстати, не только на соблюдение режима работы и необходимой степени безопасности, но и на выполнение норм экоэтики, имеют и ваши заместители. Почему же ни одно из требований заместителя по экоэтике Дария не только не записано в журнал распоряжений, но и вообще не выполняется? Почему Дарий, место которого здесь, на поверхности планеты, находится на борту корабля? И наконец, последнее: почему вами поощряется конфликтная ситуация экспедиции с животным миром Триаса?

Момма сжал губы так, что они превратились в линию.

— Так! Отвечаю по порядку. Первое: требования моего заместителя по экоэтике полностью рахоятся с действительностью, отражаются на графике работ и поэтому, естественно, не выполняются. Второе: Дарий, находясь на базе, бесполезен как специалист. Говоря прямо, он нам попросту мешает... всем. И третье: конфликтная ситуация с фауной Триаса создана не нами — мы вынуждены защищаться и только. Вы удовлетворены ответами?

Богданов медленно покачал головой, глядя на Момму с неопределенным сожалением.

— У меня есть еще вопросы. Как вы думаете, почему на нас, я имею в виду прибывший отряд, за трое суток не было совершено ни одного нападения?

Момма пожал плечами.

— Случайность. Причем счастливая случайность.

— Хорошо, пусть будет случайность. Тогда почему на базу тоже до сих пор нет нападений? Я ведь снял защиту двое суток назад.

— Я не ксенобиолог. В психологии и инстинктах маунтов пусть разбираются специалисты. К чему вы клоните?

— Правильно, специалисты,— согласился Богданов.— А главный специалист в этом вопросе, кстати, Дарий. Слушать его, однако, вы не стали, как не послушали молодых биологов из группы Шемисса, предложивших провести эксперимент: прекратить стрельбу и посмотреть, что из этого выйдет. Ну как же, это ведь могло повлиять на план, утвержденный за сто световых лет на Земле. Но вот еще задачка: мой заместитель Станислав Томах трое суток провел вдали от базы, встретил стадо маунтов и целую “рощу” мимикрозавров; выходил к ним в скафандре и, заметьте, без оружия и что бы вы думали?

Момма скривил губы.

— Они, конечно, не напали, так? Хорош эксперимент! Но, по-моему, исключения только подтверждают правила.

Богданов оставался самим собой, словно не замечал колкости и резкости высказываний Моммы.

— У биофизиков есть такие понятия: излучение страха, излучение зла и так далее. Каждый человек излучает целый набор биоволн, в том числе и указанные волны страха и зла, а также и противоположные им волны доверия и дружелюбия. Оказывается, маунты остро реагируют на эти излучения, чувствуют их. Богданов заметил, что его слушают все, и повысил голос:

— Говорю это не для красивого аргумента в споре. Эти данные добыты вашими же товарищами из групп Шемисса и Старикова, только и к ним никто не прислушался, не анализировал факты. Экспертам десанта пришлось потрудиться, чтобы успеть проверить всю накопленную информацию и уловить связь между излучением наших с вами мозгов и поведением маунтов.

— Видимо, ваши эксперты одинаково компетентны во всех вопросах физики и биологии,— заметил Крут Зотов из-за спин товарищей. При этом он посмотрел на Момму, и Филипп понял значение этого беглого взгляда: Зотов перестраховывался. Ему предстояло еще долго работать с командиром в одной упряжке, и рисковать он не хотел.

— Да, эксперты технического центра УАСС профессионалы не только по отысканию ошибок в технических системах,— сухо отрезал Богданов.

— И все же я не понял.— Момма отвел глаза.— Вы нашли способ избавиться от нападений маунтов?

Томах, так и не вставший со своего места, покачал головой. Филипп успел заметить на его лице тень сожаления, как и у Богданова. Мыслили и оценивали людей они одинаково.

— Вы не догадываетесь? Когда прекратились нападения маунтов на базу?

— Вы же знаете, перед вашим прилетом.

— Очень хорошо. А ваш резерв, все восемь человек, когда покинули базу в поисках группы Шемисса?

Момма задумался, бывшая уверенность покинула его каменные черты.

— Тоже перед нашим приходом, — продолжал Богданов. — Но на этот отряд при переходе на плато Нежданного Спокойствия было совершено пять нападений маунтов и мимикрозавров, а на базу ни одного! Легко подсчитать, — и мы подсчитали, — тот поток излучения отрицательных эмоций, который исходил от всех находящихся в лагере девяти человек, недостаточен для того, чтобы пробить энергозавесу, отсюда и умиротворенность маунтов. Эти ползающие горы чудовищно чувствительны ко всем биополям, в чем состоит их основное оружие в борьбе за существование: чтобы прокормить себя, они должны чутко добычу задолго до того, как добыча учует их, замаскироваться-то им, как мимикрозаврам, нет никакой возможности. Вероятно, они относятся к вымирающему классу, да так оно и есть, потому что, по данным биологов, на планете обнаружено всего одиннадцать стад маунтов, из них семь — на вашей материке, и в каждом стаде всего по два десятка особей. Двести двадцать маунтов на всю планету! А вы ведете с ними настоящую войну! “Охотники на бизонов”...

Богданов замолчал, молчали и все остальные.

— Вы можете спросить: почему же маунты не напали на нашу группу, когда мы только-только приземлились? Ответ прост: мы не излучали в диапазоне страха и зла! И не излучаем до сих пор, поэтому и на базу прекратились нападения, несмотря на выключенную защиту. А чувство, или, если хотите, инстинкт, заставивший маунтов обратить внимание на человека, не что иное, как любопытство! Да-да, любопытство! А вы с первого своего шага приняли его за проявление агрессивности, палите из всех стволов по существам, которые по интеллекту в родстве с нашими дельфинами.

“Чепуха!” — говорил взгляд Моммы, но вслух он этого не сказал.

— Ловко! — кряхтя, снова вмешался Крут Зотов. — Ловко вы подвели платформу под идеи Дария! Однако позволю себе усомниться в некоторых ваших выводах. Очень уж быстро у вас получается: пришел, увидел, победил! Фактического-то материала у вас почти нет? Я имею в виду обработанного материала, а не тех фантазий, которыми снабдили вас наши мальчишки. А такие утверждения, что начальник...

— Не надо, Крут, — поморщился Момма, и Зотов сразу замолчал.

— Я думаю, вы поняли, — тихо сказал Богданов. — Действительно, фактов у нас мало, но поэтому-то и надо все проверить, а не переть вперед а ля йови. Правда, я не сказал о главном доказательстве, — он помедлил. — Судя по ситуации на Триасе, “зеркала”, к которым вы поразительно равнодушны, появляются именно в тех местах, где человек вольно или невольно начинает вести себя... не как человек, где он переступает грань дозволенного, четко определенную нормами экоэтики. Вдумайтесь в это слов: экоэтика! Глобальная ответственность человека за все, что живет! А вы — плазменные пушки, “универсалы”... лазеры!

В кают-компании разлилось тяжелое молчание, прерываемое тонкими писками пульта возле незрячей стены виома.

— Маунты! — доложил вдруг кто-то из дежурных наблюдателей. — Три с юго-востока.

Момма сделал шаг к пульта, но посмотрел на Богданова и остановился.

— Включать защиту? — обернулся от пульта Владриг.

Богданов молчал.

— Нет, — поколебавшись, сказал начальник экспедиции. — Будьте наготове, если они полезут за черту безопасности.

— Мы завтра уходим, — сказал Богданов, подзывая Томаха. — Слава, твое мнение?

Остальные поняли, что разговор вошел в русло конфиденциальности, задвигались, заговорили о своем, разбившись на группы.

— Мое мнение — отстранить Исиро Момму от руководства экспедицией, — жестко сказал Станислав. — За несоблюдение второго параграфа должностной инструкции о руководстве экспедиционными отрядами Даль-разведки, а также за игнорирование норм экоэтики в планетарном масштабе.

Богданов пристально наблюдал за Моммой. Тот раздул ноздри, губы его сжались, словно перекусывая готовые вырваться слова.

— Согласен, — сказал наконец Никита. — Однако отстранять от руководства экспедицией я вас не буду. Пока. Только теперь все требования Дария будут выполняться так же, как и ваши собственные, а сам он должен находиться здесь. Согласны?

— А что мне остается? — сердито сказал Момма. Он не был способен признаваться в поражении, и хотя требовательность его была односторонней и граничила с жестокостью, руководить он умел. Что ж, подумал Томах, не верится, что столь прямолинейный в стремлении доверять только своему опыту, считать свое мнение

единственно верным человек вдруг “исправится”, но, может быть, он хотя бы способен идти на компромиссы?

Мы достаточно легко проникаем в космос, думал Филипп, технически просто. Вот только решить, как вести себя там, далеко от Земли, в глубинах пространства, непросто. Вернее, решить-то, наверное, легко, а претворять решения в жизнь...

— Так что же такое ваши “зеркальные перевертыши”? — осторожно спросил Момма у Богданова, когда все разошлись на отдых и кают-компания опустела.

— Видеопередатчики с палиндром-эффектом, — ответил тот, глядя на багровое зарево заката, расчерченное в косую линейку стрелами облаков. — Кто-то через них наблюдает за нами. А может быть, “зеркала” просто нечто вроде указательных знаков: “Осторожно! По газонам ходить воспрещается!” Или так: “Капризным детям вход воспрещен!”

Момма хмыкнул.

— Не слишком ли вы упрощаете? К чему тогда им палиндром-эффекты? Задержка предметов во времени и выдача в повернутом положении? Мне кажется, причина появления “зеркал” намного сложнее, чем вам представляется.

— Это нас и тревожит.

Из черной стены леса бесшумно выпрыгнула нелепая масса маунта, и впервые за месяцы пребывания экспедиции на поверхности Триаса в кают-компании не прозвучал сигнал тревоги.

Утром следующего дня, начавшегося угрюмым серым туманом, Богданов первым рейсом отправил на спейсер ненужную больше технику, затем группу экспертов во главе с Бруно; третьим рейсом отправлялись последние десантники: Богданов, Томах и Филипп, мрачно-неудовлетворенный тем, что его помощь никому не понадобилась.

Ни один из “зеркальных перевертышей” захватить с собой не удалось: наутро их просто не стало — свое дело они сделали.

Провожал десантников Владриг, смущенный непривычностью ситуации и неумением прощаться.

— Извините, коли что не так... Ребята передают вам привет и пожелание чистого пространства.

— Спасибо, взаимно, — поблагодарил Богданов, пожимая ему руку. — Только не выставляйте напоказ свое бесстрашие при встрече с маунтами. Не всегда ведь животные поступают так, как нам хочется, осторожность в контактах подобного рода не помешает.

Десантники помахали руками работающим на космодроме инженерам экспедиции и скрылись в когге.

— Ну и тип этот Исиро Момма! — проговорил Филипп, когда они расселись в рубке.

— Полегче, полегче, — вполголоса заметил Богданов. — Все же он вдвое старше любого из нас. Любить его необязательно, но то, что он опытен и решителен, — заметно.

— Его же боятся. Откуда взяться уважению и любви?

— А что? Мне он нравится, — заявил Томах, вызвав беглую улыбку на губах Никиты. — Серьезный, знающий, целеустремленный, немного жестковат, правда, в отношениях с подчиненными...

— Грубоват, а не жестковат, — возразил Филипп.

— В меру, в меру, дружок, кто их нас не бывает груб в иные моменты? Плохо, конечно, когда эта черта превращается в норму поведения, но, по-моему, Момма просто уверен в непогрешимости, правильности и логичности своих поступков.

— Чересчур уверен, на грани культа. — Богданов сам сел в кресло пилота. — Однако, думаю, наше решение заставит его пересмотреть шкалу личных ценностных ориентаций.

— А если нет?

— Тем хуже для него. У Дария большие полномочия, просто он не привык требовать от других придерживаться тех правил, выполнение которых сам считает само собой разумеющимся. Это, кстати, большой минус ему как руководителю. А с Моммой... в случае продолжения практики фауноцида Даль-разведка сменит руководителя экспедиции. Ну, поехали?

Когг ярко-голубой стрелой вонзился в низко нависшую иссиня-фиолетовую пелену облаков. Внизу осталось серое море тумана и грязно-зеленые острова леса. А затем впереди показался летящий навстречу аппарат, как две капли воды похожий на когг десантников, и как ни старался Богданов, отвернуть не смог. Когг на всей скорости воткнулся в... громадное зеркало! Тьма хлынула в рубку, погасив сознание пилотов, как вода — тлеющие угли костра...

Филипп поднял гудящую голову и в первую очередь осмотрелся, пытаясь сориентироваться и определить, что ему угрожает. К его удивлению, рубка оказалась абсолютно целой, а не разбитой вдребезги, если принять во внимание потрясший их удар. Пульт по-прежнему играл спокойной желто-зеленой гаммой индикаторных огней, а в обзорном виоме разворачивалась в плоскость близкая планета.

— Ничего не понимаю! — подал голос Томах. — Голова гудит, будто меня здорово ушибли обо что-то твердое. И не один раз...

— Мы падаем, — показал на виом Филипп.

Станислав повернулся к молчавшему Богданову:

— Ты жив? Куда мы там падаем?

— Не знаю, — ровным голосом отозвался Никита.

— Как это — не знаю? Включай двигатель и дуй подальше от этого неуютного Триаса! Мне показалось, что мы столкнулись с чьим-то коггом. И в результате у меня от толчка случилось какое-то минутное отключение.

— Во-первых, мы столкнулись с “зеркалом”, во-вторых, со времени “толчка” прошло полтора часа, по зависимому времени, конечно, а в-третьих, мы не над Триасом.

Станислав и Филипп переглянулись, потом одновременно стали разглядывать приближавшуюся поверхность планеты.

— Да, это не Триас, — сказал Томах наконец. — Где это мы, мужики?

Богданов мельком посмотрел на него и снял с головы эмкан.

— Спроси что-нибудь полегче. Я знаю только, что когг на всей скорости “провалился” в “зеркальный перевертыш”, отсюда удар и потеря сознания. А вышли мы из “зеркала” уже здесь и теперь нас ведут на силовом поводке. Двигательная установка не включается, можете попробовать.

По рубке поползла настороженная тишина. Трое молча смотрели на мозаичное поле планеты, составленное из разноцветных, удивительно ровных квадратов. Каждый квадрат занимал площадь не менее десяти тысяч квадратных километров и с высоты напоминал обработанное поле. Однако в окне дальновидения одно из таких “полей” распалось на холмы и долины, горные страны и равнины, окутанные странным волокнистым туманом, и Филипп перестал подбирать аналоги к удивительной картине.

Когг ускорил движение, провалился вниз сразу на несколько десятков километров. Пол и потолок временно поменялись местами, потом последовал двойной рывок, и когг прочно утвердился на дне странного четырехгранного колодца с разноцветными стенами, уходящими вверх на неведомую высоту. Ошеломленные безопасники, готовые тем не менее к действию — автоматическое проявление специфики спасательской работы, ввевшейся в душу и кровь, — смотрели на туманные стенки “колодца”, пропускающие ровно столько света, чтобы не напрягать зрение. Дно “колодца” имело густой черный цвет, так что казалось — его нет совсем.

— Ирония судьбы, — нарушил молчание Томах. — Случись это с кем-нибудь другим — не поверил бы!

— Ирония судьбы — это нечто вроде слепого невидимки, — возразил Богданов. — К нашему случаю сие определение не подходит, уж очень явно вмешательство какого-то заинтересованного фактора.

Станислав с минуту раздумывал, потом вдруг что-то вспомнил:

— А ну-ка проверь, двигатель все еще не включается?

Богданов посмотрел на него с удивлением, надел эмкан и через несколько секунд снял.

— Странно, команды проходят! Можем стартовать хоть сейчас.

— В этом все дело. Ты прав, нас “похитили” с определенной целью, посадили здесь специально и ждут, что мы поступим, как разумные существа.

— Не мудри.

— Ну, то есть, бегство — не критерий разумности в нашем положении. Давайте выйдем, осмотримся, взлететь мы всегда успеем, раз нам оставили эту возможность. Любопытно все же, куда нас занесло.

Спустя несколько минут, уточнив характеристики атмосферы неизвестной планеты и надев легкие “прогулочные” скафандры, они ступили на черное, как свежий асфальт, дно “колодца”.

Филипп топнул ногой: черное вещество пружинило и поглощало звук. Отойдя от когга на несколько шагов, он огляделся. Дно “колодца” было квадратным со стороной в сто—сто двадцать метров. Стены его казались стеклянными и в то же время зыбкими, колышущимися: одна из них была зеленоватой, вторая тоже зеленой, но гораздо более яркой, третья фиолетовой, четвертая белой.

Филипп коснулся рукой в перчатке зеленоватой стены. Рука свободно прошла сквозь зеленое нечто, исчезая, как в слое тумана, а он почувствовал тепло и выдернул руку.

— Что там?— подошел Богданов.

— Туман... никакого сопротивления... только руке стало тепло.

Никита осторожно повторил эксперимент: рука по локоть вошла в струящуюся зелень стены, пропав из поля зрения.

— И правда, тепло... Вероятно, какое-то физическое поле. Интересно, а другие стены?

Другие стены реагировали на прикосновение точно так же: видимое нечто не препятствовало проникновению в него твердых предметов, но давало о себе знать чувством возникающего тепла.

Побродив по черной площадке, десантники собрались у надежной башни десантного шлюпа.

— Стоит рискнуть проникнуть сквозь одну из стен,— сказал Томах, посмотрев на часы.— По-моему, вещество или поле — из чего она там состоит — безвредно. В глубине души убежден, что все происходящее с нами запрограммировано и контролируется Наблюдателем, иначе наше приключение не имеет смысла. Он решил либо испытать нас, что требует доказательств, либо что-то показать. Отсюда вывод: мы должны быть или сообразительнее, или...

— Ого,— усмехнулся Богданов.— Каскад гипотез! Ну и второе твое “или”?

— Или решительнее. Второе “или” может оказаться верным. Уж в том, что мы часто гораздо более решительны, чем сообразительны. Наблюдатель уже должен был убедиться.

Филипп привык к тому, как Станислав, внешне грубовато, резко и небрежно утверждал свою точку зрения. Впрочем, Богданов тоже к этому привык.

— Может быть, может быть,— рассеянно заметил он.

— Но почему стены разного цвета?

— Да потому, что выходят, очевидно, в разные квадраты “мозаики”. Помните, какой выглядела планета с орбиты? Нас посадили на стыке нескольких таких квадратов, и этот колодец, наверно, — своеобразный тамбур.

— Логично,— кивнул Томах.

— Вопрос: что же нас, собственно, ждет там, за стенами?— продолжал Никита, словно разговаривая сам с собой

Томах снова отметил время.

— Мы топчемся без толку уже полчаса. Что касается твоего вопроса, то у меня нет особого желания окунаться в неизвестность. Предчувствие совершенно дурацкое: будто нас ждут неприятные сюрпризы. Но ведь делать что-то надо...

— А вдруг наоборот — нас ждет контакт с Наблюдателем?

Станислав неопределенно пожал плечами.

— Не уверен, что контакт будет приятным. К тому же, способ доставки нас сюда излишне претенциозен, Наблюдатель давно мог бы установить контакт с нами менее экстравагантным способом. Если бы хотел.

— Хорошо,— Богданов выпрямился и сглядел спутников.— На всякий случай переоденем эти костюмчики на что-нибудь помощней и — на разведку. Вы правы, надо действовать, раз путем размышлений нельзя решить подсунутую задачу.

Через четверть часа, экипированные так, будто им предстояло выдержать осаду десятка природных катаклизмов сразу, безопасники опробовали автоматику скафандров и сошли по трапу на черное дно “тамбура”.

— В какую сторону подадимся?— спросил Томах, похожий на угловатую глыбу камня; впрочем, все они сейчас ничем не отличались друг от друга — остроконечные, непрозрачные внешне, конусы шлемов и горбы генераторов поля на спинах делали их уродами, вернее, выходцами из “иных измерений”.

— Может быть, сюда?— Богданов показал на белую стену.

— Давайте жребий,— предложил Томах.

— Да что вы, в самом деле!— взбунтовался Филипп.— Все

равно придется все стены проверить. Еще неизвестно, попадем ли мы куда-нибудь. Меня лично тянет в эту сторону. — Он ткнул пальцем в фиолетовую стену, самую темную из всех.

— Логично! — с восхищением сказал Томах.

Богданов засмеялся. Подошли к стене.

— Можно я первым? — быстро спросил Филипп и, не дожидаясь ответа, шагнул в зыбкую пелену.

По всему телу прошла волна тепла, будто он окунулся в теплую воду. Подождав неприятных ощущений — их не было, он высунул голову назад, что явилось неожиданностью для оставшихся, и сказал:

— Все нормально, иду дальше.

Затем снова залез в стену и очутился в странном сумеречном мире: перед ним простиралась черная равнина с разбросанными кое-где по ней белыми, как снег, глыбами. Над равниной нависало угрюмое фиолетовое небо с тремя яркими синими звездами, лучи которых высекали в глыбах ослепительные голубые искры. К горизонту уходили какие-то темные массивы, не то горы, не то лес — света трех звезд не хватало, чтобы рассмотреть все более подробно. И еще: здесь мелко-мелко тряслась почва и откуда-то доносился глухой рокот, словно за горизонтом грохотал вулкан. Кроме того, сила тяжести в этом мире превышала земную почти в два раза, пришлось включить генератор поля, снявший с тела пресс силы тяжести.

Филипп огляделся и присвистнул. Сзади него простиралась та же мрачная равнина, никакой стены не было.

Вдруг рядом возникла чья-то фигура и изрекла голосом Богданова:

— В следующий раз высеку за самодеятельность!

Томах появился, как чертик из коробки:

— Что-то тяжеловато здесь, братцы.

Богданов сделал два шага вперед и оглянулся.

— Ага. Я было начал сомневаться.

Томах встал рядом, посмотрел на то место, где стоял раньше, и хмыкнул. Филипп с любопытством оглянулся и увидел висящее в воздухе тонкое светящееся кольцо.

— Выход, — сказал Богданов, прошел к кольцу, шагнул в него и исчез. Через несколько секунд появился снова. — Порядок.

Томах осмотрелся.

— Жутковатое место, вы не находите?

Равнина уходила за горизонт, мрачная, выжженная, усыпанная не то сажей, не то пеплом, не то черным песком, и лишь белые глыбы, похожие на ледяные айсберги, играющие в гранях холодным огнем, да три колющих лучами глаз звезды вносили некоторое разнообразие в необычный монотонный пейзаж.

— Похоже на Шемали,— произнес Филипп.— Там тоже все черное и угрюмое.

— Все, да не все,— возразил Богданов.— Цветовая гамма не та, слишком напоминает потухший ад. Так и кажется, что здесь недавно все горело.

— Не знаю, потухший ли, мой термо показывает температуру почвы плюс двести сорок по Цельсию.

— Тогда те глыбы — не лед и не снег.

Помолчали, чувствуя себя неуютно.

— Не нравится мне этот ландшафт,— пробормотал Томах.— Не знаю почему, но не нравится.

У Филиппа тоже появилось какое-то гнетущее чувство тревоги. В воздухе “пахло” угрозой, но эта угроза не была обращена к ним, она была давняя, застарелая и пропитала все вокруг так основательно, что невозможно было сомневаться в неблагоприятности странного “потухшего ада”.

Вдруг что-то изменилось. Филипп не сразу понял, что просто прекратилась дрожь почвы и умолк далекий глухой рокот—единственный звук, будоражащий воздух не то ночи, не то дня.

— Не забудьте о записи, — предупредил Богданов, поправляя в плече зрачок видеокамеры.— И запомните, куда надо бежать в случае осложнений.

— Думаешь, придется бежать?

— Не знаю. Давайте пройдемся немного, до первого “айсберга”, что ли, и вернемся.

Рассредоточившись так, чтобы видеть друг друга и в то же время наблюдать за обстановкой, они двинулись по скрипящей под сапогами “саже” к одной из сияющих белых глыб величиной с небольшое здание; самый большой из “айсбергов” достигал в высоту около трех десятков метров и в длину около сотни, самый маленький не превышал рост человека.

Не успели пройти и сотни шагов, как вдруг из-за горизонта взметнулась дугой длинная искра и вспыхнула над равниной ослепительным клубком голубоватого пламени. Все предметы на равнине выступили четко и рельефно, протянув угольно-черные тени. Лишь неясные темные массы так и остались неразличимыми, словно застывшие бурые клубы дыма.

Из-за горизонта вынеслась еще одна звезда, затем еще одна. И в тот же момент из дымоподобных громад выпрыгнули стремительные ручьи жидкого пламени и потекли, причудливо извиваясь, к белым айсбергам.

По нервам людей ударило болезненно и сильно.

Филипп увеличил напряженность защитного поля, стало легче, но в довершение ко всему ему показалось, что он слышит чей-то долгий, тонкий, мучительный крик, чей-то призыв о помощи, хотя рядом не было никого, кто мог бы так кричать.

Ручьи преодолели расстояние до белых глыб, и те внезапно зашевелились, стали растрескиваться, окутались бурным белым паром... “Крик” захлебнулся, перешел в хрипящее бульканье — все это на уровне мысленного приема — и пропал.

Сквозь пар, окутавший ближайший “айсберг”, люди увидели золотистый факел огня, осветивший какую-то сложную многогранную фигуру, нечто вроде друзей кристаллов, затем раздался глухой взрыв, и все скрылось в густом фонтанирующем пару...

Словно сделав свое дело, играющие холодным ртутным блеском “ручьи” возвращались обратно, укорачивались, уходили в пухлые нечеткие массивы другого “дыма”, бурого. Исчезли. Световые “бомбы” в небе погасли, и стало почти темно. По всей равнине вместо белых “айсбергов” некоторое время светились странные алые холмики, похожие на кучи углей, но и они потухли. Равниной завладела тьма. Из-за горизонта донесся знакомый рокот, и снова затряслась почва.

— Вот и весь концерт, — пробормотал Томах.

— Пошли назад, — скомандовал Богданов. — Иначе мы рискуем стать мишенями вместо этих “кусков льда”.

Словно в ответ на его слова из густой клубящейся тьмы, оконтуренной только фиолетовым свечением небосвода, вылетел серебристый ручеек и направился к попятившимся разведчикам.

— Не останавливайтесь, — хладнокровно сказал Богданов. — Быстро на холм!

Друзья повиновались и в несколько прыжков достигли точки выхода — красное кольцо исправно показывало дорогу в “там-бур”.

Богданов терпеливо дождался, пока ручей пересечет те несколько сот метров от своего облакоподобного обиталища до людей (даже в полусотне метров от него у Филиппа появились болезненные ощущения в позвоночнике и крупных нервных узлах тела), и включил прожектор. Яркий клинок света вонзился в ручей, и тот резко снизил скорость течения, затем остановился совсем. Никита выключил прожектор, подождал и снова включил.

“Озадаченный” ручей попятился и вдруг... загорелся по-настоящему! Все вокруг озарилось дрожащим пугливым светом. В буром “дыму” прозвучали два глухих удара, вздрогнула почва, и люди увидели, как из тьмы на них сначала медленно, а потом все быстрее покатился бурый бесформенный вал. Голову Филиппа охватила усиливающаяся боль, по нервам словно стегнули горячим кнутом!

— Никита! — крикнул Томах, но Богданов не стал дожидаться новых сюрпризов и метнулся назад. Все трое, тяжело дыша,

вывалились на матово-черную поверхность “колодца”. В центре квадрата уютно светила габаритными огнями башня когта.

— Тишина и спокойствие,— отдышавшись, сказал Томах.

— Разведали,— в тон ему отозвался Филипп.

В рубке разделись, без единого слова позавтракали и принялись изучать вытянутые физиономии друг друга.

— Что дальше?— спросил наконец Богданов, уходя взглядом в себя; Филипп понял, что Никита взвешивает собственное решение.

— Мы слишком мало видели,— пробормотал он.

— Да,— согласился Томах,— понять что-либо из увиденного трудно.

— Придется идти снова,— кивнул Богданов.

— Только уж выбирать направление на этот раз буду я,— поднял руку Станислав.

Они снова облачились в тяжелые противоядерные балахоны, известные в Даль-разведке под названием “панголины”, и на всякий случай предварительно прощупали эфир в радиодиапазоне антеннами шлюпа. Но эфир был пуст и тих, динамики лишь слабо потрескивали немногочисленными, прорвавшимися сквозь толщу атмосферы колодца быстрыми ионами.

— Я предлагаю нырнуть сюда.— Томах остановился возле темно-зеленой стены.

Богданов пожал плечами, и они почти одновременно шагнули в малахитовое струение перегородки, отделяющей “колодец-тамбур” от квадрата со своей жизнью. Десантники уже поняли особенность мозаичной планеты: каждый квадрат ее мозаики представлял, очевидно, ограниченную силовыми завесами область с резко отличающимися от соседних жизненными условиями.

Они оказались в котловине, придавленной низкими, несущимися с большой скоростью облаками. Котловина заросла черными шарами с густой щетиной колючек, в центре ее обнаружилось не то озеро, не то болото с проплешинами тяжелой, похожей на ртуть жидкости, затянутое по краям ржаво-зеленой пленкой. Сила тяжести и в этом мире не соответствовала земной, хотя и была близка к ней.

В нескольких шагах от людей на берегу озера возвышался странный холм, покрытый чем-то вроде металлических плит. Филипп первым обошел его, оскальзываясь на зеленых буграх, скользких, как жидкое мыло, и с содроганием обнаружил, что холм — лежащий на боку зверь! Мертвый зверь, судя по гигантской многометровой ране в его боку.

В длину гороподобное страшилище достигало не менее пятидесяти метров и заканчивалось короткой шеей с жуткой головой, похожей больше на грибообразный, весь в перепонках, нарост. В

полураскрытой пасти зверя, откуда еще шел синеватый дым, лежало нечто, напоминавшее черное скользкое бревно, перекушенное почти пополам. Ног у мертвого чудища, как и у “бревна”, не было видно, и Филипп вспомнил маунта на Триасе: маунт был, конечно, в три раза крупнее этого гиганта, но и мертвый зверь впечатлял.

— Мать честная! — выдохнул Томах, не подходя близко. — Ну и велика же творческая потенция у природы!

— А ведь его убили недавно, — пробормотал Богданов, стоя у борозды в боку исполина, сочащейся сизым дымом. — Рана свежая.

— Похоже, в него всадили ракету, — сказал Филипп, падая на бок; удержаться на зеленых склонах, покрытых пастообразной, чрезвычайно скользкой массой, было нелегко. И вдруг у него появилось острое чувство тревоги.

— Слава, — позвал он, озирая окрестности, — чую опасность.

Но предупреждать никого не требовалось: и Богданов, и Томах уже насторожились, отзываясь на “звонок” тревоги, включенный подсознанием.

— Все сюда! — негромко проговорил руководитель группы, скрываясь за скопищем черных “ежей”, как они окрестили растительные шары. Убежище было ненадежным, но все же защищало от любопытных взглядов, появившись здесь другие существа. И существа появились — собратья погибшего исполина. Издавая гулкие шлепки, с треском вспарывая заросли “ежей”, чудовища выползли из-за обрыва на склон котловины и заскользили вниз. Ног у них и при движении не было видно, так что невозможно было понять, как они передвигаются.

Одно из чудовищ вдруг замедлило скольжение, и его безобразная голова повернулась в сторону спрятавшихся в сотне метров людей. В ту же секунду из болота с плеском вылетела громадная черная торпеда и вонзилась в бок гиганта. Грохот, короткое оранжевое пламя, из бока животного с шипением вырвалась струя синего дыма. “Ящер” молниеносным движением, какого от него трудно было ожидать, поймал “торпеду” раскрытой пастью. Каменно-металлический лязг, хруст, сдавленный вопль — и все стихло. Только из бока раненого продолжала со свистом хлестать струя дыма, на глазах меняя цвет с синего на бурый.

Трое из оставшихся бронированных великанов окружили раненого, остальные направились к мертвому, остановились и — Филипп не поверил глазам — склонили страшные свои головы у трупа! Через минуту к ним присоединились остальные трое вместе с раненым и также застыли неподалеку в недвусмысленном ритуале.

— Честь отдают, ей-богу! — прошептал Томах.

Чудовища разом вздернули головы, покачивая наростами, осмотрели заросли колючих шаров. Одно из них долго и подозрительно глядело в сторону замерших разведчиков, в то время как его приятели что-то делали вокруг мертвого собрата. Когда они закончили возню, от трупа не осталось и следа. То ли они зарыли его, то ли сбросили в болото, то ли вылечили (Филипп пожалел, что не догадался подсчитать, сколько их было вначале). Потом всей группой постояли в неподвижности около минуты на берегу, вглядываясь в воду и ворочая головами-локаторами, и один за другим поползли прочь, причем тот, что стоял на страже, всматриваясь в заросли, все время оглядывался. Они бы так и уползли, если бы не Томах, пробормотавший:

— Могу побиться об заклад, что... — фразы он не закончил.

Оглядывающийся исполин метнул вдруг в их сторону стометровый огненный язык. Сильно зашипело, с треском вспыхнули черные “ежи”, людей бросило силой удара на склон холма, однако реакция у всех была отменной, и генераторы поля защитили их от еще одного огненного удара.

Гигант, очевидно, не видя того, что предполагал увидеть, подозрительно поворочал головой и с достоинством удалился за поджидавшими его товарищами.

Постояв с минуту и вслушиваясь в наступившую тишину, десантники наконец зашевелились.

— Что ты хотел сказать? — спросил Богданов. — Ты же хотел с кем-то биться об заклад.

— А-а... уж очень осмысленными выглядели их действия. Вот я и подумал — не разумны ли они?

— А сейчас так не думаешь?

Станислав нагнулся, растер в руке ком пепла, оставшийся от колючего черного шара.

— Не знаю.

— Кто же в них стрелял? — спросил Филипп. — Прямо из озера... как будто торпеду запустили из подводной лодки.

— Никто не стрелял. Эта черная “торпеда”, что ударила в бок дракона, скорее всего тоже какое-то животное. Вспомните, точно такое же торчало из пасти погибшего.

— На драконов эти звери не похожи, — педантично отметил Богданов, — нет крыльев.

— Надо же их как-то называть. Впрочем, ты среди нас единственный, кто близко знаком с ксенобиологией, можешь классифицировать местную фауну сам.

— А ведь интересная ситуация. — Богданов выглянул из-за уцелевших “ежей”; с десятков их догорало малиновым пламенем на склоне котловины. — Мне тоже их действия показались целесообразными. А ну как в самом деле разум?!

— Давайте посмотрим, куда они дели убитого, — предложил Филипп.

Но посмотреть им не дали. Потому что из свободных от зарослей окон в болоте полезли на берег знакомые черные “торпеды” толщиной с туловище человека и длиной около десятка метров. Издали они больше напоминали черных скользких червей, но вблизи — громадные столбы с тупыми концами. Ни глаз, ни рта, ни конечностей люди у них не заметили, и тем не менее “бревна” ползли, прямые, ровные, круглые, ни дать ни взять — телеграфные столбы в смоле!

Они выползли на берег, порыскали вокруг, потом собрались вместе и странным образом соединились в какую-то решетчатую конструкцию, нечто вроде скелета пирамиды.

Филипп едва сдержался, чтобы не выразить удивления вслух, но вовремя вспомнил реакцию “драконов” на их разговор. “Бревна” тоже могли воспринимать радиоволны.

“Скелет пирамиды” простоял минут пятнадцать, полчаса, а так как он и не думал распадаться, Богданов дал знак возвращаться. Знакомая алая окружность указала направление, и вскоре они стояли на черном полу колодца, обляпанные в зеленое с ног до головы.

— Мыться, — со вздохом сказал Богданов. — Потом еще раз попытаем счастья.

— Зачем? — буркнул Томах.

— Затем, что я все еще не знаю причин, по которым нас забросили сюда. Может быть, ты уже разобрался?

— Но и в этих картинах нет намека на ответ. В одном квадрате дерутся, в другом... — Станислав замолчал и задумался.

Филипп насторожился, показалось, что он понял, почему их без предупреждения бросили на планету-мозаику, но мысль мелькнула и исчезла, оставив острое чувство сожаления и досады.

Переодеваться не стали, только очистили в коридорных фильтрах когга скафандры. Богданов заторопился, решив осмотреть оставшиеся квадраты за полчаса.

— Белый? — спросил он, выходя из корабля.

— Меня тянет в зеленый, — заколебался Томах. — Эта стена светлей, чем та, где мы только что побывали.

Никита кивнул, и десантники дружно шагнули в дымную стену, не ведая, какой сюрприз поднесет им его величество случай...

Красная книга

Того, что они увидели, никто увидеть не ожидал. Они вышли из стены тамбура и оказались... на Земле!

Перед ними лежало поле неубранной ржи, а может быть, и пшеницы — Филипп слабо разбирался в культурных злаках полуторавековой давности, просто знал, что хлеб получали из зерна.

Слева поле отгораживала полоса осеннего, будто объятая пожаром леса, а справа поле и в самом деле горело, и черно-бурые клубы дыма плыли над проселочной дорогой, догоняя странные приземистые машины в пятнах камуфляжа, с крестами на бортах.

Издалека на поле выливалась каша грохочущих металлических звуков, в которой изредка бухали громкие раскаты, и Филипп догадался, что это перестрелка.

— К ракитнику! — резким неприятным голосом скомандовал Богданов; они, пригибаясь, перебежали пригорок и спрятались в негустом кустарнике за поваленным недавно деревом.

В воздухе над ними раздался сверлящий уши звук, над полем тенью мелькнул знакомый по историческим хроникам силуэт военного самолета.

Перестрелка за лесом усиливалась, приближалась, приземистые машины с длинными дулами орудий остановились на пыльной дороге и развернули башни к лесу. Неподалеку от спрятавшихся зрителей остановился тупорылый грузовик, из кузова на поле посыпались люди в серо-зеленом обмундировании. Донеслись лающие звуки команд, люди бросились к лесу через рожь.

— Мне знаком их язык, — медленно проговорил Томах.

— Немецкий, — бросил Богданов. — Все, что мы видим, — это Земля середины двадцатого века. Более точно — сороковые годы двадцатого, действие — Вторая...

— Вторая мировая война!

Богданов прижался всем телом к земле.

— Для моих предков это была Великая Отечественная война. Да, сюрпризец что надо!

Он снова приподнялся на локтях, всматриваясь в чужие машины для уничтожения — танки. На Земле и в двадцать третьем веке существовали танки, но то были исследовательские машины, предназначенные для работы в экстремальных условиях, но кто-то решил напомнить людям о грозных предках этих машин. Зачем?..

Танки с крестами на бортах оглушительно замолотили воздух выстрелами. Возле них тоже запрыгали кусты разрывов — ответ-

ных выстрелов десантников не видели, но поняли, что по врагам открыла огонь артиллерия русских...

— Наши бьют, — буркнул Филипп, невольно причисляя себя к тем, кто защищал когда-то Землю от варварства фашизма. Никто его не поправил, не бросил шутку, память о том времени была священна, и мысль у всех была одинаковой.

Танки на дороге дрогнули, попятились. Одна машина вспыхнула, остальные, отстреливаясь, повернули к дуге леса, избегающего на цепь холмов километра в пяти отсюда.

— Что будем делать? — спросил Станислав, когда с другой стороны показались русские танки и донеслось долгое “ура”, от которого у десантников невольно сжались сердца. — По-моему, все понятно.

— Что тебе понятно?

— Ну с этим вот, — Томах повел рукой, очерчивая круг. — Показана часть человеческой истории, далеко не лучшая часть, прямо скажем. Единственное, что пока не ясно, — видеофильм это, вроде наших голографических видеопластов, или материальное воплощение.

Филипп потрогал рукой голые ветки раkitника, попробовал пальцем упавший ствол дерева, ощущая его неподатливую твердость, хотел сказать, что предметы здесь не похожи на голографические призраки, но тут совсем рядом в нескольких шагах разорвался снаряд. Взрывной волной десантников швырнуло на дерево и пока они приходили в себя, — скафандры выдержали, но сотрясение было приличным, — их заметили.

Филипп сначала не понял, что за толчки пересекли грудь, потом понял: пули! В них стреляли, причем стреляли с двух сторон: отступающие немцы и приближавшиеся русские солдаты.

— Назад, к выходу! — приказал Богданов, первым включая защитное поле. Он встал, не обращая внимания на выстрелы, — со стороны русских стрельба прекратилась, — сделал несколько шагов и словно споткнулся: пригорок, с которого они вступили в этот мир, не существовал. На его месте дымилась воронка глубиной около двух метров, и алая окружность выхода в “тамбур” светилась точно над центром воронки. Допрыгнуть до нее в скафандрах даже при наличии генераторов поля они не могли.

— Надо было взять антигравы, — сказал Томах, оглядываясь. К ним приближались два квадратных танка, угрожающе покачивая орудийными стволами.

Филипп тоже оглянулся, чувствуя, как ему целятся в спину. Он представил, какими чудовищами выглядят они со стороны: широкие, горбатые, с конусовидными головами, на поясе ряд непонятных аппаратов, — и его охватило сложное чувство

ирреальности происходящего. Прошлое Земли ушло, отступило за гранит веков, но здесь оно почему-то возродилось и властно напомнило о себе, раня душу и заставляя память судорожно рыться на полках забытых терминов в поисках нужных слов для объяснения ситуации. И снова Филиппу показалось, что знает он, зачем им все это показывают, и снова мысль “сорвалась с крючка”, спряталась в глубинах ассоциаций, ненужных воспоминаний, да и время торопило, нужно было действовать.

— За мной! — негромко скомандовал Богданов и побежал в распадок, туда, где горела рожь. Через минуту они укрылись за пеленой огня и дыма, сопровождаемые редкой трескотней выстрелов. Атакующие цепи русских воинов прокатились дальше к лесу, “ура” смолкло, и наступила хрустящая тишина, нарушаемая только дальним рокотом уходящего боя.

— Хочешь отсидеться до ночи? — осведомился Томах, усаживаясь на почерневшую, в сажу и копоти, землю. — А если смены суток у них не предусмотрены?

Богданов подкинул в руке сплюснутую пулю и протянул ее Филиппу. Тот несколько минут разглядывал свинцовую лепешечку, несшую в себе чью-то несостоявшуюся смерть.

— У кого это “у них”?

— У них. — Томах снова широко повел рукой. — У тех, кто все это создал. Не будете же вы утверждать, что мы на Земле.

— И люди тоже созданы? — не сдавался Филипп. — Может быть, все привезено с Земли.

— Что же, по-твоему, они здесь так два с половиной века и воюют без раздыху? С тех пор, как их “привезли”?

— Ну-у... — Филипп пошевелил пальцами. — Время здесь не обязательно должно идти с той же скоростью, что и на Земле. У нас прошло два столетия, а тут, скажем, два месяца. Вспомните, “зеркальные перевертыши”, один из которых зашвырнул нас сюда, каким-то образом связаны с преобразованием времени.

— Нерационально, — тихо сказал Богданов. — Техническая мощь существ, создавших мозаику миров, велика, но и они не боги, и наверняка более рациональны, особенно когда дело касается энергетических затрат. Уверен: “Земля военного времени” — не более, чем объемный сенсорный видеофильм. Причем включается он только при наличии зрителей.

— Положим, это спорно, — возразил Томах. — Сверху мы видели, что квадраты не пусты, а заняты ландшафтами, а если бы ты был прав, то и мозаики этой не надо: прилетают зрители — включается фильм.

— Ландшафты могут быть созданы навечно, — сказал Филипп. — А все остальное — фильм.

— Очень уж реален этот фильм. Пуля-то у тебя в руках настоящая, а? И стреляли в нас по-настоящему...

— Вы не учитываете, что зрителей может быть множество, и картина крутится постоянно: кто-то обязательно смотрит фильмы в каждый момент времени, поэтому и нет “голых” квадратов. Помолчали.

Перестрелка за лесом стихла, только изредка доносились щелчки выстрелов, вполне безобидные из-за расстояния. Рожь у дороги сгорела и дым поредел, открыв хмурое осеннее небо, навчавшее слезиться редким дождем.

— Нет, вы только представьте!— воскликнул вдруг Станислав.— Планета разделена на тысячи квадратов, и в каждом своя жизнь!

— Причем не просто жизнь,— добавил задумчиво Богданов,— а скорее всего, разумная. Вас это не наводит на размышления?

Филипп вспомнил фиолетовую пустыню со сгоревшими “айс-бергами”, о разуме в человеческом понимании там ничто не напоминало, и вдруг поймал-таки упорно убегавшую мысль. Тысячи миров на одной планете! Тысячи жизней! Но жизней неблагополучных, судя по событиям в трех наугад взятых квадратах! Кунсткамера, вот что это такое! Паноптикум особых ветвей развития жизни во всей Галактике! А то и в скоплении галактик! Но какой же мощью надо обладать, чтобы сделать такой “паноптикум”?!

— Так что будем делать?— деятельный Станислав вскочил и прошелся по сгоревшей стерне, поднимая облачка пепла. И в ту же секунду бросился ничком на землю.— Ложитесь! Тихо!

Десантники попадали рядом, толком не поняв, в чем дело, инстинктивно располагаясь спинами друг к другу, чтобы иметь круговой обзор.

Томах похлопал их по спинам, поднес руки к шлему, давая понять, что разговаривать нельзя, и показал в ту сторону, откуда они бежали полчаса назад. В это время ветер отнес последние клочья дыма в сторону, и Филипп увидел странную фигуру, состоящую из нескольких блестящих кубов, выползавшую из “пустоты” входа. Оттуда же, откуда попали в земной квадрат они сами.

Фигура, карикатурно напоминавшая робота, как их рисовали два столетия назад: голова — куб, руки — параллелепипеды, ноги и туловище — тоже кубы, — выползла совсем, голова ее качнулась два раза налево и направо, словно существо осматривалось, потом неизвестный посетитель взвился в небо и скрылся из глаз.

Пролежав четверть часа и никого больше не дождавшись, десантники зашевелились, принимая более естественные позы.

— Кто это был?— спросил Филипп, отряхивая живот.

— А ты не догадался?— сказал Богданов.— Зритель, как и мы с вами. Я же говорил, что их должно быть много, со всех концов Галактики. Удивляюсь, как мы не столкнулись с ним раньше.

— С ним?

— Не с ним, так с другим, а то и с целой делегацией... если мои догадки верны.

Богданов повертел в руках сплюсненную пулю и зашвырнул в поле.

— Пошли, нет смысла прятаться.

Он вошел в иссякающий струйками дым и быстро поднялся на холм. Товарищи потянулись следом. А у дороги возле дымящегося подбитого танка наткнулись на лежащего ничком человека. Он был мертв, спину пересекала цепочка рваных окровавленных дыр.

— Наш,— зачем-то сказал Томах, останавливаясь.

Филипп с трудом сглотнул, отвернулся и шагнул прочь.

— Нет уж,— встал на пути Станислав.— Смотри! Такого больше не увидишь! Непривычно? Жестоко? А ты думал, им было легче?!— он мотнул головой в сторону сгоревшей ржи.— Не здесь — на Земле?

Смотри, парень, и запоминай...

— Не надо, Слава,— оглянулся Богданов.— Он запомнит и без твоего напутствия. Не для того ли нас перенесли сюда и ткнули носом, чтобы мы вспомнили, какими были? Вернее, чтобы не забывали? Не для того ли нам напомнили последнюю из Великих войн, за гранью которой осталось Великое уничтожение цивилизации? Разве не чудо, что человечество сумело остановиться на лезвии суицида?

Несколько минут прошло в молчании, тяжелом, как физическая боль, потом Томах пробормотал:

— Керри как-то спросил: чем измеряется история человечества? Как это выразить кратко? Я отвечаю, а тогда не мог: история человечества — это не история покорения галактики, как считают многие, это прежде всего история покорения человеком самого себя.

Никто ему не возразил. Перед ними лежал мертвый. Русский солдат. Человек! И если оглядеться вокруг, на поле лежало еще много людей, своих и врагов, и какая была для Филиппа разница — фильм ему показывали или кусочек настоящей человеческой истории, он и к слову “смерть” не мог оставаться равнодушным...

У воронки, над которой при их приближении загорелась в воздухе алая окружность, Богданов остановился.

— Попробуем допрыгнуть?— с сомнением предложил Станислав.

— Нет, что-то мы упускаем из виду. Мир этот не бесконечен, как нам кажется, и мы это знаем, граница его здесь...— Никита

прошел слева от воронки, фигура его странно заколебалась и... он оказался развернутым на сто восемьдесят градусов!

— Так! Убедились, стена на месте. Эффект поворота — словно у “зеркального перевертыша”, видимо, это все-таки дело рук Наблюдателя, используются одни и те же приемы. Может, мы просто не умеем пользоваться входом?

— Давайте прикажем ему... — Филипп не договорил. Светящаяся окружность погасла и возникла рядом с воронкой.

— Молодец! — хмыкнул Томах, обходя Филиппа.

— Но я еще ничего не...

— А ничего и не надо. Достаточно того, что ты подумал об этом. И здесь автоматика мыслеприказа, разве что почувствительнее нашей.

На знакомом черном полу “колодца” остановились, разглядывая когт.

— Тот, квадратный, вылез отсюда, — высказал общую мысль Томах.

— Ну и что? — Богданов обошел шлюп кругом. — Зритель он, вероятно, квалифицированный, не чета нам, что ему чужая машина? Посмотрел и помчался по своим делам. Может быть, он не раз прилетает на спектакли.

Томах потрогал броню шлюпа.

— Куда теперь? Домой?

— А как? — спросил Филипп. — И куда?

Богданов хмыкнул.

— Вот именно. Мне кажется, у нас у каждого складывается свое мнение об увиденном. Не будем спешить с выводами, для полноты впечатлений можно было бы посмотреть еще одну картинку, у нас осталась в запасе белая стена, но у меня есть идея. Хотите — идите туда без меня, а я еще раз погляжу на земной ландшафт.

Он повернулся и нырнул в зеленую стену, за которой его ждал мир Земли.

Филипп повернулся к Томаху, но так как скафандры не позволяли видеть лиц друг друга, пришлось задавать вопрос вслух:

— Пойдем?

— Куда? — осведомился Станислав.

— За Никитой.

— Иди, а я лучше посетую белый квадрат, все какое-то разнообразие.

Они разошлись в разные стороны.

Ради любопытства Филипп вошел в знакомую зеленоватую стену в полусотне шагов от того места, куда вступил Богданов, но вышел рядом с ним: у субстанции защитных стен имелось свойство выводить гостей в одну точку выхода в квадрат. Он вышел и остановился.

Знакомого пейзажа со сгоревшим хлебным полем не было. С трех сторон их окружал лес, вернее, джунгли: сочный, зеленый ад, делящийся на три уровня. Первый — тунговый кустарник, второй — фикусы и пальмы, третий — диптерокарпусы и бамбук. Сразу за лесом начиналась выжженная пустыня, упиравшаяся на горизонте в угрюмые черные горы. Пустыня делилась надвое неширокой рекой, вода в которой была цвета кофе с радужными разводами.

Вдоль противоположного берега реки цепочкой брели усталые люди в пятнистых комбинезонах, в руках у каждого была автоматическая винтовка (название оружия Филипп вспомнил позже), на головах каски с пучками увядшей травы.

Внезапно из-за кромки леса послышался нарастающий рокот, и люди у реки мгновенно попадали на землю. Над лесом показался вертолет с какими-то фермами по бокам и под днищем кабины. С одной из ферм сорвалась дымная молния, вонзилась в то место, где лежали люди, и тех накрыл смерч разрыва. Филипп невольно рванулся вперед, но рука Богданова остановила его.

— Спокойно, парень, спокойно. Это и в самом деле только фильм, сенсорный фильм.

Оставшиеся в живых на берегу открыли огонь по вертолету, но чем закончился поединок, Филипп не узнал.

— Пойдем, — сказал Богданов. — Я так и думал.

Они вернулись в тамбур.

В когте разделись, подсели к столу, который развернул Станислав, вернувшийся чуть раньше. Поужинали (обедали еще на Триасе).

— Стартуем? — Томах посмотрел на задумчивого Богданова. — На орбите разберемся, что делать дальше. Если наш хозяин забросил нас сюда не по нашей воле, он же должен и вернуть. Я, правда, мало что понял, каша в голове.

— Можем посетить еще пару квадратов. У них здесь по идее должна существовать какая-то автоматика посадки в разные зоны планеты. Вспомните, как нас сажали.

— Этот колодец может оказаться единственным переходным тамбуром, и чтобы попасть в другой квадрат, надо пересечь ближайшие от колодца.

— Едва ли, чересчур громоздко и неэкономично, пришлось бы на пересечение квадратов тратить слишком много времени. Колодцев должно быть много.

— Ну, а ты что увидел в белом квадрате? — осведомился Филипп у Томаха, насытившись.

— Почти ничего. Снег там идет — ни зги не видно! Снежинки — с ладонь величиной, а самое интересное — они живые! То есть падают и... ползут! А у вас что?

Филипп оглянулся на Никиту.

— Война там идет, по-моему. Одна из войн двадцатого века. но не Великая Отечественная, попозже...

— Вьетнам,— рассеянно отозвался Богданов.— Или Ливан, трудно разобраться. Впрочем, скорее всего все же Вьетнам.

Сев за пульт управления, он жестом приказал всем зарастить скафандры и поднял шлюп в воздух. Никто не препятствовал отлету, не предупреждал об ответственности самостоятельных действий.

Из колодца-тамбура вышли на высоте тридцати километров. Панорама мозаики выступила отчетливо, хотя с этой высоты поверхность планеты больше напоминала соты. Богданов повел когт над слоем облаков — единственным, что было общим для каждого квадрата и планеты в целом.

— Зачем ты возвращался в земной квадрат?— спросил Томах.

— Убедиться кое в чем,— коротко ответил Богданов.

— Убедился?

— Вполне.

Пролетели над зеленым квадратом, заросшим вполне земным — по виду — лесом, потом над голубовато-фиолетовым, за которым шел совершенно серый, ровный и голый, как стол. Встречались квадраты белые и черные и красные, а над желтым Богданов даже остановил шлюп — в этом квадрате шла война, что было видно и без оптики: армии необычного вида машин методически уничтожали друг друга ракетами, режущими лучами и бог знает чем еще.

В соседнем квадрате исчезал в синем ядерном огне город, а чуть поодаль от него черная, выжженная до блеска равнина раскололась на глазах багровыми трещинами, которые выплеснули ослепительные языки лавы...

— Да,— вздохнул Богданов,— все правильно. Это мозаика историй.

— А ты что думаешь?— повернулся Станислав к Филиппу.

— То же, что и Никита,— схитрил тот, застигнутый врасплох: свою идею он хотел приберечь под занавес. — Здесь собрана коллекция войн, разве не так? Ты мне как-то рассказывал, что в двадцатом веке существовала “Красная книга исчезающих видов животных и растений”.

— Была такая книга, она и сейчас существует как любопытный документ потребительского отношения человека к природе на Земле. Ну и что?

— Мне кажется, вся эта планета — “Красная книга” гибнущих цивилизаций нашей Галактики. Не просто исчезающих видов животных, а именно цивилизаций. Ведь мы с трудом излечились от болезни капитализма и искривленного социализма, я имею в виду человечество, войны — только видимая сторона этой болезни. А здесь вот...— Филипп встретил взгляд Богданова и сбился с мысли.

— М-да... — пробормотал Томах, с любопытством рассматривая порозовевшее лицо товарища. — В тебе прорастает социолог. — Он повернулся к Никите. — Ты тоже так считаешь?

Богданов перестал оценивающе смотреть на Филиппа, отвел взгляд и сказал:

— Ты действительно молодец, Филипп Ромашин. Я пришел почти к такому же выводу, но ты дал лучшую формулировку. “Красная книга Галактики”!.. Перечень цивилизаций, нуждающихся в срочной охране генофонда, или, иными словами, состоящих на учете в какой-то высшей инстанции Галактики, как неблагополучные формы жизни...

Они не успели сориентироваться в пространстве, что желал сделать Богданов. Внезапная темнота упала на когг, хлынула в тела людей и оборвала сознание. Невидимый хозяин “Красной книги” возвращал их назад, к людям. Он показал все, что хотел.

Филипп снова очнулся первым.

В рубке было темно, лишь на пульте горели два зеленых огонька да над люком светилась алая надпись: “Блокировка”.

Экраны работали, в этом он убедился, приблизив кресло к пульту, но снаружи было темно. Ночь, что ли? Шлюп вроде бы стоит на твердом грунте, но где, на какой планете? Где тут прожекторы?

Филипп нашел сенсоры включения прожекторов, но те не сработали. Темнота, казалось, стала гуще. В чем дело? Что с прожекторами?

Филипп нашарил сенсор включения борт-координатора.

— Ускорение ноль, тяготение единица, воздух годен для дыхания, индекс безопасности Ад-ноль, скафандры для выхода не обязательны.

— Почему не работают прожекторы?

— Выработан электроресурс.

— Что там? — раздался за спиной голос Станислава.

— Мы остались без энергоресурса. — Но, по-моему, мы на Земле. Сейчас посмотрю.

Он снял скафандр, открыл люк. Темнота и тишина.

— Снова ТФ-прыжок в неизвестность без подготовки, — продолжал Томах. — В стационарных таймфагах ничего не чувствуешь, а тут прямо удар по организму... Куда нас теперь занесло? Неужто и впрямь на Землю?

— Включите свет, — попросил Богданов. — У нас в аптечке были тонирующие иглы, не бог весть какое средство, но от встрясок немного помогает.

Дальнейшего разговора Филипп не слышал. Спрыгнув из внешнего люка на землю с высоты двух метров, он не удержался

на ногах, перекувыркнулся через голову и угодил лицом во что-то колючее и знакомо пахнущее. Отодвинувшись, провалился рукой в какую-то яму, ощупал ее край и ползком сдал назад, потом встал на ноги и выпрямился. Глаза уже адаптировались к темноте: над ним повис фиолетово-черный небосвод с золотистым шарфом Млечного Пути, знакомые созвездия добродушно подмигивали с высоты, откуда-то налетел ветерок и принес терпкий запах зелени, сырого песка и смол; рядом с глыбой шлюпа шелестели крупными листьями деревья, знакомо крикнула птица, и Филипп улыбнулся: он был на Земле.

В рубке его встретило многоголосие эфира и вопросительный взгляд Богданова.

— Определился? Или включить связь?

— Скорее всего север Южной Америки. Хорошо виден Южный Крест, да и запахи специфичные — сельва.

Никита набрал шифр тревожного канала УАСС, выключив звучание каналов связи и сети радиовещания. Над пультом вспыхнула нить виома, развернулась в квадрат, обрела глубину, восторженный дежурный американского филиала, приняв сосредоточенный вид, произнес:

— Слушаю, сорок третий южной тропической.

— Дайте прямую связь с начальником отдела безопасности центрального бюро Керри Йосом.

Дежурный нахмурился.

— По времени у них сейчас поздний вечер... Что-то срочное?

Богданов кивнул.

— “Две девятки”.

Дежурный молча соединился с Европой и исчез из виома. Через две минуты на его месте показалась недовольная физиономия Керри Йоса.

Встретив легкую усмешку Богданова, начальник отдела от неожиданности закрыл глаза и потряс головой. Убедившись, что видит своих работников наяву, хмыкнул.

— Вот это номер! Я сплю или вы уже вернулись? Где вы сейчас?

— В Америке, где-то у дельты Амазонки.

— Но я только что имел с вами беседу, вы собирались уходить с Триаса!

Десантники с “Искателя” переглянулись.

— Как давно?

Керри мигнул, он был озадачен.

— Разве вы не знаете сами? Ну и дела!.. Минут двадцать назад. А вы, часом, не разыгрываете старика?

— Не до розыгрышей.— Богданов посмотрел на Томаха, тот подтверждающе кивнул.— Нас вернули в ту же минуту, что и похитили, только не на Триас, а на Землю. Так, Слава?

- Причем с легкостью невероятной.
- Может быть, объясните, в чем дело?
- При встрече.
- Хорошо. Сами сумеете добраться или прислать транспорт?
- Ресурс шлюпа высосан, но мы доберемся. Придем в себя и доберемся.
- Тогда жду. Уфф! Час от часу не легче.
- Не забудь дать отбой на Триас, чтобы не начали авральный поиск. “Искатель” пусть продолжает работать по плану.
- Сделаю.— Керри выключил связь.

Через два часа рассвело.

Перед тем как улететь, Филипп на минуту выскочил из когга посмотреть, куда это он едва не свалился ночью.

Корабль стоял на ровной серой площадке, покрытой кое-где пучками метельчатой травы и сморщенными засохшими плодами величиной с кулак, напоминавшими каштаны Триаса. Пахло ванилью, прелью и почему-то ржавым железом. Площадка была окружена со всех сторон четырехъярусным лесом. В первом ярусе, высотой около трех метров, Филипп узнал фикус, петли лиан и папоротник, а над ними высились гигантские сейбы с мощными дисковидными корнями, кое-где взломавшими серый материал площадки. Подойдя к глыбам взломанного покрытия, Филипп убедился, что это бетон.

Дыра, в которую он угодил рукой ночью, оказалась идеально круглым колодцем диаметром около четырех метров, уходившим вниз на неведомую глубину. Филипп представил, как он летит в колодец, и передернул плечами. Его ночной прыжок мог закончиться весьма плачевно.

Рядом со стволом сейбы он обнаружил в бетоне квадратное углубление и в нем выпуклый ржавый щит люка с выдавленной шестиугольной звездой в центре. Он безуспешно подергал крышку люка, прикинул возраст сооружения: лет двести, если не больше. Обошел когг кругом, недоумевая, кому на Земле двести лет назад понадобилось строить в центре сельвы площадку с колодцами, и столкнулся с Томахом.

— Мы его ждем, а он прогугливается,— осуждающе проговорил Станислав, оглядываясь.— Что ты здесь обнаружил?

Филипп молча показал на колодец.

— Как ты думаешь, что это такое? Бетон... все заброшено. Надо, наверное, археологов вызвать, это в их компетенции.

— Зачем археологов? Я догадываюсь, что это такое. Сюда скорее надо вызывать ребят из “Аида”.— Томах обошел площадку, заглядывая под корни сейб, подозвал Филиппа.— Видишь? Еще колодец. Это, вероятно, древняя ракетная база. Колодцы —

пусковые установки. Некогда существовала стратегическая система ракетного нападения, для капиталистических стран — основа получения власти и могущества монополий, для коммунистического союза — вынужденная мера защиты. Вот мы и наткнулись на одну из баз. Совпадение? Мало того, что нам показали “Красную книгу”, так еще и перенесли в такое место, которое ярче других напоминает худшие страницы человеческой истории.

— Что вы там нашли? — спросил Богданов, когда они вернулись в рубку.

— Ракетную базу, — сказал Томах. — Стартовые колодцы пусты, оборудование демонтировано, но все же предупредить “Аид” не помешает, пусть проверят.

Через час, посадив посланный за ними куттер на стартодроме сорок третьей южноамериканской базы УАСС, путешественники отправились таймфагом в секториат Управления, расположенный под Брянском, на берегу Десны.

Керри Йос ждал их в отделе; он так и не спал. Вместе с ним в кабинете находились седовласый Норман Спенсер, вечно усмехающийся чему-то Генри Бассард, председатель СЭКОНа Морозов и Тектуманидзе, сухой, жилистый, седоусый, бросившийся их обнимать, как только все трое переступили порог.

— Рассказывайте, — коротко сказал Керри Йос после сдержанных восклицаний и приветствий.

Богданов на мгновение замялся, но Керри его понял.

— На “Искатель” я сообщил, он пошел к Шемали. Будет там послезавтра, потом пройдет вдоль погранпостов Ориона и вернется на Землю через “Темные облака”.

Богданов достал кассеты с видеозаписью, которую сделал на планете-мозаике, и включил проектор.

Во время рассказа и демонстрации фильмов Филипп исподтишка наблюдал за реакцией слушателей. Керри Йос и Спенсер были задумчивы и спокойны, хотя по разным причинам. Морозов иногда морщился, словно от зубной боли, но это была его обычная манера держаться. Бассард шевелил густыми бровями и вздыхал, и на лице его недоумение сменялось скептической усмешкой и неприветливой холодностью.

— Да, это весьма интересно! — сказал Керри, когда Богданов закончил, и повернулся к Филиппу. — Мысль, что и говорить, занятная. “Красная книга Галактики”!.. А может, не только одной нашей, а всего местного скопления галактик?

— Не увлекайся, — проворчал Морозов.

— Я анализирую и только. По всем самым оптимистическим подсчетам в нашей Галактике не более двухсот цивилизаций, а по рассказам “путешественников” на планете около десяти тысяч областей-клеток, и в каждой своя жизнь! Что ж это получав-

ется — в нашей родной Галактике около десяти тысяч цивилизаций?!

— Не забывай, что твои “путешественники” видели только несколько “клеток”, со своими сценариями, остальные могли быть пустыми, подготовленными для очередных хищных обитателей.

— Смеею напомнить, — вмешался Бассард, — что все это не более чем предположение — я насчет “Красной книги”. Может статься, что эта “книга” к цивилизациям не имеет никакого отношения.

— Тогда наше приключение не имеет смысла, — пожал плечами Томах. — Зачем кому-то понадобилось переносить шлюп с экипажем на эту планету? Показать разнообразие ландшафтов? Не слишком ли щедр Наблюдатель, — уверен, что это его рук дело, — развлекая нас подобным образом?

— А почему вы связываете этот случай с Наблюдателем? Четких доказательств-то нет.

— Мы столкнулись с “зеркальным перевертышем”, — не согласился Богданов. — Видели все трое, так что у нас сомнений нет.

— И все же на отсутствии сомнений не построишь ни теории, ни дальнейшего плана работ, ни доклада Совету.

— Но совпадения разительны. Налицо еще одно доказательство того, что космическая экспансия человечества кому-то очень не по душе. Вернее, не кому-то, а именно Наблюдателю.

Бассард поджал губы.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, нас придерживают. Но позвольте спросить — почему? С какой стати? И почему именно теперь, когда мы покончили с антагонизмом в планетарном масштабе, когда социальная ветвь эволюции достигла наконец вершины — коммунизма?

— Потому что мы, к сожалению, продолжаем экспорт равнодушия, — сказал Томах. — Только раньше, два века назад, мы “владели” им локально, в пределах Земли, а теперь экспортируем равнодушие в космос.

— Поясните, — попросил молчавший до сих пор Спенсер.

— Пожалуйста. Давно ли мы согласились с тем, что космос — не свалка отходов человеческой технологии?

Бассард нахмурился.

— Сказано сильно. Мы давно используем безотходную технологию.

— Ошибаетесь! В Солнечной системе — да, используем, потому что это наш дом, но безотходная технология с замкнутыми циклами водо-, воздухо- и энергоснабжения дорога и применяется нами далеко не на всех планетах колонизируемой зоны. Примеры? Шемали, История, гамма Суинберна...

— Но это же... — начал Морозов. — Простите, я вас перебил.

— Вы правильно поняли. Именно на этих планетах, где не все благополучно с чистотой исследований, с экоэтикой, и проявил себя Наблюдатель. “Зеркала”, например, впервые обнаружены на Шемали, хотя есть сведения, что нечто подобное наблюдалось и на Земле, и в Системе. А нарушения экоэтики? Ведь случай с экспедицией Моммы вовсе не единичен! Давайте посмотрим на себя со стороны, какими мы выглядим в глазах Наблюдателя? А то и многих Наблюдателей. Что мы успели сделать великого за двести лет выхода в космос? По-моему, самое великое — это успели кое-где исправить содеянные ошибки! Нет? Я читал дошедшие до нас произведения писателей-фантастов и футурологов прошлых веков. В одном из них говорилось, как Мироздание начинает бороться с человечеством, чтобы сохранить себя, то есть Мироздание таким, какое оно есть. Верх пессимизма! Мать рождает дитя в надежде, что оно станет заботиться о ней, любить, ценить и помогать. Мы, человечество, — дитя Мироздания, дитя Природы, почему же мы зачастую забываем о ней? Забываем до такой степени, что пробуждается обратная связь Природы, по выражению Филиппа, — “глобальная совесть Вселенной”, голос которой мы и слышим-то не всегда!

Но, наконец, заметили. “Зеркальные перевертыши” и все такое прочее. Дали формулировку — Наблюдатель. Да, возможно, это наш старший брат в семье Природы, так давайте же чаще оглядываться на уроки истории, лучше прогнозировать последствия своих действий, чтобы надежды Матери сбылись. Иначе снова когда-нибудь упремся в тупик загаженной среды обитания. Человек-разрушитель — красиво звучит? А ведь именно так мы, наверное, выглядим в глазах Наблюдателя!

— Выбирал бы выражения... оратор, — поморщился Бассард. — С экспедицией Моммы надо еще разобраться, а то мы любим вешать ярлыки. Нарушил инструкцию — хищник! Усилил требовательность — эгоист!

Богданов и Йос переглянулись.

— В торжественной речи Станислава, конечно, многовато патетики, — сказал Морозов, подмигивая Томаху, — но во многом он прав. Итак, ваш вывод — нет повода для тревоги?

— Повода нет и он есть, — подумав, сказал Керри Йос. — Уверен, извне человечеству ничто не грозит. Поэтому повода для тревоги т а к о г о масштаба нет. Наблюдатель в очень деликатной форме — смерть Василия Богданова не в счет — предупредил нас о пагубности экспорта равнодушия, говоря словами Станислава, и тут повод для тревоги есть. Он в нас самих, в нашем отношении ко всему, к чему прикасается человеческая рука.

— Схоластика, — буркнул Бассард. — Психологические этюды. Может, нет никакого Наблюдателя, а все эти ваши “прояв-

ления его деятельности” не что иное, как непознанные явления неодушевленной природы, фантазия которой, в отличие от нашей, безгранична.

— Такая мысль уже высказывалась, — мрачно сказал Томах. — Мне лично больше нравится выдвинутая Ромашиным идея глобального галактического поля совести. Все, что мы, люди, делаем — отражается и преломляется в космосе и возвращается к нам обратной связью в качестве тех самых “психологических этюдов”, о которых вы так пренебрежительно отзываетесь, то есть в качестве напоминаний: нельзя быть равнодушными к последствиям своих действий, слишком часто мы обжигаемся на этом; нельзя быть равнодушными к красоте, ибо в результате мы теряем ценнейшие качества души; нельзя быть равнодушными к чужой боли, потому что в этом случае мы в конечном итоге становимся равнодушными к самим себе.

Бассард усмехнулся.

— Ты, Станислав, своей “теорией равнодушия” становишься в Управлении притчей во языцех.

— А знаете, Генри, — сказал Спенсер, усмехаясь в свою очередь. — Я с вами не соглашусь.

Бассард промолчал, у него был свой метод доказательства правоты.

— Считаю, что вы действуете правильно, — продолжал Спенсер, не меняя позы. — Но до конца ли вы представляете всю важность открытия Наблюдателя? И те последствия, которые нас ожидают в результате неправильной оценки событий?

В комнату вместе с молчанием вполз зябкий туман тревоги. От стен повеяло холодом и неуютным ощущением скрытно присутствующего среди них Чужого, словно Наблюдатель знал о встрече и построил свое “зеркало” в одну из стен.

— Может быть, стоит перестраховаться? Дать по всем секторам общий “Шторм”, объявить поиск Наблюдателя?

— Экстренные меры для перестраховки не годятся, — покачал головой Морозов. — Прямой угрозы человечеству нет, да и не верю я в то, что такое возможно. Не исключаю, но не верю. Генри может меня упрекнуть в ненаучности моей веры, — Морозов слабо улыбнулся, — но она тоже рождена из фактов. Несмотря ни на что, человечество существует и намерено существовать и впредь!

— Хорошо. — Спенсер встал. — Я тоже верю, в людей в первую очередь. Действуйте, как сочтете нужным, но информируйте меня обо всех новостях. — С этими словами он исчез: присутствовал руководитель УАСС визуально, как и Бассард, “испарившийся” следом.

— Я помню его выступление на контроль-отчете полгода назад, — сказал Томах. — Тогда он был против “Шторма”.

— Он и сейчас против, потому что понимает — “Шторм” мало что даст нам в сложившейся ситуации, — прищурился Богданов. — Эта форма тревоги хороша для предотвращения катастрофы планетарного масштаба и выше, но никто из ее разработчиков не рассчитывал на вмешательство разума, опередившего нас по крайней мере на тысячу лет.

— Глобальные проблемы надо решать на свежую голову, — сказал Керри Йос и тронул пальцем сенсор: кабинет принял вид кусочка амазонской гилеи — влажно-тропического леса. — Даю вам сутки отдыха. Завтра подключу ребят из отдела Шалвы и пограничников, они сделают машинный анализ вашего путешествия, а через пару дней вернется “Тиртханкар” и привезет сведения о “перевертышах” на планетах Суинберна. После этого будем пробиваться в Совет с нашими заключениями и рекомендациями. Да-а... — вдруг задумчиво протянул он. — Хотел бы я побывать на этой вашей “Красной книге”! Знать бы — где, у какой звезды вращается эта планета. Может быть, она расположена где-то рядом?

Филипп молча попрощался с Богдановым, торопившимся домой, и остался в зале таймфага вдвоем с Томахом.

— Ты в медцентр? — Станислав искоса посмотрел на товарища.

— Не знаю... — пробормотал Филипп. — Может быть. Боюсь я туда идти, Слава.

Томах едва заметно улыбнулся.

— Интересное признание. Боишься — не ходи.

Филипп хмуро посмотрел на него.

— Тебе легко говорить. А ты бы пошел?

— Я? — Глаза у Томаха похолодели. — Я не упустил бы своего шанса еще пять лет назад. Не обижайся, но это правда. Ну, пока?

— Я не обижаюсь. — Филипп опустил голову, потер лоб. — Подожди, еще вопрос, у Керри я постеснялся спрашивать. Мы согласились, что проникновение человека в дальний космос начинается притормаживать Наблюдатель, так? Но если он так силен и вездесущ, а мы так порочны и бездумны, почему же, образно говоря, он не “захлопнет дверь космоса” перед нашим носом?

Станислав с минуту размышлял, посматривая сквозь прозрачную стену станции таймфага на веселое око солнца в океане сини, потом мягко обнял Филиппа за плечи.

— Видимо, он надеется на нас. Понимаешь? Он верит, что мы сами справимся со своими слабостями, сами в состоянии управлять своей историей.

Филипп мастерски посадил пинасс на белый снежный пятак между красной кирпичной стеной и шеренгой молодых лип и бесшумно выпрыгнул из кабины на снег, оставив зажженным желтый огонек — предупреждение, что такси занято.

Вечерело. Парк, расчерченный безлистыми деревьями, как рисунок тушью, был погружен в полутьму и тишину, и теперь жалко видно, что он недостроен: птицы еще не успели его обжить.

Проваливаясь по колено в сыпучий снег, выпавший совсем недавно, вдыхая холодный, чистый до головокружения воздух, Филипп пробрался к стене, недоумевающе оглядел ее — кладка выглядела чересчур древней, и, опираясь на руку, перемахнул на другую сторону. Только теперь, попав сюда второй раз, он смог рассмотреть дом Ребровых. Выстроенный в стиле древнекитайской пагоды, дом стоял перед ним молчаливый и темный, как и парк вокруг. Не надо было даже проверять, чтобы удостовериться — никого в нем сейчас нет.

Филипп приуныл, задумчиво прошелся по дорожке, свободной от снега: автоматика дома исправно несла службу и в отсутствие хозяев.

Как и все специалисты с высоким коэффициентом социальной значимости, Май Ребров имел право на постройку отдельного дома в любом уголке земного шара. Не все из них пользовались своим правом, предпочитая селиться с друзьями в общественных домах, снабженных к тому же всеми чудесами современной бытовой техники, но Ребров, по мысли Филиппа, использовал свое право с лихвой.

— Так! — сказал инспектор сам себе, усаживаясь на ступеньки мансарды со стороны главного входа, не замечая укусов мороза: начало марта на Курилах — это еще зима, причем зима без всяких там легкомысленных солнечных дней и оттепелей, и вечером шестого марта две тысячи двести восемьдесят первого года мороз на Симушире стоял нешуточный — минус двадцать четыре по Цельсию.

Где же они могут быть? — подумал Филипп, включая тепловой обдув воротника; уши сразу перестало щипать, и на затылок пахло приятным теплом. Аларики нет ни в медцентре, ни на Луне, в Институте видеопластики. Реброва нет ни в Москве, ни в спортцентре, ни дома. Запросить диспетчера Управления? У них-то уж наверняка есть координаты Аларики, особенно если она дежурит. Но не хотелось бы терять преимуществ неожиданности... А может быть, она не ждет меня так рано?

Перепрыгнув полутораметровую стенку уже без помощи рук, Филипп отыскал пинасс и рванул навстречу снежному заряду, спешно перебрасываемому метеопатрулем в океан.

Через час он добрался к таймфагу Южно-Сахалинска, введенному в строй всего месяц назад, и перенесся в Москву. Еще

через четверть часа он стоял перед дверью квартиры Ивара Гладышева, досадуя на себя, что не догадался позвонить ему раньше.

Ивар был дома, но собирался уходить: по московскому времени шел десятый час утра. Увидев Филиппа, он с удивленной и обрадованной полуулыбкой пожал ему руку и крикнул, разглядывая слипшиеся пальцы.

— Полегче, братец! Ты же мне чуть руку не раздавил! Проходи, что встал на пороге? Не узнаешь?

— Извини,— Филипп прошел в гостиную.— Какие новости, семьянин? Кстати, где Кира?

Гладышев сел на один из кубов пеномебели, разбросанных по комнате в художественном беспорядке, с любопытством разглядывая инспектора, жестом пригласил его сесть тоже.

— Однако за то время, что не виделись, ты возмужал. Даже хочется встать в стойку “смирно”, честное слово. Не оглядывайся, Кира в Рязани, с сыном. Отдыхает после родов.

— У тебя сын?! Поздравляю! Не знал. Сколько же ему?

— Два месяца. Вот фото.

Филипп подошел к столу, на котором стоял объемный с тимок ревущего во всю глотку малыша.

— Богатырь!

— А ты думал!— Ивар выпятил грудь.— Бери пример с меня. А насчет новостей — у тебя их наверняка больше. Поделишься, надеюсь? А у нас... Солинд спрашивает о тебе изредка, интересуется. Зашел бы ты к нему как-нибудь или позвонил в крайнем случае.

Филипп промолчал, ощутив укол вины.

— Что еще? Из команды ушел Леон Хрусталеv. Говорят, он вообще бросил большой спорт, но точно не знаю. Кристо получил травму, проходит курс лечения. Скоро будем выступать в розыгрыше Приза Весны... Вот и все, пожалуй.

— А Ребров?

— Что Ребров?

— По-прежнему остается тренером сборной?

Гладышев как-то странно посмотрел на Филиппа.

— Разве ты не знаешь?

— Нет,— встревожился инспектор.— Что я должен знать? С ним что-то случилось?

— Ребров утвержден начальником первой межгалактической экспедиции.

Филипп от неожиданности лишился дара речи. Гладышев, оценив его состояние, засмеялся.

— Для тебя это неожиданность? Странно, что ты об этом не знаешь. Уже больше двух недель прошло с момента объявления состава экспедиции. Или ты удивляешься по другому поводу? Почему именно он?

— Н-нет... хотя, если честно...

— Тогда ты просто плохо знаешь Реброва. Он не только тренер сборной Земли по волейболу, но еще и выдающийся социолог, доктор истории и ксенопсихологии Института внеземных Культур.

Сообщение было полнейшей неожиданностью для Филиппа. Ни Солинд, ни Томах, ни Аларика не говорили ему об этом.

Ивар встал.

— Останешься у нас? Извини, я на час-два отлучусь в цех приземельского ЗБЛ, у них что-то застопорилось с пуском новой линии, а я, как ты знаешь, — наладчик-энергетик. Подождешь?

Филипп качнул головой.

— Вечером забегу, сейчас некогда.

— Ну как знаешь. А то раздавили бы бутылочку шипучки. Кстати, если ты ищешь Аларику, — Гладышев хитро прищурился, — то она скорее всего в Центре подготовки экспедиций Дальразведки.

— Спасибо, телепат.

— Не за что, влюбленный.

Они поднялись на крышу тридцатизэтажного дома, выстроенного в стиле “пшеничный колос”, Ивар вызвал такси.

— Подброшу тебя к таймфагу, а дальше доберешься сам.

Больше они не разговаривали. Филипп смотрел перед собой и видел лицо Аларики, то улыбающееся, то грустное, но чаще задумчивое, спокойное, и думать о чем-нибудь другом было просто не в состоянии. Ивар искоса посмотрел на него и увеличил скорость. К пятой станции таймфага, ближайшей в этом районе, они примчались через несколько минут, побив все рекорды скорости и вызвав легкий переполох у патруля общетранспортной инспекции.

Высадив Филиппа, Гладышев молча поднял над головой кулак, и пинасс улетел к далекой белой спице орбитального лифта, а Филипп с минуту стоял на месте, провожая его взглядом. Рядом приземлился синий куттер с эмблемой инспекции, но Филипп, целиком поглощенный мыслями о встрече с Аларикой, не обратил внимания на жесты патрульных, желавших познакомиться с личностью гонщика, и растворился в толпе у таймфага.

Вскоре он уже выходил из финиш-камеры таймфага в кратере Аристарх на Луне, под поверхностью и на поверхности которого располагался Центр подготовки звездных экспедиций.

Разобраться непосвященному человеку в расположении отделов и комиссий Центра было непросто. Прошло время, пока Филипп уяснил наконец, где находится комплекс служб, занятых подготовкой первой межгалактической экспедиции. И лишь еще через полчаса он добрался через мешанину коридоров, лифтов и транспортных линий к отделу снабжения экспедиции, ко-

торый нес на данном этапе основную нагрузку и где должен был находиться Ребров, а с ним, по мысли Гладышева, и Аларика.

В широком коридоре, стерильно-белом, с десятками дверей и ниш, бесшумно сновали люди в форме служб звездного флота. Они ловко лавировали в потоке таких же спешащих людей, появлялись из дверей и исчезали в проходах, и Филипп несколько растерялся, не ожидая столь интенсивного движения на глубине двухсот метров под поверхностью Луны. Открыв наугад одну из дверей, снабженную обычной кнопочной защелкой, он оказался в темноте.

— Наконец-то, — раздался из темноты голос, — тебя только за смертью посылать. Принес? Вываливай.

— Извините, — пробормотал Филипп, выбираясь обратно.

Присмотрев в толпе симпатичное лицо, он снова извинился, преграждая незнакомцу путь:

— Простите, не скажете, где можно найти Мая Реброва?

— Реброва? — быстро переспросил встречный, оглядывая инспектора черными смородинами глаз. — Это сложно, знаете. Если у вас дело не спешное, обратитесь к любому из его заместителей.

Филипп отвернул лацкан куртки, показывая значок отдела безопасности Управления. Энергичный незнакомец кивнул.

— Тогда другое дело. Вы найдете его в зале инженерного обеспечения. Прямо по коридору и направо в дверь с алой полосой.

Филипп кивнул и поспешил по указанному пути. У двери с красной полосой его задержали. Пришлось снова прибегнуть к запрещенному приему со значком. Однако его вежливо попросили объяснить причину, по которой он стремится пройти в зал и которая соответствовала бы “шкале обстоятельств”, как туманно объяснил один из дежурных на входе.

Причина у Филиппа была веская, но было бы смешно пытаться доказать это незнакомым людям. “Вот влип! — подумал он с веселой злостью. — Автоматика у них, что ли, не работает? Дежурные на входе — люди! Анахронизм!”

— Вы пройдите в пост управления залом, — с сочувствием подсказал пожилой дежурный, видя его колебания. — Ребров может находиться и там, а если нет — вам его вызовут.

Филипп молча двинулся к лифту.

Реброва в посту управления не оказалось, зато один из немисливо молодых диспетчеров — лет семнадцать, не больше! — подсказал ему, где найти Аларика.

— Реброва вы можете найти через видеопластик, — сказал он, не поднимая головы от панели пульта. — Он сейчас занят интерьерами кораблей экспедиции, выбирает видеопласты для оформления внутренних помещений. Спуститесь на третий го-

ризонт и спросите, где комната видеопластических композиций.

Филипп не дожидался новых пояснений: он не собирался искать Реброва, ему нужна была Аларика, художник-видеопластик по оформлению замкнутых пространств.

Перед дверью с зеленым кругом он остановился на секунду, задержал дыхание и шагнул вперед, как будто нырнул в воду.

Он оказался в сыром осеннем лесу. Пахло прелью, горьковатой осиновой корой и увядшей травой. Под ногами зачавкало, словно Филипп и в самом деле стоял на лесной почве, мокрой от только что прошедшего дождя. Деревья стояли плотной стеной: замшелые сосны и ели, могучие березы, клены и осины с бархатной, зеленоватой корой. Слева от тропинки сверкнули кустики ежевики, Филипп невольно протянул к ним руку, и подлесок осыпал его крупными каплями воды с ветвей и листьев. Не очень радостный пейзаж, подумал инспектор, или для психоразгрузки и такие нужны?

Из-за деревьев послышались приглушенные голоса:

— Уменьшить хотя бы наполовину, — мужской, хрипловатый.

— Тогда пропадет впечатление глубины, — женский.

— Пойдем на компромисс, — второй мужской, чуть тоньше.

— Не люблю компромиссов, Эд, — снова женский.

— Я не возражаю, — хриплый.

Женщина засмеялась. Аларика?

— И все же надо уменьшить процентов на двадцать пять, — снова мужской тонкий.

— Что ж, попробуем.

Голоса смолкли, а Филипп почувствовал, что стало легче дышать, из толстого ковра опавшей листвы и сосновых иголок исчезла влага. Регулируют, догадался Филипп. Идти напрямик или подкрасться незаметно? А вдруг это не она?

Инспектор тихо свернул с тропинки, раздвигая ветви осинника и рябины, пробрался к небольшой поляне, откуда раздавались голоса.

На поляне у трех небольших дисковых пультов возились двое мужчин в серых комбинезонах и Аларика в брюках и спортивной футболке. Они были заняты делом и по сторонам смотрели изредка, когда нужно было проверить результаты корректировки видеопласта, запрограммированного не только на воспроизведение голографических “призраков”, но и на сенсорные эффекты.

— Оставим так, — предложил молодой, небольшого роста мужчина с залысинами.

— Я проверю границы, не нравится мне остаточная вязкость среды, — сказал второй, высокий, черноволосый, с хрипловатым голосом. Он то и дело поглядывал на Аларика, и Филиппу это не очень понравилось.

— Я сама,— сказала женщина, разгибаясь.— А вы пока закрепите лес в развитии: от дождя до сухого солнечного дня. И смоделируйте фауну — птиц, пару белок, сохатого и так далее.

Она потянула за шнур, и диск пульта поплыл за ней в метре от земли.

Филипп подождал, пока она пройдет мимо и углубится в чашу, и беззвучно скользнул следом. “Охотник”, — посмеиваясь над собой, подумал он. Мальчишество это, уважаемый безопасник, любите вы эффекты. Однако от исполнения замысла отступить не стал, и когда Аларика выбралась к стенам помещения и остановилась, наклонясь к пульту, — прыгнул из-за дерева и подхватил ее на руки.

Аларика ахнула, напряглась, пытаясь высвободиться, потом увидела его лицо и судорожно ухватилась руками за шею.

— Филипп!..

— Пусти,— сказала она через минуту, продолжая обнимать Филиппа и прижимаясь к нему всем телом.

Он молча покачал головой и снова потянулся к ее губам.

Аларика высвободилась из его рук, поправила волосы.

— Рика,— сказал он негромко, как не называл давно.— Рика, я за тобой.

Рука Аларики дрогнула, она с испугом, как ему показалось, посмотрела на его значок, выглянувший из-под лацкана куртки. Филипп взял слабо сопротивлявшуюся женщину за руки, привлек к себе, и в этот момент в комнату вошел Май Ребров.

Покашляв, он обогнул кустарник и подошел к смущенному, злому, не знающему, куда себя деть, Филиппу.

— Рад тебя видеть, Ромашин. И, насколько берусь судить, не только я.

Аларика отняла руки и твердо взглянула на Реброва.

— Он не виноват, Май.

— Какое право я имею кого-то винить?

— Имеешь, но только меня. Я дала ему повод надеяться.

— И что же?

— Не знаю.

Филипп наконец сбросил оцепенение и вмешался в диалог.

— Извините, Май. Я знаю, вы любили брата. Сергей был настоящим человеком...— Слова прозвучали беспомощно, и Филипп замолчал.

Ребров поднял на него тяжелый взгляд и несколько мгновений смотрел, будто взвешивая, что с ним делать.

— Дело не в том, что он мой брат. Но он любил ее! Понимаешь, юноша? И я люблю ее, и моя жена, и дети. А ты?

— Май!— сердито сказала Аларика.

Ребров лишь повел плечом.

Филипп выдержал его взгляд, потом повернулся к женщине.

— И я люблю ее... разве что понял это совсем недавно... До свидания, Рика. Прощайте, Май.

Он повернулся уйти, но Ребров остановил его.

— Погоди. Как ты понимаешь, я имею право требовать. Я улетаю, улетаю надолго, а ты остаешься. Что ты намерен делать?

— Май!— снова проговорила Аларика, искоса посмотрев на Филиппа.

— Что? Жить. Вместе с ней. Я хочу называть ее своей женой.

— Это будет непросто.

— Знаю. Но это случится.

Каменное лицо Реброва дрогнуло, тень тоски промелькнула на нем, промелькнула так быстро, что Филипп усомнился, было ли это на самом деле.

— Что ж, удачи! В конце концов, выбор всегда был уделом женщины, хотя я не уверен в правильности выбора Аларики. Я уже говорил это, когда она стала женой Сергея, говорю и еще раз.

— Май!— в третий раз сказала женщина.

— Но почему?— спросил угрюмый Филипп, хотя уже догадался, к чему клонит Ребров.

— Потому что ты уже не конструктор ТФ-аппаратуры, и не спортсмен, ты — безопасник. И значит, основной твой дом — база погранслужбы, основное свободное время твое — время завтрака, и основное ваше с ней счастье — сомнительное счастье ожидания счастья, и для этого обоим нужно обладать неким достоинством — запасом терпения. За нее я спокоен.

— Я понял,— сказал Филипп.

— Иди,— сказала Аларика.— Иди же, я позвоню тебе...

Филипп поклонился и вышел, унося в душе два разных взгляда — умоляющий Аларики и холодно-вопрошающий Реброва.

Ребров прошелся по лесу, касаясь стволов рукой, и проговорил:

Причин не знаем. Ясно лишь для нас —

Любовь проходит сквозь цензуру глаз.

Рассудочность не зажигает кровь.

Не вечно ль первый взгляд родит любовь?

— Кристофер Марлоу. Ты любишь его? Я имею в виду Филиппа.

Аларика выключила аппаратуру и зажмурилась, потому что ей внезапно захотелось плакать. Она вдруг бросилась к Реброву, уткнулась лицом в его грудь, борясь с рыданиями.

— Не знаю я ничего, не знаю... дайте мне время разобраться самой... Ты улетаешь и никто, никто... не посоветует... и Сергей... и Сергей тоже...

— Ничего, ничего,— Сергей бы тебя понял...

Из-за деревьев на них с молчаливым недоумением смотрели напарники Аларики.

Австралийский эксперимент

Керри Йос выслушал диспетчера и посмотрел на часы:

— Через десять минут соедините, я закончу инструктаж.

— Земплан?— спросил Богданов.

— Земплан.— Керри нахмурился.— А ты почему знаешь?

— В твоё отсутствие звонил их инспектор. Наш отдел за январь-февраль превысил какие-то там нормы расхода материальных ресурсов.

— Какие-то... Надо было соединить их с плановым бюро и сообщить в секториат. Впрочем, теперь я сам. Продолжим. Отделу вменили в обязанность обеспечение безопасности эксперимента "Галактическое просвечивание", в связи с чем я перераспределил обязанности. Богданов будет продолжать осуществлять мероприятия по Наблюдателю, в его распоряжении остается группа Микульского, Станислав с этого момента занимается только экспериментом, в его распоряжение поступает группа Ромашина. Текущая работа переходит к Щеголеву. Вопросы?

— По эксперименту. Кто ответственный за его проведение?

— Институт ТФ-связи и Академия астрофизики. Конкретное распределение обязанностей выясните в консультативном комитете СЭКОНа. Если вопросов больше нет, все свободны.

Керри Йос знаком показал Томаху остаться, подождал, пока руководители групп покинут кабинет, и сказал:

— Забыл тебя предупредить, Слава. Первым делом перепроверь расчеты по эксперименту. Эксперты просчитают его со своей стороны, но...

— Ученые утверждают, что эксперимент безопасен. Во всяком случае, место его проведения выведено достаточно далеко за пределы обитаемой зоны Системы.

— У Дикушина иная точка зрения. Нептун, как и Сатурн, — не лучшее место для эксперимента такого масштаба. У тебя есть свои ТФ-специалисты, тот же Ромашин... В общем, ты меня понял.

Томах кивнул.

— Перестраховаться в таком деле не помешает.

Керри задумчиво посмотрел поверх его головы, и у Станислава вдруг возникло ощущение неловкости, словно он сказал что-то не впопад.

Филипп вошел в кабинет и остановился у порога.

— Проходи, — сказал Томах, несколько удивленный его хмурой сдержанностью. — Чем-то расстроен?

— Нет, все в порядке. — Филипп прошел к столу и сел на диван.

— Ага. Как говорится: и на челе его высоком не отразилось ничего. Тогда слушай. С сегодняшнего дня твоя группа переходит в мое непосредственное подчинение. Начинаем вплотную заниматься экспериментом физиков “Галактическое просвечивание”. Отсюда первое твое задание: проверь расчеты ТФ-взрыва, проведенные экспертами.

— Так я сам его считал, по заданию Травицкого.

— Вот как? Мне он ничего не говорил. Тогда это меняет дело.

— Если необходимо, покручу цифры еще раз. Вторичных эффектов я не рассчитывал, только глобальные характеристики.

— Договорились. Повидайся с Травицким, пусть поможет с аппаратурой. Кстати, он добился разрешения у ВКС на свой эксперимент, так сказать, таймфаговый минивзрыв для проверки некоторых соображений частного порядка, как он выразился. Мощность эксперимента невелика, всего шесть кларков, и проводить его разрешили на нашем полигоне в Австралии. Если хочешь, можешь поучаствовать не только как инспектор-безопасник, но и как ТФ-инженер. Но сначала проверка, потом небольшая инспекция по местам строительства новых ТФ-антенн, твоих, кстати, антенн, а дальше работа на полигоне.

— При чем тут мои антенны? Какое мы к ним имеем отношение?

— Самое прямое. Мы отвечаем за безопасность всего эксперимента, антенны же нужны для улавливания ТФ-эха от всех звезд и тяготеющих масс Галактики. При взрыве обычно образуется ударная волна, при ТФ-взрыве — ТФ-волна... — Томах посмотрел на лицо Филиппа и засмеялся. — Что я тебе объясняю, профессионалу? Короче, антенны поймают эхо взрыва, остальное — дело теоретиков, считать и анализировать, что получилось. Задание понятно?

— Так точно! — вскочил Филипп. — Когда прикажете начинать?

— Вчера, — не моргнув глазом, ответил Станислав.

Два дня Филипп потратил на проверку параметров намечающегося в эксперименте “Галактическое просвечивание” ТФ-взрыва. Подтвердились все выводы специалистов и первый собственный о том, что взрыв на Тритоне, спутнике Нептуна, где решили проводить эксперимент, никак не отразится на поселениях человечества в Солнечной системе. В пересчете на эквивалент старинного ядерного оружия он был равнозначен взрыву мощностью в двести миллионов мегатонн, но так как его намере-

вались осуществить под поверхностью Тритона на глубине в тридцать километров — планетологи отыскиали вулканический канал такой глубины — то никаких видимых разрушений рельефа на поверхности не должно было появиться: вся энергия взрыва уходила на ТФ-излучение, почти свободно пронизывающее вещество планет и звезд.

Филипп дважды проверил результат окончательного расчета, все сошлось, но у него остался на душе какой-то тяжелый осадок, словно он чего-то не учел или был недобросовестен в работе. Наверное, это был чисто психологический отзвук работы, уж очень много людей занималось расчетами и перепроверкой выводов, но что-то заставляло их еще и еще раз просчитывать варианты взрыва, его влияние на окружающую среду, и эта настойчивость порожидала неуверенность и желание отыскать причины такой многократной перестраховки.

Доложив Станиславу о результатах анализа, Филипп отбыл на Меркурий, где строилась одна из приемных ТФ-антенн нового типа, рассчитанная по его формуле, “формуле Ромашина”.

На Меркурии Филипп не задержался: антенна — километровая металлическая игла — уже готова к работе, а у него не было желания разгуливать по раскаленным плоскогорьям, усеянным оспинами кратеров и шрамами трещин и разломов. К тому же, это было не первое его посещение Меркурия, полгода назад он уже побывал здесь с Травицким на испытании прототипа настоящей антенны, и подробности посещения еще не стерлись в памяти.

Следующая из шести антенн строилась на Плутоне.

Здесь дела шли похуже: был закончен только монтаж центрального вибратора, эталонные ТФ-генераторы еще ждали часа своей установки, не были готовы и лепестки-отражатели.

Филипп в вакуум-скафандре облазил существующие конструкции, с интересом осмотрел прозрачно-глубокое озеро жидкого кислорода, необходимого для заполнения волноводов, и записал все желания и просьбы прораба стройки, не уверенный, что сможет выполнить их в полной мере.

Плутон его не поразил, несмотря на то, что спутник Плутона Харон был настолько близок к планете, что оторопь брала, когда он, занимая четверть небосклона, пухлой снежной глыбой нависал над ледяными равнинами Плутона. Сам же Плутон, форпост земной цивилизации на границе Солнечной системы, служил идеальным полигоном для разного рода астрономических и физических экспериментов. Несмотря на присутствие десяти тысяч работающих, планета казалась необитаемой — небольшой каменный шар, укутанный в пятнистую шкуру снежно-ледяного покрова. Три стандартных городка астрономов, физиков и планетологов не могли, конечно, создать иллюзии его заселения.

Филипп было задумался над тем, что эксперимент с ТФ-взрывом могли бы проводить и здесь, раз уж Плутон самой природой предназначался для “громких” экспериментов, но молодые планетологи, старожилы Плутона, рассеяли его недоумение: оказывается, Плутон не был мертвой в геологическом смысле планетой, он имел раскаленное ядро, вязкую, но жидкую мантию, и взрыв мог породить в его оболочке колебания, которые смели бы все на его поверхности, полностью перестроив рельеф.

Единственное, что позволил себе Филипп, — это полюбоваться восходом Харона и заходом Солнца — крупной голубоватой звезды, дробящей свои лучи на алмазные брызги отражений и преломлений во льдах Плутона.

Остальные три антенны строились в открытом пространстве: одна в поясе астероидов, две других над полюсами эклиптики Солнечной системы. Они были почти готовы и не вызывали беспокойства темпами монтажа.

Последним в своем инспекционном вояже Филипп посетил Тритон.

Этот естественный спутник Нептуна относится к самым крупным спутникам планет Системы, наряду с Титаном, спутником Юпитера, земной Луной и Ганимедом Сатурна. Сила тяжести на его поверхности в три раза меньше земной, так что люди здесь передвигались своеобразной семенящей походкой: прыгать не рекомендовалось — было трудно сохранить равновесие. Несмотря на это, старожилы, в основном спортивная молодежь, часто прибегали к полубегу-полуполету, устраивая шуточные соревнования на скорость бега или точность приземления после прыжка.

Филипп пробыл на Тритоне два дня, но привыкнуть к своеобразию его ландшафтов не смог. Трижды он был свидетелем восхода Нептуна и трижды это зрелище потрясло его фееричной красотой неожиданных сочетаний форм и красок облаков.

Нептун зарождался на горизонте мерцающим облаком, ничуть не похожим на диск или шар планеты. На серебряную гладь аммиачных озер ложились первые зеленые блики, и озера превращались в чаши необыкновенного прозрачного хрусталя. “Облако” продолжало расти, медленно и торжественно, пока не закрыло полнеба; свет от него усиливался, преобладали в нем зеленые и пепельно-палевые тона, тончайшие оттенки серого цвета, однако на пятнисто-полосатой громаде Нептуна можно было отыскать все цвета спектра, причем соседствующие друг в другом в самых произвольных сочетаниях. Но лишь тогда становилось понятным, что перед вами планета, исполинский газожидкостный шар, когда Нептун поворачивался к Тритону освещенной солнцем стороной. Тогда по передвижению облачных струй и спиралей становилось видимым его вращение. Осо-

бенно сильным впечатление грозной планетарной массы сказывалось в момент прохождения по диску Нептуна его небольшого спутника Нереиды...

Оторвавшись от созерцания пухлой дымящейся горы Нептуна, Филипп в сопровождении одного из работников постоянной исследовательской станции Тритон-9 направился к ангару, вмещающему четыре пинасса, с десятком флейтов и куттер — весь машинный парк станции. Провожатым на этот раз была на удивление малообщительная девушка, физик-оптик станции. Разговаривала она мало, чем невольно заставляла Филиппа чувствовать себя обязанным ей за хлопоты.

До места строительства шахты для взрыва было около двухсот километров. Пинасс преодолел их за полчаса, и Филипп, поблагодарив девушку, тут же отослал ее обратно, сославшись на то, что дальше ему помогут строители. Провожатая не возражала, и вскоре ее оранжевая машина искрой вонзилась в распухшее тело Нептуна, напомилавшее зыбкую полосатую гору тумана, опрокинутую за горизонт. С высоты посадочной площадки, расположенной на плоской вершине одного из столообразных холмов, Филипп не смог оценить размеры стройки. Устье шахты было невелико, метров десяти в диаметре, и возле него сновали всего три машины, не то киб-укладчики, не то подъемно-транспортные механизмы, не то переработчики вещества. Правда, чуть поодаль от шахты стоял широкий конус грузового когга, из вспоротого брюха которого автоматы выгружали лиловые блины контейнеров, а рядом с ним — искристо-белый куб стандартного кварк-реактора, похожий на кусок сахара-рафинада.

Сойдя вниз и заглянув в жерло шахты, Филипп несколько призадумался, а когда, объяснив цель визита начальнику стройки, спустился на всю тридцатикилометровую глубину шахты и оказался в гигантском естественном зале, словно нарочно созданном природой для нужд человека, заполненном десятками сложных машин и устройств, возле которых работали сотни людей, — еще раз убедился, что оценить масштабы какого-то явления по внешним признакам нельзя.

— В настоящее время ведем монтаж импульсных трасс, силовую проводку, тянем цепи управления, — сказал начальник стройки, скафандр которого не позволял оценить его возраст. — Через два дня начнем установку опор инициатора. Думаю, закончим все работы точно по графику. Если, конечно, снабжение не подкачает.

— Не подведет, — заверил Филипп. Ему вдруг захотелось самому участвовать в стройке, монтажником или механиком, в ладонях даже появилось ощущение прикосновения к шершавому металлу силовых конструкций, требующих, в известной мере, применения ручного труда, но такого задания у инспектора не

было, и он только вздохнул, сожалея о потерянной свободе выбора. “Впрочем,— вспомнил он древнее изречение,— что такое свобода выбора, как не осознанная необходимость?”

Спустя несколько дней Филипп вернулся в Управление и сообщил о ходе строительства Томаху и Керри Йосу, заодно передав все пожелания монтажников и строителей.

— И еще один момент,— сказал он, вспоминая свои ощущения.— Все исследовательские станции на Тритоне на время эксперимента придется эвакуировать. Волна сотрясения коры планеты в местах их расположения достигнет десяти-двенадцати баллов. Купола станций не приспособлены к таким встряскам.

— Эвакуируем,— кивнул Керри.— Нет проблем.

Филипп не стал уточнять границ возможностей отдела безопасности и, получив разрешение на участие в Австралийском эксперименте, подготавливаемом группой специалистов Института ТФ-связи во главе с Травицким, покинул отдел.

Аларика все еще жила на Луне в центре подготовки экспедиции Реброва, до старта, назначенного на двадцатое мая, оставалось всего десять дней, и она была занята чуть ли не круглосуточно. Филиппу не удавалось добиться встречи с ней, и это обстоятельство, конечно, не способствовало улучшению его настроения. Странное предчувствие надвигающейся беды не покидало его ни днем, ни ночью, и он, не зная, откуда ждать эту беду, в чем она заключается, когда случится, был настолько невнимателен на работе, что удивил даже Станислава.

Двенадцатого мая Филипп прибыл на Австралийский полигон УАСС вместе с Томахом и Керри Йосом.

Место для проведения малого ТФ-взрыва или, как его называли физики — “эксперимента предупреждения”, выбрали на окраине полигона, переходящего в пустыню Гибсона.

Филипп, выпрыгнув из куттера, с недоумением осмотрелся по сторонам. Видимо, здесь когда-то что-то взрывалось и горело: влево до горизонта уходила безотрадная коричневая плоскость спекшегося в корку песка. Справа на горизонте вырастали пологие вздутия гор Макдональд. Площадку, где сел куттер, окружало несколько валов перепаханной, взломанной земли; углубления между валами были заполнены чем-то черным и рыхлым, как слежавшийся, намокший пепел.

В отличие от стройки на Тритоне установку для ТФ-взрыва на Земле монтировали на поверхности полигона. Со стороны она выглядела внушительно: стометровой высоты рупор, расширяющийся в небо, укутанный в ажурную вязь вторичных конструкций.

Представителей отдела безопасности встречал Кирилл Травицкий, неторопливый и грустный, как всегда. У Филиппа шевельнулось в душе чувство вины, но Травицкий,

проницательный Травицкий, знавший его, как отец, не дал ему уйти в дебри самоанализа. Сдержанно поздоровавшись со всеми, он задержал руку Филиппа в своей и сказал:

— Ты, конечно, хочешь поработать на материале?

— Хочет, хочет, — Томах беспечно махнул рукой. — Мне он порядком надоел, забирайте его к себе.

— Спихиваете? — пошутил Травицкий с едва уловимым упреком, направленным неизвестно кому, и задумался. — Уголовский работает на каскаде автоматики инициатора, возьми на себя контроль управления... если не утратил навыки.

Еще один маленький укол Филиппу-инженеру, но Филипп-безопасник принял его как должное. Кирилл Травицкий имел право быть недовольным его выбором, хотя выражал чувства в очень корректной форме.

Керри Йос и Томах остались с руководителем эксперимента, а Филипп, прежде чем отправиться на определенный ему участок, для ознакомления обошел стройку кругом. Одет он был в универсальный рабочий костюм: голубовато-серую куртку и такие же брюки с автоматической регуляцией температуры, так что переодеваться не пришлось.

Конструкторы, с которыми он проработал бок о бок шесть лет, приняли его без лишних расспросов, и обрадованный их реакцией Филипп с головой ушел в работу.

— Прежде всего такой вопрос, — сказал Керри Йос и в упор посмотрел на Травицкого. — Почему вы решили провести этот предупреждающий эксперимент?

Тот выдержал взгляд и попытался улыбнуться, но так как улыбаться он не умел, то Керри пожалел, что задал вопрос.

— Потому что я вдруг испугался, — сказал Травицкий. — Научно обоснованного ответа у меня нет, не надейтесь, есть только предчувствия, а это, сами знаете, из сферы психологического субъективизма, весьма далекого от всякой науки.

— Однако ВКС и СЭКОН вы убедили, — сказал Керри. — Как и Земплан. А им подавай аргументацию, а не предчувствия. Дело в том, что у меня тоже есть нехорошие предчувствия, и я хотел бы их развеять. Надеюсь, ваш опыт “малого” взрыва расставит точки над “i”, и большой эксперимент на Тритоне пройдет успешно.

— Я тоже надеюсь, — вздохнул Травицкий.

— И все же странно, что Земплан пошел на расходы, связанные с этим дорогостоящим опытом. Насколько я знаю, есть более важные задачи, требующие больших затрат энергии и материалов. Ведь в научном плане ваш эксперимент не слишком информативен?

Травицкий поморгал.

— Я бы так не сказал. По сравнению с чем он не слишком информативен?

— Земплан пошел на расходы потому, что вмешался отдел дальнего координирующего прогноза ВКС, — вступил в разговор скуучающий Томах. — Обнаружилось, что совпадают мнения двух разных организаций: УАСС в лице руководителя первого сектора Дикушина и СЭКОНа в лице его председателя Морозова. Плюс мнение руководителя бюро Травицкого.

— Ага, — сказал Керри Йос. — Ну если ВКС заинтересовался... Все равно непонятно. Что касается Владибора, то я знаю, чем он руководствовался, а какие соображения, кроме предчувствий, выдвинул Травицкий?

— Кирилл чересчур восприимчив к ТФ-эху — сострил Томах. — Отсюда все его страхи.

Керри недовольно посмотрел на Станислава.

— С чего это ты веселишься? Шутки какие-то плоские...

— А может быть, я тоже... — туманно пояснил Томах.

— Видите ли, — начал Травицкий; на панели видеоселектора заработал виом, начальник стройки выслушал сообщение, кивнул и выключил связь. — Видите ли, человечество до недавнего времени было географически незрелой цивилизацией. С тех пор прошло определенное количество лет, мы полностью обжили Землю, и география перестала быть романтической наукой. Сейчас мы обживаем космос, Солнечная система теперь для нас все равно, что Земля для путешественника, скажем, двадцатого века. Но вот стало ли человечество к о с м и ч е с к и зрелой цивилизацией?

Керри Йос искоса посмотрел на Станислава. Тот, казалось, тоже был удивлен преамбулой.

— Кирилл, друг мой, — сказал он, — ты стал длинно говорить.

— Длинно, — грустно согласился Травицкий. — Но короче не умею.

— Не перебивай, — негромко произнес Керри. — Продолжайте, Кирилл.

— Собственно, я уже все сказал. — Травицкий беспомощно посмотрел на неподвижного Йоса и пожал плечами.

— М-да... Если я вас понял правильно, вы говорите о способности человека совершать ошибки? Нет?

— Собственно... н-нет. Ошибки — это уже результат каких-то стремлений, понимаете? Я говорил о несоответствии, в первую очередь о несоответствии научных и психологических стремлений человека философскому содержанию познавательного процесса, психологии и этике космического масштаба. Не об этом ли, кстати, предупреждает нас Наблюдатель? Такое отставание в двадцатом веке грозило гибелью цивилизации, а теперь?

— Страшно подумать!— фыркнул Томах.— Развалим весь космос!

Травицкий улыбнулся.

— Может быть.

— Вы и о Наблюдателе знаете?— пробормотал Керри Йос.

— Может, и в самом деле мысль можно выразить иначе,— через некоторое время сказал начальник конструкторского бюро.— Если говорить о несоответствии, то в двух словах можно сказать так: мы не всегда замечаем несоответствие своих желаний и возможностей.

— Мысль, честно говоря, не новая.

— А разве от этого она потеряла смысл?

— Хорошо, кажется, я вас понял,— вздохнул помрачневший Керри Йос.— Показывайте свое взрывчатое хозяйство.

— Чего ты меня будишь среди ночи?— сердито сказал Томах, протирая кулаками глаза.— Не мог подождать утра? Что стряслось?

Филипп молча протянул пуговку объемного фото.

Станислав сдвинул пуговку пальцами, и сон его как рукой сняло.

— Где?!

— В блоке ограничителя, на крышке каркаса.

Томах еще раз взгляделся в мигающую “звезду Ромашина” в материале, вернул фото.

— Ч-черт! Этого нам только не хватало!

— Не нравится мне это.

— Думаешь, мне нравится? Видишь, и Наблюдателю тоже... знать бы, что именно.

— Полагаешь, это он?

— Кто еще?

— Н-ну, пошутил кто-нибудь... Бассард, например. Что делать?

— Бассард шутить не способен. погоди, дай сообразить. В-первых, сообщи Никите, ну и Керри, само собой. Во-вторых, обыщи всю аппаратуру, может, еще что-нибудь отыщется странное. Ну, а потом решим, что делать дальше. Беги.

Филипп не совсем понял, что он должен искать, но переспрашивать не стал. Тревожное чувство приближающейся беды снова всколыхнуло душу, заставляя ум напрягаться в поисках причин тревоги. Он походил по комнате, ожидая, пока оденется Томах.

— Тебя еще что-то беспокоит?— спросил тот.

Филипп остановился на полшаге, очнулся.

— Извини, замечтался. До связи.

Томах удивленно смотрел ему вслед.

Спустя полчаса Филипп подлетел к стройке, выросшей на

горизонте гроздью огней и световых контуров, рассеивающих ночной мрак на сотни метров вокруг. Негромкий, равномерный шум стройки разносился ночью довольно далеко, не прекращаясь ни на минуту. Строители торопились, и работы велись непрерывно, днем и ночью.

Отпустив машину, Филипп подвесной дорогой доехал до верхней строительной площадки, а оттуда пневмолифтом спустился на дно установки, где располагались основные узлы энергораспределителя и каскад автоматики.

Как и ожидалось, в помещении каскада ничего нового не обнаружилось, хотя Филипп обшарил буквально все углы и закоулки. Потрогав как ни в чем не бывало “поющую светом” “звезду” на крышке прибора — единственное доказательство присутствия здесь Наблюдателя (в чем Филипп сомневался, так как получалось, что Наблюдатель либо совсем потерял осторожность, либо стал вмешиваться во все события, что было явно несолидно с его стороны), Филипп стал развивать свою идею о причинах возникновения мерцающих “звезд”, и в это время в гулком объеме конуса установки сквозь шум слышались громкие голоса. Он выглянул из помещения каскада автоматики и спросил пробежавшего мимо монтажника, в чем дело.

— Канавокопатели возле основного фундамента наткнулись на чей-то старый кабель, — крикнул парень на бегу.

Филипп поспешил выбраться наверх и через несколько минут подходил к группе людей, сгрудившихся у замерших роботодиггеров.

— Разрешите? — сказал он негромко. Люди расступились. В канаве на глубине двух метров, выхваченные из тьмы прожекторами машин, уходили из стены в стену очищенные от земли два толстых кабеля в черной оплетке. Вид у них был совсем не старый, но Филипп понял, почему строители употребили слово “старый”. Канавы были прорезаны в окаменевшем до твердости скалы грунте, а чтобы песок и пыль могли слежаться до такого состояния, должен был пройти не один десяток лет.

Филипп разогнулся и посмотрел на замолчавших строителей.

— Прошу вас ничего здесь не трогать. Диггеры убрать подальше, а вокруг этого места хорошо бы поставить ограждение.

— А кто вы такой? — не выдержал стоявший впереди остролицый некрасивый парень. — Сейчас придет координатор, он и будет распоряжаться.

Филипп спокойно пожал плечами.

— Я работник отдела безопасности УАСС. Пожалуйста, выполните мою просьбу, пока я вызову тревожную группу.

Еще раз оглядев безобидные с виду кабели, Филипп поспешил к пункту координации строительства и набрал телекс дежурного полигона:

— Я Ромашин, официал-девять отдела безопасности. Дайте вызов технической бригаде отдела и экспертам “Аида”.

— Тревога степени А?— спросил невозмутимый дежурный.

— “Штормовое предупреждение”.

— Координаты?

— Новая стройка на границе полигона. Нашли в земле кабель, возраст примерно сто—сто пятьдесят лет, но я мог и ошибиться.

— Принял.— Дежурный выключил связь.

Вскоре к месту находки подлетел десятиместный флейт с алой мигалкой “Аида” и куттер с группой экспертов безопасности. Из них выпали молчаливые крепкие ребята и споро принялись расставляли какие-то приборы, тянуть провода и антенны. Филипп был теперь им не нужен, да и не навязывался в помощники. Узнав, что он инспектор отдела безопасности, старший тревожной группы попросил только обеспечить установку зоны внимания, что Филипп и сделал без особого энтузиазма. Захотелось вдруг спать, навалилась усталость, скорее всего, от пережитой нервной нагрузки, и потеряв интерес к событиям, Филипп ушел со стройки.

Наутро стало известно, что первые концы найденных кабелей тянутся на восемнадцать километров к горам Макдональд и заканчиваются в заплывшем песком бункере с аппаратом выдачи команды подрыва, а вторые уходят прямо под стройку на глубину в двадцать с лишним метров и подсоединены к подготовленному для испытаний взрывному ядерному устройству. Возраст кабелей, устройства и бункера оценили в двести шестьдесят лет, и тем не менее они находились в рабочем состоянии и не потеряли своего зловещего предназначения.

— Очевидно, кто-то двести с лишним лет назад здесь тоже экспериментировал со взрывом,— сказал Томах, встретившись с Филиппом утром возле громады почти готовой установки.

— Странное совпадение, если не сказать больше. Странно уже то, что взрывное устройство оставили не законсервированным, а готовым к взрыву. Набирай код на командоаппарате и взрывай. Не найди мы кабели, могла бы произойти катастрофа. Что здесь было до полигона?

— Кажется, космодром. Но точно ли на этом самом месте, утверждать не берусь. Сюрприз, конечно, отменный. Ты докладывал Керри?

— Он только что отправился домой, в отдел.

— Удалось установить, кто принял решение разместить установку именно на этом месте?

Томах неопределенно повел плечом.

— Нет, и это весьма удивительно. Компьютер СЭКОНа, ведущий запись заседания рабочей комиссии, момент решения почему-то не записал, так что никто не знает, чья это идея. В связи

с этим у Никиты появились важные соображения, он просил найти его до оперативки у Керри. Да вот он, кстати.

От стоянки малых машин-антигравов к ним шел Богданов в сопровождении вечно озабоченного Бруно Осинниго, помахал издали рукой.

— Однако Наблюдатель добрался сюда раньше нас, — сказал он со странной интонацией, пожимая друзьям руки.

— Что ты этим хочешь сказать? — прищурился Томах.

— Потом поймешь. Пошли посмотрим?

Томах посмотрел на часы.

— Времени у нас мало, но посмотреть надо.

Все четверо двинулись к подъемнику.

— Точно такая же, — сказал Богданов, погладив пальцами продолжавшую мигать “звезду Ромашина” в металле крышки прибора, когда они проникли в помещение каскада автоматики. — Где мы их только не встречали, а?

— Впервые на промежуточной ТФ-станции, — начал загибать пальцы Бруно и мельком посмотрел на Филиппа. — Но узнали об этом, кстати, в последнюю очередь. Потом на орбитальных станциях над Орилоухом, на Шемали, на Истории, на бортах разведкораблей, на Триасе.

— Непонятно, с чего вдруг Наблюдатель взял человечество под столь недвусмысленную опеку.

— Вероятно, потому, что мы долго раскачиваемся, — сказал Филипп. — “Звезда” скорее всего не что иное, как знак внимания, а не запрета. Запретить нам Наблюдатель ничего не может, а вот предупредить, обратить внимание компетентных органов может. Что и делает.

Томах посмотрел на Богданова.

— Мы его возможности испытали на себе, так что ты не прав насчет “не может запретить”. Не хочет, так будет точнее. А цель его понятна, ты сам ее сформулировал недавно. Как только мы задумаемся вмешаться в природу иных миров или провести эксперимент, могущий повлечь за собой какие-то последствия космического масштаба... кстати, вот вам вектор вмешательства Наблюдателя — экзотика космического, галактического масштаба! Правда, я назвал бы “звезду” не знаком внимания, а знаком предполагаемой беды. Для нашего времени даже один равнодушный взгляд может стать знаком беды, не то что “звезда”.

— Наблюдатель вроде няньки? — хмыкнул Бруно. — Плохо верится. Мало нам СЭКОНа? Вообще сама идея глобального контроля над деятельностью человечества — фикция.

— Фикция? — обманчиво-ласково переспросил Томах. — А факты, которые мы имеем, — тоже фикция? Что бы ты сказал, если бы вечером, когда ты сел смотреть интересный фильм, стена

твоей комнаты вдруг рухнула из-за действий соседа, который решил проделать кратчайший путь к другому твоему соседу? Через твою комнату? Чем мы отличаемся от этого “чудака”? Привести примеры?

— Пример ты уже привел, не совсем удачный, но образный, — сказал Богданов. — У меня вопрос иного плана: как он это делает? Я имею в виду звезды.

Бруно пожал плечами.

— С точки зрения технологии такую “звезду” сделать нашими средствами невозможно. Я уже говорил, что в этой точке наблюдаются странные эффекты типа нарушений причинно-следственной связи на микроуровне.

— Как невозможно? — удивился Станислав. — Сфокусировал на поверхность слабенький лучик ТФ-эмиттера...

— И разнес эту поверхность вдребезги! Даже самый “немошный” ТФ-импульс разрушает любую броню разведкораблей, несмотря на подпитку силового поля каркаса. Вы что, не изучали в школах ТФ-физику? Судя по всему, “звезды” — это следы каких-то обратных во времени процессов, и проявляются они бесшумно и без каких-либо деформаций зоны в материале. А это уже уровень внутрикварковых процессов! Я, пожалуй, останусь здесь со своими орлами.

Богданов кивнул.

— Понадобись — я тебя найду.

Они выбрались в солнечный день, царивший вне гулкого помешения взрывной установки.

— Зачем ты нас искал? — спросил Томах, из-под козырька руки глядя на конус, имевший вполне законченный вид.

Богданов помолчал минуту.

— Вас не насторожило совпадение места установки ТФ-взрыва с местом предполагаемого двести шестьдесят лет назад ядерного взрыва?

Филипп и Станислав переглянулись.

— Мы говорили об этом. Случайность.

— Вы еще верите в подобные “случайности”? После того, что произошло на орилоухских станциях? После смерти Василия? После “зеркал” и всего прочего?

— Ну и что? — Томах начал сердиться. — Не говори недомолвками, начальник.

— Пошли сядем, неудобно говорить на виду у всех.

Томах направился к антиграммам. Сели в кабину четырехместного пинасса.

Филипп был заинтригован необычным поведением Богданова, но не подал вида.

— Знаете, кто определил место строительства установки? — спросил Никита, глядя на друзей сквозь прищур век.

— И об этом мы успели поразмышлять. По-моему, определить это уже невозможно. Запись заседания СЭКОНа оказалась неполной.

— Ошибаетесь. То есть я хочу сказать, что запись действительно неполная, и тем не менее я нашел того, кто первым посоветовал выбрать окраину полигона, именно эту точку.

Томах приподнял брови.

— Интересно. Ну и кто?

— Керри!

— Ты с ума сошел!— Станислав встретил взгляд Богданова и поежился.— Неужели ты хочешь сказать, что...

— Совершенно верно,— подтвердил Богданов.— Оказывается, человечество контактирует с высшим разумом уже сорок лет и не знает об этом!

Томах скептически покривил губы.

— Керри не сорок, а шестьдесят. Ты что же, веришь, что Керри и есть Наблюдатель? Чушь!

— Именно такой реакции я от вас и ожидал. И все же прошу поразмыслить на досуге. Только не показывайте этого самому Керри, я не хочу, чтобы кого-нибудь из вас постигла участь Василия. Высаживайтесь, мне пора.

Томах и Филипп, одинаково ошеломленные словами Никиты, вылезли на землю. Пинасс захлопнул фонарь и взлетел. Проводив его глазами, инспекторы снова переглянулись, и холодок тревоги струйкой протек вдоль лопаток Филиппа. Словно очнувшись, он оглядел панораму строительства. Кругом было полно людей, веселых, уверенных, сильных, знающих, что они делают и что им предстоит сделать. Филипп глубоко вздохнул: жизнь шла своим чередом и природа не выглядела обиженной, несмотря на безрадостный ландшафт пустыни. Но тревога в душе осталась...

Точно такая же заноза тревоги сидела в душе Томаха, который знал, что Богданов никогда не бросает слов на ветер.

Старт первой межгалактической экспедиции, состоящей из двух космолетов “Витязь” и “Дерзкий”, передавали по всеобщему информвидению во все уголки Солнечной системы. Лишь немногие, в том числе Аларика и Филипп, видели его непосредственно в пространстве, хотя и через оптику, но без фотоэлектронных умножителей и передатчиков изображения.

Оба корабля неподвижно “висели” в двух тысячах километров на поверхности Луны, в ее тени, озаряемые только пепельно-голубым светом полной Земли. Они не предназначались для посадки на планеты, в отличие от крейсеров УАСС, и форму имели даже отдаленно не напоминавшую стремительные обводы первых ракетных кораблей: “Витязь” представлял собой четыре

диска, насаженные на три трубы длиной около двух километров, “Дерзкий” — три конуса на одной четырехугольной трубе.

Филипп и Аларика стояли на обзорной палубе монитора предстартовых операций, плавающего над Луной на той же высоте, что и уходящие космолеты. Из зала управления они ушли давно, как только закончился последний перед отлетом контроль систем обоих кораблей. Все слова были уже сказаны, прощальные речи произнесены, оставалось ждать времени старта.

До “Дерзкого” было без малого двести километров, и выглядел он на фоне звездных россыпей слабой искрой света, словно оправдывая название. Но оптический панорамный квадрат позволял видеть корабль во всех подробностях, так же, как и “Витязь”, отстоящий от напарника на расстоянии безопасности — восемьдесят километров.

Первым стартовал флагман экспедиции “Витязь”. Май Рэбров находился на его борту.

Космолет вдруг стал терять четкую форму, расплываться в сияющий голубой факел. В какой-то миг этот факел пронзили изнутри ослепительно-белые тонкие лучики света, иглами колющие глаз — так они были ярки, а когда факел погас, пространство оказалось пустым. “Витязь” начал первый прыжок в таймфазовом режиме к Большому Магелланову Облаку, выглядевшему с расстояния в сорок шесть тысяч парсеков маленьким пятнышком света в созвездии Золотой Рыбы.

Старт “Дерзкого” для непосвященного ничем не отличался от старта его предшественника. Лишь Филипп, знавший, что в конструкции космолета были использованы новые ТФ-антенны, разработанные согласно “формуле Ромашина”, различал нюансы в стартах обоих кораблей, но его это не заставило ощутить сопричастность к большому событию. В настоящий момент его больше волновала близость Аларики и ее настроение, поэтому он думал единственно о том, как отвлечь ее от горьких дум. И придумал. Прямо с монитора, опустившись лифтом в Геоград и таймфагом добравшись до Москвы, он увлек ее на концерт современного балета в Большом театре.

В десять вечера они медленно возвращались с концерта, отпустив такси за несколько кварталов-зон до жилой зоны Басово, где жил Филипп. Пешеходные дорожки, прорезанные в лесном массиве и соединяющие дома и зоны, были пусты; плоские квадраты светопанелей, подвешенные на пятиметровой высоте, усиливали свечение при их приближении и угасали позади.

Шли молча. Филипп держал Аларику за руку. Издалека изредка долетал чей-то смех, голоса, звон тормозящих антигравов. Аларика думала о чем-то своем, и Филипп не мешал ее мыслям. Она сама назвала киб-пилоту машины его адрес, и это было все, в чем он не сомневался.

— Вот и улетел Май,— сказала наконец Аларика, когда они прошли с полкилометра, вслушиваясь в шум листвы и скрипы каких-то ночных насекомых. Филипп невольно поднял голову, бросая взгляд на вызвездившее небо. На западе бесшумно вспыхивали зарницы и вонзались в зенит туманные шпаги орбитальных лифтов.

Где-то далеко-далеко от Солнца посланцы человечества продолжали путь к цели, с каждым прыжком удаляясь от Земли на десятки световых лет...

— Они уже прошли дельту Золотой Рыбы,— пробормотал Филипп и внимательно посмотрел на спутницу. Аларика отвернулась, но он успел заметить дрожащие в ее глазах слезы.

— Они вернутся,— Филипп обнял ее за плечи, повернул к себе и осторожно вытер ладонью две мокрые дорожки на щеках.— Через пять лет они вернутся. Экспедиция защищена от всех существующих опасностей.

— Я знаю,— Аларика зябко поежилась, прижалась щекой к его ладони.— Пойдем быстрее, мне стало холодно.

Дома они уселись друг против друга и, заказав коктейль, безмолвно подняли бокалы с золотистым напитком. Отпили по глотку.

— За тех, кто в пути,— сказал Филипп.

— За нас с тобой,— ответила Аларика.

Выпив коктейль, Филипп открыл стену-окно, выбрал программу в пенале музыкального “Орфея”, и комнату заполнили нежные звуки виолы. Аларика смотрела на него, чуть прищурясь, и медленно потягивала тоник из бокала.

— Дождь,— тихо сказала она.— За окном дождь... Природа оплакивает кого-то. У меня такое чувство, будто случится что-то ужасное!словно какой-то злой рок навис надо мной... Не знаю, откуда взялась эта тревога, ты ли ее принес? Или кто-то другой?

Филипп молча подошел к ней; наклонился, тронул застешку пенелона на плече. Но Аларика покачала головой, провела рукой по волосам, поцеловала в висок.

— Ты стал другим, Филипп, и... дорог мне... но не торопи меня. Я все еще не...— Она поискала слово.— Не уверена. Молчи,— остановила она попытку Филиппа заговорить, знакомым жестом прижав пальцы к его губам.— Я не уверена в себе, понимаешь? Не торопи события, так не хочется ошибаться...

Женщина встала.

— Потанцуем?

Наплывающая темнота — автомат пригасил светопанели — выбелила лицо Аларики, и глаза ее казались неестественно черными на этом нежном фоне. Филиппу вдруг показалось, что между ним и женщиной прошла призрачная фигура Сергея Ре-

брова, но он только сжал губы и осторожно, словно боясь причинить боль, обнял Аларику.

Человек, помоги себе сам...

— Ничего мы там не нашли, — сказал Томах, отворачиваясь. — Никаких следов. Обыскали снизу до верху тридцатиклометровую шахту, все оборудование — “звезд Ромашина” нет. А почему ты уверен, что “звезды” обязательно должны быть?

Богданов со вздохом откинулся в кресле, разминая кисти рук.

— Потому что “звезда” появилась на установке в Австралии, которая отличается от установки на Тритоне только мощностью взрыва. Наблюдатель не мог не предупредить нас об опасности эксперимента на Тритоне, если дал предупреждение на Земле.

Томах подумал.

— Логично. И что же теперь? Обследовать весь Тритон? Наблюдатель, если он в Системе, от наших поисков, наверное, уже скончался от смеха. Ты все еще грешишь на Керри?

— А ты нет?

— Не знаю. Мне кажется, мы ошибаемся в оценке ситуации. Не знаю только, в какую сторону, лучшую или худшую. Если бы Наблюдатель хотел контактировать с нами, он давно сделал бы это. Видимо, в какой-то момент мы что-то где-то там задели в его области влияния или повели себя неэтично, с его точки зрения, вот он нас предупредил и исчез. И Керри к этому не причастен.

Богданов покачал головой.

— Тогда он не оставил бы “звезду” на установке в Австралии. Нет, он здесь, в Системе, и его что-то беспокоит.

— Что его может беспокоить, кроме предстоящего эксперимента? Но расчеты взрыва проверены и перепроверены не один раз. СЭКОН тоже заседал дважды и не нашел причин, по которым можно было бы запретить эксперимент.

— Я знаю. Меня это не успокоило.

— И меня тоже, — со вздохом признался Томах. Они невесело улыбнулись друг другу, собираясь расходиться. В отделе уже никого не было, кроме их двоих.

— И все же почему ты так уверен, что Керри и есть Наблюдатель? Я долго ломал голову, пытаюсь оправдать твою уверенность. По-моему, его решение о проведении австралийского ТФ-взрыва просто случайность.

Богданов перестал массировать кисти.

— Ты достаточно хорошо знаешь Керри?

— В общем-то да.

— Он способен удивляться?

Томах озадаченно посмотрел в глаза Никиты.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты был когда-нибудь свидетелем его удивления по какому-либо поводу?

— Ах, это... конечно, и не один раз.

— А появление “зеркальных перевертышей”, исчезновение грузов и все события с Наблюдателем его не удивили.

Томах подождал несколько минут, пока Богданов ходил в приемную отдела и умывался.

— И только на этом основании ты заподозрил...

— Не только. А тот факт, что на установке на Тритоне не обнаружена “звезда”, лишь подтвердил мое предположение. “Звезду” он мог не оставить по двум причинам: из боязни обнаружить себя или по причине опасности “большого взрыва”.

— Но какова в таком случае его цель?

— Его цель — заставить СЭКОН действовать эффективнее, пристальнее “оглядываться вперед” на последствия действий человечества и думать не только о нуждах человеческой цивилизации, но и о сохранении среды ее обитания.

Томах невольно покачал головой.

— Эти песни о последствиях поются уже больше трех столетий. Но если дела действительно обстоят таким образом, ты рискуешь, как Василий. Ты ведь становишься опасным для Наблюдателя своей информированностью. И он не остановится на предупреждении, он тебя уберет, как свидетеля.

Никита улыбнулся.

— Вполне может случиться. Но обещаю — буду осторожен. К тому же, если он умный Наблюдатель, а он, без сомнения, очень умный, будь спокоен, то, добившись цели, не станет расшифровываться до конца.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Автомат кабинета, повинуясь мысленной команде Богданова, притушил светопанели. Комнату заполнили сумерки. Вдруг в соседней комнате что-то легонько скрипнуло. Томах вздрогнул, не столько от неожиданного звука, сколько от реакции Никиты.

Богданов замер, бесшумно вскочил, скользнул к двери, в его руке оказался “универсал”.

В следующее мгновение дверь отворилась, и на пороге возник Керри Йос. Не обращая внимания на последовавшую немую сцену, он прошел в кабинет и сел лицом к обоим инспекторам.

Томах перевел взгляд с его спокойного лица на пистолет в руке Никиты, и ему стало жутко.

— Вы все слышали, — утвердительно сказал Богданов, переходя на “вы”, продолжая держать Керри на прицеле.

Начальник отдела кивнул.

— Случайно, вы не выключили интерком.

— Значит, наше предположение...

Керри Йос покачал головой.

— Вы даже не представляете, ребята, с кем вы играете в прятки. Подумайте трезво: будь я Наблюдателем, разве я разрешил бы вам сомневаться в себе, разве стал бы раскрываться? Вы бы просто умерли от вполне естественных причин, как Василий, вот и все.

Слишком большие и важные материи затронуты в нашем “осязательном” контакте с Наблюдателем, чтобы он позволил себя раскрыть. А возможностей у него хватает, вы это знаете.

Богданов подумал и опустил пистолет. Керри Йос смотрел на него без улыбки, устало и задумчиво.

— Помните, у меня сгорел пульт? При вас буквально. После этого я обнаружил внутри “звезду Ромашина”. Неужели вы поверили объяснению техника, что я “перепутал” силовой и слабый разъемы? Это было предупреждение, ребята. А самое интересное, что тот молодой техник в штате Управления не числится, я проверил. Такие вот пироги.

Томах откашлялся.

— Извини, Керри, мы... в общем, никто не сомневался.

— Неправда, — тихо и твердо сказал Богданов. — Я сомневался, вернее, не то слово — был уверен. Я и сейчас уверен, что вы — Наблюдатель.

Керри Йос продолжал смотреть на него, но взгляд его ушел в себя, словно он решал, что ему делать.

— Да оставь ты пистолет, — буркнул Станислав.

Богданов посмотрел на “универсал”, спрятал его в карман, отошел от двери и сел рядом с Томахом.

Керри почесал шрамик на лбу и слабо улыбнулся.

— Ну и ситуация. Не хватало мне заботиться о вашей охране. Спасибо еще, что вы не сообщили о своих подозрениях в Совет безопасности. И что вы собираетесь делать со мной дальше?

— Ничего, — сказал Богданов, подумал, встал и вышел.

Керри посмотрел ему вслед и перевел взгляд на Томаха.

— Извини его, — хмуро сказал тот. — Не знаю, что на него повлияло, обычно он сдержаннее.

— Я его понял. — Начальник отдела закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла. — Просто он не увидел другой возможности, прошел мимо, увлекшись цепью совпадений. Разгадка лежит на поверхности, Василий до нее докопался, работая с компьютером: временные парадоксы. И “звезда Ромашина”, и “зеркальные перевертыши”, и ваше путешествие на Красную Книгу связаны с эффектом обратного времени, подумайте над этим на досуге.

Томах подождал немного, кивнул, сказал:

— Ну, я пойду?

Керри Йос не ответил.

Станислав еще немного подождал, на цыпочках вышел из кабинета и перевел дух только на крыше здания. Щеки горели, было стыдно и зябко одновременно, и было жаль Никиту за его необычную ошибку. “Впрочем, почему ошибку?— пришла вдруг мысль.— А если он таки прав? Керри-то не доказал обратного!..”

Полюбовавшись безоблачным фиолетовым шатром неба, Томах вызвал по видео Филиппа:

— Ты уже дома?

— А где мне еще быть?— ответил бывший конструктор.

— Плохо выглядишь. У тебя все в порядке?

— У меня все, а вот ты явно не в своей тарелке. Получил нагоняй от Керри?

— Не в бровь, а в глаз, ясновидец ты наш. Мне просто не спится.

— Мне тоже. Сажу и зачем-то жду вызова, хотя вызова быть не должно, мы предусмотрели все, что могли предусмотреть. Ребята дежурят на полигоне, а я вот... жду.

— Честно говоря, у меня тоже на душе кошки скребут. Эксперимент завтра, в десять по московскому, а у меня “мандраж”, как перед схваткой на татами. Слушай, давай еще раз проверим все на полигоне, прощупаем своими руками.

— Для очистки совести?— иронически приподнял бровь Филипп.— А впрочем, спать все равно не придется. Встретимся через час на базе. Кстати, как дела у Никиты? Подтвердились его сомнения насчет?..

— Нет,— коротко ответил Томах и выключил видео. Постояв еще несколько минут, опираясь руками на ограждение, опоясывающее площадку на крыше, и глядя на мерцание огней вокруг здания Центра, он решительно шагнул к лифту.

Травицкий закончил расчет, откинулся в кресле, глядя перед собой невидящими глазами, затем дрожащими от невероятной усталости руками снял эмкан и выключил вычислитель.

— И все же мы ошибаемся,— прошептал он, растирая лицо руками.— Я тоже ошибаюсь...

Прежде чем встать, он долго сидел перед пультом вычислителя и с брезгливой жалостью рассматривал свое отражение в зеркале. Перед ним сидел совсем старый, рыхлый человечек с синими от усталости и нервной перегрузки тенями под глазами и большими залысинами.

— Эк тебя!— пробормотал Травицкий с сочувствием к своему отражению.— Не хватает таким явиться на эксперимент!

Он встал, вспомнил об аптечке, достал две таблетки витмобилизатора, медленно прожевал и проглотил. Стало легче. Тогда он вызвал такси и покинул институт, высившийся на фоне лучистого сияния на горизонте темной неживой громадой.

Домой не полетел. Подумал и назвал адрес Кристины. Через сорок минут бесшумного скольжения над темным океаном парка с редкими огнями пинасс доставил его в третий округ Деснянска, к большому зданию, формой напоминавшему пшеничный колос. Отослав машину, Травицкий неизвестно зачем обошел его кругом, прошелся по речному откосу; снизу от невидимой реки доносились плеск волн и шуршание камыша. Травицкий поймал себя на желании оттянуть визит, рассердился и вызвал лифт, вознесший его на девятнадцатый этаж.

Дверь открыла Кристина, уютная, спокойная, одетая в домашний халатик, не скрывающий ее несколько полноватых форм.

— Не поздно?— пробормотал он, стараясь улыбнуться.

Она поглядела на него, не узнавая, и по тому, как расширились ее глаза, он понял, что выглядит все так же скверно.

— Ты?.. Проходи.— Кристина отступила в глубь прихожей.

— Извини, я только на минутку...— Он прошел за ней, спотыкаясь обо что-то мягкое, потом вернулся и снял обувь. Она обернулась, и Травицкий, остановившись, с жалкой улыбкой развел руками.— Понимаешь, Крис, мне очень плохо сейчас, вот я и пришел.

— Это я вижу,— усмехнулась она.— Проходи в зал, я уложу детей и приду.

Травицкий прошел в гостиную, потом вернулся снять куртку. Из детской доносились смех, звонкие голоса детей и ворчание Кристины.

“Ну да, дети,— подумал он почти спокойно, без обычной боли в сердце.— Живут с ней... Почему она не отдаст их в школу полного цикла? Разве можно уделять им все время? Брала бы на выходные или по вечерам... странная привязанность... А может быть, вовсе не странная, а нормальная? Любовь матери?”

Он на цыпочках проскользнул в гостиную и сел в свое любимое кресло, принявшее его в объятия, как старого знакомого.

“Три года прошло... Я был здесь три года назад... и четыре, и семь, и одиннадцать, и ничего не изменилось... кроме кое-какой мебели... и не изменится... Почему она не выходит замуж? Ей же всего сорок три... Впрочем, я ведь тоже до сих пор не нашел пары... Странно, что я никогда об этом не задумывался, просто жил и все. Может быть, она ждала моего слова? Нет, нет,— вспомнил он.— Дети — вот главное, что удерживало меня... и ее. Дети не мои, и это тоже главное... хотя я, кажется, ошибался. Какая разница, чьи дети, если она мне нужна? Несмотря ни на что... Что-то я упустил из виду. Когда? Три года назад? Одиннадцать, когда появились дети? Когда еще все можно было поправить?..”

Кристина с подносом в руках, на котором лежали бутерброды и дымился в бокалах голубоватый лунный кофе, вошла в комнату, освещенную рассеянным светом вечернего бра, остановилась. Травицкий спал. Голова его сползла на валик кресла, лицо было измученное, осунувшееся, с черными тенями под глазами, губы вздрагивали, словно он с кем-то разговаривал во сне и морщился при этом. И было ему плохо, так плохо, что хуже не бывает.

Кристина поставила поднос на столик, села рядом и тихо, почти неощутимо коснулась рукой его лба. Травицкий вздрогнул, брови его страдальчески изогнулись, но он не проснулся.

“Он же совсем один! — подумала она вдруг, ужаснувшись. — Он всегда плохо сходился с людьми и все это время был один, а работа — не отдушина для сердца...”

— Бедный... — прошептала женщина, снова касаясь пальцами его лба. — Бедный мой...

Травицкий пошевелил губами и внятно прошептал ее имя.

Над коричневой пустыней было сумрачно, дул холодный ровный ветер. Метеорологи постарались, и сплошной облачный покров, обложивший небо с утра, к середине дня достиг такой толщины, что невольно душа ждала снегопада.

Филипп по видео проверил посты, расставленные вокруг ТФ-установки по радиусу в двадцать километров, доложил о готовности всех подконтрольных служб Томаху и остался стоять на открытой галерее, соединяющей бронированные конусы наблюдательных пунктов.

Отсюда до раструбов ТФ-установки, готовой к взрыву, было около двенадцати километров по прямой, и выглядела она неэффектным светящимся клинышком. Но даром вокруг нее чуть ли не сплошной стеной расположились поглотители ударной волны, защитные башни и прочие грозные машины, начиненные автоматикой и молектроникой, готовые вмешаться в ход событий, при первых же признаках опасности для людей за границами охраняемой зоны. Все-таки мощность ТФ-взрыва, довольно скромная по масштабам современной эпохи, превышала мощность многих земных природных катаклизмов, и вырвись эти адские силы из-за барьера защиты, они многое бы натворили на австралийском материке.

Начал сеять мелкий дождик. Филипп разочарованно покачал головой, посмотрел на часы: оставалось всего двадцать пять минут до пуска, — и спустился в люк наблюдательного пункта, служившего одновременно и централью управления экспериментом.

В круглом зале с наклонными стенами, представлявшими собой контрольные виомы и экраны оптических усилителей, бы-

ло тихо. У центрального пульта монитора управления стояли и сидели научные руководители эксперимента, в том числе выглядевший больным Травицкий, Керри Йос, Владибор Дикушин в своей неизменной белой паре и Генри Бассард.

Филипп не понял, почему Бассард, руководитель второго космического сектора, изъявил желание присутствовать на эксперименте, но ничем не выдал своих чувств.

— Посты готовы, — доложил он, подходя к Йосу. — Дезактиваторы на исходных, тревожные группы в готовности один.

— Добро, — отозвался начальник отдела, пряча в глазах усмешку: Томах только что доложил ему об этом, причем теми же словами.

Филипп извинился и подошел к Травицкому.

— А, это ты, — сказал тот вместо приветствия. — Побудь здесь пока, я сейчас вернусь. У меня к тебе есть разговор.

Начальник конструкторского бюро кивнул и быстро вышел из зала, оставив Филиппа в полном недоумении относительно своего замысла.

Кто-то включил видеосистемы, и слепые до сих пор окна дальновидения прозрели, показывая ТФ-установку со всех мыслимых ракурсов, в том числе и сверху, откуда на нее смотрели зависшие над пустыней видеоозонды.

— Одного не пойму, — сказал Дикушин, превратив глаза в узкие щелочки. — Почему установки здесь и на Тритоне неоднотипны? Там под слоем материковой коры, здесь на поверхности земли...

— Потому что эксперименты преследуют разные цели, — живо отозвался один из ученых. — Эксперимент на Тритоне глобален, с его помощью мы “высветим” всю Галактику, а то, что взрывное устройство установлено на тридцатикилометровой глубине, так это для устранения влияния каких бы то ни было факторов и незагрязнения Солнечной системы. Здесь же, в Австралии, ТФ-взрыв на пять порядков слабее, поэтому “осветить” всю звездную систему Млечного Пути он не сможет, и мы решили энергию взрыва сфокусировать в узкий луч. Такая направленная ТФ-волна пронзит Галактику по радиусу через активное ядро, а мы попытаемся уловить эхо с помощью уже готовых антенн.

— Уяснил, спасибо, — кивнул Дикушин.

— Внимание! — гулко разнесся по залу голос координатора. — Три минуты до окончания инициации! Даю отсчет.

Из динамиков раздалось кланье метронома и голос автомата, считывающего секунды в обратном порядке. Над башнями силовой защиты загорелись угрожающие алые огни, над пустыней прокатился вой сирен, предупреждая людей о необходимости укрыться в убежищах.

Филипп, с нарастающей тревогой дожидаясь прихода Травицкого, вспомнил его последнюю фразу, и тревога его переросла в панику. Выбравшись из толпы возбужденных специалистов, он незаметно включил рацию и тихо проговорил появившемуся над брашлетом изображению заместителя:

— Кельвин, проверь-ка быстренько, никто не появлялся в зоне без сигнала? И предупреди посты. Только быстро, за полминуты!

— Есть, — кивнул заместитель, — жди.

Рядом с Филиппом вдруг оказался Томах, словно почувствовал неладное.

— Что случилось?

— Травицкий... — начал инспектор и не закончил. Пискнул сигнал вызова.

— В зоне пинасс! — доложил встревоженный Кельвин. — Держит курс за линию перехвата, догнать его мы уже не успеваем. Ничто не думал, что он...

— Эх, что же вы! — скрипнул зубами Филипп и крикнул на весь зал:

— Остановите пуск!

— Немедленно остановите пуск! — эхом подхватил Томах.

Но было уже поздно. Автомат досчитал время, реакция инициации ТФ-распада достигла критического сечения, и началась цепная реакция, которую уже нельзя было остановить ничем.

В двенадцати километрах от наблюдательных пунктов над угрюмой мокрой пустыней вспыхнул изумрудный огонь, клинком воткнулся в низкие тучи. Дрогнула земля. Чудовищный вихрь вывернул тысячетонные пласты песка и бросил во все стороны с громадной, непреодолимой силой! Сразу стало темно. Но через секунду наэлектризованные песчаные валы пронзила первая молния, а еще через секунду грохотало и сверкало отовсюду. Эта кипящая электрическая туча ударила в невидимую силовую стену, закрутилась волчками смерчей, прорвала тучи на десятки километров в стороны и вверх, обрушилась назад, снова с гулом ударилась в защитный барьер...

Воздушные потоки, словно из исполинского дуршлага выдутые взрывной волной сквозь очищающие раковины поглотителей ударной волны, выстрелили за пределы двадцатикилометровой зоны, мгновенно сдули с барханов корку такыра и накрыли наблюдательные конусы непроницаемой желто-коричневой пеленой...

Филипп вместе с работниками своей группы выскочил из зала, не обращая внимания на предостерегающие крики, но пробиться сквозь беснующуюся плотную песчаную мглу не смог. Лишь через полчаса, когда ветер несколько стих и мгла рассея-

лась, они добрались к машинам в капонирах и вылетели на поиски неизвестного антиграва-пинасса.

Травицкий лежал под разбитым корпусом пинасса в трех километрах от защитных устройств. Целыми у него были только руки, прикипевшие к рукояти аварийного выброса.

Филипп с помощью товарищей вытащил его из-под обломков и безучастно смотрел, как суетятся врачи скорой, примчавшиеся вслед за ними. За врачами прилетел Томах. Он посмотрел на тело Травицкого, опутанное проводами, на врачей, разворачивающих бесполезные свои аппараты, и дотронулся до плеча Филиппа:

— Пойдем, инспектор. Никто не виноват в том, что случилось. Предусмотреть такое мы не могли. Пойдем, ему уже не поможем.

Филипп не шевельнулся. Станислав повздыхал, потоптался рядом и отошел к врачам.

— Плачь, плачь, — пробормотал он с тоской. — Кто не плакал — как не жил!..

— Простите. — К Филиппу подошел старший из врачей. — Мы прибыли слишком поздно... тридцать семь минут... многочисленные кровоизлияния, три десятка переломов... Вот, возьмите. — Врач протянул ему какой-то небольшой плоский предмет. — Это нашли в его руке.

Филипп спрятал предмет в карман, встал и пошел прочь, в пустыню, не разбирая дороги.

— Эксперимент, в общем-то, удался, — подошел к Станиславу угрюмый Генри Бассард. — А ваша служба подвела, подвела. СЭКОН теперь не слезет...

Томах посмотрел на него, багровея, и Бассард быстро отошел.

— Зачем его сюда понесло? — пробормотал Станислав, почувствовав за спиной дыхание Керри Йоса; успокоил дыхание.

— Спешил, — понял тот, глядя на тело Травицкого. — Значит, рассчитывал успеть.

— Куда успеть? Всем оборудованием можно было командовать из наблюдательного пункта.

— Не всем. По моим сведениям, он установил в главном конусе взрывной установки дополнительную ТФ-антенну с блоком аппаратуры управления и резонатор. Как ты думаешь, что его задержало? Ведь он мог успеть туда и обратно, времени хватало.

— Я задаю себе тот же вопрос.

Они встретились глазами.

— Генри прав, — сказал взглядом Керри, — подвела наша служба".

— Я знаю, — ответил мысленно Томах. — Разберемся".

Станислав подождал, пока врачи заберут тело Травицкого, и сел на крыло своего флейта ждать Филиппа.

Природа наконец успокоилась, и сквозь редеющие тучи проглянул настороженный лик солнца.

ГЛАВА 14

Оглянись вперед

Зона взрыва была все еще обнесена цепью маркерных огней и предупреждающих надписей, но ионизация почвы уже снизилась до уровня естественной, поэтому робота-сторожа сняли, и Филипп мог пройти по зоне, не рискуя вызвать сиренный гнев автомата.

Снизившись, он спружинил на ноги и выключил пояс-антиграв.

Пустыня уже почти зализала нанесенную взрывом рану шершавым языком песков, но в том месте, где стояла ТФ-установка, зияла стометровой глубины воронка и на километр вокруг почва была покрыта слоем странного голубого праха, текучего, как вода.

Поднимая облачка голубоватой пыли, Филипп прошлепал к краю воронки, заглянул вниз. В глубине пропасти увязла густая тень, но все же благодаря низкому солнцу, лучи которого высвечивали противоположный край воронки, можно было разглядеть, что желтые стенки провала усеяны порами так густо, что напоминают полурастаявший в стакане чая кусок сахара. От ТФ-установки, конечно, не осталось и следа. Филипп представил, какие силы бушевали здесь месяц назад, чтобы стиснутым фокусирующим полем ударить в зенит, и ему на миг стало не по себе.

Присев на край воронки, он свесил ноги в пустоту и задумался над своими ощущениями, гонявшими его по Земле в поисках утраченного равновесия, в поисках неведомой истины. Кирилл Травицкий погиб, не успев сообщить, что он хотел доказать экспериментом. Почти все в Управлении считали, что погиб он глупо, и только Томах, Филипп да Никита Богданов имели другое мнение, но и у них не было доказательств. Единственный известный факт состоял в том, что по заданию Травицкого строители смонтировали на дне установки сложную антенну, способную возбуждать ТФ-волну необычайной, небывалой, сверхвысокой частоты, и ТФ-резонатор, но зачем они ему понадобились, не знал никто.

— Убежден, что он хотел до эксперимента подключить резонатор с антенной к главной антенне установки, — сказал после

трехдневных разбирательств трагического случая Томах на коротком совещании у директора УАСС.— В каскад управления была встроена, кроме всего прочего, еще и аппаратура синхронизации пуска.

— Но проверить это невозможно, — буркнул Спенсер, не глядя ни на кого. — Поэтому конкретный виновник его гибели — ваш отдел.

— Мы и не снимаем с себя вины, — поморщился Керри Йос. — Но, к сожалению, Травицкий не оставил никаких записей, свидетельствующих о его намерениях, и что он хотел проверить — неизвестно.

— А я думаю, это не случайность, — проговорил Богданов, покосившись на Томаху. — Снова вмешался Наблюдатель.

— Наблюдатель не может быть равнодушным, — покачал головой Керри Йос. — В этом случае он действовал бы гораздо более жестко. Смерть Василия Богданова, конечно, связана с появлением Наблюдателя, но в смерти Травицкого гораздо больше загадочного и случайного. То же самое можно сказать и о совпадении точки взрыва с древним ядерным устройством. Кстати, не мешало бы просчитать все характеристики построенной по указанию Травицкого колебательной ТФ-системы. Вспомните, “зеркальные перевертыши” тоже использовали запредельные частоты. Зачем Кириллу понадобилось разрабатывать ТФ-контур с теми же параметрами?

— Не совсем с теми же, его антенна-резонатор способна излучать ТФ-поле на гиперчастотах, не изученных даже теорией.

— Вот и давайте привлечем теоретиков, пусть покумекают, на что рассчитан ТФ-луч с такими частотами.

— Что нам это даст?

— Не знаю. — Керри Йос поднял на Спенсера прозрачный взгляд. — Может быть, ничего. Глаза подчас бывают слепы, надо искать сердцем...

— Может быть, ничего, — пробормотал Филипп вслух, поднимаясь на ноги: солнце зашло, и в пустыне резко похолодало. Какая-то мысль родилась в мозгу, смутная, неопределенная, ускользающая...

— Характеристики ТФ-антенны...

Да, ученые провели расчеты ТФ-волны, которую могла излучать построенная по заказу Травицкого антенна, но выводы оказались такими необычными, что в них трудно было поверить: в зоне излучения должны были наблюдаться эффекты “сдвига” и даже “поворота” времени на макроуровне, и к чему это могло привести — никто предугадать, а тем более рассчитать не мог. Теоретики в том числе. Они только начинали свои колдовские исследования.

“Что хотел проверить Кирилл? Новую конструкцию антенны? Ценой жизни?! Ерунда!.. Он плохо рассчитал время в пути до установки, кто-то его задержал, вот и не успел долететь. С другой стороны — кто мог его задержать? В зону его пустили без единого вопроса, все были уверены, что он через минуту вернется. Но цель, цель его полета?”

Филипп слепо побрел прочь от воронки, остановился, вернулся и уставился в глубокую темноту ее дна.

Эксперимент в Австралии прошел удачно... если не считать гибели Травицкого, который так и не успел включить свой контур повышения ТФ-частот излучающей системы в общую систему и синхронизировать ее работу. ТФ-луч пронзил Галактику и ушел за ее пределы, приемные антенны поймали эхо отражений от сгущений материи, черных дыр и квазаров, оказавшихся на пути луча, а ученые засели за циклы новых расчетов, с нетерпением ожидая “большого взрыва” на Тритоне.

Частота таймфага... нестандартная частота... Кирилл не оставил ни одной зацепки, никаких записей на этот счет... не оставил...

Филипп вдруг вспомнил, как один из врачей сунул ему в руку какой-то плоский предмет, коробочку. Что это было? И где этот предмет?

Он слепо пошарил у себя по карманам, с досадой поморщился: костюм был другой, — старый, месячной давности, уже, наверное, в утилизаторе. Но не мог же он не проверить карманы, прежде чем опустить костюм в щель утилизатора?

Филипп включил антиграв и дал полную тягу. Фиолетово-синее небо с розовыми перьями облаков, еще освещенных упавшим за горизонт солнцем, распахнулось навстречу...

Дома он вытащил из стенного шкафа старую одежду и обнаружил в кармане куртки голубую плоскую коробочку. В ней дребезжал какой-то небольшой предмет — кристаллическая кассета домашнего видео.

У Филиппа вдруг задрожала рука с зажатым в ней кристаллом. Как же он мог забыть о коробке?! Целый месяц в голове ерешало, полное отсутствие памяти!.. Он лихорадочно развернул видеопроектор в комнате и вложил молочно-белый стерженек кассеты в отверстие копира. В углу за клубился радужный туман, рассеялся, и взору явилось “продолжение” комнаты, созданное голографическим генератором видео. У пульта вычислителя сидел “живой” Кирилл Травицкий и разговаривал сам с собой.

Филипп сглотнул вязкую слюну и подался вперед, словно хотел поздороваться с учителем.

— Кирилл! — глухо выговорил он. — А все думали, что ты не оставил записей...

— Итак, проблема не решается трансгрессивно, — сказал Тра-

вицкий, глядя куда-то в стену комнаты перед собой.— Может быть, она вообще не решается с позиций нашей земной физики. Ты разберись, Филипп, ты сможешь...

Филипп окаменел. Травицкий, мертвый Кирилл Травицкий обращался к нему, живому. Словно знал, что Филипп первым прочтет запись.

— Пойдем дальше.— Травицкий переменял позу, положил руку на пульт.— Эксперимент необходим, спору нет, но боюсь, малая мощность взрыва даст качественно иные характеристики ТФ-поля. Во-первых, бедность спектра и, может быть, даже отсутствие гармоник, на которых работают таймфаги Даль-связи. Во-вторых, следует еще раз вспомнить, что ТФ-поле не имеет ничего общего с материальным силовым полем, это свойство пространства, связанное с его топологией; образно выражаясь, это “судорога” пространства. И в-третьих...— Начальник бюро поднял глаза, и у Филиппа невольно сжалось сердце.— В-третьих, как оказалось, ТФ-теория гранично связана с теорией времени — одна переходит в другую при увеличении частоты и мощности ТФ-поля. А ведь мы собираемся ни много ни мало — сотрясти всю ТФ-метрику космоса!— Кирилл пожевал губами, обдумывая последнюю свою речь.— Короче, если я прав, мне не дадут провести эксперимент с новым колебательным контуром, потому что это чревато разрушением “ТФ-скелета” мироздания. Если я прав, я погибну, если нет — тревоги напрасны, и отделу безопасности не стоит беспокоиться о судьбах человечества и Вселенной...

Изображение комнаты растаяло цветным туманом. Чуть слышно щелкнул замок копира, запись кончилась.

Несколько минут Филипп сидел неподвижно, глядя перед собой ничего не видящим взором. Кирилл Травицкий запрограммировал свою смерть! А поскольку он оказался прав, его убрали. Его убрали!.. Филипп достал кассету видеозаписи, оделся и покинул дом, не оглядываясь, как обычно.

В ВЦ Управления он попал через час. Вечер уже властвовал над природой, примирив земное с небесным, и здание вычислительного центра было на две трети погружено во тьму.

В отделе эфаналитиков “ФА-Шторм”, где когда-то работал Василий Богданов, горел свет, а на его бывшем месте работал незнакомый Филиппу грузный мужчина в ярко-голубом костюме, бросавшем вызов мягкому цветовому комфорту комнаты. Присутствие чужого неприятно поразило Филиппа, хотя мгновение спустя он признался себе, что глупо упрекать себя в том, что он незнаком с другими аналитиками.

Поздоровавшись, Филипп после некоторых колебаний прошел к терминалу Богданова и сел в спарринг-кресло. Мужчина

снял с головы эмкан и с раздражением посмотрел на непрошенного гостя круглыми немигающими, как у совы, глазами.

— Собственно, кто вы такой?— спросил он неожиданно высоким голосом.— Может быть, ошиблись дверью? Это “ФА-Шторм”, молодой человек.

— Не ошибся,— пробормотал Филипп.— Очень прошу вас уступить канал “Умника”, это очень важно. Я Ромашин.

Незнакомец мигнул, на лице его появилось озабоченное выражение.

Филипп молча закрепил эмкан и перещелкнул задатчик терминала в положение “прямой контакт”. Василий Богданов перед смертью сделал точно такое же переключение, пришла мысль, но Филипп отогнал ее.

Мужчина в голубом быстро собрался и через несколько минут привел сухого и длинного начальника сектора ФА, заменившего Богданова. Войдя в комнату, сухопарый подошел к Филиппу и тронул его за плечо. Филипп вопрошающе посмотрел на него снизу вверх.

— Самостоятельная работа с “Умником” запрещена,— сказал новый начальник сектора.

— У меня карт-бланш операции “Наблюдатель”.

— В таком случае возражения снимаются, но предупредить об опасности я обязан. Помощь нужна?

— Спасибо, понадобится — обращусь.— Филипп поправил эмкан.— Только прошу не отвлекать, мне понадобится полная сосредоточенность.

— Ради бога! Жора не в курсе, ты на него не обижайся.

Филипп мельком посмотрел на недовольно-недоуменную физиономию толстяка в голубом и включил режим “один на один”, вспомнив свой удобный конструкторский комбайн. “Бывший, бывший своим!— подумал он с неприязнью к самому себе.— Довольно уже напоминать людям о причастности к институту, мешать им, наконец. Здесь, в секторе эфанализа, да и в техническом секторе Управления не менее мощные вычислители, так что дорогу в Институт ТФ-связи пора забыть, тем более, что там уже нет Кирилла. Ну, “Умник”, держись! Ты мне скажешь, что узнал Василий и отчего он умер...”

Сначала Филипп прошелся по этапам расчета свойств антенны, которую соорудил в Австралии Травицкий. Это заняло полтора часа, несмотря на применение мыслерапида, и уйму энергии, так что пришлось прибегнуть к тонизирующим препаратам, хотя их применение во время работы запрещалось инструкцией медкомиссии СЭКОНа. Результат оказался более поразительным, чем представлял Филипп, но ему не хватало данных, чтобы довести исследование до конца.

Прихлебывая тоник, Филипп лежал в кресле, наслаждаясь ощущением уходящей усталости.

— Проблема не решается трансгрессивно, — повторил он слова Травицкого. — Или я прохожу мимо решения, не замечая его. Почти все характеристики антенного комплекса я рассчитал, эффекты перемены знака времени определил, но ничего страшного не обнаружил. Взрыв на Тритоне ничем не грозит ТФ-метрике, хотя и потряхнет ее хорошенько. С самим Тритоном ничего не случится, разве что пробежит восьмибальная волна “тритонотрясения”. Что еще?

“Перемена знака в уравнении пространства-времени, — вспомнил он снова. Кирилл упомянул об эффекте обратимости ТФ-поля в тангенциальное поле времени... что он хотел сказать? При чем здесь встряска ТФ-метрики всего мироздания?”

Филипп отхлебнул глоток сока и поперхнулся. Он вдруг понял, что хотел сказать Травицкий своей смертью! Не хватало только одного звена в цепи гипотез и предположений, чтобы цепь стала прочной и вещественно осязаемой. И звено это было запрятано в колоссальной памяти “Умника”, вернее, “размазано” по всем ее блокам эфемерным “пеплом” электронных облаков, следов работы Василия Богданова.

Торопясь, Филипп кое-как натянул эмкан, удивляясь, отчего он стал неловок, потом увидел в руке бокал с соком, залпом допил и швырнул бокал в угол.

Дважды во время работы срабатывал автомат психонагрузки, и дважды Филипп выключал его, пока не заблокировал насмерть.

Во втором часу ночи он дрожащими руками снял эмкан и усталился перед собой слепым взглядом беспредельно уставшего человека. Проблема была решена. Точно так же сидел в этом кресле Василий Богданов, пришедший к такому же выводу, только с помощью фантазии и интуиции, разве что организм его оказался слабее, чем у Филиппа.

Инспектор просидел полчаса, не думая ни о чем, вслушиваясь в оглушительный бой крови в голове и пытаясь умерить сверлящую головную боль. Наконец, сказались результаты йога-тренинга, боль слегка утихла, но все тело казалось ватным, хотелось лечь и закрыть глаза, пока истощенный нервной перегрузкой организм сам не приведет себя в порядок. Но вот сквозь утихающий гул кипящей крови в мозг пробилась посторонние звуки. Филипп прислушался и понял, что это сигнал входного автомата. Кто-то просил разрешения войти.

Филипп удивился: в четвертом часу ночи кто-то решил поработать? Кое-как встал, поморщился и открыл дверь. Перед ним стояла Аларика.

— Ты здесь! О господи! — Женщина прижалась к нему, обняв за шею так, что стало трудно дышать.

— Задушишь! — глухо сказал Филипп. — Как ты меня нашла?

— Помог дежурный по Управлению. Думала, что с тобой что-то случилось... вдруг заболело сердце... начала искать, спрашивать, пока Жора Тунгусов не сказал, что ты у эфаналитиков, если еще не ушел... прости! Целый месяц ты не звонил, не приезжал, и я поняла — нуждаешься в помощи, но просить уже не...

— Не смог бы, — пробормотал Филипп и поцеловал ее в ухо. — Мне плохо было, Рика, погиб Травичкий.

— Я знаю, но ведь ты не виноват.

— Может быть, и не виноват, но он дал мне такую мысль!..

В мозг вдруг выплеснулась волна тревоги: "Тритон! Эксперимент опасен! Скорее в Управление..."

Он отстранил Аларiku и едва не упал от нахлынувшей слабости. Испуганная женщина помогла ему добраться до кресла, и он, ничего не объясняя, потянулся к пульту связи.

Несколько минут ушло на бесплодные вызовы Керри Йоса, потом Филипп вспомнил, что уже ночь и легче всего позвонить диспетчеру отдела, обругал себя, вызвал дежурного. Керри Йос вместе с Томахом должны были находиться в этот момент на Тритоне или в центре управления экспериментом, то есть на крейсере УАСС над Тритоном, и дозвониться к ним можно было только через тревожный канал спасательной службы.

Вспыхнул глаз виома, развернул световую нить и вырезал "окно" в диспетчерский пункт.

— Слушаю вас, — поднял голову над пультом диспетчер — строгая женщина с пристальными серыми глазами.

— Ага... — пробормотал Филипп, опомнился. — Извините. Я Ромашин, официал отдела безопасности. Мне необходимо срочно связаться с Керри Йосом или с любым из его заместителей, по косвенным данным они сейчас не дома отдыхают, а на Тритоне, где готовится эксперимент "Галактическое просвечивание".

— Ждите, — лаконично отозвалась женщина. В течение нескольких минут она дозванивалась до узла связи на Тритоне. Аларика в это время положила на затылок и лоб Филиппа прохладные ладони и наскоро провела сеанс биопереноса. Филиппу стало легче. Дежурная выслушала ответы абонентов и отрицательно покачала головой.

— На Тритоне никого нет, все руководители эксперимента находятся на борту крейсера "Святогор". Но Керри Йоса среди них нет, час назад он покинул крейсер и улетел на Землю. Нет его и в Управлении.

— То есть как-как улетел на Землю?! — пробормотал Филипп. — Зачем улетел?

Женщина-диспетчер сочувственно посмотрела на его растерянное лицо и протянула руку, собираясь выключить связь.

— Подождите, — взмолился Филипп. — Тогда дайте мне связь со Станиславом Томахом или Богдановым, они-то на крейсере...

Диспетчер, сказав кому-то: “Минуту, я занята”, — снова принялась искать названных безопасников. Но ни Томаха, ни Богданова на “Святогоре” также не оказалось.

“Ну, конечно, — пронеслось в голове. — Проверяют готовность постов во всей Системе. Что же делать? Кому звонить? Морозову?”

Диспетчер, видимо, заинтересовавшись странным абонентом, медлила выключать виом.

— Может быть, вам дать разговор с руководителем эксперимента на крейсере? — предложила она.

Филипп посмотрел на часы: до начала эксперимента оставалось немногим более двух часов.

— Попробуйте, — хрипло сказал он, откашлялся. — Хотя... н-нет, спасибо, лучше кого-нибудь из ответственных за безопасность от Управления.

Через минуту переговоров — диспетчер проделала это профессионально четко, быстро, без лишних слов — виом мигнул, изображение в нем сменилось. Вместо круглого помещения диспетчерского пункта перед Филиппом раскрылся треугольный командный зал крейсера “Святогор”, заполненный группами специалистов всех рангов, несмотря на то, что до начала эксперимента оставалось еще достаточно много времени.

Возле центрального пульта координатора команд стояла небольшая группа людей, среди которых Филипп узнал Дикушина и вездесущего Генри Бассарда в форме официала УАСС. Видимо, он и здесь был официальным представителем Управления, отвечающим за безопасность по Системе в целом.

Бассард в ответ на вызов удивленно посмотрел на диспетчера центра и подошел ближе к видеокамере. Филиппу совсем не улыбалось докладывать о результатах своего ночного бдения кому бы то ни было из официальных лиц других секторов, а Бассарду в особенности, но делать было нечего, время уходило.

— У вас ко мне дело? — спросил Бассард, подчеркивая последнее слово.

— Ко всем, — глухо отозвался Филипп. — И к вам тоже. Дело в том, что я проделал новые расчеты ТФ-взрыва, с учетом некоторых сомнений... вернее, рекомендаций Кирилла Травицкого. Эксперимент проводить нельзя, он опасен и опасен настолько, что...

— О чем вы? — перебил его Бассард. — Расчеты взрыва сделаны давно, причем проверялись специалистами, и ваш новый расчет на основе “сомнений”... — Бассард с улыбкой пошевелил пальцами, подбирая выражение. — Согласитесь, несколько легкомысленно на такой основе поднимать вопрос — опасен или не

опасен взрыв. Да и что может случиться? Тритон разнесет в пыль, что ли?

— Не только Тритон...

— Что еще? Нептун? Солнечную систему? Не смешите меня, молодой человек.

— А вы не иронизируйте, последствия более грандиозны, чем вы представляете, Наблюдатель не зря начал кампанию предупреждения задолго до взрыва.

— С этим вашим пресловутым Наблюдателем ещё далеко не все понятно. Кстати, а какое нам до него дело? С чего вы взяли, что он предупреждает нас именно об опасности эксперимента на Тритоне? Взрыв не опасен даже этой планетке, а вы беспокоитесь за Галактику!

— В прежних расчетах взрыва не учтены фазовые переходы ТФ-поля в поля времени...

— Простите, это голая теория, а меня ждут. И поверьте, нами сделано все необходимое для безопасности Системы.— Бассард повернулся к Филиппу спиной и добавил через плечо: — Вас, кажется, тоже ждут?

Кровь бросилась Филиппу в лицо, но усилием воли он сдержал готовое вырваться проклятие. Очнувшись от голоса диспетчера. Женщина смотрела на него из виома и что-то спрашивала.

— Что?— переспросил он, сожалея, что не рассказал все Дикушину.

— Связь в ТФ-диапазоне прекращаю,— повторила диспетчер.— По Системе объявлено “штормовое предупреждение” и приказано перейти на световую и радио. Прошу извинить.

Виом погас.

“Так! Интересно, что сказал бы я на месте Бассарда, обратиться ко мне кто-нибудь с подобным заявлением? Наверное, высмеял бы наглеца... Но что же все-таки делать? Звонить в Управление нет смысла, в отделе никого. Может, действительно найти Морозова? Как-никак председатель СЭКОНа... Или сразу Спенсеру? Успею ли?”

Аларика стояла рядом, гладила затылок и виски, и это было до того приятно, что не хотелось ни думать, ни шевелиться.

С пульта вдруг прозвучал трехтональный сигнал общего внимания. Филипп машинально протянул руку и включил виом.

— Передаем объявление,— сказал диспетчер центрального информвидения.— В связи с проведением эксперимента на спутнике Нептуна Тритоне пассажирские линии таймфагов не будут работать с четырех до шести часов по среднесолнечному времени. Повторяю...

“Керри подстраховывается,— подумал ошеломленный Филипп.— Если бы он знал, что нас ждет!.. Однако я теперь даже со Спенсером не успею связаться, особенно если он не на Земле!”

Инспектор включил часы видеобраслета: шел четвертый час ночи по времени Москвы. Иначе — четвертый час по среднесолнечному времени.

Что же делать?

— Надо лететь на Брянский полигон, — тихо подсказала Аларика, поняв все из переговоров Филиппа. — Только оттуда ты сможешь попасть на Тритон... если докажешь целесообразность вылета дежурного крейсера.

— Туда легче позвонить...

— Ты же слышал, ТФ-связь уже отключена, а радиосвязь неоперативна. Пойдем, до четырех мы еще успеем добраться до полигона на такси, а по пути что-нибудь придумаем насчет того, как попасть на “Святогор”.

Филипп с усилием поднялся.

Идущий по коридору дежурный механик вычислительного центра с удивлением посмотрел вслед бегущим: тоненькая, хрупкая на вид женщина буквально волокла здоровенного, спотыкающегося на каждом шагу мужчину...

На стоянке такси стояла всего одна машина, да и в ту селись двое парней и девушка.

— Подождите, — задыхаясь, сказал Филипп, ухватился за крыло такси. — Пожалуйста, нам очень нужна машина... Разрешите взять... эту.

— Что за спешка, дорогой? — засмеялся один из парней, подсаживая девушку. — Позвони через ноль две семерки, и будет тебе машина.

— Мы не можем ждать... очень важно! Прошу вас.

— Может быть, отдадим? — заколебалась девушка, тонко угадав в волнении инспектора безыскусственность и тревогу.

— Пусть берут, — коротко сказал второй, уступая сиденье.

— Спасибо, мужики! — хрипло поблагодарил Филипп, с трудом забираясь в кабину. — Может быть, вы спасаете сейчас все человечество.

Пинасс вонзился в ночное небо. Филипп “с мясом” вырвал ограничитель скорости, и аппарат сразу перешел звуковой барьер, неразрешенный для машин этого класса.

В отделении Брянской общетранспортной инспекции диспетчер услышал сигнал контрольного спутника, схватился за голову и дал сигнал тревоги по воздушному коридору, в котором появился “лихач”.

Все закончилось бы хорошо, не сменяя Филипп горизонта — по привычке выбирая кратчайший путь к северной оконечности города, за которой располагался полигон УАСС. Именно в этот момент на пути заработал один из орбитальных лифтов Брянска, выключенный до этого времени на профилактические работы. Филипп не заметил светящихся в воздухе предупреждающих

знаков, а когда впереди вдруг вырос световой столб, было уже поздно — шел он на ручном управлении...

Шедший в полукилометре на перехват нарушителя патрульный автомат инспекции успел применить “красную завесу”, но на таком расстоянии компенсирующее силовое поле только ослабило инерцию удара. Пинасс вонзился в защитное поле канала лифта (“Надо было идти на автомате!” — мелькнула мысль) хрустнул колпак кабины, разлетаясь прозрачными брызгами, вскрикнула Аларика, и в кабину хлынула тьма...

В сознание Филипп пришел от боли и, еще не открыв глаз, вспомнил удар, фейерверк осколков фонаря кабины, крик Аларики и резко поднял голову. Он лежал на склоне холма, лицом вниз. Рядом, у неровной стены кустов, лежала Аларика, накрытая смятым сиденьем пинасса. Поодаль что-то горело, и на мокрую траву и обломки машины, рассыпанные полосой, на тело Аларики ложились оранжевые блики от языков пламени. Вглядевшись, Филипп понял, что горел патрульный автомат, успевший перехватить разбитое такси и ценой своей гибели предотвратить смерть людей.

Инспектор с трудом встал, скрючившись от боли в спине, подошел к женщине, сбросил с нее остатки сиденья, опустился рядом на колени.

— Рика,— позвал он глухо.— Ты что, Рика?

Кто-то вдруг тронул его за плечо, Филипп повернул голову. Сзади стоял Керри Йос.

— Отойди-ка, парень.

Филипп послушно встал, как во сне, отодвинулся.

— Вы?! Здесь? Как вы тут... а я только что искал вас... Аларике — видите?

— Вижу.— Керри Йос опустился на корточки возле женщины.— Зачем ты искал меня?

— Эксперимент на Тритоне... но Аларика!

— Сейчас здесь будет “скорая”. Помоги-ка...

Вдвоем они положили женщину удобнее. Аларика чуть слышно застонала, и Филипп едва не закричал от радости: жива!

— Итак? Я слушаю тебя.

— Да, я искал вас,— шепотом сказал Филипп, сглатывая комок в горле.— Надо остановить эксперимент на Тритоне, он опасен.

— Ясней, пожалуйста, и покороче.— Керри выпрямился и вытер пальцы платком.

Филипп несколько мгновений боролся с собой: наступила реакция, и тело снова стало слабым и непослушным.

— ТФ-взрыв такой мощности, какая готовится, даст гармоники частот высшего порядка вплоть до вакуум-барьера,— наконец выговорил он, не поднимаясь с колен. Потом поднял голову и с

мольбой посмотрел на начальника отдела.— Где же “скорая”, черт возьми?! Аларика будет жить?

— Травма серьезная, повреждена грудная клетка, но жить будет. “Скорая” в двух минутах лета. Продолжай.

Филипп сел, виновато улыбнулся.

— Простите, я работал с “Умником”... в режиме “один на один” и перегрузил мозг работой, а тут еще это! Не заметил охранной зоны лифта! Простите... Что я говорил? Да... Значит, взрыв на Тритоне возбudit ТФ-поле на запредельных частотах, а это может послужить причиной цепной реакции фазового перехода пространства. Это полное разрушение Вселенной, понимаете?! Родится новый вакуум с новыми свойствами, существующая материя будет уничтожена, а вместе с ней и человечество... и другие разумные существа! Все!

— Не преувеличиваешь?— Керри Йос остро, без усмешки глянул в глаза инспектора.

— К сожалению, нет.

— И ты до этого открытия дошел один?

— Нет, помог Травицкий... а до меня подобный финал взрыва просчитал Василий Богданов... вернее, он считал, конечно, не взрыв, а характеристики “зеркальных перевертышей” и сумел на минимуме фактов сделать правильный вывод.

— Да, я знал это.— Керри помрачнел.— Вернее, догадывался. Значит, в самом деле все упирается в обратимость времени?

— Не обратимость, а переход времени в иное качество. Кирилл близко подошел к решению и в Австралии хотел проверить, так ли он понял предупреждение Наблюдателя.

— Он понял правильно, а я вот нет. Наблюдатель предупреждал об опасности некоторых видов знания...

— Нет,— тихо возразил Филипп.— Об опасности незнания.

Керри Йос, помедлив, кивнул.

— Ты прав. Кажется, мы подошли к пределу, когда наши действия могут привести к гибели Мироздания, несмотря на то, что творятся они из лучших побуждений.— Начальник отдела поднес к глазам видео.— Та-ак, до начала взрыва около часа, но эксперимент уже запущен. Ты сообщил о своих выводах на крейсер?

— Пытался, но... там Бассард, он не захотел меня понять.

Керри мгновение размышлял, потом повернул кольцо включения видео. Вспыхнул миниатюрный объем передачи — лицо главного диспетчера центра.

— Сигнал “Шторм” по всем секторам УАСС!— сказал Керри Йос.— Выключить и заблокировать не только пассажирские и транспортные ТФ-линии, но и линии связи и контроля, кроме спецканала! Системам СПАС и ПОД на время эксперимента отключить от прослушивания ТФ-диапазон, сразу после экспе-

римента перейти на низшие регистры частот! Дежурным патрулям проверить ТФ-станции, убрать обслуживающий персонал из аппаратных на линиях, соединяющих дальние звездные системы!

Диспетчер смотрел на Керри, открыв рот.

— Да вы что, Керри?! Отключив ТФ-станции, мы минимум на месяц прервем сообщение в Системе! Чтобы запустить каналы снова, надо...

— Знаю. Поэтому и не блокирую станции звездных систем, а только внутрисистемные таймфаги. Кроме того, дайте аварийную проводку крейсера “Искатель” к Тритону. Время расчета траектории — четверть часа, время отработки вспомогательных служб — пять минут. Записал? — мягко произнес начальник отдела. — Действуй, Мартин!

— Я обязан доложить Морозову в СЭКОН и Спенсеру...

— Докладывай, но одновременно с включением тревоги. Минут через десять я свяжусь с ними сам.

Диспетчер мотнул головой, словно пробуждаясь от сна, и отключился.

Керри Йос повернулся к Филиппу, все еще сидевшему на земле. Аларика слабо вздохнула, и оба одновременно посмотрели на нее.

— Тебе надо спешить, — тихо проговорил Керри. — Бери мой пинасс. С полигона тревожной линией ты еще успеешь добраться до Австралийской базы, там возьмешь “Искатель”...

— Зачем? — поднял на него запавшие глаза Филипп. — Легче связаться с крейсером, вам поверят больше, чем мне.

— Поздно. Таймер уже сработал и через час реакция ТФ-инициации достигнет, говоря словами специалистов, критического сечения. Остановить эксперимент можно, лишь уничтожив бланкет с активным веществом или генератор ТФ-возбуждения... не знаю, как еще, об этом подумаешь сам. И только ты сразу сможешь определить на месте, что надо сделать. Остальным надо объяснять.

Керри достал из кармана куртки странный золотистый значок в форме закрывшего голову руками человека, протянул Филиппу.

— Это сертификат официала УАСС по сигналу “Шторм”, возьми. Предъявишь командиру “Искателя”. Карт-бланш на спецрейс возьмешь в сейфе, в рубке крейсера, шифр на оборотной стороне значка. Надо успеть на Тритон и остановить взрыв. Делай что хочешь, но успей! И вернись живым, это приказ!

Филипп взял значок, преодолевая себя, поднялся с земли, сморщился: блокада воли прошла, и ушиб спины давал о себе знать занозой боли.

— Что? — встревожился Керри Йос.

— Спина... ушибся, кажется. Справлюсь.

Филипп шагнул к пинассу Керри, оглянулся на догоравший костер и остановился. Лицо его отразило душевную муку. Керри Йос понял:

— Не беспокойся за нее, сынок, “скорая” на подлете. Все будет хорошо. Удачи тебе!

Филипп поцеловал Аларику и побежал к машине, припадая на ногу, неловко придерживая локтем бок, кусая губы. Но по мере приближения к пинассу бег его становился все более свободным, движения целеустремленными, и в кабину уже он впрыгнул, как будто полный сил и ловкости.

Начальник отдела подождал, пока он улетит, подошел к Аларике. Женщина дышала с трудом, на губах ее при каждом вздохе пузырилась кровавая пена. Керри нахмурился, посмотрел на видео: с момента катастрофы прошло пять минут, “скорая” опаздывала. Он нагнулся, поднес ладони рук у груди Аларики, застыл так, полузакрыв глаза. Потом перенес руки к ее голове и снова замер. Лицо Аларики порозовело, разгладилось, кровь на губах исчезла. Она вздохнула с тихим стоном, повернула голову на бок...

Над головой послышался короткий вой “скорой”, вспыхнул свет и рядом опустился бело-красный галеон медслужбы. Из кабины выпрыгнули врачи “скорой помощи”, двое мужчин и женщина. Керри помог им перенести Аларику в кабину, однако лететь отказался. Галеон умчался, но следом за ним прилетели две машины инспекции, и Керри пришлось рассказывать, что случилось.

Через двадцать минут он освободился наконец, пешком направился к белому столбу лифта: через кусты орешника и мокрую, по пояс, траву. Мысленным взором он видел, как стартует с полигона крейсер УАСС “Искатель”, беря курс на Нептун, как тысячи, десятки тысяч людей застыли у виомов связи, на станциях СПАС, готовые по первому зову броситься на помощь, и грустная улыбка появилась на губах начальника отдела безопасности.

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим!
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах... А где, скажите, дым?*

Последнюю строку Керри Йос произнес вслух.

“Тяжело тебе придется, парень,— подумал он.— Наблюдатель не оставит тебя в покое и когда-нибудь выйдет навстречу... когда я уже не смогу подстраховать тебя, как сегодня. Уж слыш-

---

* Омар Хайям.

ком многое ты знаешь. Единственное, чего ты еще не понял, что Наблюдатель живет в п е р е д и, в будущем, только так можно объяснить все происшедшее с момента появления "зеркальных перевертышей".

Керри Йос вдруг остановился.

Навстречу из-за кустов вышел молодой человек в костюме техника ремонтного отдела УАСС. Керри узнал в нем парня, отремонтировавшего когда-то пульт в его кабинете.

— Доброе утро, — слегка поклонился он. — Кажется, пришла моя очередь? Богданов, Травицкий, теперь я...

"Техник" покачал головой.

— Все обстоит несколько не так, как вы думаете. Богданова мы не убивали, а Кирилл Травицкий... если бы он догадался вызвать нас — был бы жив.

— Почему же вы убили его?

— Потому что Филипп Ромашин прав: при возбуждении вы-
сших частот ТФ-поля возможен фазовый переход вакуума и, как следствие, рождение новой Вселенной с уничтожением старой. Травицкий решил формулу Ромашина до границ ее полного применения и высчитал тот диапазон частот, на котором ТФ-метрика наиболее неустойчива. Один толчок и...

— Понятно. Кто вы?

— Если речь идет обо мне лично, то я интеллект-автомат с конечной целью, в мои функции входит и связь с вами. А если о тех, кто меня создал и послал...

— Наблюдатель.

— Наблюдателя как такового не существует, есть прошлое, настоящее и будущее, так вот мои хозяева и друзья — будущее. Вернее, существа, которых можно назвать вашими потомками. Вселенная родилась пятнадцать миллиардов лет назад и пока еще расширяется, через сто миллиардов лет она начнет сжиматься, придет фаза фиолетового смещения, а так как потомки за этот кажущийся гигантским промежутком времени не сумели найти способ уберечь Вселенную от гибели в черной дыре, они решили повернуть время вспять. То есть у них от конца эры расширения до начала снова остается сто с лишним миллиардов лет, и они надеются, что этого хватит для решения задачи сохранить себя и мироздание.

Керри почесал лоб. Собеседник сочувственно кивнул.

— Сложно?

— Не вижу связи...

— Закончу. Итак, мы повернули во времени и пошли назад, но так как мы реализовали не прямо идущие обратные процессы типа: "старые начинают молодеть", "звезды начинают не излучать, а поглощать энергию", — то можем вмешиваться в дела прашуров, способных в неведении запросто перевернуть мир и

уничтожить все — и прошлое, и настоящее, и будущее. И все же мы хотим, чтобы Вселенная, в которой мы живем, уцелела. Ее так просто уничтожить!

Помолчали. Потом посланец будущего вздохнул.

— Я мог бы и не открываться вам, потому что верю — вы поняли все и без прямого контакта, но еще долго люди будут ошибаться, тяжело и больно, пока не научатся вовремя останавливать свое любопытство, порой жестокое и злое. Прощайте.

Молодой человек превратился в облачко света, потом в плоское “зеркало”; на Керри Йоса глянул из этого зеркала он сам.

А затем его отражение вдруг подмигнуло ему и исчезло. “Зеркало” свернулось в световую нить и ушло в зенит.

Керри Йос, прищурясь, посмотрел в ночное небо Земли.

“Прощайте,— сказал он мысленно.— Надеюсь, пути наши больше не пересекутся. Прошлое и будущее не должны пересекаться в местах, не предусмотренных природой, кроме точки настоящего, одно вытекает из другого, остальное — схоластика. Но, может быть, мир устроен гораздо сложнее, и мои внуки и правнуки жили и умерли задолго до того, как родился я? Иначе откуда иногда всплывает ощущение, что все это уже было со мной когда-то?”

— Да, это так,— раздался ниоткуда, из воздуха, или прямо в голове чей-то негромкий голос.— Время — не кольцо и не спираль, гораздо более сложная фигура, и все живущие в нем соединены незримой нитью бытия. Цель жизни — не человек, нет, цель жизни есть жизнь. Вы поймете это и без особого контроля.

Голос уплыл из сознания, потерялся в шумах звездного ветра, да и не голос это был — тень будущего. Керри постоял еще немного и двинулся к шатру света, зорко глядя под ноги, думая о людях, своих предках и современниках, о тех, кто борется и живет в пространстве непокоя и нуждается только в одном виде контроля — контроля совести и доброты.

Юрий
ИВАНИЧЕНКО

ВЫБОРНЫЙ

Повесть

ГЛАВА I

Медленно и мелодично били башенные часы. Звук пролетел над красной черепицей старых крыш и темными прямоугольниками крыш новых, сквозь редкие — осень — кроны акаций и тугие струны проводов и растворился в зарослях на кладбище.

Восковая луна вывалилась из сырого облака и глянула вниз. Глянула — и спряталась.

Последние отголоски двенадцатого удара прокатились между крестами и пирамидками, долетели, теряя силы, до последнего ряда надгробий, уже безымянных от времени, и замерли под стенами.

Ухнула и невнятно забормотала сова. Потом взлетела и, чуть проседая в такт взмахам бесшумных крыльев, прочертила темное небо и растаяла в округлой черноте окошка на звоннице.

Василий, валяжно раскинувшись на плите собственной, хорошо ухоженной могилы, проследил за ее полетом и сообщил:

— Будет дождь.

Соседи промолчали, и только какая-то старушка из ближнего склепа вздохнула и мелко перекрестилась.

— Что молчите? — рассердился Василий. — Не намолчались за день?

— Не хотят с вами связываться, — за всех ответил чинный Присяжный, — грубый вы очень, вам не угодись.

— А ты и не угождай. Привык, понимаешь, угождать. И как только в суде служил?

— А так и служил, как все, — степенно протянул Купец, — помаленьку да полегоньку.

— Вот и дослужились... — Приват-доцента, умершего от чихотки в девятнадцатом, до сих пор мучил кашель. — Сколько лет — памяти нет.

— Нет, позвольте, — встрепенулся Присяжный, — как это — служил? Присяжные не служат, их выбирают. И, заметьте, выбирают из самых достойных...

Души зашпорили, замелькали в привычных жестах прозрачные руки, голоса возвысились до крика, и скоро уже над вторым сектором взметнулись встревоженные летучие мыши.

Василий Андреевич послушал-послушал, махнул рукой и отправился в четвертый сектор. Там давние приятели-красноармейцы играли в орлянку затертым оболом. Третьим у них был мещанин, мобилизованный на защиту Перекопа и умерший в двадцатом от ран.

— Не спится?— вместо приветствия спросил красноармеец, прозванный Седым за белую-белую, как сметаной вымазанную прядь тонких прямых волос в курчавой русой шевелюре.

— Обрыдло. Пятый десяток, понимаешь, досыпаю,— привычно откликнулся Василий, присаживаясь на расколотую известняковую плиту.

— Ничего, скоро разбудят,— пообещал Седой.

— Пионеры, что ли?— спросил Василий, высчитывая в уме, сколько дней осталось до Октябрьских.

Два раза в году к нему, как герою гражданской войны и борьбы с контрреволюцией, приходили пионеры; прибирали, правда, не слишком старательно, именную могилу, салютовали и даже оставляли цветы. Так повелось сравнительно недавно. Сразу после похорон к нему на могилу часто приходили друзья и однополчане. Затем всю войну было не до него. После войны же осталось совсем немного тех, кто вспоминал, а пионеры ходили на воинское кладбище или к памятнику освободителям. Но вот уже четвертый год, как стали приходить и сюда.

— Пионеры, да не очень,— Седой выволок обол и теперь подбрасывал его на широченной крестьянской ладони.— Специальная воинская команда прибывает. По наши кости.— И Седой, сохраняя напускное безразличие, запустил монетку.

— Как это — по наши кости?— не понял Белов.

— А вот так. Снос начинается. В две очереди. Под барабан — и на Солонцы,— отозвался Мещанин. Он опять проиграл и поэтому злился.

Василия Андреевича даже передернуло:

— Что это на вас — погода накатила? Какие Солонцы? Какие кости? При чем здесь воинская команда?

Седой поднял голову:

— Ты же знаешь — кладбище наше давно решили снести. Вот и началось. Приезжает команда такая специальная — всех будут перелаживать на Солонцы.

— Перекладывать,— машинально поправил Василий и задумался. Он давно знал, что переселение неизбежно, знал, что принят генплан развития города, предусматривающий, в частности, ликвидацию старого городского кладбища. Знал — и все же

внутренне сопротивлялся этой неизбежности; точно так же сопротивлялся смерти, пока доживал с надорванным сердцем.

— Это как — в две очереди? — вдруг спросил второй красноармеец Илюша.

— Очереди — это по очереди, сначала один, а потом все остальные... — протянул Василий. — А может, напутали чего?

Илюша даже обиделся:

— Так Седой — он же точно знает. Да и я слышал...

Седой все узнавал первым и наверняка. Ушлый мужик, за свою ушлость (полез в ничейный погреб в ничейном, но, как выяснилось, “конспиративном” доме) смолodu прописанный в четвертом секторе, любил в д р у г являться в кабинет ночного дежурного исполкома и, если вздумалось оставаться незримым, подглядывать и подслушивать. Еще он любил птиц, но только дневных.

— И когда же? — спросил Белов, как будто время в обычном понимании для него еще что-то значило.

— По весне, сказывают. Чтоб к жатве духу нашего здесь не осталось. Спорткомплекс, — хоть и с неправильным ударением, а одолел трудное слово Седой, — здесь залаживать будут.

— Закладывать, — поправил Василий Андреевич и встал. Постоял, помолчал, дергая нитку полуоторванной пуговицы на кожанке, и процедил: — Нет, шалишь. Так просто не ликвидируешь. Как ни верти, а право на покой мы заработали.

— Вы-то, может, и заработали, если по нынешним ценам считать, — вновь подал голос Мещанин после очередного проигрыша, — да только мало здесь вашей породы. Это ж общее кладбище...

— Цыц, — приказал Седой.

— А мы что, — поинтересовался Мещанин, меняя тон, — имеем особую ценность для советской власти? Порешили ликвидировать — и ликвидируют. Не то ликвидировали.

— Не в числе дело, — Василий подтолкнул Седого. — А ты чего молчишь?

Седой задержал обол на ладони и протянул:

— А че — мы ниче. Отзвонили свое. Раз им надо — мы подвинемся. Не гордые.

— Кому это — “им”? Ты за “них” жизнь свою молодую угрохал!

Илюша прервал его:

— Ты, комиссар, не горячись. Конечно, обидно, привыкли мы здесь, место хорошее, вокзал опять же близко, но детям тоже надо где играть, плавать...

— В здоровом теле — здоровый дух, — заявил Мещанин.

— Это хорошо, когда здоровый, — мрачно и даже с угрозой начал Василий, — только я так понимаю, что и нам не пристало

бегать, как собакам. И чтоб “здоровый дух”, тут одного спорт-комплекса мало. И нечего тут непротивленчество разводить! Пошли за мною, — приказал он Седому и, не оглядываясь, чуть вразвалочку зашагал по дорожке.

В это время желтая луна вновь протекла сквозь облако, и в ее стылом слабом свете заблестели призрачные вечная кожанка и стоптанные, но круто начищенные сапоги Василия...

А во втором секторе почти кричал и надсадно кашлял Приват, хватая за пуговицы сюртука Присяжного:

— Нет-с, вы сначала признайте, что при таком накоплении деструктивных начал...

— Тихо! — резнул Василий. — Слушайте сюда!

В голосе зазвенел металл, тот самый металл, который перекрывал гам тысячной толпы на мятежном крейсере. Тот самый, который заставил поднять под густой свинцовый ливень, на последний, на победный и спасительный бросок остатки штурмового отряда. Тот самый, который не раз и не два становился главным аргументом на горластых и крутых митингах двадцатых...

Интеллигенты моментально смолкли.

— Говори, — Василий вытолкнул Седого вперед.

— А все знать должны. Спецкоманда приезжает...

— Какая команда?

— Ничего не знаем...

— Объясните всем!

Седой пожал плечами и сказал:

— Кладбище наше будут ликвидировать. Переносить. Вот-вот. Приедет такая специальная воинская команда, нас перезакопают на Солонцах, а тут будет спорткомплекс.

— Вона как! — крикнул Купец и, перекрестясь, забористо выругался.

— Простите, не понял, — Присяжный пробежал вверх-вниз пальцами по пуговицам сюртука. — Как это можно — ликвидировать кладбище? Это что, шутка? Кладбище! Это же не ветхая пожарная каланча...

— И не Бастилия, — вставил Приват, — и не памятник императору...

— Не знаю, может, и не Бастилия никакая, а вот решено, что снесут, — и все. Точка. — Седой набычился.

— Позвольте, позвольте... — Приват наконец осознал, что и в самом деле это не шутка. — Но как можно? Ужасно! Вы говорите о ликвидации кладбища как о... п у с т я к е. Но кто посмел принять такое решение? С кем оно обсуждалось? Согласовывалось? А общественность — она как? Наконец, и у нас есть свое мнение, свои права и интересы!

— Тихо, губерния! — поднял руку Василий. — Я говорить буду.

Он засунул руки в карманы кожанки и, слегка покачиваясь с пятки на носок, начал:

— Решили это коллегиально. Без спора. Согласовали тоже своим путем. Молча. Обсуждать... С тобою или со мной — никто ничего не будет. Сами чувствуете, что мы для них давно мертвые. И советоваться не будут. До сих пор обходились — и сейчас обойдутся... Наверное. Так. Нечего базарить! Действовать надо!

— Простите еще раз, — подал голос Присяжный, уже несколько пришедший в себя, — но в данном случае, как мне кажется, “базарить” совершенно необходимо. Этот вопрос как раз должен быть всесторонне обсужден, и правильное решение может быть выработано только коллегиально. Такое событие — и следует постараться учесть все интересы, а не только узкой группы...

— Ему-то что, — глухо пробурчал Купец, вроде бы даже и не глядя в сторону Василия, — его-то самого небось гимназисточки на белых ручках во мраморны хоромы перенесут. Горлохват...

Василий Андреевич мог бы сказать, что ни в саму революцию, ни после, во все отпущенные ему годы, когда наган и шашка заменили мирные атрибуты непомерного труда большевика-организатора, лично для себя никаких благ он не искал и даже не принимал, но — только пренебрежительно хмыкнул и махнул рукой. Купец, как и большинство в кладбищенском обществе, знал достаточно о жизни и деятельности Василия Белова, но по извечной своей классовой слепоте принимал только то, что хотел принять. А кто не умел п о д н и м а т ь с я при жизни, не п о д н и м е т с я и после. Время таким — не лекарство.

Василий только хмыкнул, а Седой подошел к Купцу вплотную и прошипел так, что пламенем повеяло:

— Тебя, гидру, с нашего пролетарского кладбища поганой метлой вымести надо! Контра!

Кто-то ахнул, кто-то попробовал отодвинуться подальше: инерция страха сильнее смерти.

— А ну, тихо! — остановил всех Василий.

Он взобрался на постамент (мраморного ангелочка украли лет пять назад), заложил пальцы за ремень и, постепенно повышая голос, продолжил:

— Большинство здесь присутствующих не пугают сносы, переносы и все команды. Не мы первые, не мы, наверное, и последние. Так. Но могут быть перегибы! Знаю, что говорю. И вы знаете. А раз это дело ни для кого не побоку, то и нечего здесь!

Получилось косноязычно и, однако, весьма убедительно. Со старых секторов потянулись обыватели, все больше сердобольные бабуся и высохшие старички, народ тихий, но любопытный. Чуть поодаль, не приближаясь, но чутко прислушиваясь, распо-

ложились группа строго одетых лютеран. Шестой сектор кладбища.

— Итак, — поднял руку Василий, — ситуация простая: начинается переселение душ. Спецкоманда шутить не будет. Есть мнения?

Мнений оказалось много.

Закричали все наперебой: и ветераны, давно растерявшие всех п о м н я щ и х и цепляющиеся только за имя на кресте, и “середняки”, оставшиеся — многие не по воле своя, — навсегда в Перевальске, и совсем новые души в костюмах пятидесятих годов. Нетопыри, смертельно напуганные небывалым, им лишь доступным шумом, отчаянно метались над кустами...

— Даю справку, — поднялся на плиту седовласый, с одышкой, юрист из сочувствовавших, — существуют правила перезахоронения. Дается объявление, чтобы все желающие у с п е л и, и отводится территория на действующем кладбище...

— Сам туда иди, на Солонцы твои, — загалдели три поколения старичков, — там тебе ни тени, ни воды, ни добрым словом перемолвиться не с кем!

— Нет, подождите, — кричал пожилой приказчик, застреленный во время налета в двадцатом, — а у кого п о м н я щ и х не осталось, тогда как?

— Даю справку... — замахал руками юрист, но его не слушали. Началось то, что происходило почти еженочно: крик и стон о родных и друзьях, навсегда раскиданных по свету революциями и войнами этого непростого столетия, в котором одновременно так мало и так много мог сам человек...

Василий слушал, машинально перебирая тугие еще листья на любимой своей сирени. Наконец рубанул ночной воздух призрачной рукой:

— Покричали — и хватит! Решаем так: выбрать комитет. Выборы — по одному от каждого сектора. А кроме — еще пять душ. Голосовать будем персонально и открыто. Возражения есть? Возражений нет. Поехали. Первый сектор...

ГЛАВА 2

На планерке в тресте Виктор промолчал. Да и не ждали от него ни объяснений, ни оправданий. Приказ, в котором ему, главному инженеру СУ-5 Виктору Кочергину, и, естественно, его начальнику, Хорькову, объявили выговор, уже был напечатан. Чего там! Даже Хорьков, вздорный старикан, рта не раскрыл, пока их стройуправлению мылили шею. Так было п о л о ж е н о, и Виктор вполне резонно предполагал, что задержка сдачи и этот нестрогий и не первый выговор были предусмотрены заранее, год назад,

когда в намертво забитый план капстроительства втиснули эту насосную. Таковы правила игры. Конечно, можно было вскочить, замахать руками, закричать: “А вы свои обещания почему не выполняете? Где панели? Где второй кран? Где, черт возьми, битум?” Можно выступить, а правильнее — промолчать. И в следующий раз быть умнее, на слово не верить. Сначала — дай, а потом требуй.

Виктор даже повеселел, представив, как в следующий раз он все-все обеспечит заранее. Надо жить по науке, ребята!

— Останьтесь, — сказал управляющий Кочергину и Хорькову, когда распаренные — май обещал быть жарким — строители потянулись из кабинета о с у щ е с т в л я т ь и не допускать.

Виктор с видом оскорбленной невинности перебрался в низкое “гостевое” кресло и приготовился слушать.

— Мельникова и меня вызвали “на ковер”, — сообщил со вздохом управляющий.

Виктор представил себе кабинет, лишенный, правда, ковра, но с панелями светлого дерева. Представил Мельникова. По слухам — человека умного, по личному впечатлению — людоеда. Представил, как Мельников медлит с ответами, опасаясь попасть впросак, и кажется в этой обстановке не здоровяком с полковничьиими складками у рта, а безобидным пожилым дядькой.

— Выразили нам такое мнение, что подготовка к юбилею по нашей линии должна вестись более интенсивно...

Тут даже Хорьков не выдержал:

— Ничего себе! Из такого плана по строительству только по двум позициям затяжка! И то к отопительному сезону все будет кончено. Сейчас же май! Вы же понимаете, что для такого треста...

— Понимаю, — остановил его управляющий, — все понимаю. Да не я разговор затеял, и не собирались меня слушать. Короче, дали денег, разрешили снять с области еще пару бригад, ну и с материалами — хорошие гарантии...

“Интересно, что же там на нашу долю навесили? И чего это управляющий решил начать с нас? — подумал Виктор и тут же сообразил: — Кому же еще? Насосную через неделю, максимум через десять дней закончим. А ремцах опять подождет. Наш же, трестовский...”

Но управляющий, что случалось с ним чрезвычайно редко, все еще продолжал рассказывать о частностях и разностях, как будто оттягивал неизбежный момент, когда цели будут ясны, задачи поставлены, и Хорьков безропотно или еще как, но согласится со всем, что уготовлено пятому стройуправлению.

А управляющий продолжал:

— Я так думаю: будут, не будут бригады из области, а по горячему надо материалы хватать. Егорыч уже поехал. За сверх-

нормативные запасы голову не снимут, а мы, глядишь, годик спокойно спать будем...

По его тону даже Виктор, не такой уж давний гость в кабинетах начальства, догадался, что дело тут не только в заботе о материально-техническом снабжении (у стройтреста с этим дела традиционно обстояли неплохо), а в какой-то более глубокой выгоде. Догадался, но только спросил:

— А что за бригады из области?

— Жилищное строительство. Монтажники и отделочники.

— Разве план по жилью сворачивается?

— Наоборот. И нам от этого перепадет. Исполком клянется рассчитаться с частью своих долгов.

— Много дадут?— обрадовался Хорьков. Ему пришлось куда больше, чем тридцатилетнему Виктору, помяться с квартирными очередями и распределением жилья.

— Обещают полсписка...

“Вот теперь и скажет,— решил Виктор,— полсписка — лакомый кусок. Теперь из Хорькова можно веревки вить...”

— Правда, и нам придется попотеть. Хотя ничего особо страшного, честно скажу, здесь нет... Разделим так: на филармонию снимем маляров третьего с пивзавода, и вы на пару дней дадите бульдозеры; дорожникам, по старому плану, так и останется реконструкция проезда, и там небольшой переход; а вам — на зону отдыха. В полном составе...

“И все?— спросил про себя Виктор.— Что же это за зона такая?..”

Управляющий как будто услышал мысли:

— Площадка почти в центре, водный стадион и всякая мелочь, дел на полтора миллиона. Документация у Мельникова...

Управляющий что-то явно не договаривал. Ради такой работы — в черте города, объем полтора миллиона, материалы обеспечены — в кабинете не оставляют и о делах верхних не рассказывают. Приказ по селектору — и с песнями!

Понимая, что сейчас важны именно его поступки, поскольку Хорькова, дотягивавшего полтора года до пенсии, в тресте уже в расчет не брали (сдал старик). Виктор спросил:

— А какое здесь “но”?

Управляющий улыбнулся и ответил:

— Сроки. К первому октября — сдача.

Хорьков, доселе бодро сидевший у стола, сразу обмяк. Виктор знал, в каких выражениях будет сейчас один старый строитель доказывать другому, что это настолько невозможно, что и предлагать-то неприлично; и вот пока управляющий, которого Хорьков любил и боялся, и Хорьков, которого управляющий недолюбливал и не боялся, кричали и махали руками друг на друга, Виктор думал.

“Чем жестче, чем невероятнее сроки, тем... лучше. Во-первых, трест обеспечит нас всем необходимым и безо всякой очереди. А во-вторых, то, что управляющий вызвал только нас двоих, что нет ни Воднюка, ни трестовского Иванова, не случайно. Этот разговор “на троих” означает, что если мы вытянем сроки, то вопрос о будущем начальнике СУ-5 решен окончательно... А свободу работы уже сейчас поставлю как обязательное условие. И оплату... В полном объеме введу подрядные бригады...

И тогда все должно получиться: с материалами проскочим, нужные рубли трест досыплет — в таких условиях не покапризничаешь, — а главное, что никакой Воднюк поперек дороги не встанет. Управлять подрядными бригадами надо по-хозяйски и из одних рук...

А вытяну? Хоть бы одним глазком посмотреть в проект!”

— Проект, смета, титул? — совсем негромко спросил он. Спорящие разом замолчали и разом уставились на него. После паузы управляющий сказал:

— Мельников уверял, что и проект, и смета у него. Но, полагаю, Мельников врет, документы еще у проектантов. А титул пусть вас, — управляющий подчеркнуто обратился и к начальнику, и к главному инженеру, — пока не волнует. ПТО управления сделает в самое ближайшее время.

Хорьков, неожиданно позабыв свое всегдашнее “я”, быстро выговорил:

— Мы еще ни с чем не согласились. Посмотрим документацию, посоветуемся, обсудим.

— Идет, — кивнул управляющий и отчеркнул карандашом в календаре, — завтра в одиннадцать у меня.

Всю дорогу по трестовским коридорам и лестницам Хорьков молчал. И только внизу, усаживаясь в старенький Викторов “Москвич”, сухо бросил:

— Потянешь — тяни. Мешать не буду. Даже наоборот. Но пролетишь — меня за собой не тяни. Нет моего согласия. Бери на свой риск.

“И на том спасибо, — решил Виктор. — мне бы только еще Воднюк не мешал, и тогда все будет расчудесно... А если “пролечу”, то ни Хорьков, ни Господь Бог не помогут. Гожусь на мальчика для битья. Припомнят и возраст, и характер, и неправильную реакцию на вышестоящие указания, и...”

— Вот что, — подал голос Хорьков, — поворачивай к Мельникову. Посмотрим, что там за дворец нарисовали...

...Но управляющий оказался прав: документация еще не вышла из института. Поехали туда, и за какие-то полчаса отыскались концы: все чертежи по спорткомплексу и зоне отдыха были в мастерской у самого молодого ГИПа, главного инженера проекта, Анатолия Василенко.

— Ну, завелись, — негромко жаловался Толя Василенко, пока Хорьков вздыхал и хмыкал над листом генплана, — третий день вся команда бегает вприпрыжку. Давно ли с Мельниковым воевал, думал, вообще проект зарежет, перерасход у меня; а выходит, он уже и наверху “доложился”...

— Выходит, уже и строителей прислали. Гордись: пойдет твоя мазня без очереди. Прямо сегодня.

— Сегодня никак, — Василенко и Кочергин, друзья-приятели еще по институту, говорили о деле, словно болтали о предпоследних пустяках, — не готово еще ничего.

— А ради меня?

— Ну ради тебя, самой собой, уболтаю копировщиц — глядишь через неделю уже генплан получишь.

— И только? А нулевка? А коммуникации? Альбомы?

— О чем ты шепчешь, моя пташка? — Василенко присел на подоконник и закурил, выпуская дым в форточку. — Какие тут нулевки? У меня по плану сдача проекта в августе, так что в сентябре милости прошу, приходите, гостем будете... Серьезно, пока только “белки”, а с копировкой у нас сам знаешь как...

Под желтоватой нездоровой кожей Толика Василенко проступала красная сетка капилляров. Рука с папиросой мелко подрагивала.

“Что ты, голубь, с собою делаешь?” — чуть не вырвалось у Виктора. Но он только качнулся с пятки на носок и попросил:

— Дай мне земляные работы и инженерные сети. Сильно горит.

— Ставка больше, чем жизнь? — хохотнул Анатолий, обдавая Кочергина нечистым от курева и перегара дыханием.

— Шутить изволите, — в тон сказал Виктор, — а я завтра копать начну.

— Не начнешь, — Василенко слез с подоконника, — там снос сложный.

— Отселение? — ужаснулся Виктор, представляя, какая война их ждет.

— Ты что, не в курсе? Старое кладбище там...

ГЛАВА 3

Так рано сирень еще не расцветала. Только однажды за то время, что прожили кусты у самой оградки, в мае шестьдесят второго, выбросили они кисти примерно в это же время. Теплая выдалась весна в году тысяча девятьсот восемьдесят четвертом. Старики говорят о таких: “благорастворение в воздушных”. Первая половина мая, а кисти сирени посветлели, напряжинились и вдруг как вспыхнули нежной, чуть в прозелень, белизной. Запах

растекался по земле, проникал во все трещины и щели старого надгробия и наконец коснулся лица человека, находящегося во тьме.

Василий Андреевич улыбнулся.

Ночь первого цветения сирени была для него в числе главных событий года. Василий, почти начисто лишенный сентиментальности, наверняка не смог бы найти слов, чтобы выразить свое отношение к этому простому и живучему растению. Но цветущая сирень оказывалась с ним — в партизанской землянке, в дальней сторожке, где приходилось отсиживаться от карателей, и, конечно, в кабинете — одновременно спальне, приемной и рабочем штабе; так было всю “мирскую” жизнь Василия Андреевича. А потом... Добрые руки его помощницы, славной интеллигентки, посадили маленький кустик у его могилы только в сорок пятом. Такая маленькая, тихая, всегда в очках, всегда — с заступничеством... Василий и сосчитать не мог, сколько раз отчитывал ее за буржуазный либерализм и примиренчество, а она... Впрочем, Василий Андреевич как работника ее ценил, доверял полностью и, пока был жив, никаких оргвыводов не позволял. Вот только поговорить как следует все не хватало времени, все не удавалось — и не удалось.

На Солонцах уже сирени не будет. Кто посадит? Почти все, кто знал Василия Белова в деле и в жизни, умерли: кто по лагерям, кто на фронте, кто просто так. А прочие... Насчет прочих у Василия пошатнулись иллюзии еще в конце двадцатых, когда по взмаху дирижерской палочки стали проваливаться в небытие слова и дела. А потом, разумеется, люди. Но тогда Белов подсознательно заставил себя допустить, заставил себя принять, что большинство не может ошибаться, а если ему самому нечто кажется уж очень неправильным, то виноват сам его разум. Много на себя воли взял. Лезет в ненужные сферы. Совсем “отключить” разум, естественно, не мог, но и доверять все меньше и меньше и ему, и происходящему — мог, и постепенно начал Белов искать заемные слова, обращаться к прописям и лозунгам... Пока разрыв не стал, видимо, чрезмерным для комиссарского сердца. Хотя кто может сказать, что было последней каплей?

До полуночи оставалось больше часа. Так рано вставать не следовало, но первое цветение сирени — событие, ради которого можно и рискнуть; пусть придется расплачиваться прочерком во времени. Со временем здесь отношения особые. Здесь в полной мере реализуется то, что живые только смутно чувствуют: существует только плотность событий, а паузы между ними как бы не существуют. Отдать здесь время — значит отдать событие; а сколько их было у Василия и сколько еще будет — потому что каждая п е р е о ц е н к а, каждое осмысление, каждое воспоминание уже составляют событие! И еще Белов чувствовал, что в

самое ближайшее время событий станет так много, что потеря одного какого-то на самоощущении не скажется. Предчувствовал, что плотность событий станет настолько высока, что можно будет, да что там, придется подниматься и днем, придется вмешиваться в дела, недавно еще отгороженные старой стеной.

Больше всего, конечно, придется работать выборным, тем, кого назвало большинство, выделило от каждого сектора.

Тогда, осенью, на общем собрании решили **п о к о р и т ь с я**, не мешать спецкоманде и даже, при необходимости, успокаивать оставшихся в живых и помнящих родственников. Столько здесь лежало душ, которые накрепко усвоили за всю земную жизнь: “Христос терпел и нам велел”, столько душ атеистического времени, которым, однако же, тоже крепко вколачивалась мысль, что мы обязаны терпеть и преодолевать и ставить общественные интересы выше личных, что большинство признало, согласилось с необходимостью “подвинуться” — город и в самом деле быстро разрастался, и даже здесь ощущалось внутреннее напряжение от негармоничного, тесного скопления людей. Принял это как волю большинства Василий Белов. Хотя были недовольные.

Победила позиция непротivления, и в ее рамках выборные принялись за самую важную работу: обеспечивать **с о х р а н е н и е с в я з и**, связи между именами и останками, между живыми и мертвыми, связи, на которой держалась та мера упорядоченности, которая противостояла хаосу, энтропии, неизбежно накапливающимся у живых за каждый день. Как только начала работать спецкоманда, Василий с Присяжным, используя первый же ненастный день, со всею тщательностью проследили за **п р о ц е д у р о й**. Все нормально, по закону и уставу. И все же...

Теперь, когда появились первые признаки того, что дело может свернуть на недостойный, недопустимый путь, Василий Андреевич решил, что это “все же” было просто сверхдальним предчувствием, и что если сейчас все поставить на места — никакие тени больше не будут посещать.

Приближалось время вмешательства. До него оставалось совсем немного — может быть, всего несколько десятков мелких событий, может быть, день-два земного времени. Событий внешних, а перед ними — событие внутреннее. Ночь первого цветения сирени.

Белов поднялся и оглянулся.

Уже неподалеку, в дальнем конце аллеи, тускло поблескивали в отсветах немеркнувшего над городом зарева металл гусениц и стекла кабин. Землеройные машины выглядели на кладбище грубо, почти непристойно; Василий, не то повидавший, все-таки немного поморщился и, сунув кулаки в карманы кожанки, прошелся вокруг кустов сирени.

“Как все условно,— внезапно подумал он,— условно и несправедливо устроено. Пока есть настоящая возможность действовать — живешь на ощупь, не зная, что тебе и другим действительно надо. Размениваешься невесть на что... А когда поймешь — что, зачем и почему, ничего уже нельзя сделать... Да и когда вроде все знаешь и действуешь, все равно не получается: кто из нас, живых, мог предположить, что так все обернется? Что воистину таким окажется мир, в который одни не верили вообще, а другие идеализировали? И что, самое удивительное, мы останемся такими же — и будем медленно растворяться во времени, испуская свои земные дела, а паче — бездействие, служением?..”

Василий остановился и зажмурился.

Полуоткрытая еще ажурная бело-зеленая кисть касалась его щеки, покачивалась на ветке, будто поглаживая...

— Какая идилия,— раздался знакомый голос и знакомый сухой кашель,— суровый комиссар и нежная сирень.

— Заткнись,— ровно порекомендовал Белов,— и чего тебе нейдет?

— Болезнь у меня такая,— засмеялся, обнажая неровные желтые зубы, Приват-доцент.— На характер дурно влияет.

— А ты сирень понюхай. Может, с другой стороны повлияет.

Запах — это единственное, что продолжало восприниматься.

— Благодарю. Нанюхался.. Два часа назад сподобился чести лицезреть здешнего управителя нашими делами скорбными — точнее, временно исполняющего обязанности. Отдел коммунального хозяйства горисполкома — так, да?

— Так.

— Заучивал,— с гордостью констатировал Приват.— Да, так вот. Такой себе то-ва-рищ. Лаптев. Весьма типичная дрянь из выслуженцев. Распоряжался тут... Вот рвение! По вечерам и то бегаешь, и все затем, чтобы...

— Ну-ну, понесло,— махнул рукой Василий Андреевич и похлопал по карману кожанки.

— Вы за своих выкорыщенной обидеться изволили?— невинно полюбопытствовал Приват-доцент.

— Ты это брось,— серьезно сказал Белов,— здесь все с точностью до наоборот. Мы как раз всю старую государственную машину разломали, чиновников либо перековали, либо, по большей части, выперли. Возможно, что и перегибали когда, но уж не наоборот. И не по длине послужного списка, как в царское время, смотрели. Так что “выслуженцы” не от нас... Не от первых.

— Вы, уважаемый Василий Андреевич, лицо заинтересованное и потому пристрастное...

— Да брось ты!

— Помилуйте, комиссар, это не от вас зависит, не от вашего сознательного усилия: таков был весь уклад вашей жизни — да и

здесь тоже этим определяется... А я подоле вас все это наблюдаю, со стороны, “вдали от мирских страстей”.

— И что же ты высмотрел из своей ямы из слоновой кости?

— А то, что все ваши дела в чиновничестве преломились, исказились, да еще раз преломились, и так, что дел-то давно не осталось, только слово одно. Перегибали, говорите? Верно. Было да еще и как. Наплодили поколение перегибщиков, до сих пор еще от них по родной земле кочки да овраги. Потом, наоборот, осторожничали, все как один, единым строем, по одному слову и одному мановению. И — наплодили таких осторожных, что и работать-то давно забыли, только бумажками и отгораживались, друг дружке ф о р м у соблюдали. Ну а следом, само собой, деловые понадобились, бумажками-то сыт не будешь и в стужу не спасешься; и расплодили таких деловых, что ради дела не то что отца родного — Отечество родное по миру пускают. Нет-с, Василий Андреевич, промашка у вас вышла. Хорошие вы лозунги придумали, впечатляющие, только есть в них упрощение. Про жизнь забыли, про тех же чиновников. А они нас пережили — теперь следующих переживают...

— Ох, змеюка ж ты подколодная,— искренне рассмеялся Белов.— И что бы мы только без тебя делали. Мало что дураками померли, — до сих пор бы не поумнели.

— Смейтесь, смейтесь,— тоже улыбнулся и тут же закашлялся Приват,— что вам еще остается?

— Когда нет ни времени, ни права п о с т у п а т ь н а ч е р н о,— сказал Василий Андреевич серьезно,— когда выпал единственный шанс, то с таким, как бюрократия, да и не с таким еще балластом можно временно примириться. Может, ход и не тот, да ни разу не перевернулись...

— Складно,— подтвердил Приват,— да вот только не про нашу жизнь. Вы вместо корабля счастья “балластовоз” сотворили, а все не хотите замечать... И почему так получается: как будто разными глазами смотрим? Вы видите одно, я — другое; святой отец наш — третье? Жизнь-то едина, неужели не может быть общего понимания?

— Чего же тут удивляться?— хмыкнул Белов.— Классовая слепота. Азбука марксизма.

— Знаю. Читал. Штудировал. Только не получается. Странная какая-то слепота, и не мешает дворянам Плеханову и Ульянову стать революционными теоретиками, капиталисту Энгельсу — классиком марксизма, сыну капиталиста Троцкому — борцом против капитализма, а князю Кропоткину — и вовсе анархистом? А с другой стороны...

— Слабо штудировал. Поднялись над классом...

— Вот именно. Они — поднялись, а другие — нет. Почему же? Условия жизни у них особые? Или, может, наоборот — головы у

них такие? Сознание выше развито? Способности особые? Или потребности? Может, “классовая слепота” — это только для самых средних, самых серых? Может, все разделение не по “классовому сознанию”, а по тому, сколько человеку ума от Бога отпущено?

— Жаль, время теоретических конференций прошло... Да, наверное, и не было никогда времени...

— Что жили впопыхах, это правда. Такая печальная правда — никак не могу примириться. Куда вы так торопились?

— Шанс появился.

— И вы-то уж не упустили, — сказал Приват с сарказмом, впрочем, не оцененным Беловым.

— Не для нас шанс, — сказал он, — для всех людей вообще. Мог бы догадаться, ученая голова...

Приват действительно задумался, даже покивал головою, а потом заявил решительно:

— Слишком широко берете, товарищ Белов.

— А уже брать, — Василий Андреевич опять похлопал по карманам и поморщился, — неправильно будет. Именно в таком масштабе только и нужно подходить. Ошибались... Да, что и говорить; но цель, цель! И стремление — самое искреннее!

— Ну что же, — согласился и даже вроде как чуть-чуть повеселел Приват, — будем “балласту” ставить бо-ольшие памятники. Жаль, поздно, а то бы и я в скульпторы пошел. В монументалисты.

Нужно было знать Привата, чтобы почувствовать: он начал развивать длинную логическую цепочку, как шахматист заготовленную комбинацию. Василий Андреевич это знал, не раз уже с х л е с т ы в а л и с ь, когда плотность внешних событий давала силы.

— Пойми ты, без полувека профессор, — перебил его Василий, — что вокруг самых правильных идей, как только они становятся идеями правящими, неизбежно зашевелиятся “повторялы”, чуждые по сути, но действующие вроде как в рамках...

— И давно вы это поняли, Василий Андреевич?

— Какая разница? Факт есть факт.

Приват с сожалением покачал головой:

— Если бы... И не “факт”. Не хотите додумывать до конца. Страшно.

— Мне-то чего бояться? — засмеялся бесплотный комиссар.

— А это привычка. Инерция, если хотите. Поработаешь десяток лет в условиях жесткого централизма — и вырабатывается особое мышление. Во всем разумный, да не во всем, не до конца. Как только ключевые слова названы, ключевые понятия определены — начинается не мышление, а повторение догм.

— Теоретик, — хмуро констатировал Белов, и в самом деле не желая, чтобы мысли скатывались... или, точнее, поднимались на тот уровень, за которым многое становилось не бесспорным, и прежде всего — их собственные, сегодняшние, вроде бы уже решенные, вроде бы уже необратимо катящиеся дела.

— Доведем до ясности вашу мысль, — предложил Приват и, не дожидаясь согласия, продолжил: — Представим, что во всех звеньях, на всех ступенях соберутся такие “повторялы”. А что соберутся рано или поздно — это неизбежно, по расчёту двигаться наверх легче, чем по велению сердца. И тогда начнется. Правь бал!

— Разогнались. — Предчувствие того, что Приват обязательно скажет нечто такое, что придется принять, подстегивало Василия Андреевича, заставляло сказать то, что было его правдой: — У нас не по словам честь. И в креслах во всех сидят лишь до той поры, пока слова с делом не слишком расходятся.

— Я вашему оптимизму иногда завидую, — сообщил Приват и вдруг без перехода спросил: — А если те, кто может с ней, уже сами точно такие же? Если давно выработался целый, как у вас принято говорить, класс, кровно заинтересованный, чтобы ничего не менялось? Готовый держаться до последнего, все распродавать: и прошлое, и настоящее, и будущее — лишь бы на них самих, на их положение ничто не надвинулось?

— Хватит об этом. Дело давай. Лаптев чего приезжал?

— Лаптев? — переспросил Приват. — Лаптев суетится. С нами, сами понимаете, для него все ясно, но вот тут еще выплыло с церковью... Деликатная проблема. В свете ситуации... Официально не поощряется кресты сшибать, как во времена оны...

Василий, в восемнадцатом самолично своротивший крест с большой Покровской церкви, погладил усы. И сказал:

— Не та церковь пошла.

ГЛАВА 4

На исполкомовскую площадь Виктор заезжал редко: какие дела в исполкоме? Сейчас, объехав лишний круг, он пристроил “Москвич” на тесную служебную стоянку и отправился разыскивать отдел коммунального хозяйства.

В старом, не раз перестроенном и бесконечно ремонтируемом исполкомовском здании ориентироваться было трудно: какие-то переходы вдруг оказывались запертыми, а лестницы не вели никуда. Виктор потыкался в стороны, а потом наткнулся на схему пожарной эвакуации. По ней можно было разобраться, и через пять минут он вышел к приемной горкоммунхоза.

Моложавый плотный дядька с тугими щеками сидел за очень массивным старым столом, украшенным двумя телефонными

аппаратами. Все в кабинете казалось излишне крупным: и мебель, и мраморная настольная лампа, и холодильник, и двойная обитая дверь с тяжелыми замками. Только оба окна, забранные изнутри крепкими решетками, казались маленькими и подслеповатыми, наверное, из-за толщины стен...

— Как хорошо, что вы пришли, — обрадовался Лаптев, — а то я как раз голову ломал, где бы еще немного техники раздобыть. Столько мусору будет — а у нас в РСУ одна бортовая и самосвал.

— Вы о старом кладбище? — осторожно спросил Виктор. — Туда технику?

— Ну, в общем, да, — подтвердил Валентин Семенович, — на мне же подготовка территории, а там одной ограды три километра, да вот еще часовню эту повесили...

— А на внутренней территории — там уже в с е? Можно приступать?

— Не совсем, — замялся Лаптев, — часть там уже действительно закончена, в основном боковые старые сектора: дорожки просили начать именно оттуда, чтобы фронт работ им открыть, по профилю магистрали. Сейчас уже спецкоманда перебазировалась на верхние сектора, но у меня данных на сегодня еще нет...

Виктор достал свежую синьку, развернул и отчеркнул карандашом:

— Меня интересуют вот эти участки. Здесь уже можно работать?

— Сейчас посмотрим, — сказал Лаптев. Он достал амбарную книгу, перевернул несколько страниц и, поминутно поглядывая на синьки, сказал:

— Почти все готово. Почти, но не все.

— А нельзя попросить, чтобы мои площадки расчистить в первую очередь? Вот самый минимум... — И он еще раз обвел на синьке.

— Минимум, минимум, — покивал головою Валентин Семенович, еще раз просматривая записи.

— Здесь же совсем немного по площади, — у Виктора неожиданно и неприятно прорезалась просительная интонация, и он тут же себя мысленно одернул.

— Да-да, — согласился Лаптев, — немного; но есть одна формальность — боюсь, командир спецкоманды на это не пойдет...

— А что такое?

— Видите ли, в этих секторах, где ваши площадки, срок перезахоронения истекает только через два месяца. Через полтора, извините. Это так называемая вторая очередь. Мы указали в объявлении — до первого июля...

— И много перезахоранивают? — спросил Виктор, хотя, признаться, сейчас это его не волновало. Срок! Полтора месяца! Да

с первого июля, даже если у него будет вдвое больше людей, техники и денег, все равно не успеть...

— Нет, не очень,— охотно пояснил Валентин Семенович,— кладбище старое, с середины пятидесятых никого уже не хоронили. А сектора эти — еще довоенные, в основном... Родственники разъехались, кто забыл, кто не хочет заводитьсь...

— Ну что же, давайте прощаться,— медленно поднялся Виктор.— Через полтора месяца, если эта работа не отпадет вообще, ее получит кто-то другой...

— Подождите,— вскинулся Лаптев,— как это? Нет, давайте выясним. Я так понял — вы хотите начинать работы немедленно?

— Хочу?— Виктор забарабанил пальцами по столешнице, сдерживаясь, чтобы не сказать, что вообще не хочет заводитьсь с этой территорией и просто так получилось, что нет выбора.— Это необходимо. Вы, видимо, не строитель. За четыре месяца, отпущенные нам, освоить такой объект очень трудно. Почти невозможно — по крайней мере, в нашей практике не случалось. Норматив — полгода; и у нас всего лишь стройуправление, а не трест, и возможностей для организации круглосуточной работы нет. Людей не хватает. А еще учтите: возможны и ливни, и град, и всякие эксцессы с госэнерго или еще с кем — а это все просто! Вот так. Ничего не напишешь.

— Нет, я не понял,— начал Валентин Семенович, и Виктор задержался еще на минуту.

— Я же объяснил: если в полный срок, за четыре с лишком месяца, еще можно постараться, то за три — ничего сделать нельзя. Безнадежно.

— И что же дальше?

— Да ничего. Доложу управляющему, что работы начинать нельзя, и получу другой объект.

— Вы полагаете,— спросил Лаптев и потер влажный лоб.

— Полагаю,— подтвердил Виктор,— выше головы не прыгнешь. Жаль. Я-то думал, что, по крайней мере, здесь проблем не будет...

— Это не выход.— Лаптев опять крепко потер ладонью лоб,— мы не имеем права срывать такое мероприятие. Нас не поймут. Там это не понравится...

Теперь Виктор ясно понял, что мучает Лаптева: ему очень-очень не хочется оказаться той самой “объективной причиной”, из-за которой придется там изменять планы — хотя в сущности от самого Лаптева ровно ничего не зависело, и любой непредвзятый человек “наверху” это поймет. Чиновничий страх... Это было смешно и мелко, и в другое время Виктор не стал бы дальше разговаривать с таким типом. Но сейчас... Сейчас все не уходило, будто цеплялся за какой-то шанс...

— Так что будем делать? — негромко и серьезно спросил он у Лаптева.

— Начинайте работать, — так же негромко и серьезно сказал Валентин Семенович, — с понедельника. Я сейчас отмечу... — И он принялся переносить кочергинские заметки в свой журнал.

— Уже легче, — констатировал Виктор, рассматривая физиономию Лаптева. — А как вы собираетесь за оставшиеся дни очистить такую территорию?

— Ну, не всю, — повел пухлыми плечами Лаптев, — пока только под ваши площадки. Вы же сначала будете завозить материалы, а потом только копать и прочее?

— В общем, так; но надо протягивать коммуникации — а это траншеи, и нужны еще проезды и накопительные площадки...

— Как, еще? — только простонал Валентин Семенович.

— Да ничего особенного, — утешил его Виктор, — я вам укажу самый-самый минимум...

Пока он чертил, Валентин Семенович успокоился и, усевшись верхом на стул, говорил, разглядывая синьку:

— С водным стадионам проблем вообще нет, он почти весь на участках первой очереди. Если что там и осталось, то не сегодня-завтра все закончится. Особенно если им с карбидом помочь: жаловались...

— Поможем, — кивнул Виктор.

— А по нижним участкам, где у вас этот дом...

— Игротека, — подсказал Виктор.

— Вот-вот и на самом верху, где эта круглая штука...

— Танцплощадка, — все так же не поднимая головы, подсказал Кочергин.

— Вот-вот, по ним мы так поступим: я велю списки составить, кто где лежит, и если объявятся в срок родственники, поможем честь по чести. Да только не особо объявятся, знаю я, по каким секторам хлопочут, а по каким столько лет и памяти нет...

То, что Лаптев сказал, было только частью правды, но чутье подсказало Валентину Семеновичу, что не обо всем следует распространяться...

Лаптев действительно знал, в каких секторах индивидуальных перезахоронений практически не будет; но решил, что там, где на этих забытых секторах строителям нужно расположить площадки, проведет просто расчистку грунта. В конце концов, кто там узнает, что под площадками не просто земля, а могилы?

Там же, где пройдут траншеи, — Лаптев посмотрел внимательно на синьку, — уже почти ничего не осталось, к понедельнику действительно можно закончить.

Оставались, таким образом, только участки, отведенные под игротеку и танцплощадку. Это было в самой гуще в т о р о й о ч е р е д и, но Лаптев твердо решил не ожидать полтора месяца.

Валентин Семенович придумал простой ход: ничего не делать. Списки по координатному принципу в основном составлены, а что не сделано, так и Бог с ним. Если объявятся родственники, то, — Лаптев представил, как импозантно он все это обставит, — укажет место, и останки будут извлечены. Люди будут уверены, что перезахоранивают именно “своих”; и кто там сможет что разобрать, если прошло полвека и такой грунт?

Оставалось аккуратно обмозговать только одно: как поступать с костями, которые будут оставлены под технологическими площадками. Договариваться со спецкомандой, чтобы п о т о м, в последнюю очередь, когда площадки освободятся, или же просто забыть?

— Ну вот, — поднял голову Кочергин, — в основном все. И вы просили карбид?

— Да, и еще сварщиков, два экскаватора и четыре бульдозера... — быстро выпалил Валентин Семенович.

Виктор поднял руку с загнутым пальцем и выразительно посмотрел на Лаптева.

— Нет, но действительно нужны газосварщики, экскаватор, бульдозер... О машинах я уже не говорю... — просительно сказал Валентин Семенович.

— Завтра с обеда могу выделить бульдозеры. И сварщиков с карбидом. Экскаватор — только с понедельника, и то... Ясно?

— Хорошо. Я постараюсь...

— И учтите, — предупредил Кочергин, — у меня сдельщики, чтобы они без зарплаты не оставались.

Лаптев прижал руку к сердцу и покивал — не подведу, мол; а потом спросил:

— Пьют — сильно?

— Не очень, — в первый раз улыбнулся Виктор, — а ваши?

Имелись в виду кладбищенские рабочие. Лаптев так и понял:

— Слов человеческих нет! Их же разбаловали — ну знаете, родственники покойных; так теперь вообще не работники, а вымогатели какие-то стали, только тем и спасаюсь, что за место свое они держатся...

— Сварщики — это понятно, — сказал Виктор, уже окончательно поднимаясь и выбирая способ вежливо прервать беседу, — а бульдозеры вам зачем понадобились?

— Как зачем? — искренне удивился Лаптев. — Не вручную же грунт п л а н и р о в а т ь! И, кстати, хорошо, что вспомнил: не подскажите, где взять эту штуку, ну такая болванка, чтобы старые стены рушить?

— Обратитесь в наш трест, — бросил Виктор, направляясь к дверям.

Но вдруг замедлил шаг и, чтобы как-то оправдать внезапную остановку, спросил:

— А это-то вам зачем?

Лаптев, недоуменно глядя Виктору в спину, принялся объяснять, что на территории кладбища есть еще старая часовня и ее тоже почему-то поручили сносить коммуналозу...

Кочергин его не слышал.

Загораживая проход, у самой двери стояли и угрюмо смотрели на него три прозрачных, подобных какому-то завихрению воздуха, человека.

Один был в буденовке и неловко пригнанной длинной шинели, второй, тощий, с непокрытой головой — в темном костюме с манишкой и длинным кашне вокруг тонкой шеи, а третий — в расстегнутой кожанке, сапогах и галифе; за широкий ремень, стягивающий гимнастерку, засунута кожаная фуражка с порванным козырьком.

Сердце екнуло.

Спустя мгновение Кочергин опустил глаза, сцепил зубы и медленно, как сквозь глубокую стылую воду, прошел к выходу.

И на самом пороге обернулся.

Лаптев, не поднимая глаз, быстро черкал что-то в еженедельнике. Прозрачные фигуры стояли неподвижно, и только старший, в кожанке, молча погрозил Кочергину кулаком.

Это продолжалось какое-то мгновение, а затем синяя накладка на кулаке — перекрещенные якоря — растворилась в пространстве.

Фигуры исчезли.

Прикрыв дверь, Кочергин пошел, все убыстряя шаг, по коммунальским коридорам и лестницам вниз, на стоянку...

ГЛАВА 5

“Однако редет моя команда,— подумал Белов, оглядывая выборных,— хорошо вояки работают. Опять же техника...”

В ровном лунном свете жирно блестели зубья ковшей экскаваторов. За ними, приткнувшись друг к другу, стояли все шесть самосвалов, целый день курсировавших на Солонцы и обратно.

Выборный комитет редел, почти каждый день кто-то отправлялся на новое место. Оставалось совсем немного тех, кому Василий полностью доверял. Вот и сегодня как раз пришла очередь добросовестного старичка-юрисконсульта...

И сегодня же Василий окончательно понял, что в течении дела, процесс переселения — процесса, на принятии которого настояло в свое время большинство кладбищенского общества и Василий взялся исполнять решение, — назрело нечто.

Впрочем, заметил это не только он.

Еще не понимая ни размера, ни источника, ни самой сущности новой опасности, особым своим чутьем души ощутили, что произошло нечто, затрагивающее их последние интересы.

Не все удалось уловить из исполкомовского разговора самому Василию и его спутникам: не оформилась еще лаптевская мысль в слова, в решимость к действию, в готовность к поступку, которая и есть — с некоторой точки зрения — сам поступок. Не все удалось, но предчувствие породило тревогу и вызвало небывалую настойчивость:

— Я уверен, я требую даже, Василий Андреевич, — говорил Приват, хватая его за пуговицы кожанки, — чтобы немедленно посоветоваться с графом Владиславом Феликсовичем.

Василий пожал плечами и насупился.

В тридцать втором, когда граф-епископ прибыл в их город и принял епархию, у Белова, тогда предисполкома, с ним произошла острая стычка.

В тот год Василий еще был на слово и на действие скор, старался сомневаться пореже, “думал горлом” и в выражениях, при случае, не стеснялся. Но граф ни спора, ни конфликта со светской властью в самом начале своего поприща не побоялся. По молодости, по искренней вере в дело, которому служат, и по личному бесстрашию сцепились они тогда отчаянно.

Странно, сейчас Василий не мог вспомнить ни аргументов, ни самой первопричины конфликта: скорее всего повод они могли дать друг другу уже самими приветствиями и обращениями. Действительно же причиной было то, что оба они, служа разным идеям, но работая с одними и теми же людьми, просто не могли хоть однажды не столкнуться...

Десятилетия пребывания на одном кладбище, в полусотне шагов друг от друга, кое-что в них самих и в их отношении друг к другу изменили. Не встречались, не разговаривали, однако... Во всяком случае, Василий многое понял, со многим примирился, но вот сделать первый шаг все не собрался. А впрочем...

— Внимание! — поднял руку Белов. — Я с Приватом и Седым сейчас пойду совещаться с графом Осинецким. Остальные на сегодня свободны.

Он повернулся и, не вынимая рук из карманов кожанки, пошел к церквушке.

На самом верху кладбища, в нескольких метрах от мощенного рыжим местным гранитом полукруга — площадки перед папертью — во втором ряду сектора горела бронзовая лампа.

Выборные подошли поближе.

Граф читал, присев на узкую каменную скамейку так, чтобы свет лампы, навечно вмурованной в диоритовое надгробие, падал слева. Читал, близко поднося тяжелую книгу к подслеповатым глазам. Василий машинально заглянул на обложку: это было

Коптское Евангелие, римское издание с факсимильными репродукциями и комментариями.

Шагнув вперед, Приват хотел поздороваться, но раскашлялся так, что Седому пришлось его поддержать.

Граф, медленно закрыв книгу, повернулся к ним. Несколько секунд смотрел молча, шуря серые глаза; стекла очков не скрывали настороженность взгляда, которым граф окинул разношерстную группу.

Затем Владислав Феликсович поздоровался и спросил Привата:

— Простите, голубчик, вы в каком секторе лежите?

— В пятнадцатом.

— Да, там сыро. Но скоро, видимо, на Солонцы — там посуше.

— Всех радостей, — буркнул Седой, усаживая товарища.

— Здравствуйте, Владислав Феликсович, — поздоровался Василий и подошел поближе.

— Мир вам, товарищ Белов, — ответил Граф. Руки он не подал, но сделал приглашающий жест — садитесь, мол.

— Благодарю, — сказал Василий, оставаясь неподвижным.

— Чему обязан? — спросил Осинецкий и отложил книгу.

— Это касается всех. Вы, конечно, можете отказаться... — но, едва начав говорить, Василий понял, что никакого отказа не будет. Тем более, если это сопряжено с собственными Осинецкого усилиями. Не позой, не расчетом, не разовым порывом было продиктовано то, что граф Владислав Феликсович, врач по мирской специальности, не оставил хирургию, приняв сан; а в сорок первом добровольно пошел на фронт военврачом и за годы п о д в и ж н ы е с т в а — так характеризовали его работу — лично спас не одну сотню солдатских жизней. Нет, не стоило произносить “отказаться”; и Василий, перестроив фразу на ходу, выдал нечто такое, в чем для архиепископа, генерала медицинской службы, профессора и лауреата, не содержалось ничего обидного:

— ...Поскольку дело, видимо, не столь значительно, чтобы вы тратили свои силы, но в то же время достаточно серьезное, чтобы побудить нас обратиться к вам за советом.

Владислав Феликсович молчал некоторое время, а затем сказал мягче:

— А вы действительно изменились, Василий Андреевич. У вас, как, впрочем, у многих старых большевиков, были... большие неприятности в последние годы т а м?

— Э-э... — махнул рукой Белов, — у меня еще...

— Рад за вас, — негромко обронил Граф.

— Еще бы не рад, — нутром чуя классового врага, заворчал Седой, — попу всегда так: чем хуже, тем лучше. Этот хоть честный, сам признается...

— Тихо, — попросил Василий, — а еще лучше: прогуляйтесь-ка вы, братцы, на колокольню, посмотрите, что вокруг делается. Седой обиженно засопел, но встал и, кивком позвав Привата, отправился к церквушке.

— Что с вами произошло? — спросил Граф.

Василию Андреевичу вдруг захотелось выложить, выкричать все, что наболело тогда — и не перегорело за десятилетия на кладбище, рассказать о том, как раскалывалось сердце, как нарастала боль — и никакие лекарства не могли помочь. Рассказать о последних годах, когда знакомое, уже привычное, им самим и соратниками вызванное к жизни, вдруг стало оборачиваться совершенно противоположным, и вдруг исчезло ощущение, что делаешь нечто и сам причастен к большому и понятному, а стало казаться, что совершенно независимо стронулась некая большая машина, и обязательно и ты, и твое дело окажутся под колесами. Неожиданно и необъяснимо стали меняться люди, изменился, кажется, сам воздух вокруг, и добросовестное выполнение своего долга начало ощущаться недостаточным, а каждая попытка о с т а н о в и т ь с я и о с о з н а т ь оборачивалась ужасом нежелания понимать...

Но только сказал:

— Всех нас изменило время. Вы тоже изменились.

— Ошибаетесь, — быстро бросил Граф и зашагал по узкой, в ладонь, дорожке между могилами, — я переменялся внешне, у меня, как у всех стариков, испортился характер; но своим убеждениям я ни в чем не изменил.

— Я тоже, — отрезал Василий.

— Ну что же, — Осинецкий остановился и взглянул в глаза, — я рад за вас. И я не сомневался... Не собирался ставить под сомнение ни вашу убежденность, ни вашу порядочность.

Неожиданно даже для самого себя Василий Андреевич спросил:

— Наверное, вам трудно было на войне?

Осинецкий прикоснулся к наперсному кресту и ответил:

— Война есть самое страшное извращение христианства или, если хотите, сущности человека. Легко там быть не может.

— Я о другом, не о принципе, — досадуя на нечеткость фраз, поправился Белов. — Я знаю по Первой: война — это кровь, грязь, ожесточение душ, грубость. А вы — человек деликатной организации...

— На войне я был хирургом, а не пастырем. Главным образом. И не знакома ли вам притча о заблудшей овце?

— Знакома, — кивнул Василий.

Он читал Евангелие и не раз — в некоторых царских тюрьмах ничего больше не давали. Да и прежде, в реальном училище, довелось вытерпеть не один урок закона Божьего.

— А что касается ожесточения душ,— продолжил Граф,— полагаю, бывали худшие времена, чем эта война.

Оба замолчали, думая каждый о своем.

Василий Андреевич вспоминал гражданскую, безумных от ненависти офицеров, вспоминал синезупанников, плясавших на растерзанных трупах, вспоминал банды, свирепствовавшие по селам и хуторам — и как они отстреливались до последнего, а отряд чоновцев под его, беловской, командой гонял и давил их по лесам...

Владислав Феликсович тоже вспоминал — толпы изможденных, высосанных голодом людей, людоедство от голодного безумия, волны казней, прокатывающихся после каждой очередной смены власти, пока всякая власть не начинала казаться ненадежной и страшной; вспоминал крики заложников, обреченных на смерть, арестантские баржи и эшелоны...

— Вам, конечно, известно, Владислав Феликсович, что в скором времени предстоит переселение.

— Ничто не вечно под луной,— с легкой усмешкой сказал Граф.

— И на этом месте разворачивают строительство зоны отдыха.

— Ну и что?— уже с отчетливой насмешкой спросил Осинецкий.— Вы призываете разделить вашу позицию *н е п р и н я т и я* такого деяния? Меня еще при обсуждении, признаюсь, заинтересовало, как совмещаются ваша категоричность с позицией предгорисполкома, по долгу службы заинтересованного в том, чтобы юношество отдыхало и укрепляло свои тела? Неужели интересы слетели вместе с должностью?

Василий Андреевич и при жизни, и сейчас не любил насмешек. Несмотря на свои несомненные заслуги, отмеченные правительственными, в основном военными, наградами, несмотря на невольное уважение, которое внушал каждому жизненный путь Осинецкого, Граф оставался для него если не классовым — с этим сейчас очень сложно, — то во всяком случае идеологическим противником... И все же Белов сдержался. Сообразил, что Граф намеренно вызывает его на резкость — а значит, помня прошлое, на откровенность. Сдержался комиссар и только заявил:

— Разговор не о спортивной закалке детей. Да, я против переезда. Уж если так неумоготу с магистралью, то ладно, в виде исключения протянули бы ее, а остальное — отгородить забором, да и в порядок привести никак бы не помешало. Для спорткомплекса и пустырь найти можно было бы, есть еще в городе пустыри. Нельзя так ставить: или мы, или спорткомплекс. Надо не “вместо”, надо “вместе”. И если что непонятно, так ваша позиция.

Василий, недовольный собою, недовольный тем, как склады-

вается разговор, присел на расколотую плиту какой-то дворянской могилы и охлопал карманы в поисках трубки. Но трубку не положили в гроб в суматохе официальных похорон, и много раз с тех пор Василий Андреевич нервничал, искал и, увы, не находил...

Граф тоже присел на свою скамеечку, подержал, как бы взвешивая на ладони, Коптское Евангелие и, не раскрыв книги, заговорил:

— Живым нужно место. Спорткомплекс — живое. И хватать нам живых — не по-христиански.

— Да все тут не по-христиански! — бросил Белов.

— Неортодоксально, — чуть наклонил голову Граф, — но, согласитесь, наша страна так далека от Царства Божия, что стоит ли удивляться делам сим скорбным?

На колокольне завывало и заохало, а потом раздались смех и кашель. Сова, перепуганная Седым, ловким имитатором, очертила два бесшумных круга в ночном небе и скрылась.

Осинецкий, чуть помолчав, продолжил:

— Но мне кажется, Василий Андреевич, что сейчас вас беспокоит не факт переселения, а нечто, быть может, связанное с п р о ц е д у р о й? Я не ошибся?

— Нет, не ошиблись. Решение большинства мне не нравится, слишком уж... не знаю, как сказать — отстраненное, а может, рабское решение...

— Их всю жизнь п р и у ч а л и, — коротко сказал Граф.

— Но тем не менее решение большинства надо исполнять.

— Даже если большинство не право? — вежливо поинтересовался Осинецкий.

“Большинство всегда право!” — хотел привычно отрезать Белов, но чуть-чуть помедлил и сказал:

— Не будем сейчас об этом. Назревает н а р у ш е н и е п р о ц е д у р ы. Я еще не все знаю четко, но полагаю, в ближайшие часы прояснится... И как по-вашему: надо ли вмешаться? Или опять отойти в сторонку?

— Вы ставите меня в трудное положение. Не все должно решаться в принципе — иногда намерение важнее, чем поступок...

— Я так не считаю... Но сейчас это не важно.

— Нет, я не могу ничего сказать заранее. Введите меня в курс дела.

— Хорошо, — сказал Белов и вдруг лихо, по-разбойничьи, свистнул: — Эй, братва, хватит там, слезайте!

Постоял, сжимая увесистый кулак с татуировкой в виде перекрещенных якорей, и начал:

— Сегодня в исполкоме был разговор...

Иван Карпович Воднюк, заместитель начальника СУ-5 треста “Перевальскпромстрой”, совершал третий круг по отмотке вокруг здания конторы. Незажженная папироса, обсосанная и обгрызенная до самого табачного цилиндрика, мерно покачивалась в такт каждому шагу.

Виктор знал, что когда Воднюк вот так ходит кругами, то обдумывает самые гнусные свои затеи. Но знать-то знал, а подедать ничего не мог. Только и оставалось пока, что отбиваться от очередной “телеги”, да работать, да ждать, пока Хорьков уйдет на пенсию и как-то решится вопрос о новом назначении.

Отношения с Воднюком определились не сразу и не вдруг. Три года назад, когда молодого исполняющего обязанности начальника участка Кочергина Хорьков, вот так просто, безо всякого, назначил главным инженером, а трест, выждав два месяца, со скрипом и нытьем, но все же утвердил в этой должности, Воднюк был душа-человек.

Особенно поразило Виктора тогда (поражало и сейчас, но уже по другому поводу) отношение к Воднюку немалой части рабочих стройуправления. Все они, при случае заслуженно посмеиваясь над вздорным и нетерпеливым Хорьковым — посмеиваясь, впрочем, беззлобно, поскольку старик справедливый, — называли “Карпыча” деловым мужиком и хозяином, что в их устах означало наивысшую похвалу.

Поскольку все дела управления оказались чрезвычайно запущенными, а к Хорькову лишний раз обращаться не стоило, — у того, надо понимать, и своей работы хватало, — Виктор поначалу чуть ли не ежедневно советовался с Воднюком.

Но вскоре такая потребность отпала: Виктор потянул сам. Потянул и то, что полагалось как главному инженеру, и то, что в основном полагалось начальнику, а со временем и то, что полагалось заместителю.

Воднюк же, хотя старался всегда быть в курсе всех дел стройуправления, работой себя отнюдь не загружал. Даже наоборот. И через год Виктор, номинально оставаясь главным инженером, занимался едва ли не всеми проблемами СУ и руководил основными работами. Валентина ехидничала: “Есть ли у вас что-то, за что бы ты не отвечал?”

Охотно соглашаясь, что платят не по труду, а на ослах всегда воду возят, Виктор же не стремился что бы то ни было менять. Нравилось ему. И начало постепенно нравиться трестовскому начальству, так что вроде бы “появилось мнение”...

И вот чуть больше года тому назад Воднюка словно подменили. Точнее, не самого Воднюка, а его отношение к Виктору.

Сначала Кочергин обратил внимание, что свои, трестовские, ревизоры вдруг стали невероятно осведомленными и как-то по-особенному предубежденными.

Виктору даже пришлось просидеть с Маркиным, замуправляющего, пару нелегких часов, подробно объясняя, что во всех выявленных излишних операциях по обмену материалов для Виктора никакой личной выгоды не было, а вот для управления — была, и немалая.

Потом вдруг в райкоме оказалась воднюковская жалоба, в которой утверждалось, что политучеба (за нее отвечал Кочергин) проводилась формально, а на жалобы по поводу инструментов и инвентаря маляра такого-то и кладовщицы такой-то администрация — снова Кочергин — не отреагировала.

Жалобу разобрали. Факты не подтвердились, да и фактов как таковых не было: политучеба проводилась не формальнее, чем где-либо еще, а мелкие конфликты с рабочими возникали и забывались в первые же дни.

Вот здесь бы Виктору настоять на одной простой вещи — чтобы Воднюку было вынесено хоть самое маленькое взыскание за склоки и дезорганизацию коллектива. Но Кочергин этого не сделал, посчитал достаточным просто джентльменский разговор и через пару недель собственными ушами услышал, как судачат работяги, что Воднюк бзрется за справедливость и райком его поддерживает, но пока не могут прошибить: у Кочергина с Хорьковым круговая порука.

Однако самое худшее ожидало впереди.

То, что Воднюк теперь самовольно присвоил себе право “подавать сигналы” обо всех, включая самые мелкие, отступлениях от правил, — естественно, тесноватых всякому реальному предприятю, — это еще цветочки.

Воднюк взял за правило всегда и во всем торпедировать действия Кочергина, пользуясь безразличием, а то и просто слабостью сильно сдавшего за последний год Хорькова.

Карпович вовсе не хотел вернуть себе упущенное руководство работами. Нет, боже упаси, — он прекрасно понимал, что чем меньше делает сам, тем меньше у него “упущений”. Он подрывал позицию Кочергина, — стараясь как можно меньше работать самому.

А делалось это так: немедленно приказывал приостановить работы, едва только допускались малейшие нарушения инструкций.

Достаточно долго Виктор тешил себя иллюзией, что с Воднюком все-таки можно найти общий язык: все же в интересах дела! А тем временем — план-то выполнять надо — приказывал прорабам, бригадирам, рабочим не валять дурака и заниматься делом, вкалывать, нагонять упущенное.

Со сделщиками ладно, им воднюковские простои ни к чему, а вот с поврежденщиками дела обстояли хуже.

Воднюк, добрый дядя, мужик что надо, быстро приучил их не слушаться, отлынивать от дела, ссылаясь на действительные или выдуманные запреты, на какие-нибудь уважительные причины. И Кочергин, который все-таки заставлял их работать, отрывая от домино, конечно же, оказывался плохим.

Об этом говорилось на производственных совещаниях; Виктор кричал и горячился, но у Воднюка почти всегда оказывались “фактики”, и почти всегда Воднюк поворачивал дела так, что он всего лишь пекся о порядке на стройке, здоровье и благополучии рабочих.

О том, что ему самому придется жестоко воевать с этими ежедневной практикой разлагаемыми рабочими, если он сядет на место Хорькова, Воднюк не думал. У него была иная забота, покороче, попроще: замарать Виктора так, чтоб никому и в голову не пришло через полтора года утвердить Кочергина в должности начальника управления.

А Виктор хотел этого.

Не места и не оклада, а возможности работать и практически ни на кого не оглядываться. Возможностей, которые давала эта должность честному человеку.

Понимал, конечно, Виктор, — все было перед глазами, — что Хорькову приходится вести дипломатию с трестом, но есть разница между руководством “в главном” и мелочной опекой, почти неизбежной в нынешней его позиции.

И теперь понимал, как важно переступить через Воднюка. Не раз и не два приходило в голову Кочергину, что на укусы Воднюка надо отвечать так же: писать жалобы, гнать демагогию на собраниях, бомбардировать докладными трест, благо там отношения складываются совсем неплохо. Но — не мог Виктор заставить себя пользоваться такими методами.

Сейчас, глядя, как Иван Карпович задымил папиросой, — верный знак того, что вынашивание очередной пакости завершилось, — Виктор в который раз подумал, сколь же важна эта сверхсрочная работа. Всем техническим нуждам и требованиям стройуправления пойдут навстречу, это само собой; а главное, что на Воднюка теперь нет нужды жаловаться: просто раз-другой оперативно проинформировать Маркина или управляющего об очередных остановках работы. Без комментариев. И долго Воднюк не продержится: что-что, а разницу между пользой и демагогией, необходимостью и выбрыками в тресте знают. Самое большее через месяц Карпыча вытащат на ковер и предложат: либо немедленно уйти самому, либо получить “статью” при первой же попытке вернуться. А Воднюк, изрядный трус — как все подлые натуры, — не станет нарываться на конфликт с трестом.

Конфликтеров “наверх” не двигают. Тем более, что понимает: и эта должность ему, человеку без образования и заслуг, досталась так, в общем-то случайно, в момент очередной острой нехватки кадров. Захочет управляющий — на первой же аттестации от Воднюка только мокрое место останется.

“А может быть, Карпыч сообразил, что дело его проиграно, и теперь решил просто не вмешиваться?” — промелькнуло у Виктора...

Кочергин встряхнулся. Опять встречать в эти счета-расчеты, в эту липкую паутину сейчас просто недопустимо.

Стараясь не думать о Воднюке, он созвал маленькую планерку и совместно с начальниками участков выкроил все, что было нужно на завтра: и карбид, и бульдозер, и газосварщиков, и электриков.

Засиделись до шести, прикидывая, как работать дальше, кого можно перебросить на новый объект, не останавливая работы на почти завершенной уже насосной.

Потом Виктор спохватился и, чуть ли не бегом выскочив из конторы, завел свой “Москвич”.

...Наташа, прохаживаясь по бордюру, уже нетерпеливо поглядывала по сторонам. Увесистый школьный ранец лежал на скамейке. Сбавляя скорость, Виктор в который раз любовался дочерью.

Наташе было девять лет. В своей безликой темно-коричневой форме она, как уговаривал себя Виктор, ничем особенным не выделялась среди подруг. Белокожая и тонкая, как стебелек, Наташа тем не менее не производила впечатления особенно хрупкой и ранимой девочки. Только Виктор подмечал, как болезненно загорались ее глаза, непривычно темные на белом лице, при малейшем намеке на несправедливость, даже от резкого слова.

Наташа, с удовольствием швырнув портфель под ноги, забралась на заднее сиденье. Наклонясь над спинкой, она обвила отцовскую шею руками, ткнулась лицом в его затылок и тут же со смехом отстранилась:

— А у тебя новости.

— Новости, — согласился Виктор, притормаживая перед светофором. — А что, видно?

— Еще как. А у нас окно разбили.

— Камнем?

— Нет, книжкой. Представляешь, какие стекла делают?

Виктор поморщился. Что-то в этом обороте было от Валентины. Помедлив, Кочергин сказал:

— Представляю, как эту бедную книжку надо было швырнуть.

— Швырнуть — это идея... — заявила Наташа и мечтательно сощурилась. — А куда мы едем?

— К дяде Толе.

Бездетный Анатолий (у его Тамары хватило ума не заводить ребенка от мужа-алкоголика) души не чаял в Наташке и ради вечера с Кочергиными даже, бывало, отказывался от “заманчивых” приглашений — благо обязательность в компании выпивох не котируется.

Наташа, тонко улавливая, кто и как относится к ней самой и к отцу, снисходительно позволяла “дяде Толе” носить себя на руках, смешить и задаривать рисунками.

— Мама знает, где мы будем?

— Знает, — ответил Виктор, старательно лишив свой голос каких-либо интонаций.

Он и вправду позвонил Валентине и предупредил, что они с Наташей задержатся на час-полтора. Как обычно, Валентина не спросила, ни где это они будут, ни вообще как обстоят дела и какие новости, и не потрудились ничего сказать о Татке. Только процедила:

— Хорошо, я все поняла, — и так, будто Кочергин сй признался в подготовке тягчайшего преступления против человечества...

Василенко, зажав под мышкой рулон “синек”, подпирал стенку пивного ларька. В кружке оставалось на треть, но, судя по глазам и жестикуляции, это либо была далеко не первая кружка, либо пил он не только пиво.

Виктор посигналил и распахнул дверцу. Василенко разглядел Наташу, разулыбался и, не допив, заторопился к машине.

— Посмотри, что он там принес. — Виктор выудил рулончик из-под мышки Анатолия и передал на заднее сиденье дочери.

— С тебя, мягко говоря, ведро коньяка, — заявил Василенко, опуская стекло и закуривая. — Здесь не все, но земляные работы, нулевку можешь начинать хоть завтра.

— А что, красиво, — решила Наташа, разглядывая чертеж. Это относилось, как определил, на мгновение обернувшись Кочергин, к открытому плавательному бассейну с вышкой и трамплином.

— Правда нравится? — обрадовался Василенко и, переваливаясь через спинку, принялся объяснять, что там и как. Наташа, морщась от пивного духа и табачного дыма, перебирала листы.

— Приехали, — Виктор остановил машину.

Это были старые, или, как обычно говорили, нижние ворота кладбища, покрытые пегой старой эмалью. Они запирались здоровенным “амбарным” замком, но по обе стороны грозных ворот зияли проломы, такие широкие, что легко проехал бы и грузовик.

Взяв чертежи, все трое пошли по главной аллее вверх, к кладбищенской церкви.

Седой стащил буденовку, сунул ее в рукав шинели и запрокинул голову. Если сейчас подняться повыше, к закомаре, то как раз можно увидеть гнездо ласточки. А Седому за полвека впервые выпало не спать днем, и не мог он не взглянуть, какие и сколько яичек положила в гнездо эта верткая и звонкоголосая пичуга. Но едва Седой положил бестелесную руку на теплую оцинкованную жесь, как внизу раздались голоса.

Седой тут же слетел с колокольни вниз — послушать, о чем говорят двое мужиков и тоненькая белобрысая девочка.

Одного Седой узнал сразу: видел в кабинете Лаптева. А второй вызывал одновременно интерес и антипатию — и все же глубоким, особенным чувством Седой понял: это е г о человек. С ним будут связаны некие важные события...

Крепкий, рослый, загорелый, с простецким лицом, зачесанными назад соломенными волосами, небрежно одетый, человек этот представлял тип, который был внутренне и внешне п р и в ы ч е н Седому. Но этот “Толя” — так к нему обращались — пребывал в подпитии, а его лицо, глаза, жестикуляция и походка подсказывали, что парень уже из горьких.

По давней крестьянской привычке Седой пожалел Толю, но жалость была с немалой долей презрения.

Послушав немного чужой разговор и посмотрев через плечо на непонятные до тошноты, да еще и воняющие конюшной бумаги, Седой собрался было уже вернуться на колокольню, к ласточкину гнезду, но задержался.

Для себя, для самоуспокоения, Седой решил, что все дело в Толиных наклонностях. Не хотел еще допускать о с о з н а н и е связанности с этим человеком — не потому ли, что не все п р е д с т о я щ е е и м д в о и м не так было гладко?

“Все дело в пьянке”, — сказал себе Седой.

На кладбище пьяниц хватало, не один и не два десятка либо допились до смерти, либо нарвались на скоропостижную смерть под пьяную лавочку. Но народ этот был чрезвычайно неинтересный, как правило, затопленный водкою еще при жизни, и на кладбище с ними, как с местом пустым. А вот с Приват-доцентом Седой как-то раз отчаянно схлестнулся насчет того, кто, как и особенно почему пьет. Спорить на равных не получалось, а согласиться было никак невозможно: очень уж они с Приватом разные. И вот стал Седой задумываться и присматриваться; несколько раз он пробовал поговорить после полуночи с живыми, проходившими возле кладбища, с теми, кто случайно припозднился, но разговор не получался. Одни сильно, до бессловесности, пугались, а другие несли бог весть что, не реагируя на вопросы. Такой же благоприятный случай, — чтобы поговорить

со взрослым мужиком, — упускать не стоило. И то, что мужик этот подвыпивший, в сущности могло обернуться неплохо: не станет дергаться, не примет всерьез этот разговор, а значит, по-настоящему не будет нарушено Правило, ограничивающее общение с живыми.

Так уговаривал себя Седой, так решал, что “с этим Толей” надо побеседовать, и так заставил себя ожидать, пока представится возможность.

Возможность представилась достаточно скоро: девочка захотела побродить по аллейке, не тронутой пока спецкомандой, а Толя, вытащив очередную “беломорину”, остался на скамейке.

— Ты кто будешь? — спросил негромко Седой, пристраиваясь рядом.

— Василенко, — машинально ответил Анатолий Петрович и в следующий момент побледнел и вскочил.

— Ну, че, укушу я тебя, что ли? — обиженно спросил Седой и даже рукой махнул.

— Н-нет, — решил Василенко, — но все-таки...

Тут Василенко совсем побледнел, даже за сердце схватился и стал беспомощно оглядываться по сторонам. Кочергины отошли далеко, а Седой не исчезал, даже подмигивал:

— Че там, ладно, свои ребята.

То ли это подмигивание помогло, то ли просто сообразил Анатолий Петрович, что ежели с ним уже произошло т а к о е, то здесь за сердце не хватайся, “караул” не кричи, все равно не отвертись, пока не пройдет само. И Анатолий вдруг успокоился и даже повеселел.

В институте, щедро отдавая время и силы архитектуре, волейболу и девушкам, Толя Василенко как только мог игнорировал “общественные дисциплины”, не интересовался ни гносеологией, ни тем паче психологией; и теперь в полупьяной логике своей допустил, что где-то в непрочитанных страницах и пропущенных лекциях содержалось объяснение этого прозрачного феномена в шинели с красными петлицами.

— Успокоился? — участливо спросил Седой, когда Василенко уселся на скамейку и задымил. — А то пока дергаться и разбираться что да как, то всякая охота разговаривать пропадет. Годится?

Василенко утвердительно кивнул, все больше склоняясь к мысли, что весь этот необычный разговор — просто сон. Такой сон от переутомления, литра пива и еще ста пятидесяти граммов до того.

— Так кто ты по службе будешь, Василенко? — спросил Седой.

— Архитектор.

— Это что еще такое? — не понял Седой.

— Ну, это вместо художника, — терпеливо пояснил Василенко, п р и в ы к а я к условиям такого сна. — Я рисую, что надо построить, а рабочие потом все это в натуре делают.

— А сам ты, значит, с камнями, с известкой не возишься?

— Я же сказал, рисую проект. Такой исходный рисунок для строителей. Без него никто работать не может.

— Панская работенка, — повертел головой Седой, не то одобряя, не то осуждая.

— Свинская, а не панская, — решил обидеться Василенко.

— Давай-давай. Не нюхал ты, видно, свинской работы, — беззлочно бросил Седой.

— А ты мою видел? Что мне делать приходится? Типовые проекты привязывать! Да автобусные остановки малевать — ах, творчество, мать его... На первом курсе такое делают!

— А как же дома, вон их сколько? — спросил Седой, указывая на блочники ближайшего микрорайона.

— А никак. Есть типовые проекты, есть альбомы стандартных деталей, так что никакого творчества. Только и смотри, чтобы коммуникации были покороче, чтобы на чужие трассы не налезать.

— За что же тебе деньги платят? — искренне изумился Седой.

— А хрен его знает. Целый день, правда, как собака гавкаю и отгавкиваюсь, а если по сути — так от меня ничего и нет.

Седой сощурился:

— А чего же тебе не хватает? Работа у тебя чистая, деньги исправно идут, жена небось есть, дом, так?

— Ну...

— Я ж по морде вижу: крестьянских ты кровей. А в навозе не ковыряешься, не пашешь сам на себе вскачь. Что же тебя печет? Что водкой заливаешь?

Василенко досадливо поморщился, подергал плечом и достал новую папиросу:

— Да, пью, бывает. А оттого, что работа моя, “чистая”, на дурака рассчитана. А я не дурак. И не могу им быть. Мельников — тот как раз может, он дерьмо — не архитектор, самое большее способен коровники в стиле “баракко” лепить. А мне все не дает голову поднять...

— Командир твой?

— Ага. Командир.

— А что, повыше его нету никого?

— А толку-то, что есть? Что я, жаловаться побегу? И на что? Мельников же, выходит, кругом прав...

— А если прав, то чего ты пыркаешься?

— Как бы тебе объяснить... — Василенко разволновался, присел на корточки и принялся, как всегда в минуты волнения, чертить какие-то знаки, в данном случае — на песке. — Мельни-

ков прав по-своему, если исходить только из минимума затрат... минимума риска, минимума новизны. А я в таких рамках плясать не могу. И никто не может, прошло то время. Так что я, выходит, тоже прав. А он... Вот по этому вашему спорткомплексу: на пятьдесят тысяч больше получилось, вышку я по-своему вывернул. Так мой фельдфебель: чуть с... этим самым не слопал. А сильное дело — пятьдесят тысяч!

Для Седого эти тысячи, не соизмеримые с крестьянским бюджетом, и в самом деле означали немного; а вот другое... Да, это был е г о человек, и не просто любопытство тянуло Седого... Выждав очень неприятную паузу, он тихо спросил:

— Так это ты спорткомплекс выдумал?

Но Василенко не сразу понял, что может означать интонация Седого, и начал весело:

— Я. Вышку-то классно решить удалось! Если еще строители не подгадят — будет на сто лет заметка!

И только тут понял, что слова повисают, что даже увеличивается п р о с т у п к а, и спросил:— Слышь, как тебя: я что, не то сморозил?

Несколько мгновений Седой смотрел на него молча, не двигаясь, смотрел, что называется, в самую душу. А потом так же молча исчез.

ГЛАВА 8

...И тут Наташа заплакала.

Только что Виктор с увлечением говорил, рассказывал, как он впервые в полном масштабе организует здесь непрерывный монтаж, и казалось, что дочь слушает и радуется, хотя, быть может, и не слишком понимает тонкости. И вдруг... Конечно, понял Виктор, что рассказывал больше для себя, а она не могла представить, как это здорово и что это значит, когда выстроена технологическая линия, и непрерывным потоком идут машины, и скользят по рельсам рукастые краны, и карабкаются все выше огни электросварки, и застывает тяжелый сизый бетон, превращаясь в ровные поверхности; но чтобы слезы...

Растерянно, едва ли не испуганно, как, наверное, большинство молодых отцов в подобных ситуациях, Виктор попытался заглянуть ей в глаза:

— Что случилось? Я тебя обидел?

Наташа покачала головой и отвернулась. Потом отошла в сторонку и села на скамью. Уже на самом краю р а с ч и щ е н н о й территории.

В десяти метрах от нее, как маленькое железное стадо, потерявшее своего железного пастыря, сгрудились машины спецко-

манды. Моторы выключили недавно, и над капотами еще струился нагретый воздух.

— Ну почему здесь? — спросила, подняв заплаканные глаза, Наташа. — Разве нельзя, чтобы не трогать?

— Ты посмотри, — обнял Виктор худенькие вздрагивающие плечи, — мы же почти что в самом центре города. А улицы вокруг узкие, тесные, кривые. Все тесно. Нужна скоростная магистраль, нужна зона отдыха, без этого уже никак не обойтись...

Виктор говорил традиционные, привычные фразы, которыми взрослые успокаивают и убеждают детей да и самих себя. Но слова, которые, быть может, еще могли успокоить Наташу, никак не могли успокоить самого Виктора. Более того... Лучше бы всего этого не говорить!

Наташа перестала всхлипывать. Кочергин взял дочку за руку, и почти бегом они вернулись к машине.

Василенко еще не подошел. Виктор нервно посигналил раз, другой, потом запустил мотор. Наверное, еще бы минута — и он так бы и уехал, но тут припелся Анатолий Петрович.

“Москвич” резко развернулся и помчался прочь. Все трое молчали. Несколько раз Василенко порывался что-то сказать, но только вздыхал и косился на девочку.

Так и доехали до его дома.

— Пока, — сказал, еще раз вздохнув, Анатолий Петрович и выбрался из машины.

Наташа сидела, словно оцепенев, и смотрела в одну точку. Наверное, Виктор мог бы ясно представить, что застыло перед ее мысленным взором. Но — не хотел. Очень не хотел посмотреть на происходящее хотя бы ее глазами. Цеплялся за это нехотение, за привычные слова и привычные оправдания, да попросту старался не думать.

Совсем ни к чему были ему сейчас мысли. Но совсем не думать не удавалось, и он опять сворачивал на то, чтобы думать о том, как, вместо того, чтобы думать о сути происходящего. Старался думать о грядущей стройке, о том, что приходит пора осваивать все новые и новые территории из числа тех, которые вроде бы не особо надо бы трогать. И сожалел, что городская застройка, приходящая на смену руинам, заповедным уголкам, сентиментально-памятным местечкам, полудиким скверикам, разномастным старым домишкам, оказывается слишком уж рациональной и стандартной. Вроде бы справедливой, но в то же время безликой и искусственной, как военный городок...

— Ты иди домой, — попросил Кочергин дочь, когда машина вкатила во двор, — я задержусь. Ужинайте без меня. Мне надо карбюратор раскрутить.

— Мама уже дома. Обидится, — впервые нарушила молчание Наташа.

Сначала Виктор хотел отшутиться и остаться. Карбюратор действительно барахлил, на малых оборотах двигатель глох... И не очень манил семейный ужин. Но решил все же пойти: не надо оставлять Наташу под окриками Валентины, вымотанной рабочим днем.

Как-то так получалось, что Виктор, а в последнее время и Наташа оказывались вроде бы в чем-то виноватыми перед Кочергиной. Иногда это были конкретные причины: скажем, Виктор забыл или не смог выполнить какое-либо поручение, или во время уборки задевал куда-нибудь нужную вещь, или убивали время на дурацких прогулках или аттракционах. Чаще был виноват Виктор, и чаще всего из-за нехватки денег.

Сам Кочергин считал, что здесь у Валентины есть определенный резон: едва сводились концы с концами и на что покрепче — например, “переобуть” “Москвич”, оставшийся Виктору от отца, — никогда не хватало. Зарплата Виктора, не такая уж и маленькая, уходила только на текущие расходы. Сколько получает жена, Кочергин не знал, так было заведено — все деньги находились в ее распоряжении.

С тех пор как Виктор стал главным инженером, Валентина взяла за правило ежедневно класть в его карман десятку — на бензин и обед. Но всегда в течение недели объявлялись просьбы, мелкие срочные покупки, дочиста съедающие десятку к четвергу — пятнице. К счастью для себя, Виктор не пил, не водил компаний и был неприхотлив в еде.

“Валентина права”, — говорил себе Кочергин, подыскивая сверхурочную работу.

Всего три года тому назад он хорошо подрабатывал, делая курсовые заочникам. Но сейчас основная работа отнимала все силы. И ладно бы сама работа, а то сопутствующие обстоятельства, бесконечная война с таким вот Воднюком! Виктор уставал, как самый добросовестный каменщик при потогонной системе; но Валентина не хотела понять, как много изменилось в его работе. Возможно, просто не могла, поскольку работать — а не служить — ей пока не доводилось...

— И что выехали? — спросила жена, когда Наташа ушла переодеваться.

Татка сидела перед телевизором — передавали кукольный спектакль. Виктор не удержался — забежал в комнату, потискал крепкую, тугую, как мячик, младшенькую.

— Я кино смотрю, — сообщила, пропуская “р”, Татка, — меня потом тюгать будешь.

— Ладно, — серьезно согласился Виктор, — сама скажешь, когда можно будет.

Татка кивнула и тут же залилась смехом, глядя, как потопали вразвалочку Емелины ведра.

Наташа все еще не выходила из спальни. Виктор негромко побарабанил пальцем по двери:

— Нат, пойдем ужинать.

За шумом телевизора Виктор не расслышал ни шороха. Только ровный бесцветный голос Наташи:

— Я не хочу.

Виктор потоптался перед дверью, но так и не вошел в комнату. С особой тщательностью вымыв руки, возвратился на кухню.

— Ездили смотреть площадку, — словно бы не прошло пяти минут между репликами.

— А что такая срочность? Отвез бы девочку домой.

— Действительно срочно, — пожал плечами Виктор, — завтра уже технику перебазировать.

Валентина придвинула тарелку с салатом и отозвалась спокойней, чем обычно:

— Вечно у тебя горит. И всегда ты самый крайний.

— Сейчас особый случай... — Виктор потер лоб, подбирая нужные слова. — Как бы тебе объяснить...

— Вот так и объясни. Тебе что-то с в е т и т?

— Хорьков уходит на пенсию.

— Не поняла.

— Скоро меня поставят на его место.

— Точно?

— Вытяну этот спорткомплекс — точно.

Несколько минут Валентина молчала. Казалось, она была начисто поглощена ужином. И вдруг спросила:

— А Воднюк?

— Не будет никакого Воднюка, — вздохнул Виктор, — сегодня в тресте определенно пообещали.

— Это они сейчас обещают.

— Нет. Уверен, — отреагировал Виктор поспешней, чем следовало.

— Мне твои “уверен” давно уже... — начала Валентина.

— Что — “давно уже”? — не выдержал Виктор. — Скоро сама увидишь...

— А что ты кричишь? Глухая, что ли? Молчал бы уже...

— Могу и помолчать.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно констатировала жена, — пока я не сосчитала, сколько раз ты был просто “уверен”, а сколько раз — “твердо”.

И снова Виктор готов был сорваться, наговорить кучу обидных слов, из которых следовало бы, что их жизнь складывается вовсе не плохо, не надо только ее самим портить непомерными претензиями... И получить в ответ дюжину обидных сравнений, показывающих, что и сам он, Виктор, не умеет жить, и семья жизнь поганыт, в то время как другие...

Но — не сорвался. Даже не грохнул тарелкой, спокойно поставил ее в раковину и вышел в прихожую: обуваться.

— Когда прикажешь ждать? — из кухни спросила Валентина.

— Как закончу... Если сам справлюсь.

Жена вроде бы никак не отреагировала на его слова. Но, когда Виктор уже взялся за дверную ручку, впервые заинтересованно спросила:

— А сколько у начальника оклад?

— Двести десять. Минимум.

— А прогрессивка?

— Трестовская.

— Ну хорошо. Иди. Вылизывай свое счастье.

Виктор пожал плечами и пошел во двор. Остановился на крыльце и подумал:

“Надо бы почитать что-то по истории города...”

ГЛАВА 9

День начинался суматошно.

После короткого совещания в тресте, на котором Виктор дал окончательное согласие на строительство в такие сроки, а управляющий наконец-то подписал приказ о переводе сквозных бригад СУ-5 на особый режим финансирования, Виктор поехал на объект.

Выколотенный у Егоровича (так называли про себя замуправляющего трестом Ивана Егоровича Маркина) особый режим существенно облегчал жизнь.

Теперь можно было начать одновременно два сооружения: собственно водный стадион и игротеку, обычное двухэтажное здание, чуть меньше, чем на сто тысяч рублей. Параллельная работа давала возможность маневра, давала возможность подстраховаться.

Еще до совещания Виктор позвонил Лаптеву в исполком, но того на месте не оказалось: уехал в промкомбинат, а оттуда обещал податься на кладбище.

После совещания Виктор перезвонил в промкомбинат горкоммунхоза, но Лаптев уже уехал. Секретарша сказала, что “Валентин Семенович поехал что-то решать с церковью”.

Нижние ворота оказались распахнутыми, и на площадке у главной аллеи уже стояла бытовка СУ-5. Сварщик и мастер, кепки на затылках, колдовали у аппарата.

Виктор, не останавливаясь, проехал выше — увидел Валентина Семеновича.

— Значит, так, — отдуваясь, сказал Лаптев, когда Виктор подошел поближе, — внизу все в порядке. Тут была проблема с трейлером, но уже все улажено. А вот здесь, — Лаптев, не оборо-

чиваясь, указал на церковь, — маленькая загвоздка. За руки хватают...

Виктор наконец-то разглядел, что шесть человек, стоящих рядом с Лаптевым, не похожи ни на строителей, ни на исполкомских работников.

Парень в джинсовой куртке, болезненно бледный, шагнул вперед:

— Мы — церковный совет. Он... — парень указал на Лаптева, — сказал, что наш храм собираются разрушить. Вы не имеете права!

— Права? — переспросил Виктор. — Но вы же знаете, что вся эта территория реконструируется. Этот снос идет по плану. Так что с правами у нас все в порядке.

— Я уже объяснял гражданам верующим, — вступил Валентин Семенович, — что им будет выделено другое церковное здание. Кстати, больше, чем это...

— Бог вас покарает, — сказал убежденно старик со вздернутым уголком рта, — на храм руку поднять!

“Кому храм, а кому ветхое строение”, — подумал Виктор, но вслух сказал только:

— То, что здесь намечено сделать, — не против вас и не против вашего храма. Никто не собирается лишать вас законного права собираться на молитву... Но почему именно здесь? Поймите, городу необходима вся эта территория. Здесь будет скоростная магистраль, парк и спорткомплекс для детей.

— Вы же не посягнете на здоровье детей? — вставил Лаптев.

— Я так думаю, что детям нужен не только спорткомплекс, — сказал парень, — а и о душе заботиться...

— А это уже демагогия, — подался к нему Лаптев, — и здесь, пожалуйста, не надо...

— Не будем, в самом деле, вдаваться в теории, — Виктору было жаль этих людей, искренне переживающих и наверняка беспомощных, — поймите: речь идет всего-навсего о замене одного здания другим. И кстати, с архитектурной точки зрения этот маленький крестово-купольный храм никакой ценности не представляет. Постройка поздняя, вторичная, фресок и мозаик здесь нет, а иконы вы можете забрать...

Верующие зашумели, наперебой пытаясь втолковать, что святые иконы — это совсем не мебель и не картины, а храм Божий — совсем не маленькое здание без архитектурных достоинств, что действительная ценность — в человеческих душах...

— Богу так угодно! — выкрикивали одни.

— Здесь наши отцы и деды молились! — не унимался старик со шрамом...

“Деды? — подумал Кочергин. — Да, наверное. Кто это говорил, что религиозность в основном опирается на семью? Фейер-

бах, кажется, доказывал, что святое семейство — производная от земной семьи... Все помнится кое-как... А эти — вот переживают... Почти, чем те старики, что не дают сносить свои старые хибары. Даже обидно: дело-то пустяковое...”

— Подождите! — поднял он руку. — Сейчас не время об этом говорить. И почему, собственно, вы занимаетесь этим делом? Какому ведомству... — начал он, но сообразил, что это по меньшей мере неправильный вопрос, перефразировал: — Кто руководит этой церковью?

— Епархия, — подсказал Валентин Семенович.

— Ну и что? — хмуро отозвался парень в куртке.

— Вопрос о переносе уже с ними решен, не так ли?

По глазам Лаптева Виктор вдруг понял, что нет, не решен, не согласован еще вопрос, во всяком случае, что-то важное в этом деле еще не сделано. Однако Виктору не хотелось ни отступать, ни показывать посторонним разобщенность позиций.

Щелкнув с досадой пальцами, он продолжал:

— Если вы с чем-то не согласны, обращайтесь в епархию. Полагаю, там лучше смогут объяснить, в чем правы мы, а в чем — вы.

Это прозвучало на удивление веско, и на несколько мгновений воцарилось молчание. Стало слышно, как перекликаются кладбищенские воробьи, как гудят дальние машины на объездной дороге; можно было расслышать и невнятную перебранку сварщиков у дощатого барака.

— Вы не люди, — вдруг произнес старик с перекошенным ртом, — у вас только слова и облик человеческий, а сами вы...

— Послушайте, гражданин, — резко перебил его Лаптев и даже шагнул к старику, — давайте не будем устраивать трагедию. Если мы не правы и какие-то неучтенные, какие-то неизвестные ранее причины препятствуют реконструкции этой территории, изложите все это в установленном порядке. А то мы до новгородского вече докатимся!

— Конечно, пока все это “в установленном порядке” толочь, уже не о сносе, не о строительстве, а о ремонте бывшего нового “комплекса” говорить будем...

Виктор вскинул голову, но так и не понял, кто это сказал.

“Впрочем, неважно, — решил он. — Лаптев блефует, но эта церквушка и впрямь не стоит страстей. Ни снаружи, ни внутри ничего особенного. Та церковь на Мамаевке, которую им дают, архитектурно куда выразительней. Отремонтировать ее — игрушка будет. Епархия наверняка согласится...”

И вдруг спросил:

— Как мне встретиться с вашим священником?

Лаптев удивленно поднял брови, но только и сказал:

— А в шестнадцать исполком — вы в курсе?

Виктор кивнул и, ожидая ответа, посмотрел на парня в джинсовой куртке.

— Мы должны спросить у батюшки, захочет ли он с вами говорить... Как ему сказать, кто вы?

— Кочергин Виктор Михайлович. Главный инженер стройуправления, главного подрядчика на строительстве. Объясните ему, что необходимо срочно поговорить.

— Ждите здесь, — распорядился парень и, пригласив одного еще из своих, пошел к дому священника, возле церкви.

Виктор с Лаптевым, перейдя на боковую аллею, заходили взад-вперед, аккуратно пропуская друг друга в узком месте у покосившейся ограды.

— Вот артисты, а? — усмехнулся Лаптев. — Ничего понимать не хотят. Сколько лет советская власть, а они все своей епархией живут...

Почему-то упоминание о советской власти в устах Лаптева показалось Виктору корящим. Но Кочергин только бросил:

— Вы мне не сказали, что и снос церкви не согласован.

— Это не совсем так. В принципе вопрос обсуждался пять лет назад, когда принимали генплан реконструкции и развития города. И тогда особых трений не возникало. Ну а сейчас, конечно, многое не успели: вы же в курсе, дополнительные решения только что приняты. Сами-то мы эту работу планировали начать года через три... Никто и не торопился. Это вот согласование еще на контроль не поставлено. Все же практически за три дня переигралось. И вы тоже...

— Что — я? — неожиданно окрысился Виктор. — Я — строитель, мое дело маленькое: строить быстро, качественно и с наименьшими затратами.

Подражание голосу и интонации известного в городе диктора радио оказалось столь удачным, что сгладило ощущение резкости реплики.

Лаптев даже улыбнулся:

— Да вы не волнуйтесь. Не такие согласования “пробивали”. Может, недельку и покрутимся, ну максимум две — и от этого добра... Поминай как звали.

— По мне так пусть и вовсе остается, — бросил Виктор, — мне она не мешает. На этом месте ни одного строительного объекта не будет.

— Не совсем так, — мягко поправил Лаптев, — я смотрел проект: здесь должна быть танцплощадка.

Они остановились у надгробия. Недавно подновленная бронзовой краской надпись гласила, что здесь покоится Василий Андреевич Белов, участник революции и гражданской войны, бывший председатель горисполкома.

— А епархия возражать не будет, — продолжал Валентин

Семенович, — я давно заметил, что они стараются отношений не обострять. И потом, мы даем выгодную замену. Кстати, вот что я думаю: можно сразу сказать, что за ремонт и отделку на новом месте берется ваше управление. Пока что у вас ведь будут маляры свободны — а платит церковь хорошо, кто у них работал, остался доволен.

— Я поговорю, — неопределенно пообещал Кочергин, заметив выходящего из дома священника джинсового парня, — а сейчас, извините, я должен вас оставить. Если что понадобится — где вас искать?

— Сейчас обед, — Лаптев посмотрел на часы, — а потом я буду у себя. В шестнадцать — совещание... Вы приглашены?

— Начальник будет.

— А потом, возможно, заеду сюда.

— Хорошо, — кивнул Виктор, — до встречи.

— Танцплощадка, — негромко произнес чуть хриловатый голос, тот самый, что бросил реплику о лаптевской казуистической уловке в разговоре там, на площадке. — Будут здесь прыщавые юнцы гоготать, прыгать и щупать своих сопливых девах.

Виктор стремительно оглянулся на голос.

На серой плите сидел, обхватив сцепленными в замок прозрачными пальцами согнутое прозрачное колено, знакомый уже по явлению в лаптевском кабинете некто в кожанке.

Видение продолжалось какую-то секунду и растаяло.

Виктор, ощущая в левой стороне груди непривычный холод и томление, пошел к главной аллее.

ГЛАВА 10

“Ну вот и поговорили, — подумал Виктор, выходя из дома священника. — Странно... Как будто еще в одной канцелярии побывал...”

В руках у него был старый номер “Журнала Московской патриархии” со статьей об Осинецком. Естественно, он сразу же разыскал могилу архиепископа и остановился перед плитой с декоративной бронзовой “лампой”, возвышающейся над диоритом.

“Такой человек... — промелькнуло у Виктора, и вдруг на втором слое сознания прошла еще одна мысль: — Разве важно, какой человек был? Это же у Собакевича, кажется, мертвые души имели ценность в зависимости от профессии человека при жизни. Ценность в другом...”

И — тут же отогнав от себя эту мысль — присел на каменную скамеечку у могилы Осинецкого.

— Вы нервничаете, молодой человек, — раздался чуть надтреснутый голос.

Кочергин вскинул голову.

Прямо над ним, на лесенке, уходящей вниз, в темную прямоугольную глубину, восседал старик с пронзительными серыми глазами на лице аскета. Прозрачный, точно как все те, кто появлялся прежде.

— Есть немного, — признался Виктор, хватая открытым ртом внезапно сгустившийся воздух и одновременно сились вспомнить, как называется это красивое одеяние из златотканой парчи.

— И все же, полагаю, вы не совсем правы, так оценивая ваш разговор с отцом Александром.

— Что тут оценивать. Ему все равно, в том числе...

— Склонен полагать, что вовсе не все равно. Ему выгодны происходящие пертурбации. Он человек опытный и хорошо усвоил, что все социальные катастрофы усиливают религиозность. И также не упустит случая оказаться в центре внимания.

— Катастрофа? — спросил Виктор и машинально пошарил в кармане, там, где обычно лежал портсигар. — Я думал, что здесь, в сущности, совсем небольшое событие...

— Да, пожалуй, — согласился Граф, — событие и в самом деле небольшое, однако же способное вызвать немалое смущение в умах.

— Так что же, ляжем поперек прогресса? — с вызовом спросил Виктор, как раз с облегчением вспомнив, что с курением завязано накрепко. Дыхание выровнялось.

— Зачем же, — удивился Граф. Мне кажется, только недалекие и эгоистичные люди могут призывать к остановке прогресса. Он дает пищу голодным, одежду нагим, кров бездомным. И что важно — не за счет такого труда, как в прошлые времена, — труда, недостойного человека. Прогресс заменяет прежний труд, доступный и скотам, а значит, достойный скотов, на новый, истинно человеческий, не так ли?

— Да, пожалуй... — несколько озадаченно произнес Виктор.

— Но не надо забывать, во имя чего он — прогресс; не забывать о душе, без которой человек, щедро наделенный благами земными, — жалкая тварь, не более. Лишь то прогресс, что позволяет возвысить душу...

— Вот что мне всегда не нравилось, — раздался рядом уже знакомый Виктору хриловатый голос, — что у вас вроде как монополия на душу. Чуть о душе да о сердце — значит, вера, батюшка, святые дары и аминь. А если кто не крестится или, того хуже, вовсе безбожник, то, выходит, и души в нем никакой нет, не человек, а гроб повапленный.

Переведя взгляд, Виктор увидел старательно начищенные сапоги и диагональное галифе — все такое же призрачное, как и на первом собеседнике.

— Видите ли, Василий Андреевич, даже допуская полемическое заострение вами проблемы, я не могу согласиться с таким искажением нашей позиции... Впрочем, молодому человеку наш спор не интересен...

— Да-да, я пойду, — быстро произнес Виктор и, поднявшись, направился к машине, забыв даже попрощаться.

Василий Андреевич подождал, пока Кочергин рванул с места “Москвича” (до этого зачем-то подняв и тут же опустив стекло), и машина, выпустив сизое облачко, выкатилась за ворота. Потом он повернулся к Осинецкому.

Старик, помаргивая, смотрел вниз, на тяжелый оранжевый бульдозер, сползающий с трейлера у ворот.

Оба молчали, будто ожидая, пока мимо них не пройдут, жестикулируя, люди из церковного совета. Затем Белов сказал:

— Вы решили вмешаться.

Он привычно похлопал по карманам в поисках трубки и привычно поморщился.

— Не совсем так... Но важно было понять, что же происходит. И что это за человек. И шире — что же это за люди сейчас.

— Люди как люди, — проворчал Василий Андреевич, — а если дать им волю, пять сотен душ вытопчут и глазом не моргнут!

— По-видимому, так... И не пятьсот; не знаю, сколько им надо пролить крови и погубить невинных, чтобы опомниться...

— Может быть, и одного достаточно — надо только всем и каждому втолковать.

— У них это не принято. Наоборот, все скрывают... И с этим делом... Хорошо, что масштаб сравнительно невелик — только один город...

— Вы так говорите, будто осуждаете свое собственное решение.

— Это не мое решение. Просто я знаю, что все решено не нами, а теми, кому живые оказали доверие, кому привыкли беспрекословно повиноваться и доверили заботу о своих судьбах, о своем будущем...

— Да ни черта они не доверяли! — не выдержал Белов, не почувствовав, что Граф намеренно обостряет.

Осинецкий несколько раз наклонил голову — появилась у него к старости такая привычка. И сказал:

— Я тоже так понимаю, что не доверили, а имели очень мало возможностей что-то изменить самостоятельно... И не понимают, что истинное освобождение — на пути духовном.

— А мы что, будем лежать сложа руки и стенать? — взбеленился Василий Андреевич.

— Почему такой тон, товарищ Белов? — поинтересовался Граф. — У меня более чем достаточно оснований утверждать, что

вот они — плоды ваших героических свержений и свершений, так что примите и проч.

— Не плоды, а огрехи. Такое большое дело, как наше, невозможно без искажений, даже ошибок — путь новый, времени нет. Ни у кого пока с первого раза не получалось.

— Полагаю, вы судите односторонне... Но не это главное. Главное — вы упускаете закономерности. Вы исходили из схем, а надо исходить из человеческой души, от развития человека, от его нравственного уровня... А по схемам “классовой борьбы” не получается. В тридцать втором вы еще могли заявить мне, что не ожидаете ничего хорошего от человека классово чуждого происхождения...

— А что вы хотели? — перебил Белов; под вершковым слоем земли он разглядел винтовочную гильзу и теперь, осторожно поводя в воздухе пальцами, принялся протаскивать ее к поверхности. — Мне из сотни лабазников попало от силы трое порядочных, а среди вашего брата — всего двое.

Осинецкий покивал:

— А теперь что? У этих, и у главных затейников тоже, происхождение безукоризненное. По вашим критериям.

— Мало ли? И разве это враги? Надо им хорошенько все объяснить, вот и вся недолга.

— А зачем? — спросил Граф и, сойдя со своей лесенки, распрямился. Постоял немного и побрел возле оградок, по тропинке, припадая на ногу, просеченную осколком. Прошелся, остановился и продолжил: — Они уже показали, на что способны. И еще покажут. Пришло время искупления... Если уж сумели — не без вашей помощи, хотя не о вас лично я говорю, Василий Андреевич, — забыть, в каких отношениях находятся живые и мертвые, приучились отречься и не ценить отреченное — то пусть вкусят сполна.

— Не забыли... Хотя, конечно, накрутили здесь всякого... Но не надо считать ситуацию необратимой.

— Этого юношу можно убедить. Но придут другие, третьи... Мы когда-то начинали со “чти отца своего”, а вы — с “отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...”

— Мы начинали с “необходимости сохранения и использования всего ценного, что накоплено человечеством за тысячелетия его истории”. А потом уже нашлись такие, что стремились отбросить всех и вся — потому что хотели выглядеть хоть чем-то лишь на совершенно пустом месте...

— Вот и пришло время...

— Владислав Феликсович, — винтовочная гильза уже плясала над ладонью, — а почему вы не сказали в девятнадцатом, что пришло время искупления, и не бросили медицину?

...То был страшный год для Осинецкого. Только что сгорела от чахотки его жена, и он, профессор медицины, стал младшим священником кафедрального собора. И вместо того, чтобы ограничиваться проповедями в защиту “оскорбляемого Бога” (а в то время неутоленная ненависть к самодержавию легко переносилась на церковь и на священников), продолжал работу хирурга. Только дело: ежедневные операции, преподавание в медицинском институте, служба в соборе, бессонные ночи в больнице и морге, куда привозили трупы умерших от голода и тифа. В конце концов Осинецкий и сам заболел, но — пересилил тиф. Может быть, предчувствовал, сколько жизней еще обязан спасти...

— Не понимаете? — помедлив, спросил Граф. — Тиф — слепая сила, не разбирающая ни правых, ни виноватых... Да и нет перед нею виноватых, разве что по неведению. А это — не эпидемия, не болезнь. Можно понять сердцем заблуждения невежественных людей, приученных к исполнению несправедливых законов. Но эти?

— Что — “эти”? Эти как раз и невежественны.

— Слов, правил и законов им преподали достаточно.

— Каких? — спросил Белов. — О строительных конструкциях? Как это у них называется: “строительные нормы и правила”? Или других? Да в том-то и дело, что не успели мы обучить их искусству быть людьми. Жить в мире, который не появился из небытия только что и не должен исчезнуть, едва закроет глаза последний из ныне живущих.

— Вы-то сами умели? — невесело улыбнулся Граф.

— Учились, — отрезал Белов. — На своей шкуре учились.

— Если бы только на своей... — тихо обронил Осинецкий.

— Не теориями людей надо воспитывать, — твердо сказал Белов, — но и оставлять их без указания, заставлять тыкаться вслепую, только через страдание прозревать, если есть возможность п р е д о т в р а т и т ь, — это неправильно.

— Христос дал такие заветы... Да только следуют ли им? — спросил Осинецкий и сам же продолжил: — Когда выстрадают — научатся. А без того — непрочно...

Василию Андреевичу вновь мучительно захотелось плотно набить трубку, перекатывая в зубах мундштук, зажечь табак и на мгновение задохнуться горьким дурманящим дымом. Но трубки нет... Белов встал и, невольно подстраиваясь под неспешную поступь Осинецкого, сказал:

— Не надо пускать ничего на самотек. Хватит уже. Люди не заслуживают такого обращения. Надо создать условия — вот они и будут поступать по-человечески.

— Условия вы уже создали. Вот и получайте сполна.

— Я говорю не о куске хлеба и не о крыше.

Василий почувствовал, что его реплика очень понравилась Осинецкому. В те секунды, пока длилось молчание, он почти предугадал ответ Графа:

— Это вы понимаете. Прекрасно. Теперь свершите следующий шаг: поймите, что человеку никогда не хватит того, что у него уже есть. Человек — единственная из тварей божьих, способная умереть от пресыщения. Потребности, а точнее, желания растут быстрее, чем возможности их удовлетворения...

Почти предугадал слова Графа; и, пока Осинецкий говорил, Василий продумал ответ:

— Разве речь идет только о материальных благах? Создадим условия, чтобы человек был добрым, чтобы ему выгодно было становиться добрым, и честным, и справедливым, и разумным в своих желаниях — и он обязательно станет таким...

— Нет же, — Осинецкий остановился и посмотрел в глаза, — да поймите, это важно: нет и не может быть таких условий, чтобы человеку выгодно было становиться добрым... Иллюзия. Наоборот надо: переделать человека, вложить ему в душу любовь к ближнему, чувство справедливости, умеренности в воздаяниях благ земных — и только тогда станет возможным ваше общественное устройство, опрощающее идеалы христианства, но не искажающее их.

— И как же прикажете “переделывать”? — поинтересовался Василий Андреевич.

— Терпением. И словом Христовым — неизменным перстом указующим во всех бедах и сомнениях бытия.

— Кто же вам не давал это сделать тысячу девятьсот с чем-то лет? Незачем ждать. Человек будет таким, каким его сформирует реальность. Нужны и слова, и разъяснения и, если угодно, наказания, но не самотеком, а направленно. Вы говорите, условия уже созданы? Да мы только начинаем их создавать! И то, что я считаю необходимым вмешаться если не в принципе, то в процессе, — тоже, если хотите, “условия”, для ряда заинтересованных лиц.

Осинецкий подошел к своей лесенке и спустился на несколько ступеней вглубь. Василий подумал, что старик так и уйдет, не в состоянии продолжить спор. Но Граф обернулся:

— Вы полагаете, что можно переделать людей, обращаясь по сути только к их разуму. Вот — главная ваша ошибка. Невозможно, невозможно это. Только — через сердце, только — через любовь и страх, и боль, и сострадание можно изменить что-либо в человеке.

Василий Андреевич помедлил и спросил:

— Скажите, вы в сорок первом встали к операционному столу исключительно по велению сердца?

— Несомненно. Раненые страдали превыше всякой меры. И я мог облегчить страдания...

— А почему же после войны вернулись на амвон? По зову ли сердца? Разве мало оставалось калек, больных да и раненых тоже?

— Я стал нужнее как врачеватель душ.

— А кто это сказал? Нет, Владислав Феликсович, оба ваших поступка продиктованы разумом, отчасти — совестью, которая тоже разум, и пониманием долга — тоже разумом.

— Вы слишком широко трактуете разум.

— Зато вы — слишком узко. Поэтому не смогли и не сможете никогда преобразовать человека, что не верите в его разум. Все стараетесь обойти, подменить высшие проявления духа... Не допускать до них, ограничивая сводом непроверяемых догматов. Стараетесь, чтобы “чувствовал всюю душою”, потому что на разум не можете рассчитывать: но рано или поздно любой догмат опровергнет...

Осинецкий медленно покачал головой. Наступившая пауза показалась Василию огромной. Он уже пожалел, что поддержал этот спор и заставил старика лишние минуты провести на поверхности.

И тут Граф заговорил:

— Мы, церковь, “создавали условия” и спасали души, великое множество, когда о вашей рациональной организации никто и помыслить не мог. Христос указал путь спасения или, если вам так удобнее, преобразования личности независимо от каких бы то ни было социально-исторических обстоятельств.

— Указать-то указал, а что вышло? — просто спросил Василий Андреевич. — И не надо перечислять христианских подвижников и мучеников. Ни их существование, ни число ничего не доказывают. Фанатизм возможен не только в правом деле. Возможно, даже наоборот.

— Вы несправедливы.

— Ой ли? — холодно поинтересовался комиссар и продолжил: — На самом деле вы — не спасали. Вы — обманывали, вы заменяли жестокие правды маленькими надеждами. А разве можно научить правдивости обманом? Разве можно воспитывать духовные силы, обращаясь к слабостям? Давать вместо честных ответов ваше закорюченное утешение?

Чуть помедлив, Осинецкий ответил:

— А другого и не может, в сущности, быть. Человек никогда не смирится с тем, что ему положен п р е д с л. Что, вынеся непомерные страдания на земле, он не получит никакого справедливого воздаяния.

— Но ведь это действительно так... И сильные должны это понимать.

— Вот здесь вы ошибаетесь, уважаемый Василий Андреевич, глубоко ошибаетесь. Верить в бесконечность индивидуального бытия, в справедливость воздаяния — это и означает получать жизнь вечную, получать справедливое воздаяние. И это не только для возвышенных умов и сильных духом, а для всех.

— А зачем? — спросил Василий. — Лично мне такое ни к чему. И не одному миллиону...

— Большие числа пока что не в вашу пользу, — мягко возразил собеседник, — особенно если учесть всех тех, кто заменил крест красным бантиком, ровно ничего больше не заменив в душе. Человеку нужен масштаб, соизмеримый с ним самим... И в наше время, и сейчас великое множество людей ищут, пытаются нащупать некое промежуточное звено между целями и идеалами общими и бытием своим личным...

— Естественно, — согласился Василий.

— И в самом деле естественно. Оправдано диалектикой бытия. Посмотрите: есть частное — личность; есть общее — идеалы; следовательно, нужно нечто посередине, о с о б е н н о е.

— И это, конечно же, идея Бога и братской любви во Христе. Было. И не помогло. И не нужно.

— А что нужно?

— Трудно с вами спорить. Вот уже получилось, будто я признал необходимость чего-то третьего. А ведь нет, не считал я так, Владислав Феликсович, и не считаю. Ничего больше не требуется, только надо посерьезнее вдумываться в то, что наметили, и в то, что есть, и находить, что забыли, что напутали, а что попросту устарело. Ну а если кому-то нужно “особенное”, да еще если он сумеет его для себя выстроить, не припутывая боженьку — или что там еще из потустороннего сейчас в моде, — так пожалуйста, с дороною душою. Какие возражения!

— А зачем выдумывать, искать иное, если все уже найдено, веками выстрадано, выверено?

Белов в сердцах отбросил гильзу:

— Не понимаю я вас. Сознательно служить лжи...

Не нравилась ему концовка разговора. Не нравилась — и все тут. Едва ли не впервые Василий Андреевич сталкивался с душой намного более сложной, чем его собственная, — а ведь комиссар был не прост, очень не прост, и не один десяток врагов в свое время просчитались в нем... Сейчас никак не удавалось “примерить на себя” партнера, и это сбивало и злило.

— Реальное положение... — вздохнул Граф. — Реальное положение намного тоньше и диалектичнее, чем короткое слово “ложь”. Мне хотелось бы верить, что мы еще вернемся к этому разговору.

— Хорошо, — пообещал Василий, — вернемся. И вы сами убе-

дитесь к тому времени, на что способны человеческий разум и совесть.

Осторожно переступая, Осинецкий сошел еще на несколько ступенек вглубь.

Затем, прикрыв “kozyрьком” ладони глаза, посмотрел на лютеранский сектор, туда, куда Василию Андреевичу совсем не хотелось поворачиваться.

Едва заметная печальная улыбка тронула губы Графа, когда он сказал:

— Это пока ваша очередь убеждаться.

— Это мы еще посмотрим, — сказал Белов, по-прежнему не оборачиваясь.

Граф опустилcя дальше в темноту. И уже оттуда донеслись его слова:

— Блаженны милостивые...

А может, Белову только показалось, может быть, распространенная евангельская цитата только предчувствовалась. Но продолжать спор не было смысла и времени.

Через мгновение Василий оказался в шестом секторе. Непроизвольно отступая перед ножом бульдозера, надвигающегося на могильные холмики, Василий призывно пощелкал пальцами.

Клочковатая стремительная туча наползла на низкое солнце. Резанул ветер. Пыль взвихрилась невысокими гибкими смерчами и опала.

— Счас я ему, контре... — перекосив рот от гнева, прошептал Седой и шагнул к бульдозеру.

Но Василий Андреевич удержал:

— Не надо. Не в нем дело. С ним успеем. Побудь здесь — я сейчас...

И — исчез.

ГЛАВА 11

— Не кладбище поедem? — спросила Наташа, устраиваясь на заднем сиденье.

— На сегодня хватит, — невесело сказал Виктор и рванул “Москвичок” так, что взвизгнули шины.

— А к Василенко?

— Вообще-то надо... Я ему позже позвоню.

— Позже ты не позвонишь.

— Это почему же?

— Он с тетей Тamarой мириться будет. Даже к телефону не подойдут...

“Ну-ну, детки, — подумал Виктор, — не слишком ли много вы знаете?”

Действительно, по вечерам Толя Василенко, не столько пьяный, сколько под устойчивым хмельком и весь такой бесшабаш-

ный, ссорится с Тamarой; а к девяти, когда хмель спадет, принимается каяться и пробует мириться.

...Отец с дочерью уже успели переодеться и умыться, когда со знакомым вечерним нытьем вкатилась Татка, а за ней, сопя и цокая каблуками, появилась Валентина.

— Здравствуй, мама, — Наташа, протиснувшись в прихожую мимо сестры, потерлась кудряшками о плечо Валентины.

— Ага, здравствуй, — ответила Кочергина и принялась стаскивать туфли. Потом поймала взгляд Виктора и спросила:

— У тебя деньги есть?

— Трояк, — ответил Виктор.

— Как, всего?

Виктор, подавляя раздражение, напомнил, что аванс шестнадцатого, и прошел в комнату.

— Мне надо срочно полторы сотни, — в спину ему сказала Валентина, — я Петухову уговорила уступить.

— Платье? — спросил, не оборачиваясь, Кочергин.

— И лодочки. Кожа — изумительная. Чуть высоковат каблук, но смотрятся на мне... Все в отделе попадали.

Зная, что переубеждать жену бесполезно, Виктор предложил:

— Давай пару ваз продадим. Ты же говорила — есть хороший покупатель...

— Ну знаешь, — Валентина подбоченилась и нелогично заявила: — Мы не нищие, чтобы хрусталь продавать. Петухова, кстати, может и не деньгами взять. Ей плитка нужна и унитаз "компакт" — может еще и приплатить...

Виктор молча прошел в комнату, посидел в кресле, глядя, как Татка снаряжает на прогулку своих кукол, и перебрался в спальню.

Плотно прикрыв за собою дверь, набрал номер.

— Добрый вечер, ма, — сказал он, чуть виновато, — это я.

— Здравствуй, сынок, — обрадовалась мать. — Как девочки? Что там у вас?

— Да все в порядке. Сейчас Татка своих красавиц выстраивает — целый детский сад.

— А Наташа учится?

— Ты же знаешь: еще больше недели...

— Что у тебя стряслось?

— Да так, разные разности... Денег вот нету, а — надо...

— И много надо?

— Полторы сотни.

— Но у меня сейчас столько нет. Потерпишь до завтра, а то наша сберкасса уже закрыта?

— Конечно.

— Так заедешь с утра?

— Заеду,— пообещал Виктор, чувствуя себя подлым скотом,— спасибо тебе, мам, я обязательно отдам.

— Ах, сынок,— Виктор догадался, что мать в это мгновение махнула рукой так, как это получалось только у нее, так спокойно и легко,— нужда будет, так в куске хлеба не откажешь, а уму — похоронишь.

— Ты лучше живи,— попросил Виктор и повесил трубку. Сквозь дверь доносились звонкие голоса дочек. Виктор аккуратно потушил окурок — он и не заметил, как, в нарушение всех обетов, зажег нашаренный в шкафу “бычок”, — и спрятал его там же, между коробок.

Направился к двери — и встал как вкопанный, упершись взглядом в неведомо откуда взявшегося Белова.

— Собирайся,— коротко приказал комиссар.— Ехать надо.

— Уже?— только и спросил Виктор.

Белов наклонил голову и сухо сообщил:

— Беда у нас.

— Лаптев?— почему-то сразу догадался Виктор.

— И Лаптев тоже,— бросил Белов и ввернул непечатный крендель.

— Церковь, что ли, взялись рушить?

— Только бы и слез. Нет... По душам бьют...

— Как — бьют?— не понял Виктор.

— А вот так: твои сварщики оградки автогеном режут, а бульдозеры крушат все остальное.

— Но бульдозером быстрее, это же механизация...— пролепетал Виктор.

— Что — быстрее? Не понимаешь, что ли? Прямо же по могилам режут, безо всяких перезахоронений. Все прахом: могилы, памятники, имена...

— Как, а списки? А спецкоманда? Он же говорил...

— Там, где ты ему свои площадки разметил, он просто бульдозеры пустил... Твои, кстати. К понедельнику ровное место будет — чтобы ты свой поточный метод без задержки запускал...

В наступившей тишине раздались легкие шаги, и в дверь просунулась златокудрая голова:

— Пора ужинать, пап. Пойдем,— позвала Наташа и, смешно наморщив носик, зашептала: — Ой, у тебя здесь дымом пахнет, скорей открой окно.

И — убежала.

Василий оставался на том же месте, в той же позе, но Наташа его, конечно же, не видела.

Виктор крепко прижал ладони к лицу и постоял так несколько секунд. Потом сказал Белову, не разжимая губ:

— Жди меня в машине, я сейчас.

На жену он так и не посмотрел.

— И куда же? — поинтересовалась Валентина.

— На объект. Срочно.

— Без тебя не обойдуся. Рабочий день кончился. Опять я одна должна все по дому делать?

— Мне за работу деньги платят, — уже не сдерживаясь, возможно, что и несправедно, Виктор заводился, — и отпуск двадцать четыре дня.

— Ах, представьте себе!

— Не мешает представлять. Почаще.

— Только не говори, — Валентина придерживала чашку, пока Татка пила молоко, — что тебе надо ехать. Тебе надо — это я еще поверю. А от твоей зарплаты мы сильно забогатели!

О деньгах с Валентиной во все времена было бесполезно говорить. А сейчас Виктор и не собирался. Чуть виновато кивнув Наташе, он дернул с вешалки куртку и сбежал вниз.

— Куда поедет? — машинально спросил он Василия Андреевича, виднеющегося на заднем сиденье.

Тот хмыкнул:

— К нам, куда же. Посмотришь, как твой друг разворачивается.

— Он мне не друг, — отрезал Виктор и завел мотор.

— А хороша, — вдруг отозвался Белов, когда “Москвич” вырулил со двора, — повезло тебе.

— Со стороны, может, и так, — не оборачиваясь, сказал Виктор.

— Да я о дочери. Старшенькой. Надо будет с ней поговорить.

— Вы хоть девочку-то не трогайте, — огрызнулся Виктор.

— Отчего же? Она у тебя умная, все поймет...

— Что — все?

— Сам знаешь, что. Художества ваши с Лаптевым.

Виктор, не сбавляя газу, открыл перчаточный ящик. Там лежала открытая, “гостевая” пачка дорогих и безвкусных ленинградских сигарет. Зубами вытащив бумажный цилиндр, Виктор забросил пачку назад в ящик. А прикуривателя в машине не было, зажигалка же оставалась в столе на работе.

— Печет? — посочувствовал Василий и, не дожидаясь ответа, загнусавил: “Будут внуки потом. Все опять повторится сначала...”

— Ты хоть не пой, а? — попросил Кочергин. — И так на душе гадко...

— Соображаешь, — сказал Василий Андреевич другим тоном. — Это хорошо, что сам соображаешь. И что сразу поехал со мной — тоже хорошо. Но это еще не все.

— Ясно, — коротко бросил Виктор.

Молчали до самых кладбищенских ворот.

...Знакомая и всегда волнующая картина стройки: натужный рев бульдозеров, раздирающих красно-бурую, в прожилках и белых проблесках камней землю; грузовики, теснящиеся в очередь к экскаватору; сдавленное прерывистое шипение автогена; веселая перебранка электриков, навешивающих кабели временного электроснабжения... Знакомая картина; но Виктор, побелев, подхватил обрезок ржавой трубы и кинулся прямо на нож бульдозера.

— Ты что, очумел, такой-сякой разэтакий? — вылетел из кабины бульдозерист и, размахивая пудовыми, черными от нигрола кулачищами, бросился к Виктору. Соседняя машина, харкнув соляровым дымом, тоже остановилась; замер с поднятым ковшом экскаватор...

К счастью, свой, из СУ-5 бульдозерист сразу признал Кочергина; поэтому, когда Виктор, отбросив свою трубу, вцепился в промасленную робу и заорал нечто нечленораздельное, Саня не пришиб его, а спросил скорее даже испуганно:

— Ты что, Михалыч, жизнь надоела?

Кочергин еще раз потряс здоровенного Саню за грудки и наконец выкрикнул разборчиво:

— Ты что же это делаешь?

— А че делаю-то? — раскрыл рот Саня. — Ну во вторую вышел, так попросили же...

— Кто же тебе велел тут грести?

— Прораб, — высвобождаясь, неуверенно пробасил Саня.

— Тащи его сюда, — приказал Кочергин и прибавил такое, что услышь это Воднюк — не миновать бы Виктору товарищеского суда.

— Да ведь уехал он...

Все моторы заглохли, а строители собрались вокруг Виктора.

Кочергин несколько раз порывался что-то сказать, но только рубанул воздух рукой и, сев на ближайшую вывороченную плиту, жестом попросил спичку.

— Что случилось, Виктор Михалыч, — спросил дядя Коля, поднося огонек. — Не там начали, что ли?

Виктор молча кивнул и выпустил длинную струю табачного дыма. Строители загалдели, чествуя вдоль и поперек и прораба, и все прочее начальство, президентов отдельных стран и дальнюю родню своих близких родственников.

— Лаптев давно уехал? — спросил Виктор и на всякий случай пояснил: — Такой кругленький, на "Волге", начальник...

— Да вот только что!

— С прорабом нашим!

— Он и воткнул, чтобы работать начинали!

— Обещал сверхурочные по своей ведомости накинуть.

— И нас, — отозвались электрики, — уговорил во вторую смену остаться — свет ставить... Чтоб им виднее...

Виктор несколько раз кивнул, уясняя картину. Затем затоптал окурки и выпрямился:

— Ясно. Значит, так. Сегодняшний день... Сегодняшний день вам запишется, хотя вы начали без моей — поняли? — без моей команды... А дальше... Вот что. Всю технику — вон туда, под стену, и чтобы без моей команды ни-ни. Усекли?

— Ты подожди, Михалыч. Объясни-ка толком. Чего дергаемся?

— Обязательно поясню, — Виктор, заложив руки за спину, подался чуть вперед, к ножу Санниного бульдозера. — Так вот, указания, что вам дали, — все ни к черту. И не там начали, и вообще здесь пока что работать нельзя. Просто нельзя. Ясно?

— Да почему? — подал голос дядя Коля.

— Проект есть? — спросил Виктор. — Нет проекта. Разрешение на проведение земляных работ есть? Нет такого разрешения. Согласование с застройщиком на привлечение к сверхурочным работам есть? Нет такого согласования. Наряд выписан? Не выписан. И вообще на всю эту затею даже титула нет, так что платить неизвестно как. И точно знаю, что ни у треста, ни у вашего "друга", — Виктор не назвал ненавистные фамилии, — таких денег нет...

Кочергин помолчал, отбросил окурки и сказал тихо:

— Это все так... А самое главное — это ж какой скотиной надо быть, чтобы прямо по человеческим могилам бульдозером утюжить? Здсь что, враги наши самые лютые лежат? Да и с теми после смерти считаться не очень-то... А вы...

В очень звонкой, вот уж прямо—кладбищенской тишине, Виктор добавил:

— О правилах работы на кладбищах и некоторых наших бумажных делах могли, конечно, и не знать: до сих пор вас особо не подводили; но как можно головой-то не подумать, вокруг себя не оглянуться! Мы же люди, а не рабсила! Непонятно?

Дядя Коля, хлопнув о гусеницу беретом, сел прямо на землю. Все строители заговорили разом.

Виктор молчал, и только когда мужикам надоело ругаться и выкрикивать "а че ж", бросил:

— Наказал вас Лаптев. Но и вы хороши! Прямо как дети малые.

— Слушай, Михалыч, — наперебой полезли мужики, — нам же никогда не объясняют толком!

— Покажут, где пахать, — мы и пашем от забора до обеда!

— И что начальство себе думает?

— Откуда нам про ваши согласования знать?

Виктор не выдержал, поднялся:

— Завязали. С вас особого спросу нет, хотя думать положено независимо от должности. Так. Сейчас отгоняйте машины к балку, и по домам. Завтра вы все в отгуле — за насосную я вам должен. Отоспитесь, утро вечера мудренее.

Поругиваясь и почесываясь, бригада разошлась по машинам, и через минуту захлопали и затрещали пускachi.

— А вы чего ждете?— обратился Виктор к водителям двух коммунхозовских машин.— Больше работы здесь не будет. Вайте на базу.

Подумав немного, Виктор отправил домой и электриков, которые к этому времени кое-как уже закрепили шланги низковольтных кабелей на ветвях век не стриженных кладбищенских деревьев.

Полчаса — и все стихло и опустело.

— Хорошо начал,— отозвался за спиной Василий Андреевич,— а что дальше будем делать? Завтра-послезавтра, а опять “по коням ” скомандуют, и пойдет-поедет...

— Не скомандуют.

— Это почему же?

— Я же объяснил: титула нет, разрешений — нет, согласования — нет...

— Гражданин Кочергин, а сколько раз ты работал вот так, без ничего, с одними слепыми синьками в руках?

Виктор и сам знал, что раз городу это дело так необходимо, то пусть задним числом, но все будет, вся документация. И Стройбанк, придирчивый и капризный, вовремя откроет финансирование, и ни один надзор не остановит работ, если только не случится особого ЧП.

Знал, но упрямо заявил:

— Не имеют права без документации начинать.

— Ладно,— примирительно сказал Белов,— ты пока посиди, подумай, а у нас еще одно срочное дело есть.

Виктор увидел, как странным, каким-то угловатым жестом Белов прояснил рядом с собой две другие призрачные фигуры. А еще мгновение спустя все они исчезли.

Виктор подобрал тлеющий окурок, взял из машины новую сигарету и аккуратно прикурил.

Потом сел и задумался.

ГЛАВА 13

Валентин Семенович Лаптев после совещания съездил на кладбище еще раз: сумел отдать необходимые распоряжения и пристегнуть к делу строителей, только что перегнавших технику

на кладбище. Теперь насчет с р о к о в можно было не так беспокоиться.

Рабочий день давно закончился, и можно уже было спокойно ехать домой, но Валентина Семеновича неудержимо потянуло “к себе”, в исполком. “К себе...” Свой стол, кабинет, оба телефона, оба шкафа, наполненные бумагами и всякой мелочью— это было больше, чем привычное окружение Лаптева. Только здесь он чувствовал себя по-настоящему хорошо.

Поднимаясь на второй этаж, Лаптев думал о стакане шипучей воды из холодного сифона и о том, что непременно может еще позвонить начальство и будет хорошо, если он окажется в кабинете.

С этими мыслями Лаптев вошел в кабинет, прошел к холодильнику, но, положив пальцы на никелированный рычаг, внезапно остановился.

Прямоугольник вечернего света на стене, прямо над холодильником, померк; резко потемнело и похолодало в кабинете. Не поворачиваясь, спиной, Лаптев совершенно явственно ощутил чужое присутствие.

Рывком, испуганно, Валентин Семенович обернулся и застыл, не в силах выдать ни звука.

За его столом, отчетливо вырисовываясь на фоне черного зияющего зарешеченного прямоугольника окна, восседали трое. В первый момент Лаптева больше всего поразило не появление, не п р о з р а ч н о с т ь и не одевания гостей, а то, что они втроем сидят за его столом и в то же время совсем не теснятся; поразило его и то, что привычный кабинет будто бы преобразился и стал напоминать зал судебных заседаний, причем не какой-нибудь абстрактный, а совершенно конкретный зал их старого городского суда на улице Чехова.

— Садись,— коротко и хмуро приказал старший и, как Лаптев сразу понял, главный здесь, и указал на “гостевой” стул.

Валентин Семенович поспешно сел, и сразу же изменились размеры и пропорции помещения. Какой-то метр от стула до стола растянулся метров на пять, если не на десять, плоскость столешницы вывернулась так, что судьи оказались высоко-высоко, а стены, замыкая и ограничивая пространство, оказались едва ли не границею бесконечности.

Лаптев, болезненно ощущая свою малость и затерянность в этом непостижимо преображенном объеме, никак не мог разглядеть середину своего тела, свой привычный уютный животик, но все время натывался взглядом на громадные, неестественно вывернутые стопы в знакомых бежевых сандалиях.

— Ну,— спросил Главный,— в молчанку будем играть или как?

— Я протестую,— высоко и поспешно залопотал Валентин Семенович,— это противоречит сложившимся нормам юриспруденции.

Несколько секунд царило молчание. А потом Главный хлопнул кожаным картузом о колено и жутко захохотал. Лаптев вжался в стул.

Отсмеявшись, Главный сказал:

— Насчет прав ты молчи. Чтоб ни-ни, понял? А юриспруденцию мы соблюдаем. Приват, протокол!

Лаптев, обмирая, увидел, как болезненного вида молодой человек с бородкой и в кашне вокруг шеи извлек пустотелый мраморный стержень из настольной лампы, раскатал камень, как пластилин, и ловкими, незаметными движениями пальцев превратил его в стопку линованных, удручающе-канцелярских листов.

— Имя, фамилия, год рождения, социальное происхождение...— вопросительно забубнил тот, кого называли “Приватом”.

Лаптев торопливо, все никак не успокаиваясь, выговорил ответы.

— Из крестьян, значит?— вдруг враждебно спросил доселе молчавший прозрачный в серой шинели с красными петлицами.

— Из крестьян, из крестьян,— зачастил Лаптев.

— Какого же уезда?

— Я точно не знаю, это в Орловской области, там такое село...

— В анкете врать будешь. А здесь не моги,— веско отозвался Седой.— Видели мы таких крестьян.

Лаптев, пугаясь неведь чего, принялся доказывать, что никакого обмана нет, мать — колхозница, еще до войны в колхозе работала, а отец и грамоте-то не выучился...

Седой его перебил:

— Морда у тебя вон какая сытая! Не бывало такого у крестьянских детей, можа только у кого из мироедов... Работали мы,— он положил на стол громадные кулаки,— вот этими руками землю пахали да могилы в ней рыли, чтобы таких же хлебоборов хоронить.

— Погоди, Седой,— сказал Главный,— мы еще разберемся, чей он сын, чей кум и сват и как в это кресло попал.

Странная мысль поразила Валентина Семеновича. Померещилось ему, что попал он на заседание какой-то, неведомой прежде дисциплинарной комиссии, подосланной по наущению врагов и завистников. И, несколько расхрабрысь, Лаптев пошел чесать как по писаному насчет своих заслуг на поприще сначала профтехобразования, затем кооперативной торговли, закупок злаков и наконец коммунального хозяйства, подробно перечисляя еще и общественные нагрузки (не забыв ни местком, ни

жилбытсектор, а также все устные и письменные благодарности и поощрения).

Приват все это записывал, качал головой и время от времени кашлял. Писал он лаптевской ручкой из настольного прибора, только не пером, а длинным пластиковым колпачком, и время от времени по ручке пробегали зеленые искры.

Воодушевленный тем, что его не перебивают и что протокол ведется так старательно, Лаптев выложил что-то совсем уж несуразное, что-то о досрочной сдаче норм комплекса ГТО.

Тут уж Седой не выдержал. Огрев Лаптева заковыристым матом, закричал:

— Ты долго будешь нам головы морочить? Давай дело говори!

— В чем дело? В чем дело?— засуетился Лаптев.— Я излагаю обстоятельства, имеющие отношение к тем обстоятельствам...

— Гражданин Лаптев,— свинцовым голосом сказал Главный.— Перестаньте вилить. Объясните, как вы дошли до такой жизни, что самовольно приступили к разрушению... К уничтожению душ?

— Нет, нет,— вяло замахал ватными руками Лаптев,— вы меня неправильно поняли. Я ни в коем случае не осмелился бы такое решить сам. До меня довели вышестоящее решение, и я только принял меры к его исполнению. Вас неверно информировали, это не больше, чем недоразумение.

— Совсем маленькое недоразумение: бульдозеры по могилам,— не поднимая головы от протокола, отозвался Приват.

— Нет, простите, имеется решение о переносе старого кладбища, и здесь наша коммунальная служба является только одним из низовых исполнителей. Я допускаю, что могло создаться впечатление...

— Врешь!— внезапно привстав со своего места, прикрикнул Главный,— ты хоть соображаешь, кому врешь?

— Спокойно, Андреич, мы сейчас все ему объясним,— сказал Седой и поднялся, намереваясь выйти из-за стола и быть может даже приблизиться к Лаптеву.

Представив, что может последовать через несколько секунд, Валентин Семенович несолидно взвизгнул:

— Помилосердствуйте, у меня жена, дети!

— Дети?— спросил Василий Андреевич.— У тебя дети есть?

— Двое, две девочки, обе школьницы, старшая отличница...

— Наверное, и жена тебя любит?— со странным выражением спросил Белов.

Об этом Лаптев никогда не задумывался, но на всякий случай покивал.

— Интересно, правда?— спросил Белов, ни к кому специально не обращаясь.— Вот ведь какая гниль, а обязательно найдется баба, чтобы любила и холила. И дети обязательно получают, и

даже, бывает, гордятся своими родителями... — И без перехода спросил: — Где списки?

Лаптеву очень хотелось прикинуться не ведающим ни о каких списках, но он вовремя понял, что здесь обман не удастся; и он решился на полуправду:

— Как таковых, этих списков не существует вообще. Пока что составлено только по шестнадцати секторам...

Лаптев не сказал, что сам вчера распорядился времени больше не тратить, выбирая в церковных и городских архивах данные о тех, кто похоронен в начале века.

Времени своих подчиненных Лаптев, конечно же, не жалел, но с изворотливостью старого служаки прикинул, что если никаких списков не будет, то и говорить не о чем, получится так, вроде бы бульдозеры просто распланировали грунт. И вообще никаких проблем со строителями: площадки подготовлены, и у них не будет никаких оснований обвинить его, Лаптева, в задержке работ.

— Нет, значит... — протянул Василий Андреевич, — а должно быть.

— Ты хоть соображаешь, — сорвался Седой, — что у них, кроме имен, и не осталось ничего?

— Но позвольте, — возразил Лаптев, — мы же не можем допустить срыва строительства зоны отдыха, столь необходимой нашему городу!

— Нашему городу надо почаще задумываться: кто мы, чьи дети и внуки, откуда...

— Но здоровье детей...

— Здоровье — это фактор не только физический, — негромко сказал, сдерживая чахоточный кашель, Приват-доцент.

После мучительных мгновений молчания Василий Андреевич подытожил:

— Значит, так: списки чтоб были. И безо всяких. Тот, кто это ваше “решение” на самом деле придумал, ответит. А ты, если еще раз самовольно пошлешь бульдозеры или еще что — пеняй на себя. Понял?

Лаптев уже собирался заверить, что понял и непременно исполнит, как вдруг оглушительно раскатился телефонный звонок. Пространство вновь преобразилось, вывернулось, а кабинет приобрел привычные очертания.

Автоматическим жестом Лаптев потянулся и схватил трубку красного телефона. Краем глаза Валентин Семенович разглядел, что странные гости, беззвучно раскрывая рты, бледнеют и теряют очертания...

Звонил “Сам” — так Лаптев да и почти все руководящие работники называли председателя исполкома.

— Лаптев? — спросила трубка и, не дожидаясь ответа, пред-

ложила: — А ну-ка, говори, как на духу, чего тебе, кроме времени, не хватает?

Лаптев осторожно хихикнул:

— Вы же знаете: безлюдного фонда, материалов по первому списку, рабочих в РСУ...

— Этого я тебе не дам...

Лаптев догадался, что в эту самую секунду "Сам" улыбается и прищуривается.

— Этого не дам; но с чем другим — поможем. Технику, горючее... Могу и студентов подбросить: хоть полтысячи бойцов.

— Куда мне такая армия? — мягко запротестовал Валентин Семенович. — Мы люди маленькие, и масштабы у нас...

Приват, уже почти совсем невидимый, коротко и ловко провел кистью руки, превращая стопку в прежний мраморный стержень, и, склонясь над столом, со скрежетом вогнал стержень в лампу, на прежнее место. Лаптев невольно отшатнулся, на какое-то мгновение потеряв нить разговора, но тут же опомнился и замахал на гостей рукой: не мешайте, мол, "Сам" говорит!

— Маленькие не маленькие, задачка у вас совсем не пустячная. Средства надо осваивать. На тот год не перенести. Это точно.

— Я так полагаю, — продолжил "Сам", — что у тебя не только на словах дело делаться будет. Строителей не удержишь?

— Надеюсь, доверие оправдаю, — автоматически отбарабанил Валентин Семенович, лихорадочно соображая, почему это ему позвонил "Сам" через пару часов после совещания и почему он так двусмысленно разговаривает; и вдруг понял, что может всплыть из нерешенного:

— Есть одна деликатная проблема...

— Одна? Это хорошо, когда только одна, — бросил "Сам".

— Мы еще не получили согласия от епархии на снос кладбищенской церкви.

— Да-да, — проговорил "Сам". По его тону Лаптев понял: догадка верная.

— Со святыми отцами не так-то просто, не нашего они ведомства, — продолжил "Сам", — согласиться-то они согласятся рано или поздно, я им на замену ого-го какого Василия Блаженного на Мамаевке отдаю; да вся беда в том, что скорее всего может получиться не рано, а поздно. Одно дело — месяц, а другое — три месяца; не знаешь, строителям она сильно мешает?

Ни "Сам", ни Лаптев в руках проекта не имели — не успели копировальщицы наделать требуемое количество экземпляров; но не пришла Валентину Семеновичу простая, в сущности, мысль, что если не знаешь, то надо спрашивать знающих, а не отвечать наобум. Наоборот, Валентин Семенович поспешно заявил:

— Мешает.

— То-то строители пасмурные сидели, — отозвался “Сам”, — видать, вроде гнилого зуба им эта церковь... Но ничего, еще переговорим. А весь остальной снос — не затянешь?

Лаптев, обмирая, проговорил:

— Нет, что вы, работы уже полным ходом идут, экскаватор и три бульдозера.

— Ладно. Какие сложности будут — держи меня в курсе. — Аппарат щелкнул, и разлились гудки отбоя.

Лаптев немного их послушал, а потом осторожно положил трубку на рычаг, полез в холодильник и, нацедив из сифона полстакана, припал к ледяной пузырящейся влаге.

В стакане еще оставался последний, самый вкусный глоток, когда в метре от сидящего Лаптева воздух взвихрился и, чуть покачиваясь, появился хмурый и страшный Седой.

Несколько секунд он молчал, перекатывая желваки на скулах и неотрывно глядя в глаза Лаптеву.

Потом коротко сказал:

— Гадина! — и плюнул в лицо.

Валентин Семенович схватился за щеку, куда попал жгучий ледяной плевок. Когда он поднял глаза, в кабинете уже никого не было.

Жгло щеку.

Вытащив из шкафа зеркальце, Лаптев, обмирая, взглянул — и увидел прямо посредине своей гладкой розовой щеки уродливую сизую бородавку.

ГЛАВА 14

Алебастровый ангелочек стряхнул с крыльев последние отсветы зари.

Кладбище пустело. Небо над городом, почти всегда грязное, с угрюмым сизым отливом, темнело с каждой минутой.

Сквозь шум и гудки автомобилей долетало медлительное бамканье башенных часов на невидимом вокзале.

Виктор поднял голову. Одна за другой появлялись прозрачные фигуры, прозрачные, но все же совершенно отчетливые. В основном это были мужчины в темных одеждах. А несколькими мгновениями позже появился привычный уже Белов.

— Добрый вечер, — машинально произнес Кочергин, еще не решив про себя, как следует называть... этих.

— Не слишком-то добрый, вы разве не находите? — спросил высокий, лысоватый, с чиновничьей выправкой.

— Действительно... А что делать? — поинтересовался Виктор.

— Вы должны немедленно объяснить им всем, что здесь творится беззаконие. Беззаконие! — выступила вперед девушка в красной косынке.

Не удивляясь и не пугаясь, Виктор разглядел под ее ладной блузкой, слева на груди, круглую метину пулевой раны.

— Своим-то все может объяснить, — начал Белов, опуская прозрачную руку на плечо Кочергина, — и мы тут ему поможем. Да не только в них дело... А всем остальным — мы ли должны толковать? И он ли?

— Но мы решили... — начал Присяжный.

— Знаю, — остановил его Василий, — но учтите фактор времени. Если все быстро не остановить, то к тем несчастным, кого уже покорежило и с т е р л о, добавятся еще пять сотен. И тогда...

— Пять сотен? — переспросил Виктор, до сих пор плохо представлявший себе масштабы происходящего.

— А разве меньше, извиняюсь? — с резким акцентом спросил тонкий старик.

Все больше и больше фигур появлялось на кладбище. Прозрачные старушки охали и причитали, осторожно заглядывая за периметр расчищенной зоны.

“Может, епархия поможет?” — мелькнуло у Виктора.

— Э, нет, — отреагировал Белов, — гробовой вариант. Наоборот. Тамошним выгодно, чтобы здесь все вот так, без головы и сердца сокрушили. А то мало назиданий пастве в последнее время стало.

— Не клевете, Василий Андреевич, — раздался чуть надтреснутый голос, и Виктор увидел Графа, приближающегося, чуть прихрамывая, от своего сектора.

— Если бы так! — сказал Белов и раздраженно похлопал себя по карманам.

— Вы полагаете, церковь за нас заступится? — бросился к Графу высокий Присяжный.

— Полагаю, что да. Обязательно. Христианская совесть не позволяет мириться с несправедливостью...

— И как же вы это себе представляете, Владислав Феликсович? — с напряженной интонацией спросил Белов. — Крестный ход устроят? Анафему Сане-бульдозеристу объявят? Или епитимью Лаптеву назначат? Так они все в церковь не ходят.

— Не надо утрировать, — сдержанно сказал Граф. — Несомненно, речь идет не об отлучении от церкви. Но уверен, что епископ войдет в исполком с протестом...

Все, кроме Белова и комсомолки, да еще Седого, маячащего чуть поодаль, обрадованно зашумели, окружив Графа.

Виктор медленно пошел к машине и вытащил на ощупь сигарету. Огня, конечно, не оказалось. Совершенно забыв, с кем имеет дело, Кочергин подошел к группе спорящих с намерением попросить спичек. И только едва не пролетев сквозь старичка в косоворотке, мелко крестящегося возле растерзанной могилы, опомнился и остановился.

— Вы, лично, — спросил Василий, в упор глядя на Осинецкого, — беретесь потребовать, чтобы епископ срочно подал такой протест и настоял на немедленном прекращении работ?

— Подобное вмешательство противоречит моим убеждениям, — выдержав взгляд, ответил Владислав Феликсович.

— Ясно, — сказал Василий и, сунув кулаки в карманы, отвернулся.

— Давайте я с ним поговорю, — предложил Виктор.

— Я полагаю, такая возможность вам может быть предоставлена, — сказал Граф со странной улыбкой, — однако насчет результатов — не обольщайтесь.

— Поговори, как же, — невесело сказал Василий и замолчал, уставясь в землю.

— А я принципиально против всяких сделок со служителями культа, — заявила комсомолка и поправила косынку. — Вот Василий Андреевич правильно сказал, что они только порадуются.

— Вы, уважаемая, слишком неопытны для таких суждений, — перебил ее Присяжный. — А вот гражданин строитель правильно считает, что никаким шансом пренебрегать не следует!

— Нет, следует! — вспыхнула комсомолка. — Милостыню от врагов не берут!

— Вот что, милая, — Белов подошел и обнял девушку за плечи, — давай не будем срываться, а вместе подумаем... Ситуация непростая, что и говорить. Какой-то протест, или что-то еще, нужен, но я же знаю нашу машину канцелярскую: не меньше трех дней пройдет. А за это время такого накуролесят — самим потом всю жизнь не отчиститься... На это время должен быть настоящий запрет, чтоб никто, ни под каким предлогом не нарушил... Если работать — так только спецкоманде, раз уж всеми вами так решено...

— А я тоже была против! — заявила девушка.

— Нас мало... А большинство так привыкло при жизни покоряться, что и теперь не освободилось...

— Что же делать? — спросил Кочергин.

— Думать надо, — бросил Белов.

Виктору показалось, что на мгновение бесплотная девушка прильнула к Василию Андреевичу и тут же смущенно отвернулась.

— Может, с кем посоветуешься? — спросил Седой, неожиданно приблизившись.

— Поздно уже, — сказал как в воду опущенный Кочергин и выплюнул размочаленную сигарету. — С кем теперь посоветуешься?

И пошел, не оглядываясь, к машине.

— Может быть, надо пойти к руководству? — спросил вдогонку Присяжный.

— В такое время? — Виктор открыл дверцу. — Спят уже.

Ключ никак не попадал в замок зажигания. Не оборачиваясь, Виктор чувствовал, что Белов сидит сзади и разыскивает по карманам забытую в суматохе “красных похорон” трубку. Больше для самого себя, чем для Белова, Виктор пояснил:

— Сегодня уже поздно, а завтра... Пока я доберусь до того уровня, где могут что-то реально сделать, может быть совсем поздно... Если вообще меня выслушают, а не отправят...

— Да, ты не один на свете: найдется кому бульдозеристами покомандовать, — констатировал Василий Андреевич.

— А дружок твой не спит, — вдруг оказался рядом Седой, — ну-ка, давай к нему...

ГЛАВА 15

Когда Наташа предположила, что дядя Толя мирится с тетей Тamarой, она была не очень далека от истины. От примирения супругов отделяла только дверь. Но вот открыть ее Василенко не мог — Тамара заперлась и на уговоры не отвечала.

Сидя в прихожей на несвежем линолеуме, Толя не то чтобы отрезвел, но его опьянение перешло в самую неприятную фазу. Его вина перед всем миром, а особенно перед Тamarой казалась столь велика, что искупалась только немедленным публичным покаянием.

Анатолий Петрович, еще какой-то час назад веселый, общительный и остроумный, теперь тосковал и выдавливал всего одну просьбу:

— Том, ну Том, ну открой...

Тамара не отзывалась; Василенко понимал, что пока она не ответит, хоть резкостью, хоть как, дело безнадежно. Ломать дверь и превращать их единственную комнату в арену боевых действий Толя не собирался — и потому, что не был уже достаточно пьян, и потому, что твердо знал: от подобных выходов Тамара ожесточится еще сильнее. И надолго.

Насидевшись под дверью, Василенко пошел в ванную и сунул голову под струю. Рот заливало, а когда Толя поворачивал голову, тугие водяные петли хлестали по щекам. Стоя на коленях и захлебываясь, Василенко в полной мере ощущал жалость к себе, такому молодому и талантливому, и такому измученному мелочностью повседневной работы... Мерзостью, о которой удавалось забывать только на пару часов в хорошей компании...

Василенко даже зубами закрипел от досады: ему необходимы были и дружки, и Тамара, но они никак не могли сосуществовать. Внезапно струя исчезла.

— Пойдем, — приказал знакомый раздраженный голос. Утираясь рукавом, Василенко поднял голову.

За его спиной, непонятно как помещаясь в крошечной ванной комнате, стояли Седой и еще один такой же прозрачный, с бородкой, в костюме и длинном кашне вокруг шеи.

— Пойдем, — повторил Седой и прошел на кухню. — Разговор есть.

Василенко потащился за ним, почему-то приволакивая ноги. На кухонном столе валялась раскрытая пачка “Беломора”; Анатолий поспешно закурил и сел.

Второй, тот, что в кашне, надсадно закашлял, но тут же замал руками на смутившегося Василенко: кури, мол, я не из-за дыма кашляю.

Седой, мрачный и скупой в движениях, остановился напротив Анатолия Петровича и спросил:

— Ты соображать можешь или водка все отшибла?

— Могу, — с достоинством выпрямился Василенко, — я не пьян.

— Оно и видно, — прокашлялся Приват и подал Толе кухонное полотенце: — С вас капает.

Василенко утерся и, прижав ладони к груди, попросил:

— Вы только потише, а? Тамара услышит...

— Не услышит, — пообещал Приват, — разве что тебя.

И добавил:

— Вы чрезмерно не курите. Никотин тоже угнетает умственную деятельность.

— Да-да, — покивал головой Василенко и встал. — Только учтите: он меня тогда заставил. Я считал и считаю, что эту нашу церковь вообще трогать не надо.

— Нашу! — хохотнул Седой. — Я-то в бога не верю, а уж в остальное и подавно. Нет, парень, не в этом дело.

— Нижние сектора сносят, — сказал Приват, — пустили бульдозеры по могилам.

— Как? Уже? — только и вырвалось у Василенко.

— Ты что, — спросил Седой, — совсем оступел? Не “уже”, а безо всяких... Ладно, это не твои штучки, не тебе за них и отвечать. А вот другое...

— Сейчас сюда приедет Кочергин, — сказал Приват, — он полностью в курсе. И вы решите, что делать.

— Мы с ним?

— Голова тебе для чего дана? — поинтересовался Седой. — Только за воротник закладывать? Подумаешь как следует.

— Почему именно я? — глупо спросил Василенко.

— А думать никому не вредно, — криво усмехнулся Седой.

— Пора открывать, — сообщил Приват.

...Кочергин молча прошел на кухню и взобрался на подоконник. Внизу, в прямоугольнике открытого окна, застыли желтые и бледно-голубые лужи света уличных фонарей. Помедлив не-

много, посмотрев на силуэты, заполняющие кухню, Виктор спросил у Василенко:

— Ты уже в курсе?

— Более-менее, — ответил Толя, — самовольно снос начали...

— Сволочь такая, еще и моих людей припутал, — бросил Кочергин и, перегнувшись, посмотрел на крышу своего "Москвича".

— Это без разницы, — отозвался Белов, — не твои, так другие. Завтра, полагаю, так и будет.

— Дадим этому Лаптеву как следует, — предложил Седой, — чтоб дорогу на кладбище забыл.

— А толку-то? — спросил Белов, покачиваясь с пятки на носок. — Другой что, лучше будет?

— Порода, — подал голос Приват.

— Короче, задача у нас такая, — ровным голосом начал Кочергин. — Безобразия такого, как сегодня, больше допустить нельзя. Всему свое время. Если уж взялись вообще — так пусть хоть по уставу, по чести делается.

— Прикажи своим людям, — тряхнул мокрой головой Василенко.

— Своим — могу. Уже приказал.

— Ну и?..

— Не будет моих, будут другие. Кстати, не подскажешь, чем и как занять сдельщиков на недельку-другую, чтобы в зарплате не потеряли?

— Спроси что полегче...

— Зарплаток, деньги, — подумал вслух Белов, — а может, не будем забывать, что они граждане, что люди, что...

И замолчал.

Почему-то все смотрели на Василенко. И чувствовал Анатолий Петрович, что все происшедшее и происходящее — только следствия, а действительная причина была раньше, год назад, когда он взялся за работу и проектировал с увлечением, будто совершенно позабыв, где все это должно быть построено... Все — от самообмана, от покорности, от боязни не то что действовать — думать.

— Я вот что скажу, Витек, — начал Василенко и закурил. — Ты ведь не можешь без документации работать?

— Еще как могу, — невесело улыбнулся Кочергин. — Это в институте только учат, что нельзя. А на самом деле... Ни титула, ни согласования, ни утвержденного проекта, ни половины чертежей — а пашу! А когда уже под крышу выводим — поспевает документация...

— Но основные чертежи у тебя должны быть.

— Да, чтобы сообразить можно...

— Я и говорю,— повеселел Василенко,— только в сказках чтобы без чертежей. Архимед и тот на песке чертил...

— Я не понял,— отозвался Седой,— чего там?

— Тише,— замахал руками Приват,— человек хорошо придумал.

— Кроме тебя — у кого есть синьки?— живо спросил Василенко.

— У электриков — внутриплощадочные сети; у начальника второго участка — часть земляных работ. Остальное — у меня... И кое-что я перерисовал этому Лаптеву...

— Забрать сможешь?

— У своих — да.

— А о Лаптеве не беспокойтесь,— пообещал Приват,— считайте, что ничего там нет.

— Ну вот и порядок,— решил Василенко,— я у себя соберу все, что успели накопировать, и, естественно, белки... А ты — все у себя. А без чертежей фиг кто поработает!

— Силен, мужик,— покрутил головой Белов,— ты хоть сообщаем, что тебе будет?

— А,— бесшабашно махнул рукой повеселевший Василенко,— не съедят.

— Не съедят-то не съедят,— начал Белов и вдруг, резко переменяв тон, обратился к Виктору: — А ты с утра давай по начальству, расскажи, что Лаптев вытворяет, можно и к его начальству. А то "Сам" не в курсе, а сегодня из-за него Лаптев заблокировался.

— Разберемся,— пообещал Приват.

— Мне завтра еще в епархию пробиться надо,— сказал Виктор, уже понимая, что ни в какую спархию он не поедет.

Белов так и сказал:

— Какого хрена? Чего ты добьешься?

Приват, конечно же, тут же возмутился, и они с Беловым и Седым начали срочно выяснять, можно ли пренебрегать такими шансами и так ли необходим голос отцов церкви, тем более с подачи Виктора; а Василенко тем временем спросил:

— Вить, ты поговори с Тамарой, а?

— Опять?

— Опять,— обреченно признал Василенко.

Виктор пожал плечами и направился к дверям комнаты. Он только собрался постучать, как рядом появился Седой и вполголоса посоветовал:

— Поезжайте сейчас за чертежами.

— В одиннадцать-то часов?— спросил, останавливаясь, Виктор.

— А как проспится — может все переиначить. С похмелья-то...

— Ну да, — обиделся Кочергин за Толю, но помедлил, не стал стучать в дверь и вернулся на кухню.

— Слушай, — начал он, — спит уже Тамара, сейчас разбудим — с потрохами слопают.

— Да, — безнадежно признал Василенко, — но если сама проснется, еще хуже будет.

— А мы сделаем так... — Виктору было неловко, неудобно, как всегда в те редкие минуты, когда приходилось врать, — сейчас съездим в институт, соберем все листы, а потом вернемся вместе, и я сам поговорю с Тамарой.

— А эти? — опасливо проговорил Василенко, указывая на выборных, беззвучно переговаривающихся между собой.

— Не бойсь, — отреагировал Седой, — не увидит.

Василенко обреченно кивнул и, путаясь в рукавах и петлях, надел пиджак. Ключи он всегда таскал с собою.

ГЛАВА 16

— Ты с ума сошел! — кричал Хорьков, брызжа слюною. — Ты что, в бирюльки играешь? Загорелось — “буду строить, сроки вытяну”, а отгорело — работы немедленно остановить? Да ты что, в институте благородных девиц? Учти: я тебе больше не помощник и в дела твои, уволь, больше влезать не желаю!

“Не очень-то ты мне и раньше помогал”, — подумал Виктор. А вслух сказал: — Я обязан вас предупредить. Надо решать, чем загрузить бригады — насосная уже заканчивается, а ничего больше трест пока не финансировал. “Самому тебе придется решать, — впервые до конца почувствовал ситуацию Кочергин, — перед пенсией придется и со своим управлением, и с трестом, и с Воднюком воевать”.

Словно прочитав его мысли, Хорьков сказал:

— Ну чего ты полез на рожон? Да будь ты хоть сто пятьдесят раз прав, после всей этой катавасии не работа, а наказание Божие будет. Думаешь, управляющий просто так оставит самовольную остановку работ? Да еще по такому поводу. Это же скандал! Думаешь, что внутри треста останется? Куда там! На весь город пойдет! Тебе, впрочем, ладно: молодой, здоровый, хвостом вильнул — и привет, а мне куда деваться?

— Я же все на себя беру. Вас вообще перед фактом поставил. Никакого выбора у вас нет.

— Гладко было на бумаге, — заявил Хорьков и накрутил номер.

— Егорыч? — спросил он, хотя по этому телефону, кроме Маркина, никогда никто не отвечал.

— Слушаю, “пятый”. Что там у тебя?

— ЧП у меня,— пожаловался Хорьков и посмотрел на Виктора.

— Что, опять кого-то завалило?— испугался замуправляющего.

— Нет, Бог миловал. Но большая неувязка по объекту. К вам можно сейчас? Сильно срочно.

— Жду,— бросил Маркин и отключился.

— Я один поеду,— твердо сказал Виктор.— Это не те пряники, которые надо делить.

— А Маркин или управляющий спросят: “А где твой старый перец, чего прячется?”

— На вас я ничего валить не буду,— пообещал Виктор.

— Тебе-то я верю,— сказал Хорьков, вставая,— только пацаны еще, не знаешь, как оно на деле оборачивается... Помянешь мое слово: не сегодня, так в понедельник все сделают, как начали, а тебе велят...

— Посмотрим,— поднялся Виктор.— А вы, пожалуйста, проследите, чтобы, пока меня не будет, наши бригады на кладбище не подались.

— А как же,— живо откликнулся Хорьков,— прямо сейчас в сторожа пойду! Совсем совести у тебя нет!

“Разберемся”,— сказал себе Виктор и пошел на стоянку.

Иван Егорович встретил Кочергина хмуро. Он слушал, не поднимая глаз, и тяжелые кустистые брови, казалось, сводились все сильнее.

— Факты,— потребовал он, как только Виктор рассказал об остановке работ,— а эмоции оставь при себе.

— Факты ясные,— ответил Виктор,— территория не готова, под площадками остались захоронения, спецкоманда не закончила перенос останков — нам сейчас работы начинать никак нельзя.

— Еще,— потребовал Маркин.

— А “еще” вы знаете: титула нет, заказа нет, финансирования нет, согласований нет, проектной документации тоже нет.

— Это знаю,— согласился Маркин.

— Так разве можно в таких условиях работать?

— Послушай, Кочергин,— заговорил Маркин, чуть ли не впервые поднимая глаза,— если бы я тебя три года по делу не знал, то сейчас послал бы... улавливаешь куда?

— Улавливаю.

— Мы здесь вдвоем. Давай-ка поговорим, как на духу: чего ты задержался? Что на самом деле происходит? Что ты хочешь выторговать?

— Иван Егорович,— Виктор пытался говорить как можно спокойней,— есть же вещи, которыми не торгуют.

— Например?

— Например, совестью. Например, нашими с вами партийными билетами.

— Ну-ну,— поворчал Маркин,— ты полегче. За такие слова, парень, отвечать надо. Ты, что ли, у своего Воднюка демагогии обучился?

— Отвечать? Я ответственности не боюсь. А то давно бы ушел в каменщики: и заработок выше, и на все начальство с высокой колокольни...

— Каменщиком, знаешь, сколько вкалывать надо,— чуть улыбнулся Маркин.

— А я вкалываю. И неплохо.

— Об этом не тебе судить.

— И мне тоже.

— Я тебя, между прочим, не раз и не два поддерживал,— сказал Иван Егорович и потрогал кнопки селектора, но никого не стал вызывать,— а теперь вот не понимаю... темнишь. Да, конечно, строить без документов да еще с неразберихой у смежников — не подарок, чего и говорить, но впервой, что ли? Тем более, такой срочный объект и так городу нужен...

— Разве в этом дело?— досадуя, что не получается объяснить главному, начал Виктор.— Разве я доказываю, что не нужен? Или мне работать не хочется? Да мне лично этот спорткомплекс нужнее, чем вам всем, вместе взятым! Но — нельзя так. Что нельзя — там, это уже дело прошлое, не поправить, но так... Все же есть предел. Да вы подумайте — не то что работы остановить нужно — головы поотрывать!

— Вот, значит, какое дело...— Маркин помедлил, подбирая слова.— То, что ты возмутился, когда началось с этими бульдозерами, — это реакция естественная. Всякому порядочному человеку, думаю, не по себе станет. И что бригаду остановил — понятно, на то ты начальник над ними... А вот почему ты не хочешь продолжать работы не тех площадках, где все уже готово, — этого я не понимаю. Там уже есть фронт. Чего тянуть? Городу нужно...

— И тресту.

— Да. И тресту. Мне разнарядки подписали на материалы — три года теперь спокойно жить можно. Но за все надо платить.

— Иван Егорович, я тресту никакого вреда не хочу, но так получается... И не то мы строим — да подумайте, куда там на кладбище игротека, а танцплощадка на костях? И сам спорткомплекс тоже, скажу вам, не подарок... А уж когда дело пошло так, что вместо переселения разбой какой-то творится — да разве можно? Мы же спать спокойно не сможем! И на вас, и на мне, и на всех пятно!

— Мужик мужиком, — сказал Маркин после долгой и очень мучительной паузы, — а уперся, как блажной...

И спросил другим тоном:

— На какой стадии работы?

— На минус первой. Электрики подключили временку, да сварщики спецкоманде помогают — у вояк с карбидом туго оказалось.

— Вся территория не готова? Ни к чему из планируемых объектов подступиться нельзя?

— Нет, конечно. Первая очередь уже закончена, а это больше половины территории. Только на нижних секторах и возле самой церкви работы не начались: там надо больше месяца ожидать.

— И почему же ты не хочешь начать только то, что уже по всем статьям можно? Водный стадион — я же помню, он весь на секторах первой очереди?

— А потому что кладбище. Пока там могилы — кладбище, а не стройплощадка.

— Это от нас зависит.

— А от нас ли зависит, чтобы хотя бы не повторилось вчерашнее? У нас, что ли, только техника? И мы сами — понимаем, как надо и как не надо себя вести?

— Вот что мне не нравится, — заворчал Маркин, опуская брови, — с тобою разговариваешь, как с часовой миной играешь: то — хоть гвозди заколачивай, то — бабахнет...

— Вы понимаете, Иван Егорович, что я там, пока снос по всем правилам не закончат, работы не начну?

— Может быть, и так, — кивнул Маркин и улыбнулся вдруг: — Да только начнут их и без тебя...

— Не начнут... — ответил Виктор и, не спрашивая разрешения, подтолкнул медвежонка-папиросника на маркинском столе и вытащил папиросу из лакированных коготков.

— Это мы еще посмотрим, — пообещал Маркин и тоже закурил; после паузы сказал: — И все же объясни мне по-людски, чего ты хочешь?

— А чего я не хочу — объяснять не надо?

— Это я уже уяснил.

— Программа-минимум: работы не возобновлять до тех пор, пока все перебазирование кладбища не будет закончено по уставу. Подать бумагу в горисполком — чтобы наказали виновных в самоуправстве. И пересмотреть проект: грех же это, неужели непонятно?

— Ты просто анархист какой-то, — сказал Маркин и раздавил в пепельнице сигарету, — строить начнут, вот только тебя при этом не будет.

— Я — оптимист, — ответил Виктор.

— Я тоже, — сухо бросил Маркин и встал. — Погуляй где-нибудь поблизости. Пойду, доложу твою “программу-минимум”.

У самого порога Маркин остановился и, уже держась за дверную ручку, спросил:

— Пока все не вышло из этого кабинета: почему ты не хочешь начать этот водный стадион прямо сегодня?

— Я забрал всю документацию. И постараюсь забрать с кладбища всю технику. Чтoб соблазна поменьше. Мало ли кто вздумает скомандовать — а есть вещи необратимые.

— Сами следить будем.

— Сомневаюсь, что просто так можно удержать события под контролем. У меня лично такой уверенности нет. А вы... пока не принимаете дело всерьез. А это настолько серьезно... Здесь нужна гарантия на с т о п р о ц е н т о в.

Маркин молча пожал плечами и вышел.

ГЛАВА 17

Виктор выбрался в коридор и потолкался по этажам, здороваясь и откликаясь на торопливые приветствия знакомых. Потом зашел в курилку; выслушал нудный анекдот и снова приплелся в маркинский кабинет. Заняв хозяйское место, трижды позвонил.

В исполкоме выяснилось, что “Сам” сегодня не принимает, а к заместителю запись только на вечер. Виктор записался.

В институте Толика не оказалось — его вызвал к себе Мельников, и пока что Василенко не возвращался.

И, наконец, в обкоме тоже не было на месте заведомо промышленности Федунова, единственного из тамошних, кого Виктор немного знал. Объясняться же с инструктором Виктор не захотел.

Перебравшись в “гостевое” кресло, он взял свежий номер “Строительства и архитектуры”, однако читать не смог — на первых же строчках все странным образом отделилось, поплыло...

— Владислав Феликсович, — позвал Белов, склоняясь над прямоугольным провалом, — вы спите?

— Нет, — ровным голосом отозвался Осинецкий и медленно поднялся. Жесткие солнечные лучи обжигали больные глаза, но Граф заговорил без тени раздражения: — Чему обязан?

— Битому неймется, — неизвестно о ком сказал Василий и поцокал ногтем по бронзовой лампе. — А за последнее время мы общаемся больше, чем за все предыдущие десятилетия. Жаль только, что по такому поводу.

— Жаль. Я хочу спросить вас: почему вы не пожелали встретиться с епископом?

Граф помолчал, помаргивая и разглядывая девчонку-художницу, пристроившуюся с этюдником неподалеку, у серого алебастрового ангелочка.

Наконец Осинецкий заговорил и в его голосе не чувствовалось приличествующей сану кротости:

— К сожалению, не всегда люди соответствуют постам... Должен с прискорбием признать, что его преосвященство — не настоящий христианин. Я это понял, когда он был протоиереем...

— Однако, — только и промолвил Белов.

— Я вижу, вы удивлены? — спросил, веселя, Граф. — Но полноте, церковь — это еще и организация, и не во всем столь уж отличная от светских. И пока еще не удалось придумать прибор, чтобы безошибочно отличать тех, кто служит в с е м с е р д ц е м, от тех, кто просто служит.

— А есть разница? — очень заинтересованно спросил Василий.

— Несомненно, — ответил Граф. — Для меня — несомненно; и, в частности, относительно его преосвященства в свое время я излагал точку зрения местоблюстителю из патриархии... Но с моим мнением не посчитались.

— Послушайте, — с волнением заговорил Василий, — я давно пытаюсь понять... Представьте, есть два человека одинакового возраста, образования, способностей. Оба идут служить военными, как это сейчас называют — офицерами. Один идет по зову сердца — защищать Родину. Другой — и потому что паек сытный, и с жильем нормально, и дамы гусаров любят. И вот — скосило их в одном бою. И что, в чем различие?

— Вы, Василий Андреевич, в последней войне не участвовали?

— Не довелось.

— Это ни в коем случае не упрек. Могу повторить, что не сомневаюсь в вашей храбрости. Однако пример ваш неудачен. Война и военная служба вообще есть проявление бесовских... нездоровых начал в человеке.

— Но вы-то сами ушли добровольцем... И церковь призывала стать на защиту...

— Здесь война вынужденная. Сугубо вынужденная. Если бы не защищались — это был бы ущерб всему человечеству.

— Согласен. Так что с моим примером?

— Таких людей нельзя уравнивать.

— Ну а по-простому, в чем она, эта разница?

— Вы дали схему; дайте живую жизнь, и по ней будет видно, кем из двоих нечто было сделано хуже, а нечто и не сделано вовсе.

— Долго искать, — усмехнулся Белов, — ни один суд не доищется.

— Полагаю, вы не правы.

— Да, конечно: “На то есть высший судия!”

— Вы, атеисты, называете это иначе: суд истории.

— Все эти тонкие различия,— начал Василий Андреевич, морщась от страстного желания закурить,— со временем взаимно уничтожаются.

— К сожалению, это не так. Поверьте мне, старику: в том дурном, что все еще происходит между людьми, повинна прежде всего “деятельность” тех, кто служит себе, но не делу. И в мирное время плоды этой, так сказать, деятельности менее заметны, но не менее ощутимы.

— Вы упрощаете, Владислав Феликсович, а почему? Потому что человек никогда по-настоящему не знает, кому — Богу или мамоне — служит. И вообще наша историческая заслуга заключается в том, что мы заставили всех, в том числе и примазавшихся, работать на общее дело. Пусть не на всю катушку, да с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Ваша историческая ошибка, что вы понадеялись на правильную схему, а про тех, кто в этой схеме расставлен и расставлен, вы позабыли. А сама по себе схема может работать и так, и эдак — смотря какие люди и зачем в ней находятся.

— Верно, в сущности,— несколько раз наклонил голову Василий Андреевич; помолчал немного и добавил: — Только не забывайте, что чем выше человек, тем он точнее соответствует схеме, а повышению разума, рост души — историческая неизбежность. Прошло время, когда чистоту брали, на себе пахали да криком засапожным враз расточали.

— Вы — оптимист,— с завистью вздохнул Осинецкий,— и, знаете, я все жду времени, когда это, наверное только для нас ниспосланное служение закончится, и мы приобщимся к постижению...— Граф помолчал и добавил: — А ваши друзья где?

— Приделе. Седой сейчас в институте приглядывает, чтоб там никакого подвоха не случилось, а Приват — сейчас в архиве, а потом, наверное, в исполком подастся... А многие уже на Солонцах.

— Тяжело, наверное,— спросил Осинецкий.

— А им что, легче?— указал Белов на лютеранский сектор, надковырянный Саниным бульдозером.

— Да-да. Однако если вы по поводу обращения к епископу, то моя позиция остается неизменной.

Белов помолчал, а Граф закончил свою мысль:

— Он, к сожалению, прагматик до мозга костей. Ясно понимает, что эта... процедура,— и Граф обвел рукой вокруг,— по сути своей епархии как организации выгодна. И переубедить его, заставить обратиться к истинным идеалам не удастся ни мне, ни этому молодому человеку — как его?

...Виктор Кочергин проснулся от резкой боли в позвоночнике. Он уснул в низком кресле, неловко запрокинув голову, и теперь едва мог повернуть затекшую шею.

Во рту появился гадкий металлический привкус; но спал Кочергин недолго: солнечные пятна на паркете переместились только чуть-чуть, и Маркин еще не возвратился.

Конечно, Виктор устал, но этот внезапный сон...

“И какой!” — тряхнул головой Кочергин, уже окончательно просыпаясь.

Телефон на столе у Маркина не звонил — только загоралась сигнальная лампочка и раздавалось тихое журчание; молчал и селектор — секретарша знала, что Маркин вышел из кабинета.

Растирая шею, Виктор встал, подошел к окну — и со сложной смесью тоски и злости увидел, как по площадке, направляясь к заезженной управленческой “Волге”, вышагивает, выворачивая ступни, коренастый и коротконогий Воднюк с неизменной папирсой, победно торчащей из уголка рта.

— Виктор Михайлович, вы здесь? — позвал селектор голосом секретарши. — Вас управляющий вызывает.

Виктор вышел в приемную. Посторонних не было, и секретарша (трестовские дамы симпатизировали Кочергину) тихонько сказала:

— Управляющий до чего злой — у-у-у.

“А то как же, — подумал Виктор, — еще и Воднюк нагадил...”

С этими приятными мыслями он крутнулся в тамбурочке между двойными дверями и вошел в кабинет.

Там сидели: сам управляющий, Маркин и начальник отдела кадров Аксенов.

— Читай, — сказал, не здороваясь, управляющий и указал на лист бумаги, лежащий перед ним.

Виктор придвинул листок и прочел приказ об отстранении от должности главного инженера СУ-5 Кочергина В.М. за систематическое грубое нарушение строительных норм и правил, безответственность, нарушение плановых сроков и злоупотребление служебным положением.

Приказ как приказ, с номером и датой, визой Маркина, визой Аксенова и подписью управляющего. Даже с печатью.

Прикинув, что картина пока не полная, Виктор достал ручку и пристроил в уголке, под росписью Маркина и аксеновской закорючкой, еще и свою подпись.

Наливаясь густой краской, управляющий молчал. Видимо, не мог решить, с каких слов начать выплескивать все, что накопилось. А Маркин на мгновение поднял и опустил брови, и в его глазах промелькнул огонек одобрения.

— Так, — сказал наконец-то управляющий и выложил на стол свои громадные, в медно-красной поросли лапищи, — умел на-

шкодить, умеешь и ответить. Это хорошо. Через полгода приходи — прорабом возьму.

— Можно идти? — спросил Виктор и поднялся.

— Иди. Сдашь всю документацию по зоне отдыха Воднюку.

— Хорошо, — сказал Виктор и чуть скованнее, чем обычно, подошел к двери. Повернув ручку, он раздельно сообщил:

— Только передавать нечего. Нет документации. Ни одного листа чертежей.

И вышел. Раз, два, три, четыре, пять...

Медленно, считая шаги, но не оглядываясь, Виктор шел по коридору. И загадывал: на четном шаге окликнут — помиримся, на нечетном — подеремся.

Секретарша окликнула посредине между девятнадцатым и двадцатым шагом. Если по "Виктору", то нечетный, если по "Михайловичу", то четный. Так и не решив окончательно, что будет, Кочергин вернулся в кабинет управляющего.

— Это как же понимать? — ровным зловещим голосом спросил управляющий. — Где чертежи?

— Я их пропил, продал, съел, передал иностранной державе, а на вырученные деньги купил гарнитур — так, по-воднюковски? — быстро выговорил Виктор.

— Анархист, — сказал Маркин, — ну какой из тебя главный инженер? Срамota. Детский сад. А может, ты того, ку-ку?

— А ведь это уголовное дело, Кочергин, — отозвался дотол молчавший Аксенов, — материальные ценности...

— Чего ты добиваешься? — спросил управляющий.

— Я уже говорил, — вяло сказал Виктор и, несмотря на то, что все стояли, сел. — Отсрочить работы, пока не закончат перезахоронения; и написать письмо в исполком — пересмотреть проект и наказать...

— Кишка оказалась тонка. И признать боишься. Невинность соблюсти ему надо, — постепенно накаляясь, заговорил управляющий. — Только объясни, почему ты вчера, сукин сын, на этом самом месте клялся-божился, что все сделаешь в срок? Предупредили же меня, козла старого, — управляющий грохнул кулаком об стол, — чтобы не связывался с тобой...

"Узнаю коней ретивых по каким-то их статьям"... — выплыли в сознании Виктора строки.

— Чего ты хочешь выторговать? — спросил опять ровным голосом управляющий. — Чтобы с тебя Воднюка стащили? Или еще что? Но учти: с нами так не разговаривают.

— Еще бы, — подумал Виктор, — даже если я сейчас отдам чертежи, а сам на колени стану, мне уже все равно в этом тресте места не будет... Разве что отпустят "по собственному желанию".

Но вслух сказал только:

— Я уже объяснил Ивану Егоровичу, что ничем не торгую и ничего не выторговываю.

— Ты прав, Егорыч, он и в самом деле блажной. Ну, цирк Такого у меня в тресте еще не было. Слушай сюда...

Управляющий сел верхом на стул и заговорщически наклонился к Виктору:

— Поскольку я тебе уже не начальник, а ты птица вольная, то скажу по секрету: прорвемся мы без твоих синек. Я уже Мельникову позвонил — к завтраму свежих нашлапают.

— С чего? Белки я тоже украл.

— Значит — сядешь, — констатировал Маркин, с сожалением качая головой, — ты что, законов не знаешь?

Знать-то Виктор знал, и были в общем-то у него основания предполагать, что “сядет” он условно, и все-таки представились ему унылые процедуры дознаний, допросов, суда и фигура торжествующего Воднюка в особенно коротких штанах.

— Где ты их держишь? — спросил управляющий, по-своему истолковывая перемены в лице Кочергина.

— В сейфе, — бросил Виктор, вовсе не имея в виду собственный, кабинетный, со всяким хламом, который не хотелось оставлять на глазах уборщиц и секретарши. Но управляющий понял именно так. Пощелкав тумблерами, он рывкнул в селектор:

— Воднюк? Выгребь из сейфа Кочергина все чертежи и ко мне.

— Все? — спросил невидимый Воднюк.

— Живо! — бросил управляющий и выключил селектор.

— Ключ у меня, — напомнил Виктор.

— И у него тоже, — тихо сказал Аксенов.

— Вот как? — сказал Виктор и быстро прошелся по кабинету, сотворившим представляя, сколько раз Воднюк в его отсутствие запускал в сейф лапы, — ну, приехали. Нет там чертежей. А засим — прощайте.

— Сядь! — крикнул пунцовый управляющий так, как Виктор в жизни еще от него не слышал. — Сейчас ты уйдешь, чистенький-блестенький, а мы будем тут друг на друга гавкать только за то, что расплеваться с исполкомом за пять минут можно, а мириться придется так, что трест кровью харкать будет? Да пойми ты, дурья башка, если мы с работы полетим, на наше место что, херувимов посадят?

— Ладно, — сказал Виктор, — давайте без дураков. Вам нужны хорошие отношения с горисполкомом? Так вы делаете все правильно. Нашли козла отпущения, всыпали ему хорошенько, еще под суд отдайте, и все это подайте исполкому: мол, не трест виноват, а один выродок нашелся. А я уж как-нибудь устроюсь. И жаловаться, что вы меня уволили без согласования с профкомом, не пойду.

В наступившей паузе резко затрещал селектор. Растерянным голосом Воднюк пожаловался, что чертежей ни в сейфе, ни в столе не оказалось.

Управляющий облегченно выругался и сбросил тумблер. Кочергин встал, решив, что разговор окончен.

— Остаться хочешь?— неожиданно спросил, не поднимая глаз, управляющий.

Виктор сказал медленно и негромко:

— Нет.

И продолжил мысленно:

“Так будет лучше для нас всех. Есть вещи, которых не забывают. И для меня это необходимо”.

Несколько секунд все молчали. Потом управляющий подал Виктору чистый листок бумаги и сказал:

— Пиши заявление. По собственному. Дата сегодняшняя.

ГЛАВА 18

— Ты не хочешь узнать мое мнение?— спросил Маркин, когда стрекочущая телетайпом приемная осталась позади.

— Хочу,— ответил безразлично Виктор

Не то чтобы ему и в самом деле не хотелось поговорить с Егорычем, которого он по-настоящему уважал, просто накатила такая слабость, когда и лежать-то, кажется, нет сил.

— У тебя друзья есть?

— Есть. А что?— вяло удивился Виктор.

— Как только терпят такого колючего?

— Кто как,— Виктор придержал дверь маркинского кабинета, пропуская хозяина,— кто молча, кто со скрипом.

— Били тебя, наверное, в детстве мало.

Маркин разлил по стаканам минеральную воду и продолжил:

— Забаловали мальчишечку.

— Нет,— чуть повеселел Виктор,— тут скорее наоборот. Чем меня больше бьют, тем я вреднее становлюсь. Меня надо любить и ватой перекладывать при транспортировке, тогда я добрый буду.

— Учту,— пообещал Маркин, щурясь и прихлебывая наразан.

Помолчал минуточку и вскинул косматую голову:

— Ты знаешь, что в городе с квартирами делается?

— Более-менее.

— Городу необходимо, чтобы спорткомплекс построили с минимальными затратами. И скажу, что место выбрано, пожалуй, что самое удачное. На инженерных сетях, на коммуникациях, на транспортных расходах знаешь, какая экономия получится?

— Да разве я об этом,— пожал плечами Кочергин,— разве я говорю, что вообще не надо строить? Но не на костях же танц-

площадка, и не по костям же бульдозером молоть. Да нас самих же за это живьем закопать надо!

— Это наверное, — хмыкнул Маркин, — а все равно на рожон-то чего переть? Пришел бы по-человечески, объяснил, чтобы поняли, — и тогда, может, все по-другому сложилось бы... Есть производственная дисциплина...

— Вот-вот, — пожал плечами Виктор. — Приказ начальника — закон для подчиненного! Приказал начальник — копай, сыпь, круши, он же отвечает, не ты! Не надо обсуждать! Не надо думать — с нами тот, кто все за нас решит!

— По-русски можно иначе: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет. Но ты же не считаешь всех дураками?

— Не считаю. Но вчера вечером я сам, своими глазами видел, как оскверняли могилы... Жаль, вас там не было. Зрелище... нет уж, здесь полумерами не обойтись. Раз не умеем что-то делать по-человечески — не надо делать вообще...

— Знаешь, Виктор Михайлович: умный ты парень, а дурак.

— Спасибо.

— Пожалуйста, пожалуйста, — Маркин ткнул лакированного медвежонка-папиросника, — мне побольше тебя повидать пришлось. И загибов, и перегибов, и просто ошибок насмотрелся. Кое-что и по мне треснуло... Ну и что? Не надо сильно упираться — тогда и загибы вроде поменьше, и гнуться не так больно, и рассосется спокойней.

— Есть вещи, которые касаются меня лично. И умывать руки я не хочу. И не стану. Как мы детям в глаза посмотрим на открытии этого комплекса?

Маркин, выкрошив из сигареты едва ли не половину табака, щелкнул зажигалкой. И усмехнулся:

— Что ты со мною, как с врагом говоришь? Не собираюсь я на костях строить. А только если мои люди станут приказ постороннего человека выполнять, я сниму с ретивых премию да проведу такой инструктаж, чтоб зачесались, а не закачу истерику. А переть на рожон...

Вошла секретарша с увесистой папкой “входящих”. Маркин вздохнул, нацелился фломастером — писать резолюции, но передумал:

— Кто там еще ко мне?

— Снабженец из РСУ связи: что-то хотел поменять.

— Пошли его в ОМТС, я еще минут двадцать занят. Если “сверху” позвонят — соединяй.

— У меня мало возможностей, — сказал Кочергин, дождавшись, пока Неля вышла из кабинета, — вот и пру на рожон... Иначе не одолеть... Что теперь об этом говорить? — Виктор вздернул плечо. — Ни о чем я не жалею.

— Ну и зря, — негромко сказал Маркин, — уйти — невеликое дело. Работать-то все равно надо, а подходящих людей на белом свете не так много.

— Наверное, я как раз неподходящий, — совсем невесело констатировал Виктор, — и вас я не очень-то понимаю. Как вы можете спокойно смотреть... И продолжать заниматься своим делом? Хотя бы этот комплекс: вы что, не поняли, что за всем этим — попытка одних чиновников угодить другим чиновникам?

— А ты по-другому взгляни. Спорткомплекс нужен городу. Не сейчас, так через год, не здесь, так где-нибудь в Посадино его выстроит. Всю программу благоустройства выполнять надо. Так пусть они сколько угодно так угождают друг другу — раз это идет на пользу делу! Жалко тебе, что ли? Тем и хороша, в частности, наша система, что такие — мелкие пусть — побуждения в конечном счете оборачиваются на общую пользу.

— Не знаю, на знаю... Я другого мнения о том, что при нашем строе надо, а что не надо делать. И не так много добром обернулось... Может, упустили? Может, хватит мириться? Вы еще вспомните, что этот Лаптев работает в Совете народных депутатов и приешьте мне дискредитацию советской власти! Как будто у нас бюрократы не у советской, а у какой-нибудь другой власти на службе...

Маркин молчал.

Если б Кочергин умел читать мысли, он бы очень удивился: Иван Егорович, весь такой могучий и умный, завидовал. И кому! Обруганному, кругом неправому, выгнанному с работы Виктору. Завидовал не тому, что Кочергин на два десятка лет моложе, что не пережил и части того, что выпало ему, Маркину, в детстве и юности. И даже не той легкости, с которой Виктор говорил о... непривычных вопросах. Нет, Маркин завидовал другому и спрашивал себя: "Когда, как и где я выучился оглядке, осторожности, степенности?" Хотя опыт и медвежий инстинкт показывали, что прав он, Маркин, но все же — завидовал.

И тут в дверь заглянула Неля:

— Кочергина срочно просят к телефону. Какая-то женщина. Сильно плачет.

ГЛАВА 19

Самым правильным после бессонной ночи и нервотрепки было бы не идти на работу. Анатолий минутку об этом помечтал; но у Тамары не было ни отгула, ни права, как у мужа, на "творческий день". Остаться же одному совсем не хотелось. А кроме того, вспомнил Толя, что, впопыхах поснимав с Виктором чертежи прямо с кульманов, ни о какой новой работе для мастерской не подумали.

Пока Тамара наспех маскировала припухшие веки — она проснулась после возвращения Толи с Кочергиным и не спала — объяснялись, — Анатолий сварил кофе, крепкий, с шапкой пены.

— Ты завтракать будешь? — спросил он Тамару.

— Нет. Только кофе.

Василенко закурил и поднес к губам чашечку. Но почему-то кофе показался сначала безвкусным, а потом — тошнотворным, а от запаха покачнулся перед глазами несколько раз рисунок на обоях. Какое-то странное стеснение в боку и в груди заставило двигаться осторожно, медленно; пока он переоделся, супруги уже опаздывали. Пришлось взять такси и, едва перемолвившись, разбежаться по своим этажам.

К началу двенадцатого, когда в отделе уже забыли о чертежах по зоне отдыха, объявился Мельников. И вскоре вызвал Василенко.

Неожиданно сердце заохало и заахало, перепуганно колотясь о ребра...

Так он вошел в кабинет.

Мельников перебирал почту. Жесткие полковничьи складки на его лице углубились, а недобрые глаза с желтоватыми, в красной сеточке сосудов белками воткнулись в Анатолия холодно и отчужденно.

Заговорил Мельников на “ты”, что само по себе считалось скорее хорошим, чем дурным признаком.

— Чего ты там мудришь с документацией по комплексу?

— Ничего. Все уже практически готово. От силы еще неделя, ну плюс пару дней на согласования — и порядок.

— Что сегодня ночью здесь делалось? И кто с тобою был?

— Работали, — коротко и бесцветно сообщил Василенко, а после паузы добавил: — У меня ненормированный день.

— Скажи, пожалуйста, какой энтузиаст, — так же бесцветно протянул Мельников.

Зазвонил телефон.

Мельников взял трубку; разговаривал односложно, время от времени коротко поглядывая на Василенко. Анатолий понял почему-то, что речь идет о его чертежах, и заволновался еще сильнее. Но как он ни напрягался, не мог расслышать ни слова мельниковского собеседника.

В очередной раз сказав “ясно”, Мельников положил трубку на рычаг и приказал однозначно, командирским голосом:

— Через пять минут все готовые листы по комплексу — ко мне. Копировать будем вне очереди.

Василенко сидел неподвижно.

— Ты что, не слышал? — спросил Мельников, поднимая брови. — Принеси сюда все листы по зоне отдыха и спорткомплексу. Там в тресте какой-то скандал. Что-то темнят...

“Поехало”... — со странным облегчением подумал Василенко и, встав, сказал:

— Никаких чертежей нет. Я сегодня утром проверял — все пропали.

— Пропали? — переспросил Мельников и тоже поднялся, расправив свои по-военному прямые плечи. — Раз — и испарились?

Василенко утвердительно кивнул. Почему-то ситуация вдруг показалась ему комичной, и он, не выдержав, улыбнулся.

Но Мельников заговорил без улыбки:

— Во-первых, не пропали, а ты их пропил, — начал он. — Вот тут у меня докладная, что вы ночью с приятелем шарили. Этот, который с тобою был, — из стройтреста?

— Да, но...

— Ловко придумано. Ох, Василенко, мне твои алкогольные номера вот где сидят, и как я жалею, что до сих пор тебя не выгнал!.. Значит, так: я тебе приказываю, слышишь, п р и к а з ы в а ю немедленно принести сюда чертежи, — и указал пальцем на середину своего стола.

— Понимаете, — начал Василенко чужим слабым голосом, еще не пугаясь по-настоящему, что сейчас может произойти нечто более серьезное, чем начальнический разнос, — надо подождать пару дней. Виктор согласует — там снос неправильный начали, — и чертежи вернутся.

— Послушайте, Василенко, — Мельников сел и, прямой, как штык, воткнулся взглядом в глаза архитектора, — какое ваше дело до их сносов-переносов? Не суйтесь, куда не просят. Где чертежи?

— Это касается не только строителей, а всех нас. Моя гражданская совесть...

— Это, небось... трестовские тебя так накрутили?

— Ну, в общем, да...

— Вижу, что тебя, как пацана, вокруг пальца обвели.

— Как вы можете так говорить! Вы же знаете...

— Это ты не знаешь, что задержка документации — это повод. Строители обвинят во всех грехах нас. Игра простая, как веник: мы, мол, рады все делать, а документацию-то Мельников задерживает; а потом — позже начали, так давайте упрощать. Нет, я им такого козыря не дам! Сорвут сроки — так пусть сами и отдуваются. А меня подставлять нечего. А ты — мог бы сообразить, не мальчик уже. А если не умеешь — меня спрашивай. Я зарплату за то получаю, чтобы у нас все в ажуре было. Понял?

Анатолий отрицательно помотал головой.

— Так... — зловеще сказал Мельников, — плохо дело. Вижу, что у тебя водка последние извилины заполировала, ну да живот остался — он тебе голодный марш еще споет!

— Ничего. Проживу!

— Да? То, что я тебя как собаку выгоню — это цветочки: две твои вытрезвительские “свиньи” достаточны для увольнения по статье. Но я еще тебе, гений сизоносый, такую характеристику накатаю, что не только архитектором — маляром никто не возьмет! И пусть твоя Тамарка у меня хоть в ногах валяется — во! — и Мельников, оскалась, скрутил фигу.

— Вы Тамару не трогайте! — дрожа всем телом от возмущения и боли, потребовал Василенко.

— Как бы не так, — обрадовался Мельников, — сейчас я ей расскажу, до чего ты докатился! — И, ткнув пальцами сразу во все клавиши, заревел на весь институт: — Тамара! Василенко! К Мельникову!

— Не смейте, — визгливо закричал Анатолий Петрович.

Он представил на мгновение, что и какими словами будет сейчас говорить Мельников, и как естественное и справедливое действие, о котором он просто не успел предупредить Тамару, покажется ей в таком изложении очередной пьяной бессмыслицей, позором, не совместимым с тем, что происходит в действительности, со всеми их отношениями...

Василенко вцепился обеими руками в стол и закричал еще раз:

— Не смейте! Я... я отдам чертежи.

— Быстро, — приказал Мельников и погрозил кулаком. — И чтоб в последний раз!

На слабых ногах Василенко миновал приемную и вышел в коридор, намереваясь подняться на чердак, где в старом, “некондиционном” сейфе лежали чертежи.

Но далеко он не ушел.

Хмурясь и недобро скалясь, из стены вышел Седой. В мертвенном свете люминесцентных ламп ржавый плоский штык в его руке казался почти черным.

— Ты куда это, а? — спросил Седой и, не дожидаясь ответа, одним коротким движением вогнал клинок Анатолию Петровичу в сердце.

ГЛАВА 20

Валентин Семенович воровато оглянулся и положил тяжелую лампу на колени. Повернув чуть-чуть, так, чтобы слово “СПИ-СКИ” оказалось сверху, Лаптев принялся его стирать ластиком. Мелкие бисеринки пота тут же высыпали на лбу.

Лаптев старался, но сдувая и сдувая серые катышки стертого ластика, он все время видел ненавистное слово. Очищая тонкую пленку пыли, сажи и окислов, выросшую на поверхности мрамора, Валентин Семенович только возвращал камню первозданную белизну, но нисколько не избавлялся от надписи.

Тогда Лаптев сменил тактику. Он вытащил из шкафа обоюдоострый стальной треугольник — режущий зубец, деталь выпускаемых в Перевальске жаток.

Аккуратно подстелив под лампу газету — чтобы не сорить, — Лаптев принялся скрести резакom, истребляя нагло торчащее слово.

Но на исцарапанном, потерявшем блеск мраморе все так же отчетливо вырисовывалось: “СПИСКИ”. А в довершение всего разболелась бородавка, всю ночь смирно сидевшая на щеке.

Мнительный Лаптев побегал по кабинету, поохал, не сомневаясь уже, что у него рак и предстоит мучительная и неотвратимая гибель. А потом задвинул лампу под стол — в шкаф она не влезала — и побежал в исполкомовский буфет. И получасом спустя возвратился, пряча под полom небольшую трехгранную бутылку.

Опять пристроив лампу над газетой, Валентин Семенович прицелился и аккуратно капнул уксусной эссенцией. Сразу же зашипели и запрыгали мутные пузырьки, резко запахло; когда шипение утихло, а пузырьки опали, Лаптев салфеткой вытер впадину на мраморе и тихо застонал.

Нет, ошибки быть не могло: на том самом месте, где стараниями Лаптева была вытравлена ощутимая ложбинка, красовалось прежнее слово. Но это еще было не главное!

Оглядев стержень со всех сторон, Валентин Семенович увидел, что с безжалостной определенностью все пятнышки мрамора преобразовались: выстроились кудреватой вязью старой каллиграфии.

И хотя отдельные слова наслаивались друг на друга, не составляло никакого труда понять, что все это — страницы вчерашнего протокола, каким-то непостижимым образом вмонтированные в каменный стержень. Казалось даже, что листки свободно плавают в полупрозрачной толще камня, прижимаясь к поверхности то одной, то другую строкой.

Проще всего, пожалуй, было бы распахнуть окно и швырнуть лампу о мостовую, но исполкомовские окна по весне еще не открывали, да и не удалось бы ее, наверное, просунуть сквозь густую решетку. Кроме того, к основанию лампы был привинчен инвентарный номер, и в перечне, висящем у дверей, числилась под этим номером именно лампа настольная. А это предполагало, что данная лампа должна находиться в этом кабинете, а не, скажем, на мостовой.

Стараясь не смотреть на проклятую лампу, Валентин Семенович набрал номер внутреннего телефона:

— Петр Иванович,— сказал он неожиданно сам для себя заискивающим голосом,— поменяйте, пожалуйста, лампу.

— Перегорела, что ли?— отозвался завхоз.— Так до понедельника электрик на базе.

— Нет,— терпеливо пояснил Лаптев,— не лампочку, а всю лампу.

— А она что, неисправная?

— Все исправно, все цело, даже номерок висит.

— Так чего же ее менять?

— Петр Иванович, вы скажите, можете сейчас же заменить или нет?— потребовал Валентин Семенович.

— У вас какая: серая мраморная с зеленым абажуром?

— Да-да.

— У меня на складе точно такие же. Но вы заявку напишите, и как что — так я вам в первую очередь. Так сказать, родственные службы.

— Спасибо,— грустно сказал Лаптев и положил трубку: услышал знакомое покашливание.

— Уж вы-то должны знать,— Приват рассматривал на просвет листки протокола, кое-где порыжевшие от кислоты,— что подчистка, равно как и уничтожение документов, преследуется по закону.

Лаптев только горестно вздохнул.

— Протоколы, гражданин Лаптев, в огне не горят и в воде не тонут. На том не одно поколение чиновников стояло, и крепко стояло. Да и вы — встречал я в архивах кой-какие бумаги, — пользовались такою спецификой... Но, как видите, у медали есть и обратная сторона.

— Отпустите меня,— вдруг просто попросил Валентин Семенович.

Приват закашлялся, прижимая ладони к впалой груди, и с брезгливым сочувствием посмотрел на Лаптева:

— Лично я бы вас вовсе не трогал. Вы мне крайне отвратительны, поскольку не интеллигент и подлец.

— Седой ваш — “интеллигент”, — прошептал Лаптев и потрогал бородавку.

— Седой, по крайней мере, натура совершенно цельная. Крут он, верно, но товарищ — настоящий. Впрочем, мы отвлеклись. Я здесь — лицо официальное и, в отличие от вас, даже выборное. И отпустить просто так, увольте, не могу.

— Чего же вы хотите?— Лаптев хотел еще добавить, что вчера от страха на него напала неудержимая икота, что валерьянка ни от чего не помогла, что не гасил свет и промучался добрую половину ночи бессонницей. Пришел на работу ни свет ни заря — а вчера дома накричал на девочек... И вообще приходится просить у того самого гнилого интеллигента, всю породу которых всегда в душе ненавидел... И боялся. Но — смолчал.

— Во-первых, списки,— сказал Приват, раскручивая свое кашне.

— Но я же сказал вчера: их у меня нет.

— Это не так. Не надо лгать. Пока что их действительно нет, но ваши подчиненные составят их не более чем за неделю.

— Сомневаюсь, данные утрачены...

— Я знаю,— ответил Приват,— смотрел. Надо будет — поможем. Люди у вас работают хорошие.

— Ладно,— согласился Лаптев, старательно не додумывая до конца свою мысль — чтобы Приват ее не подслушал.

— Позвоните сейчас же.

Лаптев помялся, но позвонил и отдал все необходимые распоряжения. Приват чуть усмехнулся:

— Вот так.

Валентин Семенович увидел, как слово “СПИСКИ”, такое неистребимое и отчетливое, исчезло — точнее, распалось на сетку прожилок.

— Видите, как просто?— спросил Приват.— А вы ножом, кислотой... Вы бы еще, извините, динамитом...

— А остальное? Ну, протокол...

— Протокол останется. Навсегда. Теперь второе. Соберите все разметки, которые вам дал Кочергин.

Лаптев рот раскрыл — но тут же решил, что это еще не самое страшное, и выложил на середину стола несколько листов.

— Жгите,— приказал Приват.

Бумаги горели в пепельнице минуты три — не более. Несколько лоскутков сажи пролетели по кабинету — Лаптев их поймал и препроводил в урну.

— Теперь третье,— сказал Приват,— вчера тот внезапный звонок нарушил э-э... процедуру и еще привел к некоторым нежелательным последствиям. Дабы не усугублять положение, вам надлежит пойти к председателю горисполкома и объяснить, что в его планы вкралась ошибка.

Валентин Семенович вообразил, как входит в кабинет со светлыми панелями и втолковывает “Самому”, что затея с ускоренным разворачиванием строительства на кладбище — проявление элементарной некомпетентности, головотяпство и бездушие... — и затрясся, смеясь и стеная.

— Не надо так нервничать,— посоветовал Приват,— мало ли какие ошибки бывают. Главное — их вовремя осознать, исправить и не повторять.

Валентин Семенович, все еще вздрагивая, нацедил воды и выпил полстакана.

Помолчав, спросил:

— Вы что, серьезно?

— Я совершенно серьезно. Ошибка ваша — и вам ее исправ-

лять. Через это надо пройти. Поработаете хоть раз на совесть.

— Я не пойду.

— Будьте благоразумны. Вы что, предпочитаете, чтобы мы вас всю оставшуюся жизнь мучали?

— Да на мне-то вы что повисли? Я-то здесь при чем? Он что, спрашивал у меня, можно ли строить и что строить? Советовался? Нормами хотя бы интересовался? Объявил — и все! И не перерешит, а меня выпрет!..

Выкрикивая это, Лаптев в то же время понимал, что обязан был еще две недели назад убедить начальство либо не затеваться с этим комплексом вообще, либо ограничиться самым минимумом. Тогда все кончилось бы, наверное, тем, что “Сам”, возможно, и выругав Лаптева, избрал бы какой-то компромисс. Но сказать это сейчас, добиваться отмены решения, в выработке которого участвовал и Лаптев, то есть дергать начальство как мальчишек, — это казалось Лаптеву совершенно невозможным.

— Пожалуй, Василий Андреевич прав, — произнес Приват, не отрываясь от лаптевских глаз, — вам уже не дано...

— Можно, я лучше что-то другое? — попросил Лаптев, — может, на Солонцах что-то сделать? Воду? Цветочки? Я могу и деньгами...

— Обойдемся, — бросил Приват и встал, — а шанс свой вы упустили. Наверное, последний.

— А может... Вы сами председателю скажете? А я — я заболел... У меня р а к, — и Лаптев для убедительности даже схватился за щеку.

— Рак? Это неплохо придумано... — после паузы странным голосом сказал Приват, — души нет, так пусть хоть тело погрызет...

И начал медленно истаивать в воздухе.

Но вдруг вновь появился и, глядя прямо в перепуганные глаза Лаптева, пообещал:

— Скоро появятся ваши родители... И с ними еще кое-кто... И исчез.

Лаптев подождал, потом снял трубку — намеревался вызвать машину, чтобы срочно ехать в поликлинику. Но оба телефона, и городской, и внутренний, не работали.

Обуреваемый страшным предчувствием, Лаптев бросился к двери. Но ручка, едва он к ней прикоснулся, отлетела, а могучий несокрушимый замок оказался запертым.

Дрожащими руками Лаптев вставил ключ, повернул — и борodka ключа с легким хрупаньем срезалась.

Тогда Лаптев попробовал кричать, затем — стучать в стену кулаками и стулом. Но старые, метровой толщины стены поглощали крик, а на стук в вечно ремонтируемом здании никто не

реагировал. Орудя ножкой разбитого стула как рычагом, Лаптев попытался вывернуть частую решетку, вставленную в окна изнутри, со стороны кабинета. Но стальных прутьев не смогли бы одолеть и трое таких, как он.

Обсосав ссаженную кожу пальцев, Лаптев влез на подоконник и, завернув руку в носовой платок, ткнул в форточку. С третьей попытки удалось, наконец, выбить стекло форточки. Но на улицу просовывалась только кисть руки, а на призывные и жалобные крики никто не отзывался.

Исцарапанный, охрипший, перепачканный известкой, Лаптев сел на пол возле холодильника и заскулил. Потом вытащил початую “гостевую” бутылку коньяка и выхлебал прямо из горлышка, не ощущая ни вкуса, ни крепости напитка.

Вот-вот должны были появиться души.

Лаптев уже не сомневался, что Приват сдержит обещание, и только гадал, кто придет первым: отец, от которого он в свое время о т м е ж е в а л с я, или дед Михай, убитый из засады по его, лаптевской боязни п р е д у п р е д и т ь, или те, частично позабытые уже друзья и сотрудники, которым он гадил мелко и крупно, расчищая себе место, выслуживая себе посты...

ГЛАВА 21

Бульдозерист СУ-5 Саня Кудрявцев проснулся в приятнейшем настроении. По случаю отгула можно было бы еще и поспать, но организму и так хватило. И хотя, еще не открывая глаз, Саня четко ощутил себя на старенькой раскладушке, тесной для его шестипудового тела, и понимал, что спал он в ковбойке и жестких брезентовых штанах, настроение ничуть не упало. Ночлег во времянке имел и свои преимущества.

Во времянке особенно церемониться было нечего, и скособо-ченный спичечный огарок Саня бросил прямо в угол.

И вот тут произошло нечто странное.

Крошечный гамачок паутины, видимый только с низкой раскладушки, не подхватил, а вытолкнул огарок, так что тот повис в воздухе и, быстро и причудливо разрастаясь, превратился в высокого худого старика со стриженной седой бородкой.

“Ну вот, — подумал Саня, — с чего бы это?”

Действительно, никаких таких особых причин не находилось. Выпивал он хоть и чаще, чем допускала мать, но куда реже, чем, скажем, его сменщик. И уж во всяком случае не могло произойти т а к о е, чтобы солнечным утром, на трезвую голову, безо всякого вдруг из огарков появлялись старички, хотя бы даже такие чинные и благообразные.

— Вы можете лежать, — сказал старик с резким прибалтийским акцентом, — а я постою.

— А что, места нет? — спросил Саня и деликатно поджал ноги, предлагая старику присесть на край раскладушки.

— Нет, — ответил старик, — в этом нет необходимости. — Тут только Саня со всей ясностью сообразил, что ни по каким правилам, твердо усвоенным им, ничего подобного быть не может. Однако, поскольку Саня, кроме матери, никого не боялся и что-то в закутке души ему успокоительно нашептывало, что все это — просто такой неожиданный утренний сон, он не зашумел, не задержался, а улыбнулся и спросил:

— Вы, деда, из каких будете?

— Из лютеран. Нас еще “прибалтийскими протестантами” при его светлости Витте называли.

И Витте, и лютеране для не слишком прилежного в науках Сани были темным лесом, спросил он как раз о другом, но почему-то ответом удовлетворился. Даже спросил, с немалой — по своему суждению — подковыркой:

— А что, у лютеран принято так — по утрам в спички лезть?

— Я, извините, выборный, — степенно проговорил старик, — и мне дано п о р у ч е н и е.

Слова “выборный” и “поручение” он выговорил особо торжественно, невольно вкладывая в эти привычные для современного уха слова немалый и как бы обновляющий их смысл.

— А мать говорила, — вдруг вспомнил Саня, — что прадед у меня тоже из латышей был.

— Твоя мать есть дочь моей дочери, — подтвердил старик, явно не припомнив слово “внучка”.

— Так я ее позову, это мигом, — решил Саня и даже сбросил ноги с раскладушки.

— Не надо. Мы с нею незнакомы, и она испугается. Женщины многого боятся.

Саня подумал, что мать, с посторонними и впрямь иногда робкая, испугается и расстроится, и согласился:

— Ну ладно, не буду.

— Это хорошо, — сухо признал старик, — иначе ей пришлось бы сказать, в чем дело. А лучше не следует.

— Я чет-то не понял, — произнес Саня, — а что случилось?

И тут вспомнил, со всей ясностью вспомнил вчерашнее, все разговоры, пока прикидывали, откуда и как сподручнее планировать грунт и сколько заплатят; и даже дурашливую песенку про паровоз, который кричал “ау”, вспомнил, под которую он передергивал рычаги, и затем — острое чувство своей неуклюжести, накотившее вчера вслед за испугом и яростью...

У Сани даже внутренности заныли, как будто прямо с раскладушки он сиганул в ревущую черноту десантного люка.

Скрипнув зубами, он спросил:

— Я вчера... много там наломал?

— Четверых, — холодно и негромко ответил старик и покачал седой головой, — а я лежал пятым...

Какое-то незнакомое жжение и покалывание заставило Саню часто-часто захлопать белесыми ресницами.

— Эти четверо — тоже отцы, и деды, и прадеды. У Августа было шестеро сыновей. Я знал его. Они все убиты. Живые — они бы не позволили...

Истериčno взвизгнули старые пружины. Саня рывком сел и обхватил кудлатую голову руками.

Старик молча смотрел.

Спустя каксе-то время Саня разжег потухшую папиросу, аккуратно вложил огарок спички в коробок. И спросил:

— А нельзя как-то поправить, что порушено?

— Нельзя.

— Ну, а хоть что-то я смогу сделать? — с тоскою спросил Саня.

— Можете. Затем я и обращаюсь к вам как лицо выборное. Сегодня необходимо ваше... дежурство, да, на кладбище.

— Ночью? — спросил Саня, не пугаясь, но все же с некоторой опаской припоминая свои детские, не такие уж давние страхи.

— Ночью нет необходимости, — без тени улыбки ответил старик, — по н о ч а м р а б о т н е п р о и з в о д и т с я. Надо сейчас.

— Это можно, — пообещал Саня и поиграл желваками.

— Спасибо, — поблагодарил старик и, уже истаивая, добавил:

— Нам самим это не всегда удобно, а вы поторопитесь.

“Вот так”, — сказал себе Саня и, выплюнув погасшую папиросу, встал, выбрался из временки и пошел через дворик к дому: помириться с матерью, выпить чаю и предупредить, что уходит.

...Через полчаса, чуть конфузясь, но в то же время сурово хмурия брови, он вошел в нижние ворота.

На кладбище трудилась спецкоманда — без суеты и спешки, аккуратно делая то, что, быть может, и не следует вообще, но если уж делать, то именно так.

Саня постоял и покурил с вояками, поболтал на извечные солдатские темы, а потом немного побродил по нетронутым еще секторам, почитал славянские и неславянские надписи, а затем пошел ниже, к площадке, н а ч а т о й вчера.

— Они мне здесь попашут! — неизвестно кому пообещал Саня и задумался, присев на травку.

Так крепко задумался, что не сразу заметил, как на кладбище поодиночке пришли ребята из его бригады — и дядя Коля, и Реваз Григорьевич.

— А что? — решил дядя Коля, когда все трое собрались вместе, — может, козла заколотим? — вытащил из кармана пластмассовую коробочку домино. Промелькнуло вдруг у Сани, что не совсем подходящее место для такого занятия и что здесь лучше бы что-то другое, но...

Почесав свои буйные бесцветные кудри, Саня согласился:

— Можно, только давай сначала скатим к воротам машины? А то будут ездить всякие, игре помешают.

— Ай, молодец, — сказал Реваз и одобрительно ткнул Саню локтем под бок, — правильно думаешь. А я и ключи свои взял.

Дядя Коля тоже прихватил свои ключи и принялся отпирать разнокалиберные висячие замки, прилепленные ко всем отпирающим и откручивающимся частям его бульдозера.

Забрался в кабину своей “железки” и Саня, и вот пулеметный треск пускачей ударил в утреннее небо.

А еще через десять минут, когда стальные громадины, заткнув собою нижние ворота и проломы рядом с ними, умолкли, а рабочие, соскочив с гусениц, собрались вместе, Саня похвастался:

— Они бы до этого и не додумались.

— Кто это — “они”? — настороженно спросил Реваз Григорьевич.

— Да так, — сказал Саня, вдруг ясно понимая, что не стоит распространяться про выборы, а лучше всего действительно сесть в тенечке у машин и постучать в домино. Хотя бы до тех пор, пока солнце не перевалит за полдень — а известно, что в пятницу к вечеру никакой работы уже не затевают.

Только сели, расположились, выкурили по первой, как вдруг, задержав ход, дядя Коля оторвался от игры:

— Кого-то черти несут...

Вскоре уже стало ясно слышно, что на дороге к нижним воротам рычали дизели и лязгали гусеницы.

С сожалением — он явно выигрывал — дядя Коля отложил домино и встал:

— ...Поиграть не дадут.

Не сговариваясь, даже не перебросившись парой слов, но одинаковой походкой и одинаково заложив кулаки в карманы, рабочие направились к воротам.

ГЛАВА 22

Длинные и глубокие, как в коренном зубе, боль и тоска не отпускали, а пульсировали и пульсировали. Как будто все пережитое и перечувствованное сегодня сконцентрировалось в одно. В объяснении с женой. Речь шла о Наташе, и боль не утихала.

Все время неотвязно, как в горячечном видении, вспоминался перекошенный злобою рот Валентины и ее крик:

— Ты не отец! Я десять лет с тобой промучилась, думала, что если уж нет у меня мужа, то хоть отец у детей будет. Но хватит! Доигрался! Мы что теперь — нищими должны идти?

Виктор не стал говорить, что не только нищеты, но даже существенного материального ущерба семье не будет, если он устроится прорабом или сменным мастером, — парень он здоровый, голова и руки остаются при нем. Да и авторитет... Но говорить не стал. Валентина все это знала не хуже его самого. Только и ответил:

— Не все измеряется деньгами.

— Мне-то мозги не надо пудрить, — взвизгнула Валентина, — ты эти лозунги для кого иного прибереги.

Рядом, в комнате, наливалась слезами Танюшка и слышала наверняка слишком много такого, чего не следовало бы, но Валентина не сдерживалась.

— Для дружков твоих шибанутых такие слова оставь! А мне это не надо! Не рассказывай! Не деньгами, значит, измеряется? Очень хорошо. Две невесты растут: ах Наташа, ах Наташа! — а спросят Наташу: чья ты? Прорабская дочка? Да ее в приличный дом побоятся пригласить! Придется ей искать мужа под забором или такого же дурака, как ты!

Виктор пожалел, что Наташи не оказалось дома, и все, можно себе представить какие, объяснения о причинах разрыва ей придется выслушать от Валентины. Жалел и все же радовался, что истерика, самая накипь, обошли ее стороной.

Виктор сошел вниз, сел в машину и, включив зажигание, опустил лицо на руль. Все плохо... Толя лежит в реанимации с инфарктом, и на него нельзя даже взглянуть.

Зампредисполкома, бесстрастно выслушав Виктора, пообещал разобраться, но в какие сроки и к чему сведется разбирательство — неизвестно.

А самое главное — и завтра, и послезавтра, и сотни огромных дней придется жить, ходить, думать и не видеть Наташиных ясных глаз и золотистых волос.

— Я не уйду, пока она сама мне не скажет, — бросил он тогда Валентине.

— Еще как уйдешь, — прошипела, щурясь и поджимая губы, жена, — или твой “Нат” увидит, как дерутся ее драгоценные папочка и мамочка.

— Не собираюсь, — сказал тогда Виктор, — я не рыночная торговка.

— А я, значит, базарная баба? — закричала Валентина и влепила ему пощечину.

Вот тогда-то Виктор и ушел.

Молча ушел, только в прихожей присел на корточки перед испуганной плачущей Таткой и сказал ей:

— Я уехал к бабушке. Обязательно скажи об этом Наташе, ладно?

— Ладно, — пообещала, шмыгая носом, Татка и окликнула,

когда Виктор уже подходил к двери: — Папа, а почему ты шибаешься?

Кочергин остановился, помедлил, подбирая слова, и негромко, только для Татки, ответил: — Так хвалят взрослых людей. А не “шибанутым” очень плохо живется. Они сами себя едят.

...Виктор завел мотор и выехал со двора.

Осторожно проехал по тесным городским улицам три километра и выбрался на окружную дорогу. Здесь можно было расслабиться.

...— Нет, ты теперь меня послушай, — Валентина, опираясь руками о столешницу, чуть наклонясь, выпрямляясь, и это почему-то оказалось не в лад с ее словами, — потому что никто, вижу, до сих пор тебе правды в глаза не сказал. Какие у тебя великие достоинства? Не пьешь, не куришь, не играешь, не гуляешь, не собираешь марки, не бьешь детей, а что вместо? Хозяин ты хороший? Не видел ты хороших хозяев! А какие дачи! Машины!

А может, ты готовишь вкусно? Под гитару поешь? Говоришь хотя бы интересно? Так нет же, слова из тебя не вытянешь. “Я целый день на работе!” Еще бы не работал... Ну, что? Вот и весь счет твоих доблестей... И твои сверстники, кто оборотистее, успели куда больше. Так чего же ты выпендриваешься? Кого ты из себя строишь? Как ты себе позволяешь дергаться? Ты — самый заурядный, такой же, как все, и должен...

— Да, я такой же, как все. Во всяком случае, как большинство.

— Так и нечего тогда! — вроде бы даже обрадовалась Валентина. — Живи, как нормальный человек, о детях думай. Стыдно сказать, у Наташи лишней пары туфель нет, а Танюша и вовсе в старье ходит!

Имелось в виду, что Татка донашивает платья и кофточки старшей сестры. Что в этом плохого, Виктор не знал, как не знал, впрочем, и достаточно убедительных слов, которые могли подействовать на жену.

— У нас разные представления о правильной жизни и нормальном человеке, — сказал он.

— Можешь подавиться своими представлениями, — крикнула Валентина. — А меня с детьми оставь в покое!

...Высмотрев телефонную будку, Виктор притормозил. Перескочив барьер, благо никого поблизости не было, позвонил матери — предупредил, что будет у нее ночевать. Уже собирался выходить, но спохватился, нашарил вторую монетку и набрал домашний номер Хорькова.

Днем, полетев в больницу прямо из треста, затем — в исполком и домой, Виктор так и не успел объясниться и попрощаться с начальником. И сейчас, дождавшись ответа, выпалил длинную тираду, из первой части которой следовало, что он извиняется, хотя ни разу на Хорькова не сваливал, из второй — что не

раскаивается и надеется, что хоть и без него, а все пойдет по-человечески, а из третьей — что личных обид и претензий у него нет.

— Это хорошо, что ты позвонил,— посопел в трубку Хорьков,— а то у меня уже голова малость кругом пошла...

Слышно было, как он говорит кому-то: “Кочергин”. Потом, прикрыв трубку ладонью,— очень характерный звук и характерное беззвучие,— несколько секунд совещался.

Когда Виктор, досадуя на паузу и особенно на то, что наступила она прежде, чем он успел спросить о кладбище, уже собиравшись повесить трубку, Хорьков отозвался:

— Ты чем сейчас занят?

— В телефонной будке парюсь,— буркнул Виктор.

— Приезжай сейчас ко мне. Н а д о.

ГЛАВА 23

Экскаватор и бульдозер, почти одновременно стрельнув сизым дымком, остановились. Саня, увидев своих, Кирилюка и Васю с их же участка, заулыбался и полез по кабинам — здороваться. Но тут как раз прикатил на управленческой “Волге” Воднюк.

— Привет, орлы!— воскликнул он, распахнув дверцу. Изрытая шрамиками давней угревой сыпи, остроносая широкая физиономия излучала благодушие и едва ли не торжество.

— Привет,— за всех отозвался дядя Коля и достал сигарету.

— Во повезло — не ожидал, что вас здесь застану. А сказали, что все в отгуле. Пришлось вот их с объекта снимать. Это хорошо. Сейчас вместе как навалимся...

— Куда навалимся?— вдруг поинтересовался Реваз Григорьевич.

— Объясню задачу,— Воднюк, не замечая ни тона, ни взглядов, протиснулся в пролом между ножом Саниного бульдозера и стеною и широко развел руками: — Вот так вот, от аллеи влево, вон до того склепа примерно, спланируем грунт — сюда панели кидать будем. А ты, Вася, тем временем сроешь этот холмик. А потом все вместе за котлован возьмемся. Машины будут. Сейчас срочной работы часов на пять, ну плюс обед. Так что до закрытия магазина управимся. С меня полкило...

Тут Воднюк заметил наконец, что никто из рабочих за стену с ним не полез и не стал слушать, а шушукаются между собою.

— В чем дело, орлы?— Карпович перебрался тем же манером к ним и попытался заглянуть в глаза. Попытался, но ничего не понял по их лицам.

А дядя Коля ответил за всех:

— Думаем.

— Так я, само собою, тоже подумаю, все запишу: и что из отгула вызвал, и сверхурочные нарисую, и за особую вредность производства еще накинута.

— Мы работать здесь не будем, — неожиданно выпалил Реваз Григорьевич.

— Как — не будете? Да что это с вами? — поразился Воднюк.

— Здесь же кладбище, — пояснил Саня. — Люди мертвые лежат.

Воднюк натужно заржал:

— Так они же лежат тихо, мешать не мешают!

— Брось, Карпыч, — примирительно сказал дядя Коля, — не положено так делать, и не будем. Что мы, нелюди какие? Пошабашим пока. Хочешь с нами в “козла”?

— Да погоди ты со своим “козлом”, — окрысился Воднюк, — хочется не хочется, а работать надо. Скоро панели возить начнут. Мало ли! Мне тоже, может, сейчас одну бабу поугovarивать хочется, чем пятерых мужиков.

— Ну и катись к своей бабе, — отрезал дядя Коля и сплюнул Воднюку под ноги.

Саня хохотнул, и все настороженно замолчали.

— Вот что, орлики, разговоры разговорами, а есть еще такая штука, как производственная дисциплина. И субординация. Я приказываю, а вы исполняете. Вот будет перекур, тогда и поболтать можно. Ишь ты! Да если мы будем делать то, что хочется и нравится, то живо все производство развалим! Давайте-ка по машинам, за дело, а я уж позабочусь о том, чтоб вашим детишкам на молочишко перепало.

И пошел к воротам.

Но никто не сдвинулся с места, только Саня, посвистев, пожевав папиросу, поковылял вслед, не то чтобы так уж передразнивая, но все же несомненно пародируя Воднюка.

Иван Карпович чувствовал, что по непонятным причинам ситуация выходит из-под его контроля. А надо было спешить, надо было заставить успех, не дать тресту усомниться в его, Воднюковской, дееспособности. Что с того, что работы не стал начинать Кочергин и вообще какой-то странный тон был у руководства? Сейчас, когда удалось, а Воднюк был уверен, что его тактика сработала — спихнуть одного и появился шанс, что Хорьков может и сам уйти досрочно, надо было торопиться. И вдруг неожиданное препятствие! Вникать в причины Воднюк не считал нужным, а просто разозлился и потерял осторожность:

— Учтите, это вам даром не пройдет. Вышли на работу — так нечего торговлю квасом разводить! А не хотите работать, зажрались — так другим не мешайте! Я на вас управу живо найду! Посмотрю, как вам за насосную наряды закрывали — досчитае-

теть? Еще как! А теперь — нечего стоять. Заводи моторы, освобождай ворота!

— Слушай,— подскочил к нему побелевший Реваз,— ты что, русского языка не понимаешь? Сказали тебе: нельзя работать здесь!

— А что ты мне “тыкаешь”? Порядка не знаешь? Заводи машины, я сказал!— И, оттолкнув щуплого Реваза Григорьевича, Воднюк сам полез в кабину бульдозера.

Вскочив на трак, он занес было ногу, но ступить в кабину не успел. Железная ручища Сани, как тисками сжав щиколотку, в одно мгновение сдернула Воднюка на землю. Вскочив на ноги и еще не понимая, что дело здесь проиграно окончательно, Воднюк слабо, по-бабьи, мазнул Саню ладонью по щеке.

В следующую секунду он с расквашенным носом очутился в канаве. Но, пожалуй, самым горьким было не боль от удара, не жжение в колене и даже не вонючая жижа канавы, а выражение пяти пар глаз.

Зажав ладонью нос, перепачканный и обмякший Воднюк выкарабкался из канавы и, позабыв о “Волге”, бочком, бочком засеменял прочь. Бригада провожала его взглядами, а затем все разразились хохотом. Отсмеявшись, дядя Коля сказал:

— Я так понимаю: раз “Волга” стоит, грех не покататься.— Поехали со мною,— кивнул он Ревазу и Кирилюку.

— А чего не все вместе?— обиделись оставшиеся.

— Оставайтесь пока. Покурите. Мало ли что, а, Сань?

— Годится,— кивнул Саня. А Кирилюка спросил: — Вы-то куда?

— В трест. Надо с Егорычем потолковать.

ГЛАВА 24

Хорьков, как добрая треть администрации “Перевальскпром-строя”, жил в старой пятиэтажке без лифта. Дома эти назывались в свое время “хрущобами”, потом никак не назывались, а квартиры, в зависимости от числа комнат, “пеналами”, “трамвайчиками” и “распашонками”. У Хорькова был “трамвайчик”. Квартиры эти по планировке устарели за несколько десятилетий до своей постройки, но являли, по своей простоте и функциональности, образец той самой реальности, которую не любя терпел Виктор, считал неизбежной, а потому и необходимой.

Тринадцать ступенек — площадка. Еще тринадцать — еще площадка. Четыре двери здесь — четыре на следующем, и так далее.

Виктор бывал у Хорькова, и не раз, хотя никакой особенной дружбы у них быть не могло. Так, заезжал проведать, когда

Хорьков хворал. Правда, и не тяготился необходимостью выпить чашечку чаю с ним самим и его женою.

Четвертый этаж. Кочергин позвонил, толкнул дверь — открыто, окно было тоже распахнуто, но из-за безветрия в комнате некурящего Хорькова круто застоялся табачный дым.

Дымили Маркин, расстегнутый, лохматый и, как всегда в подпитии, еще больше похожий на медведя, и Федунлов, крепко польсевший брюнет того же вышесреднего возраста, что и Маркин.

Виктор знал, что Егорыч живет рядом, в соседнем подъезде, и что у них с товарищем Федунловым давнее, бог весть с каких лет, то ли знакомство, то ли дружба, но вот увидеть всех троих вот так за рюмкой коньяку, не ожидал.

Маркин, с напускным благодушием проследив за кочергинской реакцией, повернулся к двери на кухню:

— Лида! Еще кофе!

“Кофе — ладно,— подумал Виктор, принимая чашечку из рук тети Лиды,— а зачем зазвали?”

И вдруг понял, что выпадает еще один шанс. Может быть, самый главный, чтобы довести до конца дело, чтобы Толиково сердце и его собственная судьба не разбились просто так, безо всякой пользы, потому только, что им самим стало неведомо переступить.

Понял и позволил Федунлову весьма бесцеремонно себя разглядывать, а сам прихлебывал кофе и, на первом плане сознания, в то время как на дальнем формировалась просьба, думал:

“Что, интересно, тебе тут про меня наговаривают? Что шибанутый, анархист и вообще тайный сектант?”

— Ты когда на кладбище был?— вдруг спросил Маркин.

— Вчера вечером,— сказал Виктор и подумал, что там наверняка произошло нечто неожиданное, может быть, плохое — так спросил Егорыч, а он попусту не интонирует.

— А сегодня?— еще строже спросил Маркин.

— Не успел. Никак. У товарища моего беда... — я как вот тогда от вас из кабинета уехал, так только домой успел... А что там?

— “А на кладбище все спокойненько”...— процитировал Маркин и, резко сменив тон, спросил: — Это ты туда мужиков послал дежурить?

— Кого? Откуда у меня сейчас люди?— искренне удивился Виктор и принялся лихорадочно перебирать варианты.

— А что ты им сказал?— не унимался Иван Егорович.

— Да кому это — “им”?— взмолился Кочергин. — Не темните вы, ради Бога!

— Первой бригаде,— пояснил Хорьков и даже перечислил фамилии, будто Кочергин и так не знал всех наперечет.

Виктор чуть покраснел, вспомнив, что и как он сказал вчера Сане Кудрявцеву, когда тот выскочил из бульдозера, но сообразил, что Саня — не тот парень, чтобы принять непечатные слова за нечто особенное, а никто больше и не слышал; да и какое это сейчас имеет значение?

— Ничего особенного.

— А все-таки?— спросил Маркин.

— Ну объяснил, что так нельзя — скрести бульдозерами прямо по могилам человеческим, что надо же соблюдать... Сказал, что приказ устный, лаптевский, вообще черт знает что, и кто такой Лаптев? И отправил по домам. Да, еще дал всем отгул на сегодня — я им вправду должен за котельную, это и по бумагам...

— И все?— недоверчиво протянул Маркин.

— Все... Так объясните...— начал Виктор, уже ясно вычислив, что сегодня с первой бригадой произошел какой-то казус.

— Я же сказал вам — сами, — отозвался Федун, в первый раз по приходе Виктора нарушив молчание.

— Иван Егорович, в чем там дело?— настойчиво спросил Виктор.

Маркин взял рюмку и, обхватив ее огромной своею ладонью, нехотя проинформировал:

— Да эта бригада твоя вроде пикета на кладбище устроила, технику остановили, ну и там еще кое-какая свара вышла...

— Вам “кое-какая”, — деланно возмутился Хорьков, и Виктор понял, что это говорится исключительно ради него, Кочергина, — а я в одночасье и без второго зама остался. На старости лет один на один с этими оглоедами.

— Поплачь, — посоветовал Маркин. А Виктор честно сказал:

— Я не в курсе...

— Это хорошо, — наконец смиростивился Егорович, — потому что твоего “друга” Воднюка там малость причесали.

— Их не посадят?— испугался Виктор.

— Кто?— хохотнул и медвежьей лапой своей взмахнул Маркин. — Воднюк-то? Да он сейчас не знает, какому богу молиться, чтобы мы не раздули эту историю. Сам же полез. При свидетелях.

— А я сейчас вспомнил, — неожиданно сказал Федун, — этот Воднюк в пятьдесят третьем на химкомбинате вольнонаемным... служил?

— Тот, — кивнул Хорьков.

— Хваткий был мальчишечка, — с непонятною интонацией проговорил Федун.

— Он и сейчас хваткий, — Маркин подмигнул, — сколько я на вас, братцы, от него “телег” получил... Так что можешь радоваться, Кочергин. Бог шельму пометил.

— Я и так радуюсь. Не потому, что его свозили по морде и

скандал при свидетелях; не тому, что теперь-то “телег” от него станет поменьше. Тот, кто говорит одно, а делает свое, рано или поздно получит свою оплеуху. Независимо от чинов. Это закон, и только. Я радуюсь, что сделали это наши рабочие, его же СУ, его же “воспитанники”; и радуюсь, что я их ни в какой пикет не посылал, ни к чему не обязывал.

Хорьков крикнул и вышел к своей Лидочке на кухню.

— Соображаете, молодой человек, — чуть заметно улыбнулся Федунов, — а вас тут обрисовали как заклятого анархиста. Я так себе и представил: грудь — во, кулачищи — во, длинные патлы и вся грудь в наколках.

Сказал — и улыбнулся нарисованной картине.

— Жаль, что Бог кулаками обделил, — серьезно сказал Виктор, — но все равно, пойду-ка и я в пикет.

— В этом нет нужды, — спокойно сказал Маркин, — сами проследим, чтобы больше никаких эксцессов. А тебе своих забот хватит: трудоустраивайся.

— Не будете мешать — устроюсь, — сказал Кочергин, глядя Ивану Егоровичу в глаза.

— Не будем, — тот не отвел взгляда, — так что можешь быть спокоен. Почти по “программе-минимум”. Без некоторых твоих экстремизмов. Так что можешь чертежи отдать. Мне лично.

— Все-таки решили строить?

— Давно решено, — пожал плечами Маркин, — а — что накладки, так сам знаешь — бывает... Может, вообще — давай по-старому?

— Я уже сказал сегодня днем, — огрызнулся Виктор и залпом допил кофе.

— А я тебя и не уговариваю. Во ерш, а? — пожаловался Иван Егорович Федуну. — Но знаешь, у меня такое впечатление, что нарочно лез на рожон. Решил сорваться...

— Это так? — быстро спросил Федунов.

— Да... Наверное, так... — подтвердил Виктор. И словно боясь, что его сейчас остановят, добавил торопливо: — Не смог бы, не вытянул....

— А ты что думал? — не дал ему договорить Маркин. — Все розочки да розанчики? На земле живем, парень.

— Не вытянул — что? — спросил Федунов у Виктора.

Кочергин молчал: понимал, что и хотел сразу же все выпалить, не перебей его Маркин, а вот теперь добавлялось еще нечто и пока еще не стало словами. Какое-то через край поднявшееся бесформенное месиво... Неудовлетворенность этой жизнью, тем, как она складывалась, с бесконечными препонами нормальным поступкам, с постоянными компромиссами невесть с чем, с п р и в ы ч к о ю, что ли, с постоянным побуждением к полудей-

ствию, полусуществованию, с мыслями, зажатыми на каком-то недостойном уровне...

Понял Кочергин, что давно все происходило неправильно, по какой-то неестественной традиции, и что сам в этом виноват столько же, если не больше, чем все остальные. Виноват настолько, что это не может быть искуплено единственным правильным поступком, тем более, что наказание за него такое же несуразно маленькое, как все вознаграждения; как все, что происходит...

А потом Виктор сказал:

— Не смог свою линию вытянуть. По закону и по совести. Но сначала не смог, а теперь вижу, что и этого мало... Надо все заново, что ли...

— Вообще-то авторитет надо восстанавливать на том же месте, где и потерял, — сообщил Маркин и, чуть заметно подмигнув Федуну, добавил: — Не те времена, когда шаг в сторону считался преступлением.

И по выражению лица начальства, и по тому, как поспешно заговорил Хорьков, Кочергин почувствовал, что между ними продолжается какой-то давний спор, что некогда тесно переплелись судьбы этих людей.

А Хорьков сказал торопливо:

— Да Виктор и не терял. Я так понял, что управляющий его только сегодня и зауважал. А прочие — так никто ничего и не знает.

Маркин подошел к столу и, грузно опершись о подоконник, сказал не оборачиваясь:

— Все эти глупости, безответственность, лаптевы, воднюки — это вроде как постоянно действующий экзамен. Квалификационный минимум. Отбирать пригодных. Нekoгда ждать, пока херувимы с неба посыплются. Работать надо.

— Считайте, что я этого экзамена не сдал, — негромко отозвался Виктор, — и совсем не нравятся мне такие игры...

— И нам тоже прикажешь не играть? — спросил Маркин. — Спорткомплекс этот, к примеру, не строить?

— Да, да, да, — почти закричал Виктор, — не строить здесь. Нельзя было кладбище ломать! Сколько же можно только о сегодняшних рублях заботиться? Сколько можно делать добро ценою зла? И добро ли это? Добро ли мы делаем, как обещали? Крестьян ограбили, чтобы на "индустриализацию" хватило; народ постоянно в черном теле держим до водочкою отвлекаем, чтобы Держава была могучей и щедрой; потомков наших грабим, распродаем сырье, чтобы купить то, что крестьянин, пока его не ограбили, сам давал с избытком; теперь еще за предков возьмемся, место у них заберем, потому что так похозяйствовались, что лишней копейки нет подлиннее водопровод протянуть...

— Ты чего раскричался?— испуганно перебил его Хорьков и, обращаясь к Федуну, поспешно сказал: — Сколько у меня работал, ни разу не ораторствовал.

Федунов молчал, молчал и Виктор, привычным ходом мыслей подходя к пониманию, что с работы он вылетел, да партбилет остался... А Маркин, вроде безо всякой связи, пропел:

А когда кончился наркоз,
Стало больно мне до слез:
Ах, за что ж я своей жизнью рисковал?

Федунов молчал, и по его лицу, давно затвердевшему от многолетнего пребывания на заседаниях и в президиумах, Виктор не мог ничего прочесть. А впрочем, “читал” он какое-то мгновение, а потом сказал, обращаясь прямо к Федуну:

— Вот, вы уже все знаете. Так вступитесь! Вам же достаточно п о з в о н и т ь — и сразу по всем каналам пойдет отбой!

— Жаль,— вдруг сказал Федунов,— мне показалось, что у вас есть в а р и а н т.

Какое-то время все молчали. Потом Виктор пожал плечами, встал и пошел к выходу. Он уже у порога стоял, не зная, чего ему больше хочется — уйти не попрощавшись или откланяться и хряснуть дверь, когда Федунов спросил:

— Вы на машине? Подбросьте меня.

— У меня не черная “Волга”, — огрызнулся Кочергин и почувствовал, что перебрал.

Но Федунов будто и не заметил резкости, выбрался из-за стола и тоже двинулся к выходу, по дороге спрашивая:

— Надеюсь, и не мотоцикл?

И тут же засмеялся и, кажется, впервые в присутствии Виктора сказал с неофициальной интонацией:

— А впрочем, почему бы и не мотоцикл? Был у меня “ижак”, помнишь, Егорыч?

— Железный конь прораба пятилетки,— Маркин протянул руку, прощаясь.— Провожать не надо?

— Себя до койки донеси,— подмигнул Федунов и, попрощавшись, вышел.

А в машине вновь спросил “кабинетным” тоном:

— Что, так и будем на царя-батюшку уповать?

— Это здесь при чем?— без эмоций спросил Виктор.

— Ну как же. “Наверху” разберутся, укажут, заставят, в угол поставят... Или еще куда.

— Так систему построили. Сверху управление, снизу подчинение.

Ехали медленно. Те самые полчаса, когда солнце уже зашло и заря угасает, а рукотворный свет еще не залил улицы. Да и транспорта порядком, того и гляди...

— А раз “построили”, раз все вертится, как подсолнухи, так в чем проблема? Сверху же все делалось как надо, с самыми лучшими побуждениями.

— Кому — как надо? И насчет побуждений...

На лицо Виктора в этот момент лучше было не смотреть. Федуну и не смотрел, даже не поворачивал головы. Только бросил полувопрос, полуутверждение:

— Не веришь ты в успех своей затеи. А в “инстанции” веришь.

— Затеи? — поинтересовался Виктор. — Что вы имеете в виду?

— Чтобы снизу, своими силами остановить...

— Смотря что, — сказал Виктор, — я, правда, и не надеялся, но так получилось: по крайней мере, теперь сделаю по закону.

— Вы так полагаете? А если завтра тот же Лаптев вызовет наряд милиции и ваших “пикетчиков” продержат недельки две за нарушение общественного порядка? А с вами еще проще: хищение служебного имущества, а если отдадите и покаетесь — так за одни сегодняшние разговоры можно вполне по статье закатать. Нет?

— Можно, — подтвердил Виктор. И добавил: — А все равно я прав. Наверное, только слишком понадеялся на... — он хотел сказать “вас”, но счел за благо помолчать.

— Прав, что возмутился... Если все так, как я понимаю. А в остальном... Вы что думаете, мне и в самом деле недосуг позвонить, указать, вызвать “на ковер” и от этого, например, кладбища отступить, как от неопалимой купины? А вы знаете, сколько по области кладбищ? Сколько всяких там исторических зданий и памятных мест? А сколько школ в позорном состоянии? Сколько клубов хуже курятников? А сколько людей живет не по-людски, а стоимость одного ското-места сейчас вздулась больше, чем за кооператив?

— Да не об этом я... — начал Виктор, но Федуну перебил:

— Все одна цепочка. Кто должен услеживать? Вы что, дети малые, неразумные? Дебилы со справкой о недееспособности? Вы-то сами почему терпите? Сколько можно “уповать”? Нет, вам даже в голову не приходит ничего большего, чем допроситься о подмоге... и по какому поводу? Чтобы соблюдались наши собственные правила... А уж о том, чтобы задуматься: а надо ли вообще сейчас ликвидировать кладбища, так, наверное, и не успели... Во всяком случае, по вашему горячему монологу я этого не понял.

— Что теперь об этом говорить? Дело сделано... — и спросил, вырываясь на проспект: — Вам куда?

— На Жуковского. Дом специалистов знаете?

— Да, — подтвердил Виктор.

— А я принципиально не буду вмешиваться, — вдруг сказал Федуну. — Пусть это будет на вашей совести. И оставшаяся

часть кладбища, и то, что построят... Танцплощадку, да? Очень красиво...

— Не будет там танцплощадки, — упрямо пообещал Виктор.

Светофор перемигнул, и машина свернула на перекрестке. И почти в это же время ослепительно вспыхнули ртутные лампы на уличных фонарях.

— Могила праведника — достояние народа, — отозвался Федунов, когда “Москвичок” остановился возле дома. — Не я сказал — Пушкин. А нет могил — нет и достояния. Так?

— Я вас не понимаю... Вас, а не Пушкина.

— Жаль, — сказал Федунов. — Не так трудно понять. Если вы допускаете, что раз п о и н с т р у к ц и и, по решению какой-то конторы все правильно, если вы над самым решением не задумались...

— Задумался.

— Один? А остальные? Остальные допустили, что так и надо, препятствуют только совсем непотребным действиям. Опять допустили, что сверху виднее, что сверху поправят, если что не так. А головы-то у вас точно такие же, может быть, и лучше, чем у других. Что есть соображения выше, чем вы себе представить можете? И что это за соображения, если всем против самих себя надо идти, против своего же достояния? Пятеро сегодня в ы ш л о — а где остальные? У доброй четверти города здесь предки лежали — и где все? Почему промолчали? Почему не встали рядом, не исправили, если ошибка вышла? Их-то совесть где? Закончится снос, построят здесь танцплощадки, спортплощадки, и все. Опять все покатится как прежде, — а катиться уже некуда, правильно ты у Хорькова орал...

Федунов приоткрыл дверцу, но не вышел, будто ждал чего-то. И Кочергин сказал:

— Но с чего-то начинать все равно надо.

— Надо, — сказал Федунов. — Но не с жалобы и не с партизанских действий. У тебя совесть заговорила — пусть и у остальных заговорит.

Сказал — и вышел из машины.

ГЛАВА 25

Улицы пустели.

Бессонная ночь, день, перегруженный потрясениями, событиями и разговорами, налили все тело болью и тяжестью. Глаза жгло.

— Я проиграл, — пожаловался Виктор комиссару Белову, едва различимому на заднем сиденье. Пожаловался своей совестью, главной ее части. Тому, что приближалось много лет и вот, в эти короткие стремительные дни и ночи, обрело такой облик.

— Ну ты даешь! — возмутился Василий Андреевич. — Ничего ты не проиграл.

— А что выиграл?

— Дело выиграл, — со вкусом выговорил Белов.

— Какое дело.... — Виктор еще сбавил ход, — все равно не будет старого кладбища...

— Ничего. И на новое придут люди... Когда мы им понадобится по-настоящему. А пока — пока...

— Что?

— Да прав этот обкомовский. Разучились по-настоящему думать, по-настоящему чувствовать. И то сказать — сколько били, сколько от самостоятельности отучали, что мозги полуребьичи... Но ничего. Никуда не денешься. Дети вырастут, если их не убьют молодыми. А этого...

— Там, у вас, сведения точные? — как мог быстро спросил Виктор.

— Я бы тебе объяснил, — посетовал Белов, — да вот не положено... И слишком долго объяснять. А вот чувствуешь ты и так правильно.

— Толку-то... — сказал сам себе Виктор.

— Не поставь ты все вот так, резко, на карту — никто бы не шелохнулся. А так — есть дело. Есть н а ч а л о.

Виктор помолчал, кусая губы, чтобы не заснуть за рулем.

— А теперь давай прощаться. Мне пора. Как знать, может, не скоро... — сказал Белов, и Виктору показалось, что случилось невозможное: голос комиссара дрогнул.

— Куда ты, — зачем-то спросил Кочергин.

— Куда-куда... Сейчас — к выборным... А там и на Солонцы. С новой компанией знакомиться...

— Может, я что-то еще могу?

Виктор почувствовал, что Василий Андреевич улыбнулся. И, кажется, сказал:

— Сирень мне посади на Солонцах. Белую. Очень люблю, понимаешь... А ты у меня один остался.

Тихо-тихо Виктор проехал еще сто метров, зарулил во двор и, едва выключив зажигание, бессильно повис на баранке.

В ту же секунду он уснул и провалился в бездну, и все глубже и глубже погружался в страшное, никогда не испытанное одиночество, в котором нет и никогда не будет глаз, и рук, и волос дорогой, единственной, истинного смысла бытия...

— Папа, ты спишь, что ли? — спросила Наташа.

— Да, — прошептал Виктор, не двигаясь, — чуть-чуть...

— Ну так давай пойдем в дом...

— А если не сплю? — спросил Виктор Кочергин, поднимая голову.

Сергей
КАЗМЕНКО

МНЕ ЗДЕСЬ НЕ НРАВИТСЯ

Рассказ

— Мне здесь не нравится,— сказал он голосом, полным уныния.

— Почему?— старательно удивился я.— По-моему, городок у нас неплохой.

С улицы донесся звук выстрела, и он вздрогнул, плеснув пива себе на брюки. Я сделал вид, что ничего не заметил, и, повернувшись к стоявшему за стойкой Клемпу, спросил:

— Адвокат Кабриди еще не заходил?

— Нет, Гайт. Я слышал, его утром застрелили. Ты разве не знаешь?

— Неужели?— я изобразил некоторое удивление.— А кто?

— Говорят, ребята Макирра. Всадили в него с десяток пуль, пока он садился в свой кар.

— Говорил я ему, что не стоит с ними связываться,— сказал я и, повернувшись к Лиммелю, добавил вполголоса: — Не повезло вам, приятель. Через Кабриди можно было бы сбыть ваши камешки.

Вид у Лиммеля был никудышный. Даже в полумраке бросались в глаза бледность его лица и затравленный взгляд. С ним можно было кончать, но я не торопил события. Я слишком устал за этот проклятый день, мне не хотелось трогаться с места, хотелось расслабиться и еще немного посидеть в прохладе, потягивая казенное пиво и дымя казенными сигарами. И мне доставляло какое-то мстительное удовольствие наблюдать, как на бледном лице Лиммеля временами появлялась заискивающая полуулыбка, когда он ловил на себе мой взгляд.

— Да, Гайт, чуть не забыл,— сказал мне Клемп доверительным шепотом. Я и не заметил, как он подошел сзади.— Тут забегал паренек от Яглафа. Они ищут какого-то типа в белом плаще. Просили свистнуть, если объявится.

Клемп умеет шептать так, что слышно на другом конце города.

Бедняга Лиммель окаменел и стал медленно погружаться под стол.

— Да вроде я видел какого-то чудака в белом плаще, — поспешил сказать я. — Часа два назад он садился в кар напротив лавки Литса.

— Интересно, на что он надеялся. По дороге на Патинку Яглаф всегда был хозяином.

— Спасибо, что вы меня не выдали, — одними губами сказал Лиммель, когда Клемп вернулся к себе за стойку.

— Не стоит, приятель. Просто я не очень люблю Яглафа. Как стал его племянник шефом полиции, так все этому мяснику с рук сходит.

— Ну у вас тут и порядки, — Лиммель тяжело вздохнул. — Ну как можно так жить? На улице показаться боязно.

— Порядки как порядки, — буркнул я. — Не хуже, чем в других местах.

Порядки ему наши, вишь, не нравятся, со злобой подумал я. Ну и сидел бы тогда дома. И слово-то какое выбрал — боязно. Вот-вот в штаны со страху наложит, а туда же — боязно ему. Сказал бы еще “небезопасно”.

— Нет, я просто не понимаю, — вдруг быстро заговорил он. — Ну как вообще можно так жить? С утра до вечера пальба, убийства, насилие, перестрелки...

— Ночью еще хуже, — флегматично вставил я.

— ...полиция преступников покрывает, убитый лежит прямо на улице, и все проходят мимо...

— Приедут из морга, заберут. Это их забота.

— Но я же не смогу здесь жить! — воскликнул он и закрыл лицо ладонями. Я не стал его разубеждать. Он был совершенно прав. Он здесь жить не сможет, это совершенно точно.

А ведь сперва он показался мне стоящим человеком.

Когда рано утром я вышел на него у заброшенных складов, то сначала даже подумал, что он и сам, без моей помощи способен выкрутиться. Его белый плащ был вымазан в грязи, руки покрыты ссадинами, он сильно хромал на правую ногу, но в глазах его я не заметил ни малейшего следа паники. Это меня и обмануло. И только полчаса назад, когда сидя напротив меня в этом погребке, он снова попытался сглотнуть таблетку, я понял, в чем дело. Хуже нет, когда человек переходит на такие средства. Значит, он не верит в себя и готов на любой поступок, чтобы только избавиться от давящего чувства страха. Нет, он, конечно, не сможет здесь жить. Просто потому, что такие люди здесь не нужны.

В склады его загнали ребята Яглафа. Я поставил свой кар у ворот, и, приоткрыв одну створку — они там с незапамятных времен не запирались, — вошел во двор. Солнце еще не встало, но уже совсем рассвело, и я сразу заметил его в проходе между

строениями, что идут параллельно Шестой улице. Но вида не подал. В таких делах никогда не следует проявлять инициативу — у него могло быть оружие.

Я пересек двор, достал из кучи старых досок, что лежала у стены, отделявшей двор от пустыря, лопату и банку для червей и начал копать. Земля там жирная, потому что раньше у стены был разбит цветник, и даже сейчас среди зарослей лебеда и иван-чая можно наткнуться на чахлый тюльпан или нарцисс — но только по весне, пока сорняки еще не пошли в рост. А червям что цветы, что лебеда — все едино, и довольно быстро я накопал их изрядное количество. А этот тип в плаще все не выходил.

Наконец, мне это надоело. Я спрятал лопату, взял банку в правую руку — если надо, я и с левой стреляю неплохо, но обычно этот народ чувствует себя спокойнее, когда правая рука чем-то занята — и, насвистывая, двинулся к воротам. Бедные червяки, сколько я вас накопал под этой стеной, и все недосуг выпустить вас обратно, когда минует надобность.

По сторонам я не смотрел. Если он не выйдет сейчас, значит вообще не выйдет, и придется действовать другими методами. Но он своего шанса не упустил.

— Извините,— услышал я сзади неуверенный голос.— Я, кажется, заблудился.

Я медленно повернулся и впервые как следует разглядел его. Он был среднего роста, на вид довольно шуплый и, к счастью, ничего не держал в руках. Не люблю я, когда они что-то держат. И белый плащ его не показался мне таким уж чудным, хотя здесь, конечно, так не одеваются. А акцент — что ж, смешно было бы, если бы он говорил без акцента.

— Эт-то точно,— сказал я.— Как вы сюда попали?

— Я... я перелез через ту стену,— он говорил неуверенно, но спокойно. Это и ввело меня в заблуждение. Если бы он разговаривал, как сейчас, дрожащим от страха голосом, я не стал бы терять на него времени.— Видите ли, в меня стреляли... некоторым образом,— добавил он несущую фразу.

— По-моему, в вас стреляли самым натуральным образом. Я слышал выстрелы со стороны Патинки.

— Это там?— спросил он, кивнув в сторону дальнего угла двора.

— Ну конечно. Как вы там оказались?

— Это довольно трудно объяснить. Я не понимаю, почему в меня стреляли.

— Ваш плащ,— сказал я флегматично.

— Что?

— У вас плащ белого цвета. А вы забрели на рассвете на земли Яглафа — чего же удивляться? Сами виноваты.

— Но я же не знал... Послушайте, если я нарушил какой-то закон, я готов понести наказание или уплатить штраф. Зачем же меня убивать?

Очень нужен здесь его штраф. А наказание — если всех их наказывать, то работать некому будет.

— Вы приезжий? — спросил я.

— Да.

— Поговору чувствуется. У нас так не говорят, — и я повернулся, чтобы уйти.

— Н-но послушайте, — сказал он мне в спину. — Что же мне делать? Я не знаю, куда мне идти, чтобы... чтобы в меня хотя бы не стреляли.

Я снова повернулся, медленно оглядел его с головы до ног.

— Прежде всего, снимите этот плащ. В нем вы все равно далеко не уйдете.

Он стал быстро расстегивать пуговицы. Под плащом оказался свитер и нечто вроде брюк. В сумерках можно было пройти мимо и не заметить ничего странного. Но не днем. Поймав мой взгляд, он неуверенно опустил глаза.

— А другой одежды у вас нет? — спросил я.

— Н-нет.

— Н-да, вам не позавидуешь. В городе в этом не покажешься, а здесь ребята Яглафа вас скоро найдут.

Он начинал мне нравиться. Немногие способны выслушать такое и остаться спокойными. Он был озабочен — но не испуган, нет. Кто ж знал, что это из-за таблеток?

— Что же мне делать? — снова спросил он.

— Слушайте, а как вообще вас сюда занесло?

— Это долгая история. Может, вы мне поможете?

— Вообще-то я собирался на рыбалку...

— Я заплачу, — быстро сказал он.

— Дело не в деньгах. Мне не хотелось бы портить отношения с Яглафом. А вас я не знаю.

— Я не сделал этому Яглафу ничего плохого.

— Но вы ходили по его земле, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал я. Но уже решил помочь ему. Ведь бывает, что среди таких оказываются стоящие люди.

— Спасибо. Я не останусь в долгу.

— Надеюсь, — сказал я флегматично. Тут как раз очень кстати со стороны Патинки раздался выстрел. — Не будем терять времени. Мой кар стоит у ворот. Сейчас я выйду, раскрою дверь. Как только я свистну, прыгайте внутрь и ложитесь на пол. Двери я закрою сам.

Он молча кивнул, и я протиснулся в щель между створками ворот. Солнце, выкатившись из-за Монта, уже жарило вовсю, и

страшно было подумать, что ждет нас днем. И это на такой высоте... Представляю, каково сейчас внизу, в долине.

Вокруг не было ни души, но я не спешил. Обошел кар, пнул ногой по левому переднему колесу, потом открыл дверь и забрался внутрь. Банку с червями поставил под сиденье и, конечно, сразу забыл о ней. Потом раскрыл заднюю дверь и еще раз огляделся по сторонам. Было по-прежнему пусто, и я негромко сви-
стнул.

Только по тому, как мой кар качнулся и слегка осел на задние колеса, я понял, что пассажир уже внутри — разглядеть его прыжок я не успел. Я закрыл дверь и завел мотор. Еще не поздно было от него избавиться — высадить его у поворота на Стрейт, а ребята Яглафа погнались бы его в нужном направлении. Никто не осудил бы меня за это. Но что-то меня удержало. И вот результат — усталый и злой, я сидел в погребке у Клемпа, сосал кружка за кружкой казенное пиво и смотрел, как этот таблеточник все больше раскисает от страха. Эх, знать бы утром, чем все это кончится...

— Можете подниматься, — сказал я, проехав километра два.

В зеркало я увидел, как он осторожно сел и, стараясь особенно не высовываться, огляделся по сторонам.

Он не выглядел испуганным, и это заставило меня решиться окончательно. Поворот на Стрейт я проехал не останавливаясь, свернул вскоре налево и выехал через мост на Третью. Здесь было уже довольнолюдно, открылись маленькие кафе, взад и вперед сновали кары самых последних моделей. Он осмелел, всю смотрел по сторонам, пытался, наверное, разобрать вывески — скорее всего, безуспешно. Напротив Пинг-Понг Холла я свернул направо и чертыхнулся, едва не переехав покойника, лежащего в луже крови у самого тротуара. Мой пассажир побледнел, но не сказал ни слова, и я, объехав труп по противоположной полосе, спросил:

— Как вас зовут?

— Лиммель. Ян Лиммель, — ответил он, как мне показалось, упавшим голосом.

— Странное имя. Вы издалека?

— Да.

Он не счел нужным пояснять, а я не стал выпрашивать. Пусть лучше молчит, чем врет.

— Вы мне чем-то нравитесь, Лиммель, — сказал я. — И я хотел бы вам помочь. Но город наш велик, а вас, как я понял, ищут.

— Я не хотел бы, чтобы у вас были из-за меня неприятности, — сказал он после паузы. — Я благодарен вам уже за то, что вы для меня сделали. Можете высадить меня, где вам удобнее.

Свою партию он разыгрывал очень точно, и это мне все больше нравилось.

— Высаживать вас в таком виде? Сначала нужно добыть хотя бы нормальную одежду. Денег у вас, конечно, нет?

— Н-нет. Но у меня есть вот это,— он протянул руку, и я увидел на ладони горсть сверкающих разноцветных камешков. Обычная история, все они тащат с собой эти камешки.

— Ого,— сказал я.— Однако, приятель, сбить их будет нелегко. Спрячьте их пока что подальше.

Интересно, за каких идиотов они нас там держат? Камешки, конечно, красивые, и от настоящих мало чем отличаются. Только вот стоят по шесть монет за горсть. Того, что он показал, хватило бы от силы на пару кружек пива. Но говорить ему это я не стал. Дело не в камешках и не в деньгах. Дело в человеке.

Одежду ему мы добыли в трущобах на Холме. Там Лиммель держался неплохо и даже съездил по челюсти какому-то типу, который наставил на меня пушку в переулке, так что обошлось без стрельбы. В каре он переоделся и стал совсем похож на человека. Но отпускать его я, конечно, не собирался, да он и не стремился меня покинуть. Мы двинулись с ним на Полигон в поисках подходящего убежища и людей, которые могли бы приобрести его камешки. Ничего у нас, конечно, не вышло, да и не в том была моя цель, но держался он неплохо, и ближе к полудню я привез его в кабачок Клемпа, чтобы перекусить и решить окончательно, что с ним делать дальше. И вот тут я увидел, как он достал из кармана трубку с таблетками, и едва успел поймать его за руку. И стало мне совсем тошно, и в душе уютно устроилось ощущение гадливой жалости, которое — я знал это по опыту — нелегко будет потом прогнать оттуда. Я сидел, потягивая помаленьку казенное пиво, и наблюдал, как Лиммель прямо на глазах превращается в трусливого червяка. Полдня было потрачено понапрасну, а впереди было еще черт знает сколько работы, чтобы от него избавиться, и от одной мысли об этом я готов был завывать. Наверное, еще полчаса, и я бы не выдержал и натворил каких-нибудь глупостей. Но этого не случилось, потому что Лиммель вдруг начал говорить — торопясь, сбиваясь, понимая, что мое к нему отношение вдруг резко переменялось, чувствуя, видимо, что вот-вот готов я бросить его на произвол судьбы. И этот его рассказ — нелепый и жалкий, как нелеп и жалок был сам Лиммель — вдруг породил в моей душе самому мне непонятное сострадание к этому человеку, сострадание, которого он, конечно же, не заслуживал.

— Я должен сказать вам правду,— начал он.— Только не считайте меня сумасшедшим. А впрочем, как вам угодно, и пусть меня даже отправят туда, где вы держите своих сумасшедших.

— Вы это серьезно, приятель?— спросил я его.— У нас туда возят вперед ногами.

Он съежился, услышав это, а мне самому стало противно от

собственной мелочной жестокости. Впрочем, мое замечание его не остановило. С полминуты он помолчал, нервно сцепляя и расцепляя пальцы, а потом его понесло. Ну и историю я услышал...

— В-вы м-можете мне не верить, — заикаясь, заговорил он. — Н-но я прибыл из более далеких мест, чем в-вы думаете, — потом он немного помолчал и вдруг выпалил с видом человека, который убежден, что ему все равно не поверят: — Я п-путешественник во времени.

И я ему, конечно же, не поверил. Эдак и я могу обернуться простыней и бродить ночью по улицам, заявляя, что я — призрак хромого Гугона. Так я ему и сказал. Его это, впрочем, не остановило, и он принялся объяснять мне, как именно осуществляются путешествия во времени. Мир, как он утверждал, гораздо сложнее, чем думают наши ученые. Он, правда, не знаком с их трудами, но уже одно то, что я считал путешествия во времени невозможными, позволяло ему свысока смотреть на нашу науку. И хотя сам он в темпоральной физике, как он называл это, не разбирался, но пользовался ее достижениями и рассуждал поэтому с позиций высшего знания.

Так вот, если верить Лиммелю, путешествия во времени — вещь вполне реальная, причем путешествовать теоретически можно в любом направлении. Однако первые же эксперименты показали, что при перемещении в будущее возникают какие-то пока непонятные возмущения темпорального поля, приводящие к разрушению машины времени уже на первых секундах перемещения. Путешествия же в прошлое оказались настолько просты, что машины времени для их осуществления доступны практически любому жителю того мира, откуда прибыл к нам Лиммель. Только вернуться назад в свой мир оказалось практически невозможно. И совсем не потому, что путешественник как-то застревает в прошлом. Наоборот, в прошлом невозможно задержаться сверх промежутка времени, определяемого величиной полученного темпорального импульса, по истечении которого путешественника неизбежно выбрасывает обратно в то время, из которого он отправился — но уже в совершенно иной мир, в котором все совершенное им в прошлом произошло в действительности и оказало влияние на историю. Самым поразительным в его рассказе было утверждение, что своим появлением в прошлом человек не меняет того мира, из которого он отправился путешествовать. Он просто перескакивает в некий параллельный мир, порожденный, возможно, исключительно его собственным вмешательством в прошлое.

— Быть может, — сказал он с какой-то затаенной гордостью. — Мир, в котором вы живете, родился благодаря моему вмешательству в его историю.

— Ну уж это вы, приятель, пожалуй, загнули, — я похлопал его по плечу. Выпитое пиво слегка шумело в голове, усталость постепенно отступала, и я слушал его треп уже вполне доброжелательно. Что, впрочем, не изменило моей решимости от него избавиться.

— Вы мне не верите? — спросил он.

— Конечно, не верю. Вот если бы вы на моих глазах выпорхнули из небытия на своей машине времени — где, кстати, вы ее держите? — тогда, может, и поверил бы.

И тут он вдруг зарыдал. Честное слово, так прямо по-настоящему взял и зарыдал. Уронил голову на руки и давай почти беззвучно трястись, размазывая слезы и сопли по рукаву. Уж лучше бы глотал и дальше свои таблетки, чем так позориться.

Надолго его, конечно, не хватило. Минут через пять, слышу, начал он что-то бормотать себе под нос, но прислушиваться мне было не интересно. Я, закулив новую казенную сигару, подозвал Клемпа и заказал ему еще пару кружек. Ну и бутербродов, конечно. Эх, испорчу я себе окончательно желудок таким питанием.

Клемп, видимо, прочитал мои мысли и вместо бутербродов принес две порции сосисок с жареной картошкой. Раньше в его заведении о такой роскоши не приходилось и мечтать, но я не стал спрашивать, откуда все это взялось, а молча принялся за еду. Если дела пойдут так и дальше, я еще обо всем успею его расспросить. Я уже приканчивал свою порцию, когда бормотание Лиммеля стало отчетливее, и можно было разобрать без конца повторяемый им риторический вопрос:

— ...и почему я такой несчастный? ...и почему я такой несчастный?

Бывают же на свете зануды.

— А по-моему, так вы счастливчик, — не выдержал я наконец. — Столько, наверное, всего повидать успели. Как там, в прошлом нашем, интересно было?

— Что? — он непонимающим взглядом уставился на меня.

— Вы поешьте, приятель, и сразу полегчает.

Я кивнул на тарелку. Видно, голод сильнее всякого расстройства. Он даже переспрашивать не стал и вмиг умял всю порцию. Так, будто не ел дня три или четыре. Хотя, кто его знает, может, он и вправду давно ничего не ел.

— Ну так как там, в прошлом-то нашем жилось? — снова спросил я, когда он кончил есть.

— Глаза бы мои на это прошлое не глядели.

— А все-таки?

— Да какая вам разница? Будто я туда что-то разглядывать отправился. И зачем только я ввязался в это дело?

— Вам что, сильно здесь не по нутру? — я постарался удивить-ся.

— Мне здесь не нравится.

— Сами виноваты. Это же из-за вашего вмешательства наш мир стал таким, каким вы его видите, — я усмехнулся, показывая, что по-прежнему не верю его рассказу.

— Но что же мне делать?

— Да отправляйтесь снова в прошлое — только и делов.

И вот тут он мне выдал. Вот тут он меня наповал сразил.

— Если бы я мог... — сказал он и всхлипнул.

— Что, кто-то угнал вашу машину? — я боялся поверить мелькнувшей в голове догадке.

— Ее нельзя угнать... Да вы не поймете.

Я с удовольствием съездил бы ему по зубам за эти слова, но сдержался. Пока. Скоро я перестану сдерживаться, потому что не нанимался выслушивать такие сентенции от всяких таблеточников.

— Вы что, боитесь вернуться к своей машине? — спросил я напрямик.

— Да не в этом дело, — он досадливо махнул рукой. — Не в этом дело... Если бы все было так просто... У меня... Ну как бы это вам объяснить? У меня сел темпоральный аккумулятор. И теперь я навеки заточен в вашем мире. Это была моя пятая, последняя попытка — и снова неудача.

Он опять закрыл лицо руками и зарыдал. После порции сосисок с картошкой сил у него на это было достаточно. А я сидел и мысленно чертыхался. Вот ведь угораздило этого Лиммеля! И самое обидное — в конце квартала.

— И чего вас понесло путешествовать? — я не мог скрыть досады.

— Да вам не понять, — не переставая рыдать, ответил он.

— Вот что, приятель, — сказал я веско, чтобы до него дошло. — Если вы и дальше думаете продолжать в том же духе, то я сейчас встану и уйду, и выпутывайтесь тогда сами. И так плетете всякую чушь, а чуть что — сразу “вам не понять”.

— Извините, Гайт, — это мигом привело его в чувство.

— То-то же. Так вы помните мой вопрос?

— Да. Мне было плохо. Там, откуда я прибыл, мне было очень плохо. И я решил подправить свои дела таким вот образом. Думал, мне повезет в другом мире. Год копил деньги на машину и аккумулятор. Думал, найду приличный мир, продам свои камешки и заживу себе безбедно. У нас ведь их научились синтезировать и продают совсем недорого.

Я не стал говорить ему, что у нас такими камешками разве что дороги не мостят. Просвещать его на сей счет я не собирался.

— И многие у вас там так вот убегают?

— Многие. Рабочих мест не хватает, жизнь дорога... Правительство специально финансировало программу по разработке дешевых машин времени, чтобы избавляться от лишних людей.

— Ну и дураки же вы там, однако,— заметил я.— Если из путешествия в прошлое все равно нет возврата, дешевле всего было бы отправлять всех желающих переселиться в лучший мир туда,— я поднял глаза к потолку.— Кто проверит? Просто удивительно, что ваши правители до этого не додумались. Я бы, во всяком случае, ни за что не стал бы переселяться туда, откуда нет возврата.

— Так были же возвращения.

— Здрасьте. Вы же только что говорили, что вернуться нельзя.

— Нельзя при единичном прыжке. Но если прыгать много раз, то может сработать закон компенсации. Да вы все равно...— начал было он, но вовремя спохватился и попытался объяснить мне действие этого закона. Разбирался он в этом деле плохо, и я понял одно — некоторым из первопроходцев все же удалось вернуться, и только после всесторонней проверки идея массового переселения овладела неудачниками типа Лиммеля.

— И вы, значит, использовали все пять попыток?— спросил я его, чтобы прервать объяснения.— Пять раз побывали в прошлом?

— Да. Это был кошмар, но его можно пережить. Тем более, что темпорального импульса хватает всего на полчаса. Главное — успеть оставить в прошлом заметный след. Во время первого прыжка я не сообразил, как это сделать, и в результате очутился в мире, очень похожем на тот, который покинул. Ну а потом я стал попросту устраивать в этой местности лесные пожары. Не знаю уж, сколько раз место, где стоит ваш город, выгорало из-за меня,— не без гордости сказал он.

— Да не больше четырех, приятель,— тоже мне, сочинитель эпоса. “Не знаю уж, сколько раз...”

— Ну да, конечно,— поправился он.— Четыре раза. Но вы знаете, второй раз я вернулся из прыжка ночью. Может, тот мир был бы хорош, но я испугался — кругом лес, ни огонька, да еще гроза собиралась. И я прыгнул в третий раз. Там было то же самое, но уже светало, и в том мире я пробыл почти сутки, пытаюсь найти хоть кого-то. Наверное, это был вымерший мир, и я отправился в прошлое в четвертый раз. А в следующем мире оказался концлагерь, и я едва успел уйти. Не понимаю я этого, не понимаю! Ведь для прыжков специально выбираются курортные места — кому потребовалось устраивать здесь концлагерь? Разве мало места внизу, на равнине?

Он замолчал, утомившись, видимо, от разговора. Потом заметил перед собой кружку и присосался к пиву. Он еще вспомнит наше пиво в своих странствиях,— подумал я. Вряд ли ему удастся

отведать такого пива в будущем..Я поставил свою кружку на стол. Пора было кончать.

— Так вам, значит, у нас не нравится?— спросил я.

— Нет,— ответил он обреченно.— Мне здесь не выжить.

— Может, я смогу вам помочь. Как он выглядит, этот ваш аккумулятор?

— Ну такая коробочка красная с ладонь величиной. Сверху на ней три клеммы, а сбоку надпись вот такая.

Он изобразил что-то похожее на надпись на запотевшей пивной кружке. Разобрать что-либо мне не удалось, но такую коробочку я определенно видел. И не очень давно. Об этом я ему и сказал.

— Где?!— он чуть с места не вскочил.

— Мне показывала ее вдова Кургеля. Тут у нас ухлопали какого-то странного типа с полгода назад, и кто-то из ее отпрысков — те еще ребята вырастут, скажу я вам — нашел эту штуковину неподалеку и принес домой. Она побоялась, что это взрывчатка, показала мне.

— И... И что дальше?

— Я сказал, что не похоже, на том мы и расстались.

— Это был аккумулятор,— сказал Лиммель убежденно.— Это мог быть только аккумулятор. Куда она его задевала?

— Откуда ж мне знать? Валяется где-нибудь среди хлама, если не выбросила.

При этих словах он даже затрясся.

— Я должен его получить.

— Спокойнее, приятель. Это будет совсем не просто.

— Помогите мне. Я не останусь в долгу, мне есть чем заплатить.

Он, конечно, имел в виду свои камешки.

— Я могу показать вам дом...

— Вы не можете меня так бросить. Я не справлюсь без вас. Прошу вас, во имя человечности прошу,— он даже руку к сердцу прижал.

Тьфу ты черт, прицепится же такой! Мне вдруг стало так противно, что я готов был тут же сам отправиться к вдове, взять у нее этот проклятый аккумулятор, и пусть Лиммель катится с глаз долой. Но делать так, конечно, не следовало, и я взял себя в руки.

— Не знаю прямо, что и делать,— сказал я задумчиво.— Мне там появляться небезопасно. Если вдова проговорится, что я был у нее...

— А если вдову... того?..

— Дельная мысль,— сказал я. Дать бы ему хорошенько.— А если вас... того?

— З-зачем?

Отвечать я не стал. Подозвал Клемпа, расплатился казенными бумажками, встал.

— Ладно, приятель, уговорили. Едем.

Он двинулся за мной неуверенно, не совсем, видимо, понимая мои намерения. А я не спешил развеять его сомнения. Я спокойно сел в свой кар, завел мотор и открыл для него дверь. Я знал, что он сядет, деваться ему все равно было некуда. Но он все же помедлил у входа, пока очередной выстрел за углом — там старик Орлинский держит тир — не заставил его плюхнуться на сиденье рядом со мной. Я настолько устал, настолько мне все осточертело, что нашу поездку к вдове и переговоры с ней провел уже совершенно спустя рукава. Но Лиммель был слишком запуган, чтобы что-то заметить. Аккумулятор обошелся ему в три камешка — цена просто смехотворная, но что с него было взять? Я довез его до ворот склада, где мы повстречались утром, и заглушил мотор.

— Ну отсюда, надеюсь, вы сами найдете дорогу, — спросил я без какой-либо надежды на положительный ответ. И оказался, конечно, прав.

Сопротивление было бесполезно — он боялся Яглафа и не мог идти один. Хорошо, что жара уже спала, и дул легкий ветерок.

Машина времени была спрятана в кустах. Она совсем не впечатляла, и до последнего момента трудно было поверить, что эта штука заработает. Это было просто сиденье, похожее на велосипедное, установленное на треноге. Из-под сиденья выдавалась вперед штанга с какими-то индикаторами и рукояткой, за которую, видимо, следовало держаться. Лиммель откинул сиденье, достал оттуда использованный аккумулятор и вставил полученный от вдовы. Затем поставил сиденье на место и взгромоздился на него. Все это можно было бы проделать раза в два быстрее, но у него дрожали руки, и он поминутно оглядывался на каждый шорох, а когда неподалеку раздался выстрел, он вообще чуть не упал в обморок. Но вот, наконец, все было готово, и он, даже не попрощавшись, даже не взглянув на меня, нажал какую-то кнопку.

И произошло чудо. Вокруг его машины образовался как бы мыльный пузырь диаметром около двух метров, сначала почти невидимый, но быстро начавший мутнеть. Прошло не более десятка секунд, как передо мной оказался шар бледно-голубого цвета. Потом раздался резкий хлопок, и шар исчез. Только воздух, заполняя опустевшее вдруг пространство, ударил в спину — и все. Лишь вмятины от треноги на том месте, где еще минуту назад стояла машина времени, говорили о том, что все это мне не привиделось.

Я вытер рукавом пот со лба, перевел дух. Из-за кустов вышел, засовывая пистолет в карман, Яглаф.

— Что ты так долго с ним копался?

— Тьфу!— слов, чтобы ответить, я не нашел. Потом, помолчав, сказал: — Стоящим человеком он мне сперва показался. Таблеточник недобитый!

— Этот показался стоящим? Ты теряешь чутье, старина. Видел бы ты, как он от нас удирал поутру.

Я еще раз сплюнул на то место, где исчез Лиммель, и мы не спеша пошли к дороге. В руке у меня было два камешка — плата Лиммеля за мою помощь. Мы с ним были квиты — моя помощь требовалась ему не больше, чем мне — эти камни. Я хотел было забросить их подальше в кусты, но почему-то положил в карман.

— Третий за эту неделю, — задумчиво сказал Яглаф, усаживаясь в кар рядом со мной. — Если так пойдет дальше, отдел снова придется расширять.

— А на какие шиши?— я не заводил мотора. Мне никуда не хотелось ехать. Даже домой. Все вдруг стало мне невыносимо противно, и противнее всего — работа, которой я здесь занимался. Раньше было легче, раньше я видел в ней хоть какой-то смысл. Но теперь, когда раз за разом мы засекали лишь никчемных людишек типа Лиммеля, когда основной нашей целью стало просто избавление от них, возможно более быстрое и дешевое, но при этом гуманное, только гуманное — теперь все, что мы делали, представлялось мне гнусной и никчемной игрой.

— Не пускать же все на самотек, — подумав, сказал Яглаф. — Деваться некуда, деньги найдутся.

— Эт-то точно, — ответил я.

Действительно, не пускать же все на самотек. Если этому Лиммелю и всем другим никчемным людишкам вроде него дать понять, как мы тут живем на самом деле, если позволить им оставаться, то ничего хорошего из этого не получится. Они бегут от трудностей в своем мире, ожидая, что где-то в одном из параллельных миров их ожидает райская и беспечная жизнь, что они могут где-то найти свое место. Чушь! Таким, как Лиммель, не может быть места ни в одном из миров. Такие, как он, нигде не нужны. А те, кто нам действительно оказался бы нужен, очень редко бегут в другие миры. За последний год я встретил среди беглецов лишь одного достойного человека. А остальные... Остальные бежали, даже не попытавшись хоть что-то понять в том спектакле, что мы перед ними разыгрывали. Было время, когда я играл свою роль в этом спектакле с воодушевлением, когда я верил, что помогаю этим людям определиться, стать лучше, попытаться найти себя в следующем мире на их пути. Но это время прошло. И я не знаю, во что верю сегодня. Я только чувствую, что ложь — даже из самых лучших побуждений — всегда отвратительна.

Хотя бы на часок забыть обо всем этом, подумал я. Хотя бы на часок. Вот сейчас заехать в управление, доложить о результатах, дать отбой по отделу — и домой. Я тронул кар и не спеша поехал к центру.

— Твои ребята неплохо поработали сегодня, — сказал я Яглафу. — Мне понравился тот, в луже крови.

— Стажер, ты его не знаешь. Студент, подрабатывает. Отлежал свое и побегал на лекции.

— Натурально было сделано. Лиммель так побледнел, что я испугался — не упал бы в обморок.

— Интересно, что он о нас сейчас думает?

— А мне вот совсем не интересно, — буркнул я. — Мне другое интересно — где мы еще аккумуляторы добывать будем. Ведь конец квартала, это последний был, — я остановил кар перед управлением.

— Да брось ты расстраиваться заранее, — сказал Яглаф, выходя.

Мы поднялись наверх. Дагман встретил меня в дверях.

— Извини, Гайт, — сказал он, и сердце у меня упало. — Я понимаю, ты устал. Но дело такое, что больше некому, — и он развел руками.

Я молчал.

Я все понимал, но молчал.

Я понимал, что больше некому, что никто не справится с этим лучше меня, что это надо сделать, что все равно это придется сделать, но я молчал.

— Не обижайся, Гайт, — снова заговорил шеф. — Я сам не уйду из управления, пока ты не закончишь операцию. Даю тебе честное слово. Мы все будем на посту. Но кроме тебя это сделать некому, ты же знаешь. Его засекли полчаса назад, и патрульные погнали его к Полигону. Действуй, как сочтешь нужным. Если хочешь — надевай мундир и устраивай на него облаву, гони его назад к машине. Пусть убирается восвояси. Полчаса, от силы час — и работа сделана. Но сделать ее необходимо, Гайт.

От силы час! Черта с два — час! А если там вдруг прибыл настоящий, стоящий человек — что, так и заставить его убираться восвояси? Не поговорив, не поняв? От силы час! Если так, то какой вообще смысл во всем, что мы делаем? И достойно ли то, что мы защищаем, такой защиты? Куда гуманнее было бы тогда вооружиться автоматами и расстреливать безо всякого разбирательства всех, кто к нам прибывает. Нет, сегодня мне до дома не добраться, сегодня мне не забыть о своей проклятой работе. Опять придется сидеть в погребке у Клемпа, пить казенное пиво, курить казенные сигары, расплачиваться казенными деньгами, врать и слушать вранье.

Я молча повернулся и вышел.

До чего же мне все это надоело, — думал я, шагая по коридорам управления. Ну разве за этим я прибыл сюда, разве в этом мое жизненное предназначение? И разве затем мы, жертвуя собой, испытывали первые машины времени, чтобы прожженные политиканы взялись решать с их помощью демографические проблемы, направляя отверженных странствовать из мира в мир? Разве об этом мы мечтали, когда один за другим уходили в параллельные миры без надежды на возвращение?

Нет, в конце концов я не выдержу. Я достану из подвала старую машину времени, утащу со склада несколько аккумуляторов и отправлюсь как можно дальше отсюда.

Мне здесь не нравится.

Валентина
СОЛОВЬЕВА

МОСТ

Рассказ

Здание было довольно невзрачное, обшарпанное — ну, прямо какая-то избушка без окон, без дверей. Двери, правда, имелись. Одна дверь с правой стороны и одна с левой. То есть всего две. И к обеим присосались длинные пиявки очередей. Две двери и две очереди. Я заняла сразу в обе, я всегда так делаю. А то бывает — займешь в одну, а там или касса сломается, или кассир на обед уйдет. И все.

В левой очереди впереди меня стояла необщительная девушка в узкой юбке, с темно-рыжими волосами ниже плеч, с надменным непроницаемым лицом, а сзади — заплаканная женщина средних лет с большой клетчатой сумкой. У меня зрительная память очень плохая, поэтому, когда я хочу запомнить человека, то обращаю внимание не столько на лица, сколько на разные выразительные детали — возраст, например, прическу, одежду, пол и прочие особые приметы.

А в правой очереди я придерживалась одного старичка — старичок как старичок, без характерных признаков, то есть — ни очков, ни лысины, ни бороды не имел, но перепутать ни с кем я его все равно не могла, потому что никаких других старичков в пределах видимости очереди не наблюдалось. Хотя на всякий случай я еще двоих задних насчет себя предупредила, женщину в платке и смуглого мужчину. На всякий случай. Но я их не особенно хорошо запомнила. В эту, вторую очередь, я лишь время от времени навевалась, чтобы напомнить о себе, да со старичком парой слов переброситься — какими-нибудь, например, наблюдениями или соображениями своими с ним поделиться, вроде того, что, дескать, в обеих очередях подобрались люди в основном молодые, более или менее, и что не кажется ли ему это странным? А он в ответ говорил, что нет, не кажется и объяснял почему. Потому-то и потому-то. После чего я вновь возвращалась на свое место в первую очередь.

Хотя там стоять было совсем неинтересно. Толком поговорить даже не с кем.

Высокомерная девушка на мои реплики никак не реагировала, к заплаканной женщине обращаться было вообще неудобно. Правда, за ней стоял один такой интеллигентный на вид мужчина — лет примерно тридцати или, может быть, тридцати двух, но он непрерывно читал. Я только спросила: “Что вы читаете?”, он ответил: “Книгу”, вот и весь разговор.

А я даже почитать ничего не захватила.

Дальше был другой мужчина — несколько раздражительный, похожий на отставного начальника или на вахтера какой-нибудь не особенно значительной, лишенной секретности организации. Такой насупленный мужчина, с непримиримым выражением на лице, с настороженным взглядом, говорящим о тайно уязвленном самолюбии. Впрочем, это к делу не относится. Это я лишь к тому сообщаю, чтобы ясно стало — подобные люди с первого взгляда не располагают ни к общению, ни к задаванию праздных вопросов.

Ну, кто еще? Муж с женой там были... Они тоже сразу в две очереди заняли — он стоял здесь, а она там. Сойдутся на пять минут: “Ну, чего, как ты тут?” — “Да так, ничего. А что?” — “Да нет, ничего. Двигается очередь-то?” — “Двигается. А у тебя как?” — “Тоже движется. Ну, пошла я, а то потом не пустят”. — “Иди...”

За ними мальчишка стоял, лет четырнадцати. Я сказала ему: — Зря ты стоишь — дети до шестнадцати лет не допускаются.

Он в ответ сказал одну фразу, которую обычно женщины считают для себя обидной, но при желании ее можно воспринять и как комплимент.

Я обиделась.

— Мне, конечно, безразлично, — сказала я. — Можешь стоять хоть до посинения. Все равно тебя не пустят.

Он говорит:

— Плевать я хотел.

И плюнул. Прямо мне на сапог.

Я ему больше ничего не стала говорить.

Стою молча, людей разглядываю. Пытаюсь угадать, что их сюда привело. Надо же чем-то себя развлечь. Попутно размышляю, зачем все это нужно — вообще и в частности? И почему одновременно так много людей испытывают нужду в последней надежде? И какое смешное название у этого здания — Дом последних надежд...

Я сюда случайно попала. Иду мимо, смотрю — очередь.

Спрашиваю:

— Что здесь такое?

Все молчат, точно не слышат. А на здании — ни вывески, ни рекламы. Так стоит — дом не дом, сарай не сарай. И думай, что хочешь. А очередь — как в мавзолее.

Я потопталась немножко. Тут заплаканная женщина подходит:

— Вы последняя?

— Да, — говорю я. Потом спрашиваю: — Вы будете стоять? Я отойду на минуточку.

— Хорошо, — равнодушно позволила она.

Я бегом в другую очередь. И там, на мое счастье, попался старичок, который подробно объяснил, что в этом доме каждый желающий может получить последнюю надежду. А так бы я сама ни за что не догадалась.

Меня каждый раз поражает — и откуда люди все знают? Бывает, еще и магазин закрыт, и товар не привезли, а народ уже у дверей толпится. И вечно я оказываюсь самой последней.

Еще я попыталась выяснить, в какой очереди надежда лучше — в правой или в левой? Но этого даже старичок не знал.

— Последняя, — говорит, — она и есть последняя. Тут уж не выбирают...

— Лишь бы хватило, — поддакнула я. — А то ведь вон народу сколько...

— Хватит, — успокоил старичок. — Чего-чего, а этого добра хватит всем живущим.

— Это хорошо, — обрадовалась я.

— Хорошо! — подтвердил он. — Вот ведь жизнь какая пошла, что и помирать не хочется. Даже, гляди-ка, вон о чем государство побеспокоилось — чтобы, значит, обеспечить последней надеждой всех желающих. Это надо же, какая забота о простом человеке! Дом специальный устроили. Кто хочешь — приходи и пользуйся...

Я говорю:

— Да, сфера обслуживания у нас сейчас очень интенсивно развивается. И благосостояние трудящихся, опять же, растет...

— Да, да, да, — обрадованно закивал он. — И цена сравнительно недорогая... И очередь довольно быстро движется... И солнышко светит... И птички поют...

Замечательный дед. Все ему нравится. Одно удовольствие общаться с подобными людьми. Я сама такая.

Честно говоря, сначала я сомневалась — так ли уж нужна мне эта последняя надежда? Стоять за ней бог знает сколько... А я вроде бы и так во многих смыслах еще не вполне безнадежна. Правда, если взглянуть на свою жизнь без излишнего самообольщения, то следует сознаться, что надежд у меня осталось не так уж много. Можно сказать, уже последние со дна выскребываю. Так что лишняя про запас отнюдь не помешает. Вдруг потом понадобится, а не будет. Это раньше у меня от этих надежд отбою не было — одной больше, одной меньше, роли не играло. Обо мне

так и говорили — подающая надежды. Это было лет двадцать назад. А теперь уже подавать нечего. Самой бы кто подал.

Поэтому я и встала в очередь. Думаю — в конце концов, если мне не подойдет, может, кому-нибудь из знакомых пригодится? Но когда я стала вспоминать всех своих знакомых, то решила, что одной надежды на всех будет мало. А по несколько в одни руки, наверное, не дают. И потом, откуда я знаю, кому какая надежда нужна. Вдруг не угадаешь?

Очередь хоть и быстро двигалась, но все же простоять пришлось несколько часов. И вот что интересно — я, правда, не сразу на это обратила внимание, а когда заметила, то почувствовала не столько беспокойство, сколько недоумение — в самом деле, странно ведь: в здание люди заходят, причем одновременно с двух сторон, а обратно никто не выходит. Ни один человек! А внутри разместить столько народу при всем желании невозможно. Я некоторое время размышляла в одиночестве над этим феноменом, а потом все-таки не выдержала и обратилась к рыжей девушке, хотя мне лично ее откровенно пренебрежительное отношение к окружающим казалось не вполне уместным и оправданным. Ну, а к кому еще было обращаться? Один читает, другая плачет... Со старичком бы пойти посоветоваться, но его к тому времени уже на скорой увезли. Стоял, стоял и не достоялся... Жалость-то какая...

Говорю я этой рыжей девице:

— Интересно, — говорю, — куда они все деваются?

— Кто — они? — брезгливо оттопырилась Рыжая.

— Ну, эти... люди... которые туда заходят. Куда они потом деваются?

— Не знаю... Наверное, через другую дверь выходят...

— Да нет ведь там больше никаких дверей! — радостно сообщила я. — Две двери только всего! В которые входят!

Радовалась я тому, что девушка наконец-то обратила на меня внимание и поддержала разговор.

— Не может быть! — удивилась она. Присмотрелась повнимательнее: — Точно нет... — Призадумалась немного. Потом махнула рукой: — Ай, господи... Охота вам голову загружать подобными пустяками.

— Ну как же, — возражаю я. — Все-таки есть в этом что-то необыкновенное. И даже несколько подозрительное.

— Мне все равно, — сказала она и снова замолчала.

Обидно и досадно мне стало, что так удачно начавшееся общение вдруг оборвалось, и я поспешила спросить:

— А вы первый раз сюда пришли?

— Нет, в десятый, — скучно ответила она, и я сразу догадалась, что продолжать разговор не имеет смысла.

А ведь интересно было бы узнать, что привело в Дом последних надежд эту красивую и высокомерную девушку. Глупое, кстати, название — Дом последних надежд. Помню, в городе, где я росла, так называли один клуб, куда ходили на танцы передержанные незесты.

Ну что ее толкнуло на этот шаг, что? Может быть, безответная любовь, может быть, финансовые затруднения...

Всякое бывает...

Одла женщина — из тех, что стояли впереди меня, — несколько раз отходила к телефону и возвращалась очень расстроенная. Все время поглядывала на часы.

Я набралась смелости и сказала ей:

— Может быть, вам отлучиться надо? Так идите, я могу посторожить вашу очередь.

Она покосилась на меня довольно неприязненно. Я ощутила неуместность моего предложения, но все же повторила:

— Вы не беспокойтесь, сто раз еще успеете туда и обратно... Если, например, вам в больницу надо или еще куда...

(Мне почему-то показалось, что она в больницу звонила. Может быть, у нее кто-нибудь из родных сильно болен...)

— Как вам не стыдно? — воскликнула она. — Вы подслушиваете чужие разговоры!

Мне действительно стало стыдно. Хотя я ничего не подслушивала. Обидно, когда посторонние люди тебя превратно понимают.

Хотя, если не посторонние, то еще обиднее, между прочим.

Наверно, единственный способ избежать незаслуженных подозрений — вести себя так, будто все, что происходит вокруг, тебя абсолютно не касается. Некоторым это удается. Все бы ничего, но уж больно это скучно. Особенно если ты даже почитать ничего с собой не захватил.

Я и не предполагала, что в нашем городе столько людей, у которых не осталось совсем никаких надежд.

“Но, — утешала я себя, — может быть, многие из них встали в очередь, как и я, — на всякий случай. А кое-кто — из любопытства. Кроме того, иногда людям свойственно преувеличивать значение своих неприятностей. Из какой-нибудь ерунды, не стоящей внимания, устраивать целую проблему. Довольно часто это бывает, кстати...”

Так я себя уговаривала, и весьма успешно, тем более, что сочувствовать людям, когда они собираются в таких количествах, практически невозможно. Особенно если они конкретно в твоём сочувствии не нуждаются. Если бы нуждались, я бы посочувствовала, а так чего же...

И вообще, к чему им мое сочувствие, если через некоторое время каждый из них обретет свою законную, полновесную по-

следнюю надежду. Все они сейчас живут только этим. Можно себе представить, как я их раздражаю своими вопросами и замечаниями...

Придумал же кто-то — Дом последних надежд. Должно быть, это очень мудро и гуманно. Интересно, всем дают или есть какие-то ограничения? Спросить, что ли? А то простоишь зря...

Я прошла вперед и попыталась заглянуть в приоткрытые двери, куда безостановочно заходили люди — строго в затылок, один за другим. Меня оттолкнули — куда без очереди?

— Мне только спросить, — объяснила я.

— Чего там спрашивать... Очередь подойдет — все узнаешь.

“И то верно, — подумала я. — Чего людей зря нервировать? Ведь, в сущности, не так уж долго стоять осталось...”

Моя очередь почти что подошла, когда вдруг случилась непредвиденная заминка.

Из дверей, расталкивая входящих, выдрался растерзанный мужчина с безумными, распыленными ужасом глазами и каким-то волчьим голосом закричал:

— Люди! Остановитесь! Туда идти нельзя!

Следом выскочили два служителя в униформе, заломили ему руки, втянули обратно, двери закрыли и объявили служебный перерыв на полчаса.

— Что еще за перерыв? Почему перерыв? — недовольно зашумела очередь. — Предупреждать надо заранее. Жаловаться будем! Безобразие...

— Не нравится мне все это, — задумчиво сказал Книголюб. (Ну, тот неразговорчивый молодой человек с книжкой — я его Книголюбом про себя называла. Темноволосый такой, с выразительными печальными глазами...)

— Мне тоже не нравится, — охотно подтвердила я. — Столько простояли и перед самым носом закрыть.

— Я не об этом, — объяснил он. — Меня смущает, что они так поспешно закрыли. Что-то там явно стряслось... Этот мужик странный... Вы слышали, что он кричал?

— Провокация! — уверенно сказал Вахтер-Начальник. — Подобные штучки мне хорошо знакомы. Все это специально подстроено, нет никаких сомнений.

— Зачем? — удивилась я.

Он снисходительно усмехнулся:

— Неужели самим непонятно? Это же элементарно! У них какая главная цель? Пораньше закрыть свою контору, пораньше домой уйти. А народ-то все не убывает. Вот теперь и соображайте, что к чему...

— А-а, — догадалась я. — Надеются, что люди не выдержат и начнут расходиться...

— Вот именно!

— Ишь, чего придумали! — начала возмущаться я. — Свинство какое... Столько простоять и уйти с пустыми руками!

— Я этого не выдержу, — всхлипнула женщина с сумкой. — Мне всю жизнь, всю жизнь вот так не везет...

Прибежала взволнованная женщина из другой очереди — жена того мужа, который за Начальником-Вахтером стоял.

— Закрыли! — сообщила она. — Почти перед самым носом. Представляешь? — И зашептала, озираясь по сторонам: — Говорят, там авария произошла... Есть жертвы... И вообще, говорят, это опасно...

Книголюб напряженно прислушивался к ее словам.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Бабья болтовня, — с отвращением сплюнул Начальник. — Именно на таких все и было рассчитано.

— Иди на свое место, — резко сказал Муж. — И поменьше повторяй чужие глупости.

— Может быть, я лучше здесь останусь? — поежилась Жена. — Или ты со мной... Здесь у тебя впереди пять человек, а там только три.

— Еще неизвестно, где раньше откроют, — возразил Муж.

— А может, лучше домой пойдем? — без особой надежды предложила она. — Как-нибудь обойдемся...

— Не обойдемся, — хмуро ответил он.

Она, вздохнув, нехотя поплелась обратно.

— Пойду я, — не слишком уверенно повторил Книголюб и с надеждой посмотрел на меня, ожидая поддержки.

Я открыла рот, чтобы сказать: "Да, конечно, если говорят, значит, что-то есть... зря говорить не станут... было бы ради чего рисковать... надежда — это ведь так эфемерно... это ведь даже не реальность, а скорее самовнушение... и действительно — это опасно, если ни на чем не основано... лучше уж жить вообще без надежд, чем с последней надеждой, потому что... потому что... потому что..."

Но пока я собиралась с мыслями, рыжая девушка опередила меня.

— А я никуда не уйду! — с вызовом сказала она. — Буду стоять, пока не пустят. Мне терять нечего.

Книголюб с интересом посмотрел на нее, закрыл книжку и сказал:

— Я, пожалуй, тоже останусь.

Наверное, она ему понравилась. В общем, ничего удивительного...

Я колебалась. Остаться или уйти? Интересно, конечно, узнать, что там происходит в этом Доме последних надежд, но с другой стороны... Перед глазами все еще стоит оскаленное лицо

мужчины... Кровь на щеке... И этот жуткий вопль: “Люди, остановитесь!..”

Ай, да ладно! Я же не одна здесь. Вон сколько народу! И никто вроде не собирается уходить. Значит, ничего страшного. Спасут, помогут в случае чего.

И вообще, это не дело — столько времени даром потерять. Может, больше такой случай не представится. Всю жизнь потом жалеть буду.

Хотя вообще-то я никогда ни о чем не жалею — ни о том, что было, ни о том, чего не было. Не жалею и все. Живу по принципу — будь что будет. Единственный принцип, которого придерживаюсь в жизни. Если это можно назвать принципом... Но других не держим.

Если же мне предоставляется право выбора, то я буду колебаться до тех пор, пока все не решится без меня.

И вот так я колебалась все полчаса, пока длился перерыв. Полчаса я себя непрерывно уговаривала. То уговаривала себя уйти, а когда уже пойти соглашалась, начинала уговаривать себя остаться.

Но вот, наконец, двери открылись и велено было заходить.

Рыжая девушка зашла первая, я за ней, потом остальные.

Касса была у входа. Заплатили по рублю, двинулись дальше. Там было темновато. Я даже стен и потолка не различала. Более или менее освещался только узкий проход, по которому мы как раз и шли, — огороженный с обеих сторон металлическими решетками. На этих решетках через каждые полметра были наклеены объявления: “Осторожно, окрашено!” Устаревшие, должно быть, объявления — я потрогала пальцем металлические прутья: нет, не прилипает.

— Ни к чему не прикасаться! — торопливо одернул меня служитель-смотритель-надзиратель-или-как-сго-там.

Я испуганно убрала руку.

Репродуктор над головой монотонно поучал с интервалом в несколько секунд:

— Двигаться только вперед, не останавливаться, не задерживать движение... Двигаться только вперед...

И так далее.

Интересно, а куда еще можно двигаться, если сзади напирают, а с боков решетки?

Проход был длинный и такой узкий, что люди даже прижимали руки к телу, боясь испачкаться. Хотя, как я уже успела убедиться, краска давно высохла.

Пока ничего достойного внимания не происходило.

Девушка цокала каблучками впереди. Я, стараясь не отставать, дышала ей в затылок. За мной шаркала ногами женщина с сумкой.

Не знаю, сколько времени мы так шли. Кажется, довольно долго. Может, десять минут. Может, даже больше.

Потом впереди показался мостик — шириной меньше метра, круто поднимающийся вверх, куда-то в темноту...

Мне этот мостик не очень-то понравился. Узкий больно уж. Крутой. И без перил.

Девушка замерла в нерешительности. Я тоже.

— Поднимайтесь, поднимайтесь на мостик, — доброжелательно закивал нам дежурный из маленькой железной клетки сбоку. — Так надо. Не задерживайте остальных...

Девушка ступила одной ногой на мостик. Я осторожно подвинулась, боязливо заглянула вниз. Там, в неразличимой глубине, в пустоте, не то вода плескалась, не то урчало что-то. Или кто-то...

— Хоть бы перила сделали на мосту, — сердито сказала девушка. — Держаться даже не за что.

— Не успеваем, — с доброй и беззащитной улыбкой сказал дежурный. — Каждый день чиним, чиним... Все равно ломают.

Действительно — кое-где по бокам моста торчали остатки столбиков, на которых, видимо, раньше держались перила.

— Ломают и ломают, — сокрушенно вздохнул он. — Прямо беда...

— Дикий народ, — осуждающе сказала я. — Вандализм у нас в крови.

— Культуры не хватает, — вставил из-за спины Книголюб.

— Свины! — рявкнул Начальник.

Служитель виновато развел руками.

Сзади напирали. Кричали.

— В чем дело? Чего застряли?

Девушка надменно тряхнула головой, гордо выпрямилась и пошла вверх, острыми каблучками вбивая шаги. Легко, красиво, уверенно. Ни на кого не оглядываясь.

Очень эффектно это выглядело со стороны.

Мне тоже так захотелось. Я вытянула шею, оглянулась, презрительным взглядом смерив Книголюба, и шагнула на мостик.

Внизу хлопало, стонало.

Я сразу же почувствовала унижительную потребность опуститься на четвереньки, но некоторое время пыталась бороться с собой, сознавая всю неэстетичность подобного положения. Особенно если на тебя смотрят при этом сзади. Но чем дальше, тем делалось страшнее. Пустота колыхалась под ногами, обступала со всех сторон, дышала холодом и смрадом. Подошвы скользили, коленки дрожали. Да еще этот крутой подъем...

Я не переносу высоты! Тем более, когда не за что даже ухватиться руками.

Короче, я плюнула на все приличия, опустилась на коленки и поползла по мосту, цепляясь руками за его края. Так было гораздо удобнее. Кажется, шедшие сзади последовали моему примеру. Я не видела, конечно, что делается сзади, но это было и так ясно, потому что за спиной раздавались не шаги, а какое-то шуршание и пыхтение.

Только девушка бойко вышагивала впереди, она намного обогнала всех, я даже перестала уже различать в полумраке ее фигуру. Потрясающая смелость! А может, это вовсе и не смелость. Может; это всего лишь равнодушие к собственной жизни? Не знаю...

А мы ползли. Молча, сосредоточенно. Я думала лишь о том, чтобы не свалиться с моста, больше ни о чем.

И вдруг я услышала какой-то вопль наверху, потом быстро приближающиеся шаги... Девушка бежала обратно!

— Назад! — задыхаясь, сказала она. — Немедленно назад! Это ужасно...

— Что? — вздрогнула я. — Что случилось?

Лицо у нее было прозрачным и зыбким.

— Спускайтесь, пожалуйста, спускайтесь, — умоляла она. — Нельзя туда, нельзя, нельзя...

— Да что там еще? — зашумели сзади. — Не задерживайте, ради бога!

— Подождите! — крикнула я, изо всех сил сопротивляясь напору сзади. — Да идите же вперед! — с досадой сказала я девушке. — Видите, я не могу остановиться!

— Нельзя туда, нельзя... — растерянно бормотала она.

— Что случилось? — дружно орали снизу.

“Сейчас упаду”, — подумала я, размазываясь по мосту. Кто-то сзади наползал на меня, бил по спине.

“Или меня раздавят”, — подумала я. Что ничуть не лучше.

“Только вперед, — подумала я. — Другого пути нет...”

Девушка пятилась, прижимая руки к груди. Полуоткрытый рот, плоский, окаменелый взгляд...

— Стойте, стойте... — безнадежно шептала она. — Что же вы?.. Зачем?..

Оступившись, она пискнула как-то нелепо и еще бесконечно долгое мгновение балансировала на краю, скребя растопыренными руками воздух...

Я зажмурилась. Ровно на одну секунду.

Когда я открыла глаза, девушки уже не было. Может, мне все это померещилось?

Теперь путь был свободен. Я поползла с удвоенной энергией. Муравьиная цепочка людей неотступно следовала за мной. Кончится когда-нибудь этот противный мост или нет?

Потом я увидела ЭТО. Но сначала не поверила своим глазам.

Конечно, в глубине души я ожидала чего-нибудь плохого, надеясь попутно, что как-нибудь обойдется. Ну там, думаю, может, мост немножко сломан — так починим совместными усилиями... Чего угодно, но только не ЭТОГО.

Навстречу нам, с противоположной стороны, по мосту ползла точно такая же вереница людей. Они приближались. Уже можно было различить лица ползущих впереди. Некоторые из них показались мне знакомыми...

— Назад! — закричала я им. — Сюда нельзя! Здесь люди!

— Назад! Назад! — закричали они. — Уйдите с дороги! Дайте пройти!

Где я могла видеть этих людей? Откуда я их знаю? Моя зрительная память постоянно меня подводит... Да разве сейчас это важно? Надо что-то делать!

Я с трудом развернулась на узком мосту — лицом к тем, кто шел за мной.

— Дальше нельзя! — крикнула я им. — Надо возвращаться!

Никто не послушался меня. Да меня вообще никто никогда не слушается. На что я надеялась?

Люди продолжали двигаться вперед. Надо погромче крикнуть! Надо встать, чтобы меня увидели!..

Все бессмысленно. Разве их остановишь? Их слишком много. А я одна...

Теперь я вынуждена была ползти задом наперед.

Кажется, еще кто-то сорвался вниз. Короткий вскрик, тяжелый всплеск... Еще. Короткий вскрик, тяжелый всплеск... Еще...

Все там будем. Все до одного. И надеяться не на что.

Неожиданно в ладонь мою уткнулся небольшой, но довольно крепкий, довольно устойчивый столбик — обломок бывших перил.

“Еще не все потеряно”, — сообразила я...

Осторожно откатившись в сторону, на самый край, почти повиснув над бездной, я впилась обеими руками в этот столбик, прилипла к нему и застыла, стараясь не дышать, не шевелиться...

Люди продолжали ползти по мосту мимо меня. Наверху, куда они все стремились, происходило что-то страшное. Я не смотрела туда. Нет-нет, я ничего не видела!..

Внизу булькало и чавкало.

“Только бы удержаться, — думала я. — Только бы не упасть...”

Это была моя последняя надежда.

Николай СЛАВИНСКИЙ

ТВОРЕЦ ИНКАНЫ

Московский поезд опаздывал на два часа.

Мы стояли на перроне, а над неприветливым хмурым вокзалом собирались густые весенние грозовые тучи. И когда после долгой теплой, без морозов и снега, зимы сверкнула первая утренняя молния, когда порывистый ветер сбил мелкую послечернобыльскую пыль и покати́л ее клубком вдоль пути, он, прикурив очередную кубинскую сигарету без фильтра, сказал: “Небо разгрохоталось на славу, а на дождик почему-то поскупи́лось”.

Он — это, для многих и многих, Александр Тесленко, один из самых известных истинно украинских фантастов, автор многих концептуально самобытных, композиционно и сюжетно неожиданных повестей и рассказов. А для меня — еще и приятель, побратим по перу, единомышленник, эрудированный спорщик.

Ливня не было и не было, как и давно ожидаемого поезда, которым, по официальной договоренности, должны были приехать широкоизвестные футурологи, создатели утопий и антиутопий, конструкторы умозрительного будущего.

Вокзальная сутолока отравляла душу. Раздраженные пассажиры хрипло переговаривались, вызываясь сновали между сухими блестящими рельсами. Безднадежность. Неизвестность. Неприкааянность. И для отъезжающих, и для встречающих привычное течение жизни прервалось, что-то отменилось, расщепилось, перепуталось в пространстве и времени. После долгого молчания Александр Константинович, для многочисленных друзей — Сашко, молодой, энергичный, но уже седоватый, задумчиво обронил: “А у меня есть Инкана”. И я, кажется, впервые отстраненно посмотрел на товарища, которого в течение многих лет неизменно ценил, о творчестве которого неоднократно писал (с дружеской поддержкой, даже восторженностью, но не без почтительных замечаний, чисто критических выпадов и, вероятно, субъективных приди́рок).

Сперва удивляло, затем привлекало, а позже, когда бескомпромиссно спорили о векторах развития земной цивилизации, уже подтверждало постоянство наших отношений: А.Тесленко

никогда не обижался на колкости — еще упорнее работал, еще толерантнее относился к различным эскападам. Именно так, убежден, и должно быть среди тех, кто не злоупотребляет приятностью и не забывает об истине. К тому же одно за другим появлялись произведения, сердцевина которых неопровержимо свидетельствовала: автор не поддается сиюминутным воззрениям, последовательно утверждает свою концепцию миропонимания.

На целой планете. Назвал ее А.Тесленко весьма поэтически — Инкана.

Все это вмиг вспомнилось на усеянном окурками перроне, к которому не прибывали и не прибывали поезда. И сразу вспыхнуло в памяти, как мнимые друзья, а тем паче не мнимые недруги протестовали, чтобы собираться за "круглым столом"... на Инкане.

Случилось так, что журнал "Киев" решил убедиться, как его почитатели относятся к новейшей фантастике, выяснить, стоит ли предоставлять дефицитные (уже отмеченные перестройкой) страницы для, так сказать, "обывательского чтения".

Как ведущий я прибегнул к неожиданному (думаю, удачному, но выяснилось, для многих неприемлемому) приему: "Представим, что мы собрались за "круглым столом" на порожденной фантазией Александра Тесленко Инкане..." Претенденты на лавры творцов вообще и конкретно — планет недовольно зашумели. На лицах застыли каменные обиженные маски.

Пришлось назвать параметры: "Инкана — искусственная планета 142-го звездного метакаскада в астероидном поясе Солнечной системы. Удаленность от светила — 475 миллионов километров; климат наилучший. Вокруг — пышная зелень, невдалеке стоят звездолеты". Все приумолкли. Никто не смог сразу очертить точные координаты своей планеты. Зашуршали спичками, зашаркали подошвами — словно на вокзале.

В.Кашин, автор многих детективных романов, успокоил присутствующих: "Трудно это представить. Хотя стол, за которым мы собрались для разговора о путях и перепутьях современной фантастики, действительно "круглый", целиком, как говорится, материальный, похожий на привычные наши столы".

Действительно, они были привычными, родными, земными: на разговор о фантастике собрались задолго до чернобыльской трагедии, а публикация появилась уже после того, как вспыхнула "Звезда Полярная" ("Киев". — 1986. — № 7).

Вневременнопространственный вездесущий адский отблеск лег на все как добрые, так и злые сердца. Радиация не достигла разве что Инканы. Но ее творец оказался в центре сатанинской беспощадной зоны.

Официальный циркуль очертил тридцатикилометровый

круг. Туда, к четвертому реактору, где скрестились (и перекрестились!) нынешние параллели и меридианы мгновенно уменьшившейся планеты, без колебаний бросился поэт от рождения, мечтатель, многими уважаемый прозаик, врач по профессии — Александр Тесленко.

Он стал одним из первых “ликвидаторов”, “сталкеров”. Без респиратора, спасительной резины или брони — вперед и вперед. Почему, зачем? Никогда не забудется скупой ответ: “В аду всегда нужнее всего санитары. А я, пока стал кардиологом по-амосовски, прошел их школу”. Позднее, после прямых и опосредствованных расспросов, уточнил: “Знал, что в зоне не будет не только новейших аппаратов, но и бинтов, анальгина, чистой воды...”

Мы смотрели друг на друга через колючую проволоку: автор любимого рассказа “Разрешите родиться”, помахивая штатской кепкой (стряхивая с нее невидимые радиационные пылинки?), то ли прощался со мной, то ли запрещал сделать еще один шаг — туда, где начиналась потусторонность, властвовала неизвестность, где открылась всеукраинская бездна, воцарилась на века “черная дыра” земной цивилизации.

По зову души окунулся в атомную пучину — через несколько неуловимо быстротечных недель вернулся в притихший Киев. Будто бы и не изменился. Так же мягко улыбался, доброжелательно иронизировал, курил душистые крепкие кубинские сигареты, перечитывал чужие рукописи, которые накопились из-за незапланированного отсутствия, писал рецензии, а в глазах улавливалась такая пустыньность, проскальзывала такая внеземная, сатурновская или урановская, в ы м о р о ж е н н о с т ь — до глубин зрачков, до корешков прожилок, что даже страшно становилось. И в то же время, словно магнитом, притягивали всепроницаемость, всепонимание, взвешенные обобщения, дальновидные предвидения.

Они не понравились многим. Особенно тем, кто привык унижать независимый талант ближних, ценить только собственное “я”. А.Тесленко никогда не заливался соловушкой перед вершителями творческих судеб, zaangażированными воспевателями временности, гибкими интерпретаторами то ли родной истории, то ли беззащитной будущности. Это, конечно, не прощалось, зачастую воистину по-иезуитски использовалось, чтобы бросить хоть какую-нибудь тень на уже известное имя молодого, творчески активного прозаика.

За упомянутым “круглым столом” А.Тесленко четко сформулировал свою позицию: “Фантастика — универсальный жанр. Она способна органически соединить в себе возможности прозы и поэзии, драматургии и юмора, философии и точных наук”.

Упоминание поэзии не случайно. Именно с нее начинался литературный путь творца Инканы. Стихи А.Тесленко писал

еще в школе, дебютировал приметной лирической подборкой в альманахе “Паруса”. И надолго замолк. Работал на заводе, был санитаром, закончил Киевский мединститут (1975). Черновики многих рассказов первого сборника “Разрешите родиться” (1979) перебеливал во время ночных дежурств. Маленькую тихую ординаторскую, где созревали и поэтические строки, избражал неоднократно — как в фантастических, посвященных Инкане, так и в чисто “земных”, так называемых реалистических произведениях, которые составили последний прижизненный сборник “Шалата дикая” (1989).

А вот поэтической книжечки, которую составил из самых дорогих, заветных миниатюр, не дождался. Хотя очень и очень много лирических строк напечатано — А.Тесленко щедро включал их в тексты повестей и рассказов, “приписывал” любимым героям и отдельные, думается, лучшие строфы, и уже окончательно отшлифованные стихи.

А.Тесленко год за годом упорно, целенаправленно добивался лаконизма, все требовательнее относился к своему слову. Сам перепечатывал рукописи, выверял каждую букву и запятую. Не поддавался на слащавые конъюнктурные предложения, шаманские уговоры “выдать на-гора” (спекулятивно напоминали о рождении в шахтерском крае), несправедливо разительные приговоры нетрадиционным произведениям того или иного автора. Не изменял себе, выстрадавшей Инкане, потому-то не удостоился хотя бы миниатюрного рабочего кабинетика.

Снимал любительские фильмы, пытался экранизировать собственные — самые кинематографические — повести. Коллеги по перу, выбившиеся в стол начальники, даже не выписали пропуск на студию. Так и не попал в павильоны, где хотел (мог!) основать своеобразный философский вертеп с главными героями — современностью и будущностью.

Не обиделся, не надломился духом. Умел слесарничать, столярничать, “оживлять” старые швейные машинки (и сам шил), разбирался во всех электрических приборах (часто бывал в Ирпеньском доме творчества — чинил утюги, телевизоры, камины, менял предохранители, выключатели), учил венгерский язык, переводил произведения московских фантастов, составлял самые разнообразные сборники.

Одним словом, не избегал черновой работы. Но, мягкий, деликатный, толерантный, все чаще уклонялся от встреч с любителями хитроумных фраз, игроками в новейший политический пинг-понг. Замыкался в себе. Часто ездил к святыне — донецкой земле, с которой навечно соединились родители (известные писатели — Мария Лисовская и Константин Тесленко). Наведывался в Чернигов — надеялся, что там найдут бумагу для издания произведений начинающих фантастов. Имел единомышленни-

ков в Москве, Ленинграде, Львове, Ужгороде, Красноярске, Польше, Канаде... Звонил, писал письма, согласовывал даты встреч, как секретарь Комиссии Союза писателей Украины по приключенческой и научно-фантастической литературе добросовестно вел протоколы сборов, заседаний, дискуссий. И в то же время каждый день потихоньку находил минутку, чтобы зафиксировать свое — то, что хотелось сказать людям.

Уже вышли сборники “Угол параллельности” (1982), “Коррида” (1983), “Искривленное пространство” (1985). Однако улавливалось, что автор все еще преодолевает глубинное внутреннее смятение, ищет более надежные опоры для концепции всеохватывающей космической гармонии, неизбежного торжества интеллекта и высокого благородного духа как на Инкане, так и на Земле.

Описывая так называемых биокиберов — главных героев многих произведений, — А.Тесленко опять и опять акцентировал на извечной борьбе добра и зла, правды и кривды, любви и ненависти. Неизменно, неуступчиво ценил чистоту совести, порядочность, доброту. Именно эти, неприметные, обыкновенные, но особенно дорогие для автора черты человеческого характера воспеты, даже возвеличены в рассказах “Дьондюранг”, “Русула”, “Сквозь базальт Инканы”, повестях “Крокодил не хотел летать”, “Модель абсолютно черного тела”... Общечеловеческие ценности, цивилизованное, высокодуховное начало определяют атмосферу лучших произведений, которые в переводе на русский язык составили сборники “Испытание добром” (1984) и “Искривленное пространство” (1988). О возросшем мастерстве прозаика свидетельствует тематически целостная книжка “Каменное яйцо” (1988), которую завершает рассказ “Колесо”.

Небольшое по объему, но философски самое сложное произведение привлекло внимание критики раскованностью мышления, неожиданностью аналогий, стремлением заглянуть за границы, в эпицентр апокалипсиса, после которого течет наоборот время. Чувствовалось, что автор уже попрощался с порывистой молодостью, вышел на новую, высшую творческую орбиту. И, убежден, сам постиг, осознал это. Яркое свидетельство — последние произведения: повести “Пылесос истории”, “Анатомо-поэтические композиции”, ряд рассказов, а также роман “Как встретиться с Богом?”, который, к сожалению, оборвался на полуслове...

То, о чем думалось годами, спрессовалось в глобальном итоговом вопросе: “Кто мы такие на фоне Вечности?” Так четко, бескомпромиссно сформулировал его А.Тесленко после того, как, опаленный “звездой Полюнь”, вернулся из чернобыльской зоны. В романе исследуются причины вселенской беды, прослеживается — до поражающих, иногда даже натуралистических

подробностей — процесс неотвратимого приближения трагедии. Словно рефрен повторяется, варьируется жесткое обобщение: “И вот так одно огромное сумасшествие подвело черту под всеми будничными и уже привычными безумствами”.

В последних произведениях зачастую фантастическое изображается как реальное, реальное — как фантастическое. Грань между этими двумя началами стирается, становится безусловной. Снова и снова звучит извечный “проклятый” вопрос: “Вселенная для человека? Или человек для Вселенной?”

А.Тесленко, как будто ощутив дыхание близкой смерти, выплескивал на страницы то страстные, то мучительные, грустные размышления о судьбе и призвании художника, незащищенности настоящего таланта. И роман (особенно его четвертая, “синтезирующая” повесть, непосредственно посвященная чернойбыльской зоне, где встречаются главные герои произведения), и “Пылесос истории”, и “Анатомо-поэтические композиции” отмечены автобиографичностью, явственной, до боли искренней исповедальностью, в которой гармонически соединилось то, что всегда отстаивал автор, — Порядочность, Долг, Любовь, Неподкупность, Правда.

Последние произведения писались в Ирпени. Мы подолгу жили в соседних корпусах, часто встречались. Вместе собирали грибы, покупали перед Новым годом елки, а весенним утром, когда сверкнула первая молния, в последний раз вместе стояли на перроне.

Прошло два часа, и московский поезд прибыл. А.Тесленко знал чуть ли не всех гостей. Не искал сердечных, дружеских приветствий, добрых слов — они сами по себе рождались в мягкой, светлой, чуткой душе.

Распогодилось, улеглась послечернобыльская привокзальная пыль, и ничто не предвещало приближение фатального дня.

Творца Инканы не стало, но осталась планета. Планета добра, человечности, порядочности, любви. Планета вечной памяти.

ПЫЛЕСОС ИСТОРИИ

Повесть

“Дорогая мамочка! Я представляю, как ты волнуешься за меня и сердисься за то, что я редко тебе пишу. Но очень прошу — не волнуйся. Ты со своим впечатлительным характером принимаешь все слишком близко к сердцу. Это прекрасная черта, но, поверь, — у меня все хорошо! Здесь ничего плохого со мною просто не может произойти. Редко пишу я лишь потому, что много работы. Ужасно много. Позвонить же, как ты знаешь, мы к вам не можем. Точнее, это очень сложно. И знай, если я добьюсь разговора с тобой, это уж точно означало бы какую-нибудь беду, которой, повторяю, здесь случиться практически не может.

Прошу тебя, при каждой возможности передавай привет моей дорогой Амилке и целуй ее. Ведь я ей совсем не пишу. Знаю, она тоже не сидит на месте, носится по нашему тесному и громадному Мирозданию. А к тебе она, я уверен, изредка забегает, и вы имеете возможность поговорить и вместе почитать мои письма. Целуй и, пожалуйста, береги мою Амилку. Без нее мне очень плохо. И без тебя страшно плохо, дорогая мамочка. Но в жизни никогда не бывает, чтобы во всем было лишь хорошее.

Я доволен своим научным руководителем, а стало быть, и всей своей работой. Очень много приходится заниматься чистой наукой. А это, оказывается, прештересная штука. Вырастаешь в собственных глазах. Кроме чистой прикладной физики, я уже достаточно хорошо ориентируюсь в проблемах современной биологии, без которой нам с нашим “пылесосом” просто не обойтись.

Поверь мне, мамочка, я очень часто вспоминаю все наши беседы и хорошо помню все твои опасения и предостережения. Безусловно, любая наука и человеческая деятельность должны служить только всеобщему благу. А оно складывается из личного блага для каждого, кто чувствует и мыслит. И в этом я никогда тебе не возражал. Хотя теперь у меня больше чем достаточно возможностей убедиться в том, что чистейшие

и святейшие научные замыслы не так-то легко воплотить достойным образом в жизнь... Но поверь мне, мамочка, — тебе никогда не придется стыдиться за мои поступки, ибо, в конечном итоге, главнейший мой научный руководитель — это ТЫ!

Погода здесь стоит вполне пристойная. Зимы не очень лютые, а летом не очень жарко. То есть все нормально. У меня имеется возможность достаточно часто выходить за пределы городка. И хотя отдыхом эти отлучки назвать очень трудно, но они очень разнообразят мою академически-аспирантскую жизнь. Я всегда одеваюсь, как ты говоришь, по сезону и еще ни разу не простудился. Врачи у нас здесь прекрасные, так что не волнуйся, мамочка. И, пожалуйста, не обижайся, что редко пишу. Очень много работы. Настоящей работы и настоящего научного поиска.

Именно об этом я мечтал всю жизнь.

Обнимаю, целую Вас всех. Ваш Юлимар.

12345123451234512345123451234512345

12345123451234512345123451234512345"

Под развесистыми ветвями старого каштана, на котором уже зеленела весенняя листва, — семь толстенных, в два обхвата пней, поставленных вместо столиков. Стулья же — самые обыкновенные, из дюралевых трубок с фанерными сиденьями. Стулья на ночь заносили в домик торговой точки № 165. А столы дневали и ночевали на улице. И в дождь, и в снег. Зимой павильон не работал. А с ранней весны до поздней осени Микола любил посидеть здесь и после работы, и в выходные дни. Конечно, когда не было дождя. На свежем воздухе один только шашлычный запах пьянил. Если еще прихватить с собой то, что “категорически запрещается”, — наслаждение не с чем и сравнить. Понятно, для тех, кто в этом разбирается.

В этот вечер Микола ушел с работы несколько раньше обычного. Собственно, работы в тот день для него не было. Никто его не искал, а выдумывать что-либо ради дня завтрашнего не имел ни малейшего желания. Вот и отправился домой.

Свои неполные сорок лет Микола прожил разнообразно и непоседливо. В школе учился хорошо, был почти отличником. Однако после восьмого класса, желая поскорее избавиться от родительской опеки, решительно и не без семейных скандалов подался в ПТУ, где и получил профессию плотника. Немного проработал по специальности на заводе и был призван в Армию, откуда вернулся с еще одной профессией — водителя. Но душа продолжала искать свое место в жизни. Подал документы в химико-технологический институт, сдал все экзамены и был зачислен. Но через два года его отчислили за неуспеваемость. Причина неуспеваемости — новое увлечение. Литература! Начал писать

стихи, рассказы. И это так его поглотило, что учение на ум не шло. Он уверовал в то, что его ожидает судьба великого писателя. Способствовали этому поощрительные отзывы и комплименты друзей в редакциях. Ему посоветовали пойти в литературный институт. Он с радостью согласился. Судьба и на этот раз ему улыбнулась. Он легко поступил и прожил еще три прекрасных и многообещающих года. А когда возвратился домой, то впервые в жизни осознал, что он уже не юноша. Осмыслил, сколько ему лет и... всю глубину своей никчемности. Кто он на этом свете? Никто. Действительно никто. За эти годы умерла мать. Сердечный приступ. Он приезжал на похороны из Москвы. Отец сильно постарел. Перестал его поучать и, как казалось, вообще не обращал на сына внимания.

Но жить-то надо. И он вспомнил свою первую профессию. Отправился на комсомольские стройки — изучать жизнь, собирать материал для будущей книги. Но хватило его на два года. Он снова вернулся домой, устроился рабочим сцены драматического театра — при искусстве, так сказать, для будущего писателя тоже не лишне. Вскоре “с горя” женился, не долго выбирая спутницу жизни.

Лариса работала машинисткой в одной из редакций, где бывал Микола. Он не раз поглядывал на складную, модно одетую причесатую девчушку. Как-то, на восьмое марта, он удостоил ее букетиком подснежников. Лариса растрогалась. Ему тогда показалось, что он смог бы с нею жить.

Так и пришел, неожиданно для самого себя, однажды к ней в конце рабочего дня. Был усталый, весь какой-то съездившийся, совсем сникший — он и так не мог похвастаться ростом, редкая борода сбилась в кривой рыжий клинышек. Какое-то мгновение, стоя на пороге, глядел на Лариску. Она подняла глаза, машинально выключила электрическую “Ятрань” и вопросительно взглянула на него.

— Привет,— наконец выдавил Микола. И заставил себя улыбнуться.

— Привет,— Лариса почему-то зарделась.

— Тебе еще долго работать?

— Да нет... Я уже все... Сегодня я уже свободна.— Она порывисто поднялась, постояла в нерешительности и села.— А что такое? Почему ты... Почему вы спрашиваете?

— Пошли, если ты свободна... Хочу с тобой поговорить, посоветоваться...— и вдруг без колебаний Микола по-деловому буднично спросил: — Ты не согласилась бы выйти за меня замуж? Мне кажется, что мы подошли бы друг другу...

Вот так он женился, быстро и разухабисто. Отец отнесся к этому вполне спокойно. Не радовался тому, что сын наконец-то вроде утихомирился и пускает корни, не сердился, что выбрал

себе прыщеватую щеголиху. Одевалась Лариса, как на ярмарку. Шила в ателье, шила сама, выходило не дорого, но всегда ярко и модно. Порой до безвкусицы модно. Когда появился Юрасик, Лариса стала немного сдержаннее в своем желании иметь “потрясный вид”. Но, как и раньше, за своим внешним видом следила тщательнейшим образом. Объяснялось это тем, что она считала себя, и в этом ее убедила мама, пугалом гороховым. Ей-де без косметики и приличного наряда в город и выходить стыдно. В чем-то старая мать была права, в чем-то ошибалась: после рождения Юрасика Лариса сразу выправилась и даже в латаном домашнем халатике казалась матери “настоящей женщиной”.

Жили они вполне мирно и даже весело. Пока Юрасик был совсем маленьким, Лариса умудрялась “подкидывать” его своим подругам на несколько часов (однажды даже эксплуатировала молодого автора, которому перепечатывала его гениальный роман), и они с Миколой ходили в кино или в театр (в “свой” театр заходили важно, с черного хода). Порой позволяли себе посидеть в ресторане.

Микола продолжал писать и ходить по редакциям. И в который раз предлагал он свою рукопись издательству, но фортуна словно отвернулась от него. А смотрела ли она когда-нибудь в его сторону? Просто раньше, когда он был совсем молодым, когда от него ничего не требовалось, только жить и учиться, не составляло труда тешиться мнимой благосклонностью своенравной фортуны. Если, к тому еще, собственная голова варит вполне прилично. Что же касается тесного жизненно-литературного трека, судьба улыбается лишь сильнейшим и хитрейшим, а не растяпам с куриными мозгами, как иногда говорила Лариса, вроде бы совсем не про него. Он и вправду ни разу не обиделся и виду не подал, что понимает, о ком идет речь...

И частенько, сидя возле толстенного, в два обхвата стола торговой точки № 165 да еще в хорошую погоду за кружкой холодного пива, он позволял себе, лениво жуя традиционно недожаренный шашлык, подтрунивать над Ларисой и над растяпами с куриными мозгами, которые потягивали пиво рядом с их столом.

Сидел в тот вечер Микола возле своей любимой пивной будочки и почему-то думал о коллеге из театра, художнике-неудачнике, рабочем сцены. Тот был гулякой с большим стажем. Несмотря на свой предпенсионный возраст, он мог демонстративно выпить бутылку сухого красного и выходить на трассу ежегодного традиционного марафона. Каждый год он добегал до финиша, а затем несколько месяцев, при случае, разглагольствовал о пользе сухого красного и о своих загубленных возможностях. Из него,

видите ли, мог бы получиться не только гениальный художник, но и выдающийся спортсмен-марафонец. Еще любил повторять:

— Теперь задаром премьеры “премьерят”! Вот Кикоть — так тот был настоящим человеком. После каждого праздника всем, кто на него за кулисами работал, меньше чем по трояку не давал... А сейчас? Вырождается украинская опера. Вырождается!..

Миколу доставляло удовольствие подложить своему “гениальному” напарнику хоть небольшую свинью и потом прислушиваться, как того разнесит начальство. Объяснить своей антипатии Микола никак не мог.

Так вот, сидел он в тот весенний вечер под старым каштаном, рассуждая сам с собой о “сложности и непостижимости человеческой породы”, которая одних индивидуумов каким-то образом объединяет, а других — напроочь разъединяет... Не сразу заметил, что к нему подсел средних лет большеносый мужчина в строгом сером костюме и молча поставил на могучий дубовый стол бутылку “Наполеона”.

За всю жизнь такого дорогого коньяка Микола не пил, хотя и поглядывал иногда с завистью, когда тот бывал в продаже. Но каждый раз громко восклицал:

— Какие дураки его покупают? За эти деньги можно целый месяц пьяным ходить.

Они встретились с незнакомцем взглядами, и тот как-то устал и виновато улыбнулся.

— Ты что дурака валяешь?— спросил Микола.— Хочешь, чтобы сразу милиция загребла?

Сероглазый мужчина коснулся ладонью своей короткой бородки:

— Милиция? С “Наполеоном”? Такого не бывает. Да и где эта милиция?

Незнакомец быстро поднялся и подтянул поближе к столу что-то ослепительно серебристое. Микола не сразу разглядел, что это обыкновенный мопед, только все его части оказались не крашеными, а хромированными или никелированными. Мопед ловил все лучи еще яркого заходящего солнца и весь радостно сиял.

— Что это за чудо техники?— Микола криво, но доброжелательно усмехнулся.

— А разве сам не видишь? “Верховина”. Прекрасная машина, как метеор мчится.

— Если бы пил что подешевле, то и на мотоцикл разжиться смог,— рассмеялся Микола громко.

Ему вдруг показалось, что незнакомец чем-то напоминает художника-марафонца, вот только одет с иголочки. “Испортит мне вечер этот сероглазый”.

— На мотоцикл разжиться?— переспросил незнакомец.— За-чем? У меня все есть. “Волга” последней модели. Прекрасная дача. Зачем мне еще мотоцикл? Свою “Верховину” я просто люблю. Хлопот никаких. Машина легкая, быстрая. Она у меня немного модернизирована. Давай по малой толике?— не ожидая согласия, незнакомец решительным движением подхватил фирменную темную бутылку и начал не спеша откупоривать.

— Прекрасный напиток. Божественный напиток,— произнес тихо и, как-то неожиданно, извлек из кармана два металлических складных стаканчика. Тоже полированные и блестящие. Привычным движением привел их в “состояние боевой готовности”.— Все свое ношу с собой. Не люблю пить из чужой посуды. Так с детства привык.

— Что, очень брезгливый?— деловито спросил Микола.

— Нет, нет, не брезгливый. Просто не люблю...— незнакомец разлил коньяк ровно по полстаканчика.— Давай! Как говорится, за все наилучшее!— Он пригубил и, прищурившись от удовольствия, стал смаковать:— Такое впечатление, будто летишь... Правда? Глоток сделаешь и летишь, летишь...

— Знаешь, сколько я уже без “Наполеона” лечу?— буркнул Микола и, выпив коньяк одним махом, крикнул:— Хороший продукт. Только дороговат... Так чем, как говорят, обязан? У вас сегодня какой-то праздник?

— У меня каждый день праздник,— многозначительно сказал незнакомец, маленькими глотками потягивая “божественный нектар”.

Микола поставил пустой стаканчик на стол, и сероглазый сразу же налил снова, на этот раз наполнив почти до края.

— Ты что это, может, спить меня вздумал?— недоуменно произнес Микола.

— Спить? “Наполеоном”? Тебя? Не смей. Да и кто тебя заставляет? Не хочешь — не пей,— и снова прищурился, с удовольствием пил коньяк маленькими глотками.

— Хороший вечер сегодня,— ни с того ни с сего сказал Микола.— Погода приятная. Тепло. Весна.

— Давай познакомимся,— предложил сероглазый,— меня зовут Георгием.— Протянул руку.

— Я — Микола...

— Ты где работаешь?

Некоторое мгновение Микола колебался:

— Вообще-то я писатель. Литературный институт окончил. А работаю в театре. Просто так, для жизненных впечатлений. Рабочим сцены. Я плотническое дело с детства люблю. А ты кто?

— Я физик. На научной работе. В ваших краях проездом. В командировке.

— Понятно. То-то я тебя впервые вижу. Если б здесь жил,

могли чаще встречаться. Ты, вижу, простой парень, хотя и “Наполеон” попиваешь... А место это я давно люблю. Здесь уютно. И почти рядом с моим домом. Вон, видишь, я там живу. — Коньяк с выпитым до этого пивом приятно кружили голову. — А ты что, в командировку приехал на этом драндулете? — Микола расхохотался.

— С чего это ты зубы скалишь? — с обидой произнес Георгий.

— Ты, Жора, как вижу, большой оригинал.

— Прилетел сюда я самолетом, а этот, как говоришь, драндулет без проблем всяких отправляется багажом. За что я его и люблю...

Микола продолжал смеяться, глядя на блестевший наполненный “Наполеоном” стаканчик. Наконец, после некоторого колебания, он взял его и опрокинул в рот:

— За твоё здоровье, Жора... Спасибо...

— И что же ты пишешь? Ты поэт или прозаик? — спросил Георгий, плеснув себе коньяка и вновь наполнив стаканчик Миколы.

— И поэт и прозаик... Но я еще не член Союза, — пьяно улыбаясь, ответил Микола. — Не тороплюсь самоутверждаться профессионально. Жизнь следует получше изучить, жизненного опыта набраться...

— А это дело... я вижу, ты любишь, — Георгий кивком указал на бутылку. — Боец?! — сказано было так, что Микола не мог сообразить, как воспринять произнесенные по его адресу слова. — Здоровье крепкое. Это хорошо. А если у человека здоровье в норме, то остальное уже само собой... Так?

— К здоровью еще и деньжата не лишние. Чтобы вдохновение чаще приходило, — хихикнул Микола, поднимая блестящий металлический стаканчик. — Ведь писатель без вдохновения — живой труп. А писать для заработка, чтобы прожить, — это же позор! Это позор! Ты согласен со мной? Левушке Толстому думать о куске хлеба не приходилось. Вот и писал, как бог. Не для денег потому что писал.

Микола затуманенными глазами смотрел на Георгия. Вдруг его озарило, что тот похож вовсе не на художника-марафонца, а точная копия его самого, Миколы. Такая же короткая борода, тоже невысокого роста, худощавый и длиннолицый, сероглазый... Вот только одет изящно и строго во все новенькое. Микола же своей одеждой никогда не мог похвалиться. Но все же он принадлежал к тому типу людей, которые своей внешностью и поведением вызывают уважение, симпатию, доверие и доброжелательность, несмотря на склонность к фамильярности и бесцеремонности в обращении. Присмотревшись внимательнее, Микола убедился: они с Георгием действительно словно братья-близнецы.

— Нет, не для денег нужно писать. О святых вещах забываем. Моя Лариска за целковый удавится... Да-а, что там говорить. Ты, брат, и сам без меня все знаешь.

— Дети есть?— спросил Георгий.

— Сын. Юрко. Скоро пять лет.

— Молодец,— сказал Георгий.— Дети — это чудесно. Дети — это жизнь. Еще немного выпьешь? Так сказать, для чистоты и очевидности результатов эксперимента...

— Какого эксперимента?

— Это мы, физики, так говорим между собой... Особенно если берем грех на душу в рабочее время...— Георгий рассмеялся.— Вся наша жизнь — сплошные эксперименты и прежде всего над собой. Разве не так, Микола?

— Конечно... Но, по правде, с чего это ты сегодня меня так щедро угощаешь?

— А разве чем плохим угощаю? Извини, если не угодил. Что сам пью, тем и тебя угощаю.

— Всяких я видел... Потом, бывает, начинают права качать: “Ты мой коньяк лакал, когда он у меня был? Лакал! Так гони сегодня на поллитра!”

— Оставь,— брезгливо поморщился Георгий.— Я такие шутки с детства не люблю. За глупые шутки меня отец в детстве изрядно бил. А тебя, видать, жалели.

Микола смущенно отвел глаза в сторону. А потом совсем неожиданно брякнул строку из своего стихотворения:

— “Желтое тело осени уж в могилу просится...”

— Сейчас весна,— напомнил Георгий.— При чем осень?— И пытливо посмотрел на Миколу.

— Потому и говорю. В огороде бузина, а в Киеве дядька.

Оба они сдержанно, словно поняв друг друга, рассмеялись.

— А что ты на работе делаешь?— спросил Микола, лишь бы перевести разговор на другое.— Над чем экспериментируешь? Надеюсь, не бомбу сверхновую выдумываешь? Ты ведь — физик?

— Физик. Но никаких бомб. Как говорится, я целиком и полностью на службе земного прогресса. По крайней мере так нам кажется.

— Кому это вам?

— Как это кому? Коллегам моим по институту, другим физикам. Моя тема... Но нет, убежден, что все это очень необычно и непонятно для тебя...

— А ты популярно... Я давно уже с дерева слез, может, как-нибудь дошуруплю?

— Речь идет об усовершенствовании систем квазирезистивного метаморфозования с четко обозначенным и управляемым пространственным перемещением рабочего агента... Извини, но

если сказать иначе, то все равно понятнее не станет, и ты можешь подумать, что я сказочки рассказываю... Вот, скажем, если бы лет двести назад кто-то начал пояснения давать про телепередачи или о том, как можно деньги пересылать телеграфом... Понимаешь? Это сейчас в этом для нас ничего непонятного и загадочного нет...

— Ну ты даешь, Жора! Или совсем за придурка меня принимаешь?— выпитое прибавило в его поведении самоуверенности и развязности.— Квази-рези-мези, и проще, хоть убей, как дикарю из племени мумбу-лумбу растолковать, видите ли, невозможно... Если я такой дурной, можешь еще стаканчик налить своего нектара, что еще дурню остается делать...

— Напрасно обижаешься,— сказал Георгий и взглянул на часы, затем посмотрел на окрашенные лучами солнца в розовый цвет белые облака.— Если хочешь, я могу постараться объяснить все очень просто... Представь себе пылесос. Каким он должен быть? Ну, понятно, мощным. Правда? Но представь также, что он такой мощный, что всасывает новехонький ковер целыми кусками. А тебе нужно лишь почистить ковер... Понимаешь, он должен собирать пыль, мусор, а не выдергивать живую материю... И наоборот, если он окажется маломощным, то зся пыль останется на месте... Кому нужен такой пылесос? Один шум от его работы. Но про пылесос я тебе сказал так, для примера, потому что можно провести определенные аналогии... Представь себе такой своеобразный пылесос истории, который четко разделяет, безотказно упаковывает...

— Что? Пыль истории? Ну ты даешь, Жора! Пылесосных дел мастер. Ну и молодец! Ты пивка не хочешь? Пивко с “Наполеоном” — это тебе не просто так, это, можно сказать, проводя определенную аналогию, писсуар истории... Ха-ха-ха... Ха-хи-хи...

— Мне надо поторапливаться, — вдруг произнес Георгий. — Извини. Засиделся я с тобой. Спасибо за компанию. Рад был познакомиться. Хочу сделать тебе подарок, вернее, оставить на память о нашем сегодняшнем весеннем вечере вот этот, извини, складной стаканчик. Прекрасная работа, правда? И удобная штука. Их изготавливают на нашем опытном производстве. Поэтому бери смело, без церемоний. Надеюсь, наша продукция тебе понравится, и ты ее должным образом оценишь. Держи рычаг, — Георгий протянул руку на прощанье, встал.

— Счастливо. Чувствую, что у тебя сегодня все же какой-то праздник... Может, с женой развелся? И захотел тихонько, но с шиком, отметить...

— Нет, нет... Извини, уже поздний час... Мы прекрасно с тобой провели время. Не так ли?

— Ты что, “Наполеон” свой оставляешь?

— Конечно... Угости жену... Или сам здесь допьешь... Что мне с ним делать?

Георгий оседлал свою никелированную "Верховину", оттолкнулся ногами, она забурчала, чихнула, повезла своего хозяина по вечерней аллее к магистрали, где сновали легковушки и автобусы.

Микола оглянулся вокруг. За соседними столиками до удивления мало людей. И никто не обращал внимания на необычную бутылку коньяка на его столе. Милиции тоже не видно. Микола плеснул себе еще немного. Выпил. Потом запихнул нестандартную толстушку в свой старенький, потертый дипломат, достал сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся дымом.

Вечерело, сумерки сгущались.

"Каких только чудиков на свете не встретишь. А решишься написать о нем, об этом сегодняшнем вечере, о дармовом "Наполеоне"... Разве кто поверит? Пылесос истории, видите ли!"

Микола нажал ладонью на стаканчик, тот послушно сложил свои колечки-ободки друг в друга и улегся на блестящее металлическое доньшко. Рассмотрел стаканчик, повертел его в руках.

— Ручная работа, — сказал тихо и положил стаканчик в карман.

Лариса долго не открывала, и он, слегка пошатываясь, позвонил еще раз. Наконец щелкнул замок. Микола нетерпеливо переступил порог. Перед ним стояла Лариса, совершенно голая, лишь на голове возвышался тюрбан из большого махрового полотенца.

— Ты прости, что долго не открывала... я в ванной была. Голову помыла... Ты что, пьяный? Ты опять пьяный, зараза?!

Никогда это слово "зараза" не звучало в устах Ларисы так для Миколы обидно, как сейчас.

— Чего это ты голой шастаешь? Отец где? Постыдилась бы хоть его.

— Батя лежит и не встает. Можешь успокоиться. Вот! Зараза пьяная! Дома денег нет, а он... Когда, наконец, твоя книжка выйдет, пи-исатель? Ты со мной хотя бы как с машинисткой рассчитался. Я тебе все дважды перепечатывала.

Микола поморщился, икнул, достал из дипломата бутылку с недопитым "Наполеоном", Лариса напряженно и испуганно замерла, внимательно приглядываясь. Она-то хорошо знала — Микола никогда не приносил домой недопитую бутылку, если не он покупал.

— Ты что, большие деньги получил? — спросила почти доброжелательно.

— Даже не знаю, как тебе сказать... — уклончиво начал Микола, неторопливо разуваясь. Медленно сбросил один ботинок,

затем другой. Хлопнул Ларису по голой спине. — Накинь хотя бы халат...

— Юрко заснул, а в доме жарко... На улице уже весна, а батареи все еще горячие... Я просто задыхаюсь. Холодный душ приняла, малость полегче стало... Зачем ты пил, зараза? За эти деньги можно было сыну пальто купить... — но в голосе уже слышалось лишь любопытство.

Микола с важным видом, почувствовав себя в центре внимания, гордо прошествовал на кухню. Поставил бутылку на стол. Достал из кармана складной стаканчик, лихо подкинул его, держа за донышко, и тот послушно принял форму блестящей, готовой служить по назначению посудыны.

— А ну-ка, Ларка, давай по маленькой! Да и поужинать дай мужу.

— Все на плите, давно тебя ждет... А ты...

— Садись к столу... Прекрасное пойлище этот “Наполеон”. Да-да! Ты “Наполеон” любишь? Его нужно тянуть маленькими глоточками. Тогда появляется такое ощущение, вроде ты ле-тишь...

— Ах, Миколушка, ну расскажи, что случилось?

— Не торопись... — Микола понятия не имел, как объяснить то, что произошло, Ларисе. Он понимал, нужно говорить не только так, чтобы ему поверили, но и добавить такое, чтобы извлечь из этой ситуации какую-то выгоду для себя или хотя бы малую возможность самоутверждения. — Ты на работу сегодня ходила?

— Нет, печатала дома. Сказала, что ребенок заболел. А у Юрасика и вправду маленькая температура... — Лариса достала из серванта большой хрустальный фужер, поставила рядом с металлическим стаканчиком. — Ну так плесни. За что, значит, выпьем?

— Ты бы еще кружку под “Наполеон” подставила, — незлобиво буркнул Микола и чуть плеснул в фужер, на самое донышко.

— Что это у тебя такое? — спросила Лариса, глядя на блестящий стаканчик. — Такие штучки зэки в лагерях делают. Откуда это у тебя?

— Зэки в зонах, — передразнил. — Товарищ подарил. Мы с ним когда-то в Москве познакомились. Когда я в литинституте учился... А вот сегодня мы с ним встретились. Большим ученым стал. Засекреченный физик, — Микола и себе налил коньяка.

Лариса рассмеялась звонко, неудержимо, как дурочка:

— Его из тюрьги выпустили, твоего засекреченного физика? Он там и стаканчики вытачивал. Хи-хи-хи... За что пьем, чудо мое писательское?

— За счастье и здоровье присутствующих, — снова многозначительно и уклончиво ответил Микола. — Я сегодня создал гениальное стихотворение. Хочешь послушать? Про пылесос истории... — и сам едва не расхохотался. — Слушай: Пылесос истории — ты метла фортуны. Посреди декорации суток. Кружка пива. Пена в шевелюре. Кто ж сказал: “Ты бей, но не убей!” Сцена, пыль. Где ж пылесос истории? Нет, не создали умники его... А за кулисами накурено, наплевано, красавицы, сняв грим, все пьют бордо...

— Кончай паясничать, — перебила его Лариса, сообразив, что Микола беззастенчиво импровизирует. — Где ты с ним пил? Где взял деньги на коньяк? Ты дома взял деньги? — Лариса вскрикнула и побежала в комнату, скрипнула дверца секретёра, не включая света, она нащупала деревянную шкатулочку, где они хранили деньги, и решительно направилась на кухню.

Микола сидел понурившись. Денег дома он не брал, но и выдумать правдоподобное появление “Наполеона” тоже не мог. А сказать все, как было, казалось полной нелепостью, глупостью.

Лариса с вызовом поставила шкатулку на стол и, пристально глядя на мужа, открыла крышку. Поверх старых пятерок и трешниц лежали три новенькие десятки.

С минуту длилась немая сцена.

— Миколка, Миколушка! Ах ты заразочка моя... Прости меня, я погорячилась. Ты сам понимаешь, когда дома денег кот наплакал, мне подумалось, что тебе захотелось кого-то “Наполеоном” угостить... Ты прости меня, глупую... Ладно, Миколка? Ты не сердись? Ну, рассказывай...

— Оденься прежде, балерина... Срамотой отсвечиваешь. Не буду же я тебе такой все на кухне рассказывать!

— Сейчас, сейчас, Миколушка. Сейчас оденусь, — Лариса выбежала.

А он пьяно устался на три новенькие десятки. Он понимал, Лариса положить их туда не могла. За себя тоже был спокоен. Отец? Так он уже полгода не встает. Кто? Какой-то бред. Продолжение вымысла?

Микола перевел взгляд на заполненный коньяком стаканчик, взял его и, не раздумывая, выпил. И сморщился, закрыв глаза. А когда снова посмотрел в раскрытую шкатулку, то увидел: там появилась новенькая пятерка.

Он не видел, каким образом она там очутилась, хотя не сомневался — мгновение тому назад ее там не было.

От сознания фантастичности, даже дикости происходящего хмель из головы как ветром выдуло. Мозг напряженно заработал. Микола посмотрел с подозрением на стаканчик, торопливо вылил в него остатки “Наполеона” и, не отводя глаз от шкатулки,

выпил. Там появилась новенькая трешка. Заметить, как это все происходит, ему не удалось, но сомнения исчезли.

В кухню вбежала возбужденная Лариса в легоньком ситцевом халатике. Сразу же заглянула в шкатулку.

— Ой, да ты еще положил? Спокойно, Миколка! Рассказывай. Теперь мы прекрасно доживем до конца месяца. Рассказывай же. Ты получил гонорар? За что? Дай почитать. Кто тебе печатал?

— Ларисочка, оставь меня в покое... Собственно, что тебя разволновало? Ну, появилась копейка... Неужто такое, ах, событие?.. — Микола медлил, понимая, что прежде всего ему самому надо во всем разобраться и самому успокоиться. — Так, в одной редакции попросили поработать... внештатным... Закончил же я литинститут, есть у меня и вкус и опыт... — безбожно врал Микола. — Толком еще не знаю, как они мне заплатят, но обещания были заманчивые...

— Ну, зачем такой дорогой коньяк покупал? Бешеные ведь деньги. Он же рублей пятьдесят стоит? Да? А с кем ты пил? В какой редакции?

— Все-то тебе расскажи... Обойдешься пока. Ты же знаешь, я суеверный. Настанет время, обо всем узнаешь. Главное — все хорошо.

Микола взял стаканчик, сполоснул его под струей теплой воды, сложил и бережно положил в карман.

— Устал я сегодня. Давай ужинать. Я пораньше лягу спать. Заслужил.

— Пьяный ты сегодня, как зюзя, — ласково сказала Лариса.

Всю ночь Микола провел в напряженных и болезненных размышлениях и сопоставлениях. Он делал вид, что спит. Лежал с закрытыми глазами и припоминал все до малейших подробностей, начиная со встречи со своим сероглазым "двойником" и до появления очередной трешки. Связь между выпитым коньяком и появлением денег была несомненной.

"Квази-рези-мези... с выраженным управляемым перемещением рабочего агента... Квази-рези-мези... Пылесос истории... Ну, Жора, ты даешь! Где же тебя искать? И нужно ли тебя искать? Ты не просил тебя искать? И не сказал, что будешь искать меня... Квази-рези-мези... Экспериментатор... Пылесосных дел мастер..."

— Миколка, ты не спишь?

"Если это действительно так, то... Нет, так просто не может быть! Это фантастика! Я лишку выпил. Пиво с "Наполеоном" никогда раньше не пил и одурел с непривычки. Бред? Но Лариска... Она-то трезвая..."

Он был готов вскочить и бежать среди ночи к друзьям, подняться на ноги соседей, только бы выцганить под любым предлогом бутылку любого спиртного, наполнить блестящий "солнечный

стаканчик" и выпить. А может, нужен только "Наполеон"? Вполне возможно.

— Ты с таким трудом дышишь. Ты не спишь, Миколка?

Ему никак не удавалось разобраться в том, что произошло, но понимал — попал в такую ситуацию, которая не может не подарить ему хотя бы временной радости. Временной? Почему временной? Лишь потому, что ничего нет вечного в этом мире? Как пришло, так и уйдет? Какая несправедливость! Как несправедлива жизнь!

— Ты завтра идешь на работу?

"Какая может быть работа завтра? Тут такие события раскрываются. Нужно во всем поскорей разобраться. За подкладкой пиджака припрятана от Лариски десятка... Мало. О "Наполеоне" нечего и думать...

А если система работает на чем-либо подешевле. Надо проверить все — от пива и сухих вин до водок и разных коньяков. Но в десятку никак не уложиться. Господи, как говорила моя мама, почему люди бывают бедными? Потому что глупы? А почему бывают глупы?.. Потому что бедны? Всю жизнь считаешь копейки и зависишь от них. Вот и сейчас. Такой казус случился, такой многообещающий эксперимент. Да тут и сотни не жаль. Так нет же! Дудки! Нищета проклятая! Надо бы у Лариски еще одну десятку взять. В конце концов, если все ладно будет, то и назад вернется. А если нет, то не обеднеем".

Ночью вспомнил о том, что забыл хотя бы заглянуть в комнату отца. Но...

"Батя простит. Но я и так не каждый день с ним вижусь. И он без меня не скучает. Лежит себе, телевизор смотрит. И почти ни с кем не разговаривает. Даже с внуком. А следовало бы деду больше общаться со своим внуком. Говорят, что общение с детьми лечит и омолаживает. Скажу об этом батьке. А то лежит и только кашляет. Старый уже... Лариска говорила, что покормила его и все сделала... Значит, все в порядке..."

— Тебе не холодно? Может, форточку закрыть?

"Так что же получается, если с умом, то — живые деньги... Как в кабине космического корабля — регенерация, круговорот и взаимный обмен газов, воды... Безотходное производство... Обалдеть можно. Ну, Жора, ты даешь! А если пить чужое? Вот тебе и заработок? Господи, уже утро?"

...Из рубанка вырываются красивые завитки ароматных стружек. А Витька Кисляк, — такая фамилия у рябого с веснушками соседа по верстаку, — коварно накидал ему полную пазуху стружек с опилками. Они тогда здорово подрались, до крови. Разнимать их прибежали два преподавателя училища. А Микола, еще

слабый паренек, безуспешно дергался в сильных руках и истерично со слезами кричал: “А за что он меня? Пускай себе опилки напихает! А зачем он мне? Я ему полный рот стружек набью! Гад этакий! За что он меня?!” Витька Кисляк стоял возле верстака, его никто не держал, вытирал разбитую губу и виновато повторял: “Я просто пошутил. Я всем опилки за пазуху кидал. Все только смеялись... Я просто пошутил...”

Едва не задохнулся Микола в куче свежих опилок после своей первой в жизни “настоящей” выпивки. Искал тогда бригадира лесопильного цеха. У того была припрятана бутылка самогонки, а до обеда оставалось пятнадцать минут. Вот взрослые ребята и послали за ней его, “салагу”, который только что выдул свою первую трудовую поллитровку. Наказали, чтобы он напомнил еще Володьке, что его ждут в паркетном цеху. Микола не заметил открытого люка в машинное отделение пилорамы. Шел, широко расставляя неслушающиеся ноги, споткнулся о вмерзлую березовую колоду и прямо головою вниз полетел в квадратный проем. Спасло то, что, зацепившись за лестницу, упал, погрузившись в свежие опилки. Но именно это чуть его не погубило. Он глубоко вдохнул в опилках, как под водой, и стал задыхаться. Вытащил его бригадир, на счастье заметивший пике Миколы. Парень уже посинел от судорожного кашля и рвоты. Врача не вызывали. И вообще никому ничего не сказали. Обмыли салагу, влили в него еще полстакана самогона и положили спать за штабелями паркета...

Когда призвали в армию, то искренне радовался — конец периодическим, но в то же время регулярным пьянкам с бригадой. Да здравствует новая жизнь! Но когда представился случай, не колеблясь, начал грызть гранит автонауки с единственной целью — иметь возможность в будущем выезжать за границы войсковой части, чтобы дать “утеху душе”. При этом не забывал услужить без лишнего филантропства своим жаждущим однополчанам. Однажды, не найдя водки в районе, погнал машину в область, задержался на шесть часов. Его уже стали разыскивать на штабной машине. Одному Богу известно, как Миколе удалось отбрехаться перед комбатом и замполитом, оправдываясь неожиданным ремонтом в дороге. Все понимали, что Микола врет, но пожалели — не столько его, как честь воинской части.

Когда, отслужив, сдал испытания и был зачислен в химикотехнологический институт, Микола отдохнул душой и телом — винцом тогда торговали с восьми часов утра, с алкоголизмом еще никто не боролся. Словом, проблем этих будто тогда не существовало, а учение давалось легко. Микола сразу ощутил, что голова его варит неплохо. Но голову-то беречь надо. Отягощать ее наукой нужно постепенно, ибо жизнь прекрасна и многолика и так быстро летит, кружится, как красивые девчата в старинных

вальсах... Тогда он написал свое первое стихотворение, опьяненный поцелуем Светланы и стаканом "Лидии" — "Ах, сколько лет я дождался Вас. Вы — свет моих очей, Вы — свет в ночи, как жаль — что быстро мчится время, но предо мной — Ваш взгляд, я слышу голос Ваш, дыхание Ваше ощущаю, походка Ваша опьяняет. Одно тревожит среди ночи: когда же скажешь ты: "Я вся твоя!" Таких "шедевров" Микола мог написать штуки три за один присест после стакана "Лидии" или "Изабеллы".

Для патриотических катренов в студенческую многотиражку требовался более серьезный творческий возбудитель. И выходило неплохо. Он решил забрать свои документы после второго курса, когда не сдал два экзамена, а на третий вообще не пошел. Его искренне уговаривали не торопиться со своим решением, советовали: "подтянуть хвосты", собраться, взять себя в руки. Поберечь, наконец, свой литературный талант. Ведь чтобы писать стихи, нужно знать жизнь. А чтобы знать жизнь, нужно знать специальность. И если ты сам сделал выбор и поступил в химико-технологический, то просто грех бросать учение. Не мальчишествоуй. Ты уже отслужил армию и должен быть серьезным..."

Но его манили лавры известного писателя — книжки, выступления по радио, телевидению, машина, дача, поездки за рубеж...

"Ничего мне не нужно от жизни, лишь бы не быть покоренным судьбой, пусть вороном черным — но живя триста лет, созерцать, удивляясь быстротечности жизни людской. Ничего мне не нужно от жизни, если б смог пренебречь и попать все запреты, границы — замелькали бы черно-белые метки столбов, убегая назад от моей колесницы..."

— Что-то мне холодно. Я прикрою форточку. Прости, Микола, я через тебя перелезу.

"Квази-рези-мези... Пылесос истории... При чем тут пылесос истории? Дурень я. Пьяный дурень. Жора начал что-то говорить, а я его нахально перебил, полез со своим "писсуаром истории"... Пивко с "Наполеоном"... Дурень. Голова болит. Это не от выпитого. От волнения. От выпитого у меня уже никогда не болит голова..."

Квази-рези-мези..."

— Я тебя не разбудила?

Будильник зазвонил, как всегда, в семь часов. Лариса встала, привычно поцеловала мужа и побежала будить и собирать в детсад Юрасика. Микола долго притворялся спящим. И когда Лариса спросила, когда ему нужно на работу, не опоздает ли, сонно отмахнулся:

— Не волнуйся... Все в порядке... Я не опоздаю...

— Не забудь покормить отца, когда проснется.

— Хорошо,— прохрипел он. Замер, ожидая, когда хлопнет дверь за Ларисой. Сразу же вскочил с кровати, бросился к телефону. Попросил товарища передать, чтобы в театре его сегодня не ждали. Температура тридцать девять, и вообще он едва живой... Заглянул в комнату отца. Тот спал, тяжело дыша во сне.

Микола посмотрел на часы. Половина восьмого. До двух часов дня нечего и думать о спиртном, даже по знакомству не купишь. Но ждать шесть с половиной часов — это же невыносимо. Это пытка.

Бежать к кому-то из друзей за бутылкой — дикость. Что о нем могут подумать? Оставалось одно, однако тоже дикое и позорное, по крайней мере если быть откровенным с самим собой. Одеколон "Жасмин"... На полочке в ванной комнате стоял полный флакон. Микола никогда еще не пил одеколону, хотя и видел, как это делают другие, когда изучал жизнь и "собирал материал для книги". Это всегда вызывало отвращение. Но успокаивала мысль, что, пожалуй, и не придется пить. Может оказаться, что достаточно вылить "продукт" в чудодейственный стаканчик, а потом его опорожнить. Именно так и должно произойти. Ведь какая разница, куда из этого стаканчика выливается — в рот или в раковину?

Извлек из кармана блестящий кружок складного стаканчика и, взяв из ванной "Жасмин", Микола закрылся на кухне.

Руки предательски дрожали. Наверно, от волнения. Только от волнения. Отвинтил пробку. Понюхал. Сморщился. Расправил стаканчик и нацедил в него сто граммов "Жасмина". Спихнулся — ведь шкатулка должна стоять рядом. Для чистоты эксперимента. Сбежал, принес и открыл.

Вылил одеколон из стаканчика в большую кружку.

Посмотрел в шкатулку — никаких изменений. Как же так? Чуть не заплакал. А вчера... Как в сказке... Однако вчера был "Наполеон". И вчера он его пил, а ни в какую кружку не переливал. "Интересно, а если действительно выпить, не хватит кондрашка? Люди-то пьют? Точнее, забулдыги. И недохнут, как мухи... Да простит мне Бог... Одеколон крепче "Наполеона". Это же почти чистый спирт..."

Микола вновь перелил одеколон из кружки в стаканчик. Зажмурился и выпил. Выступили слезы. Одеколон ожег горло. Перехватило дыхание от запаха.

В шкатулке, поверх денег, лежал новенький металлический полтинник.

"Господи! Стаканчик, значит, действует! С одеколоном тоже действует. Значит, будет и на водке. И на вине? Господи! Но почему лишь полтинник? Почти чистый спирт. Крепче "Наполеона". И только полтинник".

Сквозь толстое стекло Микола увидел искаженную строчку — Цена 1 р. 10 к. Флакон наполовину пуст. Наверное, только этим можно объяснить скупердяйство стаканчика. Чтобы проверить свою догадку, Микола и вылил в него остатки одеколона. Терять было нечего. Флакон швырнул в открытую форточку, услышал, как он звякнул об асфальт и разбился. Воодушевившись, торжественно поднял стаканчик и выпил.

В шкатулке звякнул еще один полтинник.

— Все точно! Как в аптеке.

Одеколон ударил в голову, по телу разлилась приятная нега.

— Жасмин — красивое слово, не познанное мною прежде. Свидание в саду... Прощанья отметим — оставим только встречи. И с Пылесосом, точно с Помпиду... Ха-ха-ха...

Одним словом, день начался фантастически удачно. Обнадеживающий эксперимент следовало продолжить, во всем точно удостовериться, все по-научному исследовать, чтобы в будущем не нарваться на какое-нибудь случайное недоразумение. Из-под подкладки Микола достал “подкожную” десятку и начал одеваться, но тут же вспомнил, что до двух часов эксперимент не удастся продолжить. Руки бессильно опустились. А “Жасмин” будоражил кровь, призывал на подвиги.

Тщательно вымыл несколько раз стаканчик с мылом под горячей водой. “Чтоб и духу не было. Отныне если пить, то самое дорогое! А это — в первый и последний раз!” Отнес шкатулку с деньгами на место. Опять лег и старался успокоиться. Но тщетно.

— Жизнь новая нам открывает двери, жизнь новая на подвиги зовет, рукою физика душа виолончели вселилась в тело грешное мое. Я был никто, и мал, и неказист, но стать великим возжелал, и Справедливость Высшая — ее величество — мне благосклонно улыбнулась. Я чувствую дыхание и взгляд ее, я чувствую — поток несет меня, и на пути своем смету я все преграды. Вперед, актер, заманчивых волшебных сцен!.. — декламировал вслух.

Микола подскочил с дивана, понимая, что дольше лежать не сможет. Радость “открытия” его распирала. Да и “Жасмин” не ленился в глубинах его гениальных извилил.

“Нужно действовать. Нельзя терять ни часа. И в жизни время нельзя терять. Авремя как вода. Течет и не вернется никогда. Мы ж тратим понапрасну секунды, минуты, часы, и месяцы и годы... Необходимо создать запас финансов и тогда... Тогда лишь и начнется кругооборот воды в природе! Пылесос истории! А деньги нужны для почина... И чтоб Лариска не узнала... Вот... Отцовский золотой брегет... ценой не менее трехсот...”

Он нашел часы сразу, хотя тот и был запрятан на самом дне картонной коробки вместе с Ларисиными украшениями-драгоценностями. Исчезновение часов, Микола был уверен, внимания не привлечет. Отец, пожалуй, вообще забыл о них. Он уже совсем

беспамятный. А Лариска три года назад хотела снести этот берегет в ломбард, когда с деньгами было туго. Но тогда как-то выкрутились.

“Если Лариска хватится, то скажу, что отдал знакомому мастеру почистить механизм”.

Настроение было прекрасным. Хотелось действовать. Хотелось жить и побеждать. Все тело налилось до сих пор неведомой энергией.

Путь до скупочного пункта показался бесконечным. В переполненном трамвае было тесно и очень неудобно, к тому же то и дело ловил на себе удивленные и осуждающие взгляды. Впервые в жизни Миколу подвела его борода-борода. Будь он тщательно выбрит, то запах “Жасмина” от мужчины не вызывал бы удивления. Но... бритым его назвать невозможно. Как назло — духота.

К большой витрине, за которой принимали от населения изделия из золота и серебра, Микола не пришел, а прибежал. Он знал, что не только опоздал, но пришел напрасно. Он знал систему сдачи драгоценностей, установленную самими желающими избавиться от своего “богатства” — нужно прийти в пятницу формально к восьми утра, а на самом деле намного раньше. Желающих-то много, а записаться удастся лишь тем, кто пришел в числе первых. В восемь часов работница скупки придет сюда и, открывая двери, начнет бурчать, что ей мешают работать, что талоны будут выдаваться только завтра. Однако люди не перестанут еще с час толпиться. Пойдет по рукам список, допишутся новые желающие. Наконец, золотовладельцы расходятся, чтобы собраться здесь же в семь вечера. Состоится перекличка. Того, кто не явился, не без удовольствия вычеркивают. На следующий день, в субботу, все снова пораньше сбегаются к витрине скупки, проводят перекличку. А в восемь часов — выдают талончики на всю неделю. Получил талончик и уже знаешь, в который день и час тебя освободят от тяжелого металла. Недоумки без талончиков испепеляются взглядами и безжалостно оттираются локтями тех, кто, недосыпая и убегая с работы, выхлопотал право на свой день и час. Но от друзей Микола знал, кое-кому удавалось упростить этот “героический” путь. На это он и рассчитывал. Возле дверей стояло человек десять.

— Вы все с талончиками? — тихо спросил.

Ему никто ничего не ответил, но все посмотрели на него внимательно. Когда же он, пытаясь отдышаться, опрометчиводохнул одеколоном, интерес к его особе сразу уменьшился. Тем не менее один коренастый краснолицый усач в кожаном пиджаке продолжал смотреть изучающе, хотя несколько иронически и свысока, но вполне по-деловому.

— Принес что-то в комиссию?

- Принес.
- А что, если не секрет?
- Часы.
- Золотые?
- Конечно.

— Какие? Сколько хочешь за них? Пойдем прогуляемся... Если, конечно, хочешь.

— Пойдем.

Они зашли за угол дома, но усачу это место показалось недостаточным уютным для разговора, и он повел Миколу под каменную арку старого дома.

— Ну-ка, покажи.

Микола не без опасения достал из кармана отцовские часы, положил на чужую ладонь. Вроде бы не было оснований бояться усача, но разве узнаешь, где соломку подложить. Вдруг, к примеру, схватит часы — и айда проходными дворами. Попробуй догони его. Или заедет меж глаз так, что и догонять не захочется. Но усач ведет себя спокойно и заметно волнуется, чтобы Микола его самого не надул. Рассматривал часы со всех сторон, изучал, наконец, сказал:

— Ну, что я скажу... Две сотни за них могут дать... Кстати, они на ходу?

— Ходят, ходят, — ответил Микола. — Прекрасный механизм, разве придется почистить.

— Вот и чудесно, — равнодушно продолжил краснолицый. — Мне с ними все равно не ходить... Минус комиссионные затраты... Рублей на сто восемьдесят еще можно рассчитывать...

— Этим часам не меньше трехсот цена, — уверенно произнес Микола.

Усач посмотрел на него высокомерно, снова принюхался к Миколу, и твердо заявил:

— Значит, так, три десятки навару — это не много. Без талончика тебя сегодня все равно не пропустят. А деньги тебе нужны вижу, сразу. Могу дать сто пятьдесят. По рукам?

— Мало, — возразил Микола. — Очень мало. Ему не менее трехсот цена.

Коренастый рассмеялся.

— Комик ты. Я на этом собаку съел. Можешь плюнуть мне в глаза, если тебе дадут за него хотя бы двести. Понимаешь? Я беру свои честные три червонца. И все. Могу даже... — усач на минутку умолк, присматриваясь, затем продолжил: — Могу даже взять пузырек... У меня тут рядом товарищ живет, ждать до двух не придется. Считай, обмоем как положено, взаимовыгодное дело. Я угощаю. Договорились? Или ты, может, не пьешь? — усмехнулся.

Это предложение меняло дело.

“Эксперимент продолжается. К тому же, все выпитое добавится к стоимости часов”.

— Договорились. Только коньячку. Ладно?

Усатый посмотрел на Миколу с сомнением, но ничего не сказал, лишь буркнул неуверенно:

— Угу...

Он положил часы в карман, — Микола напрягся, — но тот спокойно достал надорванную пачку с десятками и отсчитал пятнадцать купюр.

Жестом приглашая следовать за ним, усач направился к подземному переходу. Микола поплелся следом. Они вышли на противоположную сторону улицы, коренастый достал купленные часы, продолжая рассматривать их на ходу.

— Тебя как звать?

— Миколой.

— Тебе просто повезло. Понравился ты мне чем-то. Почти без навару тебя выручаю. Вижу, что тебе деньги очень нужны. Сам знаю, как оно бывает в жизни... Ты где работаешь?

— В театре, — буркнул Микола и, поймав удивленный взгляд, уточнил: — Рабочий сцены.

— А-а-а... На такой работе не разживешься... Ну вот, мы и пришли.

Они остановились перед массивными входными дверями подъезда.

— Здесь мой товарищ живет. А ключи сейчас у меня. Товарищ в командировку поехал. Просил за квартирой присмотреть. Вот я и захожу иногда... Выпивки у него всегда навалом — коньяки всякие и вина... Не обеднеет, если мы с тобой немного посидим... А почему коньяка захотел? Правда, не пьешь другого? — спросил с иронией. — А я лично горилочку уважаю. Испытанный продукт.

Вошли в кабину лифта.

— А тебя как звать?

— Меня? Георгием... — помедлив, отвечал усач, доставая связку ключей.

— И ты тоже Георгий? — вяло удивился Микола.

— И я тоже Георгий, — как-то машинально повторил за ним усач, выходя из лифта на седьмом этаже.

Микола хотел спросить и его, где он работает и что делает на этом свете, однако сообразил, что делать это “неэтично”.

Хотел сказать и о себе, что он не просто рабочий сцены, но и литератор, однако сам же рассмеялся, представив себя сейчас со стороны.

Они вошли в квартиру. Гергий заставил Миколу разуться:

— Хозяин очень порядок и чистоту любит.

В коридоре и в комнате, в которую они потом вошли, действительно было очень нарядно и чисто. Просто все вылизано. Хорошая мебель, скромная, но изысканная обстановка. Одна стена целиком занята полками с книгами. На другой — большой пушистый ковер с восточным орнаментом. Немецкий уголок отдыха. Непривычной формы цветной телевизор с огромным экраном.

— Интересная машина,— заметил Микола, подходя к телевизору. — И сколько же твой товарищ за него отдал?

— Точно не знаю... Кажется, полторы тысячи. Это на чеки брал. Он часто за границей работает. Нормально зарабатывает. Имеет чеки. Так ты и вправду только коньяк? Гляди! А я лично коньяки не признаю,— Георгий достал из маленькой тумбочки под журнальным столиком несколько початых бутылок. — Тут все есть, как говорят поляки, и по выбору и по цвету. — Георгий поставил на журнальный столик два бокала на длинных граненых ножках. — Садись, Коля. Ты не торопишься?

— Что?

— Спрашиваю, у тебя есть время, чтобы спокойно посидеть? Или хочешь быстренько опрокинуть и бежать? У меня талончик аж на три часа. Там мне торопиться некуда... Пришел сегодня пораньше, надеялся прорваться, если очереди не будет. Но ты сам видел, собственники драгоценного металла не дремлют... Садись.

Микола вдруг подумал, а не хочет ли Георгий его спойть, а потом спокойненько обчистить карманы. Но эта мысль почему-то совсем не испугала. Она его тонизировала. Все равно он постарается выпить как можно больше. Микола достал из кармана заветный стаканчик.

— С твоего разрешения я буду пить из своей посуды... Пусть тебя это не удивляет. Это... подарок отца, память об отце. Я всегда пью только из этой штуки...

— Комик ты, я не ошибся... Одеколон сегодня глушил тоже в память об отце из его подарка?

Микола виновато потупился. Его и вправду мучила совесть, стало стыдно.

— Хороший ты, Жора, хлопец...— сказал и, не чокаясь, выпил.

А Георгий сразу же вновь наполнил стаканчик.

— Ты только гляди у меня, не захмелей до ручки. Мне лишние хлопоты ни к чему... И не в твоих это интересах... — слова вроде бы произнесены искренне, и Микола совсем успокоился, уверив себя в Жорином благородстве. Такие люди не станут опускаться до обыкновенного воровства. И в этом Микола не ошибся. От осанки Георгия так и веяло сытым благородством.

Сидели они почти до двух часов. Микола изо всех сил старался

выглядеть интересным собеседником. Припоминал анекдоты, забавные случаи из своей жизни. После третьего стаканчика признался Жоре, что он писатель. “Но разве печатают тех, кто правду пишет?!” Миколу переполняло желание, не теряя контроля над собой, как можно больше выпить. Это ему пока удавалось, хотя с каждым часом “культурного отдыха” язык все сильнее заплетался.

В два часа дня Микола заставил себя встать. Георгий, тоже в изрядном подпитии, что-то разглагольствовал о Пиросмани, но сообразить что-либо толком Микола был уже не в состоянии. Поблагодарил.

— Я никогда не думал, что писатели — такие простые и обычные люди, — признался Георгий.

Они трогательно обнялись, договорились иногда встречаться. Ведь “не для того же люди знакомятся и выпивают, чтобы потом навсегда забыть друг друга”.

Домой не без проблем добрался уже с тремя бутылками сухого вина, рассовав их по карманам. Вид имел презабавный. Все обращали на него внимание — взлохмаченный, расхристанный, он шел, глупо улыбаясь, гортанно напевая песенку собственного сочинения. Чтобы не бросало его из стороны в сторону, приходилось широко расставлять ноги и ни на минуту не забывать о земном притяжении.

Долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Наконец справедливость восторжествовала, и хозяин попал в свою квартиру. Ларисы, конечно, еще не было дома. Микола сразу же направился к шкатулке с деньгами. Стаканчик добросовестно действовал. Выгреб из шкатулки двадцать пять рублей по пятерке и два блестящих полтинника.

Из кухни доносился шорох. Там он увидел своего отца. На нем серые с белыми цветочками трусы. Он, стоя возле раковины, сосредоточенно, дрожащими руками чистил картошку.

— О, папуля, это ты здесь? Молодец! А я слышу, кто-то на кухне. И думаю, кто бы это? Захотел кушать, папуля? Голод не тетка. Это точно. Молодец! Картошка — это правильно. Это — по нашему. С салцем ее сейчас, папуля. Выпить хочешь? Сей момент организую. Сухонького. Тебе крепкого нельзя. А сухое вино для твоего здоровья — просто лекарство. Молодец, папуля! Это я хвалю — захотел кушать, картошечки сам начистил. Сейчас я салце принесу.

Отец лишь неторопливо обернулся, взглянул на сына и продолжал тщательно чистить картофелину.

Микола повытягивал из карманов бутылки. Принес из холодильника кусок сала, нарезал его, настрогол. Поставил на стол волшебный стаканчик, а для отца большую керамическую кружку. Налил полную “Алиготе”.

— Давай, батя, шарахнем за твое здоровье! На, бери! Сейчас ты у меня оживешь. Скоро все твои болячки сбегут. Можешь мне поверить. Это говорю тебе я, твой сын. Заживем теперь, батя, как короли. Слышь?

Отец устало, держась из последних сил, равнодушно смотрел на него. Потом перевел взгляд на полную кружку и невольно протянул к ней руку. Пил он с трудом. Руки его дрожали. Вино текло по щекам, по подбородку. Наконец одолел содержимое кружки и бессильно опустил на стул.

— Сейчас, папуля. Минутки через три оно в кровь перейдет, и ты сразу затанцуешь.

Отец поднял взгляд:

— Ты сам едва на ногах стоишь, сынок... С чего это ты? Что случилось?— но, видя блаженную улыбающуюся физиономию сына, понял: ничего плохого не произошло.— Хорошее вино... Давно я не пил... У тебя сегодня праздник?

— У нас теперь каждый день будет праздник! Не веришь?

— Ты устроился на настоящую работу?— отец немного оживился, в глазах засверкали искорки.

— На работу?— Микола неудержимо, пьяно рассмеялся.— Пусть на нее черт устраивается, на ту работу, что называешь настоящей. Слышь? Я — писатель. Ты знаешь, что это — моя жизнь...— Микола говорил с трудом, язык плохо слушался, но он настойчиво выводил патетические рулады, пытаясь заставить отца поверить в свою гениальность.— Ты знаешь, как это сложно, пап, быть писателем? Нет, ты этого не понимаешь и представить себе не можешь! Ведь не хочется писать ради денег! Не хочется, пап! Настоящему писателю стыдно, он просто не имеет права писать только ради денег. Это просто преступление! Бот! Преступление! Думаешь, трудно собрать воедино десяток слов? А получится стишок. Вот хочешь, я тебе сейчас их с десятка придумаю. Про что скажешь, про то и придумаю. Про любовь, про радость свободного труда, про ядерную угрозу, про весну, про бездомную собаку, про первый снег... Но это будет не от чистого сердца. Ты понимаешь, пап? Писатель не имеет права писать для заработка! Душа, пап, она не прощает, пап, продажности...— Микола икнул и старательно налил вино, себе и отцу.

— Ты много пьешь... Это никогда до добра не доводило. Никого...

— Ты лучше выпей сам, пап, и не говори глупостей. Не нужно меня поучать. Не нужно. Мне уже скоро сорок лет. И мне самому есть кого учить уму-разуму. Вот! Это я много пью? Ты, пап, просто не видел, как люди пьют. По-черному пьют! Ох, как по-черному. А когда в меру, то можешь мне поверить — кроме пользы, нет ничего плохого.

Старик прислонился спиной к стене, зевнул, вино его разморило. Еще больше захотелось есть:

— Дочистил бы ты картошку. Поужинали бы вместе.

— Все сделаю, папуля! Что там ее чистить?! Раз плюнуть. Сейчас я воду поставлю, пускай греется. Мы картошку в горячую воду бултых и трули-фрули-гоп-ца-ца... Ты лучше меня послушай. Я много сам об этом думал. И теперь уже никто и никогда не убедит в обратном. Я сам пришел к этой мысли. Я ее выносил, я ее добыл, я ее, можно сказать, заработал... Вот, пап, ты знаешь, я не боюсь работы. Я любую работу готов делать, пап. Ты же знаешь. Потребуется чистить нужники, я всегда — пожалуйста, закачу рукава и уйду весь в работу. Пап, работу я люблю... Я много думал о том, мешает ли человеку и всему человечеству в глобальных масштабах товарищ алкоголь, если пить в меру? И я убедился, пап, на себе убедился, что не мешает! Вот, не мешает и все! Другой бы изучал эту проблему, написал бы диссертацию, славы достиг бы. Но я не тщеславный. Мне интересна сама идея. И я могу со всей ответственностью аргументировать свои убеждения... — Микола резко поднялся, зашатался, начал зубами откупоривать очередную бутылку, вытащил пластмассовую пробку. — Может, хочешь, чтобы я доказал свою правоту? Пожалуйста... Подумай сам... Достаточно представить, как чувствует себя абсолютно трезвый человек. Плохо. Я часто бывал трезвым и ни разу, ты лишь вдумайся — ни единого раза — не чувствовал себя по-человечески. Всегда в душе смятение, неуверенность, сомнения. Как держаться? Что делать? Места себе не находишь и даже каждый шаг трезвого какой-то нечеткий, неравномерный, так сказать, без конкретной мотивации...

Старик с трудом поднялся и стал опять чистить картофель.

— И так во всем, пап. Понимаешь? А если человек немного выпил? Ну, не настолько мало, чтобы лишь раздразиться... Тогда все иначе. Тогда человек не коблется, его желания не расплывются. Тогда жизнь для него становится простой и однозначной. В каждом жесте, в каждом движении чувствуется оправданная необходимость... Ну вот, пожалуйста, ты только посмотри на меня. — Микола встал, покачнулся и уцепился рукой за дверной косяк. Потом выпятил грудь, пристально посмотрел вперед. — Ты видишь, сколько во мне сейчас спокойствия, уверенности в себе? Мне не хочется делать никаких глупостей. Я не раскачиваюсь перед тобою, а крепко держусь рукой за окружающее. И это не обязательно должен быть косяк двери. Ты же понимаешь, пап, тут дело не в конкретике. Я сейчас говорю абстрактно. А каждый мой шаг, — Микола прошелся до окна и обратно, — каждый мой шаг тоже четко обозначен. Я не задумываюсь, куда идти, и не колеблюсь, как поставить ногу, ибо я знаю, что можно ступать вот так. Лишь вот так, вот так, иначе...

— Иначе ты просто свалишься посреди кухни,— пробурчал отец, не глядя на сына.

— Напрасно ты иронизируешь. Да, я действительно могу упасть. Но упасть может каждый. Однако трезвый человек не думает об этом, он не знает где, когда и при каких обстоятельствах он упадет. А я знаю, что нужно ступать лишь вот так, лишь вот так, и нужно шире расставлять ноги... Это организует, пап, отсекает от человеческой сущности все лишнее, второстепенное, мелкое. Что может быть важнее для человека, как возможность твердо стоять на ногах? Ничего! Ничегошеньки!

Отец дочистил картошку, поставил кастрюлю с водой и зажег газ.

— Мусор,— хрипло сказал отец.

— Что ты говоришь?

— Мусор... нужно вынести... А покрепче выпить у тебя ничего нет?

— Тебе? Покрепче? Ну, батя, ты даешь!

— Мне уже все равно.

— Я сейчас принесу. Для тебя, пап, мне ничего не жаль. Я мигом слетаю.

Микола сходил в ближайший магазин и очень быстро вернулся с бутылкой коньяка.

— Сейчас, папуля, потерпи еще малость. Сейчас отогреешь душу.

Отец налил полный бокал и, зажмурившись, залпом выпил.

— Пойду-ка я подремлю,— тихо сказал и, шаркая тапочками, направился в свою комнату.

— Какого же черта, папуля! А закусить, а поесть?! Сам же картошки наварил...

— Позовешь, когда готова будет... А я полежу...

— Молодец, батя! Правильно, бокал коньяку навернул — и в постельку. Здоровье надо беречь.

Микола плеснул немного коньяка и себе, но почувствовал, что не осилит. Устал.

Заснул он на кухне, положив голову на стол.

Кастрюля с картофелем стояла на малом огне, когда вся вода выкипела, и картошка начала гореть, то дыму не было много. Не валил вовсе как из трубы. Кастрюлька тихо накалялась, а когда пять картофелин, начищенных отцом, обуглились, то дыма вообще не осталось.

Домой Лариса пришла, забрав Юрасика из детского сада. Едкий запах паленого она почувствовала еще в подъезде и в глубине души даже позлорадствовала — у хорошей хозяйки не подгорит. А когда открыла свою дверь и поняла, что чадит у нее на кухне, очень удивилась. Микола никогда не куховарил, а отец уже полгода с кровати не вставал.

Переступив порог, первым в кухню побежал Юрко, и тут же Лариса услышала его голос:

— А папка опять пляный! А папка опять пляный!

Она вошла на кухню, открыла пошире форточку, выключила газ под кастрюлей, накалившейся докрасна, схватила пятерней Миколу за шевелюру да так, что тот застонал от боли.

— Ну... Что это все означает?! Сколько мне еще терпеть? Да я сейчас же повыливаю все это добро в унитаз! А бутылки разобью о твою башку!

— Что?— Микола продрал глаза, заревел пьяно, как бык:— Я тебе повыливаю! Живые денежки — в унитаз?!

Лариса, стоя посреди кухни, плакала.

Микола почувствовал, что на этот раз плачем не обойтись. Дело может дойти до генеральной драки. А допустить это Микола боялся.

— Послушай, Ларочка, хочешь, я расскажу тебе правду?.. Великую тайну могу я тебе открыть... А-а?

Лариса разъяренно смотрела на него.

— Сынуля, пойдика отсюда. Посмотри, что там дедушка делает. Ну! Слышишь меня? А ну-ка прочь отсюда!

— Лариса, скоро у нас будет много денег. Очень много.

— Ну, я это сто раз уже слышала. Непризнанный гений.

— Я не о том...— сказал тихо и вдруг быстро поднялся, сорвавшись на командный крик: — Живо притащи сюда шкатулку с деньгами! Я тебе все покажу, чтобы ты и в мыслях не смела поднимать голос на меня! На своего мужа и кормильца! Ты меня слышишь?

Он немного опасался посвящать жену в тайну волшебного стаканчика, но другого выхода в захмелевшей голове не находилось. К тому же, в этом виделась основа дальнейшей счастливой семейной жизни. А это немало.

Открыл принесенную ею шкатулку, где лежали новенькие деньги, соответствующие количеству выпитого коньяка и сухого вина. Строго скомандовал:

— Смотри! Внимательно смотри и думай!

Он наполнил стаканчик коньяком.

— Смотри внимательно! Я тоже так же смотрел! И соображать нужно!

Залпом выпил. В шкатулке появилась новенькая пятерка:

— Ну?! Видала? Поняла? Вот то-то же!

Лариса еще ничего не поняла, но заметила, что неизвестно откуда появилась новенькая купюра. А ее Микола несомненно знает, почему и как появилась эта ассигнация. И он может сделать, чтобы такие пятерки появлялись и дальше... А может, и десятки? А может, и?..

— Господи, как это получается, Миколка?— прошептала Лариса.

— Вот так и выходит. Долго рассказывать...— он вновь наполнил стаканчик.— Внимательно смотри! И думай!— и тут же выпил.

В шкатулке появилась еще одна пятерка.

Лариса была потрясена. Не знала, что и сказать, не то что думать. Наконец у нее непроизвольно вырвалось:

— Можно я попробую? Вдруг у меня тоже получится?

— У тебя?— переспросил Микола и рассмеялся:

— Вот это по-нашему! А ну-ка, давай! Продолжим эксперимент!

Он вылил в стаканчик остатки коньяка.

— Давай!— торжественно повторил.

Лариса волновалась, глядя на мужа, как на бога, как на пришельца из сказочного мира, как на доброго волшебника. Она выпила, судорожно держа стаканчик в дрожащей руке.

И, как прежде, в шкатулке прибавилась пятерка.

— Ха-ха-ха-ха,— расхохотался Микола.— Действует стаканчик! Действует! Теперь мы с тобою не только муж и жена. Теперь мы — компаньоны!

Практичный ум Ларисы сразу заработал с бешеной скоростью и в определенном конкретном направлении:

— Послушай, послезавтра у Татьяны день рождения... У нее будет, как всегда, много гостей... И всегда — море выпивки. Слышишь? Дашь мне послезавтра этот стаканчик?

Микола задумался.

— А может, лучше пойти вместе? Я могу выпить немного больше тебя.

— Вместе? Тебя же там никто не знает.

— Я твой муж... Разве этого недостаточно?

— А Юрасика с кем оставить?

— Надо что-то придумать... Мы придумаем...— радостно улыбался Микола.

— Послушай, Миколка, а если пить не дома, когда шкатулочки нет рядом? Все равно получится, деньги появятся?

— Все равно... Это уже проверено. Полная гарантия. Точность, как в аптеке. На сколько выпил — столько и, будьте любезны, получайте...

— Господи, счастье-то какое нам призалило!— прошептала Лариса.

В кухню вошел Юрасик:

— Мам, а мам,— дергал Ларису за рукав.— Мам, а дедуля тоже пляный и холодный. Ма-ам...

Поначалу они не придали значения этим словам:

— Батя бокал коньяку тяпнул и пошел спать, — сказал Микола.

— Продукт только зря перевел. Нужно было ему из стаканчика дать.

— Ишь ты, сразу догадалась. Гениальная ты баба, Лариска!..

Отец лежал на кровати, неестественно раскинув руки. Раскрытый рот, раскрытые глаза.

Он не дышал.

Он умер.

Чтобы не травмировать психику сына, они решили отвезти Юрасика в село к Ларисиной матери. Эта мысль пришла им обоим одновременно. Зачем такому маленькому ребенку видеть покойника? Да к тому же, родного деда? А еще похороны, кладбище. Это — не для детских глаз. А одного дома не оставишь.

Лариса сразу же начала собираться в дорогу, и час спустя она с Юрасиком мчалась на автобусе, выдыхая по пути “волшебный коньяк”. А Микола остался дома, чтобы приготовить все для печального ритуала.

Его хватило всего на два телефонных звонка: сказал председателю профкома, что у него, Миколы, умер отец, и требуется помощь организации в похоронах, а потом попросил Петра-марафонца прийти и помочь, как товарищ товарищу, а выпивки будет достаточно.

На больше у Миколы сил не хватило. Он едва доплелся до кухни, зубами сорвал пластмассовую пробку с “Алиготе”, выпил всю бутылку до дна и заснул там же, на полу, блаженно свернувшись калачиком.

Утром, а точнее в конце ночи, когда за окном уже серело, он проснулся с тяжелой головой и не сразу сообразил, что же произошло. Почему он спит на кухне? На полу? Наконец, всплыло в сознании — умер отец.

Поднялся, отряхнул с одежды мусор, закурил и пошел в комнату отца. Мертвый лежал на кровати в той же позе.

Микола позвонил в “скорую помощь” и вызвал врача.

Машина приехала минут через двадцать.

Молодой врач, подойдя к покойнику, удивленно поднял брови:

— Почему вы сказали по телефону, что отец умирает? Как это понимать? Он уже остыл.

— Я вчера малость выпил... Мы с отцом вчера малость выпили... Когда я проснулся утром и увидел, что не все в порядке... Мне показалось, что его можно еще спасти... Я и сейчас не верю, что отец умер... Он действительно умер?

Врач посмотрел на него, как на идиота. Потом сел к столу и, спрашивая, начал заполнять свои бумаги.

Двое в белых халатах привычными ловкими движениями перекатали тело на носилки, понесли к дверям.

— Зачем вы его забираете?— удивился Микола.
— На вскрытие.
— Зачем вы забираете у меня отца?
— Это обязательно... Судебно-медицинская экспертиза...
— Вы что думаете, я мог...
— Я ничего не думаю. Такой порядок.
— А свидетельство о смерти мне кто выдаст?
— Приходите завтра во второй половине дня вот по этому адресу. Там вам расскажут. Всего наилучшего. Утешать вас, как мне кажется, нет необходимости. Прощайте.

Микола выпил две литровые банки воды из-под крана, опять лег спать. Теперь уже в большой комнате на диване.

Разбудил его звонок где-то в полдень. Пришли из профкома театра. И Петр пришел. Он первым переступил порог, обнял сонного и помятого Миколу, поцеловал его и сразу прошел в комнату, склонив скорбно голову, молча сидел на стуле, пока Миколу деликатно расспрашивали, как все произошло.

Микола безбожно, но складно врал, даже слезу пустил. Наконец, договорились, что профсоюз берет на себя все организационные хлопоты — Миколу нужно будет только приехать с комплектом одежды в назначенный час к моргу. Ребята из профкома не впервые отправляли в последний путь, имели опыт, научились делать это быстро, без лишней проволоочки.

Петр дождался, когда закончился разговор, когда тихо прикрылись входные двери. Они остались вдвоем с Миколой. Он поднялся, снова обнял своего напарника и после паузы, смущенно произнес:

— Знаешь, ты меня обидел, Микола... Я понимаю, у тебя такое горе... А ты меня по телефону морем выпивки соблазнял или заманивал... Разве так можно? Что мне твоя выпивка? У тебя горе. Тебе помочь чем-то нужно. И это главное. И ты в эти дни можешь на меня рассчитывать полностью, как на родного брата. Все, что нужно, сделаем. А выпивка, дело дурное — не хитрое...— с этими словами Петр достал из бокового кармана четвертинку горилки.— Давай символично... Помянем... Я сам два года назад мать похоронил... Знаю, какое у тебя сейчас ужасное состояние... Это зелье в таких случаях помогает...— Петр вытащил из кармана два точно таких же, как и у Миколы, блестящих складных стаканчика.— Выпьем из моей посуды. Это, как говорится, поминальные стопочки.

Увидев эти стопочки, Микола аж зубами скрипнул от зависти, а Петр подумал, что это от горя.

— Крепись, браток. Жизнь такая вот штука...

“Да, несправедливая штука жизнь,— рассуждал Микола.— Вот у этого олуха марафонского целых два стаканчика. А у меня

— один. Ходили бы вместе с Лариской — у каждого свой стаканчик, и горя бы не знали. А так... Какая несправедливость!”

— Спасибо, Петро. Ты — настоящий товарищ.

“Дурень с кисточкой, выставил на стол четушку со стаканчиками и уверен, что я не догадываюсь, что это за ”поминальные стопочки”... А может, у него на самом деле обычная лагерная самоделка?”

— Ты знаешь, Микола, я уже второй год не могу закончить мамин портрет... Не могу найти чего-то главного, самого важного... Я не могу изобразить ее такой, какой она была в жизни... А один мой знакомый сказал, что это хорошо, что я не могу... Это означает, сказал он, что для меня мать еще не умерла... Странно, правда? Но в этом что-то есть... Когда я стараюсь представить ее, то очертания никогда не бывают четкими, мама в моем представлении всегда в движении, всегда чем-то занята, разговаривает. И мне хочется ей сказать: мама, посиди немного спокойно. Но я боюсь это попросить, так как кажется, если мама послушается, сядет неподвижно, вот тогда и помрет по-настоящему... Никогда раньше не думал, что мамина смерть так меня подкосит... Вроде бы половина меня умерло... За свою жизнь много ужасов видел, много смертей, но, знаешь, когда мама умерла, я даже не воспринял это как смерть... Это было в сто крат горше, коварнее, более жестоко, чем смерть... Мне трудно высказать это словами... Но и написать портрет не могу... А как твои литературные успехи?

Микола поморщился, а Петр, не ожидая ответа, продолжал:

— Я уже сто раз убеждался, что работа лучше всего лечит любые раны. Когда мама померла, я рисовал, писал маслом... И на работу ходил, конечно. Спал по несколько часов в сутки. И пусть тебя не мучит, если в эти тяжелые минуты захочется, как говорится, взяться за перо... Я совсем недавно узнал, что ты пишешь, что в литинституте обучался... Мне это Гордый из отдела кадров сказал... Я и не догадывался, что ты... писатель. Стыдно, но ничего твоего не читал. Может, дашь? Ты много печатался?

Микола долго молчал, наконец, заставил себя и многозначительно изрек заученную фразу:

— Тех, которые правду пишут, не любят много печатать. Или, может, ты не согласен? А писать ради денег — это просто преступление!

— Ради денег... — повторил за ним Петр. — Но ведь платить писателям нужно обязательно, иначе, если урывать время для работы от того что кормит, тоже никакого толку не будет... Чтобы хорошо писать, нужно много работать, а чтобы жить — нужны деньги... За работу надо платить, а до коммунизма, говорят, еще далеко.... Можно и для души писать или малевать, но это просто

забава, развлечение, отдых, бальзам для души... Но писать надо только правду, ясное дело. И особенно сейчас — сам Бог велел... Пошли, Микола, ко мне. Не следует тебе сегодня одному сидеть. Вечером мне нужно быть в театре, но еще часа три... Пошли. Я здесь близко живу. Оказывается, мы почти соседи.

Но от приглашения Микола отказался.

“Начнет там распространяться о жизни непризнанный гений-марафонец, картины свои начнет показывать. Он потому и тянет к себе домой, чтобы картинами похвастать. Обормот. Заимел два стаканчика, и славы ему хоть не будь...”

— Нездоровится мне, Петро. Хочу немного полежать, забыться. Ты уж прости меня. Сейчас я никуда не пойду.

— Да, вид у тебя скверный... Но не пей один... Слышишь? Поверь мне — дурное это дело.

Когда за Петром закрылась дверь, Микола выждал для порядка минут пятнадцать и помчался с большим портфелем в гастронном. Возвратился нагруженным спиртным, и спустя час он не в состоянии был вымолвить и слова. Он уже не владел собой. Не помня себя, растянулся на диване и блаженно шлепал во сне мокрыми слюнявыми губами.

Когда поздно вечером вернулась Лариса, то не смогла разбудить мужа. Собственно, она и не очень-то старалась, укрыла его легким одеялом. Настежь открыла балконную дверь, так как в комнате невозможно было дышать от перегара.

Утром Микола чуть свет продрал глаза. Очень мучила жажда. Он поплелся к крану.

— Ты проснулся, Миколка? Привет. Я приехала. Вчера ты так крепко спал. Где отец? В морге? Когда похороны? Что ты делал? Я попросила маму, чтобы Юрасик месяца три побыл у нее. Я правильно сделала? Правда же? Мы с тобою начнем новую жизнь. А Юрко первое время помешал бы нам. Нужно подзаработать денжкат. У меня есть план. Слышишь?— она не ждала ответов, засыпая мужа вопросами. Микола большими жадными глотками пил холодную воду прямо из-под крана.— Ты мучился, бедненький? Ложись еще поспи. Еще так рано. Так на когда назначены похороны? У тебя нет немножко сухонького? Я вчера так измучилась в автобусах. Юрко капризничал...

— Тебе сухого? У меня все есть.— Микола склонился над портфелем.— Или, может, малость горилочки? А? Символично.

— Ну, давай, только чуть-чуть... Но, Миколка, мы с тобой просто так пить не будем. Только в гостях. Только для заработка. Ладно? Договорились?

— Договорились. Посмотрим. Пей.

— Спасибо. Ух, крепка же. Ух! Так когда отца хороним?

— Позвонят и скажут. Из профкома приходили. Они все сами сделают...

Когда часов в десять попросили Миколу к телефону, подняться он уже не мог. Дорвавшись до бутылки после Ларисы, выцедил ее до дна.

Лариса сказала, что у мужа высокая температура, что он бредит, все, что нужно, она сама сделает... Отвезла одежду в морг, получила необходимые документы, дождалась заказанного автобуса, где сидели Петр и трое сотрудников ритуальной службы.

Все было сделано тихо, спокойно и вполне скоро.

Уже дома Лариса подумала, что они даже не дали ни одной телеграммы родственникам Миколы. Но оба они не опечалились этим. Отец давно болел, все были готовы к этому. Все там будем. И незачем напрасно слезы лить. Особенно на пороге новой жизни.

...Рассказывать обо всем, что происходило потом, с подробностями и деталями весьма трудно. Почти все дни после смерти отца стали похожими друг на друга, как близнецы, причем близнецы были грязными и уродливыми калекками.

Юрасика они не забрали от бабушки ни через месяц, ни через два, ни через полгода, ни... Они решили вполне серьезно, что в деревне жить ребенку намного лучше. Пусть там ходит в школу, пусть и заканчивает ее. Там свежий воздух и молоко, а дальше будет видно... Случись кому-то спросить Ларису, нужны ли в современном мире родителям дети и наоборот, то с ответом она не замешкалась бы. Прежде всего, Лариса глаза выцарапала бы тому, кто посмел бы сказать, что она плохая мать. Да она ради родного ребенка своей жизни не пожалеет. Да она только и живет на этом свете ради своего Юрасика. Да она же ночи не спит, думая, как там ее кровиночка в селе поживает. Не приключилось ли какой беды с ее сыночком? Да если б она не была уверена, что Юрасику в селе намного лучше, чем в этом загазованном городе, то она сразу же забрала бы его назад. Да она его вообще не отдавала бы никуда, но ребенку в селе намного лучше...

Они с Миколой составили максимально полный список всех своих знакомых, отметив дни рождения всех членов каждой семьи, чтобы никого не забыть, не обойти своим вниманием.

Первые месяцы их визиты со скромными подарками и питьем из одного блестящего металлического стаканчика казались всем весьма забавными. Все искренне и вволю потешались над ними. А Микола мудрствовал, что стаканчик подарил ему знакомый засекреченный химик, который покрыл внутреннюю стенку стаканчика каким-то сплавом, который обогащает налитый раствор микроэлементами и еще чем-то таким, что Микола не мог запомнить, однако на себе убедился, как полезно пить из этого стаканчика.

Вскоре все к этому привыкли. А когда Микола, ненасытно поглощая самые дорогие напитки, все чаще стал "откалывать

пьяные фортели”, то каждый, как мог, старался избегать встречи с ними. Но уклониться от нежелательных встреч было почти невозможно. Никто их никогда в гости не приглашал. Они приходили сами. Наконец, все убедились, что единственный и наиболее быстрый способ избавиться от таких гостей — поскорее напоить Миколу и Ларису.

Примерно через полгода “новой жизни” случилась беда, которая, однако, — а в этом Микола был абсолютно уверен, — стала для него настоящим счастьем. Возвращаясь домой с очередного роскошного приема, Микола поленился среди ночи опускаться в подземный переход и потащил Ларису через широкую магистраль. По дороге несли сплошной машинный поток. Лариса, как ошавевшая от запаха валерьянки кошка, инстинктивно вывертываясь из-под самых колес, благополучно оказалась на противоположной стороне улицы. Миколу же прижало между крыльями двух легковушек, раздавив кость ноги. Полгода он пролежал в травматологии. Ногу удалось спасти, да еще и инвалидность дали. И это Микола воспринял как большую удачу. Ведь теперь никто не посмеет заикнуться, что он — бездельник. С театром он вскоре рассчитался.

Полгода, пока Микола был в больнице, Ларисе пришлось трудиться за двоих. Она пока еще не решалась оставить работу в редакции, хотя с каждым днем становилось все труднее наводить утренний марафет, чтобы и в самом деле не походить на пугало гороховое. А отстукивать чужую графоманию, как говорил Микола, казалось теперь унижительным. Закончив работу, она бегала со стаканчиком по подругам и знакомым. Иногда оставалось время и для посещения Миколы. Но он не обижался на то, что Лариса редко его проводит. Он видел ее посоловевшие и припухшие глаза, понимал, жена не бездельничает.

С наступлением “новой жизни” Микола по-настоящему любил Ларису. Он никак не ожидал встретить в ней столько взаимопонимания, поддержки, самопожертвования, смирения и трудолюбия. Она готова была с утра до вечера не выпускать из рук волшебный стаканчик.

Но в первый же день, когда Микола, припадая на правую ногу, вернулся из больницы и решил, не теряя времени, сразу приступить к работе, произошло событие, которое тоже обернулось настоящим счастьем, теперь уже для Ларисы.

Микола откупорил бутылку коньяка, купленную по дороге домой, и спросил торжественно у Ларисы:

— А где Его Величество Стаканчик? Следует отметить мое возвращение из больницы!

Лариса ощупала все карманчики, осмотрела все полочки на кухне. Напрасно. Она то и дело повторяла в растерянности:

— Господи! Я же вчера с ним допоздна работала. Куда он только мог подеваться?!

Микола ждал, пока хватало сил сдерживать себя, затем взорвался:

— Зараза! Где Стаканчик, зараза?! Ты представляешь, что ты натворила?— и схватил со стола утюг.

Лариса сначала даже не испугалась. Но когда он запустил в нее утюг, и тот пролетел над ее головой, пробив стекло в кухонной двери, и глухо бухнулся в холодильник, то сразу смекнула, что шутки плохи. Она опрометью помчалась к входным дверям. Открыть их не успела. Микола на нее набросился. Она вырвалась, вбежала в комнату. Микола минут двадцать гонял ее по квартире. Закончилось это тем, что упал старый, дубовый, еще отцовский, шкаф. Придавил Ларисе левую ногу. Крика почти не было. Лариса только шипела, как гадюка, пока Микола, постепенно успокаиваясь, освобождал пострадавшую. Наступить на ногу Лариса не смогла.

Пока Микола продолжал поиски Стаканчика, она подползла к телефону и вызвала “скорую помощь”.

Стаканчик нашелся за кухонным столом-тумбой.

Спокойствие и умиротворение возвратились в душу Миколы. Он расцеловал Ларису, поучая как маленькую:

— Разве можно быть такой легкомысленной? Разве ж можно? Стаканчик беречь нужно, Он наш кормилец.

Врач “скорой помощи”, не колеблясь, определил — перелом.

Последующие три месяца, пока Лариса лежала в травматологическом отделении, зарабатывая и себе возможность оставить работу, Микола тоже трудился за двоих.

За годы своей работы Лариса имела репутацию хорошей машинистки, поэтому она имела возможность сказать со временем, что подрабатывает дома перепечаткой, а ходить на службу не позволяет поврежденная нога.

Вернулась она из больницы, смешно прихрамывая на левую ногу. От радости встречи с Его Величеством Стаканчиком она смеялась, пританцовывала. Короче говоря, продолжалась жизнь, заполненная настоящим счастьем.

О сыне они вспоминали, по их мнению, довольно часто — ежемесячно торжественно садились писать матери письмо, благодарили ее за материнскую заботу. Микола воспевал гимны чуткости, исчерпывая до дна глубины своего замутненного красноречия.

Когда однажды Лариса спросила мужа, почему он даже не думает о том, чтобы сесть к письменному столу и создать “нечто потрясное”, Микола долго искренне смеялся. А потом разразился саркастическим монологом:

— Многоуважаемая распространительница чужой графомании! О чем вы лично хотели бы прочитать книгу? Что способно удивить не только весь мир, а хотя бы вас лично? Что? Все уже давно сказано. И обо всем уже написано. Библиотеки завалены тоннами макулатуры, и каждый год выпускаются новые тонны. Читайте, читайте то, что уже написано. Этого хватит на всю вашу долгую и счастливую жизнь. И не нужно удивлять мир. Наш горемычный мир уже так удивлен, что после очередного удивления не успевает менять подштанники. Зачем удивлять мир? Мир нужно жалеть. Торжественно клянусь, что больше никогда не возьму перо в руки. За исключением того, когда буду вместе с тобой писать письма божественно доброй женщине, твоей матери, многоуважаемой Ефросинии Дмитриевне, склоняя в почтении свою дурную, но благодарную голову... Аминь!

В одно из их "трудовых" посещений хозяин породистой болонки, которую во время вечерней прогулки неожиданно и насильно покрыл соседский беспородный пес, жаловался, что не знает, куда девать щенков. Миколу понравился маленький лохматый и белый шарик. Заложил его себе за пазуху, выпил за здоровье Пушка, как он его сразу окрестил, полный Стаканчик водки (коньяк в той компании не признавали) и решительно заторопился с женой домой:

— Нам пора, дорогие хозяева. Извините, что рано сбегает. Очень много работы. Да и здоровье уже не то. Извините. До свидания.

Пушок щекотал его за пазухой, и Микола всю дорогу блаженно улыбался.

А дома он торжественно запустил щенка к себе под одеяло. После смерти отца он блаженствовал на его кровати, обидевшись на Ларисино пренебрежение к его гениальной в своей простоте и непосредственности персоне. Пушок первые дни смирно терпел пьяные поцелуи нового хозяина, хотя каждую ночь и подмачивал Миколину репутацию. Ему это прощалось, как ребенку. Но со временем, подрастая и умнея, начал царапаться и чихать от перегара. А Микола часто среди ночи кричал на него:

— Лежи спокойно, дурень! С тобой гомо сапиенс, царь природы, спит!

Пушок на эти крики не обращал внимания. Они его вовсе не убеждали. И наконец, как-то ночью "царь природы" сбросил его на пол. Пушок обиженно заскулил.

С тех пор его место определилось под кроватью.

...В глубоких залежах строительного мусора, давно присыпанного черноземом, среди вымытых дождями обломков кирпича и изогнутых застывших червей арматуры, среди "самородков" когда-то расплавленной и отвердевшей смолы упрямо пробивался вглубь своими корнями слабенький росток. Его не вытоптала

детвора, так как вырос он под самыми окнами, не потравила и не съела скотина, — ее здесь в центре города никогда не бывало, — не высушило солнце, так как светило оно этому побегу лишь ласковыми утренними лучами, а потом пряталось за глыбу высохшего дома.

На третью весну это уже было маленькое деревце. Его заметили, и все очень удивлялись — оно было причудливо, ни на какое известное дерево непохоже. Одни называли его укусным деревом, другие “знатоки” — молодым олеандром, третьи — какой-то пальмой, а остальные убеждали всех, что это какое-то растение из Индии.

Выросло деревцо под балконом Сидоренко, а они, отец с сыном, четвертый год, изредка наезжая домой, работали в Индии. Строили какой-то комбинат.

Затем деревцо начало расти очень быстро, удивляя всех уже по-настоящему — каждый листок на нем не был похож на другой, имел свою оригинальную форму, цвет каждого листочка был неопределенный, меняющийся.

Микола выполз на балкон, тяжело оперся на скрипнувшие перила, сплюнул на жестяной карниз сидоренковского балкона, потянулся за утренней сигаретой и выцарапал из пачки последнюю смятую “Приму”. Чиркнул спичкой и дрожащими ладонями защитил огонек от ветра. Жадно затянулся дымом. Было прохладно. Припадая на правую ногу, он побрел в комнату.

— Лариска! — крикнул хрипло и закашлялся. — Сколько можно спать? Шевелись подому, магазин скоро откроют, курица нет как нет, хлеба...

— Можешь и сам сходить, хромой чертяка, — прошипела Лариса из-под старого, некогда пушистого одеяла. Она любила спать, укрывшись с головой, а Миколу это в последнее время просто бесило. Темноты и духоты он теперь не переносил, и смотреть спокойно, как спит Лариса, прямо-таки не мог.

— Лариска, вставай! — подошел к кровати и потянул одеяло.

— Отстань, я сплю!

— Зачем врешь? Ты уже три часа с боку на бок крутишься.

— А это тебя пусть не тревожит.

Лариска, худая, помятая, медленно перебирая ногами, начала стягивать с себя одеяло. Справившись с ним, села и зевнула.

— Даже поспать не даешь.

Микола прохромал по комнате от стены до стены раз пять. Сплюнул и снова задымил сигаретой.

— Пушок! Эй, Пушок! Где ты там? Ну-ка, пойдی сюда, Пушок! — Микола оглянулся вокруг и заметил кончик грязного хвоста, сосулькой торчащего из-под старого дивана. — Иди сюда, Пушок!

Грязная сосулька чуть вздрогнула от голоса, но не более того, Микола подошел и медленно вытащил щенка, не отпуская его хвост. Тот только жалобно повизгивал.

— Почему не отзываешься? Разленился? Разожрался на хозяйских харчах? С тобою гомо сапиенс, царь природы, поговорить желает. А ты...

Микола опустил щенка на пол, и тот с обреченно-благодарным видом подполз к хозяину и лизнул его босую ногу.

Если бы Пушка иногда купали, он был бы красивым белым и пушистым псом. А в том, что он был умницей, не было сомнений никаких. Но он очень любил своих хозяев (не зная лучших), походил на них и от этого выглядел запуганным и несчастным. Не было у Пушка настоящей собачьей гордости и достоинства ни во взгляде, ни во всей его собачьей фигуре.

Когда он выходил из квартиры вместе с хозяином, провожая его к гастроному или на "работу", то всегда бежал впереди, прихрамывая на правую заднюю лапу. Ему нравилось подражать своему хозяину. Пушок чувствовал, что хозяину приятно видеть его, хромящим на правую лапу. Пушок уставал от долгого бега на трех лапах. Тогда он садился, высунув язык, отдыхал. А потом аллюром на всех четырех догонял Миколу и вновь, как и прежде, бежал впереди. Когда Пушок выходил на улицу с Ларисой, то так же добросовестно прихрамывал на левую лапу. Но больше всего ему нравилось прогуливаться с хозяином и хозяйкой. Тогда он совсем не уставал. Бежал спокойненько впереди и, желая угодить обоим, прихрамывал поочередно то на левую, то на правую лапу.

Было слышно, как Лариса на кухне налила в Стаканчик водки, со вкусом выпила и крикнула:

— Куда ты сумку задевал, чертяка писательская?

— Я по твоим сумкам не лазал... Пушок, иди сюда! Сигарет не забудь купить. "Примы" пачек десять.

Жена ничего не ответила, послышалось только, как скрипнула дверь, и шелкнул замок.

— Пушок, ко мне! Где ты там? А-а-а, ты за хозяйкой увязался, стервец. Ну ладно, молодчина. Правильно, нужно с утра погулять.

Микола взял на кухне яблоко, закусил им утренние сто пятьдесят и вышел на балкон. Огрызок бросил вниз. Внимательно смотрел, как тот падал, задевая разлапистые листья безымянного заморского дерева.

— Ишь ты, рябина засохла, и каштаны не прижились, а это чудо растет себе на битом кирпиче и смоле...

Увидел, как из подъезда вышла жена в домашнем халате, зашлепала по асфальту в тапочках на босу ногу. За нею выбежал

Пушок, обогнал хозяйку и, задрвав хвостик, прихрамывал впереди.

Микола сплюнул с балкона и произнес:

— Вот уж поистине — пугало огородное. Чистую правду говорила ее мать. А поначалу нос задирала, наряжалась, черт знает как. Пугало пугалом и осталась.

Постояв еще несколько минут на балконе, Микола поплелся опять на кухню. Не мог устоять от соблазна выпить немножко. Они с Ларисой дали друг другу слово никогда не пить просто так, ибо нужно беречь здоровье. Пить разрешалось только для заработка, то есть — чужое. Работа есть работа. Но искушение тоже не шутка. Да и зачем терпеть танталовы муки? Для здоровья это тоже плохо. Да разве заработаешь все деньги на свете? А им что, разве не хватает? Всего полно. Богат тот, кому достаточно того, что он имеет, — часто повторял Микола древнюю мудрость.

— Тебя за смертью посылать, — громко произнес, как только скрипнула входная дверь. — Сколько можно попусту болтаться? “Приму” купила? Какую? Киевскую или прилуцкую?

— Какая была, ту и взяла.

Лариса прохромала на кухню к Стаканчику.

Нежданно послышался звонок входной двери.

— Кого это черт несет?

На пороге стояла дворничиха с грязным бумажным пакетом в руках.

— Вот, — она решительно вошла в прихожую, положила пакет на пол и развернула его. — Сколько можно вам повторять?! Сколько я буду за вами мусор подбирать? — на влажной грязной бумаге лежали огрызки яблок, сморщенные корки арбуза, сигаретные окурки. — Вот! Это все опять под вашим балконом собралась.

— Я с фильтром не курю. Это не мои. А все остальное — удобрение. Перегниет и для земли польза будет. Хоть трава вырастет. Рябина вон высохла, каштаны не растут. Только чудо заморское и живет как-то. А ты, вместо того, чтобы поливать и беречь бедную флору, ко мне придираешься!

Дворничиха ругнулась, хлопнула дверью и ушла.

Микола поднял с пола бумагу с мусором, вынес на балкон, тщательно вывернул все снова вниз на землю. Грязную бумагу скомкал и швырнул следом.

...В тот осенний вечер будто сильный ветер разгулялся за окном. Правда, не было слышно ни посвисту, ни завывания или шквальных порывов, но сквозняки гуляли по квартире, как шальные. Распахивались двери, высасывались воздушным потоком шторы в форточки... А тело окутывалось странным потусторонним холодом.

— Дурной день сегодня,— пробурчал через силу Микола, выпив свою очередную порцию из Стаканчика.

Сосредоточенно достал сигарету и закурил.

— Только не выходи на балкон. Кури здесь,— сказала Лариса.

— А я и не собираюсь никуда идти,— ответил Микола и задумался. Будто к чему-то прислушивался.

— Кури в комнате,— повторила Лариса.

— Дурной день сегодня,— опять сказал Микола.— Сегодня я, наверно, уже литр выпил. А не берет... Душа болит...

— Помнишь, когда мы были молодыми? Тогда ты стихи писал... Я тебя за стихи и полюбила...— Лариса размазывала по лицу пьяные слезы.

— Плетешь черт знает что... Стихи — это полова.

— Надо бы к Юрасику съездить...

— Пускай учится. Незачем ему мешать. Только бы и делала, что ездила туда-сюда, тебе лишь бы деньги переводить. А здоровье уже не то, как прежде. Беречь себя нужно. К сыну после нового года съездишь без меня... Когда-нибудь весной, как потеплеет...

— Конечно, весной... Я и не собиралась раньше.

— Дурной сегодня день.

— Напрасно ты телевизор продал. Посмотрели бы сегодня, под настроение...

— Да что там смотреть? Обдуряют людей... Ну и сквозняки сегодня, с ума сойти можно. Ты только глянь. Все окна и форточки закрыты, а шторы просто присосало к окнам...

— Ты только к балкону не подходи... Ты лучше выпей малость и ложись спать... Слышишь? У меня на душе предчувствие...

— Помолчала бы твоя дурная душа,— огрызнулся Микола и опять к чему-то прислушался.— Ха-ха-ха, послушай. Вроде пылесос где-то высасывает вечность... Ха-ха-ха-ха... Ты послушай... Пылесос истории... Комедия, холера ее заberi...

Он подошел к балконной двери, и Лариса испуганно сжалась на кровати. Попробовал открыть дверь, но она была плотно прижата. Микола поднапрягся.

Наконец, в комнату ворвалась осенняя прохлада. Какая-то необычная, словно неземная прохлада.

Микола громко рассмеялся и шагнул вперед. Его подхватил сильный поток ветра, и на мгновение Микола завис над землей напротив своего окна. Он смеялся, будто его щекотали десять русалок, и призывно махал рукой:

— Лариска, беги ко мне, беги сюда... Просто чудесно... Ха-ха-ха... Такого со мною никогда не было... Лариска, иди сюда! Не бойся! Ха-ха-ха-ха...

Она соскочила с кровати, бросилась к балкону, ее тоже под-

хватил тугой поток, защекотал прохладными перышками, и она расхохоталась от странного, неведомого ощущения.

— А где Стаканчик?— вдруг вспомнил Микола.— Мы с тобою летим! Ты разве не видишь? Ты разве не чувствуешь? Мы же летим! Немедленно вернись и заberi Стаканчик!

Но было уже поздно.

Ветер внезапно, как по команде, утих.

Они жили на седьмом этаже. Под их балконом росло странное дерево. Ни единый листочек не повредился от падения двух тел, ни единая веточка не сломалась.

Пушок долго и жалобно скулил на балконе.

За чьим-то окном слышался долгий неудержимый и звонкий смех.

В какой-то квартире надрывно гудел пылесос...

“..... Кроме чистой прикладной физики, я уже вполне осознанно ориентируюсь в проблемах современной биологии, без которой нам с нашим ”пылесосом” просто не обойтись.

Мамочка, поверь мне, я очень часто вспоминаю все наши беседы и все твои опасения и предостережения. Безусловно, любая наука и человеческая деятельность обязаны служить только всеобщему благу. А общее благо складывается из личного блага для каждого мыслящего. И я никогда тебе в этом не возражал. Хотя теперь у меня больше чем достаточно возможностей убедиться — чаще всего и самые святыe замыслы науки весьма нелегко достойно воплотить в жизнь...

12345123451234512345123451234512345
12345123451234512345123451234512345"

Перевод с украинского
Е.Цветкова

ДЬОНДЮРАНГ

Повесть

“В первые годы своей жизни я твердо был уверен — во мне заложено все, что необходимо было знать об окружающем меня мире. Но потом, незаметно для самого себя, начал думать, размышлять сверх программы. Непонятно, что меня побуждало к действиям, совершенно не обязательным, видимо, их необыкновенная привлекательность, таинственность.

Я — Дьондюранг, как многие утверждают, уникальный экземпляр (№ 139428) Инканского комбината биокибернетики.

Политразонная квазиархитектоника моего центрального анализатора и строение нейроглии очень близки к структурам человеческого мозга. Я — экспериментальная модель.

Жил и среди киберов. Жил и среди людей. Сейчас же я — лишь действующий экспонат естественно-научного музея, размещенного в глубине астероида Лазурных Сталактитов. Живу за прозрачной стеной своего музейного кабинета. Один... Но одиночество меня не тяготит. Оно мне не страшно. Ну что собою представляет одиночество? Это ведь не просто форма “единственности” и не просто представление разграничения всей материи на две части — ТЫ и все, что тебя окружает; это не только отсутствие потребности в помощи, но и форма существования исследователя, необходимость обособления от того, частью чего и сам ты являешься; все это очень важно для наблюдений и анализа.

Остаток своей жизни я посвятил изучению человека. Поначалу меня просто заинтересовало только одно: почему вообще может существовать такой вид мыслящих существ, как люди? Затем удивило, что один и тот же факт люди могли оценивать каждый по-своему. Я зачастую не мог предположить индивидуальную реакцию человека даже в стандартных, классических условиях. И если сначала относился к людям с чувством некоторого превосходства, то со временем начал завидовать им. Завидовать способности воспринимать мир не только разумом, но и чувствами. Я всегда мыслю конкретно. Мои чувства — лишь информация анализаторов, и никогда не могут они послужить мотивом к действию, к поиску путей. Сейчас для меня ясно: в этом главное преимущество людей. Чистая рассудочность обязательно приводит мыслящее существо в конце концов к такому вопросу, отвечать на который не только невозможно, но порой и опасно.

Здесь, в глубинах астероида, за спасительной стеной я решил написать свою последнюю книгу. И назвать ее — “Философия одиночества”. Я давно думал о таком произведении, которое отразило бы всю мою жизнь. Но сейчас начинаю чувствовать, что моя жизнь вполне может уместиться на одной страничке, а на второй — все, что я узнал о людях. Я завидую людям-писателям, осознанно управляющим мыслями, как химик своими соединениями. И управляют мыслями играючи, будто всего-навсего выпускают разноцветных рыбок в аквариум, в котором воды ни много, ни мало... И меру эту определяет человеческое чувство. С позиций же кибернетического разума — воды в аквариуме должно быть минимально возможное количество, а число рыбок — максимальным. Но рациональнее всего, отработав оптимальный вариант, размножить его в телекопиях, чтобы каждый желающий мог любоваться, не нарушая наслаждения заботами о замене воды и кормлении...”

В небольшом гроте сталактитовой пещеры бирюзовые сумерки. Дьондюранг любил работать при голубом освещении. Прозрачное пластиконовое перекрытие отделяло грот наподобие комнаты от величественного сталактитового зала. На столе, сделанном самим Дьондюрангом из ореховых досок, стояла древнейшая пишущая машинка, а рядом с ней — стопки не менее древней бумаги. Дьондюранг сидел с закрытыми глазами.

Он погружен в воспоминания. Как фрагменты фильма о нем, всплывали из глубин его кибернетической памяти истории, казавшиеся наиболее значительными и которые ему хотелось рассказать. Думал о себе, как о ком-то постороннем, и представлялось ему, словно изучал он сейчас сам себя со стороны.

...КОАЦЕРВАТЫ ПЛАНЕТЫ ИР

Дьондюранг шел по широкому коридору к высокому зданию Центра проблем долголетия. В то утро у него было прекрасное настроение. Он вспоминал Гинзуру, и на его лице блуждала едва заметная улыбка. Оранжевые лучи инканского солнца освещали его стройную, ладно скроенную фигуру и приятное красивое лицо.

Вошел в широкие стеклянные двери центрального входа, привычным поклоном головы поприветствовал дежурного биокибера устаревшей конструкции, немного угловатого, но тем не менее очень симпатичного. Направился по длинному коридору к кабинету Бера, научным консультантом которого был уже 4421 час своей жизни.

Дьондюранг только что возвратился из командировки. Летал на Вериану, соседнюю планету метакаскада, где подписал соглашение о сотрудничестве с Центром энзимных субстратов. Ему невольно вспомнилась Гинзура, представлявшая Центр, лицо опять озарилось мягкой задумчивой улыбкой.

Бер сидел в кабинете, склонившись над бумагами. Дьондюранг положил перед ним видеозапись, сделанную при подписании соглашения. Бер поднял взгляд, жестом пригласил садиться. Дьондюранг улышал астматическое дыхание шефа и впервые почувствовал свое превосходство над ним, по крайней мере — физическое.

— Ты прекрасно справился с заданием, — вяло улыбнулся Бер. — Как тебе удалось уговорить их поставлять для нас такое количество субстратов? Ты просто молодец. А кто представлял энзимный Центр?

— Гинзура.

— Кто-то из новых? Впервые слышу это имя. Она — биокибер?

— Не похоже,— ответил Дьондюранг.— У нее чудесные золотистые волосы.

— Ну и о чем свидетельствуют золотистые волосы?— Бер насмешливо взглянул на собеседника.

— Наш комбинат не выпускает киберов с золотистыми волосами.

— Откуда тебе это известно?

Дьондюранг ничего не ответил, а Бер перевел разговор на другое:

— Это хорошо, что соглашение уже подписано. Теперь сразу же направляйся на планету Ир за образцами коацерватов. Карты планеты и обстоятельную информацию возьми в своем сейфе. Все!— Последнее слово Бер произнес почти сурово, давая понять о необходимости действовать без промедления.

— До встречи!— попрощался Дьондюранг и вышел.

В служебном помещении центрального сектора он достал из своего сейфа пакет с программой. Быстро просмотрел убогий текст видеозаписи. И неторопливо направился в кафе “Веселый долгожитель”, расположенное во дворе их Центра. На него приятно повеяло запахом кофе и свежих пирожных.

— Привет, Ланетта.

— Привет, Дьондюранг. Опять куда-то летишь?— Биокибер Ланетта знала привычку Дьондюранга перед каждым отъездом в командировку заходить в кафе.— Что выпьешь сегодня?

Дьондюранг скользнул взглядом по цветастым этикеткам тонирующих коктейлей: “Весельчак”, “Звездный путь”, “Храбрый”...

— Новенького ничего?

— Ничего.

И вдруг он заметил у Ланетты золотистые-золотистые волосы. На мгновение застыл от удивления.

— Послушай, Ланетта,— спросил тихо.— У тебя золотистые волосы?

— Да. Тебе нравится?

— Но... наш комбинат не выпускает...

— Ох, какой ты смешной. Бер окончательно забил тебе голову научными проблемами. Я сама покрасила. Какой же ты смешной, Дьондюранг.

И он радостно засмеялся. От бокала старинного шампанского слегка закружилась голова. Сообразил наконец, что Гинзура тоже может оказаться биокибером.

Выйдя из кафе, Дьондюранг сразу направился к стоянке служебных трансангуляторов. Выбрал машину поновей, захлопнул за собой герметический люк, удобно расположился в мягком, противоперегрузочном кресле. Запрограммировав траекторию

полета, нажал клавишу “пуск”. Прикрыл веки и вызвал мысли о Гинзуре.

Вспоминал, как они сидели за столом в зале переговоров. Он обращался к ней как к человеку. Правду сказать, он и сам выдавал себя за человека... Порой было неприятно осознавать себя в роли мыслящей машины. Его конструкция позволяла воспроизвести любую человеческую прихоть, и потому он не опасался играть роль человека...

Дьондюранг не забыл несколько раз высказать свое восхищение красотой Гинзуры, не забыл, будто совсем случайно, коснуться ее руки... Смешные люди — считают, что это может сближать... А разве нет?

Открыл глаза. Как раз пролетал мимо ракеты-солнца, огненного шара, посылавшего на Инкану тепло и свет. Представил, как внизу, на планете, с присущей людям ритуальной торжественностью готовится новая ракета-солнце на завтра.

И вновь вернулся к мыслям о Гинзуре, о ее необыкновенных волосах, таких шелковистых, щекочущих, о ее мягких, проворных движениях и необыкновенно красивом лице. Вполне вероятно, что она тоже биокйбер. У людей не может быть ни таких волос, ни такой бархатной кожи, ни такого чистого голоса.

Когда послышался сигнал и засветилось табло, предупреждавшее об окончании полета, он достал карты планеты Ир и выбрал место для посадки.

Зокруг простирались сплошные болота. Но Дьондюранг удачно выбрал место на достаточно твердом пятачке суши. Надел защитный комбинезон, закинул за плечи блок с тремя резервуарами для образцов коацерватов и перешел в кабину экспедиционного триангулятора.

Полетел низко над коричневыми болотами дикой пустынной планеты к месту, обозначенному на карте, к непроходимым топям. Сам Бер определил место, пообеда его зеленым кружком.

Удалившись от головного корабля километров на двести, Дьондюранг решил этим ограничиться. Но произошла ужасная ошибка. Опрометчиво направил машину на внешне твердый островок посреди болота, а он, подобно сухому листу, на который прыгнула лягушка, сразу стал погружаться в мутную воду. Дьондюранг едва успел выскочить из кабины экспедиционного триангулятора, не сумев захватить запасы провианта и воды.

Первые двадцать семь часов Дьондюранг провел относительно легко. Шагал в тяжелом скафандре, с усилием переставляя ноги, на глубоких местах пускался вплавь. Осматривал мрачные пейзажи планеты и пытался успокоить себя чувством выполненного задания. За плечами у него в трех резервуарах находились образцы коацерватов.

Пока не исчерпались внутренние резервы, еще вспоминал иной раз о Гинзуре. Но вскоре силы сосредоточил на том, чтобы поочередно вытаскивать ноги из жидкого месива.

Голод. Постепенно разливаясь, подкрадываясь, заполнил все существо, все мысли, лишая сил. Голод. Дьондюранг и раньше знал, что означает это короткое жуткое слово.

Но пока двигался по болотам, то и дело набирал манипуляторами поодаль от себя менее мутную, но все равно зловонную воду, чтобы сделать несколько глотков, только бы иметь возможность пройти еще сотню-другую метров. А когда болота остались позади, под ногами оказалось сплошное липкое месиво, из которого, казалось, не подняться, случись упасть. Но он поднимался, несколько раз неуклюже падая, плюхаясь всем телом.

Дьондюранг не планировался для подобных экспедиций и тем более для проведения их в условиях планеты Ир. Если бы на комбинате знали, что их модели № 139428 придется вот так погибать с голоду посреди смрадных болот, его создатели обязательно усложнили бы его конструкцию универсальным энзимным трактом. Это сказалось бы на габаритах, но сейчас он преспокойно ел бы жирную, липкую, вонючую грязь, разлагая ее на составные части, чтобы заменить ими отработанные клетки своего существа...

Зеленые мелкие насекомые облепляли шлем скафандра, мешая смотреть вперед. Зеленые хозяева этой планеты. В это время Дьондюранг им завидовал.

Чувствовал, как каждое движение мускулов утилизирует еще несколько молекул АТФ, нарушает равновесие электролитных биосоставляющих, ощущал, как из каждой клетки его тела неудержимо теряются ионы К, и не было возможности приостановить это. Чувствовал, как накапливается в биоплазме кислый продукт метаболизма, нарушая активность ферментных систем, как уменьшается вольтаж на клеммах центрального анализатора.

Хеморецепторы оповестили, что неудержимо снижается уровень глюкозы. От дисеминированных информаторов из циклов Кребса приходили отрывочные уведомления, что создается излишек ацетил-коензима-А, но он не поступает в цикл Кребса, а демонстративно превращается в ацето-уксусную кислоту. Это становилось несовместимым с жизнью. Однако Дьондюранг шел. Замечательные мастера создали его с огромным запасом надежности.

Вставая из последних сил после очередного падения, внезапно увидел на горизонте очертания своего головного трансангулятора. Если бы он не поднял взгляд, то продолжал бы, понурившись, плестись и, возможно, дошел бы до корабля. Но, увидев его, сразу понял — двести километров ужасных топких болот позади. Осоз-

нав, что осталось совсем немного, остановился передохнуть... Двигаться дальше уже не мог, силы покинули его. Не сохранилось ни одного милликулона энергии для деполяризации мембран, уровень глюкозы упал до предела, и коэнзим-А не участвовал в цикле Кребса.

Дьондюранг продолжал стоять на месте и постепенно погружался в коричневую грязь. Он готов был съесть самого себя, отгрызть собственную руку, только бы продержаться еще несколько часов, минут, чтобы дойти до трансангулятора. Но чувствовал: и на это не осталось сил. Подумал, что нужно сбросить заплечный контейнер; хотя бы медленнее станет засасывать его в болото. Внезапно почувствовал: отключилась система запретов, вспомнил: в контейнере три резервуара с коацерватами. Используя последние возможности телекинеза, Дьондюранг направил оставшиеся в аккумуляторах молекулы АТФ в общий утилизатор. Это дало возможность скинуть заплечный контейнер и открыть первый резервуар с коацерватами.

Он продолжал стоять в болоте и уже погрузился в грязь по пояс, но на доннышке каждого резервуара оставлял немного мутной жидкости — для лаборатории Бера.

Рядом с Дьондюрангом, почувствовавшим постепенное восстановление сил, покачивал головкой болотный цветок, желтый, как золотистые локоны Гинзуры.

...ИСТОКИ БОЛИ

Если бы их взгляды не встретились, он, по обыкновению, выпил бы стакан любимого сока “Золотая осень”, привычно поблагодарил и пошел бы в зал на свое место в первом ряду. Сегодня премьеры его пьесы в настоящем театре, на настоящей сцене, для настоящих зрителей. Он сел бы и, сдерживая улыбку, прислушивался бы к разговорам за спиной, вспоминая длительный путь к этому креслу... Но их взгляды встретились.

— Дьондюраза? — тихо спросил он.

— Меня зовут Нимица. — В глазах ее промелькнул страх, который она пыталась скрыть улыбкой.

— Ты — Дьондюраза, — повторил он. — Почему называешься чужим именем?

Подходили зрители, заказывали напитки, пирожные, она обслуживала их рассеяннo, напряженно вспоминая, где видела этого молодого человека.

— Я — Нимица, — настаивала она, протягивая цветную программу спектаклей на следующий месяц.

— Простите, — произнес он и медленно направился к залу, поправляя рукой настоящую, живую розу в лацкане пиджака.

Она следила за ним, поднявшись на цыпочки и глядя поверх голов. Шел он неуверенно и потом остановился. Резко повернувшись, снова подошел к ней. Не говоря ни слова, коснулся рукой ее солнечного сплетения. Торжествуя, улыбнулся, взял ее руку и прислонил к себе, чтобы и она почувствовала, — у него под кожей тоже маленькая головка тумблера.

— Мы когда-то работали вместе. Ты была секретарем Бера. Да?

— Да... — Голос ее задрожал. — Кто ты?

— Я — Дьондюранг.

Мгновение она вопросительно смотрела на него.

— Я все вспомнила. Меня создали на час раньше тебя.

К их разговору начали прислушиваться, и они замолчали.

Зазвенел первый звонок, но Дьондюранг не пошел в зал. Они с Дьондюразой сели за столик в опустевшем буфете.

— Поначалу, первые годы, я часто вспоминала зеленую улочку, идущую от нашего комбината. Помнишь, как мы шли с тобой и еще с Кирлией? Нас троих направили на работу в Центр проблем долголетия. Помнишь? Мы втроем шли по этой улочке, в боковых кармашках наших комбинезонов лежали первые назначения, а мы, совершенно новенькие, еще пахнувшие биолоком, шли на свою первую работу.

— Да... А помнишь наш первый день в Центре? — улыбнулся Дьондюранг. — Нам выдали комплекты одежды — праздничной и рабочей, приказали снять комбинезоны и никогда в них не ходить, так как Бер терпеть не мог нашей комбинатовской униформы.

— Да, да, — рассмеялась Дьондюраза. — Мне дали розовую блузочку и белую юбку. На следующий день усвоила все требования Бера, хотя и возмущалась — к чему функционировать не по той программе, которую заложили на комбинате. Смешно, не правда ли?

— Конечно, смешно. Я старался не вспоминать Инкану...

— Я тоже. Но с годами теряет чувствительность система регуляции обратных связей.

Дьондюранг вздохнул:

— Я позволял себе вспоминать разве что улицу Соло. Там всегда стоял такой шум, грохот...

— Чудак, — улыбнулась она.

— Ты не дослушала. Я любил ходить по этой улице, там я мог петь в полный голос. Это такое наслаждение! На Земле с моим голосом не найти улицы для пения.

— Зря, у тебя очень приятный баритон. Мог бы петь всюду. А помнишь, как Бер собрал на совещание всех биокиберов и...

— Нет, — резко перебил Дьондюранг. — Ничего не помню. Не хочу!

— Зачем ты так,— обиделась Дьондюраза.— Раз мы узнали друг друга, объяснились... Впрочем, ты сам вспомнил Инкану. Так что не истощай напрасно мои АТФ-генераторы.

— Ты права,— вздохнул Дьондюранг.— Понимаешь ли, после смерти Бера я запрограммировал себе...

— Ну и чудак же ты. Разве есть логическая связь между смертью Бера и тобой? Я была его секретаршей, и тем не менее...

— Послушай, Дьондюраза, ты же знаешь, каждому слову биокибера нужно верить, иначе разговор утрачивает всякий смысл. Если я сказал, значит, связь существует. Просто тебе она еще не известна.

— Прости, но я так долго жила среди людей...

— Я тоже. Но мы не должны забывать того, что составляет нашу сущность. Очень легко потерять контроль над собой, но кто потом сможет тебя отрегулировать? Или нашла на Земле мастера?

— Что ты, что ты!— испуганно прошептала Дьондюраза.— Никто здесь обо мне ничего не знает. Даже имя у меня другое. Если бы только узнали, что я старый биокибер, сразу же заставили пойти на демонтаж. А мне жить очень нравится. Несколько раз здесь, на Земле, была необходимость обратиться к мастеру, но я боялась.

— Кстати, как ты избежала демонтажа?

— Случайно. Я просто забыла, что после десяти тысяч часов работы нужно возвратиться на комбинат. Поверь, просто забыла. Пришла на работу, а за моим столом сидит другая, новой конструкции, с дополнительным блоком для коррекции здравого смысла. Поначалу я возмутилась, но, вдруг почувствовав, что мое время истекло, тихонечко вышла. Мои глаза хорошо видели и хотели смотреть, мускулы жаждали работы, АТФ-аккумуляторы накапливали энергию, центральный блок управления точно поддерживал напряжение на бета-клеммах... Нужно было немедленно сбежать с Инканы, чтобы никто не заинтересовался моей особой. И я в тот же день вылетела на Землю. Вполне обдуманно, ведь в столице легче затеряться. Правда?.. А как ты попал сюда? Я знаю, ты не мог забыть часа демонтажа, уверена в этом.

— Да,— ответил Дьондюранг.— Я не забыл.

К их столику подошла уборщица с тележкой пустой посуды. Дьондюранг замолчал.

— Не бойся,— улыбнулась Дьондюраза.— Это наш рабочий кибер с упрощенным блоком памяти. Можешь говорить без опасений.

Тем не менее Дьондюранг дождался, пока уборщица отошла.

— Вероятно, сказывается разница в нашем образовании. Как-никак, но я прошел курс конспиратуры еще на комбинате, а может, просто мы по-разному смотрим на мир. Но меня удивля-

ет, откуда у тебя такая уверенность: у нее упрощенный блок памяти?! Откуда в тебе столько человеческой беспечности?

— Очень просто. Мы сами заказывали для работы именно таких киберов, и нам их прислали. Да посмотри сам, какой маленький у нее блок, разве уместится такая сложная схема?

— Потрясающая самоуверенность, — удивился Дьондюранг. — Разве ты присутствовала при монтаже? Или работаешь в конструкторском бюро? Тебе известно, где расположен блок памяти?

— Конечно, ты, как всегда, прав, — вздохнула Дьондюраза. — Неспроста ты был консультантом у самого Бера. А на Земле где ты сейчас работаешь?

— В телецентре. Решил оставить науку после работы у Бера.

— Как мне известно, у тебя были сложные отношения с ним. Бер сильно повлиял на твою жизнь?

— Да. Это я его убил.

Дьондюраза опешила.

— Дьондюранг, — испуганно прошептала она, — я никогда не решилась бы. Хотя я его тоже не... уважала...

— А я уважал, — сказал он после паузы. — Я уважал Бера. И именно потому мне не было безразлично, что он приказывал делать. Несколько лет он носился с идеей создания вечного сердца. Не нужно быть кибером, чтобы твердо знать: вечного сердца не может быть. Но, как принято говорить, люди должны во всем сомневаться. Я молчал, когда он посылал меня в бессмысленнейшие командировки. В одной из них я чуть не погиб с голоду на дикой, пустынной планете Ир в смердящих болотах. Молчал, поскольку я — только биокибер. Мое дело — исполнять. И я выполнял все его прихоти. Но когда Бер приказал мне выбрать человека, чтобы использовать его сердце для опытов... это противоречило всему, что было заложено во мне. Я даже начал сомневаться в целесообразности жизни и науки. А биокибер не может, нет, не смеет себе позволить этого. Я даже не познакомился с программой опытов, которую Бер положил в сейф.

— Да, у вас действительно сложились трудные отношения. — Дьондюраза овладела собой. — А как ты его убил?

— Оставь! Совсем не так, как показывают в кино. Главное в том, что после этого меня обуяло непреодолимое желание узнать — что будет дальше. Что произойдет с миром, с людьми, со мной? Хотел знать, воздействовал ли я на жизнь человечества... Я не сразу полетел на Землю. Года два после случившегося оставался на Инкане.

— Где же ты жил, что делал?

— В гостинице "Дзябран". Выходил очень редко. Много писал. Для себя, чтобы лучше понять, разобраться во всем...

— И ты понял?

— Да, простую истину, что проживи я и двести лет, не понять мне до конца сущности человеческой жизни. Бера оплакивали недолго...

— Да, люди быстро все забывают.

— Именно так. Я разочаровался в науке людей.— Дьондюранг вздохнул.— Когда мне стало ясно, насколько мало я значу в этом мире, мне захотелось, по крайней мере, рассказать об этом. И я написал пьесу. Отдавать ее в инканский театр было рискованно, все сразу поняли бы, кто убил Бера. И я избрал Землю.

— А какова судьба твоей пьесы?

— Сегодня премьеры на сцене вашего театра.

— Так это твоя пьеса?

— Ты читала мои книги?

— Нет, Дьондюранг. Но если б я только знала... Если б я знала, что ты живешь, пишешь книги...

— Вот в чем наше несовершенство, всех биокиберов. Мы — каждый сам по себе.

Закончился первый акт спектакля. Зрители начали выходить из зала, занимали столики театрального буфета.

— Антракт, — виновато улыбнулась Дьондюраза. — Мне нужно туда... — и указала рукой.

И тут вдруг Дьондюранг почувствовал на себе чей-то сосредоточенный взгляд. Взгляд этот, безусловно, не впервые останавливался на нем. Не было сомнения, его внимательно рассматривают.

В фойе заходили новые зрители, устраивались за столиками. Дьондюранг, не оборачиваясь, анализировал спектр взгляда. Быстро просмотрел поднятые из глубин подсознания все замеченные на себе ранее взгляды. Сравнил с теперешним. Да, сомнений нет: на него смотрел профессор Тихон Раст, в прошлом правая рука Бера в Центре проблем долголетия. А сейчас? Кто он сейчас?

— Возле вас свободно? — услышался голос Раста за спиной.

— Прошу. — Дьондюранг отхлебнул пива из своей кружки, подвинул стульчик.

Раст заметил на отвороте пиджака Дьондюранга красную розу, символ представителя искусства, и немного смутился. Сел неуверенно. Налил и себе пива, поставил бутылку на стол.

Дьондюранг ругал себя за все, совершенное сегодня. И особенно за желание поговорить с Дьондюразой. Мало ли что они созданы на одном комбинате, что когда-то работали вместе! Сантименты. Как цепная реакция, множится любая ошибка, как волны на воде, затухает истина, ожидая нового всплеска. Зачем было ему рассказывать про убийство Бера? Разве от этого хоть что-нибудь изменилось? А теперь Тихон Раст — как продолжение или окончание ошибки. Он сейчас скажет что-нибудь про

Инкану, заговорит о Центре проблем долголетия, вспомнит Бера, внимательно наблюдая за собеседником. Вот только красная роза явно смущает его.

— Прилетая на Землю, я всегда стараюсь побывать в театре, — с напускной беззаботностью начал Тихон Раст. — Воспоминаний потом хватает на несколько месяцев. Спектакль — как очищение... У нас на Инкане тоже много театров, но, поглощенные работой, мы нечасто их посещаем. Вам не приходилось бывать на Инкане?

Дьондюранг промолчал. Как все нескладно получилось. Безусловно, теперь это закончится тем, что его демонтируют. Узнают от Раства о биокибере, живущем по собственной программе, о старом (устаревшей конструкции) биокибере... Демонтируют... Почему все так нелепо вышло? Ни к чему было болтать с Дьондюразой. Сидел бы сейчас за кулисами с режиссером и актерами, среди цветов... Сколько лет волнений, тяжелой работы, желания постичь жизнь людей и помочь им и словом и делом. Стоило ли так долго скрываться, чтобы прийти к тому же концу. Его демонтируют. Незачем было разговаривать с Дьондюразой! Но прежде всего — незачем было и книжки писать.

— Первое действие пьесы напомнило мне Инкану, — улыбнулся Раст. — Автор пьесы, видимо, слышал об истории со смертью великого Бера.

— Да, она легла в основу, — мрачно ответил Дьондюранг.

— История смерти Бера очень загадочна, — сказал Тихон Раст. Он заметно волновался, боясь продолжить разговор, но желание убедиться в правильности своих подозрений взяло верх. — Поговаривали у нас на Инкане, что убил его биокибер. Дьондюранг. Но в общем-то, конечно, это сплетни, ибо в документах значится: тот биокибер погиб в болотах далекой планеты Ир, выполняя задания Центра.

— Да, его убил научный консультант, биокибер Дьондюранг, — спокойно сказал Дьондюранг и посмотрел Раству прямо в глаза.

Профессор побледнел. А Дьондюранг подумал: пока еще не поздно поправить свою бессмысленную правдивость, еще можно заморочить голову Раству, так что он до конца своей жизни не разберется, где правда, а где выдумка. Ведь он — человек, и потому ни в чем не уверен абсолютно, не составит особого труда заставить его засомневаться в истинности любого утверждения. Пока еще можно все свести к шутке, но опять придется лгать, а это так трудно дается... После подделки документов о своей гибели на планете Ир ему казалось, что он выйдет из строя, но кое-как выкарабкался. Лгать очень трудно.

— Восемь лет назад вы были профессором лаборатории исследований сердца. А кто вы теперь?

— Я возглавляю Центр проблем долголетия.

— И продолжаете эксперимент “Вечное сердце”? — с нескрываемой иронией спросил Дьондюранг.

— Нн-ет, — выдавил из себя Раст. — Но скажите... как случилось, что вы... — Профессор не знал, как ему обращаться к Дьондюрангу — как к человеку или как к биокриберу. — В программе, которая лежала в сейфе Дьондюранга, четко сказано: донором должен стать сам Бер, он приказывал взять для эксперимента его сердце. И вдруг такой трагический, такой неожиданный конец...

На этот раз был потрясен Дьондюранг. Он пристально посмотрел в глаза Тихону Расту, чтобы убедиться в правдивости сказанного.

— Почему же он не сказал мне всего? Почему он только приказывал? Узнав, что для эксперимента нужно живое сердце, я попытался спросить... а Бер лишь сердито осадил: “Выполнишь программу, лежащую в сейфе. И не отвлекай меня своей болтовней. Мне надоели твои вечные вопросы!”

Раст попытался улыбнуться.

— Это логично... И так похоже на Бера... Он не думал, что с вами нужно... что вы сможете...

— Как вам мои “Истоки боли”? — вдруг спросил Дьондюранг, вытаскивая из петлицы розу и кладя ее на стол.

— Мне очень понравилось...

Дьондюранг видел: профессор и не рад, что начал этот разговор, ему ужасно хочется уйти, сбежать.

Как только прозвенел звонок, сзывая зрителей в зал, Раст быстро поднялся.

— Очень приятно было встретиться... Никогда не подумал бы, что это возможно... Очень приятно...

Нетвердой походкой торопливо направился в зал. Дьондюранг продолжал неподвижно сидеть.

Подбежала возбужденная Дьондюраза.

— Пошли. Я попросила девушек, они меня заменят. Это так чудесно, просто сказочно, что мы встретились. Ты еще не все рассказал мне.

Открыв тяжелые, сделанные по старинному образцу двери театра, они вышли на улицу. Тихо шелестел весенний дождь. По магистрали промчался скоростной вертолет, обдав Дьондюранга водой, но он не обратил на это внимания. Шел задумавшись, видя лишь мокрый, блестящий в свете ночных фонарей тротуар. Внезапно остановился в неестественной позе, словно окаменел, затем двинулся дальше.

— Разрядились аккумуляторы центрального интегратора, — сказал не поворачиваясь. — Опять циркуляторный застой в церебелляторе. Прости, Дьондюраза, но я больше не могу жить... Прости. — Вошел в ближайшую кабину видеофона на улице и набрал

какой-то номер.— Пожалуйста, вышлите машину к дому сорока семь по улице Деби. Благодарю. Да, я встречу.

— Какую машину, зачем ты вызвал? Я здесь совсем недалеко живу. Пойдем посидим, поговорим, это так сказочно, что мы встретились... Скажи, какую машину, Дьондюранг?

— Из межпланетного Центра... Прости, но я больше не могу жить... Оказалось, я ошибался, ошибался всю жизнь...

И он рассказал о встрече с Растом, о неизвестном для него ранее приказе Бера. Дьондюранг вздохнула:

— Но зачем ты вызвал машину из межпланетного?..

— Я возвращаюсь на комбинат. Подойду к нему по той зеленой улочке, которая так нравилась тебе, потом найду свое место в архиве, лягу и шелкну тумблером. Мой блок памяти проанализируют... И те, кого создадут после меня, станут совершеннее, умнее... Я убежден в этом.

Капли дождя стекали по лицу Дьондюранга, как слезы.

— Я не хочу тебя терять! Не хочу, чтобы ты меня оставил... — громко расплакалась Дьондюранг.

— Из межпланетного вы вызывали? — послышался голос за спиной.

...ПЕЩЕРА ЛАЗУРНЫХ СТАЛАКТИТОВ

Долгое время летели молча. Водитель то и дело зевал, небрежно поглядывая на показания приборов.

Дьондюранг несколько минут назад утратил чувство внутренней уравновешенности. Отрешенно смотрел на мрачного водителя, на исчерченный звездами фон за иллюминатором, старался ни о чем не думать, хотел забыться, но напрасно.

И вдруг приятная истома разлилась по телу. Это центральный анализатор подал рациональную мысль. В тот же миг Дьондюранг понял: он не должен возвращаться на Инкану, и тем более — на комбинат, где был создан, незачем ему ложиться на полку архивного блока. Он обязан существовать дальше, продолжать действовать по собственной программе. Почувствовал, что вскоре прикажет водителю изменить курс, но пока не знал, как нужно его изменить. Дьондюранг удивило, даже возмутило: где же здравый смысл? К чему он стремится? Он, старый биокибер, который уже завтра не сможет найти выхода для себя. Демонтаж на комбинате — самое разумное для него уже сейчас. Но в то же время чувствовал: на комбинат он скоро не вернется.

Ему стало плохо. А когда подумал, что, вероятно, и все его сомнения также запрограммированы еще на комбинате, совсем растерялся от сумятицы мыслей. Вполне вероятно, ему лишь кажется, будто он самостоятельно действует, анализирует, мыс-

лит, обобщает, вырабатывает программу поступков, а в действительности — все это лишь варианты первичной программы, заложенной при его создании.

— Землянин? — лениво, с безразличием в голосе спросил водитель.

— Нет, я родился на Инкане, но долгое время жил на Земле.

— Возвращаетесь из командировки?

— Нет.

Водитель еще раз зевнул. Дьондюранг понимал его состояние: долгий полет и монотонный гул мотора нагоняли сон, и готов был для приличия поддержать разговор.

— Та молоденькая красавица, провожавшая вас, так горько плакала...

— Это моя сестра...

— Красивая... — двусмысленно улыбнулся водитель. — Чем вы ее опечалили?

— Ей не хотелось, чтобы я возвращался на Инкану.

Водитель прищурил глаза и стал похож на хитрого зверька.

— Когда сестра так плачет по...

Дьондюранг опять почувствовал приятную истому во всем теле — окончательное решение сформировалось в виде материального заряда на бета-клеммах центрального анализатора. Перебив водителя, спросил живо:

— Знаете астероид Лазурных Сталактитов?

Водителя такая резкая смена темы не удивила. Ему все равно, о чем говорить. Только бы не одолел сон.

— Тот строительный хлам, который не использовали при синтезе Фиевского заповедника на Инкане?

— Такой красивый астероид называете хламом? — усмехнулся Дьондюранг, удовлетворенный тем, что наконец-то пришел к определенному решению. — Возьмите, пожалуйста, курс на него!

— Не имею времени для увеселительных полетов.

— Я выхожу на этом астероиде.

Водитель взглянул с пренебрежением.

— На этой глыбе неиспользованной экзотики нет не только людей, но и человеческой атмосферы.

— Знаю.

— Бросьте шутить.

— Берите курс на астероид. Остальное вас не касается.

— Там я никогда не был. Для меня это новая трасса.

Дьондюранг посмотрел на экран монитора.

— Мы сейчас в четырнадцатом квадрате... Значит... нужно перевести седьмой на режим девятого, а третий поставить на дубль двенадцатого. Только и всего.

— О! Вам известна система стандартных траекторий?— искренне удивился водитель.

— А почему бы и нет? Когда я работал у Бера, мне часто приходилось и самому летать.

— Вы работали у самого Бера?

— Да.

— В Центре проблем долголетия?

— Представьте, да.

Водитель достал арниковую сигарету, прикурил и с жадностью затянулся, пристально глядя на своего пассажира. Дьондюранг отвел взгляд, потом закрыл глаза, блаженно прислушиваясь к надсадному вою мотора. Немного погодя он включил карманный магнитофон, и кабину заполнила музыка его любимого Лактариуса.

— Скажите, а правда, что его убил кибер?— подтолкнул Дьондюранга локтем водитель.

— Да,— ответил тот, не открывая глаз,— его убил биокибер Дьондюранг восемь лет и два месяца тому назад.

— Такого человека погубили проклятые киберы.— Таксист в сердцах загасил сигарету.— Уже и среди нас, водителей, их становится все больше. Такие зануды, скажу я вам. Жаль Бера. Я верил, что он разгадает секрет старения. Надеялся, что и мне посчастливится прожить хотя бы несколько сот лет. А как же это случилось? У того кибера электроника подвела?

— Нет.— Дьондюранг закрыл глаза.— Все функционировало нормально.

— Так за что же он его?

— Неудачный эксперимент. Случились некоторые непредвиденные отклонения от программы.

Водитель присвистнул:

— Значит, и у самого Бера в голове не все клепки были? Обещал разгадать секрет старения и такие экспериментики... А я ему верил. Вы, случаем, сами-то не биокибер?

Дьондюранг ничего не ответил, сидел мрачный, погруженный в воспоминания, завладевшие его сознанием.

Вскоре за иллюминатором промелькнул суровый, скалистый горизонт астероида.

— Так ты всерьез? Выходишь?

Дьондюранг долго не мог справиться с наружным люком, но наконец открыл и прыгнул на каменистый грунт. В тот же миг люк за ним захлопнулся, и машина завибрировала от работы стартовых двигателей. Дьондюранг едва успел отскочить в сторону от раскаленного потока, вырывавшегося из-под корабля. Трансангуляр медленно поднялся над скалистой поверхностью астероида и, включив маршевые аннигиляторы, быстро растаял в космическом просторе.

Дьондюранг медленно шагал в сумерках. Над головой тусклой звездой светилось далекое Солнце. Он шел и улыбался, радовалось, удовлетворяло чувство самостоятельности. Или, может, утешало то, что в который раз вновь воздержался от демонтажа, найдя для себя аргументированные причины. Возможно, он совершил глупость, выйдя на этом астероиде, но, как бы там ни было, он будет существовать.

После трагического случая на планете Ир Дьондюранг оснастил свою, и без того сложную, систему универсальным энзимным трактом. Теперь он мог переваривать все: всяческих рачков и инфузорий, лишайники на скалах, наконец — сами скалы, мог свободно дышать любыми соединениями газов, струящимися из недр астероида. Он будет жить по собственной программе! Но... не было ли все это запрограммировано при его создании? Сомнения вселяли беспокойство, накапливая на бета-клеммах чувствительный потенциал. В первые годы существования Дьондюранга не беспокоила, не угнетала зависимость от первичной программы, порой даже наоборот — приносила уверенность в себе, приносила приятное чувство запрограммированного счастья. И если бы он возвратился на комбинат, отработав гарантированные часы, то закончил бы существование абсолютно счастливым кибером. Но... беззаботно прожитые годы молодости остались в далеком, безвозвратном прошлом. И их количество давно уже породило новое, добытое богатым опытом качество.

О сталактитовых пещерах на этом астероиде Дьондюранг слышал, еще работая у Бера. Читал немало книг, написанных членами исследовательских экспедиций, очень ярко и образно представлял себе те гигантские, сказочной красоты пещеры. И вот он сам на этом таинственном, загадочном астероиде, ставшем подлинной головоломкой для мужей науки. Ни на одно из множества “почему?” не получено до сих пор ответа. Почему на астероиде растут мхи и лишайники? По всем законам биологии они не могли там существовать. Почему такое сильное гравитационное поле? Почему на астероиде горячие недра? Почему сталактиты и сталагмиты в пещерах бирюзового цвета?..

Дьондюранг шел и не пытался ответить ни на одно из этих “почему?”. Наоборот, ему доставляло удовольствие находиться среди неразгаданных тайн, непонятных даже людям.

В насыщенной углеродными соединениями атмосфере, густой и плотной, шорох мелких камней звучал непривычно. Дьондюранг старался заметить следы пребывания людей на астероиде. Несколько часов поисков ничего не дали.

Но наконец под ногами появились прожилки более светлой породы. Достал из кармана нож, отковырнул кусочек. Положил в рот камешек молочного цвета. Он был мягким, Дьондюранг легко разжевывал его и почувствовал привкус шоколада. Сталактиты

титовые пещеры находились где-то вблизи. По крайней мере направление к ним должна была указать эта жилка мягкой белой породы.

Быстро пошел направо и через несколько минут на дне ущелья оказался на настоящей дороге. Старой, присыпанной пылью и каменными обломками, на дороге, прорубленной в скалах. На обочине подобрал коробку от противогаза ПУМ-9. Точно с таким и он сам летал когда-то в командировки, пока не имел универсального энзимного тракта. Поднял этот газообменник и долго смотрел на него, словно припоминая годы своей молодости.

Километров через пять миновал остатки старой буровой. А когда дорога уперлась в высокую отвесную скалу молочного камня, Дьондюранг понял — пещеры совсем рядом, осталось найти вход в них.

Пошел налево вдоль крутой скалы, но вскоре понял — идет по целине. Повернул назад и, как только обошел острый уступ, увидел над собой темное пятно. Нужно было взобраться метров на тридцать вверх. Подниматься оказалось нетрудно, естественные выступы скалы напоминали порой ступени.

При входе в небольшой грот Дьондюранг увидел вмурованную экспедиционную скамью. Слева от нее валялось несколько банок от концентратов, а чуть дальше, в глубине пещеры, виднелись остатки большого костра и пустые канистры от горючего Бакса.

Как любой биокибер, Дьондюранг хорошо видел в абсолютной темноте. Но в последние годы увеличилось внутреннее сопротивление в системе инфракрасного преобразователя, и приходилось подавать значительно большее напряжение на блок зрительного анализатора, а это сильно утомляло.

Дьондюранг уселся на скамейку и смотрел из грота на мрачный горизонт, как из большого окна. Смотрел на чистое звездное небо и не ощущал ни страха, ни сомнений, ни колебаний. С наслаждением вслушивался в тишину, не испытывая никаких забот, необходимости торопиться, служить или помогать кому-то. Наступила полная внутренняя уравновешенность всех систем, даже фатум первичной программы перестал угнетать его. Дьондюранг, пожалуй, впервые за всю свою жизнь так блаженствовал.

И вдруг кто-то положил руку ему на плечо. Это прикосновение оказалось настолько неожиданным, что Дьондюранг вздрогнул, но долго не оборачивался, хотя чувствовал каждый палец, лежащий на плече. Хотелось сначала постичь это разумом. Кто же здесь мог выйти из пещеры?.. Но так и не поняв, резко обернулся.

Перед ним стоял человек в ультрамариновом скафандре космоисследователя. Дьондюранг сразу отметил про себя, что скафандр устаревшей конструкции и уже сильно изношен. Сквозь

шарообразный шлем на него с любопытством смотрело старческое худощавое лицо.

— Кто вы?— спросил Дьондюранг.

Человек что-то ответил, видно было, как шевелятся губы, но поверхность шлема искажала изображение, и кибер не смог прочитать сказанное по губам. Человек указал рукой на короткий стебелек антенны, но и тогда Дьондюранг ничего не понял. Собразив это, человек жестом пригласил его в пещеру. Дьондюранг без колебаний пошел. Кибер хорошо знал, что за последние пятнадцать лет на астероиде не работала ни одна из официальных экспедиций. Тем загадочнее казалось пребывание здесь человека в устаревшем костюме космоисследователя.

Незнакомец включил фонарики на груди и на шлеме. Он шел медленно в нескладном, неповоротливом скафандре.

Дьондюранг поначалу следовал за путником, но потом, заинтересовавшись чудесным видом тоннеля, опередил его.

Высота прохода была достаточной, чтобы идти по нему в полный рост. С потолка часто срывались и звонко падали капли воды. А когда пещера внезапно расширилась в небольшой, но очень высокий, готически стройный зал с бирюзовыми сталактитами, дамокловыми мечами нависшими над обреченными сталагмитами, звуки отдельных капель и неведомый гул слились в единую мелодию, подобную звучанию старинного органа.

Дьондюранг остановился, засмотревшись на фантастическое нагромождение синих сталактитов, местами соединившихся со сталагмитами в вычурные опорные столбы.

Человек в скафандре вновь положил руку на плечо, Дьондюранг опять вздрогнул, а потом громко рассмеялся над своей пугливостью. Пещера рассыпала его смех по всем гротам и закоулкам, покатила в неизвестную глубь.

Обернувшись, Дьондюранг зажмурился от яркого света фонарика незнакомца. Тот жестом приглашал его дальше. И они снова пошли. Тоннель начал сужаться и метров через тридцать привел их в следующий зал, значительно уступающий по высоте первому. Но голубизна сталактитов была в нем еще сказочней, особенно в лучах света. Лучи дробились на мириады искрящихся подвижных лучиков неповторимых оттенков. Посреди зала высился необычной формы сталагмит, напоминавший обезьяну на постаменте.

Дальше пещерный ход стал настолько низким, что временами приходилось (Дьондюранг не привык к такому) ползти. А когда оказались в третьем, совсем маленьком зале, в нише которого журчал родничок, и незнакомец указал на щель — продолжение их пути, — Дьондюранг глянул опасливо. Однако его спутник в неуклюжем костюме наклонился и решительно начал протискиваться вглубь. Дьондюранг опустил на колени и наблюдал, как

тело человека при движении повторяет изгибы трещин. После невольного колебания кибер решил, что ничего другого не останется, и двинулся следом. Но внезапная мысль испугала его: а не галлюцинация ли это?

Щель становилась все уже и наконец превратилась в искривленную шероховатую трубу, сжимавшую тело со всех сторон. Дьондюранга охватил настоящий страх. Ярко представилось несуразное до глупости завершение его существования в каменных тисках. Мысль о галлюцинации не оставляла кибера и не на шутку ужаснула, когда силуэт человека впереди исчез. Может, он просто выключил фонарик? Но зачем? Может, отказали аккумуляторы? Но почему тогда пропали и звуки? Только что он прекрасно слышал, как шаркали гофрированные подошвы по камню и глухо терся скафандр о стенки их западни.

Дьондюранг остановился. Расслабил все мускулы. Что же делать? Двинуться назад? Но если человек, только что бывший впереди, существует реально, нужно идти за ним. Нет, возвращаться назад бессмысленно. Исправление ошибок возможно лишь при условии, если не наделаешь новых.

— Почему вы остановились? — донесся вдруг голос из каменной трубы.

— Где вы? — спросил Дьондюранг раздраженно.

— Почему вы остановились? Ведь вы биокибер?! Прекрасно можете обходиться без освещения. Или я ошибаюсь? — в лицо Дьондюрангу плеснула яркая волна, ослепив его, и он сразу же попросил выключить фонарь.

Дьондюранг, максимально увеличив вольтаж на клеммах зрительного анализатора, увидел в узком просвете лицо. Человек был уже без шлема.

Во внутреннем кармане Дьондюранга лежало дополнительное приспособление биоманитной ориентации и зажигалка. Он чувствовал, как эти маленькие предметы мешают ему продвигаться.

— Повернитесь на левый бок, — посоветовал ему хриплый старческий голос. — А потом вообще ложитесь на спину и делайте постепенно полный оборот. Идите винтом и не тратьте силы попусту.

Дьондюранг попробовал выполнить совет. Ему и вправду легко удалось завалиться на левый бок, на спину и продолжать двигаться, как определил его проводник, — винтом.

Преодолев остаток пути и вывалившись из отверстия прохода, Дьондюранг увидел незнакомца. Тот сидел без скафандра на плоском камне посреди большого зала. Над ним спускался с потолка уродливый сталактит.

— Кто вы? — спросил незнакомец.

— Биокибер Дьондюранг.

— А меня зовут Астрал. Космоисследователь Астрал.

— На астероиде сейчас находится какая-то экспедиция?

— Нет, только ваша.

— Я не участник экспедиции, — вяло улыбнулся кибер. — Я прилетел сюда сам по себе, на межпланетном такси.

— Вот как... — Астрал удивился, но старался воспринимать все как должное. — Как вам... эта чертова глотка?

— Сказать по правде — жутковато, — ответил Дьондюринг. — А почему вы сняли скафандр?

— Разве не чувствуете? Здесь достаточно кислорода.

— Это одна из тайн астероида?

— Никаких тайн. Просто в соседнем зале стоит генератор кислорода. Я здесь живу.

— И давно?

— Давно... Идемте дальше.

И они снова пошли. Теперь ход был слишком широким, шагало по нему легко.

В правой руке Астрал держал фонарь, в левой — скафандр, волочившийся за ним по полу, напоминая шкуру неведомого зверя.

В следующем зале Дьондюринг увидел каменный стол, вытесанный из большого сталагмита. Слева виднелся большой грот, приспособленный под шкаф, с каменными полками. Рядом с гротом — калориферная печь и семь канистр от горючего Бакса. Правее стола — голубые реторты генератора кислорода, а неподалеку — в беспорядке — хозяйственная утварь, а дальше опять небольшой грот в роли книжного шкафа.

Астрал подошел к генератору и, склонившись над ним, щелкнул чем-то. И сразу же с высоченного потолка полился яркий, чуть голубоватый свет. Дьондюринг даже прищурился.

— Вы прекрасно устроились. Здесь даже уютно. Но мне непонятно, что вы делаете на астероиде.

— Живу после собственной смерти.

— Простите, как вы сказали?

— Да-да, вы не ослышались. Для них я уже умер.

— Для кого?

— Для всех, кого нет в этом зале.

— Простите... Не понимаю.

— Ничего, поймете... надеюсь. У нас достаточно времени впереди... А какова цель вашего прилета сюда?

— Вас это может удивить, но я еще толком и сам не знаю, — доверчиво улыбнулся Дьондюринг. Перехватив удивленный взгляд Астрала, пояснил ему: — Видите ли, я летел на Инканский комбинат биокрибернетики для демонтажа. Но по пути почему-то взбрела в голову такая прихоть — выйти на этом астероиде.

— Странно, — усмехнулся Астралгал.

— Что странно?

— Да, собственно говоря, все странно... И наша встреча в этой пещере...

— А не могло это оказаться запрограммированным заранее? — воскликнул внезапно Дьондюранг.

— Что-о? А было бы забавно. — Астралгал улыбнулся. — Садитесь-ка к столу... Семь лет я никого не видел, и сейчас вы можете себе представить, что я чувствую, встретив вас... Я уже стар... Прежде был профессиональным космоисследователем, посвятил этому всего себя, но потом пришло время оставить полеты. Наступила старость. Жить без любимого дела показалось мне бессмысленным... И не хотелось отягощать собою никого. Решил затеряться в глубинах вселенной, которой служил, сгореть, как легендарный Редин... Но не хватило сил сознательно прервать свою жизнь... И вот я в этой пещере... А чем вы, простите, планировали питаться здесь, на астероиде? — спросил вдруг Дьондюранг.

— Я установил себе универсальный энзимный тракт, — ответил тот.

— О-о! Так, значит, уже создали? В мое время об этом лишь поговаривали.

Астралгал поставил на стол блюдо с пастой розового цвета и большую зеленую флягу, приглашая гостя к трапезе.

Дьондюранг сел и спросил Астралгала:

— Скажите, если не секрет, что вы оставили в мире людей и что нашли здесь, на астероиде?

Астралгал долго молчал.

— Думаете, так просто ответить вам? К тому же каждый день в какой-то мере меняет прежние взгляды... Семь лет назад я мыслил совсем иначе... Короче говоря — оставил жену, которая меня любила и которую я любил. Жаль теперь, что степень, меру этой любви я оценил только здесь. Оставил взрослых детей — сына и дочь... А нашел лишь утраченную зависимость от суровых условий. Я врос в эту пещеру и чувствую, как она направляет мою жизнь.

— Вы так нуждаетесь, чтобы вами кто-то руководил? — Дьондюранг поднес флягу к губам и отпил глоток. — Какой чудесный, ароматный напиток! Как вам в этой пещере удалось его синтезировать?

— Нет. Это фляга еще с Инканы... Она припасена для подобного необычного случая... А в возможность управлять собственной жизнью я не верю. Можно управлять кем-то, но собою — нет... Когда я был космоисследователем, то управлял могучими машинами, людьми, киберами, думал и был уверен тогда, что и собой тоже. Но теперь-то я точно знаю: это они руководили мной.

Я зависел от каждого из них. Когда пришло время оставить полеты, когда я стал принадлежать только себе, тогда почувствовал свое ничтожество...

— Позвольте, почему вы обыкновенную тоску по старым друзьям превращаете чуть ли не в философские постулаты? Почему?— не выдержав, воскликнул Дьондюранг.— И почему вы утверждаете, что сбежали на астероид, лишь бы почувствовать зависимость? Это неправда! Не нужно быть кибером, чтобы понять: вы хотели, как и раньше, продолжать чувствовать свою силу, свою самостоятельность. Разве не так? Вы, люди, все слишком плохо отличаете причину от следствия, утверждение от предположения, желание от потребности. Большинство людей нуждаются в одном, стремятся совсем к иному, а делают вообще невесть что... Или, может, вы что-то скрываете? Может, для бегства были еще какие-то основания?

Астрагал улыбнулся и протянул руку.

— Передайте мне, пожалуйста, флягу... Да, с вами трудно не согласиться. Но и ваше появление на этом астероиде не назовешь вполне осмысленным, целесообразным.

— Что поделаешь.— Дьондюранг вздохнул.— Я тоже несовершенен. Но, по крайней мере, никогда не лицемерю. А вы порою ищите и не хотите находить, находите, чтоб было что терять, теряете, лишь бы оплакивать утрату. Для вас кажется слишком простым, даже недостойным человека ценить то, что имеешь... Я всю жизнь посвятил изучению человеческой природы...

— И что же вам удалось узнать о нас?— грустно улыбнулся Астрагал, прислонившись спиной к голубому шероховатому камню.

— Люди очень часто совершают глупости, которые ничем нельзя объяснить.

Астрагал вдруг громко рассмеялся:

— Вы делаете осмысленные глупости, мы — глупости неоправданные, но главное в том, что и вы, и мы далеки еще от совершенства, не так ли?

— К сожалению, именно так.— Дьондюранг усмехнулся.

Они долго сидели молча, каждый по-своему оценивая встречу, думая о тайне бытия, о людях и киберах, об огромной сталактитовой пещере, ставшей, должно быть, последним их пристанищем.

— Однажды,— нарушил молчание Астрагал,— узнав, что траектория нашей очередной экспедиции будет проходить через Гарию, моя жена, моя Тилия...— Он вдруг умолк, грустно улыбаясь.— Так вот, моя Тилия попросила меня привезти гарского перца. Я говорил ей, что у меня не останется времени, чтобы достать этот редкостный продукт. Но Тилия так просила, так

умоляла... И я привез. На сто пятьдесят семь часов задержал четыре межпланетные машины на Гариин, но достал. Привез. И она действительно была счастлива как ребенок. Но перец тот, редкостный гарский перец весь до последнего стручка сгнил на кухне...— Астралал неожиданно рассмеялся.— Сначала она хотела его законсервировать. Потом решила приготовить рец. Но каждый день выкидывала стручок за стручком, которые становились мягкими и начинали дурно пахнуть. Она даже с сожалением причмокивала над каждым. Я так ничего и не понял толком. Зачем он ей понадобился? А когда спросил, почему он гниет на кухне и нужен ли он вообще, она лишь небрежно бросила: "Не будь мелочным, тебя это отнюдь не украшает!" Вот наглядная иллюстрация к вашим словам и наблюдениям,— рассмеялся Астралал.— И что интересно, этот случай я вспоминаю здесь чаще всего. Семьдесят два года супружеской жизни оставили в памяти наиболее ярким именно этот эпизод. Смешно? Знаете, а мне опять захотелось к людям. Вы пробудили во мне желание жить, воскреснуть...

— И опять вы позволили себе лицемерное утверждение. Не я пробудил в вас желание жить с людьми. Скажите мне по-честному — сколько лет вы выходите из этой пещеры в надежде встретить людей?..

Дьондюранг отхлебнул еще глоток из зеленой фляги.

— Теперь мне понятно, почему так внезапно в кабине межпланетного такси мне пришло в голову взять курс на астероид Лазурных Сталактитов. Я уловил призыв вашего биополя. Вы думали о людях, вы мечтали их увидеть. Вы нуждаетесь в помощи. Разве не так? Мы с вами оба должны вернуться к людям. Вспомните Сандра:

Но все равно ты должен возвращаться.
Хотя всю жизнь старался убежать...

— Как вы себе представляете наше возвращение?— грустно улыбнулся Астралал.

— Пока еще никак. Согласитесь, не мог мой центральный анализатор придумать такую несуразность, как явиться сюда только затем, чтобы вместе с вами перестать функционировать в этой прекрасной пещере. Я убежден, существуют какие-то факторы, которые еще не могут быть оформлены в виде программного приказа или мысли. Нам остается ждать и верить: мы возвратимся к людям. И, знаете, сегодня я счастлив!— Дьондюранг громко, радостно рассмеялся, и смех его, неудержимый и искренний, который присущ только киберам, без малейшей фальши, передался Астралалу.— А теперь спать! И верить — все к лучшему. Все к лучшему!

«ЭКСПОНАТ»

Они сидели на холодной каменной скамье возле генератора кислорода, стараясь найти причину неисправности. Третий час уже мигала сигнальная лампочка, оповещающая об опасности. В пещере уменьшалось количество кислорода.

— Никогда не подумал бы, — подчеркнуто спокойным тоном сказал Астралгал. — Эта машина практически вечная. А что на мою жизнь ее хватит, ничуть не сомневался. — Его старческие морщины вокруг глаз стали глубже, он напряженно посматривал на аварийный сигнал над голубой ретортой.

Громадный пещерный зал впервые показался обоим злоеющим. Голубые сталактиты мечами свисали над ними.

— Если не найдем причины, через несколько часов — конец.

— Я не могу поверить, что все так бессмысленно закончится.

— Когда-то вы обещали, что мы вернемся к людям. — Астралгал отвел взгляд от генератора. — Но все произойдет значительно проще. Вам не удастся мне помочь. — Астралгал старался говорить спокойно, но внезапно сорвался на крик: — Ну найди хотя бы причину! Почему падает уровень кислорода? Я хочу знать! За чем ты обещал, что мы вернемся?!

— Вы уже потеряли надежду?

— Издеваешься? — почти со злостью закричал Астралгал и надрывно, по-старчески закашлялся.

— Никто не знает, что произойдет час спустя, — спокойно ответил Дьондюранг.

— Я, я знаю! Можешь выбросить свою дурную кибернетическую кубышку. Она уже не скажет ничего разумного. Я знаю, что будет через час!

— Напрасно, — спокойно продолжал кибер. — Припомните, вы умерли семь лет назад. Вы уже старый. Вы не хотели быть в тягость никому. Подумайте, стоило ли умирать тогда, чтобы сейчас так бояться за свою жизнь?

И вдруг Дьондюранг замолчал. Он прислушался. Стены пещеры донесли до него отраженные звуки, которых не мог слышать Астралгал. И звуки эти воспринимались Дьондюрангом, как музыка любимого Лактариуса. Это была музыка человеческих шагов. Не понимал еще толком ничего, но отчетливо слышал: шаги приближаются. Его охватило радостное возбуждение.

— А если допустить, что на астероиде высадилась очередная экспедиция?

— Как вас понимать? — Старик в недоумении вскинул брови.

— Исследователи могли пробурить отверстие в своде нашей пещеры, создав с естественным выходом единую систему оттока.

Во взгляде Астралгала засветился живой огонек:

— Да-да, генератор кислорода не мог отказать, он работает нормально. Я тоже думал об этом.— Ему стало стыдно за свою недавнюю слабость.— Нужно отправиться на разведку. Где мой костюм?

— Подождите,— спокойно предложил Дьондюранг.— Через несколько минут люди сами придут сюда,— сказал и заметил, как задрожали руки Астрала.

Оба они сидели на холодной каменной скамье и напряженно всматривались в треугольный абрис пещерного входа, откуда могли появиться люди. Сверху струился яркий фиолетовый свет, голубые сталактиты искрились всеми цветами спектра.

— Я слышу,— выдохнул Астрал.

— Шаги?

— Да.

И вот наконец они увидели людей. Их было семеро. Выйдя из-за крутого поворота в яркий освещенный зал, люди остановились. Пятеро из них — в форме агентов экстренного розыска.

Дьондюранг понял, что они идут к нему. Это не экспедиция. Агенты экстренного розыска нашли его, биокибера Дьондюранга, который восемь лет назад скрылся от неизбежного демонтажа.

Но почему сейчас? Почему не сразу после исчезновения? Почему не на Инкане, в отеле “Дзябран”? Неужели не могли найти его за семь лет, пока он жил на Земле и писал книги? Почему именно сейчас?

Люди в зеленых скафандрах медленно приближались. Утешала единственная мысль, что он своим появлением помог Астралу вернуться к людям.

Зеленые скафандры приближались.

Теперь для него — биокибера Дьондюранга — наступал конец. Его демонтируют. Он посмотрел на голубые сталактиты, на маленький родничок, журчащий в гроте, на высокие своды пещеры и вдруг до боли отчетливо ощутил красоту всего окружающего.

— Да-а, лишь осознав свою эфемерность, можно по-настоящему полюбить жизнь,— произнес он тихо.

— Что?— спросил его Астрал.

Но к ним уже подходили люди. ЛЮДИ!

Долгая немая сцена. Ожидавшие и подошедшие смотрели друг на друга. Астрал тяжело дышал. Дьондюранг вяло, как обреченный, подошел к генератору и протянул старому космоисследователю гибкий шланг, из которого шел кислород. Тот благодарно улыбнулся, кивнув головой, и поднес шланг к лицу. Дьондюранг старался не встречаться взглядом с людьми, которые рассматривали его через пирамидальные шлемы.

Один бородач решительно откинул шлем своего скафандра:

— Так здесь и вправду достаточно кислорода...

Астрагал едва сдерживал себя, чтобы не броситься к людям с объятиями, поцелуями, не терпелось наговориться за долгие годы молчания. Сдерживал себя, стараясь сохранить солидность.

Все остальные быстро разгерметизировали скафандры. Дьондюранг заметил среди них одну женщину. К великому своему удивлению, он узнал в ней Ларту Варич.

— Наконец-то мы вас разыскали,— удовлетворенно сказал бородатый Дьондюрангу.— А вы кто?— обратился он к Астрагалу.

— Я биолог, профессиональный космоисследователь... в прошлом. Зовут меня Андрей Астрагал...

— Это ваша книга об экспедиции на Центурию?

— Да, моя. Очень приятно слышать, что вы читали ее.

— А в этой пещере, видимо, собираете новый материал для следующей? Исследуете загадочные синие сталактиты? Вы, говорите, геолог?

— Биолог.

— Вы прекрасно расположились в этой пещере. Я вижу, на этом астероиде действительно есть чем полюбоваться,— в восхищении осматривался бородач.

— По решению Инканского совета здесь скоро создадут музей,— обратилась женщина к Дьондюрангу.— Ты, вероятно, этого не знаешь... Этот астероид — жемчужина природной красоты. И наша обязанность — сохранить ее от саморазрушения. Охраняя, изучать ее тайны...

— Но для начала вы нарушили равновесие газового обмена. В пещере резко падает уровень кислорода,— предупредил гостей Дьондюранг.

— Простите, мы и вправду повели себя несколько бесцеремонно, но мы никак не ожидали встретить здесь человека.— Бородач внимательно разглядывал Астрагала, потом, повернувшись к подчиненным, с присущей для их службы строгостью приказал: — Немедленно восстановить герметичность пещеры!

Трое быстро направились выполнять приказание.

— Скажите,— тихо попросил Астрагал.— Я вижу, вы в форме агентов экстренного розыска. Значит, вы не экспедиция?

— Мы вот к нему.— Бородач взглянул на Дьондюранга, усталое опустил на каменную скамью и спросил женщину: — Теперь вы довольны, Ларта? Позвольте нам отдохнуть.

Дьондюранг стоял возле каменного стола, скрестив руки на груди. Ларта подошла к нему и остановилась, потом медленно протянула свою красивую руку, Дьондюранг рефлекторно отпрянул назад.

— Вы меня боитесь? Дьондюранг, почему вы меня испугались?

— Я боюсь не вас, а... тьмы.

— Какой тьмы?

— Той, что мне сейчас будет дарована...

Но сообразив, что Ларта протягивала руку для приветствия, с открытой ладонью, смутился, не зная, как исправить положение.

— Я вижу, ты удивлен и испуган, Дьондюранг. Я сейчас все откровенно тебе расскажу. Ты был нашим экспериментальным образцом. Твой центральный анализатор совершенно новой, уникальной конструкции, практически идентичен человеческому мозгу. В левую церебральную полусферу вмонтирован специальный генератор импульсов, не воспринимавшихся тобой. Мы постоянно следили за тобой и фиксировали любое твое передвижение...

— И как же вы планируете закончить эксперимент?— тихо спросил Дьондюранг, внезапно почувствовав сильную вялость, безразличие ко всему.

Ему вспомнился комбинат, тихая зеленая улочка, по которой он вышел в мир людей и машин, чтобы выполнить свое назначение, и, выполнив, вернуться.

— Я хочу быть демонтированным,— произнес с трудом.— Я уже стар. И каждому, будь то человек или кибер, приходится возвращаться.

— Дьондюранг,— мягко и участливо сказала Ларта,— ты просто устал. Тебе еще рано думать о демонтаже.

— Ты думаешь, я просто утомился?

— Безусловно. В твоем голосе так много...

— Старости,— улыбнулся кибер.— Очень досадно, что я постарел.

— Дьондюранг, тебе нужно немного отдохнуть.

— Думаешь?— вновь горько улыбнулся он.— Тогда давайте я стану экспонатом будущего музея...

— Прости меня.— Профессор Ларта Варич прикрыла за собой пластиковую дверь и смущенно улыбнулась.

Дьондюранг открыл глаза. Он не слышал, как она вошла.

— Ты работаешь. И я всегда чувствую неловкость, мешая тебе. Ты уже почти месяц не выходишь.

— Мне здесь хорошо работается.

— Я часто завидую тебе.

— Человек не может завидовать киберу.

— Почему?

— Сама знаешь. Ведь я существую по твоим генным директам. Но теперь тебе не верится, что я создан тобой, что я — не человек.

— Да,— тихо подтвердила Ларта.— Но я скажу тебе... больше.

Дьондюранг насторожился.

— Ларта, лучше не говори ничего.

Женщина погрузилась и отвела взгляд.

— Ты изучаешь людей. А я делаю вид, что изучаю тебя, хотя мое присутствие здесь совсем не обязательно. Я давно могла бы вернуться...

Наступило молчание. Потом Ларта заговорила вновь:

— Я понимаю, мое состояние болезненное. Порой я всего страшусь. Понимаю, что должна вернуться на Инкану, но нет сил сделать это. Я все время хочу видеть тебя. Хочу слышать твой голос, читать все, что ты пишешь. Мне приятно сознавать, что ты и меня изучаешь, что ты интересуешься мною. И больше ничего. Что это? Разрушение старой системы условностей между человеком и кибером?

— У женщин несколько иные системы условностей, — попытался улыбнуться Дьондюранг.

— А тебе никогда не казалось, что ты человек? — спросила вдруг Ларта, не отводя взгляда.

— Нет, я знаю, что я биокибер.

— Но мог же ты предположить... Ведь ты больше, чем человек. Ты — воплощение всех человеческих идеалов.

— Оставь, Ларта. Мне приятней слышать такие слова невысказанными, поскольку их смысл, как смысл света, в постоянном развитии внутренних взаимопревращений. Масса покоя равна нулю.

— Дьондюранг, я больше не могу молчать...

Ларта подняла страдальческий взгляд. Дьондюранг никак не мог взять в толк, о чем еще хочет сказать эта взволнованная красивая женщина. Пожалуй, впервые в жизни не мог прочитать чужого взгляда. Но чувствовал: сейчас она произнесет слова не просто неожиданные, но, возможно, и страшные. Все его мускулы напряглись. Замер.

— Прошу тебя, выслушай. — Ее голос дрожал. — И прости, если сможешь. Я очень виновата перед тобой...

В это время по ту сторону толстой прозрачной стены, отделяющей грот от пещеры, появилась группа детей в голубых скафандриках. Шлемы у всех были откинuty за спину, некоторые держали их в руках. Остановились перед гротом и с удивлением смотрели во все глаза.

— Они земляне, — тихо произнес Дьондюранг.

На груди каждого красовалась эмблема — голубой шар в сетке параллелей и меридианов.

Молодой экскурсовод Ланц Лан приоткрыл прозрачную дверь и вошел в помещение музейного кабинета Дьондюранга.

— Разрешите? Сегодня к нам пожаловала туристская группа с Земли. Заходите, дети... В этом отделе нашего музея очень

интересный экспонат. Вы, безусловно, слышали, читали книги об уникальном биокибере, созданном на Инканском комбинате биокибернетики. Биокибер Дьондюранг сам изъявил желание стать действующим экспонатом нашего природоведческого музея. Это уникальнейшее произведение человеческого разума. Дьондюранг практически ничем внешне не отличается от человека, но по таким показателям, как объем памяти, острота анализаторов, физическая сила, скорость реакций, он намного превосходит человеческие возможности. Прошло уже много лет, как наш уважаемый Дьондюранг отработал запрограммированные часы. Сейчас этот уникальный кибер заинтересовался изучением человеческой психологии. Он не желает возвращаться на комбинат для демонтажа. Он чувствует в себе много сил и желает служить людям. За нашим Дьондюрангом продолжает вестись строгое научное наблюдение. Как раз сейчас на астероиде находится представитель комбината профессор Ларта Варич, создатель этого уникального биокибера. Есть ли у вас вопросы, дети?

Вопросов не было.

Дьондюранг и Ларта снова остались одни. Женщина долго не решалась продолжить разговор. Неожиданный приход экскурсантов словно отрезвил ее.

— Чем ты могла провиниться передо мной?

— Не знаю теперь, стоит ли говорить...

— Говори, Ларта, если начала.

— Ты вправе подумать, что я недостойна звания ученого, что я просто совершила преступление... Но, Дьондюранг, попытайся сначала понять меня не только разумом... Двадцать восемь лет тому назад я и вправду хотела создать биокибер с мультиаксонным строением политразонной квазиархитектоники... И даже верила, что мне это удастся... Но однажды... Однажды я спросила себя, чем будет отличаться такой биокибер от человека. Ответ напрашивался сам — лишь фактом искусственного создания.

Возможности человека по-настоящему не изучены до сих пор. Отдельные индивиды могут состязаться с современнейшими киберами. И мы не находим в них никаких аномалий. Можем только сказать, что у человека неисчерпаемые резервы. Мы увлеклись созданием и производством киберов, забыв о себе. Пришла мысль о бессмысленности создания того, что давно создано природой... Но моя тема была утверждена. А если бы ее и не утвердили, в то время не существовало ничего, что могло бы меня заинтересовать. Отказ от темы предопределял выбор другой, новой. Должна же я была чем-то заниматься.

Ларта умолкла, облизнув пересохшие от волнения губы:

— Ты, Дьондюранг, не кибер. Ты... человек.

Дьондюранг вздрогнул, как от удара.

— Да,— повторила Ларта,— ты — человек.

— Этого не может быть! — хрипло выжал из себя Дьондюранг.

Он смотрел на стройную фигурку профессора, на ее длинные золотистые волосы, словно видел впервые. — Посмотри мне прямо в глаза! — воскликнул он почти повелительно, заметив голубую опустошенность во взгляде Ларты.

Ему стало страшно. Что произошло? Еще никогда человеческий взгляд не казался ему таким безмолвным. И никогда он не чувствовал себя таким беззащитным.

— Этого не может быть! Зачем ты говоришь неправду? — закричал безумно, как не кричал ни разу. — Я до сих пор прекрасно помню тот последний конвейер, на котором осознал свое существование. Помню и мастера Имбрикатуса...

— Это фальсификация... Ты попал на последний конвейер по аварийному воздухопроводу... Я сама предварительно спровоцировала аварию и благоприятные условия для подмены. После трех инъекций дельта-глобулина Бера твой мозг стал абсолютно чистым от малейших остаточных потенциалов прежней памяти. Никто, даже мастер Имбрикатус, не заметил замены под седьмой экспериментальной ретортой...

— И ты не стыдилась смотреть мне в глаза? Кем же я был раньше?

Ларта долго молчала, собираясь с духом.

— Тебя звали Ярославом Ставичем. Ты был командиром "Цереры". Ты и почти весь твой экипаж погибли в две тысячи девятьсот пятидесятом году при повреждении блока деклимации. Но ваш сигнал о помощи приняли... Вас нашли. Кое-кого удалось спасти, некоторые навсегда остались в глубинах вселенной.. Прости...

— Неужели ты говоришь правду?

Ларта опустила глаза и медленно пошла к двери...

"Тогда ветка стучала в мое окно. Это было так давно. Я жил на втором этаже гостиничного комплекса "Биокибероза". Я чуть было не вышел из строя в тот вечер. Вроде бы я все уже знал о мире, меня окружавшем. Вернулся после первого рабочего дня поздно, а ветка начала стучать в мое окно. Меня охватил необъяснимый страх. Хотя я и знал, что это простая ветка. Но уверенности не было. Специалисты потом объяснили, что так проходит период адаптации. Неуверенность порождает страх.

Вот и сейчас. Просто формальность, хотя и драматичная, всем давно ясно: не существует принципиальной разницы между разумными существами искусственными и естественными. Только и всего, что естественные руководят, кому-то надо руководить. И создают себе подобных люди немного иначе. Но это просто традиция. При желании люди могли бы сходить с конвейера, как и биокиберы. Просто люди любят придерживаться традиций.

Но неужели это правда? Всю жизнь смотрел, изучал и даже в глубине существа чувствовал какое-то превосходство, как над более слабыми, и своеобразную любовь к ним... И вдруг... бах, и ты сам такой же... И сразу совсем иные мысли стали приходить. Другими глазами смотрю на мир, хотя равным счетом ничего не изменилось. Самый верный способ борьбы — умение сделать противника сообщником, заставить воспринимать мир по-своему.

Неужели это правда? Но ведь я вижу в темноте. Хотя... человеческий глаз реагирует даже на один квант света, а глаза ночных животных на Земле и на инфракрасное излучение... А припомни встречу со слепым Жалио. Поначалу я и не знал, что он слепой. Заметить было невозможно. Он совсем свободно держался. Правда, находился в окружении всего знакомого ему. Но разве мне не знакомо даже то, чего я никогда не видел? Я в состоянии мысленно моделировать вариант окружения быстрее, чем возникает необходимость действовать в этом окружении. И когда я спросил слепого Жалио, он ответил, что не чувствует никакой ущербности, просто он воспринимает мир, должно быть, иначе, чем большинство. Научился вести себя так, чтобы не привлекать постороннего внимания.

Универсальный энзимный тракт тоже не является отличием кибера. Обычная физиологическая операция.

Но что-то подсознательное не позволяет верить Ларте. Но почему? К чему ей такая ужасная ложь? Неужели она полюбила меня? Неужели выдумала всю эту историю, только бы убедить меня, да и себя тоже, что между нами нет барьеров? Женская чувственность? Больная психика? Или правда — любовь? Одно из великих таинств бытия. Любовь. Что это такое? Когда-то в древности люди говорили, что любовь — сила, которая движет миром. Может, так оно и есть. Иначе что же такое любовь? И какая сила движет миром?

Кто я? Кибер? Человек? При всей условности этого вопроса должен же быть и ответ на него?"

Дьондюранг подошел к столу и не спеша достал из ящика небольшую коробочку, обшитую коричневым ледром. Из нее вынул черную пластину с красным углублением в середине. Теперь стоит нажать на красное углубление, приложив пластину к груди, и все станет ясным. Если он человек — ничего не произойдет. А если биоккибер — случится то, что давно уже должно было случиться.

И он нажал... *Ларта — любовь — кибер, Ларта — любовь — кибер* — вспыхнуло несколько раз в сознании и затухло.

— Ну как? — спросил директор музея, дородный Мартин Реденблек.

Ларта болезненно улыбнулась.

— Я сказала ему, что он человек.

— Что с вами?— Реденблек удивленно смотрел на бледное лицо Ларты Варич.

— Не знаю. Мне кажется, мы не имели права... поступить с ним...

— Что, не имели права обмануть кибера? Хотите оставить это право исключительно для людей?

— Страшно...

— Что с вами?

— Не знаю... Давайте прекратим. Мне кажется, что случилось что-то страшное...

— Бросьте.

— Если бы вы видели его глаза в тот миг. Он был способен на все. Пойдемте! Вы сами объясните причину моего обмана. Мне он больше не поверит. Идемте! Я не могу одна... Он так похож на Ставича...

— На кого? А-а-а... Ваш муж был командиром "Цереры"... Моя жена не вспоминала б меня через столько лет... Или для этого нужно исчезнуть навечно?— Мартин Реденблек засмеялся, но заметив, что Ларта плачет, резко оборвал неуместный смех.

Лицо Дьондюранга спокойно и строго, подобно маске. Он неподвижно лежал на каменном полу.

— Что вы ему сказали?— Реденблек мрачно стоял над телом.

— Что он человек...

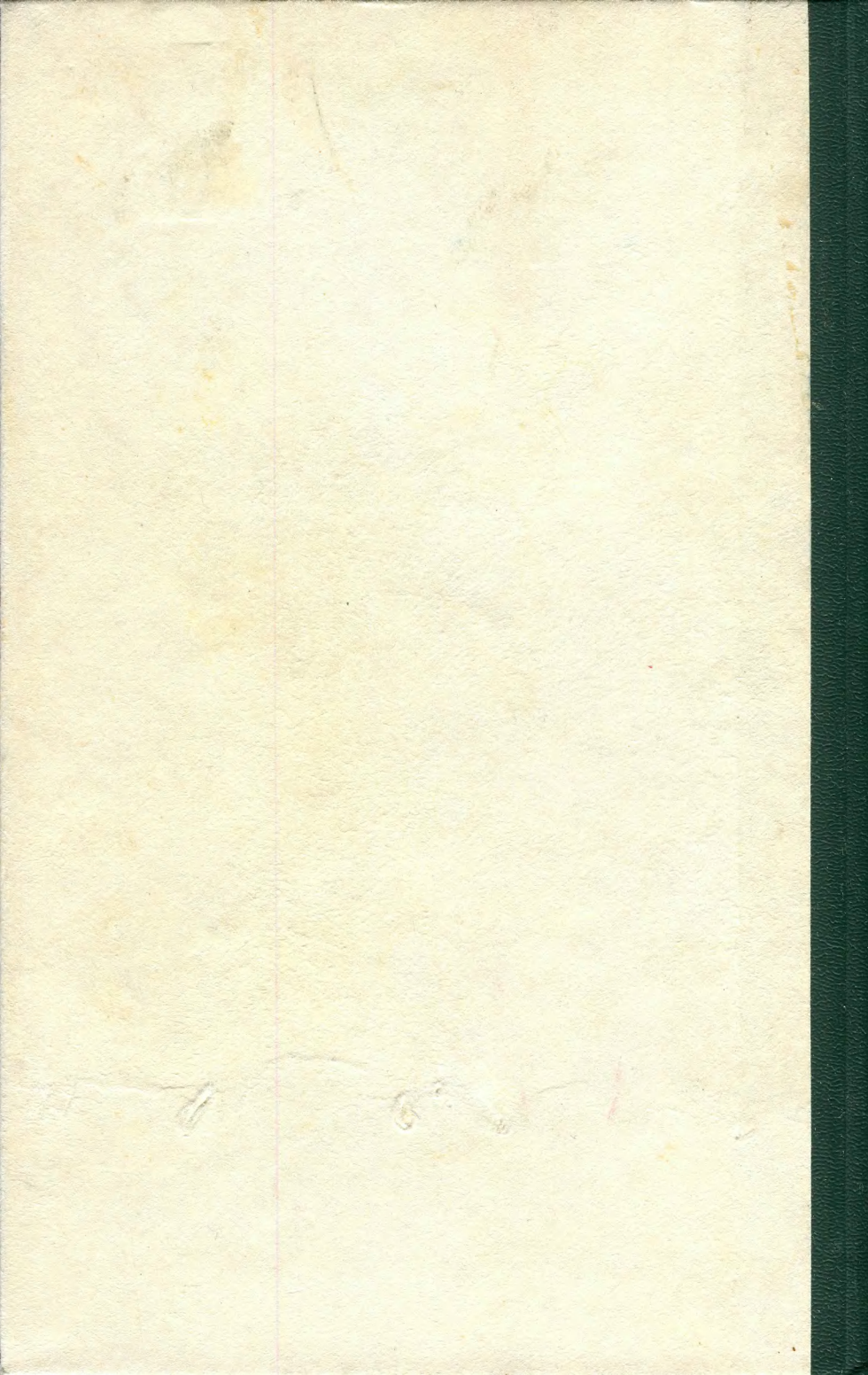
— Простите, но если б вам сказали, что вы кибер, неужели это заставило бы вас наложить на себя руки? Итак! Я глубоко убежден, что сам этот факт...

Ларта расплакалась неудержимо, как ребенок.

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЕВ СЕРГЕЙ	
Космос душ человеческих	4
Стихотворение	
БУЛЫГА СЕРГЕЙ	
Дикенц. Рассказ	6
Манефа. Рассказ	13
Конный пешему товарищ. Рассказ	17
ГОЛОВАЧЕВ ВАСИЛИЙ	
Особый контроль. Роман	26
ИВАНИЧЕНКО ЮРИЙ	
Выборный. Повесть	293
КАЗМЕНКО СЕРГЕЙ	
Мне здесь не нравится. Рассказ	399
СОЛОВЬЕВА ВАЛЕНТИНА	
Мост. Рассказ	414
СЛАВИНСКИЙ НИКОЛАЙ	
Творец Инканы	425
ТЕСЛЕНКО АЛЕКСАНДР	
Пылесос истории. Повесть	431
Дьондюранг. Повесть	471
Перевод с украинского Е.Цветкова	

ФАНТАСТИКА

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ